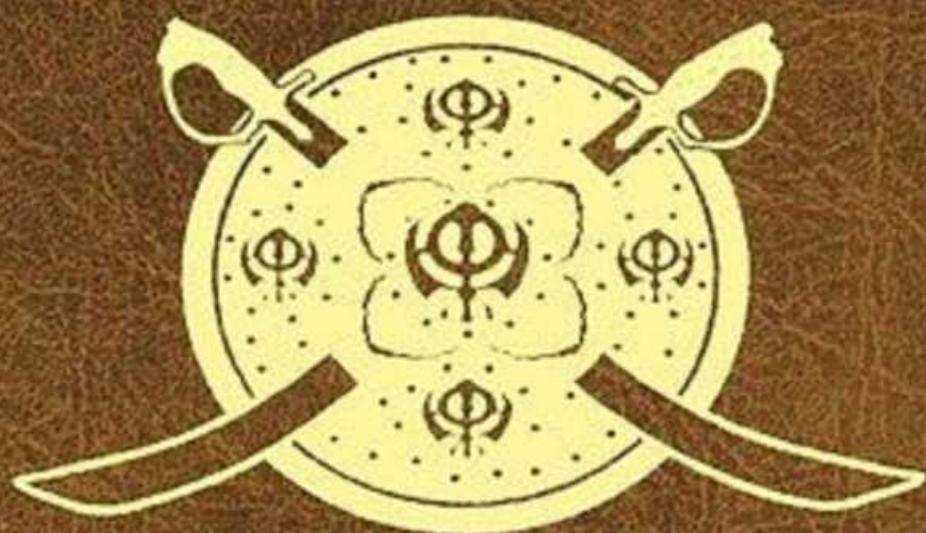

К. А. Фурсов

ЛЬВЫ ПЯТИРЕЧЬЯ

СИКХИ – ВЕЛИКИЕ ВОИНЫ АЗИИ

K. A. Fursov

**THE LIONS
OF THE FIVE RIVERS' LAND
THE SIKHS – ASIA'S GREAT WARRIORS**

KMK Scientific Press
Moscow ❖ 2011

К. А. Фурсов

ЛЬВЫ ПЯТИРЕЧЬЯ
СИКХИ – ВЕЛИКИЕ ВОИНЫ АЗИИ

Товарищество научных изданий КМК
Москва ❖ 2011

УДК 294.55
ББК 86.33(5Инд.)
Ф 95

Рецензенты:

Л.Б. Алаев — д.и.н., проф., главный научный сотрудник
Института востоковедения РАН, профессор МГИМО(У) МИД
М.С. Мейер — д.и.н., проф., директор Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

Ф 95 **Фурсов К.А.**

Львы Пятиречья: сикхи — великие воины Азии. — М.: Товарищество научных изданий КМК, 2011. — 474 с.

В монографии впервые в отечественной науке излагается подробная история конфессиональной общины сикхов Панджаба в XVI — середине XIX в. с акцентом на политический и военный аспекты этой истории. Хронологические рамки работы — три с половиной столетия от возникновения в Панджабе сикхизма до включения этой страны в Британскую Индию. Автор рассматривает факторы превращения сикхской общины в боевую машину и вызревания независимой Панджабской державы в недрах мусульманского Могольского султаната, выделяет и прослеживает этапы пути сикхов к обретению независимости и созданию собственной империи, а также причины драматического столкновения Панджабской и Британской империй. В книге рассказывается о репрессиях могольских властей против сикхов в XVII–XVIII вв., об их стойком сопротивлении Моголам, персам и афганцам в XVIII в., о собирании Панджаба под властью Ранджит Сингха в начале XIX в. и о двух англо-сикхских войнах 1840-х годов — одних из наиболее тяжёлых в истории военного столкновения афро-азиатских обществ с европейским колониализмом.

История сикхской общины XVI — середины XIX в. представляет собой один из самых ярких в мировой истории примеров коренной трансформации религиозной общины в милитаризованное сообщество и создания ею собственного княжества, а затем империи. Соответственно, претерпели эволюцию идеи, скреплявшие общину: от идеи ненасилия своего первого гуру — Нанака (1469–1539) сикхи перешли к идее воздаяния злом за зло. Эту идею окончательно утвердил десятый гуру Гобинд Сингх, выковавший в конце XVII в. сикхскую военизированную общину — хальсу. Эта община стала и по сей день остаётся орудием сикхов в борьбе за выживание.

К.А. Фурсов — к.и.н., старший научный сотрудник Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, автор более 10 публикаций, включая монографию «Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями» (М., 2006).

*Монография написана при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 09-01-93223к/К)*

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

ISBN 978-5-87317-721-9

© К.А. Фурсов, текст, 2011
© Т-во научных изданий КМК, издание, 2011

*Они львы и храбры на поле боя подобно львам...
Если хотите научиться воинскому искусству,
станьте с ними лицом к лицу на поле боя. Они
покажут его вам так, что снищут всеобщую
похвалу... Если не знаете языка хиндустани, слово
«сингх» означает «лев». Это правда, в битве они
подобны львам...*

Кази Нур Мухаммад, враг сикхов

Содержание

Введение	10
Глава I. Гуру и Грантх: Возникновение сикхизма (XVI в.)	14
I.1. Предпосылки рождения новой религии	14
I.2. Первый гуру Нанак Дэв (1469–1539)	20
I.3. Второй гуру Ангад Дэв (1539–52)	35
I.4. Третий гуру Амар Дас (1552–74)	38
I.5. Четвёртый гуру Рам Дас (1574–81)	45
I.6. Пятый гуру Арджан Дэв (1581–1606)	47
Глава II. От новой религии к новой политике (XVII в.)	62
II.1. Шестой гуру Харгобинд (1606–44)	62
II.2. Седьмой гуру Хар Раи (1644–61)	72
II.3. Восьмой гуру Хар Кришан (1661–64)	74
II.4. Девятый гуру Тег Бахадур (1664–75)	76
Глава III. Сабля против гнёта: Рождение хальсы (конец XVII – начало XVIII в.)	85
III.1. Десятый гуру Гобинд Сингх (1675–1708)	85
III.2. Банда Бахадур	141
Глава IV. На пути к свободе: Борьба с Моголами, Надир-шахом и афганцами (вторая – третья четверти XVIII в.)	159
IV.1. Борьба с Моголами и Надир-шахом	159
IV.2. Борьба с афганцами	175
Глава V. На пути к империи: Период мисалов (вторая половина XVIII в.)	203
V.1. Мисалы Маджхи и Мальвы и их усобицы	203
V.2. Княжества клана Пхулкиа и их войны с соседями	217
V.3. Ранние годы правления Ранджит Сингха и отпор Заман-шаху	224

Глава VI. Лев Панджаба: Саркар Ранджит Сингх (1799–1839)	231
VI.1. Объединение страны и создание империи	231
VI.2. Армия и управление при Ранджит Сингхе	270
VI.3. Личность Ранджит Сингха и его роль в сикхской истории	294
Глава VII. Схватка двух львов: Сикхи против британцев (1839–49)	307
VII.1. Усобицы и царубийства (1839–45)	307
VII.2. Первая англо-сикхская война (1845–46)	335
VII.3. Вторая англо-сикхская война (1848–49)	361
Заключение	401
Глоссарий	432
Приложение I. Сопоставительная хронологическая таблица «Сикхи и мир»	440
Приложение II. Генеалогические древа династий гуру Рам Даса и саркара Ранджит Сингха	454
Список использованных источников и литературы	456
Summary	463

Contents

Introduction	10
Chapter I. The Guru and the Granth: The emergence of Sikhism (the sixteenth century)	14
I.1. Prerequisites of the birth of a new religion	14
I.2. The first Guru Nanak Dev (1469–1539)	20
I.3. The second Guru Angad Dev (1539–52)	35
I.4. The third Guru Amar Das (1552–74)	38
I.5. The fourth Guru Ram Das (1574–81)	45
I.6. The fifth Guru Arjan Dev (1581–1606)	47
Chapter II. From the new religion to the new polity (the seventeenth century)	62
II.1. The sixth Guru Hargobind (1606–44)	62
II.2. The seventh Guru Har Rai (1644–61)	72
II.3. The eighth Guru Har Krishan (1661–64)	74
II.4. The ninth Guru Tegh Bahadur (1664–75)	76
Chapter III. The sword against the yoke: The birth of the Khalsa (late seventeenth – early eighteenth century)	85
III.1. The tenth Guru Gobind Singh (1675–1708)	85
III.2. Banda Bahadur	141
Chapter IV. On the way to freedom: The struggle against the Mughals, Nadir Shah and the Afghans (the second and third quarters of the eighteenth century)	159
IV.1. The struggle against the Mughals and Nadir Shah	159
IV.2. The struggle against the Afghans	175
Chapter V. On the way to empire: The period of the misals (the second half of the eighteenth century)	203
V.1. The misals of Majha and Malwa and their intestine wars	203

V.2. The polities of the Phulkia clan and their wars with neighbours	217
V.3. The early years of Ranjit Singh's reign and the repulse to Zaman Shah	224
Chapter VI. The Lion of the Panjab: Sarkar Ranjit Singh (1799–1839)	231
VI.1. The unification of the country and the creation of an empire	231
VI.2. The army and the administration under Ranjit Singh	270
VI.3. The personality of Ranjit Singh and his role in the Sikh history	294
Chapter VII. The combat of the two lions: The Sikhs against the British (1839–49)	307
VII.1. Intestine wars and regicides (1839–45)	307
VII.2. The first Anglo-Sikh war (1845–46)	335
VII.3. The second Anglo-Sikh war (1848–49)	361
Conclusion	401
Glossary	432
Appendix I. Comparative chronological table «The Sikhs and the world»	440
Appendix II. Genealogical trees of the dynasties of Guru Ram Das and Sarkar Ranjit Singh	454
Bibliography	456
Summary	463

Введение

Своим появлением эта книга в немалой степени обязана моей поездке в индийский штат Пенджаб в январе — феврале 2007 г. В частности, я побывал в религиозной столице сикхов городе Амритсар, собственными глазами увидел главный в мире храм сикхов — Хари Мандир, услышал впечатляющее чтение под музыку их священного писания — книги Гуру Грантх. Поездка многократно усилила мой интерес к Пенджабу, сикхам и сикхизму.

Даже по меркам Востока, где немало удивительного и неповторимого, сикхи — уникальная религиозно-этническая группа. Начать с того, что сикхизм — это единственный пример возникновения религии на основе сплава индуизма с исламом. Сикхизм возник на стыке, на границе двух религий не только в духовном, но и в географическом смысле. Его родина — северо-запад Южной Азии, страна Пенджаб (по-персидски «пять вод», «пять рек») на стыке ареалов расселения мусульман и индуистов. После раздела Пенджаба при образовании Индии и Пакистана в 1947 г. основная часть сикхов оказалась в индийском штате Пенджаб. В этническом отношении именно пенджабцы составляют подавляющее большинство приверженцев сикхизма (хотя большинство этого народа исповедует ислам, поэтому живёт в пакистанской провинции Пенджаб). Само название «сикх» происходит от санскритского *шишья*, «ученик», т.е. человек, следующий учению духовных наставников — гуру. Основатель сикхизма — гуру Нанак (1469–1539). История сикхизма насчитывает всего пять столетий, т.е. это сравнительно молодая религия. Тем не менее сикхи успели превратиться в сплочённую общину, а по численности адептов это пятая религия в мире (26 млн. человек).

Сикха невозможно спутать ни с кем. Подавляющее большинство мужчин-сикхов в знак принадлежности к своей общине носят пять особых атрибутов (правило пяти «к»): длинные волосы, усы и бороду, которых никогда не стригут; гребень в волосах, который помогает аккуратно уложить их; стальной браслет на правом запястье; штаны особого покроя; кинжал (или хотя бы его изображение). А составной частью имени почти каждого мужчины-сикха является слово *Сингх* — «лев».

Доля сикхов в населении Индии — менее 2%. Однако в экономической, военной, политической жизни страны их община играет непропорционально большую роль и занимает видное место в нынешнем подъёме Индии как одной из ведущих держав мира.

Велико значение Панджаба в экономике. Страна пяти рек — одна из самых плодородных областей в мире. Этот штат по праву называют «житницей», «хлебной корзиной» Индии (20% производства пшеницы в стране, прежде доля доходила до 40%). В 1960-е годы Панджаб был одним из основных ареалов «зелёной революции». Уникальна и столица Панджаба — Чандigarh. Это единственный «регулярный» город в Индии, а планировал его не кто иной, как Ле Корбюзье.

Широко известные своим трудолюбием, сикхи превратили Панджаб в штат с самым высоким в Индии доходом (втрое выше среднего по стране), с самой низкой долей бедных (всего 6% населения) и лучшей в Индии сетью инфраструктуры. Сикхи — не только хозяйственные крестьяне, но и предприимчивые торговцы.

Панджабцы вообще и сикхи в особенности известны и своими воинскими традициями. Не случайно в вооружённых силах Индии на сикхов приходится 15% рядового состава и 20% офицеров. И это неудивительно: сикхи — народ воинов, как по своему духу (волевые, гордые, предприимчивые), так и по физическим кондициям — сикхи на голову выше среднего индийца, крепкие, широкоплечие; они вовсе не противники мясной диеты и не противники спиртного, что тоже отличает их от других религиозно-этнических групп Индии.

В истории индийской военной авиации единственным главным маршалом является именно сикх — Арджан Сингх (с 2002 г.). А нынешний (с 2004 г.) премьер-министр Индии Манмохан Сингх (архитектор экономических реформ 1990-х годов) — первый в истории страны глава правительства — сикх.

Немало сикхов среди учёных, инженеров, врачей. Доктор Нариндер Сингх Капани считается отцом оптоволоконной физики; профессор Пьяра Сингх Гилл (1911–2002) — один из участников Манхэттенского проекта.

Зона расселения сикхов не ограничивается индийским штатом Панджаб. Как в самой Индии за пределами Панджаба, так и по всему миру рассеяна многочисленная сикхская диаспора. В Панджабе живёт 76% всех сикхов, в Индии в целом — 83%. Немало сикхов можно встретить в Дели, Бомбее, Лакхнау и других городах и регионах Индии. Часто это предприниматели, инженеры, водители, полицейские.

Семнадцать процентов сикхов — это эмигрантские общины в США (700 тыс.), Соединённом Королевстве (400 тыс. человек — четверть всех выходцев из Южной Азии), Канаде (300 тыс.), Малайзии (100 тыс.), странах Южной Азии, Ближнего Востока, Западной Европы, Восточной Африки (особенно Кении), а также в Австралии. Сикхская диаспора имеет репутацию одной из самых экономически успешных в мире. Среди её видных представителей — Далип Сингх Саунд (1899–1973), первый азиат-американец, ставший конгрессменом США; Харбхаджан Сингх Самра и Дидар Сингх Баинс, круп-

ные землевладельцы Калифорнии, доминирующие на рынках бамии и персиков.

История сикхов — очень насыщенная и бурная, полная отчаянной борьбы против внешних врагов. В мировой истории немногие религии формировались в столь неблагоприятной обстановке, как сикхизм. Община почитателей гуру складывалась под самым боком у имперского Дели, как заноза в теле мусульманского Могольского султаната, что не могло не вести к конфликтам. Вместе с тем Страна пяти рек граничит с Афганистаном, что «гарантировало» многократный проход по ней чужеземных захватчиков из Центральной Азии и со Среднего Востока — тюрков, персов, афганцев. Расположение Панджаба в глубинах индийского субконтинента не уберегло сикхов и от столкновения с завоевателями, которые впервые в истории Южной Азии пришли из-за моря, — британцев.

Британский лев с трудом, но смог одолеть панджабского льва. Нельзя сказать, что все свои войны с индийскими княжествами британцы выиграли легко — были и тяжёлые войны, особенно с мощным княжеством Майсур. А во время англо-сикхских войн 1840-х годов владычество Великобритании на значительной территории Южной Азии вообще повисло на волоске. И если бы не предательство части сикхской верхушки, победить могли бы сикхи, что серьёзно пошатнуло бы позиции Ост-Индской Компании как правителя Индии.

Впрочем, и после своего поражения сикхи не склонили голов. Достаточно вспомнить Амритсарскую бойню 1919 г., которую устроили британцы, пытаясь (тщетно) усмирить вольнолюбивых сикхов.

Все враги, в борьбе с которыми сикхам приходилось отстаивать свою свободу и право на существование как религиозной общности, значительно превосходили их в силах. Речь идёт о султанате Великих Моголов, о грозных завоевателях с запада — персидском Надир-шахе Афшаре и афганском Ахмад-шахе Дуррани, о мировой Британской империи. В отчаянной борьбе с ними, вопреки всем угрозам, ковалась и закалялась община сикхов. Они поднимали голову снова и снова, упорно не давая себя сломить. Это удалось лишь Британской империи, но внутри неё сикхи получили должное признание своих выдающихся боевых качеств, став хребтом имперской армии в Индии.

Хотя сикхи играли и продолжают играть огромную роль в жизни Индии, русский читатель мало знает об этом народе¹, его судьбе. На русском языке

¹ Строго говоря, конечно, сикхи — не народ (не этнос), а религиозная (конфессиональная) община; подавляющее большинство их принадлежит к народу панджабцев. Однако сикхизм сыграл решающую роль в выделении сикхов как вполне самостоятельной общности (например, определив использование сикхами особой письменности и т.д.). Поэтому иногда я буду пользоваться термином «сикхский народ» в нестрогом смысле этого слова.

опубликовано несколько научных статей по узкой тематике, несколько монографий по отдельным аспектам сикхской истории и одна книга петербургских исследователей, которая даёт хорошее панорамное представление о сикхах, но с акцентом прежде всего на религию — их догматы, обряды, обычаи (см.: [Успенская, Котин, 2007]).

Цель моей работы — подробно рассказать читателю захватывающую историю «львиного народа» воинов с момента возникновения сикхской общины на рубеже XV–XVI вв. до включения Панджаба в Британскую империю в середине XIX в. Основное внимание уделено политическому и военному аспектам этой истории. Подчеркну, что моей целью не является рассмотрение сущности и истории сикхизма как религии; в фокусе моего интереса — сами люди, а не их вера. Разумеется, по необходимости мне придётся коснуться основ сикхской религии — в той мере, в какой это нужно для освещения событий истории общины. Выбранные мной хронологические рамки (последняя треть XV — первая половина XIX в.) определяются тем, что именно этот период сикхской истории наиболее богат и насыщен драматическими событиями.

ГЛАВА I

Гуру и Грантх: Возникновение сикхизма (XVI в.)

I.1. Предпосылки рождения новой религии

Сикхизм родился в одной из стран Индии — Панджабе¹. Панджаб (Пятиречь) — страна на северо-западе индийского субконтинента². Грубо говоря, она имеет вид треугольника. С двух сторон Панджаб обрамляют горы: с запада — Сулеймановы горы и Гиндукуш, с севера — тот же Гиндукуш, Каракорум и Шивалик — предгорья Гималаев. С востока страна ограничена между речьем Сатледжа и Ямуны.

В климатическом отношении Панджаб ввиду близости к Гималаям и удалённости от моря отличается значительными перепадами температур в течение года: зимой, по индийским меркам, холодно (средняя температура января — февраля составляет 10–13 °С); с апреля по июнь царит страшный зной (температура часто превышает 40 °С); в июле — сентябре жара отступает благодаря сезону муссонных дождей, но поскольку Панджаб — страна засушливая, здесь их выпадает гораздо меньше, чем в других частях субконтинента.

Пять рек, по числу которых называется страна, — это пять притоков р. Инд. С востока на запад: Сатледж, Беас, Рави, Ченаб и Джелам. Область между каждыми двумя реками (для «двуречья» в Индии используют опять же персидское слово, *доаб*) имеет своё название (обычно по первым звукам обрамляющих её рек). Двуречье между Беасом и Сатледжем называется (**Бист**)

---

¹ Именно так: регионы (области) Индии (которые в административно-территориальном отношении сейчас в целом совпадают со штатами) вполне правомерно называть странами. Использовать это сочетание не менее правомерно, чем «страны Европы». Слишком велики географические, этнические, культурные различия, да и в административном отношении Индия бывала единой в течение весьма коротких периодов своей истории.

² Чаще всего в книге будет идти речь о стране Панджаб в целом, как она существовала на протяжении почти всей своей истории, без учёта современной государственной границы между Индией и Пакистаном.

Джаландхарский доаб; между Беасом и Рави лежит **Бари** доаб; между Рави и Ченабом — **Рачна** доаб; между Ченабом и Джеламом — **Чадж** (или **Джеч**) доаб; наконец, между Джеламом и Индом — Синд Сагар доаб.

Джаландхарский доаб наименьший по площади, но наиболее густонаселён и развит в сельскохозяйственном отношении (как сейчас, так и в эпоху, о которой мне предстоит рассказать). Из крупных городов Панджаба здесь расположены Джаландхар, Султанпур, Картарпур. Бари доаб — крупнейший по площади; здесь находятся крупнейшие города страны — Лахор, Касур, Мултан, Амритсар. Остальные доабы населены менее плотно из-за малоблагоприятных географических условий. Рачна доаб отличается неплодородными землями; здесь находятся города Вазирабад, Сиалкот, Эминабад, Джханг. Чадж доаб — вообще полупустыня; города — Гуджрат, Шахпур, Бхера. Ландшафт пограничного с Афганистаном Синд Сагар доаба — пустыня и холмы; города — Атток, Рохтас, Джелам.

Области Панджаба, которые являются родиной сикхов, наиболее тесно связаны с их деятельностью и служат основной территорией их расселения, — это Маджха, Джаландхарский доаб и Мальва. Маджха — это центральная часть Бари доаба; диалект именно этой области служит сегодня эталоном для языка панджаби в прессе, на радио и телевидении. Мальва — область между Сатледжем и Ямуной.

Именно Панджаб (вместе с расположенной южнее страной Синд) был очагом древнейшей в истории Индии Хараппской цивилизации (III — начало II тыс. до н.э.). Здесь, на левом берегу Рави, южнее Лахора, сохранились развалины г. Хараппа. После раздела Британской Индии в 1947 г. они находятся на территории Пакистана.

Панджаб — один из самых интересных в мировой истории очагов цивилизационного взаимодействия (политического, экономического, военного, социального, этнического, культурного). С древних времён эта страна в силу своего географического положения служила воротами Индии: именно через Панджаб из Афганистана накатывались волны миграции, приходили завоеватели, мирные переселенцы, купцы, путешественники. В XV в. до н.э. и позднее через Панджаб в Индию приходили волны ариев. В VI–V вв. до н.э. север Панджаба побывал сатрапией персидского царя Дария I из династии Ахеменидов. (Жители Панджаба даже принимали участие в греко-персидских войнах.) В 327 г. до н.э. сюда пришёл Александр Македонский, которому оказали упорное сопротивление местные жители во главе с царём Пором и который с трудом разбил их в ожесточённой битве на реке Гидасп (греческое название Джелама). Александр дошёл до реки Беас (по-гречески Гифасис), но, как известно, его войско взбунтовалось и восточнее Панджаба не пошло. Любопытным результатом межцивилизационного взаимодействия стала в Панджабе гандхарская скульптурная школа, для статуй которой характерны

спадающие складками одежды (греческое влияние на скульптуру Индии). Вскоре после этого Страна пяти рек вошла в состав первой империи, которая охватила значительную часть Индии, — державы Маурьев. Торговым и культурным центром Панджаба выступал г. Такшашила (Таксила). На территории Панджаба найдены два из наскальных эдиктов царя Ашоки (III в. до н.э.).

Во II в. до н.э. западные доабы вошли в состав Греко-Бактрийской державы во главе с царём Менандром. В I в. до н.э. Панджаб подчинила династия Кушанов, империя которых при царе Канишке (II в.) включала часть Средней Азии и Синьцзяна, Афганистан, запад и север Индии, а столицей был г. Пурушапура (современный Пешавар). В V–VI вв. н.э. в Панджаб пришёл из Средней Азии индоевропейский народ белые гунны (эфталиты).

Почти все следующие волны завоевателей были мусульманскими. В начале VIII в. до Индии докатилась экспансия арабского халифата Умайядов, в состав которого вошла страна Синд (сейчас южная провинция Пакистана). Потом начали свои грабительские вторжения из Афганистана тюрки — султаны Махмуд Газневи (начало XI в.) и Мухаммад Гури (конец XII в.). Именно тюрки (раб-военачальник умершего Мухаммада Гури — Кутб-уд-дин Айбек) основали в 1206 г. Делийский султанат. В XIII — начале XIV в. наведывались в Пятиречье и монголы. В 1398 г. произошло нашествие Железного Хромца — Тимура-завоевателя, который, пройдя через Панджаб, разграбил Дели и нанёс смертельный удар и без того клонившемуся к упадку султанату тюркской династии Туглуков. Таким образом, Панджаб всегда находился на передовой линии контактов Индии с внешним миром (эти контакты и шли главным образом через северо-запад: общение по морю было ограниченным, а через Гималаи и Тибет не поконтактируешь).

В XV в. в Пятиречье шёл процесс складывания народа панджабцев. В религиозном отношении население уже поделилось на индуистов и мусульман, ислам занял прочные позиции на западе страны. В кастовом отношении господствующими группами в ряде районов были *раджпуты* (или группы, причислявшие себя к ним) — высокостатусные касты воинов-землевладельцев (в том числе мусульманские). В других районах Панджаба раджпутов как доминирующую сельскую касту к этому времени потеснила другая общность — *джаты*. Джаты были земледельческой и землевладельческой кастой. Они составляли основную массу крестьянского населения Панджаба и сопредельных стран Индии к востоку, а главы джатских кланов обладали в сельской местности реальной властью и выступали налоговыми посредниками между крестьянством и султанатом. Согласно концепции «двухэтажной (двухуровневой) собственности», разработанной известным отечественным индологом Л.Б. Алаевым, доминирующие сельские касты (в панджабском случае — джаты и раджпуты) были «податными собственниками» земли, выступая вторым, низшим, слоем эксплуататоров (*заминдары* фарсиязычных источников); «вер-

ховными собственниками» были монарх (в панджабском случае — делийский султан) и его административный аппарат (см.: [Алаев, 2003, с. 247–249]).

Джаты когда-то были индоевропейским скотоводческим этносом, который в VII–IX вв. мигрировал с запада в Синд, откуда постепенно двигался дальше по Индии на север и северо-восток. К XI в. джаты дошли до Мултана, к XVI в. — до Дели и Агры. В Индии они подверглись ассимиляции, перешли от скотоводства к земледелию и заняли нишу в кастовой системе. Джаты возделывали пшеницу, бобовые, сахарный тростник. Именно джаты формируют костяк сикхской общины.

Политией¹, в состав которой входил Панджаб во второй половине XV — начале XVI в., был Делийский султанат, где с 1451 г. правила династия *патханского* (афганского) происхождения Лоди. Если в первой половине XIV в. Делийский султанат охватил почти всю Индию, то к концу XV в. вернулся к размерам XIII в., включая только Панджаб и верхнюю и среднюю часть долины Ганги². В Дели о султанах Лоди сейчас напоминает обширный сад с несколькими увенчанными куполами мавзолеями (к сожалению, в плохом состоянии).

В административном отношении Панджаб составляли *субы* (провинции) Лахор и Мултан, а также *саркар* (область) Сирхинд (часть Делийской субы). Выгодное географическое положение всегда делало Панджаб районом активной торговли, во многом транзитной. Лахор был одним из крупнейших городов Азии (несколько сотен тысяч жителей).

Династия Лоди оставила по себе в Индии не лучшую память, хотя к утверждениям об агрессивном мусульманском фанатизме султана Сикандара (1489–1517) надо подходить осторожно [Grewal, 1969, p. 13–14]. Конечно, индуистские подданные султана платили *джизью* (в исламских политиях налог с неверных), но, говоря об эпохе, предшествующей Могольскому султа-

---

¹ Я следую тенденции в политической науке и исторических исследованиях не использовать термин «государство» (английский эквивалент — *state*) по отношению к стадияльно предшествовавшим национальному государству (*nation-state*), т.е. докапиталистическим, формам властной организации. Это не только неверно отражает и искажает их социальную природу, но и модернизирует докапиталистические реалии *à la* капитализм. Для обозначения любой властной структуры я пользуюсь термином «полития» (английский эквивалент — *polity*). Не случайно издаваемый в России с 1996 г. журнал по проблемам властных организаций называется «Полития», а в журнале «Восток (Oriens)» существует рубрика «Полития на Востоке». На мой взгляд, это свидетельствует уже не только о силе упомянутой тенденции, но и о её «институционализации» вообще и в отечественном востоковедении в частности. Политии, описываемые в настоящей работе, относятся к категории патримоний — властных структур, организованных вокруг личности правителя как конкретного лица. Подробнее о характере власти в патримонии см.: [Фурсов К., 2010].

² Название этой реки в языках Индии звучит как «Ганга».

нату (1526–1857), историки, особенно индийские, склонны сгущать краски. Даже в фундаментальном пятитомном труде индийского историка Хари Рама Гупты (1902–92) «История сикхов» (самая подробная работа по этой теме) можно встретить утверждение: «Воздействие мусульманского правления на индустов было в высшей степени пагубным. Пятьсот лет плохого управления обеднили страну и разорили жителей. Не росли города и деревни. Бабур нашёл все их скверными» [Gupta, I, p. 26–27]. Автор не критически следовал источнику — знаменитым мемуарам основателя Могольской империи *Бабурнаме*. И всё же в какой-то мере вторжения и войны дали о себе знать. Экономика Индии росла медленно, товарно-денежные отношения были развиты слабо, процветал бартерный обмен.

Идейными предпосылками сикхизма, который возник в начале XVI в., главным образом стали нетрадиционные, периферийные течения в индуизме и исламе. Речь идёт о бхакти и суфизме.

Термин *бхакти* (санскр. «причастность [богу]») встречается ещё в религиозно-философских текстах древней Индии упанишадах (начало I тыс. до н.э.), а развивается в знаменитой поэме «Бхагавадгита» («Песнь господ»), где обозначает один из трёх альтернативных путей приближения к богу Кришне — через любовь (наряду с путями *кармы* и *гьяны* — деяний и знания). Акцент делается на эмоциональном единении с божеством, для которого не нужны ни рецитация священных текстов на санскрите, ни религиозные ритуалы (а значит, посредники-брахманы), ни паломничества, ни отшельничество с его подвигами аскетизма. Со временем, к XIII–XV вв., идеи бхакти легли в основу ряда течений в общественной мысли Индии, которые имели тенденцию к монотеизму и признанию равенства людей перед богом. Социальной основой движений бхакти было стремление определённых слоёв индуистского общества, а именно части достаточно низких каст, если не вырваться из кастовой системы, то хотя бы поднять свой социальный статус в её рамках.

Одним из направлений бхакти был *сагун* (санскр. «с качествами») — поклонение богу-личности (чаще всего Кришне), который выглядит как человек и вообще обладает какими-то свойствами. Крупнейшими представителями сагун-бхакти считаются поэты Валлабхачарья (1471–1531) в Гуджарате и Раджпутане, Чайтанья в Бенгалии (1486–1534), поэтесса Мира Баи (1498–1547) в Раджпутане. Другим направлением бхакти был *ниргун* («без качеств») — поклонение богу как безличному абстрактному абсолюту, который для человеческого ума непостижим, а потому его можно описывать только по негативу — как не имеющего таких-то свойств (**бесформенный, неумирающий** и т.п.). Идеи ниргун-бхакти во многом сформировались под влиянием течения *натхов* во главе с Горакхнатхом (XI в.), которые отрицали Веды, главенствующую роль брахманов в почитании богов и даже касту. Крупнейшие

представители ниргун-бхакти — *санты* («постигшие истину»)¹ Намдэв (1270–1350), сапожник Равидас (XV в.) и особенно ткач Кабир (1440–1518) из Варанаси, который формально был мусульманином, но единого бога называл не только исламскими, но и индуистскими именами. Именно религиозно-философская концепция сантов повлияла на основателя сикхизма Нанак больше других [Хохлова, Захарьин, 1991, с. 41]. Большинство перечисленных бхактов были его современниками. Так, в своих религиозных гимнах Нанак упоминает стихи Кабира. Ниргун-бхакти оказало огромное влияние на формирование главного постулата сикхизма — монотеистической концепции безличного вездесущего бога.

В Панджаб движение бхакти проникло со стихами Намдэва ещё в конце XIII в. Проповедником идей бхакти здесь был Саин Дас, поселившийся в г. Гуджранвала.

Вторым истоком сикхизма послужил *суфизм* (по-арабски *тасаввуф*) — мистическое течение в исламе. Его представители тоже делали акцент на приближении к богу через любовь, через эмоции, при минимальной роли ритуала и знания Корана. Суфии были организованы в *тарикаты* (общины; часто переводят термином «орден», который имеет европейскую историческую привязку, а потому не совсем адекватен). Во главе каждого тариката стоял *пир* (*шейх*) — духовный наставник, власть которого над учениками (*муридами*) была непререкаемой. Как и бхакти, суфизм на идейно-религиозном уровне тоже подчас отражал интересы низших слоёв населения. В истории Индии суфийские тарикаты сыграли значительную роль в исламизации части страны: мистицизм имел немало точек соприкосновения с индуистскими верованиями, в том числе с бхакти. Пожалуй, самым почитаемым в Индии суфийским шейхом был (и остаётся) шейх тариката Чиштийя — Фарид-уд-дин Ганджшакар, или просто Баба Фарид (XIII в.)². Помимо прочего, это один из первых поэтов, творивших на языке панджаби (точнее, на его диалекте мултани).

Таковы были Страна пяти рек и её духовная атмосфера ко времени появления на свет основателя сикхизма.

---

¹ В англоязычной (а за ней и русскоязычной) историографии термин *сант* нередко переводят как «святой». Как отметил один из ведущих специалистов по сикхизму новозеландский историк У.Х. Маклеод (1932–2009), это неверно: англоязычные исследователи просто не устояли перед соблазном добавить в слово *sant* букву *i*; получилось *saint*. На самом деле термин *сант* происходит от санскр. *sat* «истина» и означает человека, который постиг истину [McLeod, 1989, p. 55–56].

² Баба — «отец» (панджаби); уважительное обращение к старшему. В дальнейшем будет встречаться в книге в составе имён уважаемых сикхов.

I.2. Первый гуру Нанак Дэв (1469–1539)

Нанак (Нанак Чанд) родился 15 апреля 1469 г., в весенний месяц *бай-сакх* — первый месяц индуистского календарного года. Правда, по сикхской традиции празднуют его день рождения совсем в другое время года — в полнолуние осеннего месяца *каттак* (октябрь — ноябрь). В этот день Нанак достиг духовного просветления, что для его последователей намного важнее физического рождения (как в православии главный праздник — не Рождество, а Пасха). Родился первый гуру сикхизма в деревне Раи-Бхои-ди-Талванди в 65 км к юго-западу от Лахора, на берегу Рави, в Рачна доабе. Позднее деревню Талванди переименовали в честь Нанака — Нанкана Сахиб (с 1947 г. находится на территории Пакистана).

Отец Нанака Мехта Калу (1440–1522) был *патвари* (деревенским писарем и счетоводом) у местного *заминдара*-мусульманина и принадлежал к *готу* (экзогамному клану) *беди* касты *кхатри*¹. Мать будущего основателя религии звали Трипта (ум. 1522). Была у него старшая сестра — Нанаки (1464–1518). Этимология имени «Нанак» такова: ребёнок (по распространённому у индуистов обычаю) произошёл на свет в доме родителей матери, а *нана* на языке панджаби (и хинди) означает «дед по матери».

Достоверных сведений о жизни Нанака мало: главным источником служат сочинения *джанам сакхи* — жанр сикхской агиографии, жития первого гуру, написанные в конце XVI — XVIII вв. В этих рассказах образ Нанак оброс легендами и подвергся мифологизации. Так, ему приписывают исцеление людей от проказы, наставление разбойников на путь истинный и другие благие деяния. Сами рассказы носят характер наставлений. Именно *джанам сакхи* (их около 12) считаются первыми литературными произведениями в прозе на языке панджаби.

Как гласит сикхская традиция, уже в пять лет маленький Нанак стал задавать вопросы о цели жизни. Отец сам научил сына арифметике. В возрасте шести лет мальчика отдали в обучение к *пандиту* (образованному брахману). Тот научил его чтению и письму на алфавите деванагари, которым пользовался тогда язык панджаби. По легенде, в первый же день обучения Нанак изумил учителя тем, что записал по памяти на грифельной доске знаки, которые, как выяснилось потом, были акростихом на все 35 букв будуще-

¹ Распространено неверное мнение, будто *кхатри* — это каста торговцев. На самом деле она относится не к варне *вайшьев* (торговцев и ремесленников), а стоит выше — принадлежит к числу низших каст *варны кшатриев* (воинов и администраторов; это видно даже из этимологии). *Кхатри* обучаются грамоте и занимаются как раз тем, чем занимался отец Нанака, — ведут налоговую и прочую документацию в деревнях. Конечно, жизнь сложнее схем: среди *кхатри* есть земледельцы, *набойщики* и *красильщики тканей*, но торговцев среди них нет [Успенская, Котин, 2007, с. 30].

го священного алфавита сикхов *гурмуххи* (его введёт в употребление второй гуру сикхизма Ангад). Главный стих гласил: «*Кто истинно образован? Не тот, кто знает буквы алфавита, а тот, кто понимает истину через них*» [Успенская, Котин, 2007, с. 27]. Позднее маленький Нанак учился у муллы; тот обучил его языку фарси и просветил по части мусульманской литературы.

По окончании обучения, в возрасте 13 лет, Мехта Калу подготовил для сына обычную у индуистов церемонию надевания священного шнура — *ягьопавиту*. Священный шнур в индуизме носят все «дваждырождённые» — представители трёх верхних варн (брахманы, кшатрии и вайшьи; шудрам шнур не полагается). Однако Нанак, к ужасу всех, отказался носить шнур, заявив: «*Я буду носить шнур, который не загрязнится, не оборвётся, не сгорит и не износится, а перейдёт с телом в загробный мир*». Этим Нанак хотел сказать, что любовь к богу и достойная жизнь не нуждаются в каких-то ритуальных предметах и церемониях.

С детства Нанак стремился к уединению, медитации и размышлениям о боге. В юности его занятием был выпас коров. Нанак обычно садился под деревом и погружался в мысли об устройстве мира и отношении человека к богу. Постепенно он пришёл к мысли, что призван выполнить некую миссию, вверенную ему самим богом. Родителям не нравилось, что Нанак «не от мира сего», и они пытались заинтересовать сына мирской жизнью. Получалось это плохо. Нанак часто проводил время в общении с аскетами — *садху* и *факирами*. Широко известен случай, когда отец дал ему 20 рупий (немалые деньги) и послал в соседнее селение за товарами. Нанак встретил по пути голодных садху и всё отдал им, а по возвращении отец побил его. Однако землевладелец их деревни, раджпут-мусульманин Раи Бхулар возместил отцу ущерб. В отличие от отца Нанака Раи Бхулар, как и многие соседи, видел в нём божьего посланца, святого человека. Окончательно уверился он в этом, когда, по легенде, увидел Нанака спящим в окружении пасущегося стада, а над его головой раскрыла свой капюшон кобра — заслоняя её от зноя [Гуру эпохи Водолея, 2006, с. 20].

Зять (муж сестры) Нанака Джай Рам (ум. 1518) тоже осуждал поведение его отца, считая Нанака святым человеком. Зять служил налоговым чиновником в г. Султанпуре, который был тогда административным центром Джалан-дхарского доаба под началом *наваба* (наместника) Даулат-хана Лоди, родственника делийского султана Бахлула (правил 1451–89), первого из трёх правителей Лоди. В 1485 г., когда Нанаку было 16 лет, зять и сестра взяли его к себе в Султанпур. Джай Рам выхлопотал для Нанака место смотрителя зернохранилища у наваба. Чтобы отвратить Нанака от чрезмерной, по мнению родных, набожности, в 1487 г. его женили на девушке по имени Сулакхани (1473–1545; естественно, принадлежала к той же касте кхатри). У Нанака и Сулакхани родились два сына — Шри Чанд (согласно традиции, 1494–1629)

и Лакхми Дас (1497–1555). Благодаря своей добросовестности и трудолюбию Нанак был на хорошем счету у наваба и его чиновников. Сам он вёл жизнь скромного домохозяина, довольствовался малым, поэтому раздавал бедным большую часть своего жалованья (которое ему выдавали натурой, что, кстати, служит историкам свидетельством неразвитости товарно-денежных отношений в Панджабе XV в.). Всё это время Нанак не оставлял мыслей о боге.

Однажды в Султанпуре появился Мардана (1459–1520) — мусульманин-шиит из родной деревни Нанака, исполнявший религиозные песнопения и подыгрывавший себе на струнном щипковом инструменте *рубаб*. Мардана был на десять лет старше Нанака, они были хорошо знакомы. Есть версия, что Мардана пришёл в Султанпур по просьбе отца Нанака, чтобы своим авторитетом убедить его оставить мысли о служении богу. Как бы то ни было, вышло наоборот: Нанак с Марданой ежедневно утром и вечером стали вместе исполнять гимны во славу бога под аккомпанемент рупаба. Показательно, что разные религии друзей не имели никакого значения: бог для обоих был един. Таким образом, замечательная музыкальная традиция сикхизма (помноженная на мелодичный и лаконичный язык панджаби) уходит корнями к самым истокам религии.

Каждый день Нанак ходил к речке Кали Бейн (приток Беаса), где обычно совершали омовение. Он сочинял религиозные гимны и читал их, стоя в воде, собравшимся на берегу набожным людям. Однажды в 1499 г. Нанак сел в пещере на берегу реки, впал в транс и просидел там два дня (как гласит предание, он погрузился в воду и исчез, а через три дня появился на том же месте). На третий день Нанак достиг просветления — в последний день месяца картик (когда и празднуют его день рождения — рождения как гуру). Согласно сикхской традиции, Нанаку предстал бог, подал чашу *амрита* (божественного нектара), заверил в своей милости и велел служить ему — совершать повторение его имени (*нам ситаран*), заниматься медитацией и благотворительностью.

Нанак пошёл обратно в Султанпур, повторяя фразу, ставшую знаменитой: *На кои хинду, на кои мусалман* — «Нет ни индуиста, ни мусульманина». Согласно одному толкованию, Нанак имел в виду то, что и индуисты, и мусульмане покинули лоно собственной религии, перестали следовать её предписаниям. Согласно другому толкованию, все люди равны перед богом. Сикхский аналог изречения Христа ясно показывает, что сикхизм относится к типу религий проповеди (наряду с христианством, исламом и буддизмом) — в отличие от религий, адептом которых можно лишь родиться (индуизм, иудаизм, синто и др.). Заметим, что было Нанаку около 30 лет, как Христу в момент крещения, после которого он стал проповедовать.

Вернувшись в город, Нанак роздал всё имущество бедным, отказался от своей должности и, как и следовало ожидать, совершил то, к чему питал

склонность с детства, — ушёл странствовать и проповедовать любовь к богу. Многие знавшие его в Султанпуре смотрели на него с благоговением как на общавшегося с богом. Наваб был огорчён тем, что потерял хорошего чиновника, но тоже признал в нём святого человека. Старшего сына Нанак Шри Чанда взял к себе его тесть, а жену и младшего сына Лакхми Даса — зять.

Традиционно считается, что Нанак совершил пять путешествий — *удаси*. В индийской цивилизации число «пять» вообще имеет сакральное значение ещё с эпохи Вед и упанишад. Сикхская традиция повествует о странствиях Нанак в каждую из четырёх сторон света, а также о путешествии по самому Панджабу. Нанак странствовал всю первую четверть XVI в. (1500–24). Его целью было познакомиться с разными религиями и составить, наконец, для себя чёткую религиозную картину мира. В разное время Нанак сопровождали Мардана и последователи — Бхай¹ Бала (уроженец Талванди, ему приписывают авторство одной из джанам сакхи), Бхай Лехна, Бхай Буддха и другие.

Первая *удаси* была совершена в 1500–06 гг. на восток: Нанак проделал путь из Панджаба до стран Восточной Индии — Бенгалии и Ориссы. Он посетил практически все крупные центры паломничества индуистов — Матхуру (близ которой родился и вырос Кришна), Хардвар у истоков священной Ганги, Айодхью (столица царя Рамы из эпоса «Рамаяна»), Праяг (город у слияния Ганги с его главным притоком Ямуной), Варанаси (традиция повествует о его беседе здесь с Кабиром, но это очень маловероятно), Гайю (место, где, согласно буддийским верованиям, достиг просветления — стал Буддой — принц Сиддхартха Гаутама), Джаганнатх Пури в Ориссе; побывал даже в Дхаке в Бенгалии (столица современной Бангладеш).

Вторую *удаси* Нанак совершил в 1506–13 гг. из Бенгалии на юг: в Раджпутану, Южную Индию и даже на остров Цейлон, вернувшись в родной Панджаб по Малабарскому и Конканскому побережью Западной Индии.

Третья *удаси* (1514–18) — на север, в горы Шивалика и Тибета, в сопровождении двух последователей — кузнеца Хассу и ткача Сихана. По преданию, Нанак дошёл до священной горы Кайлаш, где, как верят индуисты, живёт Шива, и священного озера Манасаровар, откуда, по их представлениям, вытекает Ганга.

Самым масштабным путешествием Нанак была четвёртая *удаси* (1519–21) — на запад, с целью познакомиться теперь с исламом. Нанак признавал пророка Мухаммада божьим посланцем, задача которого — наставить людей на путь истинный. Через порт Кот Лакхпат в Гуджарате они вместе с Марда-

---

¹ *Бхай* — «брат» (панджаби, хинди); будет встречаться в книге как обращение и даже элемент имени. Частое обращение у сикхов друг к другу, что подчёркивает присущий их религии эгалитаризм.

ной добрались по морю до Аравии и побывали в двух священных городах ислама Мекке и Медине. Обратный путь лежал через Багдад, города Ирана, Кандагар и Кабул. Британский историк У.Х. Маклеод отрицает возможность путешествия Нанак в Багдад, но Х.Р. Гупта допускает её. Доказательство — найденный в 1916 г. в Багдаде надгробный камень «Гуру Мурада» 927 г. хиджры, который помогал соорудить «Баба Нанак Факир». Мардана, стало быть, в этом путешествии умер [Gupta, I, p. 67–69].

Зимой 1520–21 гг. Нанак возвращался в Индию через Хорасан и Афганистан и был свидетелем подготовки третьего похода в Панджаб правителя Кабула Бабура, который позднее завоюет Дели. Поход Бабура застиг Нанак в Саидпуре (современный Эминабад), где он отдыхал у своего ученика Бхаи Лало. Жители города оказали захватчикам сопротивление, за что Бабур устроил их избиение, разграбил и сжёг город, а уцелевших горожан заставил носить награбленное в свой лагерь и молоть зерно. При этом «под горячую руку» захватчиков попали в качестве подневольных работников и Нанак с Бхаи Лало. Страдания пленных опечалили Нанак, и к этому времени восходят его четыре гимна с осуждением Бабура¹.

Наконец, пятая удаси (1523–24) была совершена Нанаком по самому Панджабу.

Странствия Нанак обросли поучительными легендами, в которых подчёркивается отвержение им укоренившихся в индуизме (и исламе) внешних форм богопочитания как потерявших смысл и превратившихся в мёртвый ритуал, а также настойчиво проводится идея социального равенства независимо от касты и пола.

Помимо прочего, путешествие Нанак за пределы Южной Азии было нарушением запрета в индуизме выезжать за море или за реку Атток, которая обрамляет регион Южной Азии с северо-запада. Этот запрет наложен под страхом потери касты. Правда, иные купцы-индуисты тоже нарушали этот запрет, но потом приглашали брахманов и совершали дорогостоящие искупительные обряды. В случае Нанак это было сознательное нарушение ритуального предписания.

Благодаря странствиям Нанак близко познакомился с двумя главными религиями Индии. Как отметил Х.Р. Гупта, из всех основателей религий никто столько не путешествовал, сколько Нанак, не общался с таким множеством

¹ По одной из версий, присутствовал при этом и Мардана, который при виде избиения войсками Бабура жителей сокрушался: «*Погему наряду с немногими виноватыми погибает столько невинных?*» Нанак велел ему сесть под баньяном и ждать его возвращения. Сидящего под деревом Мардану укусил муравей, и тот в ярости потоптал сразу много муравьёв — всех, кто подвернулся под ногу. Тут появился Нанак и изрёк: «*Теперь понимаешь, погему невинные страдают вместе с виновными?*» [Sikhism and Indian..., 2004, p. 56].

людей [Gupta, I, p. 70]. При этом Нанак говорил со слушателями на языке музыки, произнося имя бога, которого почитали в данной стране. Это сближало его со слушателями, помогало донести идею единого бога для всех. Во время его путешествия в исламские страны некоторым мусульманам не нравилось пение Нанака под аккомпанемент Марданы на рубабе. Один дервиш заявил, что музыка отвращает помыслы от бога, влечёт к чувственности. Нанак отвечал, что музыку создал бог и с помощью мелодичного гимна достичь его легче, чем с помощью сухой прозы. Действительно, музыка — универсальный язык. Её использование в качестве средства проповеди и объединяющего начала — ещё одно гениальное достижение первого гуру сикхов. Впрочем, пение религиозных гимнов под музыку — заимствование из суфизма (не случайно Мардана был мусульманином).

Главная мысль агиографической литературы о Нанаке — необходимость искренней любви к богу и бессмысленность внешних форм его почитания.

Нередко Нанак осуждал общепринятые индуистские ритуалы. Так, придя в один из семи священных городов индуизма Хардвар в верховьях Ганги, Нанак увидел, как собравшиеся на берегу брызгают водой по направлению к востоку. По их словам, они делали подношения своим умершим предкам на небесах для умиротворения их душ (обряд *джаланджали*). Нанак улыбнулся и стал брызгать водой на запад. На удивлённые вопросы он ответил: *«Я пришёл из Северо-Западной Индии. Там, где я родился, у меня есть поля. Хогу оросить их отсюда, поскольку не уверен, что выпало достаточно дождей»*. Паломники посмеялись: взрослый человек, а не понимает, что вода не может пролететь так далеко. Нанак отвечал: *«Вы — странные существа. Моё подношение не может пролететь и нескольких сотен миль, а ваши могут проникнуть в мир иной»*. Паломники лишились дара речи, поражённые неумолимой логикой. Многие из них стали последователями Нанака, внимая его словам: *«У того, кто помнит бога и поступает правильно, душа всегда в мире как здесь, так и в загробной жизни. Чтобы угодить богу, других ритуалов не нужно»*.

С этим эпизодом перекликается эпизод в Мекке. По легенде, придя туда, Нанак заснул, вытянув ноги в направлении Каабы. Для мусульман это святотатство; один араб-мулла пнул его и обозвал неверным. Гуру попросил: *«Поверни мои ноги в ту сторону, где нет вездесущего бога»*. Мулла повернул их в противоположном от Каабы направлении, но вдруг за ними повернулась вся Большая мекканская мечеть. Согласно сикхской традиции, кази и муллы были ошеломлены и отнеслись к Нанаку с почтением [Mascauliff, 1909, I, p. 176]. И по пути в Мекку Нанак остался верен своему принципу, согласно которому бог един, а формы поклонения ему не так важны. Поэтому, отправляясь в хадж, он скопировал внешний вид исламского паломника: облачился в синие одежды, взял с собой чашу для омовений и молитвенный коврик, а прибыв в Аравию, даже совершал *азан* — призыв мусульман к молитве (не-

много говорил по-арабски). Население мусульманских стран встречало путешественника из далёкой Индии не только терпимо, но и с симпатией: ведь он целыми днями читал стихи во славу Аллаха и даже участвовал в *саяте* — пятикратной исламской молитве! Доверие мусульман к Нанаку подкреплялось присутствием рядом с ним их единове́рца Марданы. После Мекки Нанак посетил второй священный город ислама — Медину. Когда он вернулся в Панджаб, индийские мусульмане признали его хаджи.

Примеров демонстративного отрицания Нанаком ритуала много. Так, когда он стоял у рамаитского храма, один индуист призвал его войти внутрь и помолиться богу. Нанак с улыбкой отвечал: «Разве ты не знаешь, что бог внутри тебя?».

По легенде, отправляясь в первое путешествие, Нанак сознательно надел наряд из пяти предметов, которые символизировали основные религиозно-философские школы Индии: жёлтое одеяние индуистского *садху* (аскета-отшельника), круглую шапочку *каландара* (странствующего суфия), белую накидку представителей «неортодоксальных» вероучений (таких, как джайны), ожерелье из костей (как у шиваитского течения йогов-*капаликов*), а на лоб нанёс шафранного цвета *тику* (особый знак), традиционный для кришнаитов [Захарьин, 1996, с. 52]. До Нанака так никто не одевался. Гуру хотел этим подчеркнуть, что на пути к познанию бога ритуалы неважны — важна любовь к богу.

Выступал Нанак и против аскетического подвижничества, которое, по его мнению, тоже не приближало к богу. Встречая набожных индуистских отшельников — йогов, которые именно в подвижничестве видели путь к единению с божеством, гуру говорил им: «Йога состоит не в заплатанном одеянии, не в посохе, не в натирании тела пеплом, не в бритье головы и не в словах. Тот знает путь, кто живёт в негистом мире, но остаётся преданным и незапятнанным». Многие йоги, согласно сикхской традиции, тоже стали последователями Нанака. Выступая против умерщвления плоти, он наставлял, что здоровое тело человека — необходимое условие для почитания и постижения им бога. «Стать святым человеком не означает оставить все свои житейские дела, — учил Нанак, — нужно день за днём исполнять всё, что нам предписано» [Гуру эпохи Водолея, 2006, с. 58].

Иными словами, Нанак призывал отказаться от двух последних стадий жизни человека (члена трёх верхних варн — брахмана, кшатрия или вайшьи) по традиционным представлениям индуизма — *ванапрастхи* (лесного жителя) и *санньясина* (бродячего аскета), — остановившись на второй — стадии *грхастхи*, домохозяина-семьянина. В такой позиции Нанака чувствуется и влияние ислама как религии, согласно которой человек может и должен реализовать себя только благодаря активной жизни в миру. Сикхизму в корне чужд квиетизм индуизма и буддизма. Потому-то сикхи настолько заметны во

многих сферах жизни современной Индии. Этому учил Нанак — а его учение упало на благодатную социальную почву, будучи воспринято земледельцами, торговцами, мелкими чиновниками (такими же патвари, каким был отец Нанак), уже привыкшими к нелёгкому труду. Получив идейное обоснование своего повседневного труда как не чего-то периферийного с точки зрения достижения истины, а необходимого условия этого достижения, они как члены общества «обрели второе дыхание».

Агиография Нанак полна примеров развенчания им социальных предрассудков индуистов. Описываются случаи тесного общения Нанак с членами «неприкасаемых» каст, когда он принимал у них пищу и оставался в их доме на ночлег.

Считал Нанак предрассудком и запрет в индуизме на употребление в пищу любого мяса. Правда, даже он не пошёл против одного из столпов индуизма — священства коровы. Однако употребление в пищу мяса других животных гуру вполне допускал, делая это и сам. Так, когда на поле Курукшетры (где, согласно эпосу «Махабхарата», состоялась битва Пандавов с Кауравами), Нанак жарил оленя и его окружила разъярённая толпа брахманов, он привёл такой аргумент, подействовавший магически: даже сосущий грудь младенец фактически питается плотью; мясо разрешено и в пуранах. Растения тоже живые, резонно говорил Нанак, — что же, отказаться и от растительной пищи? Сикхи и сегодня едят любое мясо, кроме говядины.

Продолжая традиции жизнеописаний древних брахманов-подвижников, джанам сакхи рассказывают о многочисленных чудесах, которые совершал Нанак во время путешествий. Так, в Багдаде Нанак исцелял прокажённых, окропляя их водой, а когда во время нашествия Бабура его и Бхай Лало заставили носить в Саидпуре награбленную Моголами добычу, их ноши парили в воздухе над их головами.

Во время своих продолжительных странствий Нанак создал прообраз сикхского храма. В каждом селении он останавливался в странноприимном доме — *дхарамсале* (он мог бы останавливаться при индуистских храмах, но с ним был мусульманин Мардана). Там же он исполнял свои песнопения, послушать которые собирались люди. Позднее, когда у последователей Нанак и его преемников появятся регулярные места собраний, они будут известны как *дхарамсалы*. Со времени шестого гуру Харгобинда (1606–44) сикхский храм получит название *гурдвара* («дверь гуру», «ворота гуру»)¹, которое употребляется и по сей день.

В ходе путешествий Нанак создал один из ключевых социальных институтов сикхизма — *лангар*, обычай совместной трапезы (так стали называть и саму трапезную). Согласно практике странствующих святых людей, питался

¹ Более точное произношение на панджаби — *гурдуара*.

Нанак подношениями набожных почитателей. Однако давали ему больше, чем ему требовалось. Сначала Нанак раздавал излишек бедным, которые приходили слушать его проповеди. Затем он стал отдавать собранную пищу хозяевам дома, где ему предоставляли ночлег, чтобы те организовали общую трапезу. Во время такой трапезы все должны были есть без различия каст, религий и положения в обществе. Сидение за общим столом называлось *пангат*. Всем подавали одну и ту же пищу одинаковым образом.

Разумеется, создать во время странствий настоящую общину последователей было нереально: гуру прибыл в селение, организовал разовый лангар, произнёс проповедь и пошёл дальше. Однако когда Нанак, наконец, осел на одном месте, лангар оказался весьма эффективным, практичным инструментом создания сикхской общины. Институт лангара воплощал сразу три принципа учения Нанака: отрицание касты, необходимость делиться с ближними и отрицание аскетизма. Жертвование сикхами средств на общее питание в лангаре, приготовление топлива и самой пищи, мытьё посуды — всё это было прекрасным воплощением идей гуру: тут же, на практике, сикхи в реальной жизни приучались следовать проповеди бескорыстного служения. Прообраз лангара существовал ещё у суфиев тариката Чиштийя, например, в *ханака* (обители) шейха Фарид-уд-дина (XIII в.). Сейчас лангар существует при каждой крупной гурдваре.

Отчасти лангар напоминает *сисситию* — институт совместной трапезы членов полиса в древней Спарте. И сикхский лангар, и спартанская сиссития были призваны поддерживать равенство членов общины, способствовать их сплочению. Правда, если сиссития была инструментом социального контроля и пережитком доклассового общества, то лангар возник уже в обществе с очевидным социальным антагонизмом как инструмент создания религиозной общины.

По легенде, Нанак однажды встретился с самим Бабуром — основателем Могольского султаната. Произошло это в 1521 г., когда Бабур разграбил Саидпур. Когда Нанак и других пленных заставили молоть зерно для могольских воинов, Нанак запел религиозный гимн, и все ручные мельницы заработали сами собой. Моголы подивились, Бабур признал в Нанаке святого человека, раскаялся в резне мирного населения и спросил, что может сделать для Нанака. Для себя тот не просил ничего, зато добился освобождения пленных. Бабур предложил Нанаку вина, но он отказался, сказав: «Того, кто опьяняет человека лишь немного (после чего он чувствует холод и усталость), мне не надо. Меня опьяняет нечто более сильное». Бабур понял его превратно и предложил ему гашиша. Гуру отвечал, что его гашиш — это любовь к богу. На прощание Нанак предсказал Бабуру, что его правление продлится долго, если тот будет справедлив и милостив к бедным, почитать святых людей и помнить бога.

Для дальнейшего изложения истории сикхской общины необходим краткий экскурс в политическую историю Северной Индии XVI в.

20 апреля 1526 г. Бабур разбил султана Ибрахима Лоди в битве при Панипате к северу от Дели (всего в этом месте в XVI–XVIII вв. было три судьбоносных сражения). Был основан Могольский султанат¹, ставший индийским вариантом азиатских «пороховых империй» Нового времени. «Пороховые империи» (*gunpowder empires*) — термин американского исламоведа М.Г. Ходжсона, который обозначает три современных друг другу исламских султаната — Османов на Ближнем Востоке, Сефевидов в Иране и Моголов в Индии. Для них было характерно достаточно широкое применение огнестрельного оружия (артиллерия, мушкеты). Закупка большого количества олова и меди, производство оружия и обучение воинов требовали развитого аппарата управления и немалых средств, поэтому использование пороха и вело к созданию высокоцентрализованных империй (а появление у них мощной военной машины, в свою очередь, способствовало дальнейшему строительству империй). Могольский султанат стал последней и наиболее сильной империей в доколониальной истории Индии.

Бабур правил до 1530 г. После смерти ему наследовал его сын Хумаюн, которого в 1540 г. разбили и вынудили бежать в Иран индийские афганцы. На престол в Дели вступил афганец Шер-шах (правил 1540–45) из династии Сур. Он ввёл чёткое административно-территориальное деление султаната на *субы* (провинции), *саркары* (округа) и *парганы* (уезды). В фискальном отношении территория империи делилась на *халиса* и *джагиры*. Халиса была территорией под непосредственным управлением налогового ведомства. Джагиры были условными пожалованиями военной знати; получатель джагира (*джагирдар*) был обязан содержать для шаха конный военный отряд. Практика раздачи правителем таких территорий (под названием *икта*) существо-

---

¹ В отечественной и зарубежной науке историю мусульманских политий Северной Индии принято делить на «Делийский султанат» (1206–1526) и «Могольскую империю» (1526–1857). Это деление искусственно, строго говоря всё это — Делийский султанат (1206–1857). Великие Моголы были только одной из династий этой исламской империи — наряду с Гуламами, Хильджи и др. Упомянутое разделение возникло в науке оттого, что именно Моголов застали в Индии первые европейцы — португальцы. Конечно, со временем административно-налоговая система империи усложнялась, и именно могольский период её истории демонстрирует качественный скачок в развитии. Тем не менее, налицо практически непрерывная традиция мусульманской империи Северной Индии XIII — середины XIX в. с центром (по большей части) в Дели. Параллель: французское королевство при Людовике XI (1461–83) существенно отличалось от французского королевства при Луи Филиппе (1830–48). И всё же в обоих случаях мы говорим о королевстве Франция. А ведь социально-экономические, политические и прочие изменения, происшедшие в этой стране за 350 лет, колоссальны и не идут в сравнение с изменениями в Индии с XIII по XVIII в. Но это отдельная тема.

вала и при прежних исламских династиях в Дели и была распространена по всему исламскому миру ещё с эпохи халифата Аббасидов VIII–XIII вв.¹

Шер-шах вёл активную завоевательную политику и, в частности, впервые в истории Индии подчинил мусульманской верховной власти индуистских князей области Раджпутана в Западной Индии (современный индийский штат Раджастхан). Однако преемники Шер-шаха оказались слабыми, и в 1555 г. Хумаюн сумел вернуть себе престол. Исторически Шер-шах сработал на своих врагов Моголов, объективно заложил основы империи для них. Правда, сам Хумаюн уже в следующем году нелепо погиб (разбился, поскользнувшись на мраморной лестнице своей библиотеки), и шахом стал его сын Джалал-уд-дин Мухаммад Акбар (правил 1556–1605).

Акбар оправдал своё имя (по-арабски оно значит «величайший»): это крупнейший правитель в истории Могольского султаната. В самом начале правления Акбара, в 1556 г., произошла вторая битва при Панипате, когда он отстоял право на трон. Акбар ввёл в империи чёткую чиновничью систему *мансабдари*, главной чертой которой была милитаризованность: каждый чиновник-*мансабдар* (независимо от того, выполнял ли он военные или гражданские функции) имел ранг, называвшийся по числу всадников, которых — в теории — он должен был содержать (от десятитысячника до десятника). Тот или иной мансаб давал право на соответствующее жалованье (из казны или в виде джагира). Акбар упорядочил налоговую систему, его религиозная политика отличалась веротерпимостью; он даже попытался создать нечто вроде новой религии, которая (по одной из версий) была призвана примирить индуистское большинство его подданных с политической властью мусульман.

Акбар тоже проводил завоевания; при нём Могольский султанат включил Бенгалию, Гуджарат, Кашмир, Синд, часть Центральной Индии. Объединение значительной части Южной Азии под властью одной империи способствовало подъёму ремесленного производства и торговли. Главными городами Моголов были Лахор, Дели и Агра, причём в 1584–98 гг. ставкой шаха служил именно Лахор.

Такой была ситуация в Северной Индии в XVI в., в период становления на ноги сикхской общины. Вернёмся к Нанак.

После плена в лагере Бабура под Саидпуром Нанак вернулся в родную деревню Талванди, где узнал, что его родителей уже нет в живых. Взяв с собой сына Марданы Шахзаду, гуру вернулся к своей жене и сыну Лакхми Дасу, которые жили в местечке Пахоке на левом (восточном) берегу Рави; старший

---

¹ Вопреки распространённому в науке мнению отношения шаха и джагирдаров не были отношениями феодального типа. Джагир — это пожалование не земли, а права сбора налогов с определённой территории за военную службу, т.е. джагирдар — не вассал шаха, а его военный чиновник.

сын, Шри Чанд, стал *удаси* (отшельником). Местные заминдары предоставили Нанаку, как святому человеку, участок земли на противоположном, правом берегу реки. Его последователи выстроили там дхарамсал и несколько домов. Нанак назвал новое поселение Картарпур — «Обиталище творца» (как и Талванди, находится теперь в Пакистане). Здесь он и поселился, отказавшись от одяния паломника и надев одежды домохозяина. В Картарпуре Нанак прожил последние 17 лет жизни, ведя хозяйство (сам работал в поле) и проповедуя. Проповедовал он посредством *киртанов* — пения религиозных гимнов-*сабадов*, исполняемых под музыку. Со временем Картарпур превратился в крупное поселение приверженцев гуру — его *сикхов* («учеников»).

Самым преданным из них был Лехна — будущий преемник Нанака, второй гуру сикхов Ангад. Сначала он был индуистом. Однажды Лехна шёл паломником к храму богини Вайшно Деви, повстречал по пути какого-то сикха, и тот убедил его встретиться с Нанаком. Лехна так и поступил и до того был поражён благочестием и мудростью гуру, что стал его последователем.

Существует много преданий, призванных доказать, что именно Лехна был наиболее достоин продолжить дело учителя. Достаточно привести одно из них.

Как-то раз, чтобы проверить силу веры своих последователей, Нанак поставил эффектный спектакль. Он оделся в рубище, взял нож и охотничьих собак и пошёл в лес. Многие его приверженцы, увидев его в таком виде, разбежались от страха. Всё же какая-то группа сикхов за ним последовала. На дороге валялись медные монеты; несколько сикхов подобрали их и повернули назад, оставив гуру. Чуть далее лежала россыпь серебряных монет; ими прельстились ещё несколько спутников. Потом так же произошло с золотыми монетами. С Нанаком остались только два сикха (по одной из версий то были его сыновья) и Лехна. Наконец, они подошли к погребальному костру якобы с мертвецом под саваном. Гуру заявил: «*Кто хочет остаться со мной, пусть съест этот труп*». Два сикха в ужасе бежали, но Лехна сказал: «*Я повинуюсь моему господину*». Он шагнул к костру, но гуру остановил его и сказал: «*Этого достаточно. Теперь я знаю, у скольких людей есть моральная сила следовать по моему пути*» [Singh, Gopal, 1988, p. 130]. А под покрывалом оказался не труп, а священная пища (*прасад*).

Нанак испытывал своих последователей и иначе, но всякий раз оказывалось, что вера Лехны крепче веры его собственных сыновей. К тому же, Лехна сам был авторитетным проповедником; у него было много собственных последователей, которых он постепенно вводил в лоно сикхизма.

Наконец, предчувствуя смерть, Нанак 7 сентября 1539 г. официально назначил Лехну своим преемником. При этом он нарёк его новым именем: Ангад, «[неотъемлемая] часть». Тем самым Нанак подчеркнул, что хотя физически новый гуру — это другой человек, его вдохновляет тот же дух, что и

Нанака. Передача другому человеку статуса гуру — *гурта*¹ — сопровождалась особой церемонией, которая стала традиционной для последующих гуру. Нанак положил перед Лехной пять *пайс* (медных монет) и кокос, после чего обошёл вокруг него четыре раза. Затем уважаемый сикх Бхаи Буддха нанёс на лоб Ангада *тилак*. Имя этого члена общины дословно означало «Брат Старый»; его прозвали так из уважения к его проницательности, которую он демонстрировал ещё в детстве. Бхаи Буддха (которого с годами стали почтительно звать Баба Буддха, «Отец Старый») проживёт очень долгую жизнь: согласно традиции, 122 года (1506–1628). У сикхов сложится традиция, по которой именно Баба Буддха будет наносить тилак на лоб каждого вступающего в свои права гуру (всего — пять человек, от второго до шестого). Наконец, Нанак поклонился гуру Ангаду и вверил ему составленную им книгу гимнов. Вскоре первый гуру сикхизма скончался в возрасте 69 лет.

По легенде, за смертью Нанака последовал спор между его последователями из индуистов и мусульман. Первые настаивали, что Нанака следует кремировать как индуиста, а вторые — предать земле как мусульманина. Наконец уважаемые члены общины решили: индуисты и мусульмане накроют тело Нанака покрывалом, посыплют цветами и оставят на ночь; те, чьи цветы увянут первыми, уступят своим оппонентам. Однако утром все цветы оказались свежими, а когда подняли покрывало, то тела под ним не нашли. Тогда последователи гуру разрезали покрывало на две равные части; индуисты свою половину сожгли, а мусульмане предали земле. Произошло это 22 сентября 1539 г. Кстати, такая же легенда существует о похоронах Кабира.

То, что среди последователей Нанака было много представителей обеих основных религиозных общин Индии, неудивительно. Индуистов (конечно, не брахманов) привлекала проповедь социального равенства, возможность если не вырваться из кастовой системы (в конкретных обстоятельствах Индии это нереально), то хотя бы повысить свой социальный статус относительно других каст. За века и тысячелетия до этого они по той же причине принимали джайнизм, буддизм, ислам. Верно это и в отношении индийских мусульман. Хотя ислам стоит за равенство правоверных, в условиях индийского социума каста в мусульманской общине «проросла». Учение Нанака притягивало простотой догматов и социальной направленностью проповеди.

---

¹ В англоязычной научной литературе о сикхах широко употребляется термин *guruship* как буквальный эквивалент панджабского термина *гурта* («гуру» + суффикс абстрактного существительного). На русский его иногда переводят несколько забавным, но верным словом «гурство» (по-другому не скажешь!).

Гуру Нанак Дэв¹ не ставил целью создать новую религию. Не случайно он призывал индуистов быть истинными индуистами, а мусульман — истинными мусульманами. И всё же объективно Нанак заложил основы новой веры. Адепты этой религии стали называться *сикхи*, «ученики», или *нанакпантхи*, «следующие путём Нанака». По форме зарождающаяся религия была лишь одной из разновидностей бхакти. Однако в отличие от большинства бхактов Нанак настаивал на единобожии и существовании бесформенного (*ниранкар*), нерождённого и не имеющего воплощений бога. Кроме того, в отличие от бхактов и представителей большинства философских школ Индии он не считал материальный мир, в котором мы живём, иллюзией (*майя*). Этот мир — обиталище бога, выражение его морального закона, а потому реален. Отсюда — акцент сикхизма на активную жизнь в миру, что резко выделяет его среди всех остальных религий, родившихся в Индии (не забудем и влияния ислама).

Один из крупнейших специалистов по сикхизму У.Х. Маклеод первым ключевым событием в его истории как отдельной религии считает не выработку какого-то религиозного догмата, а действие социальное — назначение Нанаком официального преемника [McLeod, 1968, р. 1]. В самом деле, отличительным признаком сикхов с самого начала была социальная организация, община во главе с гуру. Другой авторитетный историк сикхов, панджабец Джасджит Сингх Гревал, подчёркивает уникальность поступка Нанака: выбор вероучителем своего преемника был распространённой практикой в аскетических орденах той эпохи, но уникальной была передача Ангаду гурта самим Нанаком [Grewal, 1999, р. 41]. Нанак сделал Лехну «более чем преемником: он сделал его равным себе» [Singh H., 1982, р. 9]. Этим концепция власти в сикхской общине коренным образом отличается, например, от таковой в исламской умме, где пророку Мухаммаду наследовали халифы — всего лишь его «заместители». Таким образом, в конце жизни первый гуру по сути отказался от своего статуса гуру в пользу другого члена общины. Это обеспечило общину непрерывной чередой лидеров.

Если бхакты делали упор на религиозные основы индуизма (считая переустройство общества производным), то сикхизм сразу сосредоточился на социальной реформе. В отличие от бхактов Нанак **институционализировал** своё учение через социальные институты гуру, сангата (дхарамсала) и пангата (лангара). Кстати, строгую дисциплину и беспрекословную власть главы общины над её членами сикхи заимствовали у суфийских тарикатов — в индуистской среде этого нет [Ванина, 1994, с. 177]. Нанак — единственный, кто

---

¹ Почётное прозвище «Дэв» (от санскр. «бог») подчёркивает божественное вдохновение гуру Нанака. Этот элемент войдёт в состав имени второго гуру — Ангада и пятого — Арджана.

не только проповедовал на живом разговорном языке (как другие бхакты), но и принципиально отверг санскрит как язык брахманской учёности. Если бхакты делали упор на приближении к богу отдельного человека, то Нанак добавил к этому строительство крепкой общины как необходимое условие самореализации истинного верующего. Именно поэтому направления других бхактов не получили распространения, либо вообще растворились, тогда как сикхи превратились в сплочённую общину. Ключевую роль здесь играет понятие обращения. Особость сикхов как социо-религиозной группы «подчёркивалась их принятием института и практики прозелитизма и обращения, которые противоречили самому духу традиционного индуизма» [Ray, 1970, p. 146]. Хотя при самом Нанаке практика формального обращения ещё не возникла, предпосылки к её зарождению уже имелись.

Основа индуистского общества — кастовая система с её растворением личности в коллективе своей касты. Поэтому на первый взгляд кажется парадоксом утверждение сикхского историка Притам Сингха Гилла, будто Нанак стремился устранить крайний индивидуализм этого общества [Gill, 1978, p. 9]. Однако, в самом деле, первый гуру подчёркивал значение (пусть в идеале бескастовой) общины как необходимого средства выживания своих последователей в качестве религиозного сообщества.

Многие историки обсуждали вопрос: кем был Нанак — революционером или реформатором? Авторитетный историк Х.Р. Гупта, учитывая, что первый гуру как разделял, так и отвергал многие установления индуизма, склоняется к мнению, что Нанак был «реформатором высокого порядка» [Gupta, I, p. 99]. И всё же, каковы бы ни были намерения самого Нанака, основание новой религии — достаточно серьёзное событие. Нанак можно назвать реформатором по форме, но революционером по сути.

Сикхизм — одно из многочисленных проявлений индо-мусульманского культурного синтеза, причём, пожалуй, наиболее необычное его проявление. Говоря об этом синтезе, как правило, пишут о взаимопереплетении индуистской и исламской культур (верований, отраслей искусства, структур повседневности). В отличие от всего этого сикхизм — это **сплав** индуизма с исламом, иная, **третья**, религия, вобравшая в себя черты религий-родителей. Исследователи [Клюев, 2000, с. 30–31; McLeod, 1968, p. 161] отмечают, что исламские элементы играют в этом сплаве второстепенную роль, сикхизм прежде всего — **индийская** религия, развитие идей бхакти. Как я сразу оговорился во введении, рассмотрение истории самой религии не является целью настоящей работы; однако представляется, что роль исламского фактора в складывании сикхизма несколько недооценивают. Сикхизм с его строгим монотеизмом и столь видной ролью в общине лидера мог родиться только на географическом стыке индуистской и мусульманской зон, в ареале их самого тесного, физического контакта. Вспомним и корни традиции лангара.

Подчеркну, что в отличие от бхактов, которые учили, что спасение человека не зависит от окружающих, что отношения человека с абсолютom носят индивидуальный характер, гуру Нанак (тоже уделяя этому немалое внимание) делал упор на **социальной этике**, на правилах, которым должен следовать человек **в общественной жизни**. Большой резонанс, который идеи Нанак нашли в Панджабе и за его пределами и привели к возникновению многочисленной общины последователей, позволил отечественному индологу Е.Н. Успенской с полным правом отметить: сикхизм — один из наиболее успешных авторских социальных проектов в истории человечества [Успенская, Котин, 2007, с. 18]. Успех очевиден — пятая по численности адептов религия мира, возникшая всего пять столетий назад.

За создание основ этой религии Нанак взялся потому, что в его глазах весь существующий социальный порядок утратил легитимность, так как потерял поддержку религий [Grewal, 1999, p. 28]. Эта мысль первого гуру была чрезвычайно важна для дальнейшей истории общины — когда она возьмёт строительство нового социального порядка в собственные руки.

I.3. Второй гуру Ангад Дэв (1539–52)¹

Продолжатель дела Нанак, второй гуру сикхизма Ангад родился 31 марта 1504 г. в деревне Мате-ди-Сараи (округ Фирозпур в современном индийском штате Панджаб). По касте Лехна тоже был кхатри, сыном Пхеру Мала (ум. 1522) из гота *трехан* и его жены Рамо. Как и Нанак, он отличался набожностью, вёл простую добродетельную жизнь, выступая в то же время против отшельничества и стремления через это совершать сверхчеловеческие поступки. Так, он говорил: «*Затем вершить гудеса, которые не преобразуют внутренний мир человека, а имеют целью внушить страх другим и возвысить себя самого?*».

Сыновья Нанак чувствовали себя обделёнными, считая, что достойны сами возглавить общину его учеников уже в силу своего родства с ним. Гуру Ангад не хотел конфликтовать с ними: это были сыновья его почитаемого наставника; кроме того, он не хотел, чтобы общину раздирали внутренние склоки за духовную власть, да ещё сразу после смерти её основателя. Ангад мудро предпочёл просто переехать в другое селение. Из Каргарпура он переехал в Кхадур на реке Беас (недалеко от современного Амритсара). Часть общины всё же пошла за старшим сыном Нанак Шри Чандом, образовав в сикхизме направление *удаси*. Это сторонники отшельничества и аскетизма;

¹ В заглавии этого и следующих параграфов после имён сикхских гуру указаны не годы жизни (как у Нанак), а годы обладания ими гурта.

такое направление существует в каждой индийской (да и не только) религии. Удаси выступило альтернативой активной жизненной установке, присущей основному течению сикхизма; более того, по сути это был «адаптированный к бескастовой общине вишнуизм» [Успенская, Котин, 2007, с. 240]. Неудивительно, что гуру Ангад и его преемник Амар Дас объявили представителей удаси несикхами, хотя в XVII в. произойдёт примирение.

Одной из главных заслуг гуру Ангада считается изобретение алфавита *гур-мукхи* («уста гуру»), которым пользуется язык панджаби в Индии по сей день (панджабцы-мусульмане в Пакистане пользуются арабским письмом; его панджабский вариант называется *шахмукхи*, «уста шаха»). Главной целью Ангада было сохранить произведения Нанака, которые были записаны обычным письмом *ланде махаджни*, а оно отражало далеко не все звуки панджаби. Так у сикхской общины появилась своя письменность. (Правда, похоже, каста кхатри пользовалась ею и раньше.) Развивая антисанскритскую установку Нанака — идею, согласно которой для почитания бога не нужен особый, священный язык, — Ангад поощрял обучение детей своих последователей чтению и письму на их родном живом языке — панджаби.

При Ангаде сохранялась и укреплялась традиция лангара. Столовой заведовала жена гуру — Мата¹ Кхиви (1504–52). Сикхские летописцы подчёркивают неприхотливость и простоту жизни гуру в быту. Ангад следовал принципу Нанака: каждый должен зарабатывать свой хлеб в поте лица и делиться с другими. Он зарабатывал тем, что плёл из травы бечёвки, которые использовали при изготовлении коек, а многочисленные подношения от почитателей передавал в лангар. Если при Нанаке единственным проповедником учения был сам гуру, то при Ангаде проповедниками выступили также несколько его учеников, которые ходили по Панджабу, распространяя новую веру.

По преданию, когда сын Бабура Хумаюн потерпел поражение от афганского военачальника Шер-хана и бежал из Индии через Лахор, он прослышал о гуру Ангаде как о святом человеке и заехал к нему в Кхадур за благословением. Гуру был погружён в медитацию, и никто не осмеливался потревожить его. Сверженный шах потерял терпение и схватился за рукоять сабли, чтобы ударить гуру (по легенде, саблю заклинило в ножнах: ведь ударить святого человека — великий грех). Стоявшие вокруг сикхи пришли в ужас, и шум вывел гуру из медитации. Видя состояние Хумаюна, Ангад упрекнул его: «Недостойно шаха бежать с поля боя и вымещать гнев на божьих людях». Хумаюн просил прощения, после чего Ангад благословил его и предсказал: хотя его дорога будет трудной и долгой, он отвоюет трон Хиндустана. Когда через 15 лет это действительно произойдёт, Хумаюн выразит желание отблагода-

¹ Мать (панджаби). Такое же уважительное слово и обращение, как Баба («отец»).

ритель гуру сикхов. К этому времени у них будет третий гуру — Амар Дас, который ответит шаху так: единственная милость, какой просит гуру, это быть справедливым ко всем людям. Как считает известный индийский историк А.Ч. Банерджи, в истории с визитом Хумаюна к Ангаду нет ничего невероятного. Этот визит показывает, насколько уже вырос к тому времени духовный авторитет гуру сикхов [Banerjee, 1978, p. 104].

Ко времени Ангада относится такая поучительная история. В лангаре Кхадура работал сикх по имени Мана, который так возгордился, что отказывался обслуживать кого-либо, кроме самого гуру. Он заявил Ангаду, что не может служить всякому человеку, но для гуру сделает всё, что тому угодно. Ангаду гордыня Маны очень не понравилась, и он велел: *«Если так, то ты должен сжечь себя живьём»*. Мана не мог взять слова назад и, пойдя в лес, собрал дрова и соорудил себе костёр. Однако войти в него ему никак не хватало духу. Мимо шёл грабитель, который удивился представшему зрелищу. Мана рассказал ему свою историю, и тот, уже наслышавшийся об Ангаде, сказал: *«Я выполняю веление гуру вместо тебя, чтобы смыть собственные грехи. Возьми эти драгоценные камни, которые я недавно украл. Они так дороги, что ты будешь обеспечен на всю жизнь»*. Мана обрадовался и пошёл в город продать камни. Там его схватили по подозрению в краже и повесили. Ангад, услышав об этом, заметил: *«Себялюбцы и извращенцы теряют заслуги как в этом мире, так и в следующем — даже если жили в окружении гуру»* [Singh, Gopal, 1988, p. 152].

При Ангаде один богатый сикх, Гобинд (Гоинд), построил селение на берегу Беаса. Он хотел назвать его именем Ангада, но гуру запретил, не желая возвеличивать своё имя. Селение стало называться Гоиндвал по имени основателя. Оно станет местопребыванием следующего гуру.

Самым преданным последователем Ангада сделался сикх Амар Дас. На жизнь он зарабатывал розничной торговлей солью и маслом. Как повествует традиция, каждую ночь Амар Дас брал медный кувшин и ходил из Кхадура за 5 км к Беасу — набрать речной воды для гуру (Ангад вставал в 3 часа утра и после омовения садился медитировать). Амар Дас настолько почитал гуру, что уходил из Кхадура пятясь, чтобы всё время оставаться лицом к гуру. Люди смеялись над Амар Дасом, но Ангад, узнав о такой самоотверженности, обнял его перед всей общиной, а вскоре, 29 марта 1552 г., назначил своим преемником. Это сопровождалось таким же обрядом, какой совершил Нанак в отношении самого Ангада. Согласно традиции, гуру Ангад Дэв в тот же день умер (в возрасте 48 лет).

Пребывание Ангада в качестве второго гуру поднимающейся религии не отмечено важными событиями в истории общины. Изменения, происходившие при нём, были эволюционными. Гуру Ангад продолжил начатое Нана-

ком, укрепляя институты гуру как духовного наставника и лангара как практического воспитательного средства для членов общины в духе взаимопомощи и равенства. Уже при Ангаде был проверен на прочность постулат Нанака о необходимости активной жизни человека в миру, когда его старший сын Шри Чанд выступил за отшельнический путь развития общины — столь распространенный и понятный простому индийцу, у которого к тому времени давно сложился стереотип святого человека и его последователей как людей не от мира сего. Однако идеи гуру Нанака взяли верх, что доказала вся дальнейшая история общины.

1.4. Третий гуру Амар Дас (1552–74)

Амар Дас (имя означает «Раб бессмертного», т.е. «Раб божий») родился 5 мая 1479 г. в деревне Басарке под современным Амритсаром и был старшим сыном Тедж Бхана (ум. 1533), кхатри из гота *бхалла*, который занимался земледелием и торговлей. Мать третьего гуру звали Бахт Дэви. Хотя Амар Дас стал домохозяином и от своей жены Манса Дэви (ум. 1569) имел двух сыновей и двух дочерей, это был человек, склонный к религиозным исканиям. Сначала он был строгим вишнуитом, за 20 лет совершил несколько паломничеств к Ганге, в положенные дни постился.

Что-то тревожило Амар Даса и он находился в поисках наставника. Когда ему исполнилось уже 60 лет, один садху спросил его, кто его гуру. Амар Дас отвечал, что гуру у него нет. Садху неприятно удивился и посоветовал как можно скорее найти наставника. Рядом с домом Амар Даса жил его брат Манак Чанд, сын которого был женат на дочери Ангада — Биби Амро. Каждое утро она хлопотала по хозяйству — сбивала масло — и при этом пела сабанды Нанака. Киртаны задели Амар Даса за живое, и в 1541 г. он отправился в Кхадур к гуру Ангаду. По преданию, в первый день пребывания Амар Даса в лангаре Кхадура подавали мясные блюда. Будучи индуистом, он не решался есть, но гуру разъяснил ему, что «мясо», которого следует избегать по-настоящему, — это зависть, алчность, эгоизм, клевета и попрание прав ближних. Сегодня, правда, в лангарах у сикхов подают только вегетарианские блюда, так как поест там имеет право любой, а сикхи живут в толще индуистского общества.

После смерти второго гуру произошло то же, что после кончины Нанака: сыновья Ангада — Дату и Дасу — негодовали, что его преемником стал посторонний человек. Когда Амар Дас сидел на возвышении перед толпой почитателей и давал им наставления, Дату явился к нему во главе своих сторонников, поднялся к Амар Дасу, обозвал его водоносом и пнул так, что гуру упал вниз. Затем Дату воссел на его месте и объявил третьим гуру самого

себя. Амар Дас поднялся и, проявив исключительное смирение, сказал так: «Прости меня, господин, ты мог поранить свои нежные стопы о мои твёрдые кости». После этого Амар Дас последовал примеру своего миролюбивого учителя: оставил селение прежнего гуру. Местом обитания третьего гуру стал Гоиндвал на берегу Беаса. Что касается Дату, то за ним пошли немногие. Сан гуру надо было заработать. Есть легенда, что позднее он повстречал разбойников: те отняли у него верблюда с богатой поклажей, а самому так врезали по ноге, которой он пнул гуру, что она сильно распухла и болела.

Амар Дас был весьма неприхотлив в быту, носил одну и ту же одежду. Когда сикхи почтительно приносили подношения, домочадцы гуру раздавали их бедным в тот же день, уповая на бога, что тот даст средства к жизни на следующий день. Гоиндвал постепенно рос: последователи приходили увидеть и послушать гуру, причём многие селились здесь, чтобы быть ближе к учителю.

Амар Дас укреплял традицию лангара: сделал совместную трапезу обязательной перед *даршаном* — лицезрением гуру (принцип *Пехле пангат, пугхе сангат*, «Сначала трапеза, затем собрание»). В лангаре подавали пшеничный хлеб с *ghi* (животным маслом), жареные бобы с луком и *кхир* (сладкую рисовую кашу). Сам гуру в лангаре не ел, питался скромнее (только грубым хлебом). На жизнь зарабатывал, организуя продажу соли и масла на рынке. Однажды Гоиндвал посетил раджа соседнего княжества Харипур (его поразила набожность племянника Амар Даса, которого он как-то встретил). Когда он приехал, гуру настоял, что примет его лишь после трапезы в общей столовой. Раджа наступил на горло своей кастовой гордости и повинился, после чего гуру принял его благожелательно. Эта благожелательность не распространилась на приехавшую с раджей одну из его жён: та отказалась снять с лица покрывало, а Амар Дас считал это проявлением дискриминации женщин.

При третьем гуру Амар Дасе в истории сикхизма произошло три важных события. Во-первых, он систематизировал и обогатил учение Нанака, чтобы отделить его терминологию от таковой индуизма (и буддизма); с той же целью он принимал меры к сохранению творчества двух своих предшественников, проводя сопоставление его с творчеством бхактов и суфиев. Эта тенденция к сохранению духовного наследия цепочки сикхских гуру приведёт в начале XVII в. к появлению у общины собственного священного писания.

Во-вторых, Амар Дас, развивая идеи Нанака, подчёркивал новый статус женщин у сикхов, резко осуждая обычаи *парды* и *сати*. *Парда* — это обычай затворничества женщин в мусульманском обществе, который индуисты многих высоких каст переняли у правящих мусульман, чтобы социально «приблизиться» к ним. *Сати* (санскр. «верная») — уходящий корнями в древность индуистский обычай (само)сожжения вдов(ы) на погребальном костре мужа в знак верности. Его совершали далеко не все вдовы, и британцы в XIX в.,

борясь с этим обычаем, значительно преувеличивали его распространённость, но обычай такой существовал, особенно среди высоких каст. Сикхские гуру клеймили и парду и сати как обычаи дискриминационные, подчёркивая равенство женщин с мужчинами. Также Амар Дас резко осуждал распространённый прежде всего у крестьян-джатов обычай иногда убивать новорожденных девочек как лишние рты в семье.

В реальной жизни полного равенства полов гуру не добились — слишком уж серьёзные преграды воздвигает традиционное общество. И всё же, как отмечают специалисты: *«Сейчас в Индии очень несложно отличить сикхскую женщину, и даже не по одежде, а, так сказать, по повадке. Она держится всегда с необычайными достоинством и уверенностью, всегда имеет своё мнение, хорошо образованна, очень активна — и в быту, и в бизнесе, и в общественной жизни. Это необычно для Индии и, естественно, сказывается на положении дел в сикхской общине самым благоприятным образом»* [Успенская, Котин, 2007, с. 17]. Ещё со времени Нанак женщины у сикхов имеют право наравне с мужчинами слушать проповеди, петь киртаны, готовить пищу для лангара.

В-третьих, гуру ввёл новые обряды жизненного цикла — церемонии при рождении, бракосочетании и похоронах, отличающиеся от принятых в индуизме. Так, заметным ритуальным отличием сикхского бракосочетания от индуистского выступает отсутствие приданого. Как и индуисты, сикхи кремируют своих умерших и верят в перерождение души, но поминальные обряды в честь умерших предков (индуистская *шраддха*) у них немислимы как идолопоклонские. Не принято у них и громко убиваться по покойнику: на всё воля божья. Так община сикхов постепенно выделялась среди индуистского населения и с помощью собственных обрядов.

Амар Дас проводил идею активной жизни в миру. Как-то, проезжая верхом мимо ветхой стены, он пустил коня в галоп. Сикхи недоумённо напомнили ему: *«Ты же ужил нас не бояться смерти, так как она приходит ко всем, а гуру и святой человек находятся вне круга рождения и смерти»*. Гуру разъяснил: *«Наше тело — воплощение божьего света. Именно с помощью своего тела человек может изгнать собственные безграничные духовные возможности. Поэтому безрассудно играть им не следует»*.

Вместе с тем Амар Дас, как и два прежних гуру, учил непротивлению злу. Однажды, когда сикхи в Гоиндвале несли от колодца воду, мусульманские дети селения обстреляли их из рогаток и разбили сосуды. Сикхи спросили совета у Амар Даса, и тот призвал к сдержанности, а воду посоветовал носить в бурдюках. Тогда мусульмане, по легенде, проткнули бурдюки стрелами. Когда сикхи перешли на сосуды из меди, мусульмане стали швырять по ним кирпичами. Ученики спросили гуру: *«До каких же пор сносить тиранию мусульман?»*. Амар Дас отвечал: *«Всю жизнь, ибо мстить — не в религии добрых людей. Более того, помните, что нет покаяния, равного терпению, нет счастья,*

равного воздержанности, нет греха большего, чем жадность, нет долга большего, чем прощение, и нет оружия лучшего, чем милосердие» [History of the Sikhs, 1888, p. 17–18]. Позднее, уже к середине XVII в., сикхские гуру будут учить совсем другому: око за око.

Впрочем, обидчики поплатились. Однажды через Гоиндвал проходила группа вооружённых *санньяси* — индуистских аскетов. Надо сказать, что аскеты в Индии подчас могли постоять за себя с оружием в руках; более того, иные (например, *госаины*) выступали воинами-наёмниками на службе некоторых правителей. У санньяси возникла с мусульманами ссора, и произошла стычка, в которой polegло немало людей с обеих сторон. Ещё через некоторое время мимо Гоиндвала шёл караван с казёнными средствами. Он попал в бурю, один мул отбилсЯ, мусульманские жители Гоиндвала нашли его и спрятали у себя. Могольские власти организовали поиски, мула нашли, и по приказу шаха этих мусульман бросили в тюрьму, а дома их разрушили. Амар Дас удовлетворённо заметил: «*Вот это всегда будет с теми, кто враждебен миролюбивым людям*» [Macauliff, 1909, II, p. 69–70].

Данный эпизод показывает: в XVI в. сикхи ещё не помышляли о том, чтобы вершить справедливость самим, а полагались на наказание своих врагов с помощью каких-то внешних сил — напрямую от бога, руками могольских чиновников и т.д. Это потом, с XVII в., в их взглядах на проблему отношения к злу в земной жизни произойдёт коренной перелом, и наказание зла — каким они его понимали — сикхи возьмут в собственные руки.

Третий гуру пошёл по стопам первого и в буквальном смысле: тоже обошёл основные места индуистского паломничества — не с целью поклониться богам теперь уже во многом чужой религии, а с целью проповедовать собственные взгляды. Это происходило при благожелательном отношении могольского падишаха Акбара, который даже освободил учеников гуру от обычно взимаемой с паломников пошлины. Правда, поняв свою материальную выгоду, большие толпы паломников объявляли себя последователями сикхского гуру, и налоговые поступления с паломников в тот год дали империи очень мало. Эта мера была проведена в рамках общей политики Акбара по облегчению положения своих индуистских подданных с целью примирить их с политической властью мусульман. В русле той же политики он отменил джизью — обычный в исламской политике подушный налог с «неверных».

В 1553 г. в день солнечного затмения в традиционных для индуистов местах паломничества Курукшетре и Хардваре собрались огромные толпы людей для омовения. Хотя Нанак настаивал на бесполезности внешних ритуалов, простой народ не был готов отказаться от них вовсе. Многие обычные сикхи изъявили желание побывать в упомянутых местах, и Амар Дас согласился отвести их туда. Этот случай показал, что для укрепления общины необходимы регулярные собрания верующих. Чтобы сикхи не участвовали в

собраниях и ритуалах индуистов, гуру ввёл регулярные собрания всей общины у себя в Гоиндвале — на праздники байсакхи (Новый год, март — апрель), *дивали* (у индуистов это праздник огней и светильников, октябрь — ноябрь) и *магхи* (13 или 14 января). Первое сборище состоялось на байсакхи 1554 г. Особенно празднику радовались женщины — впервые сотни их перемещались с открытыми лицами и ели в лангаре гуру. Введение своих, сикхских, праздников (точнее, приспособление индуистских под свои нужды) вносило организованное начало в функционирование общины, создавало условия для выработки коллективного самосознания её членов.

Также при Амар Дасе у сикхов появилось первое собственное место паломничества (опять же, вопреки учению Нанака). Речь идёт о *баоли* — распространённом в Индии сооружении, которое представляет собой колодец со ступенчатым спуском (в этом ступеней было 84). Этот баоли соорудили в Гоиндвале. Привычные к существованию подобных мест паломничества у индуистов, сикхи (многие — сами вчерашние индуисты) стали приходить сюда, чтобы поклониться гуру и ощутить принадлежность к общине единоверцев.

Росла община учеников Нанака и в демографическом, и географическом отношениях. К середине XVI в. она увеличилась настолько, что контролировать её напрямую у гуру не хватало сил (к тому же престарелый Амар Дас не мог много перемещаться по стране, посещая отдалённые сангаты). Взяв за образец индуистскую систему территорий, находившихся в ведении тех или иных брахманов (а также, возможно, административно-территориальную реформу могольского шаха Акбара), гуру ввёл систему *манджи* — 22 территориальных единиц сикхской общины (в англоязычной литературе иногда пользуются неадекватным христианским термином *parish*, «церковный приход»). Буквально *манджи* означала койку с покрывалом. На такой койке сидел во время проповеди гуру или местный сикхский проповедник; слушатели располагались на земле. Возглавлять манджи Амар Дас отправил преданных последователей, которых стали называть *сангатиями* — главами сангатов (из них четыре женщины). В их обязанности входило проповедовать учение гуру и собирать пожертвования для лангаров. Всего Амар Дас обучил 146 учеников (в том числе 52 женщины), которых и разослал по разным частям Индии проповедовать [Sikhism and Indian..., 2004, p. 65]. По меньшей мере раз в год сангати посещали гуру, доставляя часть собранных средств ему.

Уже при Амар Дасе зазвучали отголоски будущего противостояния сикхов с Могольским султанатом: влияние гуру в обществе росло, и власти начали слегка беспокоиться. Когда гуру посетил город Касур, могольский наместник отказался предоставить ему место для шатра в своём саду, и гуру пришлось просить приюта у какого-то бедного патхана. Правда, отголоски грядущей конфронтации были ещё очень слабыми, и беспокойство властей возникло только на местном уровне.

В 1567 г. произошла встреча Амар Даса с могольским падишахом Акбаром. Тот посещал в это время Лахор как центр субы и заодно решил лично повидать человека, о котором уже был наслышан как о великом духовном наставнике. При этом Акбар не вызвал Амар Даса к себе в Лахор, а сам приехал к нему в Гоиндвал. Более того, не желая ходить в чужой монастырь со своим уставом, шах перед встречей с гуру смиренно отведал пищи в лангаре, сидя в одном ряду с собственными подданными низкого происхождения. Уезжая, Акбар хотел пожаловать Амар Дасу налоги с нескольких деревень. Гуру отказался, подчеркнув, что лангар должен существовать за счёт скромных подношений верующих. Тогда шах подарил 500 *бигхов* земли дочери Амар Даса — Биби Бхани (1535–98). Вскоре на этой земле, расположенной в 50 км к северо-востоку от Лахора, начнут строить город, который станет Амритсаром — священным городом сикхов. Визит в Гоиндвал самого падишаха резко поднял престиж сикхского гуру и расширил число его последователей.

Рост влияния гуру сикхов с проповедуемым им эгалитаризмом не мог нравиться основной массе кхатри как членов достаточно высокой касты. Также он, естественно, вызывал всё большее раздражение у брахманов, которые не собирались терять монополии на духовную власть над индуистской массой населения. Они понимали, что учение гуру объективно подрывает их высокое положение, и отправили депутацию к Акбару с жалобой. К счастью для сикхов, шах не стал их слушать.

Брахманы не успокоились и стали действовать хитрее. Верно рассудив, какую задеть струну, они пожаловались Акбару, что проповеди гуру чреватые беспорядками в султанате. Брахманы пугали шаха перспективой разрушения всех социальных связей и подрывом обычаев как индуистов, так и мусульман. В отличие, возможно, от большинства монархов в его ситуации Акбар не стал сразу обрушивать репрессии, а последовал справедливому принципу: «*Следует выслушать и противоположную сторону*». Шах пригласил гуру приехать в столицу и ответить на обвинения. Амар Дас отговорился от поездки преклонным возрастом, но отправил за себя своего зятя Джетху, который впоследствии станет четвёртым гуру Рам Дасом. Акбар милостиво принял его, и тот разъяснил шаху основы учения Нанака.

Джетха объяснил, что, по представлениям сикхов, богу безразличны рождение и каста: создают или разрушают человека его собственные дела. Пользоваться предрассудками невежественных людей и называть это религией — святотатство. Религией также не являются предписания почитать бесконечного, бесформенного и абсолютного бога в виде идола или объекта природы (Акбару как мусульманину такое высказывание импонировало). Грехи смываются не омовением, а состраданием и смирением; не является религией настаивать на принятии особой пищи, на употреблении особого языка (выпад против санскрита) и одежды, на запрете большинству людей читать

священные и вообще любые тексты. Религией также не является отрицание мира: ведь только через него человек может реализовать свой духовный потенциал.

Акбар остался под большим впечатлением речи Джетхи. Он не только отнёс обвинения брахманов, но и потребовал от них просить прощения у сикхского гуру. Более того, по мнению ряда историков, чёткое изложение Джетхой основ сикхизма повлияло на выработку Акбаром знаменитой синкретической религии *дин-и-илахи*, «божественной веры», с помощью которой он, по одной из версий, пытался примирить своих подданных разного вероисповедания.

Амар Дас лично заботился о больных и престарелых членах общины, не обходил вниманием бедных. Однажды к нему пришёл неудачливый торговец по имени Ганго, жаловался на убытки и просил взять к себе на службу. Гуру отвечал: *«Бесполезно бежать от жизни. Человек может достичь освобождения, даже будучи домохозяином, — с помощью бескорыстного служения другим»*. Он посоветовал Ганго открыть в Дели деловое предприятие и служить нуждающимся людям. Тот так и сделал, став процветающим банкиром. Чтобы испытать его веру, гуру отправил к нему бедняка с письмом, где просил помочь этому человеку деньгами. Ганго проигнорировал письмо гуру, опасаясь, что тот поведётся слать к нему бедняков регулярно. Тогда гуру сам одарил бедняка, заметив: того, кто, обладая властью и богатством, не помнит ни бога, ни ближних и становится себялюбцем, неизменно постигает горе. Так и вышло. Деловая удача изменила Ганго, и он вновь обанкротился. Он пришёл к гуру во второй раз, искренне раскаялся, поэтому заслужил прощение и даже получил задание проповедовать сикхизм.

Гуру боролся с гордыней не только собственных последователей. Один брахман, кичившийся своей начитанностью и знанием санскрита, спросил Амар Даса: почему тот не учит своих учеников на санскрите — языке богов, на котором выражено всё знание, а пользуется панджаби — языком неграмотного люда? Гуру отвечал: санскрит подобен колодцу — глубокому и недоступному почти ни для кого, тогда как язык народа подобен дождевой воде — всегда свежей, обильной и доступной всем. Верный учению Нанака, Амар Дас подчёркивал, что священен не язык, на котором ведётся проповедь, а её содержание.

Однажды Амар Дас отправил Джетху основать новое селение, причём прежде всего вырыть на этом месте священный водоём и построить дом для самого себя. Джетха исполнил это на земле, купленной для него заминдарами — последователями гуру. Водоём назвали Амрит саровар, «Озеро нектара бессмертия». Селение назовут Рамдаспур по имени его основателя, который станет четвёртым гуру, а позже переименуют в Амритсар по (сокращённому) названию водоёма. Так родился священный для сикхов город, который

станет местом паломничества и крупнейшим торговым центром всего Панджаба. Место было выбрано не случайно, а уже было «отягощено» индуистской традицией: по преданию, здесь некоторое время жил эпический царь Рама.

Чувствуя приближение смерти, Амар Дас, подобно своим предшественникам, устроил двум своим сыновьям и зятям Раму и Джетхе испытание в вере. Наиболее достойным оказался Джетха, который и был назначен преемником. Произошло это 1 сентября 1574 г. Как и Нанак — Лехне, Амар Дас дал преемнику новое имя, которое символизировало второе рождение этого человека — в качестве гуру сикхов: Рам Дас, что означает «Раб божий». Не стоит удивляться, что здесь присутствует имя Рамы — *аватары* (ипостаси) одного из богов индуизма Вишну: сикхи продолжали традицию Нанака пользоваться привычными для индуистов терминами и именами, вкладывая в них новый смысл. К тому же обособление сикхизма от индуизма ещё далеко не было завершено. Согласно традиции, Амар Дас умер в тот же день в возрасте 95 лет.

Период гурта третьего лидера сикхов — Амар Даса — отмечен дальнейшим укреплением общины. Развился институт лангара, у сикхов появились собственные праздники, обряды жизненного цикла и даже место паломничества, которые позволили им почувствовать себя отдельной религиозной общиной. Весьма важным стало благожелательное отношение к общине верховной власти — могольского шаха Акбара.

Именно при Амар Дасе в общине коренным образом поменялся характер наследования гурта. Начиная с этого времени сикхские гуру стали династией: третий гуру Амар Дас впервые в истории общины передал свою гурта пусть не родственнику, но свойственнику — зятю Джетхе, который стал гуру Рам Дасом. В дальнейшем сикхские гуру будут происходить (по материнской линии) только из рода Рам Даса. В ретроспективе это обстоятельство было важным условием складывания сикхской политики. И всё же последователи Нанака продолжали пока ещё оставаться общиной религиозной, а их численность была относительно невелика; в кастовом отношении они принадлежали к кхатри (касте, из которой происходили сами гуру), торговой касте *арора* и ряду других.

I.5. Четвёртый гуру Рам Дас (1574–81)

Четвёртый гуру Рам Дас (Джетха, что значит «старший сын, первенец») родился 24 сентября 1534 г. в Чуна Манди под Лахором в семье Хари Даса, кхатри из гота *содхи*, и его жены Анул Дэви. Ещё до семилетнего возраста он

осиротел и был взят бабушкой в её деревню — Басарке, родную деревню Амар Даса. Там не утихала молва о человеке, который в 62 года оставил дом. Джетха в 1546 г. последовал его примеру, пришёл в Кхадур и стал верным последователем гуру, а позднее переселился с ним в Гоиндвал. В 1553 г. он женился на младшей дочери Амар Даса Биби Бхани и имел от неё трёх сыновей — Притхи Чанда, Махадэва и Арджан Дэва.

Передача власти в общине опять не обошлась без конфликта. Как сын Нанака Шри Чанд отказался признать гуру Ангада, а сын Ангада Дату — Амар Даса, так старший сын Амар Даса Мохан отказался склониться перед Рам Дасом, считая себя достойнее. Он не выходил из своей комнаты и обиделся на весь мир. Тем не менее впервые гурта перешла к члену той же семьи, из которой она уже не уйдёт. Что касается младшего сына Амар Даса — Мохри и мужа его старшей сестры — Рамы, то они смирились с выбором гуру.

Предвидя конфликт с Моханом, Амар Дас сам просил зятя выбрать новое местопребывание гуру. Рам Дас присмотрел место в лесу в 40 км к северо-западу от Гоиндвала, как раз на земле, подаренной Акбаром его жене. В 1577 г., уже после принятия им гурта, там под надзором Бхай Буддхи начали копать священный водоём — Амритсар, «Озеро амрита» (божественного нектара). Близ водоёма возникло селение Рамдаспур.

Как и предшественники, Рам Дас отличался набожностью и смирением. Говорят даже, что когда его посетил уже престарелый сын Нанака Шри Чанд и спросил, почему у него такая длинная борода, гуру отвечал: *«Чтобы сметать пыль с ног святых людей, таких, как ты»*, после чего хотел перейти от слов к делу. Шри Чанд удержал его, обнял и великодушно сказал: *«Этого достаютно. Вот благодаря тому ты лишил меня моего наследства. Что же ещё я могу предложить тебе за набожность и добросердечие?»*.

Рам Дас встал во главе сикхской общины в возрасте 39 лет и умер спустя всего семь лет. Однако за короткое время он добился значительных успехов в развитии общины. Многих преданных учеников он разослал проповедовать по разным странам Индии и даже за её пределы, например в Афганистан. Гуру завершил рытьё второго водоёма в Рамдаспуре и способствовал росту этого селения, основанного им при жизни третьего гуру. Воде этого бассейна приписывали (и приписывают) целебные свойства. Говорили, будто один прокажённый, случайно упав туда, выздоровел.

Одним из заметных событий в истории общины при Рам Дасе было вступление в неё Бхай Гурдаса (1551–1637) из гота бхалла, которого традиция считает внучатым племянником Амар Даса. Бхай Гурдас был выдающимся поэтом, автором 39 *варов* (героических баллад), а также видным проповедником учения гуру. Рам Дас направил его в Агру, где тот, прекрасно зная хинди, санскрит и священные тексты индуизма, успешно распространял сикхскую веру. Миссионерствовал Гурдас даже в Кабуле.

Однажды двоюродный брат гуру пригласил его в Лахор на свадьбу своего сына. Гуру, будучи занят, не мог приехать сам, но обещал отправить одного из сыновей. Сначала он просил старшего, Притхи Чанда, но тот уклонился: уже метил в гуру и опасался, что в его отсутствие его привилегированное положение может занять кто-то другой. Второй сын, Махадэв, был отшельником и не интересовался мирскими делами. Согласился младший сын, Арджан Дэв. Когда через месяц гуру не отозвал его из Лахора, Арджан написал ему два письма в стихах, напоминая о себе. Однако их перехватил Притхи Чанд, по-прежнему озабоченный тем, чтобы со временем самому стать гуру. Тогда Арджан написал третье письмо, пометив его номером три и дав указание посланцу вручить письмо гуру лично. Рам Дас догадался, кто перехватил два предыдущих письма, и заставил старшего сына предъявить их. Арджан писал о любви к гуру, разлуке с ним и самопожертвовании. Рам Дас был тронут до слёз смиренностью и искренностью младшего сына, сразу позвал его домой и избрал своим преемником. Обряд назначения гуру состоялся 1 сентября 1581 г. Арджану было 18 лет. В тот же день (согласно сикхской исторической традиции) его отец умер (в возрасте 46 лет).

Период гурта четвёртого гуру Рам Даса ознаменовался созданием священного водоёма Амритсар, вокруг которого вырастет город — главный религиозный центр сикхизма. Рам Дас был первым среди сикхских гуру, который находился с предыдущим в свойственных отношениях, приходясь ему зятем. Зарождение у лидеров религиозной общины династии способствовало началу коренного изменения характера этой общины, её выходу за рамки чисто духовного объединения.

I.6. Пятый гуру Арджан Дэв (1581–1606)

Пятый гуру сикхов Арджан Дэв родился 15 апреля 1563 г. в Гоиндвале в семье Рам Даса и Биби Бхани. Это был первый гуру, который уже родился сикхом, а не был обращён в сикхизм из индуизма. Также он был первым, кто остался в селении, где жил прежний гуру, а не переехал в другое место. Это неудивительно, ведь он первый, к кому звание гуру перешло по наследству от отца. Женой Арджана была Ганга (ум. 1621) из деревни Мео.

В череде сикхских гуру Арджан занимает особое место как строитель главного храма сикхов Хари Мандир, составитель священной книги Ади Грантх и первый мученик сикхизма. В истории он остался как талантливый поэт, строитель городов и крупный купец.

На протяжении большей части XVI в., точнее — при первых четырёх гуру, большинство обращённых в сикхизм принадлежали к кхатри и торговой ка-

сте арора. К концу столетия, при Арджане, в сикхизм стали массово переходить джаты — представители основной крестьянской касты Панджаба и в частности колыбели сикхизма — области Маджха. По варне джаты были шудры (это потом этимологию слова *джат* «подтянули» к санскр. *джешт*, «высший», «знатный»). Главной целью их обращения в сикхизм было повысить статус своей касты до статуса кхатри, уравниваться с ними благодаря членству в одной религиозной общине. Также джатам импонировала трудовая этика нового учения. Ещё Нанак отозвался о земледельце с почтением, ибо тот кормит всех без различия общественного и имущественного положения [Singh D., 2004, p. 195]. Сегодня практически все джаты индийского штата Панджаб по религиозной принадлежности являются сикхами. Возвращаясь к кхатри, отмечу, что внутри этой касты готы всех сикхских гуру занимали довольно низкий статус. Не исключено, что члены этих гот охотно делались сикхами с целью поднять статус своих гот **внутри** кхатри.

Как в эволюции любой организации, у сикхов в какой-то момент назрела необходимость введения «членских взносов» — обязательных выплат на содержание структур организации. Это и произошло при пятом гуру. Взяв за образец мусульманский налог *закят*, Арджан превратил добровольные подношения сикхов в обязанность. Возглавлявшим манджи сангатиям он поручил собирать *дасвандх* — десятую часть доходов сикхов. Сангатии стали называться *масандами* (одна из версий этимологии — искаж. арабское *маснад*, подушка, служившая индийским правителям в качестве трона). Функции масандов постепенно расширялись. Они уже не только проповедовали веру и держали лангар, но разрешали споры между членами общины и вообще регулировали её жизнь.

Первоначально масандам было запрещено присваивать хоть какую-то часть собираемых с общины средств: как все прочие сикхи, они должны были зарабатывать своим трудом. Однако очень скоро масанды стали пользоваться своим положением ради личного обогащения: стали удерживать в свою пользу треть дасвандха. С дальнейшим ростом общины масанды сами стали назначать себе в селениях заместителей. В британской и индийской научной литературе масандов иногда называют сикхскими епископами (например: [Gupta, I, p. 188]), но употребление термина, отражающего христианские реалии, конечно, неудачно. Другой такой неудачный термин — понтификат, применяемый для обозначения власти гуру в общине [Banerjee, 1978, p. 104; Sikhism and Indian..., 2004, p. 13]. Грамотнее пользоваться панджабским термином *гурта*.

По сути в религиозной общине зарождалась своя, вполне светская, система налогов и администрации — параллельная таковой Могольского султана-та. При этом сикхи платили дасвандх охотнее, чем налоги имперскому правительству [Gupta, I, p. 131]. Собранные с единоверцев средства масанды при-

возили гуру раз в полгода в праздники байсакхи и дивали. Перед отъездом масандов обратно в свои манджи Арджан жаловал их *хилатами* — почётной дорогой одеждой, которой индийские правители обычно одаривали знатных подданных в знак милости (араб. слово; отсюда русское «халат»). Местопребывание гуру уже называли *дарбаром* (перс. «царский двор»).

Как отметил индийский историк А.Ч. Банерджи, было бы неверно смотреть на введённый при Арджане сбор податей только как на источник дохода гуру. Другими целями было обеспечить участие масс в жизни общины, укреплять социальную солидарность и служить инструментом интеграции [Banerjee, 1978, p. 119].

Арджан завершил сооружение священных водоёмов Амритсар и Сантоксар в Рамдаспуре и занялся расширением города. Бассейн Амритсар вымостили обожжённым кирпичом. К этому же времени у сикхов назрела необходимость иметь главный храм как географический центр своей религии. 28 декабря 1588 г. на островке в центре водоёма Амритсар началось строительство святилища Хари Мандир («Божий Храм»). По одной из версий, первый камень сикхского храма по просьбе гуру заложил известный мусульманский святой, член суфийского тариката Кадирийя из Лахора перс Миан Мир (1553–1635). Это одно из многочисленных свидетельств того, что сикхизм (несмотря на вооружённые конфликты с Могольской империей XVII–XVIII вв.) — вовсе не антиисламская религия. Свидетельствует это и о терпимости к иноверцам части мусульманской общины Индии.

Некоторые сикхи считали, что храм надо строить на такой высокой платформе, чтобы он возвышался над всеми зданиями в городе. Арджан отвечал на это, что дом бога не нуждается в физическом возвышении, так как уже высок благодаря проповеди смирения. По настоянию гуру храм, наоборот, построили на несколько ступенек ниже уровня земли. (По другой версии, это сделали с тем, чтобы каждый входящий автоматически склонялся перед богом.) В индуистских храмах и мечетях вход лишь один (у индуистов смотрит на восток — на восход солнца, у мусульман в Индии на запад — на Мекку). Арджан сделал четыре входа по всем сторонам света. Это символизировало открытость гурдвары не только в географическом отношении — для людей со всех сторон света, но и в социальном — для всех четырёх варн индуистского общества. С тех пор так строят все гурдвары.

Хари Мандир стоит в центре священного водоёма в Амритсаре и поныне. Его иногда поэтично сравнивают с лотосом на воде. (Правда, сейчас это уже не храм эпохи Арджана: Хари Мандир многократно разрушали лютые враги сикхизма, о чём подробный рассказ впереди.) Гуру почитал водоём Амритсар таким же священным, как все 68 индуистских мест паломничества вместе взятые. Совершить в нём омовение значило смыть с себя все грехи. Конечно, в этом можно усмотреть отступление от принципов Нанака, который учил, что

ритуалы (в том числе омовения и паломничества) бессмысленны. Однако религия охватывала всё большее количество людей, для сплочения общины нужен был центр культа. Хари Мандир стал и остаётся главной в мире гурдварой.

В начале XIX в. объединитель Панджаба Ранджит Сингх буквально озолотил главный храм сикхов: пожертвовал на облицовку стен и крыши 400 кг золота. С тех пор он широко известен как Золотой храм, хотя только у не-сикхов; сами сикхи продолжают величать его Хари Мандир или Дарбар Сахиб («Господин Собрание»)¹. Считается, что в Амритсаре два водоёма, два озера — внешнее и внутреннее. Внешним озером мыслится водоём, в котором верующий совершает омовение тела; внутренним озером мыслится сам храм, где верующий омывает свой греховный ум в божьем имени (*нам*).

В отличие от церквей и мечетей сикхский Хари Мандир не служит местом для собственно собраний верующих. Вереница сикхов (и гостей — туда может зайти любой, чем воспользовался автор этих строк) проходит, не останавливаясь, через главное помещение, в центре которого нараспев читают священную книгу Ади Грантх (о ней чуть ниже). Многие входящие сикхи даже встают на колени и целуют порог храма. Можно спуститься по ступеням храма к воде, подняться на второй этаж с балконом или на крышу. Громкоговорители многократно усиливают голоса чтецов, разнося их по территории всего храмового комплекса с бассейном. В Индии существует и специальный телеканал, по которому ведут трансляцию непрерывного чтения (*акханд патх*) Ади Грантх из Хари Мандира в прямом эфире 24 часа в сутки.

Итак, в конце XVI в. у сикхов появился географический центр религии. Многие члены общины приходили в Амритсар посетить гуру и храм. Немало торговцев-сикхов селилось в городе, увеличивая его население и способствуя его процветанию. В XVIII в. Амритсар станет крупнейшим торговым центром Панджаба. Кстати, Арджан первым из гуру стал поощрять сикхов заниматься торговлей, особенно прибыльной торговлей лошадьми. Сикхи начали ездить за пределы Южной Азии — в Иран, Среднюю Азию. Как и в случае с Нанаксом, это — помимо прочего — было сознательным нарушением кастового запрета, тем самым сикхи утверждали свою отдельную от индуистов идентичность.

Арджан отступил от простого стиля жизни прежних гуру и начал жить, как подобает индийскому правителю: носил богатые одежды, держал скакунов из Средней Азии, слонов и вооружённую стражу, украсил Амритсар величественными зданиями. Собственно, он и был уже правителем — главой многочисленной (религиозной) общины.

---

¹ Авторы многих современных портретов сикхских гуру допускают анахронизм: на заднем плане рисуют Хари Мандир уже таким, каким он выглядит сейчас, после его озолочения в начале XIX в.

Любопытно, что при Арджане сикхи начали именовать своего гуру *сага падишах* — «истинный падишах». Первым этот термин употребил ещё Нанак, но в отношении бога. Конечно, в первую очередь сикхи выражали этим термином почитание гуру Арджана как учителя веры (кстати, члены суфийских тарикатов нередко называли своего пира шахом, признавая его владыкой). Однако для сикхской общины гуру начинал становиться владыкой не только в религиозном, но и во вполне мирском смысле. Это просматривалось хотя бы в том, что Арджан был единственным администратором своего Рамдаспура — здесь не было могольских чиновников, сикхский город пользовался административной автономией, подчиняясь только своему гуру.

Как повествует традиция, Арджан не тратил на собственные нужды собираемый масандами дасвандх, а, следуя примеру предшественников, зарабатывал на жизнь своим трудом — торговал лошадьми. В Индии это занятие всегда было очень прибыльным: в здешнем климате лошади не размножаются, и пополнять их численность можно только за счёт ввоза — из Средней Азии, Ирана, Аравии. Торговля лошадьми, помимо прочего, способствовала освоению сикхами искусства верховой езды. Навык очень пригодится в дальнейшем.

Около 1590 г. Арджан совершил путешествие по Маджхе. В деревне Кхара под Джаландхаром он купил землю, на которой заложил селение Тарн Таран и стал копать водоём, ещё больший, чем в Амритсаре. Сейчас в Тарн Таране находится вторая по значению гурдвара сикхизма. В ходе той же поездки гуру вырыл ещё один водоём, Гангасар, и по примеру Нанака основал близ него селение Картарпур. Путешествие Арджана сопровождалось массовыми обращениями в сикхизм, а также дружескими духовными беседами с известными мусульманскими святыми.

На протяжении своей гурты Арджан регулярно сталкивался с происками своего старшего брата Притхи Чанда. Если прежде лидерство в общине оспаривали сыновья предыдущих гуру у чужих им людей, то теперь зависть омрачила родственные отношения: брат восстал на брата. Притхи Чанд не смирился с выбором отца в пользу Арджана и избрал подлый метод — принялся всячески очернять его в глазах могольских властей. Гуру пытался помириться с братом, уступив ему ренту с принадлежащих его семье земель. Однако того по-прежнему терзала зависть.

Конфликт возник у Арджана и с влиятельным министром Акбара индуистским раджой Бирбалом, который знаменит по легендам и анекдотам как шахский шут. Направляясь в 1586 г. в карательный поход на северо-западную границу Индии против пуштунского племени юсуфзаев, Бирбал взимал с индуистских домохозяйств налог в 1 рупию. Прислал он сборщиков и в Амритсар. Городские кхатри отказались платить и пожаловались гуру. Последний заявил сборщикам, что сикхи — не индуисты, поэтому не подлежат обложению упомянутым сбором; кроме того, ещё при Амар Дасе были официально

освобождены от налога на паломников. Бирбал разгневался и вызвал Арджана в свой лагерь, но гуру послал сказать, что не боится гонений за правое дело. Бирбал стал грозить, что сравнивает Амритсар с землёй. Однако прежде чем он смог как-то навредить сикхам, получил приказ Акбара поторопиться с походом на границу, где и погиб в сражении с юсуфзаями.

Эпизод с Бирбалом напоминает более известный в индийской истории эпизод с суфийским святым XIII–XIV вв. Низам-уд-дином Аулия из Дели, который вызвал гнев султана Гияс-уд-дина Туглука (1320–25). Султан находился в это время далеко на востоке Индии и велел, чтобы Низам-уд-дин до его возвращения в столицу покинул её. Святой ответил ехидной фразой, которая стала поговоркой: «*До Дели ещё далеко*». И действительно, вернуться в Дели султану было не суждено: на обратном пути сын устроил ему военный парад, и во время прохода слонов на Гияс-уд-дина рухнул спешно построенный деревянный павильон.

Притхи Чанд меж тем продолжал вредить гуру, направляя ложные обвинения шаху и провоцируя могольские власти Джаландхарского доаба. Однако за гуру заступился министр Вазир-хан — как утверждает сикхская традиция, он был поражён набожностью гуру и его последователей. Конечно, империи не нужны были лишние конфликты. Однако с местными властями столкновения интересов у сикхов иногда происходили. Таким столкновением отмечено строительство священного бассейна в селении Тарн Таран. Видя, как сикхи строят печи для обжига кирпичей, могольский чиновник Нур-уд-дин конфисковал их, и изготовленные там кирпичи — для возведения караван-сарая собственного имени. Гуру не стал конфликтовать, а лишь заметил: «*Того, кто притесняет бедных, непременно постигнет горе. Вещь вернётся на своё место*». Спустя почти двести лет пророчество сбудется: два сикхских военачальника, Хушхал Сингх Фаизуллапурия и Джасса Сингх Рамгархиа, снесут караван-сарай Нур-уд-дина и используют кирпичи по исходному назначению — для строительства священного водоёма.

Между тем Притхи Чанд утешался тем, что, поскольку Арджан бездетен, его статус перейдёт со временем к его, Притхи, сыну. Однако стало известно, что жена гуру беременна. Это так раздражило Притхи Чанда, что он спровоцировал нападение на Амритсар могольского отряда под командованием налогового чиновника Сулахи-хана. Тот совершил его под предлогом сбора средств и явился к Амритсару, чтобы пограбить. Однако Арджан с семьёй был предупреждён и успел переехать в местечко Вадали. Здесь 19 июня 1595 г. у него и родился сын Харгобинд — будущий шестой гуру сикхов. Когда Сулахи узнал, что гуру оставил Амритсар со всем имуществом, он отступил и стал ждать другого случая. Кончил Сулахи плохо: ехал однажды на лошади, её испугали пчёлы, она понесла и угодила в печь для обжига кирпича; оба — лошадь и всадник — сгорели заживо.

Как гласит сикхская традиция, Притхи Чанд трижды пытался известить младенца Харгобинда — дважды с помощью отравы и один раз с помощью кобры. Он подослал к ребёнку кормилицу с ядом, но та вдруг упала в обморок, а придя в себя, созналась в злых намерениях. В другой раз дядя подослал к племяннику заклинателя змей. Тот пустил во двор гуру чёрную кобру, но маленький Харгобинд будто бы схватил её рукой и моментально удавил. Наконец Притхи Чанд подкупил слугу гуру, и тот подсыпал яду в молоко для ребёнка. Харгобинд пить не стал, пробу молока дали собаке, и та сразу издохла, а слуга тоже сознался. Эти покушения напоминают эпизоды из индуистской мифологии: так тиран Канса тщетно пытался погубить младенца Кришну. Наконец Притхи обратился с жалобой на Арджана к Акбару. Однако шах отказался его слушать, заявив, что монарху негоже вмешиваться в дела святых людей. Притхи с горя заболел.

Между тем Арджан обеспечил сыну прекрасное образование. Харгобинда учили не только языкам и религиозной философии, но и верховой езде, владению оружием, астрономии, медицине, земледелию, управлению, даже химии и другим наукам.

24 ноября 1598 г. могольский шах Акбар вторично посетил сикхского гуру — на этот раз Арджана. Их встреча состоялась в том же Гоиндвале. На шаха произвели хорошее впечатление манеры гуру, тёплый приём и пение Арджаном киртанов. Второй визит шаха ещё больше поднял престиж сикхизма, что ускорило процесс обращения крестьян и мелких торговцев Маджхи.

Второе, пожалуй, ещё более значительное, достижение гуру Арджана после строительства Хари Мандира — кодификация священного писания сикхов. Это было предпринято с двумя целями: одна связана с эволюцией религии, другая — с проблемой власти в общине. Во-первых, к концу XVI в. назрела необходимость упорядочить учение Нанака и его преемников. Во-вторых, Притхи Чанд и его сын, претендуя на гурта, успели сочинить апокрифическую литературу от имени Нанака; Арджану было необходимо чётко отделить их сочинения от истинных сочинений гуру.

Это оказалось делом нелёгким. Книга написанных первыми гуру гимнов уже существовала. Её под личным надзором отца составил старший сын Амар Даса Мохан, включив туда избранные стихи ряда бхактов. Эта книга в двух томах хранилась у него дома в Гоиндвале. Арджан отправлял посланцев к Мохану, чтобы убедить его передать книгу гуру как законному главе общины. Однако Мохан проводил целые дни в медитации и никто не осмеливался тревожить его. Арджану в 1603 г. пришлось отправиться в Гоиндвал лично. Он сел снаружи дома и запел гимн во главу Мохана. Того настолько поразило смирение гуру, что он расстался со своим сокровищем.

Пятый гуру был крупным, даже наиболее цитируемым поэтом в Панджабе, его гимны были на слуху [Singh Kh., I, p. 61]. Арджан собрал полученную

от Мохана книгу, собственные киртаны и стихи ряда поэтов — несикхов и удалился на берег водоёма Рамсар под Амритсаром. Там поэт Бхай Гурдас под его диктовку составил священное писание сикхов. Количество страниц (*анг* — пандж. «членов») Ади Грантх канонизировано — 1430. Писание состоит из трёх частей.

Первую часть (страницы 1–13) составляют утренние и вечерние молитвы. Начинается Ади Грантх короткой молитвой *Мул мантра* — самой священной молитвой сикхизма, её символом веры, в котором утверждается единство бога и перечисляются его важнейшие эпитеты — бесстрашный, бессмертный и т.д. (так и в Коране символ веры — сура *аль-Фатиха*, «Открывающая», — стоит первой в книге). Первые слова Мул мантры — догмат *Ик онкар*, «Бог един». Эта фраза записывается символом с применением алфавита гурмукхи: цифра 1 и первая буква слова «бог». Знак Ик онкар широко присутствует в гурдварах и является главным графическим символом сикхской религии. Для сикхов он так же священен, как для индуистов знак *ом* (два символа похожи и внешне благодаря естественному сходству буквы *у* в алфавитах гурмукхи и деванагари). Мул мантра входит в состав *Джапджи* («Повторения [имени бога]») — утренней молитвы сикхов. Авторство Джапджи приписывается Нанак. За Джапджи идут вечерние молитвы *Со Дар* и *Со Пуркх* и молитва отхода ко сну *Сохила*.

Вторая часть Ади Грантх (страницы 14–1352) — основная, её составляют гимны (*сабад*) во славу бога, сгруппированные в 31 группу стихов в соответствии с той или иной *рагой*, на которую их надо исполнять. Рага — основное понятие традиционной индийской музыки, тональность, опираясь на которую музыкант строит собственные вариации (всего в индийской теории музыки разработано несколько сот раг, которые связаны с различными оттенками настроения, временами дня, сезонами; рага имеет не менее 5 и не более 12 нот).

Третью часть книги (страницы 1353–1430) составляют завершающие тексты — *Мундавани*, один *салок* гуру Арджана и *Рагамала*.

В законченном виде Ади Грантх содержит 5894 гимна. Это гимны сикхских гуру (пандж. *гурбани*, «гимны гуру»), стихи 17 бхактов и суфиев (*бхагат ди бани*, «гимны бхактов»; это Намдэв, Кабир, Джайдэв, Равидас, Рамананд, Сурдас, чиштийский шейх Фарид и др.; есть три гимна, приписываемые Мардане), стихи поэтов Балванда и Саты, а также 15 *бхаттов* (певцов). Нанак приписывают авторство 974 гимнов, Ангаду — 62, Амар Дасу — 907, Рам Дасу — 679 и Арджану — 2218. Вклад других авторов меньше: 541 гимн приписывают Кабиру и 381 — всем остальным упомянутым поэтам. Позднее, в конце XVII в., в книгу включают 115 стихов девятого гуру Тег Бахадура и один — десятого, Гобинд Сингха. Большинство гимнов написано на панджаби, но есть и на других языках — диалектах хинди *брадж* и *кхариболи*, на фар-

си и даже на санскрите (при сдержанном отношении гуру к нему как к языку эзотерических текстов). Любые переводы Ади Грантх не только на другие языки, но даже на современный панджаби не приветствуются: считается, что священную книгу — речь самих гуру — надо непременно постигать на языке оригинала (как в исламе не поощряются переводы Корана, ибо Аллах ниспослал писание на арабском, значит только на нём следует его читать и слушать). Правда, например, в англоязычных странах большинство членов сикхской диаспоры читают свою священную книгу уже по-английски.

При составлении книги Арджан хотел включить в неё и стихи Гурдаса, которому диктовал её, но тот скромно заявил, что они недостойны стоять в одном ряду со стихами сикхских гуру и других святых людей. Тогда Арджан благословил сочинения Гурдаса как «ключ» к пониманию писания. Многие европейские исследователи называют Гурдаса святым Павлом сикхизма.

Нанаку принадлежит около пятой части гимнов Ади Грантх, но любопытно, что все последующие гуру тоже называют себя в стихах Нанаками и наличие его имени в том или ином гимне не обязательно означает его авторство (кстати, приём упоминать своё имя в последней строке стиха первый гуру заимствовал из персидской поэзии).

То, что преемники Нанак называли себя его именем, конечно, неслучайно. Так отражался постулат, согласно которому гурта — это некая целостность. Как разъяснил У.Х. Маклеод, данное качество переходило от одного человека к другому, как от одного пламени загорается череда факелов [McLeod, 1989, p. 51]. Эта идея пришла в сикхизм из суфизма, где цепочка пиров в тарикате тоже мыслится как единое целое. Сикхский историк Притам Сингх Гилл так и называет следующих гуру: второй Нанак — Ангад; третий Нанак — Амар Дас и т.д. [Gill, 1978, p. 90–94]. По сути сикхи считают десять разных людей одним гуру.

На первых порах сикхи величали своё священное писание Потхи Сахиб («Господин Книга»); так назвал его сам Арджан. Позднее, когда в конце XVII в. десятый гуру Гобинд составит собственную книгу — Дасам Грантх, «Книгу десятого падишаха», священное писание для различения станут называть Ади Грантх, «Изначальная Книга». Составление Ади Грантх завершили в июле 1604 г. Сикх Бхай Банно съездил с книгой в Лахор как центр ремёсел, потому что только там можно было найти искусных переплётчиков, и вернулся с двумя переплетёнными томами. 16 августа 1604 г. оригинал Ади Грантх поместили в Хари Мандире. Гуру водрузил её на высоком пьедестале, а сам сел ниже и призвал всех присутствующих кланяться книге — не как идолу, а как вдохновлённому богом писанию, которое наставляет людей на путь истинный.

Оригинал книги существует по сей день, хранится в гурдваре Шишмахал («Шесть дворцов») в Картарпуре. Была учреждена должность хранителя кни-

ги — *грантхи*. Первым грантхи Арджан назначил Баба Буддху, который по традиции участвовал в каждой церемонии инвеституры нового гуру. В Хари Мандире начались богослужения — чтение Ади Грантх нараспев под музыку. И по сей день книгу в этом храме непрерывно читают сменяющие друг друга чтецы (прочтение её целиком занимает двое суток). Подчеркну, что в сикхизме нет института церкви, *грантхи* и *гьяни* (знатоки священного писания) — вовсе не священники, они не выступают посредниками между верующими и богом; это просто религиозно образованные члены общины, разбирающиеся в догматике и ритуалах веры (как *алимы* в исламе). Проводить общую молитву имеет право любой член общины (как имам в исламе — лишь предстоятель на молитве), включая женщин (это отличие от ислама). Кроме грантхи и гьяни в гурдваре сейчас существуют должности исполнителей религиозных обрядов — *пуджари*, а также профессиональных музыкантов — *рабаби* и *раги*. Сикхское богослужение невозможно представить не только без священного писания, но и без музыки.

Как и сикхский храм, сикхская книга тоже была открыта для людей всех каст — как подчеркнул Арджан, в отличие от священных текстов индуизма, читать которые имеют право только брахманы как монопольные знатоки санскрита, а слушать — только дваждырождённые (брахманы, кшатрии и вайшьи). Доступности Ади Грантх для простого народа способствовал и язык, на котором написаны её стихи. Они созданы на многих языках, но всё это живые разговорные языки — панджаби, диалекты хинди; некоторые гимны Нанакана даже написаны на фарси (традиция восходит к поэту XIII–XIV вв. Амиру Хусрау Дехлави). Панджаби в книге преобладает как родной язык сикхских гуру и большинства их последователей.

Появление у общины собственного священного писания, безусловно, укрепило её, способствовав восприятию сикхизма как отдельной религии.

Арджан объявил также, что (в отличие от ситуации в индуизме и исламе) проповедовать веру и возглавлять общину могут женщины. По указанию гуру были сделаны копии, которые разослали в центры расселения общины. Занимался Арджан и прозелитической деятельностью, рассылая проповедников. В частности, многочисленная сикхская община возникла в Кабуле, где жили индийцы — торговцы лошадьми и фруктами. Проповедники сикхизма проникли и в Шивалик — область предгорьев Гималаев, и в Кашмир.

Отношения сикхов с Могольским султанатом оставались ровными. Правда, в начале XVII в. у Арджана в высших эшелонах провинциальной власти появился лютый враг — диван Лахорской субы Чанду Шах, банкир по роду занятий и индуист по религии. Он хотел породниться с Арджаном и предложил свою дочь в жёны Харгобинду; это предложение многое говорит о возросшей мощи сикхской общины. Однако прежде чем решить дело в пользу брака, Чанду Шах, раздумывая, сначала заявил, что не намерен сбрасывать

узорную черепицу с высокой башни в сточную канаву. Эта деталь дошла до Арджана, и тот отказал, вернув присланные свадебные дары. Гуру написал в письме, что доволен своим скромным жребием, и успокоил лахорского дивана: узорная черепица не будет сброшена в канаву [Религия сикхов, 1997, с. 138–139]. Чанду Шах оскорбился и затаил злобу.

В 1605 г. Акбар вновь посетил Панджаб, и группа кази и брахманов (которых подговорил то ли Притхи Чанд, то ли Чанду Шах) подали жалобу, будто Ади Грантх содержит богохульства с точки зрения и ислама и индуизма. Шах затребовал книгу к себе, и гуру послал её к нему под присмотром Буддхи и Гурдаса. Акбар приказал раскрыть книгу наугад и читать в присутствии кази и пандитов. Однако в книге не нашли источников религиозной розни — только хвалу богу. Акбар был доволен и преподнёс в дар книге 51 золотой *мохар*, а обоим её хранителей одарил хилатами (послал и Арджану). Также он по просьбе гуру отменил в тот год налоги с округа, где находился Амритсар, чтобы крестьяне восстановили хозяйства после отсутствия муссона.

В долгое правление Акбара сикхам опасаться властей в целом было нечего, империя их не трогала. Однако 17 октября 1605 г. Акбар умер. Ему наследовал его сын Джахангир, который не обладал широтой взглядов отца и придерживался ислама более строгого толка без учёта обстоятельств. По мнению сикхских историков, поддержкой ислама Джахангир пытался компенсировать свои распутство и пьянство [Singh, Gopal, 1988, p. 190]. (Два его младших брата умерли от белой горячки.) При новом шахе недоброжелатели сикхов подняли голову. Одним из главных, возможно, был влиятельный шейх суфийского тариката Накшбандийя — Ахмад Сирхинди (1564–1624). Этот тарикат выделялся среди всех прочих тем, что его члены относились к «неверным» резко отрицательно и не были настроены ни на какой межконфессиональный диалог. У консервативной части исламской общины Ахмад Сирхинди снискал почётное прозвище «Обновитель второго тысячелетия», поскольку активно боролся за избавление индийского ислама от привнесённой Акбаром веротерпимости. Кстати, как брахманы с недовольством взирали на растущее влияние сикхского гуру среди индуистов, так и алимы были далеко не в восторге от того, что индийские мусульмане переходят в сикхизм.

Долгое время в литературе была распространена точка зрения, будто до гибели Арджана в 1606 г. сикхизм был мирным движением, а сразу после его смерти его малолетний сын, преодолев сопротивление матери и масандов, взял курс на милитаризацию. Это неправдоподобная версия. Военное обучение ввёл уже Арджан в последние годы жизни, что было напрямую связано с ожидаемой кончиной Акбара, подъёмом в Панджабе исламских фанатиков во главе с суфийским тарикатом Накшбандийя (не все суфии относились к иноверцам терпимо), а также враждебностью Чанду Шаха в Лахоре. Возмож-

но, пятый гуру принял к себе в окружение несколько бывших могольских воинов, которым и поручил поставить военное дело в общине [Banerjee, 1978, p. 137].

Опасения были небезосновательны. Джахангир стал искать предлог для расправы над сикхами. Во-первых, Моголы начинали видеть в подъёме сикхов потенциальную угрозу в сфере власти. Джахангир в своих мемуарах *Тузук-и-Джахангири* с раздражением пишет: «В Гоиндвале на реке Беас жил индуст по имени Арджан, рядившийся в одежды святости. Благодаря своему обращению с людьми и манерам ему удалось одурманить многих простосердечных индустов и даже невежественных и глупых мусульман, и те шумно били в барабан его святости. Его называли гуру, и со всех сторон глупцы собирались поклониться ему и проявить свою веру в него. В течение трёх-четырёх поколений они держали эту лавочку. Много раз мне в голову приходила мысль положить конец этой бессмыслице или принять его (гуру. — К.Ф.) в лоно ислама» [The Tuzuk-i-Jahangiri, 1909, p. 72]. Во-вторых, хотя новый шах и не был религиозным фанатиком, он стремился угодить алимам. Случай представился сразу.

После смерти Акбара сын Джахангира шахзада Хусрау стал оспаривать трон у отца, поднял мятеж, но быстро потерпел неудачу и стал отступать с войском через Панджаб в сторону Афганистана. Во время этого мятежа сикхи и вышли впервые на арену борьбы за власть в Могольском султанате. Как Хумаюн посетил Ангада, так Хусрау заехал в Тарн Таран к Арджану. Во время встречи гуру нанёс на лоб принца шафрановый *тилак* в знак благословения.

Сикхские историки настаивают, что Арджан не вмешивался в борьбу за власть в империи, тем более что считал любой мятеж сына против отца аморальным; шахзаду он благословил как обычного посетителя, какие приходили лицезреть гуру. Однако, похоже, что глава сикхской общины всё же вмешался в усобицу как политическая фигура. Хусрау был известен своей религиозной терпимостью (пошёл в деда), поэтому для сикхов был на троне предпочтительнее. У сикхского гуру он уже бывал — в свите Акбара. Есть сведения, что шахзада просил у Арджана денег и тот дал ему несколько тысяч рупий (сумма внушительная) [Gupta, I, p. 147–148]. Есть даже сведения, что немало сикхов вступило в войско принца — едва ли против желания своего гуру [Archer, 1946, p. 155].

В апреле 1606 г. имперская карательная экспедиция настигла и пленила Хусрау. Последовала жестокая расправа над его сторонниками, а самого принца частично ослепили. Правда, через полгода отец раскаялся и нанял искусного персидского врача восстановить ему зрение.

Однако Арджану не повезло. Действительно ли Джахангир считал его приверженцем Хусрау или только использовал их встречу как предлог — не-

ясно. Скорее, то был предлог для расправы над набирающим силу главой крупной общины, члены которой величали титулом *сага падшах* своего гуру, а не могольского правителя. В любом случае вскоре после подавления мятежа Джахангир вызвал Арджана в Лахор. Ему выставили штраф в 2 *лакха*¹ рупий (эту выплату сикхам удалось-таки саботировать) и заточили в цитадели города — Лахорской крепости². Арджана месяц держали на цепи под палящим солнцем, изошрённо пытали, а затем решили казнить способом, в котором Джахангир уже поднаторел, — зашить в шкуру (так поступили с двумя главными сторонниками Хусрау). Ключевую роль в репрессиях сыграл Чанду Шах; содействовал им, возможно, и Притхи Чанд (он, правда, в разгар этих событий умер сам).

30 мая 1606 г. (4 числа светлой половины месяца джетх 1663 г. эры Бикрами³) принесли бычью шкуру — это чтобы лишний раз унижить гуру: ведь сикхи разделяют почтение индуистов к коровам. Арджан попросил исполнить последнее желание — разрешить искупаться в Рави, чтобы умереть чистым. Ему позволили, и во время купания сильное течение унесло ослабленного пытками гуру. Позднее на берегу в этом месте сикхи воздвигли *самадхи* пятого гуру. Такова сикхская версия кончины Арджана; по версии могольских летописей, его просто запытали до смерти. Как бы то ни было, пятый гуру сикхов стал их первым мучеником. Было ему 43 года. Вместе с Арджаном замучили пять других сикхов.

Период гурта Арджана занимает в истории сикхской общины особое место. Религиозный вклад пятого гуру переоценить трудно. Во-первых, Арджан, царь Соломон сикхской истории, построил для единоверцев главный храм как географический центр религии. Во-вторых, он же составил для них священное писание, часть стихов которого сочинил сам. При Арджане, к началу XVII в., почитатели Нанак и его преемников по сути и выделились окончательно из массы индуистского населения как сикхи, как особая рели-

¹ Лакх (санскр.) — число 100 тыс. в традиционной математической системе Индии. Им очень широко пользуются и сейчас.

² Для многих крепостей в Индии устоялось и широко используется английское слово *форт*, но надо помнить, что появилось оно только в период британского владычества; индийцы пользовались санскритским словом *гарх* или арабским словом *кила*.

³ Индуисты, а вслед за ними сикхи обычно вели летосчисление по эре Викрами, или Викрам Самват (на панджаби — Бикрами, Бикрам Самбат), начало которой отсчитывали с 58/57 г. до н.э. Календарь был лунно-солнечным, каждый месяц имел светлую (после новолуния) и тёмную (после полнолуния) половины. В 1999 г. сикхи провели реформу календаря. Новый, сугубо сикхский, календарь называется *Нанакшахи*. Это солнечный календарь, аналогичен григорианскому; летосчисление, как в христианстве, ведётся с года рождения основателя религии (1469 г.); большинство религиозных праздников теперь не «кочуют» в каком-то интервале, а фиксированы в виде конкретных дат.

гиозная община. У них появились и устоялись свои обряды, свои места богослужения и паломничества (несмотря на мнение Нанака о бесполезности паломничества). Сам Арджан в стихах, вошедших в Ади Грантх, недвусмысленно писал, что порвал и с индуистами, и с мусульманами, не соблюдает ни индуистского поста, ни рамадана и служит лишь единому богу.

Однако вклад гуру Арджана явно выходит за пределы религии. Именно с него начинается история сикхов как политического сообщества (то, что в англоязычной литературе назвали бы *body politic*). Гуру как духовный лидер общины стал приобретать качества и лидера политического. Не случайно гурта превратилась в наследственную, когда сикхские гуру из вероучителей стали делаться для своей «паствы» ещё и светскими правителями. Введением обязательной десятины (дасвандха) в пользу гуру и общины Арджан заложил основы сикхской налоговой системы, а набором наёмного военного отряда — основы сикхской армии. Начался и общий процесс милитаризации общины. Ему способствовало то, что с конца XVI в. сикхизм стали принимать многие джаты, которые хотя по роду занятий и являлись крестьянами, были кастой с традицией ношения оружия [McLeod, 1989, p. 43]. К концу XVI в. количество перешло в качество. Религиозная община начала превращаться в политику.

Главной причиной этого процесса было то, что основная масса сикхов видела в нём возможность повысить свой социальный статус в индуистском обществе — не только с помощью принадлежности к общине, где равенство просто проповедуется силой слова (это уже было при Нанаке и его ближайших преемниках), но и с помощью того, что Л.Б. Алаев выделил как один из шести вариантов кастовой динамики — вариант под названием «государственное регулирование статусов разных каст» [Алаев, 2003, с. 42]. В истории Индии правящие группы своими целенаправленными действиями (с помощью административного рычага) не раз способствовали повышению (или понижению) статуса тех или иных каст в собственных интересах. Джаты и представители низких каст в сикхской общине поддерживали проснувшиеся притязания своих гуру на превращение в светских князей, так как им самим это сулило как раз такое регулирование. Обретя политический вес, сикхские гуру получили бы реальные возможности положительно влиять на кастовый статус своих религиозных последователей, защищая их своим княжеским авторитетом (а не просто духовным авторитетом святых людей, вероучителей). Не случайно время начала превращения общины в политику (конец XVI в.) совпало со временем, когда в общину массово пошли джаты и низкокастовые. Каста кхатри, из которой происходили первые последователи Нанака, занимала достаточно высокое положение в обществе, социально была достаточно защищена и без превращения гуру в правителей. Более низкие касты были заинтересованы в этом превращении намного больше.

Даже своей смертью гуру Арджан наделил общину ещё одним цементирующим средством — положил начало традиции мученичества, которая резко выделила сикхов на фоне прочих религиозных общин Индии. С гибелью пятого гуру сикхи вдруг стали общиной, противопоставленной верховной власти, а именно Могольскому султанату. Хотя в начале XVII в. степень этого противопоставления преувеличивать не нужно, то было начало истории долгого и не по-индийски жёсткого и упорного сопротивления сикхов имперской власти.

ГЛАВА II

От новой религии к новой политике (XVII в.)

II.1. Шестой гуру Харгобинд (1606–44)

Если воспользоваться терминологией известного немецкого социолога М. Вебера, следует отметить, что начиная с Рам Даса харизматическое лидерство в сикхской общине сменилось традиционным: гуру стали династией. Однако лидеры общины продолжали быть выдающимися людьми. Можно сказать, что в лице сикхских гуру харизматическое и традиционное лидерство совпали (как и в первых шести правителях Могольского султаната от Бабура до Аурангзеба).

Шестой гуру Харгобинд родился 19 июня 1595 г. Когда отца казнили, ему было всего 11 лет. Церемония передачи гурта произошла 25 мая 1606 г., впервые без участия уходящего гуру. Обряд целиком совершил всё тот же Баба Буддха. Нововведением в обряде стало надевание им на Харгобинда тюрбана, что символизировало переход статуса от отца к сыну. Так укреплялась династия Рам Даса. По преданию, Харгобинд на церемонии отказался надеть шнурок из сукна, который прежние гуру носили на шее или вокруг головы в знак своего духовного звания. Вместо этого он повязал на поясе две сабли — по одной с каждой стороны. Одна сабля означала светскую власть (*мири*), а другая — духовную (*пирри*). Отдалённо это напоминает концепцию двух мечей в средневековом христианстве. «*В доме гуру духовная и мирская власть будут согетаться*», изрёк Харгобинд. По другой версии, надевание сабли уже входило в церемонию изначально, но, незнакомый с оружием, Баба Буддха повязал её Харгобинду не с той стороны — справа; новый гуру не захотел лишать силы действие, уже совершённое столь авторитетным членом общины, и просил повязать слева вторую саблю. По легенде, ещё Арджан наказал сыну «*сидеть на троне во всеоружии*».

Показательно, что светскую власть в руководстве общиной уже не мыслили без её военного компонента, который символизировался каким-то предметом оружия. В двух саблях усматривают и другие пары символов:

шакти (сила) и *бхакти* (любовь), *тег* (меч — для врагов) и *дег* (пища — для друзей).

Появление сабель в символике сикхских гуру отражало начавшийся при Арджане процесс милитаризации общины, который завершит десятый гуру Гобинд Сингх на рубеже XVII–XVIII вв. К милитаризации располагали и личные качества шестого гуру: Харгобинд питал склонность к боевым упражнениям и охоте. Масандам и собранию сикхов он дал указание впредь делать подношения не деньгами, а конями и оружием. Новый гуру стал поощрять развитие у последователей не только любви к богу, но и физической силы и искусства владеть оружием. Стал он прививать сикхам любовь и к военной музыке. Вместе с тем Харгобинд оставался набожным последователем Нанак, каждое утро и каждый вечер посещал собрания с пением киртанов.

В литературе по сикхской истории Харгобинда называют первым военным героем панджабского народа за 600 лет со времени мусульманского завоевания. От отца он унаследовал отряд из 52 всадников-телохранителей. Со временем Харгобинд набрал настоящее войско в составе 300 всадников, 500 пехотинцев и 60 пушкаррей (*monzu*) [Gupta, I, p. 156]. Сикхи охотно шли в армию гуру, веря, что уже благодаря одному этому достигнут спасения (*мукти*). Ряд преданных сторонников Харгобинд поставил начальниками над конными сотнями. Так делала первые шаги будущая грозная армия сикхов. Гуру обзавёлся собственным флагом (*нишан*) и военным барабаном (*нагара*), в который били на рассвете и закате. Обладание таким барабаном служило в Индии одним из атрибутов правителя. Харгобинд стал использовать и другие широко распространённые в Индии знаки монаршей власти — *чхатру* (зонт) и *калгхи* (пучок перьев цапли на тюрбане).

Шестой гуру поощрял употребление в пищу мяса и, соответственно, охоту. Был и сам хорошим охотником, каждый день выезжал с пышной свитой, сворой собак, ручными пантерами и соколами. Убитых на охоте животных распределяли между учениками гуру и бедняками, жившими близ Амритсара.

Возникающая политика сикхов носила теократический характер: его глава (как халиф в исламе, как далай-лама в тибетском буддизме) был одновременно духовным лидером и светским правителем общины. При Арджане совпадение этих ролей в одном человеке подчёркивалось тем, что и религиозными и мирскими вопросами гуру занимался в одном и том же месте — Хари Мандире. Харгобинд формально развёл сферы пири и мири, подчёркнув это с помощью строительства резиденции. Занятие положения гуру подчас называют вступлением на *гургадди* (пандж. «трон гуру»). Показательно, что в отношении сикхских гуру применяют термин «трон», хотя и имея в виду в первую очередь его духовный авторитет.

В 1606 г. он воздвиг в Амритсаре здание, которое должно было служить местом сосредоточения светской власти в общине. На берегу священного во-

доёма напротив Хари Мандира возвели здание Акал Тахт, «Трон Вечного» (т.е. бога). Первый камень заложил сам гуру (по другой версии — Баба Буддха). В этом здании Харгобинд восседал подобно монарху — собирал дарбар, вершил суд, принимал подношения от рядовых членов общины и масандов. На площадке перед Акал Тахтом ежедневно устраивались состязания борцов и воинские упражнения. Акал Тахт и ныне почитается символом независимости сикхской общины. Обстрел именно этого здания из танков в 1984 г. в ходе армейской операции против окопавшихся в Амритсаре сепаратистов стоил жизни премьер-министру Индии Индире Ганди от рук её собственных телохранителей-сикхов, возмущённых святотатством.

Однажды во время поездки в область Гархвал в предгорьях Гималаев гуру повстречал бхакта Свами Рамдаса — будущего наставника Шиваджи, основателя империи маратхов. Рамдас был шокирован, видя гуру на коне, в княжеском одеянии и с многочисленной вооружённой свитой, и спросил: как может наследник святого Нанака разъезжать в таком виде? Харгобинд объяснил: *«Снаружи князь, внутри отшельник. Оружие означает защиту бедных и гибель тирана»*. Рамдаса ответ удовлетворил.

Рост светского могущества главы сикхской общины обеспокоил могольского шаха Джахангира не на шутку. Между 1617 и 1619 гг. Харгобинда по его приказу арестовали и отправили в ссылку-заточение — подальше от Панджаба, в мощную крепость города Гвалияр в Центральной Индии. Эта крепость — одна из крупнейших на субконтиненте, существует с VI в., возведена на длинном холме высотой 91 м. Она слыла неприступной, и британцы называли её «Гибралтаром Индии» (хотя в 1780 г. взяли её). В Могольском султанате она служила тюрьмой для «политических заключённых»: там отбывали наказание непокорные шаху индуистские раджи.

В течение всего времени заточения сикхи демонстрировали верность своему гуру. Как гласит традиция, они приходили в Гвалияр со всей Индии, обходили крепость кругом, кланялись стенам и молились о скорейшем освобождении гуру. Общиной в его отсутствие руководили Баба Буддха и Бхаи Гурдас. В Гвалияре Харгобинд просидел несколько месяцев. (Есть версия, что заточили его сразу после казни отца.)

Освободив Харгобинда, Джахангир даже постарался заручиться его поддержкой. Моголы, как большинство империй в истории, никогда не опирались на одну грубую силу. Некоторое время гуру сикхов жил в Дели, был осыпан милостями и будто бы неоднократно сопровождал шаха на охоте на тигра. Дошло до того, что Джахангир по просьбе Харгобинда выдал сикхам на расправу Чанду Шаха. Его убил сикх, который своими глазами видел пытки Арджана. Зигзаг сикхской политики Моголов объясняется их стремлением «приручить» сикхов.

Более того, вскоре после гвальярского пленения Джахангир сделал Харгобинда мансабдаром империи с рангом 400 и вверил ему полицейские функции на территории части Лахорской субы; в данном качестве гуру находился в подчинении одного из фаудждаров, евнуха Яр-хана. С этой целью имперские власти сами передали сикхскому гуру в подчинение отряд в 700 всадников, 1000 пехотинцев и 7 пушек. Однажды Харгобинд использовал этот отряд: привёл к покорности взбунтовавшегося против Джахангира раджу Налгарха [Banerjee, 1978, p. 140]. Со стороны Могольского султаната это было ещё одно признание того, что сикхи превращаются в политическую силу. Империя пыталась интегрировать возникающую властную структуру. Харгобинд, со своей стороны, счёл за лучшее пойти империи навстречу. Это позволило ему постепенно укреплять в военном отношении собственную общину.

У Харгобинда было три жены — Дхамодри, Марвахи и Нанаки (1598–1678) — и пять сыновей — Гурдита (1613–38, от Дхамодри; говорили, что он внешне очень похож на гуру Нанака), Сураджд Мал (1617–45, от Марвахи), Ани Раи (род. 1618 г., от Дхамодри), Атал Раи (1619–27, от Марвахи; умер ребёнком), Тьяг Мал (1621–75, от Нанаки), — а также дочь Виро (род. 1615 г., от Дхамодри).

Гуру Харгобинд вошёл в историю и как строитель: обнёс Амритсар стеной и возвёл близ него крепость Лохгарх («Железная крепость»). В 1624 г. по заданию отца Гурдита с разрешения раджи княжества Хиндур основал в его владениях у подножия Шивалика поселение Киртанпур («Город гимнов»), название которого со временем исказили до «Киратпура». Место для селения было специально выбрано подальше от имперской дороги Дели — Лахор. Повидимому, гуру хотел обеспечить себе тыл, место, куда можно отступить в случае возобновления гонений.

Предосторожность была не лишней.

28 октября 1627 г. Джахангир умер. Последовало короткое междуцарствие, после чего на трон вступил его сын Шах Джахан, который начал правление с того, что казнил всех своих братьев и (на всякий случай) племянников. Правление Шаха Джахана (1628–58) считается «золотым веком» Могольского султаната. Именно в этот период империя впервые включила в свой состав часть Декана (завоевала султанат Ахмаднагар), были построены многие архитектурные шедевры могольской эпохи, включая Красный форт в Дели и мавзолей любимой жены шаха — Тадж Махал в Агре. У шаха в Дели появился роскошный символ власти — Павлиний трон: усыпанное драгоценными камнями сиденье с двумя статуями павлинов по бокам. В трон над головой сидящего был вмонтирован знаменитый бриллиант «Кох-и-нор» (перс. «Гора света»), известный с конца XIII в. (правда, индуисты считали его первым обладателем героя «Махабхараты» Карну). К сикхской истории, как мы

увидим, «Кох-и-нор» будет иметь прямое отношение. Павлиний трон стал символом могольской власти на целое столетие, пока его в 1739 г. не увезёт в Иран завоеватель Надир-шах.

Для сикхов смена власти означала резкое ухудшение отношений с империей.

В первый же год правления Шах Джахан приехал в Панджаб поохотиться. Как гласит предание, его белый охотничий сокол (подарок персидского шаха) в погоне за уткой прилетел в окрестности Амритсара, где в это время охотился Харгобинд. Гуру выпустил своего охотничьего сокола, который и поймал утку, после чего сикхи поймали обоих соколов. Шахские охотники потребовали (как гласит традиция, в хамской форме) вернуть сокола. Сикхи отказались, и произошла вооружённая схватка, в которой несколько воинов шаха были убиты. Шах Джахан разгневался на такое самоуправство и велел военачальнику Мухлис-хану с семитысячным войском привезти гуру к нему в Лахор.

Конечно, если эпизод с соколом и имел место, Моголам он послужил лишь предлогом для того, чтобы уменьшить растущую силу новой религиозной общины. В любом случае, в долгосрочной перспективе этот эпизод символизирует итог отношений сикхов с султанатом уже в XVIII в.: сикхи в конце концов одержат верх и станут властными преемниками Моголов в Панджабе.

Существование последователей гуру во многих населённых пунктах Панджаба автоматически означало наличие прекрасно поставленной разведки. Лахорские сикхи предупредили Харгобинда об опасности, тот помолился и собрал своих людей в крепости Лохгарх. Сикхи даже соорудили пушку из пустого ствола дерева. Под местечком Санграна к югу от Амритсара произошло яростное сражение. Потери с обеих сторон были немалыми, включая известных могольских военачальников Шамс-хана и Султан-бега, а также доблестных сикхских воинов Сингху, Мохана и Гопалу. Сам гуру сражался в гуще битвы, метко разя врагов стрелами. Затем в течение нескольких дней продолжались мелкие стычки. Наконец могольский военачальник Мухлис-хан лично вызвал Харгобинда на поединок. Гуру подъехал к противнику верхом и, по легенде, крикнул: *«Бей первым, чтобы не пожалеть. В моём доме это правило. Мы не ищем сражений и не наносим удара первыми»*. Мухлис-хан дважды пытался сразить гуру саблей, но всякий раз промахивался. Тогда гуру сам взмахнул саблей и разрубил голову врага надвое. Остатки могольских войск, как часто бывало в случае гибели предводителя, в панике бежали.

В политиях патримониального типа смерть лидера в бою очень часто решала исход сражений: ведь лояльность воинов фокусировалась на нём лично — пока он был жив и дееспособен, он платил за службу, раздавал награды. С его смертью платить становилось некому, и продолжать сражаться ста-

новилось бессмысленным (если только его место решительно не занимала новая подходящая фигура). Так было и в средневековой Европе — достаточно вспомнить гибель короля саксов Хэролда II в битве с Вильгельмом Завоевателем при Хейстингсе в 1066 г.: он получил стрелу в глаз, когда до победы оставалось рукой подать, но битва была проиграна. Так было и на доколониальном Востоке. Во многом благодаря этому Моголы выиграли две первые битвы при Панипате — в 1526 г., когда в бою с Бабуром погиб делийский султан Ибрахим Лоди, и в 1556 г., когда метким выстрелом был выведен из строя предводитель враждебных Акбару сил раджа Хему (тоже стрелой в глаз, хотя погиб он не от этого). Не случайно самая жестокая сеча обычно шла именно у слона предводителя: его фигура была ключевой (как в шахматах, которые, кстати, пришли из Индии). Подобное происходило и на более низком уровне — отдельных военачальников, как в случае с победой Харгобинда над Мухлис-ханом.

Так сикхи сошлись с Моголами на поле боя — и одержали решительную победу в первом же сражении. В ретроспективе её можно считать очень плохим предзнаменованием для империи. Победу сикхов увековечила построенная на месте битвы гурдвара Санграна Сахиб.

Вскоре состоялась свадьба дочери Харгобинда Виро, на которой могольский воин совершил покушение на его жизнь. Однако мушкет горе-террориста взорвался и убил его самого. По другой версии, перед церемонией бракосочетания на сикхов внезапно напал могольский отряд. После стычки с ним гуру отступил в местечко Чубхал под Амритсаром. Между тем на месте, где планировалось бракосочетание, могольские воины нашли большие запасы сластей для свадебного пира и набросились на них. В этот момент гуру вернулся, застиг их врасплох и многих перебил.

Шах Джахан в отместку велел разрушить лангар в Лахоре и заполнить его обломками сикхский же баоли (колодец со ступенчатым спуском), а на месте лангара воздвигли мечеть. (Сикхские лангар и баоли в провинциальном центре появились при Джахангире в память об Арджане [Akbar, 1948, p. 294].)

После побед Харгобинд с семьёй посетил ряд мест, связанных с жизнью прежних гуру. По преданию, во время этого путешествия на него напал тигр и гуру в одиночку убил его саблей, укрепив свою репутацию человека исключительного мужества. На службу гуру прибывало всё больше воинов. Члены общины присылали из разных областей Индии оружие, лошадей и золото.

Обладая вооружённой силой, Харгобинд навёл порядок вокруг Амритсара, покончив с грабежами на дорогах и в селениях. По сути это означает, что гуру сикхов начал выкраивать для себя княжество. На берегу Беаса он основал город, назвав его в свою честь Шри Харгобиндпур. У этого селения и состоялось второе сражение сикхов с Моголами.

Согласно сикхской традиции, перед боем гуру приказал своим сторонникам не стрелять первыми, но и не бежать, если придётся биться. Он призвал не убивать бегущего противника и щадить сдающихся, а также не грабить. *«Мы сражаемся за правое дело — наше право жить с тестью и в мире, — а не ради самопрославления или власти над другими»*, — изрёк он.

Последовала жестокая сеча. В могольском войске бился сын Чанду Шаха Карам Чанд. Сикхи пленили его и привели к гуру, требуя убить. Гуру велел освободить его, заметив: *«Не по-мужски — бить безоружного»*. Однако позднее в ходе боя Карам Чанд напал на самого Харгобинда, и тот убил его голыми руками: просто схватил, поднял в воздух и швырнул оземь, разбив голову. Большинство могольских воинов и их командиров полегло в битве, остальные бежали. И второе сражение сикхов с империей окончилось в их пользу.

После победы гуру приказал масандам продолжать строительство Шри Харгобиндпура. В этом городе он, к удивлению многих, построил мечеть для своих мусульманских работников и воинов.

Не пренебрегал Харгобинд и мирной прозелитической деятельностью, рассылая проповедников. Среди них были удаси — последователи сына Нанак отшельника Шри Чанда. В 1629 г. тот умер, причём перед смертью помирился с династией Рам Даса, признав за ней гурта. Удаси перестали быть опасны для единства общины, и Харгобинд даже поручил им проповедовать в горах Шивалика, чем те с успехом и занялись. Удаси существуют и сейчас как течение внутри сикхизма, ведут аскетический образ жизни и пользуются репутацией знатоков Ади Грантх, хотя, стоя ближе к индуизму, чем большинство единоверцев, хорошо знают и Веды, упанишады, шастры.

По преданию, к Харгобинду пришёл однажды набожный сикх по имени Гопал и вызвался, если гуру благословит, прочитать *джанджи* Нанак. Гопал продекламировал сочинение, а в награду попросил одарить его конём. Гуру восхитился тем, что простой сикх так сведущ в основах веры, и заметил: если бы того не притягивал земной объект (конь как награда), он уступил бы ему своё место гуру; однако сосредоточиться на боге ради него самого трудно. Данная легенда подчёркивает эгалитаристский дух сикхизма.

В 1631 г. два масанда из Кабула привезли гуру богатые подарки от сикхской диаспоры в Афганистане, включая двух породистых жеребцов. Однако имперские чиновники в Лахоре конфисковали этих коней и преподнесли Шаху Джахану, который вновь посещал тогда город. Харгобинд огорчился и просил сикха Бидхи Чанда, который прежде был разбойником, а теперь стал верным последователем гуру, вернуть коней. Бидхи Чанд втёрся в доверие к начальнику шахской конюшни в Лахоре и угнал жеребцов. Шах разгневался и отправил карательную экспедицию под командованием Камар-бега и Лал-бега. Безусловно, как и сокол, кони послужили предлогом.

Харгобинд отступил в густой лес у местечка Лахра. 16 декабря 1634 г. здесь состоялось третье сражение, которое длилось 18 часов и было очень ожесточённым. В нём погибли 1200 сикхов и в несколько раз больше могольских воинов, включая почти всех военачальников. Остатки имперского войска в страхе бежали. Харгобинд велел вырыть на месте победы водоём Гурусар. Все трофеи он распределил среди бедных. Сохранилась легенда, по которой один сикх польстился на богато отделанную саблю убитого военачальника-патхана, оставил её себе и солгал о ней гуру. Харгобинд предсказал, что взявший себе эту саблю погибнет от неё вместе со всей семьёй. Так и вышло. В ходе семейной ссоры саблю обратили против её владельца и члены его семьи перебили друг друга.

Обязательный принцип любой империи — кнутом или пряником пресекать любое противодействие, так как пример успешного мятежа заразителен. Шаху Джахану по душе был больше кнут. В начале следующего года он прислал новую карательную экспедицию под командованием фаудждара пограничного г. Пешавар Кале-хана. У фаудждара с сикхами имелись личные счёты: он был братом погибшего Мухлис-хана. Гуру смог выставить против карателей всего 5 тыс. человек. Сначала Моголы попытались заманить гуру в ловушку или убить его руками посланца, который прибыл якобы с миром, но хитрость не удалась.

Тогда 26 апреля 1635 г. под Картарпуром состоялось четвёртое сражение. В битве отличился сын гуру Тьяг Мал. За мастерское владение саблём отец дал ему прозвище Тег Бахадур («Герой сабли»), под которым тот позднее и войдёт в историю как девятый гуру¹. Одним из могольских военачальников в этом бою был Паинда-хан. По одной версии, прежде он был командиром патханских наёмников Харгобинда; сикхская традиция рисует его бывшим последователем шестого гуру или даже его молочным братом. Как бы то ни было, Паинда-хан по какой-то причине рассорился с гуру, отправился к Шаху Джахану в Лахор во главе своего отряда в 500 человек и присоединился к карательной экспедиции Кале-хана. Паинда-хан слыл богатырём: говорили, будто он способен сразиться со слоном, а пальцем — растереть в пыль монету. По легенде, Харгобинд лично сразил Паинда-хана, но затем оплакивал его и молился за него. Могольские войска были деморализованы гибелью двух своих военачальников, но боялись вернуться к шаху с пустыми руками и совершили ещё одно отчаянное нападение. Здесь от сабли гуру в поединке погибли ещё два военачальника, включая Кале-хана. (Расправу над командирами вражеской стороны сикхская традиция неизменно отдаёт самому гуру.) Под Картарпуром сикхи потеряли около 700 человек, Моголы — не меньше

¹ Персидское слово *бахадур* происходит от древнетюркского *баатур*, которое прижилось и в русском языке как «богатырь».

[Duggal, 1980, p. 155]. Имперские силы отступили, но и Харгобинду пришлось отойти — тут-то и пригодился Киратпур, построенный им как убежище. 29 апреля по пути туда сикхам пришлось выдержать ещё один бой, при Пхагваре.

Последние девять лет жизни Харгобинд провёл в молитвах и медитациях в Киратпуре, отдыхая от ратных трудов. Естественен вопрос: почему же власти Могольского султаната оставили в покое мятежного (с их точки зрения) гуру сикхов, едва он укрылся на территории горного княжества Хиндур? Дело в том, что зависимые от империи княжества — будь то в Раджпутане, Центральной Индии или горах Шивалика — пользовались широкой автономией; Моголам не хватало сил и средств насаждать в них полный контроль, они довольствовались выражением покорности и пересылкой дани, которую часто приходилось собирать в ходе военных экспедиций. Проведя поверхностную (но только поверхностную) аналогию со средневековыми городами Западной Европы, можно сказать, что воздух таких княжеств делал врага Могольской империи свободным. Конечно, если укрывшийся в княжестве враг успевал сильно досадить Моголам, те могли настаивать на его выдаче, грозя карами самому правителю. Однако султанат, похоже, пока не осознал степени угрозы, какую несли ему сикхи. Собственно, угроза была ещё потенциальной.

В феврале 1644 г. гуру Харгобинд почувствовал приближение смерти. Из его сыновей в живых оставались Сурадж Мал и Тег Бахадур. Первый злоупотреблял земными удовольствиями; второй, несмотря на былые военные подвиги, жил в уединении и не питал склонности к руководству общиной. Покойный старший сын Харгобинда Гурдита (1613–38) оставил двух сыновей — Дхир Мала и Хар Раи. Гуру остановил выбор на младшем внуке, 14-летнем Хар Раи, и 28 февраля скончался в возрасте 48 лет. По свидетельству друга Харгобинда, мусульманского летописца Мохсина Фани, во время обряда кремации многие сикхи выразили желание сгореть вместе с гуру, а двое (по касте раджпут и джат) перешли от слов к делу и прыгнули в его погребальный костёр. Других новый гуру успел остановить.

Продолжая дело отца, шестой гуру Харгобинд укреплял развивающуюся традицию светской власти сикхского гуру параллельно с его властью духовной: принял ряд обычных для Индии атрибутов монаршей власти, построил в Амритсаре специальное здание для отправления своих функций как правителя. Сам факт формального отделения им светской власти гуру (мири) над своими последователями от духовной (пири) свидетельствовал о том, что власть главы общины давно перестала быть чисто религиозной.

Отношения сикхов с Могольским султанатом при Харгобинде претерпели коренные изменения. Сначала Джахангир ненадолго заточил гуру в кре-

пость, затем совершил политический разворот на 180 градусов и попытался интегрировать возникающее княжество сикхских гуру в империю. По сути так же Акбар в XVI в. интегрировал княжества Раджпутаны: их правители кооптировались в систему мансабдари и считались чиновниками в имперской иерархии. Правда, происходило это не без вооружённого сопротивления. Впрочем, у сикхов вооружённое сопротивление Моголам было ещё впереди. Гуру Харгобинд, со своей стороны, был готов к диалогу, рассчитывая нейтрализовать появившиеся в отношении султаната к сикхам враждебные тенденции. До окончания правления Джахангира это удавалось.

При Шахе Джахане султанат изменил отношение к сикхам, вновь увидев в них угрозу. Конец 1620-х – начало 1630-х годов отмечены первыми военными столкновениями между сикхами и империей, победителями в которых неизменно выходили сикхи. Эти победы показали, что в Панджабе начинает зреть региональная сила, способная оспорить верховную власть Моголов в провинции. Однако первая вспышка конфликта быстро погасла. От сикхов она потребовала напряжения всех сил, а Моголы не разглядели в сикхах опасную угрозу.

Если Арджан стал первым гуру-мучеником сикхов, то Харгобинд – первым гуру-воином. Его важнейший вклад в историю сикхов состоит в том, что он весьма способствовал процессу их милитаризации, подозревая (а может, предвидя, предчувствуя), что лишь таким образом они смогут выжить как религиозная община. Кстати, лёгкость, с какой гуру превратился из вероучителя сикхов в их светского правителя, во многом объясняется акцентом сикхизма на добродетельной **мирской** жизни. Ведь в сикхизме (как в исламе) активная жизнь в миру – ценность. И глава сикхской иерархии, и его «паства» в какой-то момент перенесли понятие лидера из духовной сферы в мирскую.

Правда, многие среди сикхов не были готовы к достаточно резкой смене имиджа духовного наставника, его превращения в воина. В нововведениях Харгобинда усматривали явный отход от миролюбивых проповедей Нанак и его преемников. Иные ворчали: лучше б добавил собственных гимнов в Ади Грантх! (Стихов Харгобинд, действительно, не писал.) К тому же некоторые члены общины считали, что сопротивляться могущественной империи бесполезно и своими военными приготовлениями гуру просто тратит впустую средства. На самом деле именно Харгобинд заложил фундамент военной мощи сикхов, на котором в XVIII в. вырастет их независимость. По меткому выражению французского историка Д. Матренжа, Харгобинд был «гуру нового типа» [Matringe, 2008, p. 87]. Практическую пользу его политики доказали конфликты с Моголами уже при его жизни. Ретроспективно боевой период сикхской общины при Харгобинде (охвативший, кстати, далеко не весь срок его гурта) правомерно считать прологом к борьбе сикхов за независимость.

Конечно, можно посмотреть на это противостояние с другой стороны: переставая быть исключительно религиозной общиной, последователи Нанак вооружались, пугая, провоцируя этим Моголов, которые были вынуждены принимать ответные меры, пока не поздно, пока складывающееся теократическое княжество гуру не стало слишком сильным, чтобы эффективно поставить под сомнение имперскую власть в Пятиречье. Социально-экономические предпосылки этого процесса затронуты ниже, когда речь пойдёт о причинах упадка Могольского султаната (см. IV.1).

II.2. Седьмой гуру Хар Раи (1644–61)

Хар Раи родился в Киратпуре 16 января 1630 г. Став гуру, он, подобно деду, держал многочисленную конницу — 2200 всадников — и выезжал с пышной свитой на охоту. Однако, будучи добросердечен, Хар Раи не убивал птиц и зверей, а только ловил и даже собрал у себя в Киратпуре небольшой зоопарк.

Часть общины за Хар Раи не пошла: его старший брат Дхир Мал (1627–77) в Картарпуре объявил седьмым гуру себя самого. Что важно, Шах Джахан пожаловал ему здесь земли с налоговым иммунитетом. Целью шаха было расколоть сикхскую общину, в которой и без того возникла напряжённость по вопросу наследования гургадди. Одновременно седьмым гуру объявил себя и сын Притхи Мала — Мехарбан в Амритсаре, завладевший Хари Мандиром. Часть общины последовала за этими самозванцами (какими их рисует сикхская традиция) — что говорит о слабости позиций нового гуру. В довершение всего возник вооружённый конфликт между могольскими властями и приютившим сикхского гуру раджой княжества Хиндур (хотя и не по поводу сикхов). Поэтому в 1645 г. Хар Раи перебрался в городок Нахан — столицу другого шиваликского княжества, Сирмаур.

Вступать в стычки с Моголами седьмой гуру старался избегать. Империя, со своей стороны, дала сикхам передышку: назимом в Лахоре был назначен старший сын Шаха Джахана принц Дара Шукох. В могольской династии это выдающаяся личность. Дара Шукох (1615–59) был достойным правнуком Акбара. Может, у него и не было широкого кругозора прадеда, но, переставая быть правоверным мусульманином, шахзада интересовался другими религиями (индуизмом, сикхизмом, христианством) и не питал к ним враждебности. Дара сочувственно относился к суфиям, знал санскрит, даже перевёл на фарси упанишады. Сикхи вздохнули с облегчением. Есть легенда, согласно которой Хар Раи однажды отослал принцу целебную траву. Как когда-то Акбар — Амар Дасу и Арджану, Дара Шукох нанёс визит Хар Раи в Нахан.

По утрам и вечерам гуру слушал религиозную музыку в обществе последователей и не упускал возможности воспитывать в учениках смирение и бескорыстное служение ближним как залог постижения бога. Вместе с тем Хар Раи воспитывал в сторонниках и воинственность. Он заметил однажды: «*Те, кто будут сражаться не только за себя, а за всех, кто верит вместе с ними в того же бога, независимо от касты или веры, будут процветать*». Период Хар Раи всё же отмечен рядом стычек с могольскими войсками.

В 1658 г. Шах Джахан опасно заболел, потерял дееспособность, и вспыхнула обычная для Могольского султаната война между принцами за престол. Из четырёх сыновей Шаха Джахана главных претендентов на Павлиний трон было два — Дара Шукох и Аурангзеб.

Своим наследником шах назвал Дару, но он явно проигрывал на фоне своего младшего брата Аурангзеба, который был известен храбростью, решительностью, трудолюбием и — немаловажно — мусульманской набожностью. Симпатии сикхов в этой войне, естественно, были на стороне Дары Шукоха — как на стороне шахзады Хусрау в 1606 г. (также по причине веротерпимых взглядов принца). Более того, Хар Раи оказал Даре Шукоху прямую военную помощь: собрал всех имевшихся в его распоряжении вооружённых сикхов — 2 тыс. человек — и лично выступил к нему с войском. Это яркий показатель той эволюции, которую успела проделать сикхская община всего за полвека: сикхи открыто вмешались в конфликт в высших эшелонах власти Могольского султаната.

Сикхам не довелось участвовать в решающих сражениях на стороне Дары Шукоха, но они оказали ему услугу: уже после поражения шахзады от Аурангзеба гуру прикрыл его отступление на правом берегу реки Беас, после чего прибыл к нему в Лахор. Однако воля Дары к победе уже была сломлена, многие сторонники его покинули. Видя, что дело проиграно, уехал к себе и Хар Раи. На Павлинъем троне утвердился Аурангзеб, принявший тронное имя Аламгир, «Миродержец» (правил в 1658–1707). Несмотря на неэффективность помощи сикхов, новый шах не забыл, какую позицию занял Хар Раи в междуцарствие, и призвал его в Дели — держать ответ за выступление против (ставшей законной) власти. Повторялась ситуация 1606 г.

Гуру сам не поехал, а отправил вместо себя в сентябре 1661 г. старшего сына — 14-летнего Рам Раи. Отец наказал ему отвечать шаху терпеливо, говорить о боге, держаться с достоинством и избегать лести. Встретили мальчика хорошо, но с заданием он не справился. Шах попросил разъяснить стих Нанака, где говорится, что гончар из праха мусульманина лепит горшки и кирпичи, а те при обжиге кричат. (Нанак хотел этим сказать, что кремация и захоронение как типы похорон соответственно у индуистов и мусульман мало различаются между собой.) Опасаясь разгневать Аурангзеба, Рам Раи счёл за лучшее солгать: заявил, будто слово *мусалман* присутствует

по ошибке писца, а на самом деле Нанак употребил здесь слово *беиман*, «неверный».

Шах был удовлетворён ответом, а вот отец разгневался. (Делийские сикхи оскорбились за Нанака и сообщили Хар Раи.) Неудачная экзегеза стояла Рам Раи титула гуру: отец объявил его негодным к наследованию. При этом он заявил, что гурта подобна молоку тигрицы, для которого достойна только золотая чаша. Это не помешало Аурангзебу удержать Рам Раи при дворе — по сути как заложника. В Дели хотели гарантии лояльного поведения гуру сикхов. Заложничество родственников имперских чиновников и зависимых правителей, их обязательное пребывание при дворе ради обеспечения лояльного поведения представителей знати в провинциях вообще было распространённой практикой в Могольском султанате и других империях патримониального типа (так, в современной Моголам Японии сёгуната Токугава существовала аналогичная система заложничества *санкин котай*). Распространение этой практики на сикхского гуру свидетельствует о его возросшем политическом значении.

Аурангзёб попытался оказать нажим на Хар Раи, чтобы тот поменял решение, — такой покладистый гуру, как Рам Раи, был бы угоден империи. Это не удалось. Рам Раи был, конечно, тоже недоволен решением отца. В Панджаб он возвращаться не стал, обиделся и уехал на север, в городок Дехра Дун в предгорьях Гималаев, где основал в рамках сикхизма собственное, хотя и немногочисленное, религиозное течение, которое существует по сей день.

Вскоре, 6 октября 1661 г., седьмой гуру Хар Раи умер в возрасте 31 года. Гурта он завещал своему младшему сыну Хар Кришану (от жены Кришны), которому было всего пять лет.

Период гурта Хар Раи начался с нового раскола в сикхской общине: два родственника гуру Харгобинда не смирились с его решением в пользу младшего внука и объявили гуру самих себя. В отношениях с Моголами этот период был затишьем, во многом благодаря личным качествам гуру и миролюбивой позиции назима Лахорской субы Дары Шукоха. В ходе войны принцев за трон 1658 г. Хар Раи, что неудивительно, поддержал этого претендента, оказав ему прямую военную помощь. После воцарения Аурангзеба тот призвал сикхского гуру к ответу, хотя после опалы, наложенной Хар Раи на сына, шаху не удалось навязать ему последнего как потенциального преемника.

II.3. Восьмой гуру Хар Кришан (1661–64)

Хар Кришан родился 7 июля 1656 г. в Киратпуре. Согласно традиции, он, как и Нанак, был набожен и занимался медитацией уже с раннего детства.

Поскольку гуру был несовершеннолетним, жизнью общины стал управлять панчаят (совет из пяти человек) — коллегиальный орган, по сути зародыш правительства сикхов. Один из членов панчаята (Даргаха Мал) в самом деле именовался *диваном* (министр финансов), его племянники заведовали охраной и перепиской гуру; была и должность верховного судьи.

Недолгое пребывание Хар Кришана в роли гуру отмечено, по преданию, таким эпизодом. Брахманы по-прежнему завидовали его религиозному авторитету. Чтобы как-то снизить его, они однажды заявили сикхам: индуистский бог Кришна ещё ребёнком изрёк «Бхагавадгиту», которая является хранилищем всех вечных истин; если гуру сикхов тоже называет себя Кришной (часть его имени — Кришан), пусть истолкует для них ту же Гиту. И вдруг поднялся какой-то сикх-простолудин, косец по роду занятий, и заявил, что не только гуру, но и сам он способен растолковать истины Гиты — если только гуру удостоит его своей милости. Хар Кришан благосклонно коснулся этого сикха своей тростью, и тот так вразумительно истолковал священную книгу индуистов, что посрамил пандитов. В этой легенде отразилась эгалитаристская направленность сикхизма, его нацеленность на включение низких каст как реакция на засилье брахманов в религиозной сфере.

Узнав о решении отца, кому отдать гурта, Рам Раи не нашёл ничего лучше, как пожаловаться Аурангзебу. Не в первый раз претендент на гурта апеллировал к властям Могольского султаната, чтобы те вмешались во внутреннюю жизнь сикхской общины ради возведения его на гадди Нанака. Аурангzeb в притязаниях Рам Раи увидел возможность навязать-таки сикхской общине удобного ему лидера и вновь послал в Панджаб вызов ко двору — на сей раз к маленькому гуру, якобы для беспристрастного суда. За Хар Кришаном из Дели приехал сам Джай Сингх (1611–67) — махараджа одного из крупнейших в Раджпутане княжества Дхундхар и знаменитый военачальник Могольской империи с титулом *мирза*. Он убедил сикхов, что шах не замышляет ничего дурного и просто намерен рассудить братьев. То, кого выбрал Аурангzeb для этой миссии, в который раз говорит о растущем значении гуру сикхов.

Маленький гуру приехал в столицу с матерью Кришной и масандами, остановившись во дворце Джай Сингха. Сейчас на этом месте стоит гурдвара Бангла Сахиб, возведённая в конце XVIII в. По пути к Дели и в самой столице Хар Кришана приветствовали толпы сикхов, что не только разрушило надежды Рама Раи, но и убедило шаха, что члены общины признают предсмертную волю Хар Раи. Аурангzeb, похоже, передумал и утвердился в мнении, что выгоднее оставить всё как есть. Гуру сикхов был малолетним, поэтому возможности беспокоить империю пока не имел, а вмешательство шаха в конфликт внутри семьи гуру было чревато новым возмущением среди сикхских подданных шаха. Аурангzeb заявил, что не станет вмешиваться в семейный спор религиозного характера, что было для него нетипично.

Однако гурта Хар Кришана была очень недолгой. Там же, в Дели, ребёнок заболел оспой и 30 марта 1664 г. умер в возрасте семи лет. Его тело кремировали к югу от столицы, на берегу Ямуны. Это место тоже отмечено гурдварой — Бала Сахиб («Господин Ребёнок»). Перед смертью восьмой гуру успел указать своим сторонникам, что его преемник живёт в селении Бакала. Хар Кришан, безусловно, имел в виду своего двоюродного дядю — Тег Бахадур.

Ввиду краткого периода гурта Хар Кришана важных событий в истории сикхов произойти не успело. Правда, по причине малолетства гуру способность сикхов к самоуправлению была испытана на прочность. Однако эту проблему с успехом решили коллегиально. Ещё следует отметить попытку шаха Аурангзеба воспользоваться недовольством Рам Раи, чтобы углубить конфликт по поводу гурта и инициировать дальнейший раскол в общине. Этого сделать Моголам не удалось.

II.4. Девятый гуру Тег Бахадур (1664–75)

Тег Бахадур (Тьяг Мал) был младшим сыном Харгобинда и его жены Нанаки. Он родился 1 апреля 1621 г. в Амритсаре. Младенца благословил 112-летний Баба Буддха. Будущий девятый гуру получил хорошее образование, обучался верховой езде и стрельбе из лука. К играм со сверстниками интереса не проявлял, рос неконфликтным, зато с интересом слушал песни о ратных подвигах, которые исполняли перед Акал Тахтом особые певцы. В феврале 1633 г. его женили на Гуджри (1626–1704), дочери хатри из Бакалы. Как сказано выше, Тег Бахадур отличился храбростью и воинским искусством, за что и получил от отца прозвище «Герой сабли», под которым вошёл в историю. Он и с виду был воином: широкоплеч, с длинными руками и ногами. После смерти отца Тег Бахадур поселился в родном селении матери, где прожил 21 год как землевладелец. За это время он совершил паломничества в священные для индуистов города Хардвар, Праяг (мусульманское название — Аллахабад), Варанаси, Гайю.

Несмотря на умение постоять за веру на поле брани, Тег Бахадур, похоже, склонялся к уединённой и созерцательной жизни. Это могло быть одной из причин, по которой гурта перешла сначала к его племяннику. Вместе с тем, живя в Бакале, Тег Бахадур с удовольствием совершал прогулки верхом и охотился.

11 августа 1664 г. сын Баба Буддхи Гурдита совершил тот же обряд, что его отец — в отношении Харгобинда: положил перед Тег Бахадуром кокос и пять пайс и поклонился, признав его гуру. Однако переход власти в общине

вновь не прошёл гладко. Поскольку Хар Кришан не назвал преемника по имени, а указал на него косвенно, этим воспользовались представители готов содхи и даже несколько масандов, всего 22 человека (сикхская традиция представляет их охочими до власти проходимцами). Они прибыли в Бакалу и выставили свои кандидатуры, пытаясь привлечь общину на свою сторону¹. Тут, по легенде, произошёл эпизод, который расставил всё на свои места.

Среди сикхов Кашмира был богатый купец Макхан Шах. Одно из его нагруженных товарами судов село на мель, и, опасаясь разорения, он в молитве просил гуру помочь, обещав в виде подношения 101 золотой мохар. Купец избежал краха и 9 октября 1664 г. приехал в Бакалу выразить благодарность. Найдя там больше двух десятков «гуру», Макхан Шах обошёл их всех, поднося каждому по два мохара. Последним он зашёл к Тег Бахадур, положив две монеты и перед ним. Тот закрыл на миг глаза и сказал: *«Брат, ты обещал 101 мохар, а не два»*. Макхан Шах был поражён ясновидением сидящего перед ним и понял, что это и есть настоящий девятый гуру. Он выскочил на крышу дома и ликующе закричал: *«Я нашёл гуру!»*. Народ признал Тег Бахадур. Если верить традиции, это были первые в истории сикхизма выборы гуру на основе общего единогласного решения.

Наследование не обошлось и без инцидента посерьёзней. Завидуя дяде, племянник нового гуру Дхир Мал (старший сын Гурдиты и брат Хар Раи) подослал своего масанда Сихана убить его (за Дхир Малом шла часть общины, и он располагал собственными масандами). Тот стрелял в гуру ночью из мушкета (по другой версии – из лука), но лишь ранил в плечо. Ночью сотня людей Дхир Мала напала на дом Тег Бахадур и разграбила его имущество. Утром преданные гуру сикхи, узнав о нападении, ворвались в дом к Дхир Малу, вернули вещи гуру и приволокли к нему незадачливого убийцу. Более того, они отобрали у Дхир Мала оригинал Ади Грантх, которым тот пользовался для получения подарков от сикхов. Однако Тег Бахадур проявил великодушные: помиловал покушавшегося и даже приказал вернуть Дхир Малу книгу.

В 1665 г. (по другим сведениям, в 1672 г., уже после путешествия на восток Индии) Тег Бахадур приобрёл землю у раджи княжества Кахлур в горах Шивалика, у местечка Макховал. Купленный участок находился в верховьях Сатледжа с видом на величественный хребет Дхауладхар. Здесь девятый гуру основал для общины новое селение, названное им в честь своей матери Чак Нанаки. Позднее из-за красоты местной природы его назовут Анандпур, «Город блаженства»: с одной стороны простирались покрытые лесом горы, с дру-

---

¹ Как сказано в русском переводе миссионерского пособия о жизни десяти гуру, эти претенденты *«открыли лавозку и провозгласили себя в качестве девятого Гуру»* [Религия сикхов, 1997, с. 198].

гой протекал сверкающий на солнце Сатледж. Заметим, что сикхский гуру вновь основал селение на севере, в предгорьях, подальше от имперских властей (как Харгобинд основал Киратпур). Анандпур будет ставкой сына Тег Бахадура и приобретёт славу почти неприступной цитадели сикхов.

В том же 1665 г. рани Кахлура пригласила Тег Бахадура на похороны своего мужа. Хотя на такие мероприятия нередко приглашали и уважаемых духовных лиц, данный эпизод косвенно указывает, что мелкие монархи начали признавать в сикхских гуру сопоставимых им по статусу владетелей.

Тег Бахадур стал также первым после Арджана гуру, посетившим Амритсар. Дело в том, что после мученичества пятого гуру в священном городе возобладали позиции Притхи Мала, которого масанды Хари Мандира и признали шестым гуру; после кончины его сменил сын, Мехарбан, а затем внук, Харджи. Тег Бахадур, несомненно, решил покончить с расколом общины и распространить свою власть на религиозный центр сикхизма. Когда он прибыл в Амритсар, сам Харджи признал его законным гуру, но его люди не пустили Тег Бахадура в храм. Девятый гуру не стал конфликтовать и остановился в доме одной крестьянки. Между тем верный Макхан Шах с группой сикхов (как гласит традиция, по собственной инициативе) взломал двери Хари Мандира и пригласил туда гуру.

Вскоре Тег Бахадур с женой, матерью и группой приверженцев совершил длительную поездку на восток по Северной Индии. Её целью обычно называют прозелитическую деятельность. Вместе с тем, по-видимому, девятый гуру столкнулся с сильным противодействием части общины и, не чувствуя крепости своих позиций в самом Панджабе, предпочёл заручиться поддержкой сангатов долины Ганги. Возможно, он также рассчитывал, что в его отсутствие недруги успокоятся.

Начал Тег Бахадур с Мальвы, по которой в том же 1665 г. проехал с проповедями. По пути он приказывал рыть колодцы (Мальва — местность засушливая)¹, внушал людям необходимость тяжёлого и честного труда и благотворительности, лечил больных. Такая активность не понравилась Аурангзебу. Не исключено, что его настраивал и Рам Раи, считавший себя обойдённым. В ноябре 1665 г. могольский военачальник Алам-хан арестовал Тег Бахадура вместе со спутниками и препроводил в Дели. Шах уже тогда подумывал казнить сикхского гуру, но сын махараджи Джай Сингха Рам Сингх упросил его отпустить Тег Бахадура под свою ответственность. В январе 1666 г. гуру освободили. Что касается Рам Раи, то он имел обыкновение впадать в транс, и во время одного такого транса его масанды сочли его умершим и кремировали, невзирая на мольбы жены.

---

¹ Вообще, поскольку большинство колодцев строили без использования камня, их приходилось копать заново каждый год.

Тег Бахадур проехал по долине среднего течения Ганги через Матхуру, Агру, Итаву и Аллахабад (Праяг). В последнем из этих городов он прожил полгода, проповедуя и организуя лангар. Затем гуру посетил Варанаси, где в его честь сейчас стоит гурдвара Бари Сангат. Во всех упомянутых городах имелись многочисленные сангаты сикхской общины, где преобладали члены касты кхатри. Все они делали своему гуру богатые подношения деньгами и дорогими тканями.

Путешествие по Индии девятого гуру, как и первого, отмечено борьбой с тем, в чём сикхи видят предрассудки индуистов. Так, Тег Бахадур совершил омовение в реке Карамнаш (на хиндустани «Разрушитель добрых деяний»), в которой индуисты избегали купаться. Здесь Тег Бахадур повторил слова Амар Даса: «Знамения, как хорошие, так и плохие, влияют лишь на тех, кто не лелеет бога в сердце». Иными словами, имеет значение только живая любовь к богу, а не «освящённый» временем механический ритуал.

Добравшись до Патны (столица современного штата Бихар на востоке Индии), Тег Бахадур оставил здесь семью, а сам, по легенде, отправился дальше на восток по маршруту Нанака, проповедовал в Дхаке и даже в Камрупе (современный штат Ассам), где со времени первого гуру сохранились небольшие общины сикхов.

22 декабря 1666 г. в Патне в отсутствие Тег Бахадура появился на свет его сын Гобинд Дас, будущий десятый гуру, больше которого сикхи чтят лишь самого Нанака. Символично, что родился будущий сикхский победитель Моголов в год смерти предпоследнего из по-настоящему Великих Моголов — Шаха Джахана (тот умер в Агре, свергнутый ещё в 1658 г. и заточённый собственным сыном Аурангзебом). Узнав о рождении сына, Тег Бахадур вскоре приехал обратно в Патну, где прожил несколько лет, а в 1672 г. вернулся с семьёй в горы Шивалика, в Анандпур (на обратном пути в Агре его опять арестовали, но через два месяца выпустили).

В Могольском султанате в это время уже начинали набирать силу центробежные тенденции. Рост экономической силы землевладельцев из числа высоких каст усиливал их позиции по отношению к правящему слою империи — по преимуществу мусульманской военной знати. В ряде районов султаната вспыхивали восстания. Аурангзеб реагировал на это широкомасштабными репрессиями и нетерпимой религиозной политикой: восстановил отменённую Акбаром джизью, притеснял своих индуистских (а заодно шиитских) подданных, даже сносил храмы *кафиров* и воздвигал на их месте мечети. Первым крупным антимогольским выступлением было восстание в 1669 г. джатов под Матхурой близ Агры. В 1672 г. к юго-западу от Дели поднялись члены индуистского религиозного движения *сатнами* («почитатели истинного имени [бога]»); по касте там тоже преобладали джаты, т.е. социальная категория, близкая значительной части сикхов. Аурангзеб, конечно, потопил это

выступление в крови (вырезал до 50 тыс. человек), но для империи то был «знак на стене».

Наиболее мощным восстанием против Моголов, которое внесло огромный вклад в распад империи, стало движение *маратхов* на западном Декане (современный штат Махараштра). Маратхи были наёмными воинами на службе южного соседа Моголов — султаната Биджапур, выходцами из доминирующей в этой местности земледельческой касты *кунби* (местного аналога панджабских джатов; лишь позднее маратхами станут называть народ Махараштры в целом). Главы маратхских кланов стремились к максимальной автономии от султаната, и один из них, Шиваджи Бхосле (1630–80), перевёл это движение в военную плоскость, нанося удары как по Биджапуру, так и по Моголам. Шиваджи дважды разграбил крупнейший торговый порт Могольской державы — Сурат в Гуджарате, а в 1674 г. был провозглашён первым маратхским монархом с титулом *чхатрапати* (санскр. «тот, над кем носят зонт»). К моменту смерти Шиваджи в 1680 г. под контролем маратхов оказалась значительная часть западного Декана. И хотя Могольский султанат именно в 1680-е годы, с завоеванием Биджапура и Голконды, достиг наибольшего территориального расширения, охватив почти всю Индию, маратхи стали подтачивать империю изнутри. Аурангзебу пришлось лично ехать на юг возглавить против них карательные походы, он метался с армией по Декану, но маратхи быстро возвращали себе взятые Моголами крепости.

Панджаб пока оставался вне зоны антиимперских восстаний. В XVII в. это была одна из самых экономически процветающих стран Индии; Лахорская суба входила в число наиболее доходных провинций Могольского султаната: около 1580 г. её налоговые поступления составляли 14 млн. рупий, в 1648/49 г. — 22,5 млн. [Hunter, 1882, p. 241, n. 1; p. 247]. Лахор входил в число крупнейших городов мира (не менее 360 тыс. жителей); иные современники говорили, что размерами он превосходит Стамбул. Моголы считали, что на Панджаб они могут рассчитывать как на «имперскую базу», здесь всё было спокойно. До поры.

Между тем в 1672 г. из повиновения империи вышло пуштунское племя афридиев на северо-западной границе Индии. Положение стало настолько серьёзным, что Аурангзебу пришлось возглавить карательный поход лично. Во время его пребывания в Панджабе могольские чиновники проводили меры по исламизации с удвоенным рвением. Сикхский гуру отреагировал на это новой поездкой по Мальве, причём не только проповедовал, но и помогал крестьянам-беднякам материально (давал средства на рытьё колодцев, покупку коров). По сути это была конкуренция гуру с империей за лояльность части податного населения, хотя степень этой конкуренции преувеличивать не нужно.

В рамках политики исламизации могольские власти занялись Кашмиром. Из всех индийских брахманов брахманы этой страны имеют наиболее высо-

кий авторитет (из их среды, кстати, происходит семья Джавахарлала Неру — Индиры Ганди). Согласно приказу Аурангзеба, налоговых чиновников-индуистов следовало заменить мусульманами — а в Кашмире имперский аппарат во многом составляли как раз брахманы-индуисты. Могольский назим Кашмира Ифтихар-хан пытался обратить их в ислам силой. Брахманы побежали из Кашмира. Их делегация во главе с Кирпа Рамом прибыла к Тег Бахадуру в Анандпур. Брахманы поведали сикхскому гуру о своих несчастьях и просили заступиться. По легенде, во время этой встречи вошёл 8-летний сын Тег Бахадура Гобинд Дас и спросил, почему все так опечалены. Отец объяснил, что какой-то святой человек должен пожертвовать собой ради народа. Мальчик заметил, что нет никого святее самого гуру. Тег Бахадур посчитал, что устами младенца глаголет истина, и велел пандитам сказать назиму: «*Мы примем ислам, если ты заставишь сделать то же Тег Бахадура, которого мы почитаем как своего гуру*».

Данный эпизод показывает, что сикхский гуру уже представлял собой серьёзную политическую силу: гонимые имперскими властями просили у него заступничества, и он такое заступничество обеспечил. По сути это опять был вызов империи, как при Харгобинде. О многом говорит и то, что Тег Бахадур, принимая брахманов под своё покровительство, поставил условием признание своего духовного авторитета. 8 июля 1675 г., предчувствуя недоброе, Тег Бахадур совершил обычную церемонию назначения наследника, которым объявил Гобинда.

Ифтихар-хан передал ответ Тег Бахадура Аурангзебу, и тот, как и следовало ожидать, сильно разгневался. Шах давно питал к сикхам вражду, в том числе за помощь Даре Шукоху. Безусловно, могольскому падишаху было неприятно, что сикхи величают своего гуру *сага падишах*. Не по нраву Аурангзебу было и слово «Бахадур» в имени девятого гуру: оно входило в состав имён могольской знати. Особенно неприятны были шаху вести об обращении в сикхизм мусульман. В Дели сикхских гуру всё больше воспринимали как потенциальный центр сопротивления, вокруг которого могут сплотиться недовольные шахской политикой. Прецедент имелся, и недавний, — восстание джатов в религиозной оболочке движения сатнами. Делегация кашмирских брахманов стала последней каплей. Аурангзеб велел лахорскому назиму арестовать гуру.

Представляется, что заступничество Тег Бахадура, оказанное брахманам, было не причиной, а поводом его ареста — как поддержка, оказанная шахзаде Хусрау, стала скорее поводом для ареста гуру Арджана. Могольские власти не решились схватить гуру в самом Анандпуре, где всегда было много сикхов (так фарисеям пришлось ждать, когда Христос удалится в Гефсиманский сад, где легионеры могли схватить его вдали от толпы почитателей). *Котвал* Ропара, которому было поручено взять Тег Бахадура, дождался, когда тот все-

го с тремя спутниками выехал в какую-то поездку. Глубокой ночью 12 июля 1675 г. их схватили в мусульманской деревне, где гуру остановился у одного сикха.

Четыре месяца Тег Бахадура продержали под стражей в Сирхинде, после чего перевезли в Дели на слоне в железной клетке; за слоном гнали остальных сикхов в кандалах. Гуру был настолько ценным пленником, что фаудждар Сирхинда сопровождал его лично. К концу 1675 г. Аурангзеб вернулся в столицу из очередной карательной экспедиции на северо-западной границе и занялся сикхским гуру, лично допрашивая его о деятельности во главе общины.

Тег Бахадур заявил Аурангзебу, что не верит ни в верховенство Вед и брахманов, ни в идолопоклонство или касту, но готов сражаться за право всех индуистов исповедовать свою религию. Фанатичного Аурангзеба поразило, что человек может бороться не за собственную религию, а за чью-то чужую. Собственно, девятый гуру сикхов, вступившись за кашмирских брахманов, и войдёт в историю под именем «Защитника индуизма» (дословно «Покрывало дхармы», на панджаби *Дхарам ди гадар*). Тег Бахадуру припомнили титул *сага надшах*, на что тот отвечал: приверженцы гуру делают это уже два столетия из уважения к своим наставникам. Затем произошёл эпизод, напоминающий ситуацию Христа перед Иродом. В подтверждение духовного лидерства Тег Бахадура от него потребовали совершить чудо. Гуру отказался, заявив, что творить чудеса значит вмешиваться в деяния творца; только шарлатаны и обманщики дураят народ, а люди божьи покоряются воле божьей. К слову, так же считал пророк Мухаммад, верным последователем которого мнил себя Аурангзеб. Отверг гуру и предложение принять ислам, после чего его пытали.

Наконец утром 11 ноября 1675 г. на главной рыночной площади Дели — Чандни Чоук — состоялась кровавая расправа. Сначала подвергли варварской казни трёх схваченных вместе с гуру сикхов: Мати Даса распилили пополам, Даял Даса сварили в чане с кипящим маслом, Сати Даса сожгли заживо в хлопковой вате. Этот эпизод широко известен в сикхской истории, и все трое почитаются мучениками за веру. Затем настал черёд Тег Бахадура: ему отрубили голову. В 1689 г. шах казнит ещё одного пленного мятежного лидера, сына маратха Шиваджи — Шамбхаджи; как и Тег Бахадур, тот тоже откажется принять ислам и будет казнён (в отличие от ещё одного своего современника — лжепророка иудаизма Шабтая Цви в Измире, который называл себя мессией, но, схваченный в 1666 г. османскими властями, малодушно выбрал ислам). В обоих случаях — в сикхском и маратхском — Аурангзеб пытался (буквально) обезглавить антиимперское движение; не вышло. Сейчас на месте казни девятого гуру сияет беломраморная гурдвара Сисгандж («Сокровище головы») с золотыми куполами. Перед казнью Тег Бахадур продемонстрировал большое самообладание: пока палач готовил топор, гуру спокойно

сидел в медитации. А после его казни мимо тела прошёл какой-то факир, который предсказал: «Султан (Аурангзеб. — К.Ф.) поступил дурно. Такие деяния приведут к великому мятежу, и Дели опустеет». Репрессии фанатика на троне в самом деле породят лишь сопротивление. Сикхи не такие люди, чтобы молча терпеть унижения.

Голову и тело казнённого Тег Бахадура поместили на спину слона и с триумфом возили по улицам Дели. Аурангзебу и этого показалось мало: он велел расчленив тело и вывесить его фрагменты в разных частях города.

Однако этому не суждено было сбыться. По легенде, помогла погода: разразилась буря, спустился мрак, и в темноте отважный сикх по имени Джайта из низкой касты выкрал голову, привязал узел с ней себе на спину, набросил на себя старое одеяло и в сопровождении двух помощников с огромным риском пронёс голову в Киратпур. Там 16 ноября её кремировал прибывший из Анандпура Гобинд. Другие сикхи — торговец Лаккхи Дас и три его сына — спасли тело Тег Бахадура: выкрали его, вывезли из города на повозке из-под лимонов и сожгли вместе с собственным домом (чтоб у властей не возникли подозрения, будто это обряд кремации) в деревне Ракабгандж под Дели. Теперь здесь стоит знаменитая мраморная гурдвара с куполом. Могольские власти хватились пропажи, да поздно.

Аурангзебу казнь Тег Бахадура аукнулась — терактом. 27 октября 1676 г. шах возвращался с пятничной молитвы из делийской Соборной мечети (Джама Масджид) и решил проехаться по Ямуне. Как только он сел в лодку, какой-то сикх запустил в него с берега двумя кирпичами, один из которых задел сиденье шаха. Сикха схватили и передали городскому котвалу (скорее всего, его казнили).

Девятый гуру Тег Бахадур стал вторым после Арджана гуру-мучеником и принял смерть так же: был вызван в имперскую столицу и казнён. Как и у пятого гуру, у казнённого остался малолетний сын, ставший его преемником. Историческая параллель продолжится: этот сын, подобно осиротевшему гуру Харгобинду, вступит в Моголами в вооружённое столкновение. На этом параллели закончатся, поскольку при гуру Гобинде накал могольско-сикхского противостояния на порядки превзойдёт всё то, что имело место при Харгобинде и Шахе Джахане.

В период гурта Тег Бахадура состояние раскола в сикхской общине продолжалось. Само занятие им гургадди не прошло гладко. Важнее, однако, то, что по-прежнему существовали «параллельные гуру», немалая часть сикхов признавала своими лидерами других представителей династии Рам Даса. Это заставило Тег Бахадура совершить длительную поездку на восток Индии, чтобы укрепить свои позиции, заручившись поддержкой непанджабских сангатов.

В 1670-е годы в Могольском султанате наметились центробежные тенденции, набирали силу региональные антиимперские движения и открытые восстания (джаты области Агры, маратхи, пуштуны). Аурангзеб отвечал на это кровопролитием и религиозными гонениями на индуистов и шиитов. В этих условиях произошло новое столкновение сикхской общины с могольской властью. Придравшись к тому, что кашмирские брахманы просили у Тег Бахадура заступничества перед властями, шах велел схватить гуру сикхов и казнить его. У сикхской общины появился второй гуру-мученик.

Казнь Тег Бахадура была со стороны империи недальновидным поступком, ибо терпение сикхов было на исходе.

ГЛАВА III

Сабля против гнёта: Рождение хальсы (конец XVII – начало XVIII в.)

III.1. Десятый гуру Гобинд Сингх (1675–1708)

В 1675 г. сикхскую общину опять возглавил мальчик — 9-летний сирота Гобинд. Его раннее детство прошло в Патне, где он родился. Тег Бахадур дал сыну всестороннее образование. Гобинда учили сикхской религии, арифметике, истории, фарси, даже арабскому и санскриту, искусству верховой езды, охоты и владения всеми видами оружия — саблей, копьём, луком, мушкетом. Об этом рассказывает сам Гобинд в своей автобиографии 1692 г. *Багитар натак* («Пёстрая драма»). Кстати, в этой книге Гобинд называет своей родиной (*мадра дес*) Панджаб, а не Бихар, где он появился на свет. В 1677 г. Гобинда женили на Джито, дочери кхатри из Лахора; после свадьбы её стали звать Сундари¹.

Когда Гобинд подросток, он последовал примеру своего деда Харгобинда: заменил подношения гуру деньгами и зерном подношениями оружием и конями. Если прежние гуру лишь поощряли в своём окружении физические упражнения, то Гобинд сделал их обязательными. По примеру деда он возродил материальный символ светской власти гуру: велел изготовить большой военный барабан, который назвали Ранджит Нагара («Барабан Победы») и в который стучали в Анандпуре утром и вечером. Опять же подобно Харгобинду, гуру регулярно упражнялся в воинском искусстве и ежедневно выезжал на охоту с отрядом сикхов, нанятым его дядей по матери Крипал Чандом. Этот отряд стал ядром будущей грозной армии десятого гуру. Под подъём сикхского гуру как правителя Гобинд подвёл и идейную основу: в сочинении *Багитар натак* возвёл свою родословную к самому Раме — царю Айодхьи и аватаре бога Вишну.

Развитие Гобиндом военного потенциала общины не нравилось многим масандам. К концу XVII в. они превратились в крупных землевладельцев, а

---

¹ Распространённая ошибка — считать, что это два разных человека, две жены Гобинда.

мероприятия гуру грозили подорвать их положение. Масанды даже просили мать Гобинда — Гуджри повлиять на него, чтобы тот ограничился духовным образованием последователей, не претендуя на большее. Однако гуру продолжал начатое.

Вызревание у сикхов автономного княжества привело их к конфликту в первую очередь даже не с Могольским султанатом (имперская администрация находилась «высоко» — на общеиндийском и региональном уровне), а с непосредственными соседями — раджами индуистских княжеств горной области Шивалик, с которыми сикхский гуру стал сопоставим как мелкий правитель. В ряде работ конфликт сикхов с горными раджами объясняется исключительно преданностью раджей могольской власти, тем, что они выступали инструментом империи. На самом деле главной причиной конфликта был разлад в отношениях гуру с раджами вполне независимо от Моголов. Одни историки [Cunningham, 1903, p. 98] считают причиной конфликта вмешательство Гобинда во внутренние дела горных княжеств с целью подчинить их. Другие [Johar, 1967, p. 93] настаивают, что данная точка зрения не подкреплена историческими источниками. Как бы то ни было, горным раджам хватило самого факта соседства с сикхской общиной. Они обоснованно опасались демократического потенциала сикхизма: эгалитаристские идеи молодой религии нашли отклик среди низкокастового населения шиваликских княжеств. Гуру сикхов становился конкурентом местных раджей в сфере власти, «перетягивая» у них массы подданных.

Прежде всего конфликт, естественно, возник с раджей княжества Кахлур — Бхим Чандом, у которого Тег Бахадур и купил землю для строительства Анандпура (город сикхов стоял всего в 15 км от столицы княжества — Биласпура). Раджа с недовольством взирал на многочисленные собрания сикхов, на барабан как символ монаршей власти гуру, на великолепного, прекрасно обученного чёрного слона с белой полосой от хобота до хвоста. Этот слон мыл гуру ноги и вытирал их полотенцем, приносил выпущенные им стрелы, ночью освещал путь зажатой в хоботе свечой. По легенде, Гобинду его привёз благодарный ассамский принц (будучи в Ассаме, Тег Бахадур благословил его отца, опечаленного отсутствием наследника).

В 1682 г. Бхим Чанд сделал ассамского слона предложением к вооружённому конфликту. Раджа попросил гуру одолжить слона, а также богато украшенный шатёр (подарок одного сикха из Кабула). Гобинд отвечал, что дарители запретили ему одалживать эти вещи. Получив *casus belli*, Бхим Чанд напал на Анандпур, но был отбит. Между его людьми и сикхами начались стычки. Видя, что в одиночку не справится, в 1685 г. раджа Кахлура организовал поход на Анандпур совместно с раджами Кангры и Гулера. Поход также окончился неудачей. Однако вскоре из-за угрозы новой коалиции раджей Гобинд по приглашению дружественного ему раджи Сирмаура с 500 воинами и мно-

гими сикхами переехал на территорию этого горного княжества, в местечко Паонта в верховьях Ямуны, на её правом берегу. Правитель Сирмаура (которого в могольских хрониках из-за снегов в его горных владениях именуют «снежным раджей», *barftrājā*) хотел использовать сикхов для обороны своих восточных границ от враждебного соседа – раджи Гархвала. С разрешения раджи гуру построил в Паонте крепость.

В Паонте Гобинд прожил три года (1686–89). Именно здесь он, мастерски владевший не только саблей, но и пером, написал значительную часть своих воинственных и религиозных стихов и наставлений. Позднее их собрали в книгу Дасам Грантх (полное название на панджаби – *Дасвен падшах да грантх*, «Книга десятого падишаха»). Она коренным образом отличается от Ади Грантх: если в той центральная тема – единение с богом, то в этой – вполне мирская по характеру вооружённая борьба с тиранией. Согласно традиции, Ади Грантх воплощает бхакти (преданность богу) сикхов, тогда как Дасам Грантх – их шакти (жизненную силу). Дасам Грантх состоит из 18 сочинений Гобинда на мифологическую, философскую, автобиографическую тематику и написана письменностью гурмукхи на разных языках – панджаби, диалектах хинди (авадхи, брадже), фарси.

Гобинд не только сам был талантливым литератором, но и (как подобает правителю) покровительствовал искусствам: принял на службу 52 поэта, которые перевели на хинди (диалект брадж) классические предания о воинской доблести, содержащиеся в древнеиндийских *пуранах* – мифологических и философских произведениях послеведической эпохи. В частности, поэты перевели сказания о подвигах Рамы и Кришны и о богине войны Чанди (одно из имён супруги Шивы), уничтожавшей демонов с оружием в руках (поэма *Чанди ди вар*). К слову, в её честь называется современная столица штатов Панджаб и Хариана г. Чандигарх («Крепость Чанди»). Правда, авторство поэмы приписывают самому гуру и она входит в Дасам Грантх. Таким образом, «у Гобинд Сингха всевышний не перестал быть милосердным, но обрёл оружие» [Рабинович, 1972, с. 113]. Для встающей на путь войны сикхской общины эта тематика становилась актуальной. Развивался у сикхов жанр исторического повествования о ратных подвигах их единоверцев – *гурбилас* («удовольствие гуру»). Яркие примеры жанра – *Багитар натак* самого Гобинда и сочинение Ратан Сингха Бхангу *Прагин пантх пракаш*, «Древний свет пантха» (составлено в 1809–41 гг.). Героическая поэзия гуру Гобинда занимает в литературе Индии особое место, а его сочинение *Шастар нам мала* представляет собой нечто вроде энциклопедии индийского оружия конца XVII в. Гуру Гобинд считается одним из крупнейших поэтов и образованнейших людей Панджаба своего времени.

Пять самых образованных членов общины Гобинд в 1688 г. отправил в центр индуистской учёности Варанаси – учить санскрит и осваивать индуи-

стские религиозные тексты, чтобы толковать сочинения сикхских гуру, полные отсылок к мифологии и философии индуизма. Учиться эти сикхи отправились под видом индуистских садху, потому что не были брахманами, а ни один брахман в Индии не стал бы учить небрахмана санскриту и священным текстам (пандит, находившийся при дворе Гобинда, наотрез отказался учить их сам). Так было положено начало школе сикхского богословия — *нирмала* («незапятнанные»). Сейчас сикхи-нирмала выступают знатоками и толкователями Ади Грантх, имеют авторитет в вопросах догматики.

У Гобинда и Сундари было четыре сына: Аджит (1687–1705), Джуджхар (1691–1705), Зоравар (1696–1705) и Фатех (1699–1705). Все они станут мучениками.

В 1688 г. против Гобинда опять выступило объединённое войско князей Шивалика: раджа Кахлура Бхим Чанд, раджа Гархвала Фатах Шах, раджа Кангры Крипал Чанд и ещё 12 раджей. Одним из зачинщиков был раджа Гархвала, и выступал он не только против сикхов, но и против княжества Сирмаур, на территории которого они жили. 18 сентября состоялось сражение при Бхангани недалеко от Паонты. Перед битвой раджи переманили у Гобинда большинство патханских наёмников, которых рекомендовал ему суфийский пир Будху Шах из Садхауры. Тогда пир выручил гуру, прислав 700 собственных воинов под началом своих четырёх сыновей. (Из этого заключаем: пир был не просто вероучителем, а, подобно сикхскому гуру, располагал военной силой и управлял какой-то территорией.) Сикхский плотник Рама изготовил две пушки из пустых стволов тамаринда¹. В ходе боя Гобинд, как повествует традиция, лично сразил раджу княжества Хиндур Хари Чанда. Раджи Шивалика бежали. Победа при Бхангани продемонстрировала, что сикхский гуру уже сильнее даже коалиции своих соседей-раджей. Уже в следующем году Гобинд, чувствуя себя достаточно уверенно, вернулся в отцовский город Анандпур. Это способствовало выходу конфликта на более высокий уровень.

К концу XVII в. Могольский султанат трещал по швам. Видя успешное сопротивление маратхов на юге и сокращающиеся возможности империи держать страну в повиновении, подвластные Моголам мелкие правители то тут, то там прекращали платить шаху дань, чтобы посмотреть: а вдруг сойдёт с рук? Кое-где империя уже ничего не могла с ними поделать; кое-где ей ещё хватало сил наводить порядок. В конце 1680-х годов дань Аурангзебу перестала платить часть раджей Шивалика, в том числе Бхим Чанд. Шах приказал фаудждару Джамму Миан-хану собрать дань силой, и тогда раджи решили втянуть в конфликт гуру сикхов как обладателя мощного отряда и укреплен-

¹ Подобной технологии не стоит удивляться. Вообще индийцы в то время не отличали пушки, а делали их из железных «досок», скреплённых железными кольцами.

ного города. Раджа Кахлура Бхим Чанд, «позабыв» обиды, прислал к Гобинду своего первого министра просить помощи. Посланец льстиво заявил: «Мы находимся под защитой дома Нанака. Моголы ничего не могут нам сделать, если только ты будешь нашим проводником и светом».

Могольский султанат угрожал всем, поэтому Гобинд согласился помочь и встал во главе объединённых сил. В конце 1690 г. эти силы нанесли поражение могольскому войску под началом Алиф-хана при Надауне на берегу Беаса. Гобинд показал в бою личную храбрость и застрелил одного из раджей вражеской стороны (в войске Моголов находились союзники). После победы гуру вернулся в Анандпур и продолжал ковать армию.

Зимой 1691 г. к Анандпуру подступил могольский военачальник Рустамхан, который рассчитывал взять сикхов врасплох. Он подошёл ночью и расположился лагерем в русле высохшей речки, но пошёл ливень, русло ожило, и многих воинов и почти весь обоз смыло. Гуру назвал речку Хамайяти Нала — «Дружественная речка».

В 1694 г. имперский фаудждар Кангры Дилавар-хан прислал 11-тысячное войско под командованием своего сына Ханзады заставить гуру уплатить дань, а если откажется — разграбить Анандпур. Из сикхской столицы бежало население. Однако гуру собрал войска и наголову разбил могольскую рать на берегу Сатледжа. Ханзада бежал.

Дилавар-хан распёк сына за трусость и отправил новую экспедицию, под началом своего раба-военачальника Хусейна. Последний уже настроился на длительный конфликт — на осаду. По пути он грабил владения раджей Шивалика и нагнал на них такого страха, что те (включая Бхим Чанда) сочли за лучшее отложиться от союза с гуру и заплатить всё, что от них требуют. Более того, горные раджи были вынуждены присоединиться к Хусейну и отправить на Анандпур собственные отряды. Получилось, что раджи втянули гуру в конфликт с султанатом, а сами разбежались.

Особняком среди раджей оказался Гопал, правитель княжества Гулер. Он тоже приехал было к Хусейну с выражением покорности, но смог предложить ему только 4 тыс. рупий из требуемых 10 тыс. Хусейн публично оскорбил Гопала, тот бежал (не забыв прихватить деньги) и решил сопротивляться. Гуру Гобинд тут же прислал ему на помощь своих военачальников. Хусейн двинулся наказать Гопала, но неожиданно потерпел поражение и погиб сам, а Гопал приехал к Гобинду и заплатил дань ему¹. Так иные князья-соседи начали воспринимать сикхского гуру как верховную власть вместо делийского двора.

¹ В познавательном документальном фильме на панджаби «Хальса» (1999 г.) режиссёра Мангал Сингха Дхиллона о жизни гуру Гобинда (где за кадром идёт повествование, а в кадре перемежаются костюмированные сцены и показ цветных иллюстраций) раджа Гопал театрально швыряет могольскую грамоту. Так московский великий князь Иван III «разорвал» грамоту хана Ахмата.

В полной мере мы увидим это в начале XVIII в. Гобинд в самом деле «нагал править как падишах» [Синх, 1959, с. 421].

Таким образом, на севере Могольского султаната вызревал очаг такого же упорного и бескомпромиссного сопротивления, как на юге. Аурангзеб разгневался и велел усмирить сикхского гуру. В 1694–97 гг. имперские власти организовали несколько походов на Анандпур, но безуспешно. Наконец Аурангзеб велел выступить против сикхов одному из своих сыновей — шахзаде Муаззаму (впоследствии его преемник Бахадур-шах I). Это свидетельствует о значении, какое стали придавать сикхской проблеме при дворе: ею занялись на уровне принца.

Однако исполнителя Аурангзеб выбрал не того: Муаззам, в отличие от отца, не был мусульманским фанатиком, почитал набожных людей независимо от религии, а сикхский гуру был для него одним из них. Важнее, пожалуй, то, что шахзада видел военную мощь сикхов, а предвидя скорую борьбу за престол, даже рассчитывал на их помощь (как окажется — не зря). Поэтому он ограничился наказанием нелояльных раджей: прошёлся по их землям с огнём и мечом, грабил и в знак унижения возил пленников на ослах. Сикхов же не тронул. Впрочем, Муаззаму ещё предстоит воевать с ними, и немало — но уже в качестве шаха.

Гобинд между тем понимал, что это только передышка, и построил в Анандпуре пять крепостей. Когда 22 февраля 1701 г. на праздник холи в город собралось много сикхов, он устроил военные учения, даже одев воинов в подобие формы: один отряд, в белых одеяниях, защищал крепость Холгарх, а другой, в жёлтых одеяниях, во главе с самим гуру пошёл на приступ. Учебный бой длился более четырёх часов, и крепость наконец пала. Память об учениях Гобинда сохраняется в сикхской общине и поныне в виде праздника *хола махалла*: ежегодно в эту неделю (обычно в марте, начиная с 1-го числа лунного месяца *гет*) сикхские воины *ниханги* (см. ниже) в Анандпуре и других местах с боевыми кличами ездят верхом с копьями и саблями, занимаются фехтованием и борьбой. Чуть ранее похожие учения проводил далеко на севере со своими «потешными» другой молодой монарх рождающейся державы.

Гуру проводил и другие тренировки, развивая в последователях храбрость. Так, он привёл группу молодых сикхов на берег Сатледжа, швырнул в реку горсть золотых монет и браслетов и объявил: «Найдёте — ваше!». Так генерал-майор Ермолов во время контратаки при Бородино бросил вперёд горсть Георгиевских солдатских крестов как материальный стимул.

При Гобинде брахманы по-прежнему старались препятствовать росту влияния сикхизма. Известный пандит Кешо Дас из Варанаси пришёл к гуру и призывал поклоняться богине Кали (Дурге). Он утверждал: если сикхи помогут ему соорудить жертвенный огонь (*хому*), он покажет им богиню, а если

сикхи ещё и поклонятся ей, то приобретут непобедимость (брахман знал, на что надо делать упор, если стоит задача привлечь сикхов). Речи Кешо Даса произвели впечатление. Однако Гобинд отвечал, что даже боги и богини подчиняются воле единого бога-творца, который и даёт человеку силы изменять собственную судьбу. (Вспомним, что сикхи, почитая единого бога, не отрицают существования индуистских богов – просто считают, что те тоже сотворены.) Сикхов аргументы Гобинда убедили – в отличие от горцев-индуистов, их соседей по Анандпуру. Чтобы показать горцам их заблуждение, Гобинд пошёл навстречу Кешо Дасу и позволил устроить хому.

По легенде, обряд поддержания огня продолжался целый год, по истечении которого гуру задал брахману вопрос: ну так где богиня Кали? Тот отвечал, что она явится лишь в том случае, если какой-нибудь святой человек благородного происхождения принесёт себя в жертву, а его голову бросят в огонь. Гуру Гобинд не был обделён чувством юмора и спросил: где же найти более святого человека, чем сам Кешо Дас? Брахман лишился дара речи и быстро куда-то исчез. Гобинд же вынул саблю и сказал собравшейся толпе: *«Вот истинное проявление богини силы – сверкающая сталь, с помощью которой карают зло, а также защищают и вознаграждают добродетель»*. Самого существования богини Дурги Гобинд не отрицал: это её он воспел в поэме *Чанди ди вар* как победительницу злых сил.

Дальнейшая эволюция сикхской общины и особенно необходимость противостоять враждебному окружению толкали Гобинда к чёткой организации общины. И вот 30 марта 1699 г., на праздник байсакхи, в сикхской истории произошло исключительно важное событие: гуру Гобинд создал *хальсу* – «общину чистых», братство своих приверженцев, главной чертой которого стала высокая степень милитаризованности. Новогодним праздником для этого мероприятия гуру воспользовался потому, что именно тогда в Анандпур собирались большие толпы сикхов; к тому же тот факт, что сикхи в больших количествах собрались на обычный праздник, не мог вызвать подозрений у имперских властей.

Засвидетельствовать почтение гуру пришла, как обычно, огромная толпа сикхов. Гобинд стоял у входа в шатёр на невысоком холме Кешгарх. Сначала он произнёс перед собравшимися пламенную речь: напомнил о тирании могольских властей, осудил индуистский принцип *ахимсы* (непричинение вреда, которое оборачивалось непровлечением злу), призвал занять активную позицию и заявил, что преклоняется перед святой саблей как символом сопротивления насилию. После этого Гобинд неожиданно устроил последователям жестокое испытание в вере. Он внезапно вынул саблю и грозно крикнул: *«Всякому великому подвигу предшествует великое жертвоприношение. Мне нужен сикх, который может предложить мне сейгас свою голову. Моя сабля жаждет крови того, кто усвоил урок покорности»*.

Наступило гробовое молчание. Ни один сикхский гуру ещё никогда не требовал от своих последователей принести в жертву собственную жизнь. Гобинд меж тем напомнил: «Вы же всегда твердили: “Тот, кто любит путь бога, протягивает ему на ладони свою голову”». Три раза кричал гуру — и никто не откликнулся. Наконец вперёд медленно выступил сикх Дайя Рам и смиренно заявил: «О, царь царей, я предлагаю тебе свою голову. Она всегда была твоей. Если она принесёт тебе какую-то пользу, я буду считать это величайшей милостью и гувствовать себя спасённым». Гобинд взял его за руку и отвёл в шатёр. Когда он вышел оттуда, с сабли капала кровь, а вид у него был ещё более свирепый. Гобинд объявил: «Нужна ещё голова. Дхарму теперь могут защитить лишь те, кто готов жертвовать жизнью».

Собравшиеся начали в ужасе разбегаться. Многие были уверены, что гуру потерял рассудок. Между тем на клич Гобинда вперёд выступил второй сикх — Дхарам Дас. Гуру отвёл его в тот же шатёр и вновь предстал перед напуганными последователями с окровавленной саблей. Тут многие сикхи бросились к матери гуру Гуджри, прося её вмешаться или даже пойти на беспрецедентный шаг — сместить Гобинда с гадди Нанака. Однако гуру был непреклонен. Он продолжал вызывать добровольцев, и один за другим вышли ещё трое сикхов — Мохкам Чанд, Сахиб Чанд и Химмат Чанд. Сикхи стали опасаться, что гуру собирается перебить всех. Уведя в шатёр пятого, Гобинд... вдруг вышел оттуда со всеми пятью сикхами — целыми и невредимыми (по другой версии, чтобы показать их, просто подняли полог шатра)!

Секрет крови на сабле был прост. В шатре заранее приготовили чан с кровью зарезанного козла. Заходя в шатёр с очередным добровольцем, Гобинд каждый раз обмакивал саблю в этот чан¹.

Пять сикхов оказались одеты в длинные жёлтые одеяния, на головах были синие тюрбаны, талии были повязаны поясами, а на боку висели сабли. Жёлтый цвет, цвет весны и возрождения, был призван символизировать их рождение как членов новой сикхской общины. Гуру назвал этих пятерых своими *панч пьаре* — «пятеро любимых». Собравшиеся разразились криками *Сат Шри Акал!* («бог бессмертен!»; сейчас это принятое у сикхов повседневное приветствие) и просили гуру благословить их так же. Многие жалели, что не вызвались на добровольную жертву (кто же знал?).

Состав панч пьаре, в том виде, который донесла традиция, не случаен. Они представляют разные касты и разные регионы Индии, символизируя проникновение учения гуру во все слои индийского общества и все географические области. Дайя Рам принадлежал к касте кхатри и происходил из Ла-

¹ Иногда пишут, будто Гобинд привязал в шатре целых пять козлов и каждый раз убивал одного. Это неправдоподобно: после убийства первого козлы стали бы громко блеять от страха, и их тут же услышала бы толпа снаружи [Gupta, I, p. 270]. Представление пошло бы насмарку.

хора; Дхарам Дас был джатом из Рохтака; Мохкам Чанд — прачкой из Двараки в Гуджарате; Сахиб Чанд — брадобреем из Бидара (Декан, Центральная Индия); Химмат Чанд — водоносом из Джаганнатх Пури (город в стране Орисса в Восточной Индии). Символика панч пьаре даже глубже — это пять великих добродетелей сикхизма: *дайя* — сострадание, *дхарам* (санскр. *дхарма*) — праведность, *мохкам* — стойкость, *сахиб* — умение владеть собой и *химмат* — мужество.

Ещё со времени Нанака обращение в сикхизм сопровождалось обрядом *гаран пахул*: новый адепт в знак смирения пил воду, в которую гуру обмакнул большой палец ноги. Ради создания из сикхов новой, более сплочённой, а главное, милитаризованной общности Гобинд решил заменить этот обряд другим — *кханде ди пахул*, посвящение кинжалом. Выведя панч пьаре из шатра, он велел принести стальной кувшин с водой и стал помешивать её стальным обоюдоострым кинжалом (*кхандой*), декламируя пять сочинений, написанных им самим и прежними гуру. Обоюдоострый кинжал символизировал то же, что две сабли Харгобинда, — соединение мира и пири, светской и духовной власти гуру. После этого женщина по имени Сахиб Дэви (1681–1747)¹ принесла несколько кусочков сахара и подсластила воду. Гуру объяснил символику этого действия: новая община сикхов будет не только обороняться силой оружия, но и сделает жизнь своих членов сладкой.

Приготовленную воду Гобинд назвал *амрит* — «нектар бессмертия». Он подозвал панч пьаре и дал каждому пятикратно отпить из кувшина, после чего пятикратно побрызгал оставшейся водой им на голову и в лицо. Когда хотят сказать «стать сикхом», нередко говорят «принять пахул». Посвящаемые повторили за Гобиндом фразу, которая будет формулой приветствия и боевым кличем сикхов: *Вáхегуру́джи да хáльса, вахегуруджи ди фатéх* — «Хальса принадлежит богу, победа за богом». Затем гуру попросил их поднести амрит ему, т.е. принять в новое братство его самого как рядового члена. Эта просьба ошеломила пятерых сикхов и всё собрание. Они сказали: «*Ты гуру, наш духовный вождь, как здесь, так и на том свете, наш спаситель, которому мы вручили свои жизни. Как же мы можем подносить амрит тебе, о, царь царей?*». Гобинд отвечал: «*Сегодня я угредил новую общину, где не будет ни высших, ни низших. Я хожу установить это братство на основе полного равенства, прося вас сделать меня своим учеником*».

Так и сделали. Затем панч пьаре совершили тот же обряд в отношении 20 тыс. присутствовавших сикхов, которые тем самым приобщились к новому братству (конечно, обряд растянулся на несколько дней). В последующие

¹ Распространённая ошибка — считать, будто она была второй (а то и третьей) женой Гобинда. Есть сведения, что родители Сахиб Дэви действительно хотели выдать её замуж за гуру, но тот отказал. Однако поскольку предложение было сделано публично, замуж её уже никто не взял бы, и Гобинд разрешил ей просто жить в его доме.

две недели церемонию *кханде ди пахул* прошли до 80 тыс. сикхов¹. Несмотря на принятие Гобиндом пахула от панч пьаре в качестве равного им члена новой общины, он стал считаться духовным отцом всех её членов, а Сахиб Дэви — их духовной матерью². Вместе с тем гуру предостерег последователей, чтоб не вздумали поклоняться ему как богу, так как отход от монотеизма влечёт адские муки. В настоящее время церемонию принятия в сикхизм проводят именно пять членов общины перед экземпляром Ади Грантх таким образом, как это произошло в Анандпуре в 1699 г. И в истории с панч пьаре, и здесь, и позднее мы вновь имеем дело со священной для Индии пятерницей, которая и в сикхизме уже присутствовала задолго до Гобинда. Ещё Бхай Гурдас сказал: «Один последователь — это сикх; два составляют священное сообщество; когда же их пятеро, там присутствует сам бог».

Создаваемой им новой общине Гобинд дал название *хальса* — «чистая», «община чистых»³.

Изображение обоюдоострого кинжала *кханда* вошло в состав эмблемы хальсы и украшает флаг сикхской общины. Кханда — один из самых древних видов индийского оружия, представляет собой кинжал или палаш, часто с расширяющимся к острию лезвием. Эмблема хальсы по её центральному элементу тоже называется *кханда*, а флаг хальсы носит название *Нишан Сахиб*, «Господин Знак» (так назывались знамёна сикхов ещё при Харгобинде). Кханду составляют: прямой кинжал *кханда*, на его клинок наложено металлическое кольцо *гаккар*, по бокам два изогнутых *кирпана* (символизируют духовный и светский компоненты власти в общине — пири и мири). Нишан Сахиб — это треугольное знамя оранжевого цвета с кхандой синего цвета. Такие знамёна обычно развеваются на флагштоках у гурдвар. Ниханги нередко носят флаг, наоборот, синего цвета с жёлтой кхандой. Кстати, у них изображение кханды часто имеется и на тюрбане (в виде металлического значка). Вместе с упомянутым выше (см. I.6) священным знаком *Ик онкар* знак кханда выступает символом сикхизма. При этом Ик онкар является скорее символом самой религии, тогда как кханда — символом хальсы, с явным военным уклоном. Символ кханда связан с термином *сарблех* — «целиком железный».

¹ В англо- и русскоязычной литературе обряд вступления в сикхизм, к сожалению, часто именуют термином *baptism* / «крещение» [McLeod, 1989, p. 44; Singh T., 1951, p. 112; Самыгин, Нечипуренко, 1995, с. 33]. Конечно, им пользуются как метафорой, но, как я упоминал, применение к сикхизму понятий христианской религии неуместно, рождает ненужные аналогии (как лучше не называть троицей индуистскую Тримурти — группу высших богов Брахму, Вишну и Шиву).

² Как отмечают историки, объявив Сахиб Дэви духовной матерью хальсы, гуру Гобинд как бы компенсировал ей отказ взять её замуж: у неё всё равно появились дети, пусть духовные.

³ Не в последний раз религиозная община в Индии стремилась обособиться, используя понятие «чистый»: «Пакистан» на языке урду означает «Страна чистых».

Его употреблял Гобинд для обозначения как карающего зло клинка, так и самого бога.

Гобинд подчеркнул, что теперь сикхи будут бескастовыми, не будут выполнять индуистских или мусульманских обрядов, не будут верить ни в какие предрассудки, а будут почитать только единого бога — создателя, господина, защитника и разрушителя всего сущего. По замыслу гуру, новая община отвергала атрибуты четырёх варн индуистского общества и должна была составить пятую общность, свободную от любых ритуально-кастовых запретов и ограничений [Захарьин, 1996, с. 53]. Гобинд объявил, что все сикхи будут братьями, не будет ни паломничеств, ни аскезы, но будет праведная жизнь домохозяина, которой его последователи должны быть готовы пожертвовать ради защиты дхармы. Женщины объявлялись равными мужчинам во всех отношениях. Упразднились обычаи парды и сати, а также убийство новорожденных дочерей.

Здесь логично возразить: но ведь всему этому учил ещё Нанак! Почему сикхскому гуру пришлось опять утверждать эти принципы? Неужели два столетия существования сикхской общины, череда девяти гуру от Нанака до Тег Бахадура так и не изжила у сикхов тех идей и принципов, с которыми боролся основатель сикхизма? Так и есть: несмотря на монотеизм и антикастовую направленность учения первого гуру, осуждение им и его преемниками кастовых различий, приниженного положения женщин и ряда индуистских и мусульманских обрядов носили пассивный характер; в быту многие сикхи — недавние индуисты или мусульмане — продолжали соблюдать прежние нормы морали и поведения [Кочнев, 1973, с. 81]. Достаточно сказать, что сами гуру устраивали браки своих детей только в соответствии с предписаниями собственной касты кхатри.

Правда, радикально реформировать сикхскую общину оказалось не под силу даже Гобинду. Каста в индийском обществе непобедима. Она «проросла» и в индийском исламе, и в сикхизме. *«Как только сикхское общество приняло ту же организацию производства, оно было вынуждено принять неумолимо функционирующую индуистскую брахманигескую иерархию джати»* (касты. — К.Ф.) [Ray, 1970, p. 35]. Даже сегодня кое-где существуют... кастовые гурдвары. И всё же в сикхской общине каста работает «не в полную силу». Более того, под влиянием сикхизма (и ислама) даже индуистская кастовая система в Пенджабе не столь жёсткая, как в других странах Индии [Social Philosophy..., 2003, p. 247].

Особое внимание Гобинд уделит внешнему виду членов нового братства. Для мужчин в знак их приверженности идеалу хальсы он ввёл правило «пяти к» (*панг какар*): *кеш*, *кангха*, *кара*, *каггха*, *кирпан*.

Кеш — нестриженные волосы. У этого правила есть несколько объяснений: будто Гобинд хотел придать сикхам сходство с индуистскими аскетами и героями-кшатриями (так, длинноволосыми изображают героев эпоса «Махаб-

хараты» братьев Пандавов), с воинственными племенами пуштунов, с предыдущими гуру и т.д. Наиболее правдоподобной представляется версия историка Х.Р. Гупты (она же — наиболее прозаическая): Гобинд хотел наделить общину такой «военной формой», которая была бы наименее дорогостоящей и наиболее внушительной; кроме того, толстый слой уложенных под тюрбаном волос должен был в какой-то мере защищать воинов от ударов холодным оружием [Gupta, I, p. 275–276]!

Кангха — деревянный гребень в волосах для поддержания непростой причёски (вытекает из первого правила). Сикх накручивает на этот гребень свои длинные волосы и им же закрепляет их. Символическое значение гребня — физическая и духовная чистота нового члена общины.

Кара — стальной браслет на правом запястье. Он служит заменой *ракх-ри* — нити, которую у индуистов повязывали сёстры братьям на запястье как напоминание о долге защищать их. Сикхская кара выступает символом верности гуру и пантху. Сталь воплощает силу, а круглая форма — бесконечность и вездесущность бога.

Казгха — короткие хлопчатобумажные штаны не ниже колен. Они тоже символизируют чистоту, а также готовность ринуться в бой за правое дело в любой момент. Кроме того, эти штаны преследовали и вполне практическую цель: были удобнее для воина (как пешего, так и конного), чем *дхоти* индуистов и свободные шаровары мусульман.

Наконец, *кирпан* — стальной кинжал. С его помощью следовало защищать истину. Кроме того, он символизировал власть: носить оружие среди индуистов имели право лишь члены варны кшатриев, в том числе раджпуты, причислявшие себя к ним. Претендуя на право носить оружие, сикхи стремились поднять свой социальный статус до уровня раджпутов. Среди знатоков оружия сикхские кирпаны ценятся не менее, чем кривые ножи непальских гуркхов *кхукри* или малайские пламевидные кинжалы *крисы*. Сикх обязан носить кирпан всё время, но в условиях современной жизни этот кинжал нередко заменяют его изображением (например, на тюрбане). Военизированность реформированной Гобиндом религии проявляется, в частности, в том, что кирпан фигурирует у сикхов даже в обряде наречения имени: младенцу капают в рот капельку мёда или подслащенной воды с лезвия кинжала (у индуистов — с пальца). Кирпан (вместе со сладостями) присылают и родственники невесты жениху при подготовке свадьбы.

В литературе есть мнение, что правило «пяти к» стало ответом сикхов на пять украшений, которые носили высококастовые индуисты: золотые серьги, ожерелье, золотые или серебряные браслеты, кольцо и богато украшенный пояс [Gupta, I, p. 274].

Отмечу, что особый вид тюрбана, по которому сикха не спутаешь ни с кем другим, в правило «пяти к» не входит. Строго говоря, носить такой тюрбан

сикхи не обязаны — но это устоялось, стало традицией (просто тюрбан — традиционный головной убор в Индии и исламском мире, а уложенные длинные волосы тем более легче держать под тюрбаном). Сикхский тюрбан представляет собой полосу муслиновой ткани длиной 3–6 м. Чаще всего сикх завязывает тюрбан таким образом, что симметричные складки образуют надо лбом направленный вверх угол. Кстати, уложив волосы, сикх сначала накрывает их платком из муслина, а уж на него надевает тюрбан. Бороду и усы тоже заворачивают под тюрбан. Тюрбаны носят разных цветов; пожалуй, чаще других используют синий. Тюрбан жёлтого цвета (цвет весны) надевают на праздник байсакхи, розового — на свадьбу; белый — цвет траура (кстати, не только в Индии, но и в странах Восточной Азии). Сикхи-военнослужащие носят тюрбан цвета хаки. У сикха обычно несколько тюрбанов на разные случаи жизни: скажем, в дорогу (в самолёт) надевает один, для деловых встреч — другой, для визита в ресторан — третий. Правило кеш соблюдают и мальчики-подростки: собирают волосы в пучок, накрывая его куском ткани и перетягивая резинкой надо лбом.

Кроме «пяти к» Гобинд ввёл для членов хальсы четыре заповеди, правила поведения (*рахит*). Во-первых, не бриться (это следует из правила *кеш*). Во-вторых, не курить табака и других одурманивающих веществ (мака, конопли). Курение было объявлено привычкой одновременно ритуально нечистой и вредной для здоровья. И по сей день в Амритсаре как мировом центре сикхизма продажа табака запрещена вовсе. В-третьих, не употреблять в пищу мяса животных, убитых по мусульманскому ритуалу — надрезом горла с выпусканьем крови (*халал*). У сикхов появилась своя категория дозволенного мяса — *джхатка*: животное должно быть убито мгновенно, одним ударом путём обезглавливания. И тот и другой запрет Гобинд наложил, возможно, с целью резко отделить и даже в чём-то противопоставить хальсу исламской общине (так, именно мусульмане принесли в Индию кальян, и курение считалось одним из их отличительных занятий) [McLeod, 1989, p. 72–73]. Вместе с тем влияние индуизма на сикхов настолько сильно, что немногие из них едят говядину. В-четвёртых, не нарушать супружеской верности. В XVIII в. будут составлены своды правил поведения доброго сикха, где перечисленные заповеди дополнят бытовыми установлениями, по сути — распорядком дня. Такие своды правил называются *рахитнама*. Они регулируют жизнь сикхов и поныне.

По инициативе Гобинда мужчины-сикхи присоединили к своему имени слово Сингх («лев»), а женщины — Каур («принцесса»). Так, сам Гобинд стал зваться Гобинд Сингх, а Сахиб Дэви — Сахиб Каур. Первыми, кто сменил имя, были панч пьаре: Дайя Рам сделался Дайя Сингхом, Дхарам Дас — Дхарам Сингхом и т.д. До этого элемент «Сингх» использовался только в составе имён раджпутов. Цель нововведения была двоякой. Во-первых, гуру ак-

центрировал равенство всех членов сикхской общины между собой независимо от их касты и гота (которые, как сказано выше, никуда не исчезли). Во-вторых, прибавляя к своему имени элемент имени знати, сикхи (джаты и представители низких каст) боролись за повышение своего статуса в рамках кастового общества, в рамках которого приходилось существовать сикхской общине. Так в колониальной Бирме 1930-х годов члены национальной организации «Добама асиайон» использовали друг к другу обращение *такин*, «господин»: это было устоявшееся обращение к британцам, и бирманские националисты на уровне языка настаивали, что достойны не меньшего уважения, чем колониальные хозяева страны; как и у сикхов, по сути это тоже была попытка поднять свой статус до статуса референтной группы с помощью лингвистических средств. Сейчас имя сикха, как правило, состоит из трёх элементов: имени собственного, элемента «лев» и имени гота, к которому он принадлежит (например: Раджиндер Сингх Сандху)¹.

Реформа Гобинд Сингха принесла общине не только скачок в развитии догматов религии: община имеет право на вооружённое сопротивление гнёту. Акцентированный Гобиндом принцип демократизма усилил и притягательность сикхизма для джатов и низших каст.

Показательно, что далеко не все сикхи приняли реформу Гобинда. В хальсу не пожелала войти часть выходцев из кхатри, а также брахманов — это значило бы побрататься с представителями более низких каст. Слишком глубоко засело кастовое чванство, они опасались за снижение собственного статуса. Кроме того, вне хальсы остались «раскольники сикхизма» — последователи конкурентов гуру: Притхи Чанда, Дхир Мала, Рам Раи, которые считали гуру самих себя и во второй половине XVII в. имели едва ли не больше приверженцев, чем линия Харгобинд — Хар Раи — Хар Кришан — Тег Бахадур. Укрепляя свой режим личной власти в общине, Гобинд наказал членам хальсы не иметь дела с представителями соперничающих ветвей сикхизма как с ненастоящими сикхами.

Сикхами упомянутые категории последователей Нанака всё же остались — в силу того, что признают учение Нанака; однако жили и живут вне хальсы. Их стали называть *сахадждхари* (от пандж. *сахадж* «лёгкий», «медленный») — «те, кто становятся [сикхами] постепенно», без дисциплины хальсы, а прежде всего с помощью *нам симаран* («запоминания имени [бога]»). Со временем, под воздействием бурных событий боевой истории общины, о которых речь впереди, доля сикхов хальсы в общине в целом неуклонно росла. Сегодня сахадждхари составляют менее 5% всех сикхов. В XVIII в., после

¹ Элемент «Сингх» часто пишут в виде фамилии сикха, особенно в западных странах. Такая практика прижилась (см. библиографию настоящей работы), но, строго говоря, это неверно (как неверно сокращать мусульманское имя с элементом «хан»: например, Мухаммад Ибрахим-хан сокращают до М.И. Хан).

смерти Гобинда и в условиях жестоких преследований со стороны властей, две части общины всё же налаживают контакты на основе взаимопомощи.

В религиозной догматике и практике сикхи-сахадждхари стоят ближе к индуистам, практикуют религиозный синкретизм: почитают индуистских богов, совершают паломничества; по сути они не до конца оторвались от индуизма, находятся в сфере обеих религий сразу. В первых переписях населения Индии, которые проводили британцы, для них присутствовала двойственная категория «индуисты-сикхи». Термин *сахадж* употреблял ещё Нанак, понимая под ним блаженство, к которому стремятся верующие. Что касается членов хальсы, то их стали называть *кешдхари* — «те, кто соблюдает правило кеш» («волосатые»). Друг к другу члены хальсы стали обращаться *бхаи* («брат», «братец»), а порой *хальса джи* («уважаемая хальса», используемое не как собирательное имя)¹. Итак, не все сикхи являются сингхами, но все сингхи являются сикхами. Именно сикхи-сингхи — львы своей родной Страны пяти рек — составили ударную силу общины в борьбе за выживание в XVIII в. и позднее.

Индийские историки любят проводить параллель между реформой гуру Гобинда и революциями Нового времени в Западной Европе и Америке, в ходе которых тоже утверждались демократические принципы. Они пишут, что реформа 1699 г. несла дух английской «Славной революции», которая произошла за десять лет до неё (поскольку тоже покончила с теорией божественной власти монарха), предвосхитила американскую декларацию независимости 1776 г. (право народа свергнуть тираническое правительство и создать собственное) и за 90 лет до французской революции провозгласила принципы свободы, равенства и братства [Gupta, I, p. 282; Singh J., 1981, p. 1]. Такая оценка представляется явным преувеличением. В то же время в истории Южной Азии создание демократической сикхской общины как религиозно-политического сообщества — событие, безусловно, уникальное.

Укрепление личной власти гуру в общине путём создания хальсы и устранения масандов вместе с милитаризацией жизни сикхов и их боевым крещением сделало из них поистине грозную силу. Это позволило известному бенгальскому историку сэру Джадунатху Саркару назвать членов хальсы сплавом «железнобоких» Кромвеля (непобедимость в сражениях) с иезуитами (беспрекословное подчинение вождю) [Sarkar, 1937, p. 246].

Масштабное мероприятие в Анандпуре получило резонанс. Местный могольский *ахбарнавис* не преминул донести в Дели, что у сикхов создали ка-

¹ Из собственного опыта автора: к незнакомым сикхам-кешдхари (например, чтобы спросить дорогу) индийцы — несикхи нередко обращаются *Сингх бхаи*, «братец Сингх». Логика проста: если сикх соблюдает правило «пяти к», т.е. является членом хальсы, значит, в его имени «львиный элемент» непременно присутствует. Другое, более уважительное, обращение к сикху — *сардар джи*, «господин начальник».

кую-то новую организацию. Раджи Шивалика были сильно напуганы. Когда однажды гуру выехал охотиться в долину Дун, двое из них, Балиа Чанд и Алим Чанд, напали на него с крупным отрядом. Свита гуру численно уступала войску раджей, но защищалась доблестно. Гуру сам стрелял по врагам из лука. Балиа Чанд был застрелен, Алим Чанд потерял в бою руку и бежал — как и всё войско.

Одновременно с созданием хальсы гуру Гобинд провёл ещё одну, не менее радикальную реформу: упразднил введённый Амар Дасом институт масандов. Уже к середине XVII в. масанды из заместителей гуру как проповедников сикхизма и держателей лангаров превратились в наследственных крупных землевладельцев. Окончательно это произошло при Хар Кришане: масанды воспользовались ослаблением центральной власти в общине ввиду малолетства гуру. Укреплению их власти способствовало и длительное отсутствие в Панджабе Тег Бахадура.

В интересах масандов было максимально ограничивать власть гуру. Внутри общины росла конкуренция верховному вождю. Гобинд понимал это и устранил конкурентов. Широкие слои сикхов встретили эту реформу очень одобрительно, так как вместе с властью и богатством масандов росла их заносчивость. Многие масанды были известны своими поборами и высокомерием; жалобы на них лились рекой. Так, когда один масанд зашёл к бедняку и тот угостил его обычной пищей — варёными бобами, масанд швырнул кушанье хозяину в лицо: мол, как он смеет равнять себя с видным членом общины!

Создание хальсы и упразднение масандов были неразрывно связаны. Термин *хальса* у сикхов уже употребляли — в частности, гуру Харгобинд и Тег Бахадур. Они понимали под хальсой часть общины под непосредственным управлением гуру — в отличие от сангатов, «филиалов» общины, которые оставались в ведении масандов. Объяснив хальсой практически всю общину, Гобинд не мог не ликвидировать института масандов. Здесь сикхи, по-видимому, копировали административную систему Могольского султаната: хальса — это то же слово, что халиса (арабское слово одно, по-русски обозначаемые им два понятия пишутся по-разному), территории империи под прямым управлением налоговых чиновников шаха; масанды соответствуют джагирдарам, которых центральная власть (как при Акбаре) пыталась свести к минимуму! На могольскую халису сикхи ответили своей.

Идейная трансформация сикхизма при Гобинд Сингхе произошла не с нуля. Идея сопротивления злу его же средствами парадоксальным образом уходит корнями в проповеди первых гуру, которые учили ненасилию. Рам Дас в стихах, которые позднее вошли в Ади Грантх, в случае причинённой несправедливости призывал последователей не мстить самим, а оставить правосудие всевышнему: ведь сикхи как диваны бога не должны бояться земных диванов — могольских администраторов [Grewal, 1999, p. 53]. Из этой, уже зало-

женной в сикхизме, идеи бесстрашия перед лицом земных властей и выросла идея, согласно которой в случае гнёта против этих властей позволено поднять саблю.

По легенде, вскоре после создания хальсы Гобинд проделал ещё один «педагогический» эксперимент. По его указанию ночью на осла надели шкуру тигра и в таком виде выпустили пастись. Утром люди переполошились и не смели приблизиться к ослу. Гуру подошёл к нему сам, снял тигровую шкуру и объявил: *«Вы должны быть хальсой и внутри и снаружи, а не вести себя как переодетый осёл. Ваши угнетатели внешне подобны львам, но внутри – трусы. Смело сопротивляйтесь им, и они будут побиты»* [Gupta, I, p. 281].

Чувствуя себя всё неуютнее перед растущей мощью сикхов в Анандпуре, раджи Шивалика направили делегацию к могольскому фаудждару Сирхинда Вазир-хану. В жалобе имперским властям раджи, что интересно, сравнили Нанак и Гобинда: если первый гуру сикхов проповедовал мир и братство, то десятый поступал совершенно по-другому. Раджи настаивали, что подъём сикхов как общности воинов угрожает и им самим, и Моголам. Они заверили шаха в своей лояльности и просили изгнать гуру из Анандпура, иначе он будет представлять угрозу всей империи, так как в его намерения якобы входит поход на Дели. Фаудждар Сирхинда переслал прошение Аурангзебу на Декан. Вскоре из ставки шаха пришёл ответ: имперские войска помогут раджам, если те оплатят расходы. Раджи согласились, и империя выделила 10 тыс. войска под командованием патхана Паинда-хана и Дин-бега. К ним присоединились отряды самих раджей, и воинство выступило на Анандпур.

В том же 1699 г. близ города состоялось сражение, которое вошло в историю как первая битва под Анандпуром. Гобинд организовал оборону, назначил своих панч пьере военачальниками и вышел навстречу врагу. Войско сикхов насчитывало 7 тыс. человек, Моголов и раджей — 20 тыс. Сикхи косили вражеские ряды меткой стрельбой из луков, а *«могольские воины валились с коней и гибли как муравьи и мухи»* [Johar, 1967, p. 152]. Имперские военачальники, воодушевляя своих воинов, взяли на вооружение религиозную риторику — называли эту кампанию джихадом, войной мусульман с «неверными».

Наконец Паинда-хан вызвал гуру на поединок, чтобы решить исход битвы. Сикхская традиция описывает такую же сцену, какая произошла между Харгобиндом и Мухлис-ханом в 1628 г. Гобинд объявил противнику, что не в обычае его дома стрелять первым, поэтому пусть тот нападает первым. Паинда-хан наскочил на гуру верхом, пытаясь ударить его саблей, но Гобинд управлял своим конём так искусно, что могольский военачальник был бессилён. Паинда выпустил стрелу, но та просвистела мимо уха гуру. Гобинд издевался: *«Твоё умение стрелять совершенно!»*. Паинда послал ещё одну стрелу и вновь мимо, после чего обратился в бегство. Однако теперь был черёд гуру,

который обозвал патхана грязным трусом и попал ему стрелой в ухо (все прочие части тела военачальника были закрыты бронёй). Паинда-хан упал с коня и умер. (Кстати, говорили, будто наконечники стрел Гобинда покрыты золотом, чтобы дать средства существования семьям убитых им врагов.) Отряды раджей бежали в беспорядке сразу, но могольские воины ещё оборонялись. Наконец второй военачальник, Дин-бег, был тяжело ранен и скомандовал отступление. Сикхи преследовали Моголов до Ропара и захватили богатые трофеи. Это было первое сражение, в котором сикхи участвовали как члены хальсы.

Могольские военачальники презрительно отзывались о воинах-сикхах как о *«разношёрстном сброде, никогда не выдавшем войны и готовом обратиться в бегство при первом выстреле»*, как о *«подонках общества, даже не знающих, как держать меч»* [Рейснер, 1961, с. 197]. Гуру Гобинд и пытался исправить это упущение: по его собственному выражению, учил воробьёв охотиться на соколов. Схватывая навыки воинского искусства на лету, его последователи показали, что они — истинные **СИКХИ**, т.е. ученики своего гуру во всём, чему бы он ни учил их (будь то преданность богу, непротивление злу или, напротив, воинская доблесть). Поэтому могольские военачальники вскоре стали негодовать, что их воины не могут справиться со *«скопищем крестьян»*. Задирать нос оказалось рано.

Победа под Анандпуром резко подняла боевой дух сикхов и престиж хальсы. Она стала стимулом вступления в новое военное братство большого числа людей — главным образом крестьян и ремесленников. Гуру призвал всех новообращённых приходить не с пустыми руками, а сразу приносить оружие или приводить коня. После образования хальсы Гобинд занялся и материальной составляющей военной мощи общины: учредил собственные оружейные мастерские, собрал внушительные запасы пороха и свинца. Кстати, начальником артиллерии у него стал простой ремесленник Рам Сингх, что лишний раз демонстрирует социальную основу сикхского движения.

Всё большая милитаризация общины накладывала отпечаток на архитектурный облик её храмов: некоторые гурдвары служили сикхам и крепостями. Об этом свидетельствуют, к примеру, парапеты с зубцами. Уникальна гурдвара Бабы Гурдиты в Киратпуре: это фактически обнесённая стеной крепость, с несколькими воротами, расположенная на холме [Arshi, 1986, p. 139].

Выше сказано, что Моголы стали называть военные действия против сикхов джихадом, т.е. священной войной. Употреблял термин «священная война» (в его панджабском варианте) и Гобинд, который в своих сочинениях называл борьбу с Моголами *дхарам юдх*. Однако, в отличие от Моголов, воевавших с *кафирами*, сикхский гуру имел в виду не войну с мусульманами как адептами другой религии, а «войну в защиту надлежащего порядка мироздания». Примерно так переводится термин *дхарам юдх*.

Получив отпор, раджи Джамму, Манди, Кулу, Чамбы и других горных княжеств не успокоились. В том же 1699 г. они опять собрали отряды и перешли к новой тактике: решили окружить Анандпур и принудить его к сдаче голодом. Объединённым войском командовал раджа Кахлура Аджмер Чанд — сын умершего Бхим Чанда. Чтобы иметь юридический повод для войны, он прислал к гуру посланца с требованием либо оставить Анандпур, либо заплатить Кахлуру недоимки ежегодной ренты с земли, на которой стоял город. Гобинд напомнил, что территорию Анандпура его отец купил и никакой ренты быть не может. Он подчеркнул, что не желает раджам зла, если только те оставят сикхов в покое и не будут действовать заодно с Моголами, которых и считает своими врагами. Между тем войско раджей приближалось.

Кстати, сегодня у подножия Шивалика, близ столицы бывшего княжества Кахлур — г. Биласпур, расположено протяжённое водохранилище Гобинд, построенное в 1950–60-е годы на Беасе благодаря одной из самых высоких в мире плотин — дамбе Бхакра (226 м). Это водохранилище, названное в честь десятого гуру сикхов, можно считать материальным воплощением его исторического триумфа над своими недругами — раджами Шивалика.

На защиту Анандпура потянулись сикхи со всего Пятиречья. Противник превосходил сикхов числом и оружием, зато сикхи брали храбростью и уверенностью в своих силах. Сходу раджи попытались взять Анандпур приступом. Ключевую роль в нападении сыграли представители воинских каст *рангхар* и *гуджар*, считавшие военное дело своей исключительной привилегией. Однако сикхи превзошли их доблестью. Сам гуру укрепился на холме и вновь посылал в противника свои смертоносные стрелы. Раджи предприняли последнюю попытку штурма с трёх сторон сразу, но так же безуспешно, после чего отступили. Некоторые высказались за мир с гуру, но возобладало мнение, что от этого он лишь осмелеет, а на деле гуру не так силён, как кажется. Последовало новое нападение на Анандпур; на сей раз враги сосредоточили все силы на одном участке. При обороне города отличился сын гуру Аджит Сингх, под которым ранили лошадь, поэтому он сражался пешим. Сикхи стояли насмерть, и раджи поняли, что лихим натиском их не возьмёшь.

Началась осада двух крепостей города — Лохгарха и Фатехгарха (всего Гобинд возвёл в Амритсаре пять крепостей). Два месяца раджи стояли под их стенами, но безрезультатно. Напоследок они совершили попытку прорыва. На центральные ворота Лохгарха направили боевого слона, в голову которому вонзили копьё, чтобы как следует разозлить животное. Разъярённый слон должен был выломать ворота, расчистив путь нападающим. В военной истории Индии это была распространённая практика.

Увидев устрашающее зрелище, военачальник Гобинда Дуни Чанд, который привёл на помощь гуру 500 сикхов из Центрального Панджаба, пал духом и тайно бежал. Гуру, узнав об этом, заметил: «Тот, кто бежит от смерти перед

лицом опасности для своего народа, находит смерть, которая поджидает его в другом облачении». Когда Дуни Чанд добрался до Амритсара и сикхи узнали о его трусости, он по сути был изгнан из общины, а вскоре погиб от укуса кобры.

Между тем слон приближался. Всё его тело, кроме хобота, было покрыто стальными пластинами, а на лбу был закреплён таран. Гуру приказал воину Бачиттару Сингху отвести угрозу. Тот вышел на слона с тяжёлым копьём (массой 18 кг) и пронзил ему хобот. Слон взревел от боли, повернул обратно и, как нередко бывало в таких случаях, потоптал много своих. (Вообще, как показала военная история Индии и других регионов, боевые слоны, несмотря на устрашающий вид, были не особо эффективным родом войск.) В это время командовавший обороной Фатехгарха сикхский военачальник Уде Сингх вызвал на поединок раджу Джасвана — Кесари Чанда, который возглавил нападавших, и снёс ему голову. Сикхи одолели, и раджи обратились в бегство, побросав в спешке много добра. Так завершилась вторая битва под Анандпуром (1699 г.).

Не справившись с сикхами сами, раджи вновь отчаянно воззвали к шаху, а пока снарядили новый поход. На этот раз Гобинд решил встретить противника в чистом поле, недалеко от Анандпура. Сикхи заняли возвышение и довольно легко отбили нападение. Тогда раджи за щедрую сумму в 5 тыс. рупий и обещание пожаловать большую деревню наняли двух братьев-патханов покончить с гуру метким выстрелом из мушкета. Однако стрелок промахнулся, убив сикха, стоявшего рядом с гуру. Гобинд же натянул лук и застрелил и горе-стрелка, и его сообщника.

Моголам не удалось сокрушить сикхов с помощью того, что в англоязычной литературе называют *proxu war* — «война по доверенности» (чужими руками, через подставных лиц). В следующем, 1700, году к Анандпуру подошла имперская армия под началом фаудждара Сирхинда Вазир-хана. Окружение гуру советовало ему вновь укрыться за стенами крепостей Анандпура, но на этот раз он, напротив, сам вышел навстречу Моголам с 5 тыс. сикхов. Гуру командовал арьергардом, а его старший сын Аджит Сингх с четырьмя другими военачальниками — авангардом. Сеча произошла у деревни Нирмохгарх на берегу Сатледжа. Сикхи вновь одержали верх, нанеся противнику тяжёлые потери. Раджи наконец запросили мира. Главный враг Гобинда раджа Кахлура Аджмер Чанд прислал ему богатые подарки и письмо в примирительном духе. Гуру отвечал тем же. Состоялась его встреча с раджами. Наступил мир, правда, короткий. В том же 1700 г. сикхи разбили могольский отряд в бою при Бхадсали.

Не забывая принципа «хочешь мира — готовься к войне», Гобинд продолжал собирать в Анандпуре людей, оружие и коней. С этой целью он рассылал в сангаты свои *хукмнама* — приказы (в начале таких грамот, над текстом, была изображена эмблема: один или два кинжала). Гобинд посылал хукмна-

ма не только в сангаты Панджаба, но и до самой Дхаки, причём в вопросе снабжения у местных общин была специализация: от сангатов Панджаба требовались воины, скот, золото; из Лакхнау — огнестрельное оружие; из Патны — тюрбаны и почтовые голуби; из Дхаки — сабли и щиты. До нас дошли 33 хукмнама гуру Гобинда, которые служат ценными историческими источниками.

Сохранились описания внешности десятого гуру. Гобинд Сингх был среднего роста, с высоким лбом и большими пронзительными глазами. Ездил всегда на белом коне. Вообще гуру Гобинд считается у сикхов воплощением мужской красоты и доблести. Его портреты в качестве оберегов висят у них в домах, на работе, в автомобилях. По популярности Гобинд уступает лишь самому Нанак. Гобинда обычно изображают с каким-то оружием — либо с саблей или стрелой в руке (даже без лука), либо с колчаном стрел за спиной, и часто с сидящим на руке охотничьим соколом — то был символ монаршей власти. Это «канонический» образ Гобинда на портретах.

Вообще, у изображения каждого гуру сложилась определённая традиция. Нанак и Амар Даса всегда рисуют с белой бородой, а остальных гуру (кроме мальчика Хар Кришана, конечно) — с чёрной (правда, на рисунках восьмой гуру подчас выглядит старше своих семи лет). Всех гуру изображают с нимбом вокруг головы. С оружием и соколом кроме Гобинда рисуют ещё основателя военной мощи общины — Харгобинда, а также его внука Хар Раи. Если сравнить их портреты с таковыми первых гуру, отличие очень резкое. Первые гуру от Нанак до Арджана производят впечатление величественных старцев-вероучителей, наподобие ветхозаветных патриархов; последующие — удалых в бою представителей военной знати, князей, гордых своим происхождением и подвигами¹. Изменение внешнего облика сикхских гуру отражало эволюцию характера общины — от смиренной группы верующих к могущественному войску.

Укрепляя дисциплину в общине и свою власть, Гобинд не забывал культивировать идею равенства в общине. По легенде, услышав, что в его лангаре дурно обслуживают, гуру однажды посетил его инкогнито и попросил пищи. Ему под разными предлогами отказали. Тогда гуру отправился к дому известного поэта Нандлала (1633–1715), и тот сразу вынес путнику поест. Гобинд рассказал об этом эпизоде на одном из собраний и наставлял: *«Когда голодный просит у вас пищи, не хватайтесь за предлоги. Давайте то, что у вас есть, и будете благословлены. Рот бедняка — воистину сокровищница гуру»*.

¹ Один из выдающихся сикхских художников — Собха Сингх (1901–86). Его кисти принадлежат многие очень известные портреты и изображения сцен из жизни гуру Нанак, Гобинд Сингха и других гуру. <http://www.sobhasinghartist.com> А в качестве книги с хорошими иллюстрациями по истории сикхов отмечу: [Singh Kh., 2006].

Согласно удачной метафоре американского историка Дж. Арчера, хальса попала между двумя жерновами: нижний представлял собой индуизм, а верхний — ислам [Archer, 1946, p. 221]. Угрозу со стороны новой общины (и — шире — религии) чувствовали и князья-раджпуты, и могольские власти. Метафора верна и в географическом отношении: сикхи живут на стыке ареалов расселения индуистов и мусульман в Южной Азии (как отмечено выше, именно в такой зоне сикхизм и мог возникнуть).

В 1702 г. состоялась третья битва под Анандпуром. Из Дели в Лахор двигались с 5-тысячным отрядом два могольских военачальника — Саид-бег и Алиф-хан. Раджа Кахлура Аджмер Чанд обрадовался наличию поблизости крупных военных сил, «забыл» о заключённом с сикхами мире и предложил Моголам напасть на них, обещав на время кампании взять содержание их войска на себя (посулил тысячу рупий в день — сумма немалая). Саид-бег, как гласит легенда, не только отказался нападать, но и стал последователем гуру, пожертвовав ему всё своё состояние. Алиф-хан принял приглашение раджей, напал на сикхов, но те отбили атаку — как повелось, с тяжёлым уроном для противника. В рядах сикхов бился и Саид-бег.

Вскоре раджи посчитали, что собрали достаточно сил для нового нападения (10 тыс.), и в 1703 г. состоялась четвёртая битва под Анандпуром. У Гобинда на тот момент было всего 800 воинов, но он призвал единоверцев сделать смелую вылазку. Понимая неравенство сил, гуру велел положиться на луки и мушкетеры, а в ближний бой по возможности не вступать, тем более не преследовать бегущего врага. В какой-то момент сикхи ослушались Гобинда и, видя, что противник дрогнул, преследовали его. Как и опасался гуру, вражеские войска, осознав большое неравенство сил, остановились и перебили многих из преследователей. Дело спас сам Гобинд. Понимая, как много в бою зависит от уверенного в себе лидера, он выехал вперёд на коне, в украшенном золотом седле, и метко разил врагов из своего лука зелёного цвета. Его вид настолько воодушевил сикхов, что те навалились на противника и разгромили его наголову.

После этого, вняв настоятельным призывам раджей, подошёл могольский военачальник Саид-хан. В 1703 г. под Анандпуром состоялась пятая битва. У Гобинда было всего 500 человек (остальные сикхи разошлись по домам — на полевые работы). Сикхи встревожились, но гуру воодушевил их словами: *«В конезном счёте к победе человека ведёт его сердце, а не количество воинов или оружия»*. В этой битве погиб Саид-бег, которого убил ударом в спину могольский военачальник Дин-бег, возмущённый его отступничеством.

Однако Саид-хан тоже перешёл на сторону сикхов. По легенде, он подъехал к Гобинду, чтобы сразиться, но, увидев его невозмутимое и благородное лицо, сказал: *«Бей ты. У меня нет духу ударить первым»*. Гуру отвечал, что сикхи никогда не бьют первыми. Эти слова так поразили могольского военачальника, что он перешёл на сторону сикхов.

чальника, что он сошёл с коня и упал к ногам гуру. Гобинд благословил его и сказал: «Ты спасён в обоих мирах». Однако Саид-хан не мог удержать свои войска, которые продолжали напирать на сикхов.

В результате Моголы впервые одолели сикхов — числом. Гобинд за более чем сто лет до русского полководца тоже был вынужден оставить столицу — чтобы сохранить армию. Могольские войска заняли Анандпур и разграбили его как вражескую территорию. Однако сикхи совершили набег на отходящую имперскую колонну, перебили немало людей и отбили награбленное добро. Гуру вернулся в Анандпур.

Несмотря на взятие сикхской столицы, Аурангзеб был разгневан неудачами своей армии. Придворный кази советовал привести гуру на суд шаха. Тот решил заманить его в Дели хитростью и прислал сказать Гобинду: «Твоя и моя религии настаивают на единстве бога. Погему между нами должно быть какое-то непонимание? Ни у тебя, ни у кого-либо другого нет выбора, кроме как признать мою власть, которую я полутил от всемогущего Аллаха. Если у тебя есть какие-то жалобы, приди ко мне на аудиенцию, и я приму тебя как святого теловека, но не бросай вызов моей власти, инаге мне придётся самому приехать к тебе». Последняя фраза дорогого стоит: могольские шахи вставали во главе военной экспедиции лично только в крайних случаях, признавая тем самым серьёзность угрозы со стороны противника. При Аурангзебе так было с пуштунами на северо-западной границе, с Шиваджи на Декане. Угроза шаха лично возглавить поход говорит, что сикхи допекли империю, в ставке шаха уже рассматривали их как врага первой величины.

Гобинд отвечал посланцу шаха так: «Существует лишь один владыка — всемогущий бог, подданными которого являемся и ты и я. Но ты не признаёшь этого и преследуешь тех, кто отлигається от тебя по вере, и вредишь им самим и их религии. Бог прислал меня с миссией — восстановить справедливость на земле. Как же я могу быть в мире с тобой, пока расходятся наши пути?» [Singh, Gopal, 1988, p. 302]. Тем не менее гуру обошёл с посланцем уважительно и пожаловал ему хилат.

Поддержка гуру со стороны общины крепла. К нему продолжал течь поток приверженцев, которые приводили коней или приносили оружие. Нападения на Анандпур послужили для сикхов хорошим тактическим уроком. Гуру понимал, что конфликт продолжится.

Раджи Шивалика готовили новое нападение вместе с имперскими войсками. Аджмер Чанд не поленился лично съездить на Декан в ставку Аурангзеба и от имени многих раджей Шивалика подал ему прошение против сикхов. Раджи пугали шаха, будто гуру намерен распространить свою религию на всех индуистов, а затем сокрушить империю. Миссия Аджмер Чанда удалась. Аурангзеб встревожился не на шутку и отдал беспрецедентный приказ: всем войскам в Дели, Сирхинде и Лахоре выступить на Анандпур под общим ко-

мандованием того же Вазир-хана. К имперским войскам опять присоединились отряды раджей. И вновь географическая рассеянность сикхов обеспечила им отличную разведку: почитатели гуру в Дели и других местах быстро сообщили ему о подготовке карательной экспедиции.

В сентябре 1704 г. состоялось сражение под Киратпуром. Под знамёнами Гобинда собралось до 10 тыс. сикхов, но враг превосходил их численностью в 15–20 раз [Религия сикхов, 1997, с. 256]. На этот раз империя нанесла ощутимый ответный удар: сикхи были отброшены назад к Анандпуру. Вскоре состоялась шестая, последняя, битва под этим городом.

Когда Вазир-хан подошёл к Анандпуру, сикхи открыли артиллерийский огонь, нанеся врагу тяжёлый урон. Затем они под командованием Уде Сингха и одного из панч пьаре — Дайя Сингха сделали вылазку, и в первый же день Вазир-хан потерял до 900 воинов. Среди врагов стали распространяться тревожные настроения. Казалось, сбывались страхи, будто гуру умеет творить чудеса. На следующий день он сам возглавил вылазку на боевом коне. Как обычно, Гобинд отличился в искусстве стрелять из лука; сикхи вообще были меткими стрелками. Врагам никак не удавалось захватить гуру в плен или убить его. Пушечный огонь со стен Анандпура смёл шатры, которые противник раскинул было под городом. Тогда Моголы, как прежде раджи, осадили Анандпур, чтобы взять его измором. Сикхи продолжали делать вылазки, причём ночью, что весьма деморализовало противника.

Осада отмечена таким эпизодом. Однажды Гобинду сообщили, что сикх Бхаи Канихья поит водой раненых на поле боя независимо от того, свои это или враги. Гуру призвал его и спросил о причине. Канихья отвечал: «*Поскольку ты угил не делай различий между людьми, в каждом раненом я вижу только тебя*». Гобинду пришлось по душе такое милосердие, и он благословил сикха. Канихья основал в сикхизме движение *севапантхи* («путь служения»). Его приверженцы до сих пор являются уважаемой частью общины.

Между тем пути снабжения оставались перекрытыми, в Анандпуре начался голод. Цена на муку подскочила до 2 рупий за килограмм. Сикхи поддерживали силы листьями и древесной корой. Гобинд подбадривал их как мог. Вообще источники отмечают демократизм десятого гуру, он свободно общался с любым своим воином.

Не вынеся тягот осады, сотни джатов из Маджхи пали духом и просили у Гобинда позволения оставить его. Гуру неприятно удивился, но объявил, что разрешит, если они отрекутся от него письменно. Большинство устыдилось, и только у 40 человек хватило духу поставить отпечаток большого пальца под коллективным документом отречения, где было сказано: «*Ни ты — наш гуру, ни мы — твои сикхи*». Отступники разошлись по домам.

Осада Анандпура длилась семь месяцев, но сикхи не сдавались. Тогда осаждающие попробовали другой план. Они прислали брахмана, который за-

явил: Моголы клянутся на Коране, а раджи — священной короной, что если сикхи оставят крепость, вражеские силы уйдут, а гуру может вернуться в крепость позже. Гобинд сразу разглядел хитрость, но в городе изнемогали от лишений. Просьбы матери и приверженцев не оставили гуру выбора.

Сначала Гобинд решил проверить искренность противника и затребовал у него волов, чтобы вывезти сперва собственное имущество. Когда враги исполнили это, гуру заполнил повозки всяким хламом вроде битой посуды, старого тряпья и поношенной обуви, накрыв для виду дорогой парчой. Сикхи повесили на рога волов фонари и намеренно отправили караван ночью. Когда он поравнялся с лагерем осаждающих, те вероломно набросились на него со всех сторон. Однако на рассвете враги увидели, что трофеи не представляют ценности. Уловка не удалась.

Тогда в Анандпур явился другой посланец. Он привёз письмо лично от Аурангзеба, который выразил сожаление поведением своих войск и заверил: *«Я поклялся на Коране, что не причиню тебе вреда. Если я это сделаю, да не найти мне места отныне у божьего престола! Прекрати войну и приезжай ко мне. Если не хочешь ехать сюда, езжай куда тебе угодно»* (цит. по: [Религия сикхов, 1997, с. 258]). Итак, безопасный проход был обещан сикхам на самом высоком уровне. Тем не менее, гуру уговаривал своих людей потерпеть ещё чуть-чуть, так как из Мальвы двигалось сикхское подкрепление, но осаждённые были доведены до крайней нужды и решили: если враг опять нарушит обещание, лучше погибнуть защищаясь, чем продолжать сидеть в городе, умирая от голода.

Холодной ночью с 20 на 21 декабря 1704 г., в дождь, Гобинд Сингх покинул Анандпур. Сначала выехали мать гуру — Гуджри, его жена Сундари и духовная мать хальсы Сахиб Каур, два младших сына — 6-летний Фатех Сингх и 8-летний Зоравар Сингх, прочие женщины с имуществом и книгами, охраняемые 200 всадниками под началом Уде Сингха. Затем выехал сам Гобинд с двумя старшими сыновьями Аджит Сингхом и Джуджхар Сингхом и 400 воинами.

Моголы вероломно нарушили шахское обещание, догнали обе партии сикхов на берегу реки Сарсы и напали. Уде Сингх и большинство охраны семьи гуру полегли. Всё же семью удалось перевезти на противоположный берег, хотя при переправе течением унесло всё имущество и книги.

Сундари и Сахиб Каур переоделись крестьянками и поспешили к городку Амбала. Позднее они добрались до Дели, где поселились инкогнито. Мать гуру с младшими внуками не могли долго идти или ехать верхом, поэтому они остановились в городке Ропар. Там они встретили брахмана Гангу, который прежде был поваром семьи гуру. Тот обещал беглецам убежище и отвёз их в свою деревню под Сирхиндом. Однако «спаситель» позарился на деньги и драгоценности Гуджри, которые та несла в сумке, и ночью выкрал её. Наут-

ро Гуджри хватилась пропажи, спросила — где же сумка, а Гангу в притворном гневе стал орать: «*Я приютил тебя, а ты обвиняешь меня в воровстве?!*» После этого брахман не только выгнал мать и внуков Гобинда из своего дома, но и донёс на них властям. Беглецов схватили. Фаудждар Сирхинда Вазир-хан предоставил мальчикам выбор: ислам или смерть. Те отказались как принять ислам, так и поклониться фаудждару. По легенде, когда им сказали, что их отец погиб и надежды у них больше нет, мальчики, веря в божественный свет гурта, ответили: «*Наш отец бессмертен. Он не может умереть*». Тогда 27 декабря 1704 г. (13 числа месяца пох 1762 г. эры Бикрами) детей замуровали живьём; по другой версии, старший мальчик, Зоравар Сингх, выломал сырую стену, и тогда малышей обезглавили. Получив весть об этом, их бабушка тут же умерла от горя. Конечно, Вазир-хан жестоко отыгрался на детях за то, что не поймал их отца.

Впрочем, не поздоровилось и предателю-брахману. Подозревая, что он присвоил драгоценности матери гуру, могольские власти учинили в его доме обыск. Гангу отказался сообщить, где упрятал сокровища, и его запытали до смерти. Единственным среди имперских чиновников, кто высказался против убийства сыновей гуру, был наваб г. Малеркотлы. Он заявил, что малыши не отвечают за грехи отца и не надо вымещать на них гнев. Когда позднее сикхи обрушатся на Сирхинд и вырежут Вазир-хана и его семью, Малеркотлу они пощадят.

А что же Гобинд? Когда на другой берег прорвался он сам, от его отряда осталось всего 43 человека. Враг настигал: тысячный могольский отряд надвигался из Сирхинда, другой шёл по пятам, тоже перейдя Сарсу. Наконец 22 декабря гуру с отрядом укрылся в местечке Чамкаура, в небольшой глиняной крепости (скорее, двухэтажном доме), которую могольский отряд и окружил. Сикхи спешно возвели вокруг дома частокол, и началась осада. Моголы, похоже, хотели взять сикхского гуру живьём, как сына Шиваджи Шамбхаджи — чтобы провести показательную казнь. Спутники Гобинда совершали вылазки и гибли один за другим. В частности, приняли мученичество трое из панч пьаре — Химмат Сингх, Мохкам Сингх и Сахиб Сингх, а также оба старших сына Гобинда — Аджит Сингх и Джуджхар Сингх. Они были наследниками династии гуру, поэтому неудивительно, что ряд историков называет их принцами [Gupta, I, p. 310; Johar, 1967, p. 175–176]. Всех четырёх детей Гобинда сикхи обычно именуют *сахибзаде* — «дети господина». В сикхской традиции они занимают примерно такое же место, какое в исламской (особенно шиитской) традиции занимают сыновья пророка Мухаммада мученики Хасан и Хусейн.

Наконец в живых с Гобиндом осталось всего пятеро сикхов, в том числе уцелевшие из панч пьаре — Дайя Сингх и Дхарам Сингх. Гуру мог бы спастись, если бы бежал в одиночку. Пять сикхов убеждали его сделать это ради

будущего всей общины. Гуру отвечал, что его жизнь не более священна, чем жизнь простого сикха и он собирается погибнуть в бою вместе с ними. Тогда воины напомнили Гобинду: он сам объявил, что если есть пять преданных ему сикхов, их коллективное решение по какому-либо вопросу будет приравнено к решению гуру (*гурмата*), обязательному даже для самого Гобинда. И вот теперь они выносят такую гурмата: приказывают Гобинду оставить крепость и предоставить им сражаться без него. Гуру был пойман на слове и подчинился. Он обнял каждого сикха и заявил, что тот спасён в обоих мирах, после чего тайно выбрался из крепости и скрылся. Один из оставшихся сикхов, Сангат Сингх, напоминал Гобинда лицом. Чтобы осаждавшие думали, будто гуру по-прежнему в крепости, он выступил его двойником, надев ради маскировки *калгхи* Гобинда. Сангат и один его товарищ на следующий день погибли. Трое остальных оставили позиции и догнали гуру в местечке Маччхивара. Гурмата в Чамкаура 1704 г. была первой в своём роде и открыла собой историю таких коллективных решений, которые принимала сикхская община по важным вопросам своего существования.

За Гобиндом была организована погоня, нужно было бежать. Однако ноги гуру были покрыты волдырями и он не мог идти. В доме сикха, где он укрылся, Гобинд встретил двух патханов Наби-хана и Гани-хана, которые когда-то продали ему арабских коней. Они вызвались помочь. Гобинд надел синее одеяние мусульманина-хаджи; двое сикхов и двое патханов посадили его на носилки и понесли, выдавая за мусульманского *пира* из г. Уч (на юге Панджаба), который будто бы недавно вернулся из хаджа и теперь постится. По дороге встретился могольский патруль. Гобинд обратился к воинам на фарси, но те настаивали на идентификации личности. И тогда один благожелательно настроенный к Гобинду кази, Инаят-хан, «подтвердил», что это в самом деле учский пир. Начальник патруля Далер-хан принёс Гобинду извинения и почтительно преподнёс ему 500 рупий. Принесённый в деревню Гхулал, Гобинд сделал обоим патханам подарки и выдал им грамоты. Их потомки хранят эти грамоты до сих пор и когда показывают их сикхам, те делают патханской семье подарок в благодарность за спасение своего гуру триста лет назад.

Из Гхулала Гобинд отправил письмо... Аурангзебу. Это было послание в стихотворной форме на фарси под названием *Фатехнама* — «Сказание о победе». Оно представляет собой небольшую поэму объёмом 24 двустушия — *бейта*. (Впрочем, есть версия, что до нас оно дошло не целиком.) Языком этого послания фарси был неслучайно: он служил официальным языком общения при дворе султаната, языком делопроизводства и летописей ещё с XIII в. Посылая шаху письмо на фарси (да ещё в стихах), Гобинд Сингх демонстрировал, что к нему обращается представитель господствующего слоя империи.

Фатехнама начинается с прославления бога, причём в его воинственном проявлении (бейт 1). Бейты 2–3 посвящены теме божьего покровительства

Гобинду, за чем следует обвинение Аурангзеба в двуличии (бейты 4–6). Гуру припоминает шаху бесчестное начало его правления — заточение отца, Шаха Джахана, и расправу над братьями — принцами Дарой Шукохом и Мурадом (бейты 7–8). Затем Гобинд образно напоминает о создании им хальсы и недвусмысленно угрожает Аурангзебу полным уничтожением его султаната (бейты 9–10). В бейте 11 гуру обидно издевается над военными неудачами шаха как на Декане (в войне с маратхами), так и в Раджпутане (в войне с Меваром), после чего предупреждает, что в Панджабе его ждёт то же самое (бейты 12–13). Он припоминает адресату гибель своих старших сыновей и грозит отомстить (бейты 14–15). Исходя из горького опыта, Гобинд обвиняет Аурангзеба в нарушении клятвы на Коране: имеется в виду заверение, будто сикхи могли покинуть Анандпур без опасений (бейт 16). Гуру выражает уверенность в своём праве прибегнуть к оружию, если исчерпаны все прочие средства (бейт 17). Шаха он сравнивает с коварной лисой, а себя — со львом (бейт 18). Завершается *Фатехнама* призывом выяснить отношения решающим сражением сикхов с имперским войском (бейты 19–24). При этом Гобинд пытается вывести Аурангзеба из себя, обвиняя его в личной трусости (бейт 23).

ФАТЕХНАМА¹

1. Во имя всевышнего лишь одного.
И сабля, и щит — проявленья его.
2. Бог с теми, кто крепко испытан в боях,
Кто гордо летит на своих лошадях.
3. Тот бог, что тебе шаха власть даровал,
Мне веру свою защищать наказал.
4. Двуличье, коварство — оружие твоё.
Кристалльная правда — оружие моё.
5. И имя твоё, шах, тебе не идёт:
Ведь «трона краса» на обман не пойдёт².
6. А чётки твои — только кости и нить,
С их помощью хочешь в капкан ты словить.
7. Отца заточил ты и братьев убил —
Бесчестье навлёк и себя погубил.
8. Правленье начав своё с этих злых дел,
В строительстве царства ты не преуспел.

¹ Перевод с фарси мой. — К.Ф.

² *Аурангзеб* на фарси означает «украшение трона».

9. По милости божьей, окончив труды,
Обрушу я ливень железной воды¹.
10. На чистой земле нашей эта вода
От царства того не оставит следа.
11. Декан твою жажду, шах, не утолил.
В Меваре ты горькую чашу испил².
12. Сюда ныне взор обратил ты, но тут
Те жажда и горечь опять тебя ждут.
13. Тебе я раздую здесь пламя беды.
Испить не позволю Панджаба воды.
14. Ну что ж, что шакал, кто добро невлюбил,
Двуличным коварством двух львят погубил?³
15. Ведь жив лев свирепый — в укрытии сидит;
Жестоко за них он тебе отомстит.
16. И клятве Аллахом, что часто слышна,
Не верю — известна теперь мне цена.
17. Причин больше нет мне тебе доверять.
Осталось мне ныне лишь саблю поднять.
18. Со старой лисой пришлось дело иметь.
Но льва не завлечь ей в коварную сеть.
19. Коль хочешь открыто в глаза мне взглянуть,
Тебе покажу я прямой верный путь.
20. Пусть станут два воинства строем таким,
Окинуть друг друга чтоб взором одним.
21. И вот поле брани: устроить его,
Чтоб было меж войск два фарсанга⁴ всего.
22. И здесь, меж двух войск, я, готовый к борьбе,
С двумя молодцами подъеду к тебе.
23. В богатстве своём ты купаться привык,
От ратного дела, как видно, отвык.
24. Топор взяв и саблю, на брань ты ступай,
А божьи создания не притесняй.

---

¹ Метафора: под «железной водой» Гобинд имеет в виду свою хальсу, в ряды которой он принимал сикхов с помощью обряда *кханде ди пахул* — размешивая воду стальным кинжалом.

² Гобинд издевается над неспособностью Аурангзеба подавить движение маратхов и восстание крупнейшего княжества Раджпутаны — Мевара.

³ Гобинд имеет в виду двух старших сыновей, погибших в Чамкаури; в момент написания *Фатехнамы* он ещё не знал, что оба младших тоже мертвы.

⁴ Фарсанг — персидская мера длины, равная 6 км.

Целью Гобинда при написании столь резкого письма было побудить шаха поскорее решить затянувшийся конфликт.

С посланием *Фатехнама* отправился в неблизкий путь на Декан, в шахскую ставку в Аурангабаде, один из панч пьяре — Дайя Сингх. Гобинд же продолжал скитаться по Панджабу. Наконец он нашёл убежище в лесу Лакхи — лесу «Ста тысяч [деревьев]» на берегу Сатледжа. Это были настоящие джунгли, которые издавна служили убежищем для людей, по какой-то причине не поладивших с властями (Шервудский лес Панджаба). Лес был не только обширным по площади, но и таким густым, что в нём не могла пройти конница; отыскать же здесь пропитание особого труда не составляло.

В лесу Лакхи до Гобинда и дошла весть о мученичестве его младших сыновей и смерти матери. По легенде, он выкопал кинжалом из земли куст и произнёс пророчество: «*Как я выкорчевал этот куст, так будут искоренены турки*» (так сикхи обычно называли Моголов). Сикхская традиция обращает внимание на символические действия своих гуру в отношении Могольского султаната, которые якобы определили его судьбу: первый гуру сикхов благословил Бабура — и основанная им империя процветала; десятый гуру проклял эту империю — и она вскоре погибла.

К этому времени относится легенда о зарождении в сикхской общине движения *нихангов*, или *акали*. Гобинд странствовал в синем одеянии хаджи (как Нанак по пути в Мекку). Его в таком виде повстречал потомок Притхи Мала, попросил перестать маскироваться под мусульманина и предложил взамен белую одежду. Гуру так и сделал, а синее одеяние порвал и бросил в огонь. Один клочок упал рядом с костром и уцелел. Спутник Гобинда Ман Сингх поднял его и с почтением повязал им голову. Гобинду понравилось такое выражение преданности, и он нарёк его Ниханг Сингх [Gupta, I, p. 305]. *Ниханг* означает на фарси «крокодил»; это слово применительно к сикхским воинам Гобинд не раз употребил ещё в своей Дасам Грантх, имея в виду их ярость в бою. Так стали называть сикхских воинов, которые выделялись своей неукротимостью, бросались в бой первыми и сделали воинское дело своим профессиональным занятием.

Ниханги превратились в особое течение в сикхизме. Их второе название — *акали*, от эпитета сикхского бога «бессмертный» («слуги бессмертного»). В настоящее время это ревнители чистоты религии и стражи гурдвар, носят традиционное оружие — сабли, кинжалы, копья, метательные кольца *чаккар*. Одеваются ниханги, в соответствии с упомянутой легендой, в синие или сине-оранжевые одеяния. Они не имеют семьи и стоят вне политической жизни. Нихангов подчас называют фанатиками сикхизма. Особенность многих (хотя далеко не всех) из них — живописный тюрбан поистине чудовищных размеров, к которому они и прикрепляют своё оружие — ножи и чаккары. Чаккар — стальное метательное кольцо с заточенными краями, внешним

диаметром 10–30,5 см, шириной 1,25–2,5 см; метали его на расстояние 80 шагов [Носов, 2011, с. 268–269]. Каждый ниханг был вооружён не менее шестью такими кольцами (разной величины). При метании он поднимал руку над головой и вращал чаккар вокруг указательного пальца, раскручивая для броска и целясь в шею (ещё их метали из-под руки, зажав между большим и указательными пальцами). Впрочем, по отзывам европейцев первой половины XIX в., это оружие не было столь уж грозным. Чаккар порой называют сугубо сикхским оружием, но известен он с древности, упоминается ещё в «Ригведе» и «Махабхарате». Чаккар напоминает «звёздочки» ниндзя — *сякэн* (по мнению некоторых специалистов, те и пришли в Японию из Индии). Крепясь к тюрбану, чаккары служили и своеобразным шлемом, защищая голову от ударов саблей — в дополнение к уложенным волосам.

В марте 1705 г. Гобинд остановился в селении Дина. Здесь его нашёл вернувшийся от Аурангзеба Дайя Сингх. Он благополучно доставил послание адресату и сообщил гуру, что тот выразил сожаление и раскаяние по поводу своего клятвопреступления. Более того, с Дайя Сингхом к Гобинду приехали два посланца от Аурангзеба: шах приглашал гуру к себе в ставку на переговоры.

Нетрудно догадаться, что Гобинд не принял приглашения: он хорошо усвоил цену могольским обещаниям. Однако, поразмыслив, гуру понял, что примирение стало бы выходом из тупика, и, находясь в Дине, написал Аурангзебу ещё одно стихотворное послание на фарси. Оно носит название *Зафарнама*, которое тоже переводится как «Сказание о победе». Эта поэма намного длиннее, состоит из 111 бейтов. (Возможно, она тоже дошла не целиком и конец утерян.) В *Зафарнаме* Гобинд развивает темы, поднятые в *Фатехнаме*, но основная мысль уже противоположная — готовность к примирению.

Две главные темы *Зафарнамы* — вероломство Аурангзеба и неуязвимость Гобинд Сингха, невзирая на это вероломство. Поэма начинается с длительного восхваления бога (бейты 1–12). Затем гуру обвиняет шаха в том, что тот нарушил обещание безопасности, данное сикхам при их уходе из Анандпура (бейты 13–15). Прибегая к метафорам, Гобинд заверяет Аурангзеба, что ему помогает сам бог, поэтому любые происки врагов, включая такое вероломство, бессильны (бейты 16–17, 43–44). Гуру снимает с себя всю ответственность за военное столкновение сикхов с империей, вновь заявляя, что сабля — это крайнее средство разрешения конфликтов (бейты 21–22). Аурангзеба он опять сравнивает с коварной лисой (бейт 24). Затем следует описание сражения в Чамкаура (бейты 26–42). По красочному и детальному изложению видно, что гуру привык к сочинению стихов на батальную тематику — вспомним, что до этого он уже написал таких произведений немало (поэма *Чанди ди вар* и другие).

Окончив описание битвы, Гобинд возвращается к обвинению в вероломстве, отказывая Аурангзебу в праве называться истинным мусульманином:

ведь нарушив клятву на Коране, тот по сути не почитает ни Аллаха, ни Мухаммада (бейты 45–49). В этом Гобинд продолжает мысль Нанака о том, что люди в его эпоху отошли от предписаний собственной религии. Однако вслед за этим гуру заверяет шаха, что не всё потеряно, доверие можно восстановить, если тот совершит акт доброй воли и прибудет на встречу с ним сам (бейт 50–56, 58–60, 64). Гобинд заявляет и подчёркивает, что если и приедет к шаху, то не его приказу, а лишь по приказу бога (бейты 62–63, 88). От этого гуру переходит к обвинению шаха в гнёте, в частности в религиозных гонениях (бейты 67–69). Гобинд призывает Аурангзеба бояться бога (бейты 70, 81–82, 86), вновь воздаёт хвалу богу (бейты 70–75), предупреждает шаха, что сикхи вовсе не сломлены, напоминает, что попытки Моголов подавить их движение оказались контрпродуктивны (бейты 78–80). Это перемежается новыми увещаниями выполнить обещанное (бейты 76–77, 83–84). Затем Гобинд переходит к... восхвалению Аурангзеба как почти идеального правителя (бейты 89–94). Гуру пытается несколько смягчить этим негативный эффект от изложенной выше острой критики, показывает, что открыт мирным переговорам. Это контрастирует с обвинением шаха в трусости в конце *Фатехнамы*: цель у *Зафарнамы* противоположная, поэтому стоит задача немного расположить адресата к себе. Вместе с тем Гобинд вновь указывает на несоответствие деяний шаха предписаниям ислама (бейт 94).

Из конечных бейтов особенно интересен бейт 95: упоминая о горцах-идолопоклонниках, которых он «*поверг во прах*», Гобинд имеет в виду свои многочисленные победы над индуистскими раджами Шивалика. Хотя его войны с ними вовсе не были религиозными, упоминает он свою борьбу с ними, скорее всего, с целью подчеркнуть то общее, что есть у сикхов с мусульманами, напомнить шаху, что сикхизм — такая же монотеистическая религия, как ислам. Тактический аргумент в пользу примирения.

Завершается поэма (бейты 96–111) вновь темой полной неуязвимости Гобинд Сингха, ниспосланной свыше. На опыте своего спасения из окружения в Анандпуре и особенно Чамкауре Гобинд внушает Аурангзебу идею, согласно которой от земных врагов его защищает сам бог, поэтому любые попытки причинить ему вред были и будут бесполезны.

ЗАФАРНАМА¹

1. Всевышний создатель — владыка небес.
Себя он являет посредством чудес.
2. Дарует он мир, по пути нас ведёт.
Прощает грехи, хлеб насущный даёт.

¹ Перевод с фарси мой. — К.Ф.

3. Владыка владык он и всеми любим.
Он форм не имеет, ни с чем не сравним.
4. Ни злато, ни сокол¹ ему не нужны.
Дарует услады небесной страны.
5. Весь мир ниже Чистого, он вездесущ.
Дарует он блага нам и всемогущ.
6. Даритель он благ и пречистый творец,
Ко всем милосердный владыка сердец.
7. Велик он и славен, над миром царит.
Спасает от глада, прощенье дарит.
8. Убогих и бедных готов он любить.
А злых и неверных намерен губить.
9. Добра он на страже, вершит правый суд.
Пророком писанья его все зовут.
10. Всеведущ и мудр он, господь всемогущ.
Он истину знает, господь вездесущ.
11. Кто мир так же знает? Ведь нет никого.
Господь наш — причина движенья его.
12. Все вещи он создал, он двигает мир.
Его он творец, и господь, и кумир.
13. Не верю я клятве, что ты мне сказал,
В свидетели коей ты бога призвал.
14. Обман и лукавство нам ясно видны.
Бахши и диваны твои — все лгуны.
15. И тот, кто считает: «шах клятву блюдёт»,
В конце непременно несчастье найдёт.
16. Когда ж на кого ляжет феникса тень,
Вреда ему вовсе не будет в тот день.
17. И если у льва за спиной он сидит,
Никто и никак ему не навредит.
18. А если б тебя ложной клятвой провёл,
То войско своё я б к беде не привёл.
19. Что сорок голодных поделатъ могли,
Когда десять лакхов внезапно пришли?
20. На нас вероломно напали враги.
За тучами стрел их не видно ни зги.
21. Я вышел на брань, коли выбора нет.
Но выйдя, имел я и лук, и совет.

---

¹ Охотничий сокол служил символом монаршей власти. Не случайно гуру Харгобинда и Гобинд Сингха часто изображают с соколом на руке.

22. Лишь если другое не сможет помочь,
Позволено саблей врага превозмочь.
23. Не верил обету — и вывел я рать.
Не так? Что ж, попробуй причину назвать¹.
24. Не знал, что по-лисьи коварен был враг.
Иначе б сюда не ступил ни на шаг².
25. Кто клятве поверил на книге святой,
То подло того попрекать прямотой.
26. Все в чёрном, враги, исступлённо крича,
Набросились, как на поля — саранча.
27. И каждый, кто выйти за стену дерзнул,
Стрелу получил и в крови утонул.
28. Среди них кто за стену тогда не ступил,
Смертельных тот ран в бою не получил.
29. За стену Нахар³ вышел, кинулся в бой,
Сражён был тотчас он моею стрелою.
30. Умели афганцы пустое болтать.
Дошло как до боя, пустились бежать.
31. Но ринулось много других сей же час —
То смерти лавина катилась на нас.
32. Отбить нам пришлось слишком много атак.
То в здравом уме, то в безумье был враг.
33. Напавшие жизни лишили двоих,
Но много меж тем потеряли своих.
34. Проклятый Хваджá⁴ так в тени и сидел.
Меж храбрыми быть — не его, знать, удел.
35. В бою я его и не видел лица.
Стрелой бы одной умертвил подлеца.
36. С обеих сторон полегли храбрецы.
От луков и пуль смерть приняли бойцы.
37. Земля в том сражении худа с добром
Покрылась вся будто тюльпанов ковром.
38. Обрубки их тел разбросал ураган.
Как будто то клюшки игры в чоуган⁵.

---

¹ Гобинд объясняет, что сикхи продолжают сопротивление из-за вероломства Аурангзеба, и предлагает ему попытаться найти их сопротивлению какое-то другое объяснение.

² Гобинд имеет в виду то, что он поверил Моголам и оставил Анандпур.

³ Один из могольских военачальников Нахар-хан, который пытался возглавить приступ и которого Гобинд застрелил лично.

⁴ Имя могольского военачальника.

⁵ Персидский вариант игры в поло.

39. Жужжание луков, и пение стрел,
И клич боевой, что по полю звенел.
40. Стрел ливень ужасный поля обагрят,
Храбрый из храбрых рассудок терят.
41. Те сорок мужей что могли совершить,
Коль враг был намерен числом сокрушить?
42. Свет мира сокрылся, что царствует днём.
Поднялся царь мрака в величьи своём.
43. Кто клятве Кораном поверить готов,
Путь верный тому бог укажет без слов.
44. Ни раны единой я там не понёс.
Бог вывел оттуда, победу принёс¹.
45. Не ведал, что шах этот — рúшитель клятв².
Что веру не чтит — лишь поклонник богатств.
46. Ислама не чтишь ни в уме, ни в делах.
Тебе не указ ни пророк, ни Аллах.
47. Кто веру намерен свою почитать,
Тот данное слово привычен держать.
48. Коран и Аллаха в свидетели взял —
Но нет тебе веры в том, что́ обещал.
49. Сто раз на Коране дашь клятву ты мне —
И то не поверю я в этой войне.
50. Но если б ко мне ты доверье питал,
Решил³ бы приехать сам, как обещал.
51. Тебе подобает то слово держать.
Аллаха призвал ты, чтоб клятву мне дать.
52. Твой личный приезд всё давно б разрешил
И всё положенье давно б прояснил.
53. Тебе подобает свершить, что сказал,
И выполнить то, что в письме написал.
54. Посланье дошло и в письме, и в устах:
Свершить должен ты, что осталось в мечтах.
55. Нельзя, чтобы верить тебе не пришлось,
Чтоб с действием слово твоё разошлось.
56. Не против того я, что кази сказал⁴.
Коль искренен ты, то прибуди: обещал!

---

¹ Гобинд имеет в виду своё спасение из окружения в Чамкаурае.

² Аурангзеб.

³ В оригинале *kamar baste* — дословно «подпоясавшись», а в переносном смысле «решившись на что-то» или «приступив к чему-то».

⁴ По-видимому, это один из приехавших с Дайя Сингхом шахских посланцев.

57. Могу я тебе передать тот Коран,
Где в виде обета записан обман¹.
58. Деревню Кангар² ты мою посети,
Возможна нам встреча на этом пути.
59. Ко мне в мой Бирар ты без страха прибуди:
Подвластен народ здешний мне, не забудь³.
60. О встрече, нам нужной, тебе говорю.
На встрече к тебе милосердие явлю.
61. Писал ты мне: «Ценную лошадь отдай —
И все эти земли себе забирай».
62. Всевышний владыка лишь — мой господин.
Велеть мне приехать⁴ он может один.
63. Лишь если от бога придёт мне наказ,
То в ставку твою я прибуду тотчас.
64. А если действительно бога ты чтишь,
На встречу со мной скоро сам поспешишь.
65. Тебе надлежит добрым, праведным стать
И вовсе не надо народ угнетать.
66. По милости бога ты сел на маснад —
Твои ж справедливость и вера дивят.
67. Ты править привык, полагаясь на плеть.
И власть твою надо сто раз пожалеть.
68. Указы о вере твои нас дивят:
Ведь ложью своею они навредят.
69. Пощады не зная, лить кровь прекрати —
От божья меча ведь тебе не уйти.
70. Побойся ты бога — тебе мой совет:
От нас в восхваленьи нужды ему нет.
71. Наш бог всемогущ, и не знает он страх,
Он истинный царь на земле, в небесах.
72. Людей сотворил и жилище им дал.
Он жизнь и питание нам ниспослал.
73. Слона, муравья, всех существ он создал.
Он слабых жалеет, неверных попрал.

---

¹ Гобинд говорит об экземпляре Корана, на чистых страницах которого было записано обещание беспрепятственного прохода для сикхов (записать какие-то обещания в Коране значило поклясться священной книгой).

² Деревня близ селения Дина; после отправки *Зафарнамы* Гобинд перебрался туда и пробыл там несколько дней.

³ Область расселения племенной общности *браров* как части касты джатов.

⁴ К Аурангзебу.

74. «Жалеющий слабых» прозвание его.
Не ищет хвалы и не ждёт ничего.
75. Он форм никаких не имеет ничуть.
Всеведущий мудро покажет нам путь.
76. И мне на Коране ведь слово ты дал,
Сдержи же, сверши, что тогда обещал.
77. Тебе надо к мудрости путь отыскать
И выполнить то, что успел ты начать.
78. Убил всех детей ты, гонясь за отцом;
Цела та змея, что свернулась кольцом.
79. Чего ж в том, что несколько искр погасил?
Скорее ведь масла ты в пламя подлил.
80. Как точно изрёк автор «Книги царей»¹:
«Бесовское — делать дела поскорей».
81. Когда нам черёд пред всевышним предстать,
Придётся тебе там свидетелем стать.
82. Забудешь ты это, себя лишь любя, —
За это всевышний забудет тебя.
83. Не поздно ещё свою клятву сдержать,
Бог милостив, знает, кого награждать.
84. И будет ведь то благочестью сродни —
В познании бога вести свои дни.
85. Пока же ты в этом едва ль преуспел —
Ведь ты совершил слишком много злых дел.
86. Тебя милосердный не хочет принять —
Пускай горы злата успел ты собрать.
87. Пускай на Коране поклялся сто раз,
Не верю тебе я ни капли сейчас.
88. Меня ко двору своему ты не жди —
И шага не будет на этом пути.
89. Счастли́в и велик Аламгир шаханшах²
Искусен в седле он и в ратных делах³.

---

¹ В оригинале «сладкоречивый Фирдоуси» (*Firdousī-ye khūsh zabān*), но для рифмы я упоминаю о поэте иносказательно — как об авторе эпоса *Шахнаме*.

² В оригинале «Аурангзеб», но в стихотворном переводе это имя трудно «внедрить» в строчку, поэтому я заменил его на тронное имя шаха — Аламгир. Шаханшах — «царь царей» (*перс.*).

³ С этого двуступишия Гобинд, не теряя надежды на примирение, переходит к восхвалению Аурангзеба без всякой меры. Впрочем, сделаем поправку на цветистость придворных панегириков Востока.

90. Он мудр и прекрасен и светел душой,
Он полный владыка над всею страной.
91. Он подданным всем пропитанье дарит.
Посредством меча он с врагом говорит¹.
92. Способен он светлой душой озарять,
Богатством своим всех готов оделять.
93. В бою как скала, чистый ангельский лик,
Одáрен судьбой, как Плеяды велик.
94. Могуч и силён Аламгир шаханшах.
От веры, однако ж, далёк он в делах.
95. Кто идолов чтят, проживают в горах.
Немало таких ведь поверг я во прах.
96. На бренного мира вращенье взгляни.
Способен он сделать несчастными дни.
97. Мощь бога пречистого всех поразит:
Одним десять лакхов легко он сразит².
98. Какой же ущерб ему враг причинит,
Коль мудрый господь ему милость дарит?
99. Готов бог спасать нас и путь указать,
Позволил нам всем он его воспевать.
100. Господь всемогущий врага ослепит,
Надёжно и верно сирот охранит.
101. И благо, и милость готов он найти
К тому, кто идёт по прямому пути.
102. Душою и сердцем кто предан ему,
Тому он не даст погрузиться во тьму.
103. Кто здесь человека обманом взять мог,
Которого ныне спасает сам бог?
104. Пускай и сто тысяч тут на одного —
Творец защитит, охранит он его.
105. Опора твоя — горы злата и рать,
Опора моя же — творца благодать.
106. Гордишься ты властью и златом своим,
А я силён верой и богом одним.
107. Лишаясь со временем бренности пут,
Идут поколенья, сменяясь — идут.
108. Ты бренного мира вращенье узри,
Как попрана святость жилища, смотри.

¹ Дословно «владыка котла и владыка сабли» (*khudāvand-i deg o khudāvand-i tegh*).

² Т.е. один человек, если с ним бог, способен победить миллион врагов. Правда, явное противоречие с бейтом 19.

109. Не следует слабых тебе угнетать
И клятв вероломных другим раздавать.
110. Когда сам господь¹ вместе с тем, кто гоним,
Тогда даже сотня не справится с ним.
111. Пускай тех врагов как в пустыне песка —
С его головы не падёт волоска.

«Не в силе бог, а в правде», пытается донести Гобинд до Аурангзеба нехитрую мысль.

Зафарнама — любопытный в индийской истории пример того, что в современном военном искусстве называется психологической борьбой/войной: психологическое воздействие на противника для достижения определённых целей (в том числе с помощью особым образом составленных текстов). Несмотря на некоторую бессистемность своего послания, Гобинд чётко доносит до адресата мысль: Аурангзебу надо прекратить войну с сикхами и договориться с ними. Неоднократное **повторение** тезиса о необходимости для шаха выполнить-таки обещанное в сочетании с тезисом о полном иммунитете гуру перед любыми происками призвано усилить создаваемое впечатление. Словно предвосхищая методы информационно-психологической войны двух крупнейших теоретиков пропаганды XX в. немцев Э. Доффата и О. Грота — методы умственного упрощения, вдалбливающего повторения и эмоционального нагнетания, Гобинд пытается «вдолбить» Аурангзебу мысль об отсутствии альтернативы. На усиление эффекта рассчитано и длительное восхваление бога, на которое не скупится автор, — чем более могущественным он представляет адресату бога, тем более защищённым тот станет воспринимать самого Гобинда, пользующегося его полной поддержкой.

И тон обеих поэм Гобинда, и само их название говорят о том, что моральный дух сикхского гуру был по-прежнему высок. Несмотря на почти безвыходное положение Гобинда, который после Чамкаура подвергся травле как дикий зверь и был вынужден постоянно перемещаться и скрываться, оба свои послания шаху он гордо озаглавил «Сказание о победе». Можно подумать, будто автор — не разбитый и преследуемый мелкий правитель, всего лишь за несколько дней потерявший столицу, войско, мать и всех четырёх сыновей, а триумфатор, диктующий свои условия побеждённому. Гобинд делал хорошую мину при плохой игре, и довольно искусно. Впрочем, поражение хальсы было временным, и её создатель искренне верил в её мощный скрытый потенциал.

Гуру не ошибался.

И всё же несоответствие тона обращений к шаху печальному положению дел иногда прорывается в тексте *Зафарнамы* наружу. Текст, надо признать, не

¹ В оригинале арабское слово *haqq* «истина».

лишён противоречий. С одной стороны, Гобинд внушает адресату мысль о непобедимости человека, пользующегося божьей помощью, даже перед лицом десяти лакхов врагов (конечно, такое число — ради красного словца) (бейт 97); с другой стороны, он пишет о бессилии своего отряда, когда тот попал в окружение столь же несметной рати (бейт 19). С одной стороны, Гобинд призывает выполнить обещание: лучше поздно, чем никогда (бейты 50–56); с другой — утверждает, что больше не верит Аурангзебу как клятвопреступнику (бейты 13, 15 и особенно 49 и 87). Это некоторое метание автора вполне понятно и отражает душевные потрясения, которые ему довелось пережить, да ещё за столь короткий отрезок времени.

Как и *Фатехнама*, *Зафарнама* Гобинд Сингха — не только литературное произведение, но и ценный исторический источник. Её правомерно рассматривать как программный документ хальсы в начальный период её существования. По сути *Зафарнама* — политический манифест десятого гуру, в котором тот выражает свои взгляды на должный характер отношений сикхской политики с могольской. Гобинд настаивает на автономии своей общины внутри султаната — на относительной политической и абсолютной религиозной самостоятельности. Конечно, как мы видели, определённой автономией сикхи пользовались и прежде, но Гобинд требует большего. Границы автономии он раздвигает достаточно широко — иначе б не писал, что один бог вправе приказывать ему, к кому и когда ехать. Так в религиозной форме Гобинд утверждает политическую самостоятельность своего княжества, причём она уже граничит с независимостью.

И всё же это ещё автономия: сам факт возможного примирения говорит о готовности гуру по-прежнему признавать верховную власть империи, существовать под её эгидой. Ещё в *Багитар натак* есть такие строки:

*И Бабу, и Бабара бог наш создал.
Преемников каждому он даровал.
Духовным царём одного почитай.
Мирским же владыкой другого признай.*¹

Под Бабой («отцом», т.е. вероучителем) имеется в виду Баба Нанак; Бабар — вариант имени Бабур. Гобинд хотел сказать, что и у основателя сикхизма, и у могольских шахов власть от бога, только принципиально разная. Богу богово, кесарю кесарево. Здесь уместно сказать несколько слов о характере индийской политики доколониальной эпохи (у политий с разной религиозной принадлежностью господствующего слоя этот характер был примерно одинаковым).

У американского индолога Бёртона Стайна (1926–96) есть любопытная концепция «сегментного государства» (термин он заимствовал у африкани-

¹ Перевод с панджаби мой. — К.Ф.

ста А. Саутхолла). Согласно этой концепции, индийские политии (Б. Стайн пользуется и этим термином) не были ни унитарными структурами с чёткой территорией и централизованной системой управления, ни структурами, основанными на политических связях (Б. Стайн называет их «феодальными» в кавычках, хотя включает в их число и средневековые политии Франции и Англии). «Сегментное государство» — это такая полития, в которой существует много центров власти; власть распределена между многими представителями знати, но верховная власть принадлежит одному монарху; все многочисленные центры власти имеют автономные системы управления и принуждения; политические центры более низких уровней признают (часто в ритуальной форме) существование одного ритуального центра и монарха-помазанника [Stein, 1998, p. 20].

Концепция Б. Стайна достаточно хорошо объясняет природу традиционных индийских политий вообще и Могольского султаната в частности с его множеством полусамостоятельных наместников разного уровня, не говоря уже о зависимых княжествах. Такими княжествами в числе прочих были владения горных раджей Шивалика. С конца XVI в. в такое же княжество начала превращаться община сикхов во главе со своими гуру. Эти политии признавали верховную власть империи, хотя их отношения с центром к концу XVII в. становились всё более натянутыми. Не забудем, что сикхских теократических княжеств было несколько — по числу параллельных гуру; однако я рассматриваю только династию Рам Даса — Гобинд Сингха, которую абсолютное большинство сикхов ныне считает единственной линией гуру. Благодаря тому, что именно Гобинд организовал общину на сопротивление внешнему врагу — раджам и Моголам, его династию стали признавать истинными гуру большинство сикхов.

Учитывая многоуровневую структуру индийских (и не только) империй доколониальной эпохи, а также патримониальный характер власти на каждом уровне, для обозначения таких империй я предлагаю термин «патримония-матрёшка». Имперская (в данном случае могольская) структура заключала в себе ряд менее крупных властных образований, каждое из них, в свою очередь, — ряд ещё менее крупных и т.д., причём по принципу фрактала: характер власти и структура управления в каждой патримонии составной империи были практически идентичными. Гобинд Сингх был согласен существовать в такой империи-матрёшке как правитель теократического сикхского княжества — при условии широкой автономии. Повторю, что сама по себе мирная инициатива Гобинда означала его готовность оставаться в рамках Могольского султаната, занимая подчинённое положение по отношению к шахскому двору. На это указывает и его разъяснение своих действий в бейтах 21–22: он поднял саблю лишь потому, что Моголы не оставили ему выбора, принудили его обороняться. Гуру не оправдывается, но пытается убе-

дить шаха, что способен быть лояльным подданным, зависимым князем — только не надо доводить сикхов до крайности. Десятый гуру не был последовательным сепаратистом, не мыслил политику сикхов вне рамок всеиндийской (Могольской) империи.

Гобинд не доверил текст *Зафарнамы* прибывшим с Дайя Сингхом двум шахским посланцам, а вновь поручил ему съездить к шаху, дав ему в спутники другого из панч пьаре — Дхарам Сингха. Кроме того, гуру хотел узнать реакцию шаха на письмо от своих людей.

Отправка Гобинд Сингхом посланий Аурангзебу с обвинениями удивительно напоминает эпизод из истории другой страны, когда представитель господствующего слоя, тоже вступивший в острый конфликт с её правителем, тоже писал ему редкие по откровенности обличительные письма. Речь

Таблица

Схожие места в посланиях гуру Гобинд Сингха шаху Аурангзебу и князя Андрея Курбского царю Ивану Грозному

Тема	Гобинд Сингх	Андрей Курбский
Перспектива расплаты за злодеяния на том свете	Побойся ты бога — тебе мой совет (Зафарнама, 70). Когда нам черёд пред всевышним предстать, Придётся тебе там свидетелем стать (Зафарнама, 81)	Или ты, царь, мнишь, что бессмертен, и впал в невиданную ересь, словно не боишься предстать перед неподкупным судьёй... (1-е послание). И размыслил я и решил, что лучше здесь промолчать, а там дерзнуть возгласить перед престолом Христа моего вместе со всеми замученными тобою и изгнанными... (2-е послание)
Перспектива расплаты за злодеяния на этом свете	По милости божьей, окончив труды, Обрушу я ливень железной воды. На чистой земле нашей эта вода От царства того не оставит следа. Декан твою жажду, шах, не утолил. В Меваре ты горькую чашу испил. Сюда ныне взор обратил ты, но тут Те жажда и горечь опять тебя ждут (Фатехнама, 9–12). Ведь жив лев свирепый — в укрыты сидит; Жестоко за них он тебе отомстит (Фатехнама, 15). Убил всех детей ты, гонясь за отцом; Цела та змея, что свернулась кольцом. Чего ж в том, что несколько искр погасил? Скорее ведь масла ты в пламя подлил (Зафарнама, 78–79)	Не думай, царь, и не помышляй в заблуждении своём, что мы уже погибли и истреблены тобою без вины... и не радуйся этому, словно лёгкой победой похваляясь... (1-е послание). ...Уж тем более должны погибнуть со всем домом своим те, которые не только составляют невыполнимые законы или уставы, но и опустошают свою землю и губят подданных целыми родами... (3-е послание)

Окончание таблицы

Тема	Гобинд Сингх	Андрей Курбский
Неуязвимость человека, который пользуется защитой бога	Когда ж на кого ляжет феникса тень, Вреда ему вовсе не будет в тот день. И если у льва за спиной он сидит, Никто и никак ему не навредит (Зафарнама, 16–17)	Лучше, подумал я, возложить надежду свою на всемогущего бога... (2-е послание)
Обличение тирании адресата	Правленье начав своё с этих злых дел, В строительстве царства ты не преуспел (Фатехнама, 8). По милости бога ты сел на маснад — Твои ж справедливость и вера дивят. Ты править привык, полагаясь на плеть. И власть твою надо сто раз пожалеть (Зафарнама, 66–67). Пощады не зная, лить кровь прекрати... (Зафарнама, 69). Пока же ты в этом едва ль преуспел — Ведь ты совершил слишком много злых дел (Зафарнама, 85)	Остался ты по своему прескверному произволению в своей фараонской непокорности и в своём ожесточе- нии против бога и совести... А лютость твоей власти погубила не одного Непотиана и двух других невиновных, а и многих воевод и полководцев... (3-е послание). Погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии... (3-е послание)
Обвинение в трусости	В богатстве своём ты купаться привык, От ратного дела, как видно, отвык (Фатехнама, 23)	Ныне же вместе со всем своим воин- ством ты в лесах прячешься, как хоронится одинокий беглец, трепеще- шь и скрываешься, хотя никто и не преследует тебя... (3-е послание)
Обличение окружения правителя	Обман и лукавство нам ясно видны. Бахши и диваны твои — все лгуны (Зафарнама, 14)	Вместо избранных и достойных мужей, которые не стыдись говорили тебе всю правду, окружил ты себя сквернейшими прихлебателями и маньяками... (3-е послание)
Призыв встать на путь истинный	И мне на Коране ведь слово ты дал, Сдержи же, сверши, что тогда обещал. Тебе надо к мудрости путь отыскать И выполнить то, что успел ты начать (Зафарнама, 76–77)	Покори и подчини в себе звериную часть божественному образу и подо- бию... Очнись и встань! Никогда не поздно, ибо самовластие наше и воля... не отнимется от нас ради перемены к лучшему (3-е послание)

идёт о посланиях князя Андрея Курбского царю Ивану Грозному (первое послание датируется 1564 г., второе и третье — 1579 г.). Конечно, надо помнить, что послания Курбского — это письма опального князя, который уже сошёл с политической сцены и главная цель которого — разъяснить свои прошлые поступки и досадить царю хотя бы словесно, тогда как Гобинд писал ещё в разгар своей борьбы с Моголами, его «Сказания о победе» были призваны решить практическую задачу — изменить курс шаха в отношении сикхов. Чтобы проиллюстрировать сходство тематики и выражений, я составил таблицу.

Невзирая на обмен посланиями гуру с шахом, имперские власти Панджаба продолжали преследовать сикхов. Гобинд продолжал двигаться по стране, налаживая прерванные связи со сторонниками и мало-помалу собирая новое войско. После Дины, где он сочинил *Зафарнаму*, гуру провёл несколько дней в деревне Кангар, которую упомянул в послании, после чего отправился дальше. Конечно, не все члены общины были готовы с оружием в руках продолжать отстаивать самостоятельность. Иные сикхи призывали Гобинда вернуться на мирный путь Нанака (такие советы получал в своё время и его дед Хар-гобинд). Гуру отказался, заявив, что сражается не за себя, а за общее дело, ради чего и пожертвовал своими сыновьями и родителями. Сикхи разошлись по домам, но когда поведали о решимости гуру продолжать борьбу, сотни их единоверцев поддержали его. При этом отличилась женщина Май Бхаго, которая надела мужское платье, села на коня и призвала мужчин устыдиться и вернуться на путь страданий и самопожертвования.

8 мая 1705 г., между сикхским отрядом и войском Вазир-хана произошло сражение при Кхидране — последнее в жизни Гобинда. Могольское войско преследовало отряд гуру, и ему на помощь как раз подоспел отряд во главе с Май Бхаго. В нём, по легенде, находились те 40 отступников, которые письменно отреклись от Гобинда в Анандпуре, но теперь раскаялись. Эти сикхи отвлекли внимание Моголов на себя, развесив на деревьях и кустах ткани, которые притягивали взор своей белизной. Могольское войско повернуло в их сторону, и все сикхи полегли в бою, включая Май Бхаго, эту «Жанну д'Арк сикхской истории» [Gupta, I, p. 308]. (По другой версии, она была только ранена.) Гобинд в это время ударил по Моголам сбоку. Всё же силы были неравны, и ему пришлось отступить.

Полагая, что гуру убит в числе прочих, Моголы тоже отошли с места побоища, так как находившийся поблизости источник воды был пересохшим. Тогда Гобинд вернулся и застал одного из отступников, Маха Сингха, ещё живым. Гуру вытер ему лицо и со слезами радости сказал: *«Проси всё, что хочешь. Ты — мукта, спасённый и в этой жизни, и в будущей»*. Маха Сингх попросил для себя и товарищей прощения за предательство в Анандпуре. Гобинд простил их и по просьбе Маха Сингха порвал коллективную бумагу отречения. Затем гуру организовал кремацию павших с почестями. Отступники искупили предательство кровью, войдя в сикхскую историю как *гали мукте* — «сорок освобождённых». Сейчас на месте сражения стоит гурдвара и вырыт священный водоём Муктсар, «Озеро освобождения».

С января по октябрь 1706 г. Гобинд восстанавливал силы в местечке Талванди Сабо, которое зовётся теперь Дамдама Сахиб («Место отдыха Господина»). Здесь он по памяти диктовал Ади Грантх уважаемому члену общины Бхаи Мани Сингху (1644–1738), добавил в неё стихи своего отца и один собственный стих. Гобинд занялся этим потому, что оригинал книги по-прежнему

му оставался у двоюродного брата гуру — Дхир Мала, а члены хальсы хотели получить экземпляр, освящённый самим Гобиндом. Здесь же гуру внёс дополнения в собственные сочинения. В Талванди Сабо приехали из Дели Сундари и Сахиб Каур. Когда они спросили у гуру, где его младшие сыновья, тот, по легенде, указал на своих последователей и отвечал: *«Ради этих тысяч я пожертвовал другими четырьмя. Пока живы эти мои сыновья, я не буду считать гибель моих четырёх сыновей напрасной!»*.

Талванди Сабо стал новой ставкой гуру, и сюда потянулись сикхи со всего Панджаба. Гобинд почти набрал былую силу. Однако в октябре 1706 г. он, несмотря на предостережения учеников, отправился всего с четырьмя спутниками на юг, в сторону Раджпутаны. Есть версия, что гуру рассчитывал установить контакты с раджпутами и даже маратхами, которые воевали с Моголами порознь, и объединиться с ними против империи. Однако это маловероятно.

Правдоподобнее другая версия. Аурангзеб на далёком Декане получил *Зафарнаму* Гобинда (он сам упоминает об этом в своих записках *Ахкам-и-Аламгири*, «Приказы Аламгира»). Прочитав послание, шах окончательно понял, что сикхов не сломить, с ними лучше договориться. Гобинд оказался мастером не только сабли, но и психологической борьбы, своей цели *Зафарнамой* он достиг. Сикхи «дожали» империю: шах велел лахорскому назиму Муним-хану прекратить все военные действия против них, а Гобинду со специальным посланцем отправил письмо, в котором писал о своей старческой неспособности прибыть в Панджаб самому, поэтому просил всё же приехать к нему на Декан — в Ахмаднагар, куда он перебрался из Аурангабада в январе 1706 г. Муним-хан получил указание обеспечить сикхскому гуру безопасный проезд. Гобинд, со своей стороны, понял, что это шанс найти управу на фадждара Сирхинда Вазир-хана как на непосредственного обидчика сикхской общины. Он выехал на юг, к Аурангзебу.

Однако встретиться им было не суждено.

20 февраля 1707 г. Аурангзеб в возрасте 89 лет умер. Сикхская версия гласит, что в могилу его свела именно *Зафарнама*, — будто бы он слёг от раскаяния в содеянном в отношении сикхов. Некоторое преувеличение тут возможно, но широко известны строки письма Аурангзеба к сыновьям незадолго до смерти: *«Я не знаю, кто я, где я, куда мне идти и что ждёт такого грешника, как я... Аллах был в моём сердце, но я не увидел его. Я не знаю, как меня примут при дворе Аллаха. У меня нет надежд на будущее, я совершил много грехов и не знаю, какое наказание понесу за них»*. Представляется, что вклад — и немалый — в такое умонастроение умирающего шаха *Зафарнама* могла внести. Аурангзеб считал себя правоверным мусульманином и (почти) образцовым исламским правителем: вёл скромный образ жизни, запретил при своём дворе музыку как отвлекающее от помыслов об Аллахе развлечение, соб-

ственноручно переписывал весьма чтимый им Коран. И тут шаха обвиняют в нарушении клятвы на этой книге! А ведь в глубине души он знал, что обвинение справедливо. *Могу я тебе передать тот Коран, // Где в виде обета записан обман...* Кроме того, на шаха в самом деле могло оказать впечатление то, что Гобинду неизменно удавалось выходить целым и невредимым из всех вооружённых конфликтов. Шах мог воспринять это как знак свыше. И этот человек напоминал ему о божьей каре: *Пощады не зная, лить кровь прекрати — // От божья мега ведь тебе не уйти.* С учётом психологии Аурангзеба Зафарнама вполне могла потрясти и деморализовать его. На это Гобинд и рассчитывал. А может, перестарался?

После смерти Аурангзеба вспыхнула, как водится, междоусобная война сыновей. В момент смерти отца его старший сын Муаззам находился с военной экспедицией в Афганистане. Воспользовавшись этим, его младший брат Мухаммад Азам захватил трон. Муаззам поспешил в столицу и отправил к Гобинду посланца, который призвал гуру забыть прошлое и помочь принцу завладеть имперским тронном. Шахзада, безусловно, принимал во внимание сикхскую общину как военную силу, с которой приходится считаться. Он обещал рассмотреть любые жалобы гуру. В отличие от отца Муаззам не был фанатиком. Его взгляды скорее были близки взглядам прапрадеда — Акбара и дяди — Дары Шукоха. К тому же он был не суннитом, а шиитом и проявлял интерес к суфизму. У обращения Муаззама к Гобинду имелась и другая цель: если не получить военную помощь, то хотя бы просто удержать сикхов от восстания во время междоусобицы принцев.

Гобинд откликнулся на просьбу. В третий раз в истории сикхов их гуру вмешался в борьбу принцев за престол Могольского султаната. Гобинд послал в помощь Муаззаму отряд в 200–300 всадников под командованием всё того же Дхарам Сингха. В июне 1707 г. между двумя шахзадами произошла трёхдневная битва при Джаджау. Мухаммад Азам был убит, его армия рассеяна, а Муаззам провозгласил себя императором под именем Бахадур-шаха (правил 1707–12). (Есть версия, будто гуру лично участвовал в битве и даже сам сразил Мухаммада Азама своей золочёной стрелой, но это легенда.) Новый шах отпустил Дхарам Сингха выразить глубокую благодарность гуру и пригласил того к себе, добавив, что нанёс бы ему визит и сам, но это неверно истолкует фанатичная часть его подданных-мусульман. Впервые сикхи поддержали в могольской усобице того принца, который и вышел победителем.

Тем не менее многие отговаривали Гобинда ехать к новому шаху, опасаясь ловушки. Гуру отвечал, что всё в руках божьих¹. Он принял приглашение и 2 августа 1707 г. приехал в Агру в сопровождении Сахиб Каур. Бахадур-шах

¹ Выражаюсь метафорически; напомним, что в сикхизме бог неантропоморфен и вообще не имеет качеств — *ниргун*.

принял сикхского гуру с почётом, пожаловал ему богатый хилат, усыпанный драгоценными камнями кинжал и 5 лакхов рупий (даже предложил крупный джагир, но гуру отказался). По просьбе шаха Гобинд остался в Агре при дворе. Шах понимал, что этим обеспечивает спокойствие сикхов. Гуру же рассчитывал повлиять на шаха, получить обратно Анандпур и добиться того, чего не удалось добиться от Аурангзеба, — чтобы Моголы оставили сикхов в покое.

Близость гуру к шаху скоро не понравилась многим придворным. По легенде, один из них попытался подорвать его репутацию хитростью. Однажды в присутствии Бахадура этот вельможа рассыпался в лести Гобинду и сказал: здесь почитают божественным лишь того, кто может совершать чудеса, и присутствующие будут рады, если гуру развеет их сомнения на сей счёт. Гуру почувал подвох и дипломатично отвечал, что чудотворцем можно считать самого шаха: ему по силам высоко поднять простолюдина и низвергнуть знатного человека. Придворный настаивал. Тогда Гобинд вынул золотую монету и спросил: *«Не гудо ли это? Она может купить всё, что угодно, любого зело века, любую вещь»*. Придворный не успокоился и просил показать, какие чудеса может творить сам гуру. Тогда Гобинд вынул саблю и грозно крикнул: *«Вот гудо, которое могу совершить я. Я могу отрубить голову любому, кто осмелится бросить мне вызов. Вот окончательный судья, определяющий судьбы людей и народов»*. Вопрошавший потерял дар речи, а шах отчитал его за наглость. Весть об этом случае распространилась, и многие удивлялись бесстрашию гуру, который посмел вынуть саблю в присутствии шаха.

В беседах с Бахадуром Гобинд искусно защищал свою религию. Однажды шах заметил, что нет веры лучше ислама и те, кто хочет избежать ада, должны принять его. Гуру возразил: *«Ваше велигество, монету делает ценной не пегать на ней, а металл, из которого она сделана. Даже если на фальшивой монете будет метка вашего велигества, никто не будет покупать на неё товары на рынке. Так и с верой. Не ярлык, а содержание радует бога и определяет, кто предназначен в ад, а кто — в рай. Я верю в единого бога, не в двух или трёх, и для меня неверный — лишь тот, кто отрицает его существование»* [Singh, Gopal, 1988, p. 318].

Наконец Гобинд перешёл к делу и обратился к Бахадуру с главной просьбой: сместить и судить фаудждара Сирхинда Вазир-хана, этого Ирода сикхской истории. Гуру напомнил, что в схожей ситуации прадед Бахадура Джахангир выдал лахорского дивана Чанду Шаха деду Гобинда Харгобинду. Шах удивился просьбе, но не отказал сразу, а обещал посоветоваться с министрами. Вообще он доверительно сообщил гуру, что сам ещё не прочно сидит на троне, и просил подождать год. В подтверждение этого пришли вести об очередном неповиновении раджпутских князей и мятеже в Хайдарабаде младшего брата шаха — принца Кам Бахша. В октябре 1708 г. Бахадур вые-

хал из Агры в Раджпутану, а затем на юг, на Декан. Гобинда шах пригласил сопровождать его. Гуру поехал вместе с раджой Джайпура Джай Сингхом — в сопровождении собственного отряда пехоты и 200–300 всадников-копейщиков. Это в который раз свидетельствует о княжеском достоинстве гуру сикхов.

Когда шах со свитой остановился в одном из городов Раджпутаны — Читоре, между местными раджпутами и группой сикхов произошла стычка. Сикхи были перебиты, в том числе какой-то юноша, которого автор могольской хроники *Тарих-и-Муаззам-шах* («История Муаззам-шаха») называет сыном гуру Гобинда. В XX в. этот эпизод использовали в политических целях. Во время всплеска терроризма в индийском Панджабе в 1980-е годы (когда часть сикхов требовала отделиться от Индии и создать сикхское государство Халистан) радио Пакистана твердило, будто мусульмане убили не всех четырёх сыновей Гобинда: одного, мол, убили раджпуты-индуисты! Так пакистанцы хотели вбить клин между сикхами и индуистами, найти (вернее, притянуть за уши) исторические аналогии конфликту. Есть версия, что убитый был приёмным сыном гуру.

В сентябре 1708 г. Бахадур-шах достиг городка Нандерх на берегу реки Годавари. Здесь находилось сразу восемь *ашрамов* (обителей) разных течений индуизма, и Гобинд воспользовался возможностью, чтобы проповедовать сикхизм. В частности, он посетил дом *баираги* (отшельника) Мадхо Даса. Ещё в Раджпутане гуру слышал, что тот способен совершать чудеса, например может силой мысли убить того, кто ляжет на его ложе. По преданию, гуру вошёл в хижину отшельника в его отсутствие и лёг на ложе хозяина. Мадхо Дас пришёл, увидел чужого человека на своей кровати и не мог поверить своим глазам, что тот невредим. Узнав, кто перед ним, Мадхо Дас упал к ногам Гобинда и сказал: «*О, господин, я твой раб (бандá). Ты оказал мне гость своим посещением и освободил меня. Повелевай мной*».

Мадхо Дас родился в 1670 г. в Кашмире, по касте был раджпутом, но из обедневшей семьи: сам пахал землю. С юности увлекался охотой, но однажды убил оленюху — и к своему ужасу нашёл в её чреве двух оленят. Это непреднамеренное тройное убийство так потрясло его, что он отрёкся от мира и стал учеником одного баираги из числа последователей вишнуита Рамануджи — основателя философской школы вишишта-адвайты (XII в.). Позднее Мадхо Дас сам стал баираги и ушёл на юг, в Нандерх. Есть версия, согласно которой Гобинд познакомился с ним ещё на севере, встречая в горах на охоте.

Как бы то ни было, в Банде Гобинд увидел харизматическую личность, способную стать его правой рукой и продолжить его дело. Можно сказать, что десятый гуру вернулся к практике первых двух — назначать преемником не родственника. Любопытно, однако, что Гобинд не посвятил Банду в хальсу.

Иногда в литературе можно встретить обратное утверждение: будто Гобинд провёл церемонию принятия в хальсу и дал новому члену имя Банда Сингх (например: [Singh, Ganda, 1956, p. 31]). На деле такой церемонии не было и Банда никогда не был членом хальсы, а все источники, утверждающие обратное, датируются уже началом XIX в. или позднее [Gupta, II, p. 4–6]. Однако Гобинд действительно назначил Банду своим ближайшим соратником, пожаловав ему (согласно легенде) саблю, пять позолоченных стрел из своего колчана, знамя и барабан. Кроме того, гуру пожаловал ему почётный титул «бахадур», с которым тот и вошёл в историю как Банда Бахадур.

Х.Р. Гупта объясняет непринятие Банды в сикхи-сингхи тем, что тот уже был известен в Махараштре как гуру, имел много почитателей, и Гобинд не собирался растить себе конкурента внутри общины. Не собирался он и вводить Банду в соблазн притязать на гурта в случае собственной смерти: хальса не стала бы почитать как гуру человека не из своей среды [Gupta, II, p. 5].

Гобинд дал Банде письмо, в котором призывал сикхов становиться под знамя Банды. Тот отбыл на север, в Панджаб, поднимать народ против Вазир-хана: Гобинд окончательно разочаровался в Бахадур-шахе, понял, что надо брать инициативу в свои руки. С Бандой он отправил пять членов хальсы в качестве советников. В их задачу входила легитимация власти Банды, когда они прибудут в Панджаб. Кроме того, по-видимому, они должны были ограничивать власть нового заместителя гуру.

Сам Гобинд остался в Нандерхе и занимался медитацией на берегу реки Годавари. К нему приходили сикхи и приносили подарки. По легенде, один сикх поднёс ему кольцо с бриллиантом. Гуру сидел на берегу, поглощённый размышлениями о боге, и бросил это кольцо в воду. Сикх был ошеломлён и просил гуру показать, где тот бросил кольцо, чтобы можно было нырнуть и достать драгоценность. Гуру улыбнулся и бросил другое кольцо (которое, как говорят, ему подарил шах), сказав: «Я бросил это здесь». Отстранённость Гобинда от мирской жизни поразила общину.

Некоторые авторы отмечают излишнюю прямолинейность Гобинда: он был чужд интриг и в ставке шаха не делал секрета из того, что находится при дворе с целью добиться наказания фауджара Сирхинда Вазир-хана [Gupta, I, p. 319]. Это его и погубило.

Однажды ночью, когда Гобинд ложился спать в своём лагере, к нему в шатёр вошёл молодой патхан Гуль-хан (по другим данным, Джамшед-хан). Он уже несколько дней приходил к гуру, называл себя его последователем, слушал киртаны. Стража привыкла, и патхана никто не остановил. Гуру предложил ему *прасад*, затем попрощался с ним и повернулся к своей постели. Гуль-хан выхватил кинжал и дважды всадил в тело гуру, после чего попытался бежать. Однако подлец имел дело с великим воином: раненый Гобинд прыгнул с постели, выхватил саблю и отрубил ему голову. У Гуль-хана был стра-

ховавший его подельник, патхан Атаулла. Он прятался у шатра гуру, и услышав внутри шум, счёл за лучшее бежать, но был заколот прибежавшим по тревоге сикхом. Скорее всего, этих патханов подослал Вазир-хан, у которого были веские основания бояться растущего влияния гуру на шаха.

Узнав о покушении на Гобинда, Бахадур-шах прислал ему личного врача-европейца, который искусно зашил рану. На четвёртый день гуру появился в своём дарбаре, и, казалось, выздоравливал. Однако ночью, когда он немного потянулся, рана открылась вновь. По другим данным, это произошло, когда гуру попытался натянуть тугой лук. Гобинд понял, что близка кончина, помолился и просил собравшихся сикхов не печалиться о нём, так как он будет присутствовать везде, где есть пять чистых сикхов, преданных богу.

Гуру спросили: кто же наследует после него духовный трон Нанака? Гобинд отвечал, что гурта переходит от него не к человеку, а к священному писанию — Ади Грантх, поэтому впредь эта книга будет называться Гуру Грантх, «Гуру Книга». Гобинд нашёл в себе силы встать, четыре раза обойти вокруг Ади Грантх, положить перед ней пять пайс и кокосовый орех и поклониться книге. Так он отменил личную гурта (то, что в англоязычной историографии называют *personal Guruship*). С тех пор одиннадцатым и последним гуру считается священная книга сикхов. В гурдварах ей воздают те же почести, что ранее живым гуру — к примеру, почтительно обмахивают опахалом; следят, чтобы на раскрытую страницу не село насекомое. Говорят о ней сикхи как о живом человеке. Кстати, сейчас по решению Верховного суда Индии Гуру Грантх признаётся юридическим лицом.

То, что к священной книге у сикхов отношение такое же, как к человеку, — пример их «патримониального сознания». Поскольку полития патримониального типа (характер которой носило и княжество сикхских гуру) строится не вокруг абстрактного понятия (как в политике государственного типа), а вокруг **личности** монарха как конкретного человека, то с уходом последнего гуру-человека для сикхов стало естественным видеть в книге такой же центр общины, каким выступали десять гуру. Другое дело, что очень скоро у общины появятся светские лидеры, которые воспроизведут нормальную патримию, по сути заменив собой гуру в качестве монархических правителей.

Что касается самого Гобинда, то вопрос о наследовании в общине светской власти он решил тоже оригинально: объявил, что впредь этой властью будет обладать сама община в своей совокупности. Общее собрание сикхов (пантх, под которым теперь мыслилась только хальса) — в присутствии Гуру Грантх как носителя гурта — получало авторитет гуру, и мнение этого собрания приравнялось к мнению гуру (*гурмата*). Выносить это решение (после обсуждения «всем миром») должны были пять уважаемых сикхов (и вновь священная пятерица). Так возникло понятие о двух высших авторитетах сикхской общины — Гуру Пантх и Гуру Грантх.

То, что Гобинд не стал назначать своим преемником живого человека, верно объясняют его стремлением максимально сплотить хальсу. Гобинд прекрасно знал историю всех гуру, знал, что после смерти каждого начинался конфликт, переход гурта всегда кто-то оспаривал – либо внутри семьи, либо вне. В XVI и даже XVII в. сикхская община могла позволить себе такую «роскошь». Однако наступило грозное время – период борьбы практически за выживание. Другой вопрос – когда именно Гобинд задумал прекратить линию гуру-людей, объявив духовным учителем общины нечто неодушевлённое и неизменное. В литературе распространено мнение, что гуру принял такое решение задолго до гибели своих детей. И всё же не будем забывать, что в реальности это случилось только после мученичества всех сыновей Гобинда.

Историк Х.Р. Гупта считает, что покушение на Гобинда произошло с ведома и благословения самого Бахадур-шаха: якобы перед этим гуру, не добившись наказания Вазир-хана, прямо заявил шаху, что займётся обидчиком сам [Gupta, I, p. 323–324]. Однако в таком случае непонятно, зачем шах прислал гуру своего личного врача. Далее Х.Р. Гупта приписывает шаху хитроумную уловку: будто это он прислал в подарок выздоравливавшему Гобинду два крепких лука и привезший их посланец заявил, что они предназначены лишь для украшения и обычному человеку натянуть их не под силу. Это, мол, было сказано специально, чтобы задеть Гобинда за живое, раззадорить его, чтобы он взялся доказать обратное [Gupta, I, p. 325]. Тоже малоправдоподобная версия: слишком изощёренно.

По преданию, перед смертью последний гуру¹ произнёс фразу: «Хальса будет править» (*Радж карега хальса*). Эта фраза получит широчайшую известность и станет воодушевлять сикхов на сопротивление власти и стремление добиться наконец независимости. Она стала заключительной строкой молитвы *Ардас*, которую сикхи ежедневно читают и поныне, поминая своих гуру и мучеников за веру.

Затем, тоже согласно легенде, Гобинд надел боевой пояс, повесил на плечо лук и, взяв в правую руку мушкет, крикнул окружающим: «*Вахегуруджи да хальса, вахегуруджи ди фатех!*» («Хальса принадлежит богу, победа за богом!»). 7 октября 1708 г. (5 числа месяца картик 1765 г. эры Бикрами) Гобинд Сингх испустил дух. Десятый гуру стал третьим по счёту гуру-мучеником. Было ему 42 года – почти столько же, сколько в момент мученичества Арджана. Гобинд просил последователей не оплакивать его и не воздвигать гробницу, не желая, чтобы ему поклонялись после смерти. Однако на следующее утро после кремации сикхи собрали пепел и построили над ним обычную в практике индуистов могильную платформу (*самадхи*). Хальса решила, что

¹ Если быть точным, последний гуру-человек.

передать забвению имя такого великого человека невозможно. Согласно традиции, вскоре там же, в Нандерхе, умерли последние из панч пьаре Дайя Сингх и Дхарам Сингх.

В 1832 г. правитель Панджаба Ранджит Сингх перевёл в Нандерх средства на строительство гурдвары на месте смерти Гобинд Сингха. (Нандерх находился тогда на территории княжества Хайдарабад — одного из обломков Могольского султаната.) Возникшая здесь гурдвара стала одним из пяти тахтов («тронов») — наиболее почитаемых ныне святынь сикхизма (опять священная пятерица). Другие тахты — это Хари Мандир и Акал Тахт в Амритсаре, гурдвара Кешгарх Сахиб в Анандпуре (на месте учреждения хальсы) и гурдвара Шри Патна Сахиб в Патне в Бихаре (где десятый гуру родился). Смотрители тахтов обладают в сикхизме высшим религиозным авторитетом (их можно сравнить с четырьмя *шанкарагарьями* индуистской философской школы *адвайта-веданты*, резиденции которых тоже рассредоточены по разным странам Индии).

Таким образом, большинство сикхских тахтов связаны с жизнью Гобинд Сингха. Они подчёркивают, что его жизнь, в свою очередь, связана не только с Панджабом, но и со значительной частью Индии.

Период последнего живого гуру сикхов отмечен их драматическим выходом на военно-политическую сцену Индии. Сначала сикхи вошли в затяжное противостояние с ближайшими соседями — раджами горных княжеств Шивалика, встревоженными усилением политики гуру. Однако вскоре в дело вступили и Моголы.

Сикхи оказались лицом к лицу с небывалым по масштабам фронтом врагов. Вообще вся жизнь гуру Гобинда была *«продолжительной борьбой с врагами, которые намного превосходили его по силе и жестокости»* [Ray, 1970, p. 156]. Под непрерывными ударами враждебного окружения Гобинд в 1699 г. провёл социально-религиозную и военную реформу, в чём и состоит его главная заслуга в сикхской истории. Десятый гуру резко повысил значение военного компонента в догматике сикхизма и практической жизни его адептов, поднял престиж сикха как воина и борца с несправедливостью. Бескомпромиссная борьба с **мирским, социальным** злом, угнетением со стороны политической власти была возведена в религиозный долг каждого сикха. Такая установка дала сикхам мощный духовный импульс к действию, и его роль в их дальнейшей политической истории переоценить трудно. Реформа 1699 г., предпринятая ради самовывживания религиозной общины, станет залогом всех последующих успехов сикхов в сфере власти. При Гобинде сикхизм из религиозного толка индуизма превратился в социально-религиозное движение, которое оказало огромное влияние на властную ситуацию в Панджабе [Кочнев, 1973, с. 85].

Г.В.Ф. Гегель как-то заметил, что большинство исторических аналогий носит поверхностный характер. Это так, но именно аналогии порой позволяют увидеть то или иное явление в новом свете или просто лучше понять его. Например, как заметил известный британский историк А. Тойнби, отличавшийся широтой исторического кругозора и компаративистским подходом, вместе с янычарами Османов и кызылбашами Сефевидов сикхская хальса с её тщательным отбором кадров, индоктринацией новообращённых в духе фанатизма и суровой дисциплиной послужила прецедентом для создания Лениным коммунистической партии [Тоунбее, 1954, р. 343–344]. Сомнительно, чтобы Ленин слышал о сикхах, но речь идёт об организационном принципе, возникающем в определённых исторических условиях. Правда, в сикхском случае «отбор кадров» существовал лишь в том смысле, что в хальсу сознательно не вступила часть общины — те, кто не принял нововведений десятого гуру; они отсеяли себя сами. Однако хальса в самом деле была религиозной общиной нового типа.

Более удачной представляется мне другая аналогия — из истории самой Индии: антибританское гандистское движение первой половины XX в. Ганди, как известно, соединил в своей деятельности религию и политику. Поставив знак равенства между религиозным долгом и стремлением к совершенному обществу (*сарводайе*), которое помимо прочего предполагало освобождение от колониального контроля, он по сути брал пример в том числе с поздних сикхских гуру (начиная с Харгобинда). Конечно, методы Ганди в корне отличались от сикхских — основанная на понятии ахимсы *сатьяграха*, кампания ненасильственного несотрудничества с властями. Однако принцип соединения религии и борьбы против политического угнетения делает гуру сикхизма, особенно Гобинд Сингха, идейными предшественниками Ганди.

Реформу Гобинда можно назвать не только социально-религиозной, но и военной: гуру сделал серьёзный акцент на милитаризации общины, что проявилось и в поощрении развития физической силы и боевых навыков, и в принятии членами хальсы внешних воинских атрибутов. Собственно, родившаяся в 1699 г. религиозная община изначально и была общиной воинов. Кстати, отрицание Гобиндом традиционного кастового деления проявилось и в том, что он сумел выковать мощную армию не из традиционных воинских каст индийского общества (будь то раджпуты или кто-то ещё), а из крестьян и ремесленников. Как заметил Х.Р. Гупта, «раджпуты были прекрасными воинами, но скверными земледельцами» [Gupta, V, p. 519]. Сикхи же оказались прекрасными и земледельцами, и воинами. Как однажды обещал Гобинд своим последователям, из шакалов он превратит их в тигров. Обещание он выполнил. Ему помог очень благоприятный человеческий материал — панджабский народ.

Именно с созданием хальсы в целом завершились двухвековое складывание сикхской общины и кристаллизация догматов сикхизма как религии. Последователи гуру получили чёткую организацию и чёткие отличительные внешние признаки. Одновременно завершился процесс милитаризации общины, начатый шестым гуру Харгобиндом. Бронированным кулаком сикхской общины — новой, реформированной, общины, хальсы — Гобинд сделал практически всю её мужскую часть. При этом в отличие от всего предыдущего периода *«политические взгляды сингхов были не дополнением, а неотъемлемой частью их религиозной идеологии»* [Grewal, 1999, p. 80]. Как выразилась сикхская исследовательница Гурдип Каур, Гобинд *«посеял семена военного национализма»* [Kaур, 1990, p. 51].

Однако реформа Гобинда отвечала не только цели обороны сикхов от внешних врагов. Создание хальсы отражало и закрепило определённую тенденцию развития социальных процессов в сикхской общине. Реформу Гобинда можно назвать кастовой революцией внутри общины. До конца XVII в. лидерство в ней принадлежало касте кхатри: именно из неё вышло значительное число масандов, из неё же происходили все гуру. Лидирующим положением кхатри были всё больше недовольны сикхи-джаты. Отражая их интересы, Гобинд нанёс по кхатри тройной удар: во-первых, многие кхатри не приняли образования хальсы, отмежевались от неё (став сахадждхари); во-вторых, были упразднены масанды; в-третьих, при Гобинде получил новый импульс приток в сикхи крестьян-джатов. Они и перехватили окончательно лидерство в общине. Кстати, о сикхском движении в целом как о настоящей социальной революции в недрах кастового общества пишет сикхский историк Джагджит Сингх, подчёркивая высокий удельный вес в этом движении низких каст, а стало быть, его плебейский характер [Singh J., 1981]. В литературе по истории Индии первой половины XX в. подчёркивают, что только когда Индийский национальный конгресс благодаря Ганди сумел привлечь на свою сторону крестьянские массы, национально-освободительное движение начало добиваться реальных успехов. Так и с сикхами при Гобинде: десятый гуру акцентировал ставку на массовость движения, что позволило сикхам долго держать оборону от всё сильнее наседавшего противника.

Религиозная составляющая социально-религиозной реформы Гобинда заключается в коренной трансформации ряда идей сикхизма. Гобинд завершил дело, начатое Арджаном и Харгобиндом: окончательно сформулировал идею правомерности сопротивления злу, воздаяния злом за зло. Десятый гуру положил начало идеалу *сант-сипахи* — «постигшего истину воина», который сочетает праведную веру с готовностью храбро защищать её силой оружия — если не остаётся другого выхода. *«Лишь если другое не может помочь, // Позволено саблей врага превозмочь»*. Сам он стремился быть ярким примером такого идеала. Если у первого гуру бог был только дарителем благ, то у де-

сятого, кроме того, — карателем зла. Если Нанак средством устранения зла видел только молитву, упование на бога (вспомним реакцию Амар Даса на притеснения сикхов со стороны мусульманского населения Гоиндвала), то Гобинд выступал за активные действия самого человека. В творчестве Нанак собственно политической проблематики почти нет. Лишь иногда встречаются у него осуждения властей, подобные такому (речь идёт о династии Лоди): «*Эта калиюга¹ подобна сабле, цари — мясники; добро обрело крылья и улетело; наступила мгла. Восхода луны правды не видно*». Выше этой критики Нанак не поднимался. Его интересовали вопросы не политические, а религиозные. Это понятно, ведь Нанак ещё не был теократическим главой общины, она сама находилась в процессе становления. Гобинд Сингх, провозгласив борьбу с тиранией религиозным долгом, соединил религию и политику. Это логически вытекало из теократического характера власти сикхских гуру, стало на идейном уровне логическим завершением процесса их превращения в правителей.

В ретроспективе, с учётом трудностей, которые пришлось преодолевать сикхской общине, можно сказать, что учение первого гуру о равенстве всех людей перед богом оказалось только половиной дела. Второй половиной стала реформа последнего гуру, который акцентировал это равенство и окончательно перевёл его в мирскую плоскость. Нанак настаивал не только на духовном, но и на социальном равенстве; однако потребовались усилия ещё одной выдающейся личности, чтобы закрепить это состояние. Вообще деятельность Нанак и деятельность Гобинд Сингха были двумя этапами выделения сикхов из индуистской массы: первый положил начало новой общине, второй созданием хальсы резко очертил её границы (пусть и остался многочисленный промежуточный слой в виде сикхов-сахадждхари). В 1699 г. с сикхской общиной произошло то, что в биологии называют полезной мутацией. Конечно, эта мутация была подготовлена уже столетием существования общины как по сути властной организации и её постепенной милитаризацией начиная с гуру Харгобинда.

С превращением сикхской общины в воинское братство идейные основы сикхизма претерпели за два столетия (XVI–XVII вв.) колоссальные изменения. Принцип непротивления злу, коренящийся в индийском (индуистском, джайнском, буддийском) принципе ахимсы, уступил место прямо противоположному — око за око. И всё же, что любопытно, корень милитаризации общины содержался в учении самого Нанак — в понятии бесстрашия [Banerjee, 1978, p. 237]. По мере изменения обстоятельств существования сикхской об-

---

¹ Калиюга — последняя из четырёх эпох одного временного цикла (*юги*) в представлениях индийцев; характеризуется наихудшим дхармическим состоянием мира, разгулом пороков.

щины это понятие наполняли новым содержанием (что началось ещё с гуру Арджана). Гуру Харгобинд и Гобинд Сингх раскрыли заложенный в общине воинский потенциал. Коренится в учении Нанака и развившееся у сикхов чувство собственного достоинства перед лицом мирских врагов. Проповедуя смирение, первый гуру вместе с тем призывал: «Если кто-то живёт жизнью, лишённой самоуважения, он недостоин той соли, которую ест».

Социально-религиозная реформа гуру Гобинд Сингха, пожалуй, не имеет аналогов в истории Южной Азии по своей радикальности и жёсткости; эти качества вообще не в характере индийцев, которые склонны к компромиссам и предпочитают не форсировать события. Причина состоит в жёстком давлении на сикхов со стороны империи Аурангзеба. Однако шах не на тех напал: панджабцы (и прежде всего каста джатов) — народ гордый и свободолюбивый, умеющий постоять за себя. Гуру Гобинд руководствовался принципом, который лаконично сформулирован по-латыни: *extremis malis extrema remedia*, «против крайних зол крайние меры».

По мнению советского индолога К.А. Антоновой, в создании хальсы проявилось возникновение у сикхов «загатков национального самосознания» [История Индии в средние века, 1968, с. 534]. Представляется, что национальное самосознание и сама нация возможны только в буржуазном обществе, которого в доколониальной Индии и в помине не было, национальное самосознание не может возникнуть на основе общинного, кастового, полисного и т.п. — это альтернативные национальному фокусы идентичности. Однако, безусловно, реформа Гобинда, с одной стороны, была уже подготовлена подспудным процессом сплочения сикхской общины, прежде всего в войнах с горными раджами и с Моголами — а, пожалуй, ничто так не сплачивает общность людей, как чрезвычайная ситуация вооружённого противостояния какой-то другой общности (как отмечают исследователи, французскую нацию окончательно оформили революционные и наполеоновские войны, а немецкую — Первая и Вторая мировые войны). С другой стороны, сама реформа резко подтолкнула процесс сплочения общины, гуру Гобинд придал этому процессу ускорение. При этом роль Гобинда в коренной трансформации сикхской общины настолько велика, что он «навсегда наложил на сикхизм отпечаток своей личности» [Grice, 1969, p. 25]. В сикхской истории в Гобинд Сингхе пересеклись две линии — мученичества и вооружённого сопротивления врагу: если Арджан был гуру-мучеником, а Харгобинд — гуру-воином, то в Гобинде эти две роли соединились. Впрочем, это справедливо уже в отношении его отца Тег Бахадура, который в молодости успел показать себя искусным бойцом.

Подчеркну, что Гобинд Сингх воевал не с исламом, а с угнетательской империей, правящий слой которой был по преимуществу мусульманским. В антимогольских движениях в Индии в целом и в Панджабе в частности

участвовали не только индуисты и сикхи, но и многие мусульмане. Немало мусульман и индуистов сражалось и в войске сикхского гуру. Другое дело, что, несмотря на острый вооружённый конфликт, Гобинд так и не поставил под сомнение легитимность Могольского султаната в Панджабе. Гобинд мыслил возникающую политику сикхов не как альтернативу Могольской империи, а как одно из многочисленных княжеств под её эгидой, под верховной властью делийского шаха. Как Харгобинд считал для сикхов возможным договориться с Джахангиром и сотрудничать с империей, так даже Гобинд Сингх не видел неразрешимого конфликта между преемниками Нака и Бабура (что явствует хотя бы из *Багитар натак*). Он действовал ещё внутри каркаса империи: как хорошо видно из *Зафарнамы*, был готов пойти на мировую даже с Аурангзебом; в усобице принцев поддержал Муаззама; долго не терял надежды на урегулирование, когда тот стал шахом. Конечной политической целью десятого гуру была широкая автономия в рамках султаната, но не более. Говоря языком концепции «двухэтажной собственности» Л.Б. Алаева, сикхов, их верхушку, ещё устраивала роль податных собственников под эгидой верховного собственника — могольского шаха. По сути Гобинд Сингх требовал примерно такого же статуса, какой имели в империи князья Раджпутаны.

Однако следом за Гобиндом придут новые сикхские лидеры, которых автономия уже не устроит. По сути они будут считать, что сикхи должны сами обладать верховной собственностью. В такой ситуации Могольскому султанату места не останется.

III.2. Банда Бахадур

Весть об убийстве Гобинда породила волнения в Панджабе, где ещё была свежа память о мученичестве двух его младших сыновей (да и старших тоже). Хотя Гобинд провозгласил следующим гуру саму священную книгу, община нуждалась в новом лидере-человеке. Таким лидером и стал Банда Бахадур. Его лидерство обеспечили рекомендация Гобинда и харизматическая личность самого Банды. Парадоксальным образом во главе хальсы встал человек, не принадлежащий к ней.

Правда, от Нандерха до Панджаба Банда с пятью соратниками и отрядом в 25 телохранителей-сикхов добиралась целый год. Узнав, что после убийства Гобинда сикхи собираются мстить, шах вернул политику султаната в отношении сикхов в привычное русло: перешёл к репрессиям. На Банду устроили облаву, и его отряду часто приходилось скрываться и пережидать. Когда Банда наконец прибыл в Панджаб, он получил признание общины и под его знамя потянулись сикхи со всей страны.

Прежде всего объектом гнева сикхов стал, естественно, детоубийца Вазирхан. Сам по себе он был сикхам ещё не по зубам. Поэтому Банда решил сперва захватить небольшие городки, чтобы породить хаос и подорвать имперскую власть на части территории Панджаба, а уж потом сразиться с основными силами наместника. Пожив на Декане, Банда не понаслышке знал, что успешное вооружённое сопротивление Моголам возможно.

Первой мишенью повстанцев стал имперский отряд, который конвоировал перевозку налоговых поступлений в имперскую казну в Дели. Стычка произошла близ местечка Каитхал. Банда захватил не только деньги, но и много лошадей. Это было весьма кстати, так как у сикхов их было очень мало, они сражались в основном пешими. Туговато было и с оружием, бились тем, что было: саблями, копьями, стрелами. Лишь немногие были вооружены мушкетами с фитильным замком. Воины Банды не получали жалованья, и он роздал им все трофеи. Помимо прочего, эта мера укрепила репутацию Банды как щедрого лидера.

26 ноября 1709 г. Банда напал на городок Самана, откуда происходили палач Тег Бахадура Джалал-уд-дин и палачи младших сыновей Гобинда Шашал-бег и Башал-бег. Сикхи навалились на Саману со всех сторон. Могольский гарнизон отстреливался из крепости фаудждара, но Банда и его люди преодолели сопротивление, сожгли особняки имперской знати и вырезали всех сопротивлявшихся. Павших врагов насчитали до 10 тыс. человек, включая фаудждара и трёх упомянутых палачей¹. Сикхи захватили много трофеев.

В Самане Банда совершил действие, которое ясно указывает на то, что сикхи начали мыслить себя наследниками империи. Он назначил одного из своих военачальников Фатех Сингха фаудждаром города и девяти сопредельных парган. Самана стала первым территориальным приобретением сикхов в войне с Моголами. Её захват был значительным событием, и Вазирхан забеспокоился. Однако, хотя войско Банды и насчитывало уже несколько тысяч человек, мериться силами с Вазирханом всё равно было рано. Поэтому Банда захватил два небольших городка, после чего подошёл к Мустафабаду, где встретил отпор. Сикхи попали под сильный артиллерийский обстрел, а под началом городского фаудждара находился 2-тысячный отряд. Столкнувшись с яростным сопротивлением, некоторые люди Банды дезертировали, но остальные сражались доблестно и одолели врага.

После этого Банда подступил к процветающему городу Садхаура, навабом которого был некий Усман-хан. Он сильно притеснял население, взимал с индуистов налоги вчетверо больше, чем с мусульман, не разрешал им креми-

---

¹ В сикхском патриотическом мультфильме на панджаби «Подъём хальсы» (2009 г.) о деятельности Банда Бахадура палачи малышей, захваченные сикхами в плен, молят о пощаде хором (*Rehm karol!*).

ровать умерших и позволял мусульманским мясникам резать коров на улицах индуистских кварталов [Gill, 1978, p. 276]. У сикхов с Усман-ханом были старые счёты: он запытал до смерти суфийского пира Будху Шаха (вместе с семьёй), который помог Гобинду людьми в сражении при Бхангани 1688 г. Неудивительно, что когда сикхи подошли к Садхауре, против фаудждара, воодушевившись, поднялась часть населения города. Угнетённые жестоко расправлялись с угнетателями, и взятая ими цитадель Усман-хана вошла в историю как *Каталгарх* («Крепость убийств»). После жестокого боя Садхаура пала. Могила Будху Шаха стала местом паломничества не только для мусульман, но и для сикхов и индуистов.

Все эти успехи Банды стали возможны во многом благодаря тому, что основные военные силы Могольского султаната во главе с самим шахом Бахадуром были оттянуты на юг, в Раджпутану: шах в очередной раз приводил к покорности местных князей.

К Банде должны были подойти подкрепления сикхов из Маджхи, но их сдерживали на другом берегу Сатледжа патханские отряды наваба Малеркотлы Шера Мухаммад-хана. Могольские войска, как обычно, не только превосходили сикхов численно, но и были вооружены пушками. У сикхов, которые, к тому же, были не профессиональными воинами, а недавними крестьянами, были только сабли, луки, мушкеты. Зато они, тоже как обычно, намного превосходили противника моральным духом и верой в конечную победу. Наваб был тяжело ранен, а его брат и племянник пали в бою вместе с сотнями воинов. Сикхи прорвались на помощь Банде. После этого можно было наступать на Сирхинд.

Вазир-хан сперва пробовал прибегнуть к хитрости. Он подослал в лагерь Банды племянника своего дивана-брахмана Сучананда с тысячью воинов. Эти люди должны были убедить Банду в своей лояльности, а при удобном случае — убить. Банда, возможно, по простоте душевной поверил и принял их в войско. Тем временем фаудждар собрал всех могольских данников на своей территории и объявил против сикхов джихад. Его объединённое войско составляли 15–20 тыс. человек, включая 7–8 тыс. мушкетёров, 5–6 тыс. всадников, отряд слонов и несколько пушек. Могольские источники сильно (вдвое) преувеличивают численность войска Банды: у страха глаза велики. По сикхским же источникам, сикхов было примерно столько же, сколько могольских воинов. Правда, у Банды не было ни слонов, ни пушек, ни достаточного количества лошадей, а большинство воинов не получали регулярного жалованья. Это были либо преданные последователи сикхизма, либо наёмники, либо просто мародёры, которые присоединились к Банде с одной целью — пограбить. Зато у сикхов были компетентные военачальники, служившие ещё гуру Гобинду, — Бадж Сингх, Фатех Сингх, Карам Сингх и другие.

Вазир-хан вышел из Сирхинда с войском, чтобы дать сикхам решающее сражение. Оно состоялось 12 мая 1710 г. при Чаппар Чири. Сикхи столкнулись с упорным сопротивлением; неудивительно, что многие из тех, кто присоединился к ним только ради грабежа, побежали. Затем сикхские позиции оставила тысяча воинов, подсланных самим Вазир-ханом. Увидев это, Банда, как Гобинд под Анандпуром, понял, что переломить ситуацию может только появление на поле боя самого лидера, и лично возглавил атаку. Могольские хронисты XVIII в. не скупилась на ругательства в адрес сикхов. Так, автор летописи *Мунтахаб-уль-лубаб* («Избранное из избранного») Мухаммад Хашим Хафи-хан на половине одной страницы успевает назвать их: «неверные» (*kuffār*), «те бесчестные люди» (*ān qaum-i-badnām*), «сборище тех сбившихся с пути» (*majma'-i-ān gumrāhān*), «то скопище бесславных» (*ān gurūh-i-ghairmashhūr*) и т.п. [Khafi Khan, 1874, p. 652]. Однако даже он восхищается мужеством и самопожертвованием *кафиров* («неверных») и прямо пишет, что при Чаппар Чири большую храбрость (*tahavvur*) продемонстрировали обе стороны — но особенно сикхи. «Подняв сабли, они бросались на слонов и одного-двух свалили. Много мусульман достигли степени мугенигества, а немало неверных попали в ад» [Khafi Khan, 1874, p. 653]. Вазир-хану не помогла даже артиллерия: «пороховая империя» Моголов теряла силы. Сикхи бросились прямо на вражеские пушки; конечно, полегло их немало, но орудия они захватили. Наконец Вазир-хан был сражён мушкетной пулей и его войско победоносно. В руки сикхов попало много трофеев.

Преследуемые победителями, враги в беспорядке бежали 20 км до самого Сирхинда. Сикхи подошли к городу вечером и осадили. Ночью семья Вазир-хана и мусульманская знать бежали в Дели. Осаждённые обстреливали подступивших сикхов из установленных на городских стенах пушек, щедро сея среди них смерть, но те, в конце концов, взломали двое ворот, и Сирхинд пал. Сикхи захватили могольской казны и всякого добра на 2 *крора*¹ рупий.

Так сикхи перешли к наступательным действиям. Если прежде они лишь отбивались от врагов сами (будь то в Анандпуре или других местах), то теперь заставили отбиваться врагов.

Подавляющее большинство могольских летописцев, которые оставили нам детальные повествования о восстаниях против империи, хотя и мнили себя историками, не давали себе труда задуматься о причинах столь широких движений. Для них повстанцы были просто «подлецы» (*mal'ūn*) [Kamwar Khan, 1980, p. 93; Khafi Khan, 1874, p. 673] и т.п. При этом поскольку большинство восставших составляли индуисты или сикхи, к ненависти к ним как к мятежникам примешивалась ненависть как к «неверным». Эмоциональное

¹ Крор (санскр.) — число 10 млн. в традиционной математической системе Индии. Как и лакхами, крорами очень широко пользуются и сейчас.

неприятие антиимперских восстаний перекрывало летописцам возможности рационального анализа этого социального явления. Таких вдумчивых наблюдателей, как делийский алим Шах Валиулла (1703–62), видевший причину упадка султаната в чрезмерном потреблении знати, были единицы.

Хронист Хафи-хан обвиняет взявших Сирхинд сикхов в зверствах по отношению к мирному мусульманскому населению (будто бы вспарывали животы беременным женщинам и т.п.) [Khafi Khan, 1874, p. 654]. Историком надо сделать серьёзную поправку на то, что, будучи мусульманином и сторонником империи, этот хронист писал с большим предубеждением. Однако в глазах сикхов Сирхинд действительно воплощал зло, и ещё Гобинд предсказал, что этот город будет полностью разрушен. С тех пор каждый сикх, посещая Сирхинд, поднимал один-два кирпича с развалин могольской крепости и бросал в реки поблизости.

Аналогично с обвинениями Хафи-хана, будто сикхи оскверняли мечети и гробницы уважаемых мусульман [Khafi Khan, 1874, p. 654]. В антимогольском движении в Панджабе участвовали не только сикхи, но и индуисты и немало мусульман. Часть этих мусульман даже перешла в сикхизм (среди них наместник соседнего района Диндар-хан и ахбарнавис Сирхинда Мир Насир-уддин), причём иные — из страха или чтобы добиться расположения Банды; однако последний никого не обращал в свою веру силой. Напротив, он заверял мусульман, что не будет чинить притеснений. Это Моголы нередко ставили пленных (в том числе сикхов) перед выбором: ислам или смерть; сикхи же никогда не пытались свою религию кому-то навязать.

Шло массовое обращение в сикхизм и индуистского населения районов, по которым шёл Банда. Когда читаешь хронику Хафи-хана, становится ясно, что этот процесс был вызван не только широким недовольством могольской властью, но и межкастовыми конфликтами. К Банде присоединялись многие низкокастовые индуисты, которые тут же начинали сводить счёты с представителями более высоких каст [Khafi Khan, 1874, p. 660–661]. Кстати, сегодня штат Панджаб лидирует в Индии по доле «неприкасаемого» населения — во многом из-за привлекательности сикхизма как исходно бескастовой религии.

Захват Сирхинда и его области означал, что сикхи впервые стали хозяевами на обширной территории. Если они хотели сохранить её, пора было создавать собственные органы администрации. Банда так и сделал. Бадж Сингха, который сопровождал его ещё из Нандерха, он назначил сикхским фаудждаром Сирхинда; другим соратникам — Фатех Сингху и Рам Сингху — поручил управлять Саманой и Тханесаром. Раздавать территории в сердце Могольского султаната было чем-то неслыханным. Мусульманская знать имела право возмущаться, перефразировав раненого псковича из фильма «Александр Невский»: «*На сикхских воевод Хиндустан расписывают — кому Сирхинд, кому Тханесар!*».

Под контроль Банды попала обширная территория от Карнала до Лудхианы с доходом в 36 лакхов рупий в год. В этом «освобождённом районе» Банда провёл радикальную аграрную реформу: конфисковал земли у многих заминдаров-мусульман, распределив их между крестьянами. Эта реформа отвечала интересам земледельческой касты джатов — хребта сикхского восстания. К тому же Банда резко снизил подати: заменил могольский земельный налог (доходивший до половины урожая) взиманием десятины (для части крестьян, которые являлись сикхами, то и был дасвандх!). Эти меры позволили известному сикхскому историку Хушвант Сингху сравнить восстание сикхов с Жакерией во Франции [Singh Kh., I, p. 121]. Другой известный сикхский историк, Ганда Сингх (конечно, сильно упрощая), называет Банду «социалистом по мышлению и коммунистом по применяемым методам» [Singh, Ganda, 1956, p. 34].

Восстание сикхов было самым серьёзным, но не единственным антимогольским выступлением в Панджабе в это время. Против империи поднялись племена *бхатти*, *кхаралов* и *гуджаров*, а также заминдары на юге, в Мултанской субе. Все эти выступления придавали сикхам решимости и храбрости, хотя связей с другими повстанцами у них, похоже, не было. Главной социальной опорой Банды, как до него Гобинда, были джаты — земледельцы, а также мелкие и средние землевладельцы (которых в могольских источниках именовали заминдарами). Они обеспечили ему приток людей в войско, снабжали его оружием и конями.

Банда всячески поощрял аграрные выступления. Однажды к нему в Садахуру пришла делегация крестьян-индуистов, которые жаловались на гнёт со стороны землевладельцев-мусульман. По легенде, Банда приказал своему телохранителю застрелить жалобщиков. Когда его спросили, почему угнетённые заслужили расправу, он ответил: «*Вас так много, а ваших угнетателей так мало. Не позорно ли, что вместо того чтобы свергнуть их общими, пусть и насильственными, действиями, вы жалуетесь на собственную беспомощность?*».

Подчёркивая преемственность по отношению к гуру, Банда Бахадур принял титул *сага надшах*, что не даёт покоя могольским летописцам [Khafi Khan, 1874, p. 652, 653]. В новых условиях этот титул уже явно звучал как титул светского правителя сикхской общины, а в более широком смысле — всей территории под властью сикхов. В феврале 1710 г. Банда выбрал себе столицу — город Мухлиспур, отстроил его старую крепость и дал ей имя одной из пяти бывших цитаделей Анандпура — Лохгарх. Банда объявил также о введении новой эры, которую стали отсчитывать с момента падения Сирхинда. Он принял монаршие атрибуты власти, в том числе стал чеканить собственную монету. На Востоке это всегда было одним из главных показателей независимости правителя. Так у сикхов впервые появилась своя валюта. Правда, Банда

чеканил деньги не от своего имени, а от имени гуру. На одной стороне монеты была надпись: «*Эта монета отчеканена для двух миров в честь благогестивой сабли Нанака и в честь победы, которую приносит Гобинд Сингх — истинный царь царей*». Надпись была сделана на фарси, который служил языком двора и делопроизводства в Могольском султанате по всей Индии. На обратной стороне выбили фразу: «*Отчеканена в Городе спокойствия, ознагая счастье человека и великие благословенного трона*».

Банда понимал, что достигнутый успех в борьбе с Моголами — временный. На севере Индии в это время отсутствовала главная имперская армия во главе с самим Бахадур-шахом. Сначала он подавлял мятеж последнего из оставшихся в живых братьев — мятежного шахзады Кам Бахша. В январе 1709 г. шах победил и убил брата. Воспользовавшись его отсутствием на севере, стали проявлять непокорность некоторые князья Раджпутаны, и Моголам пришлось заняться ими. Однако было ясно, что как только шах разделается с раджпутами, следующие на очереди — сикхи.

Поэтому, не теряя времени, Банда пересёк Ямуну, вторгся в Гангский доаб (двуречье Ямуны и Ганги), напал на Сахаранпур к северу от Дели. Местная знать, среди которой было много афганцев, требовала от фаудждара Али Мухаммад-хана действовать решительно и укреплять город, но тот предпочёл бежать с семьёй и имуществом в столицу, бросив город на произвол судьбы [Khafi Khan, 1874, p. 654]. Банда взял Сахаранпур, после чего направился к югу на Джалалабад. Сперва он отправил фаудждару города посланцев с письмом, где предложил сдаться, чтобы избежать кровопролития. Фаудждар провёз посланцев Банды по улицам на ослах и с позором выгнал из города. Сикхи ускорили марш на Джалалабад, на своём пути смели сопротивлявшихся, осадили город, но не смогли взять его из-за начавшихся муссонных дождей. Банда был вынужден вернуться в Джаландхарский доаб. Там в это время тоже поднялись сикхи — против местного фаудждара Шамс-хана. Тот объявил джихад и собрал 4–5 тыс. всадников и 30 тыс. пехотинцев. У сикхов, по свидетельству Хафи-хана, к этому времени набралось 70–80 тыс. воинов [Khafi Khan, 1874, p. 658]. Опять же — у страха глаза велики. Сикхи везли с собой захваченные в Сирхинде пушки, а также мешки с песком для строительства переносных укреплений. Некоторое время стороны вели манёвры, а затем сикхи ловко заняли города Джаландхар и Хошиарпур.

Тем временем против Моголов поднялись и сикхи Маджхи. Их 7–8-тысячное войско захватило ряд городов. Набравшись опыта в боях с Моголами, сикхи приняли оригинальную тактику. Для защиты от вражеской конницы они стали сбивать из дерева повозки — платформы на колёсах со стенами и крышей, которые могольский летописец называет *мургал* (исходное значение этого персидского слова — «муравейник») [Khafi Khan, 1874, p. 656]. Такие «вагоны» служили передвижным укрытием мушкетёрам, которые поливали

огнём атаковую конную массу. Это очень напоминает вагенбург чешских гуситов XV в., которые держали круговую оборону и успешно отбивались от рыцарской конницы.

Между тем Банда Бахадур подступил к самому Лахору и осадил его. Наиб-назим Ислам-хан поднял на стены города пушки и совершил две вылазки, но оба раза неудачно. Сикхи грабили предместья Лахора, доходя до знаменитого сада Шалимар — места отдыха могольских шахов [Khafi Khan, 1874, p. 660]. Однако на сей раз Лахор перед сикхами устоял: спасли мощные укрепления.

Пока Банда осаждал Лахор, к нему опять присоединились тысячи индуистов из низких каст. В июле 1710 г. Банда пересёк Ямуну в районе Радж-гхата, грабя земли севернее Дели. Однако в октябре — ноябре фаудждар Джаландхарского доаба Шамс-хан со своим дядей фаудждаром Джамму разбил сикхов под городом Рахун, осадил Сирхинд и прогнал сикхов и оттуда.

По мнению историка Хушвант Сингха, прояви Банда больше решительности, сикхи вполне могли бы захватить и Лахор и Дели, и история Индии могла бы пойти по другому пути [Singh Kh., I, p. 109]. Действительно, контроль над двумя крупными имперскими городами дал бы сикхам колоссальные возможности: подъём политического престижа, овладение мощными цитаделями городов, резкое увеличение доходов (обложение налогами и пошлинами купцов, ремесленников, рынков, паломников и т.д.). Однако Банда не решился сделать бросок на твердыни империи. По-видимому, охоту отбила неудачная осада Лахора.

Тем не менее при Банде движение сикхов вышло за все рамки, мыслимые ещё недавно, при Гобинде. Из искры, брошенной последним гуру, разгорелось и забушевало такое пламя, что на огромной территории к западу от Дели под могольскими властями как бы просела почва, прямо в сердце империи зиял обширный повстанческий провал. Как отметил М. Алам: «Ход разрушения имперской власти в значительной степени определялся природой сикхского движения, которое сотрясало саму основу структуры Могольской державы и у которого имелись собственные понятия о правителе и его власти» [Alam, 1986, p. 134].

Получив вести с севера, Бахадур-шах сильно встревожился. Мощное восстание сикхов вынудило его заключить мир с раджпутскими князьями на их условиях. 27 июня 1710 г. шах внезапно покинул Аджмер (имперское владение в сердце Раджпутаны; вся Раджпутана официально считалась Аджмерской субой) и лично прибыл в Панджаб с 60-тысячной армией, призвав на помощь и лояльную часть раджпутских князей. Бахадур так спешил, что даже не заехал ни в Дели, ни в Агру. Оценив серьёзность ситуации, он вызвал наместников Дели, Авадха, Мурабада и Аллахабада с войсками. Правда, имперский вазир Муним-хан убедил Бахадура, что скорость можно сбавить: если мчаться на расправу с мятежником, о котором прежде даже ничего не

слышали, это умалит достоинство шаха. При этом Муним-хан клятвенно заверил: если кто-то думает, что эта задержка приведёт к укреплению позиций Банды или даст ему возможность ускользнуть, то он, вазир, берёт всю ответственность за поимку мятежника на себя [Irvine, 1971, I, p. 105]. Зря Муним-хан был настолько категоричен.

Выступления сикхов так напугали Бахадур-шаха, что он решил провести профилактическую меру — очистить административный аппарат султаната от потенциальных сикхов-кешдхари. 8 сентября 1710 г. шах издал фарман, в котором предписал всем индуистам на имперской службе сбрить бороды. Большинство чиновников-индуистов подчинились приказу, хотя и неохотно. Однако некоторые покончили с собой, не вынеся позора: борода служила признаком респектабельности. (Вспомним к месту, что современником Бахадур-шаха был Пётр I.)

Вместе с тем Бахадур-шах стал отходить от нетерпимой религиозной политики своего отца Аурангзеба, понимая её контрпродуктивность: он перестал материально поощрять переход в ислам заминдаров и т.п. Правда, время было упущено: центробежные тенденции в империи (речь идёт далеко не только о сикхах) были уже необратимы.

Узнав о приближении главной имперской армии, сикхи поняли, что противостоять ей на поле боя невозможно, и стали отступать. В октябре 1710 г. могольский военачальник Фироз-хан Мевати разбил два отряда «мятежников» (*maqāhir* — сикхов в фарсиязычных источниках часто именуют и так) и отослал шаху 300 голов, за что был пожалован постом фаудждара Сирхинда и шестью хилатами [Kamwar Khan, 1980, p. 103]. Сотни голов сикхов с развевающимися на ветру длинными волосами были развешаны на деревьях вдоль дороги близ Тханесара. В другой раз Моголы не рубили пленным сикхам головы, а подвесили их к сучьям деревьев за длинные волосы, оставив умирать.

Сикхи покинули Тханесар и Сирхинд и отошли в Лохгарх, где серьёзно окопались (в буквальном смысле). По свидетельству автора хроники *Тазкират-ус-салатин-гагата* («Антология чагатайских султанов», т.е. династии Моголов) Мухаммада Хашима Камвар-хана, «этот злосчастный (Банда. — К.Ф.) прислал сюда... три тысячи всадников и десять тысяч пехотинцев рыть земляные укрепления» (тоже употреблён термин *мургал*, что в данном случае уместнее) [Kamwar Khan, 1980, p. 105]. Из Лохгарха 4 декабря 1710 г. сикхи совершили дерзкую вылазку и атаковали военный лагерь шаха под Садхаурой. Враг понёс тяжелые потери, и в какой-то момент даже казалось, что Моголы проиграли. Однако соотношение сил было слишком неравным, и сикхи отступили в свою крепость.

Шах получил подкрепление, но даже после этого не осмелился атаковать Лохгарх. Бесконечные победы Банды вселили страх и суеверия, которые рас-

пространились в могольском войске очень широко. «Все от млада до велика постоянно имели гесть докладывать (шаху. — К.Ф.), что этот злосчастный (*bad'āqibat*, «тот, кто плохо кончит». — К.Ф.) подлец в колдовстве и зародействе превзошёл самаритянских волхвов. Из его знамени вылетали языки пламени, а его последователи полугают мало ран от сабель и копий. От таких нелепых ретей шах, амиры и воины весьма опегалились и пришли в нерешительность» [Kamwar Khan, 1980, p. 106]. О Банде ходили слухи, будто он обладает телом из стали и способен отклонять траекторию летящей пули. Сикхи стали являться Бахадур-шаху в ночных кошмарах. Могольская армия была деморализована. В противостоянии «Банда Бахадур — шах Бахадур» первый начинал одерживать верх.

Поэтому шах решил брать Лохгарх измором. Показательно: чтобы одолеть Банду, империи пришлось навалиться на него всей своей мощью. Конечно, вскоре в Лохгархе начался голод, осаждённому пришлось зарезать всех лошадей и других животных. Находившиеся с имперской армией купцы пытались наладить снабжение крепости: осаждённые спускали со стен верёвки, торговцы привязывали к их концам упаковки с зерном, и те втягивали их наверх [Khafi Khan, 1874, p. 672–673]. Такой поступок купцов можно было бы списать на жажду наживы (ведь продавали иные государства оружие обеим сторонам конфликта во время ирано-иракской войны 1980–88 гг.), но за него можно было и головы не сносить. Несомненно, то были тайные доброжелатели сикхов.

Сопротивление сикхов не ограничивалось Лохгархом, а шло во многих местах. Сикхи действовали очень активно, проявляя инициативу и нанося врагу серьёзный урон. Так, в декабре 1710 г. могольский военачальник Рустамдил-хан подвергся внезапному нападению сикхов и хотя перебил их немало, они тоже, по словам хрониста, «угостили многих моджахедов шербетом мугенигества» [Kamwar Khan, 1980, p. 106].

Однако в конце концов у осаждённого в Лохгархе Банды не осталось выбора, кроме как любой ценой прорываться из крепости. Некий сикх, Гулаб Сингх из касты кхатри, лицом напоминал Банду и вызвался стать его двойником (как Сангат Сингх играл Гобинда в Чамкаура). В ночь на 11 декабря 1710 г. сикхи заполнили порохом лежавший у крепости пустой ствол тамаринда и по сигналу взорвали его¹. Одновременно стали палить все пушки Лохгарха. В шахском лагере поднялась суматоха, и Банде со своими людьми удалось выскользнуть из крепости незамеченными и ускакать в холмы. Защищать Лохгарх остались Гулаб Сингх и 30 сикхов.

---

¹ Кстати, сикхи — за неимением лучшего материала — нередко изготавливали из стволов деревьев и сами пушки: выжигали сердцевину и стягивали ствол железными обручами.

На следующее утро имперские войска под началом вазира Муним-хана наконец пошли на штурм и овладели крепостью. Как с удивлением повествует хронист: «*Фанатики (fidāyān) этой заблудшей группировки¹ сражались и были преданы сабле моджахедами, а на других холмах злостастные презренные ещё сражались*» [Kamwar Khan, 1980, p. 110]. В занятом ими Лохгархе Моголы обнаружили закопанные сикхами сокровища — 20 лакхов рупий и захватили трофеи — пять слонов, три тяжёлые и семнадцать лёгких пушек. Бахадуршах созвал в своём лагере дарбар и на радостях роздал немало наград. Только вечером обнаружили, что настоящий Банда скрылся, а вместо него схвачен двойник. Шах вызвал Муним-хана и устроил ему разнос, от которого тот через два с половиной месяца умер.

После утраты Лохгарха Банда, не падая духом, разослал по всему Пятиречью *хукмнама* с приказом присоединиться к нему в священной войне. На призыв откликнулось немало сикхов. Они собрались в Киратпуре, что позволило Банде выступить против раджей Шивалика. Горные княжества Манди, Кулу, Чамба и другие подчинились Банде без сопротивления (его пытался оказать только Кахлур). В конечном счёте причиной их подчинения (как в любой империи), безусловно, была военная сила сикхов, но Банде немало помогли и его способности дипломата. Покорив горных раджей, Банда взял в жёны дочь раджи Манди; затем свою дочь предложил ему и раджа Чамбы Удай Сингх. Банда женился и на ней и имел сына Аджай Сингха. Раджи сочли политически целесообразным породниться хотя и с незнатным, но весьма удачливым завоевателем. Тот, со своей стороны, нуждался в легитимации своей власти с помощью династического брака. Ситуация нередкая в истории — так император Австрии Франц I в 1810 г. отдаст в жёны безродному корсиканцу свою дочь Марию-Луизу.

С включением в сикхскую политику зависимых княжеств Банда Бахадур превратил её в мини-империю. Интеграция в Могольский султанат раджей Шивалика, как и других категорий крупных заминдаров (князей Раджпутаны, например), никогда не означала, что конфликт между ними и Моголами исчерпан. Горные раджи признавали верховную власть султаната только благодаря его подавляющей военной силе и политической стабильности, которую он принёс. С подъёмом сикхов раджи увидели в них ещё один центр силы в регионе, а даже во время укрепления империи при Акбаре они (и не одни они) в случае появления ещё одного центра силы делили свою лояльность между центрами [Alam, 1986, p. 155, 161]. Конечно, вспомним, что сначала большинство горных раджей пытались подавить возникающий центр силы. Однако раз уж он возник и укрепился, имело смысл не помогать Моголам

¹ В персидском оригинале *фирка-йе-дала*, что часто переводят как «еретическая секта», хотя эти оба европоцентричных термина неверны.

прикончить его, а начать лавировать между двумя центрами ради собственной выгоды. Если при Гобинде раджи посылали войско за войском на Анандпур, то теперь многие саботировали приказы из Дели мобилизовать свои отряды на расправу с сикхами. Напротив, когда сикхам приходилось искать убежища в горах, иные из раджей препятствовали могольским карателям преследовать их.

Впрочем, раджи все яйца в одну корзину не клали. Помогая Банде, некоторые на всякий случай, чтобы показать свою лояльность империи, отсылали могольским наместникам головы сикхов. Откуда же они доставали эти головы? Они их... просто собирали на полях сражений между сикхами и Моголами.

Из Шивалика Банда совершал набеги на равнину, но Моголы загнали его в горную область Джамму, которую он, по счастью, с юности знал как свои пять пальцев. В 1711 г. Моголы отбили Сирхинд. Шах был настолько разгневан на сикхов, что санкционировал настоящий геноцид: приказал убивать их, где только найдут. Часть сикхов обратили в рабство и продавали могольским воинам на лошадином рынке Лахора.

Бахадур-шах собирался лично возглавить масштабную экспедицию в горы Шивалика, чтобы отбить у раджей охоту саботировать его фарманы и, более того, помогать сикхам. Однако в феврале 1712 г. он скончался. На Павлиний трон сел его безвольный сын, которого уже в начале 1713 г. сверг племянник Бахадур-шаха Фаррухсийяр. Борьба за власть на самом верху была на руку сикхам. Вскоре Банда спустился с гор и отвоевал Садхауру и Лохгарх, который вновь сделался его столицей, правда всего на полгода. Главными врагами сикхов стали новый назим Лахора Абд-ус-Самад-хан и его сын фаудждар Джамму Закария-хан. Абд-ус-Самад был выходцем из Бухары и, что характерно, принадлежал к роду шейха суфийского тариката Накшбандийя; как мы помним, из всех тарикатов в этом на «неверных» смотрели наименее дружелюбно. Уже в октябре 1713 г. Банда был вынужден оставить Лохгарх и опять скрываться в холмах Джамму. Здесь он женился ещё раз и у него родился сын по имени Ранджит Сингх. Так же будут звать великого правителя сикхов, который объединит Панджаб в начале XIX в.

Война тем временем продолжалась с переменным успехом. Иногда могольские военачальники терпели неудачи, иногда с торжеством слали в Дели сотни сикхских голов. Наконец шах Фаррухсийяр воспользовался тем, что в Дели по-прежнему жила вдова Гобинда Мата Сундари. Он заточил её в тюрьму и велел использовать свой авторитет и написать Банде письмо с призывом сложить оружие. Банда дал вдове знать, что её долг — пострадать, если надо, за дело хальсы. Однако Сундари объявила Банду послушником, узурпатором, который сам метит в гуру, и призвала сикхских военачальников уйти от него. Многие так и поступили: слишком велик был авторитет вдовы последнего гуру, а Банда — напомню — формально даже не был членом хальсы.

Банда Бахадур столкнулся с кризисом легитимности: те из военачальников, кто остался, начали требовать, чтобы он прошёл обряд посвящения, ел мясо, сменил свои красные одежды на чёрное одеяние сикхских воинов. Банда не мог поступиться принципами, и в результате его оставила ещё часть войска. Раскол произошёл в октябре 1714 г. Отделившиеся называли себя *татва хальса* («истинная хальса»), а сторонники Банды — *бандаи сикх* (сикхи Банды). И тех и других было примерно по 15 тыс. человек. Существует версия, что причиной раскола была попытка Банда Бахадур объявить себя одиннадцатым живым гуру. Действительно ли он пытался сделать это — спорный вопрос.

Разумеется, у религиозного раскола были глубинные социально-экономические причины. По предположению И.М. Рейснера, те, кто отвернулся от Банды, были умеренными торгово-ростовщическими элементами [Рейснер, 1961, с. 208, сн. 88]. Это подтверждает на историческом материале М. Алам: происходило постепенное отчуждение от Банды городских сообществ, особенно купечества (речь идёт не только о *татва хальса*, но и об индуистской части населения Панджаба). Деловые предприятия многих купцов были тесно связаны с имперским порядком, с политической стабильностью, а сикхи этот порядок разрушали, пытаясь навести свой. Их войны начали приносить ощутимые убытки купцам, *сахукарам* (ростовщикам) и некоторым кастам ремесленников, например ткачей. Соответственно, купцы стали спонсировать усилия властей по подавлению восстания [Алам, 1986, р. 150–152]. Ремесленники, большинство которых составляли ткачи, вообще сами взяли за оружие и вступили в войско упомянутого Шамс-хана [Khafi Khan, 1874, р. 658]. Сикхи рушили их предпринимательство. Что касается *татва хальса*, то в её составе, действительно, было и немало землевладельцев — например, таких, кто отошёл от восстания просто под влиянием неудач Банды.

Любопытно, что «истинной хальсой» назвали себя умеренные, а не крайние члены сикхского движения. История даёт, пожалуй, больше противоположных примеров: при расколе какой-то партии, движения истинными приверженцами бывшего общего дела объявляет себя часть членов движения как раз с более радикальными, подчас экстремистскими взглядами. Например, Истинная ирландская республиканская армия (после раскола ИРА в 1997 г.); как ревизионистскую организацию клеймили II Интернационал создатели Коминтерна и т.д. У сикхов вышло наоборот.

Удовлетворённый сикхским расколом, шах прислал командирам *татва хальса* оружие и даже взял 5 тыс. из них на службу к назиму Лахора. Чтобы углубить раскол, Моголы не чинили сикхам препятствий во время празднования дивали в Амритсаре в ноябре 1714 г.

Однако Банда продолжал борьбу, умея выжидать и использовать слабости противника. Он имел немалую поддержку населения области Сирхинда —

благодаря своей аграрной реформе в недолгую бытность сикхским падишахом. Кроме крестьян и землевладельцев-джатов сикхи могли рассчитывать, в частности, на поддержку *банджара* — касты бродячих торговцев зерном и другими товарами (иногда их называют «индийскими цыганами»). Банджара проводили сикхские отряды одним из известных тропами через густые джунгли, тайно проносили оружие и продовольствие осаждённому в горах сикхам (например, в июле 1715 г. в Кангре). У банджара имелся и свой интерес: повышение могольскими откупщиками налоговых ставок вело к росту цен на зерно, которое эти торговцы скупали у производителей для перепродажи.

Однако к этому времени Моголы начали вновь перетягивать на свою сторону раджей Шивалика. Эта политика, которую инициировал новый вазир, выдающийся представитель высшей знати Зульфикар-хан, сопровождалась щедрой раздачей хилатов. Моголам удалось привлечь к себе даже Бхуп Пракаша, раджу Сирмаура — княжества, где когда-то в Паонте нашёл убежище Гобинд. Между сикхами и людьми раджи произошли стычки. К концу 1714 г. Банда потерял почти все базы в горах, что для сикхов было очень опасно. К этому же времени империя стала менять политику в отношении ряда социальных групп равнинного Панджаба. Особое место здесь занимали кхатри — вторая по значению каста в сикхской общине. Скорректировав своё отношение к кхатри, Моголы стали раздавать уважаемым членам этой касты должности, включая мансабы, — интегрировать их в имперский аппарат, лишая стимулов поддерживать сикхское движение, а тем более входить в него.

Таким образом, в географическом и социальном плане кольцо вокруг сикхов сжималось.

Однако в начале 1715 г. Банда вновь заявил о себе, захватив городки Каланаур и Батала. Тогда назим Лахора Абд-ус-Самад-хан собрал крупное войско и двинулся на сикхов, рассчитывая окончательно решить сикхский вопрос.

Банда отступил к северу от Амритсара, в крепость под Гурдаспуром, приказал вырыть вокруг неё ров и затопить его и окрестности водой из ближайшего ирригационного канала. Это было сделано, чтобы нейтрализовать самое грозное оружие Моголов как «пороховой империи», её *ultima ratio* — артиллерийский парк. Так сикхи применили нидерландскую тактику: неоднократно в истории своей страны голландцы сами разрушали собственные дамбы, чтобы затопить страну и не пустить в неё захватчиков.

Под Гурдаспуром Банду и осадила имперская армия под началом Абд-ус-Самад-хана. Осада длилась восемь месяцев. Обратной стороной «водной тактики» оказалось то, что сикхи отрезали самим себе пути снабжения продовольствием. Моголам достаточно было сидеть и ждать, пока голод сделает своё дело.

И всё же Банда успел создать себе такую страшную репутацию, что могольские военачальники молились Аллаху, чтобы он бежал из окружения. Не хотели искушать судьбу. Тем не менее Абд-ус-Самад, чтобы не дать осаждённым вырваться, возвёл вокруг искусственного острова, в который превратилось укрепление сикхов, стену. Страх перед колдовскими способностями Банды был так силён, что даже кошек и собак, которые случайно забредали из его лагеря, могольские воины истребляли стрелами и камнями: боялись, что Банда попытается спастись, обернувшись животным [Khafi Khan, 1874, p. 764].

Чтобы раздобыть пищу для воинов и траву на корм скоту, сикхи совершали дерзкие вылазки в стан врага, в том числе по ночам. Однако вскоре пришлось зарезать волов, лошадей, даже запрещённых коров, а мясо в отсутствие дров приходилось есть сырым, что вело к дизентерии. Ели также размельчённые в муку кости животных и древесную кору [Khafi Khan, 1874, p. 762–763]. Восемь тысяч сикхов умерли от голода и болезней, тысячи погибли в ежедневных стычках.

Наконец 7 декабря 1715 г. Абд-ус-Самад, видя, что измождённые голодом защитники практически прекратили сопротивление, велел идти на приступ и завладел крепостью. По другой версии, Банда сам открыл ворота и вышел сдаваться в плен, велел сделать то же всем своим соратникам. Как замечает сикхский хронист, такова была воля гуру. При этом все сикхи подчинились беспрекословно — настолько высок был авторитет Банды. Впрочем, держаться уже не было сил. Моголы, как и прежде, взяли числом, а не умением.

Империя жестоко отомстила за упорное сопротивление. Две-три тысячи сикхов Абд-ус-Самад казнил тут же: «Удобил ту обширную равнину лохани, наполненной кровью» [Khafi Khan, 1874, p. 764]. Головы убитых набили соломой, насадили на пики и понесли в процессии. Между головами несли дохлую кошку в знак того, что даже дома сикхов разорены дотла. Впереди процессии везли Банду, которого издевательски обрядили в расшитое золотом одеяние и алый тюрбан и поместили в железную клетку на спине слона (как за 40 лет до него везли на расправу Тег Бахадура). За Бандой на верблюдах без сёдел везли 740 сикхов, включая жену Банды и трёхлетнего сына Аджай Сингха. Тем не менее Моголы по-прежнему так опасались Банду, что к нему был прикован воин, который получил инструкцию: если пленник попытается бежать, заколоть его кинжалом. Пленных провели по улицам панджабских городов, в том числе Лахора, где мусульманское население бросало в них комья грязи и камни с крыш домой.

29 февраля 1716 г. колонну пленников пригнали в Дели к шаху. Ближайшим соратникам Банды нахлобучили на головы дурацкие колпаки из дерева, «чтобы придать им странный и жалкий вид» [Kamwar Khan, 1980, p. 218]. Однако, как свидетельствуют все очевидцы, сикхи не выказали уныния, а,

напротив, с воодушевлением пели гимны из Гуру Грантх. Их провели мимо шаха, после чего Банду, его семью и помощников заточили в крепости.

Начались казни. Каждый день перед резиденцией столичного котвала Сарбарах-хана (недалеко от площади Чандни Чоук) и в районе базара казнили по 200–300 сикхов [Khafi Khan, 1874, p. 765]. На палачей свалилось столько работы, что им не раз приходилось затачивать то и дело тупившиеся сабли. Свидетелями этих казней стали, в числе прочих, члены посольства британской Ост-Индской Компании во главе с Джоном Сёрманом, которые приехали к шаху из Калькутты с богатыми дарами просить расширения торговых льгот. По их свидетельству, было *«весьма примечательно, с каким смирением они (сикхи. — К.Ф.) покорялись судьбе, и никто так и не отступил от этой новой религии»* (цит. по: [Singh, Ganda, 1956, p. 39]). Сикхи показали полное отсутствие страха смерти и весело говорили палачу: *«О мукт (освободитель (пандж.). — К.Ф.), убей сначала меня!»*. Тайно исповедовавшие сикхизм кхатри пытались спасти жизнь Банды, суля крупные суммы могольским чиновникам, но тщетно. Власти предлагали каждому сикху помилование, если тот отречётся от своей веры в пользу ислама, но этого не сделал ни один. Известен случай, когда шах помиловал юношу, мать которого настаивала, будто он не из сикхов, а затащен в их лагерь насильно. Однако юноша заявил палачу: *«Моя мать лжёт. Я сердцем и душой — один из тех, кто верит в своего наставника (муршид; персидский эквивалент термина гуру) и жертвует ради него жизнью. Быстро отправь меня вслед за товарищами»* [Khafi Khan, 1874, p. 766]. Его требование было исполнено.

9 июня 1716 г. настал черёд Банды. Сикхского лидера и 26 его ближайших помощников до сих пор щадили — под пытками старались выведать сведения о сокрытых богатствах. Их снова провели по улицам Дели и пригнали на юг города, к Кутб-минару, где провели вокруг гробницы Бахадур-шаха — чтобы показать, что тот восторжествовал-таки над сикхами, пусть и посмертно. Здесь сикхов казнили одного за другим, включая Бадж Сингха и Али Сингха. Наконец Банду выволокли из клетки, вновь издевательски вырядили в богатые одежды, а вокруг «почётным караулом» держали головы его сторонников на пиках. Банде тоже предложили выбор: ислам или смерть. Его трёхлетнего сына Аджай Сингха посадили к нему на колени и потребовали, чтобы отец перерезал ему горло. Тот отказался, и палач разрубил ребёнка на части, бросив его сердце в лицо Банды¹. Ещё один малыш-мученик. Затем

¹ Индийский историк Сайид Мухаммад Латиф даёт другую версию: будто Банда *«подгнился без малейшего колебания»* [Latif, 1964, p. 280]. Его книгу «История Панджаба» (первое издание — 1891 г.) отмечу особо — как отличающуюся антисикхской направленностью. Так, не осуждая сикхских гуру прямо, автор вплетает в изложение эпизоды и факты, которые, складываясь вместе, создают их малопрятный образ. Например, о Гобинд Сингхе он пишет, будто тот устроил жертвенный огонь богине Кали по собствен-

настал черёд самого лидера общины. Ему выкололи глаза, отрубили кисти и ступни, рвали тело раскалёнными щипцами и наконец отрубили голову. Хронисты сходятся во мнении, что Банда мужественно вынес пытки. Согласно одной сикхской версии, его убили не сразу, а сначала ослепили. Якобы после этого он предсказал: «Если меня убьют, то конец убийцы будет таким же». В 1719 г. временщики братья-сайиды ослепят шаха Фаррухсийяра, два месяца продержат в темнице и наконец удавят.

Сразу после гибели последнего гуру сикхской общине повезло с сильным и авторитетным лидером. Преемник Гобинд Сингха Банда Бахадур сумел организовать сикхов на небывалое по мощности и радикальное по целям восстание против империи. Если в XVII в. община лишь пользовалась самоуправлением и гуру по сути выступали зависимыми от империи князьями, то при Банде сикхи впервые создали, выкроили для себя в Панджабе полностью независимую политию, да ещё занимавшую большую площадь (более 25 тыс. кв. миль от Карнала на востоке до Лахора на западе). Благодаря аграрной реформе Банда как новый правитель этой политики привлекал на свою сторону всё большее количество представителей земледельческих и низших каст. Известный сикхский историк Гопал Сингх правомерно называет Банду первым сикхским строителем империи, а также великим героем индуистов, поскольку он освободил их (пусть временно) от могольского гнёта [Singh, Gopal, 1988, p. 354]. Вместе с тем не будем забывать, что Банду поддержало немало мусульман, включая землевладельцев.

Движение сикхов при Банде Бахадуре было логическим развитием движения при Гобинд Сингхе. Несмотря на все ожесточённые битвы с раджами Шивалика и Моголами, последний гуру лишь подготовил мощный антиимперский взрыв, а прогремел он уже при Банде. Думаю, это случилось бы при самом Гобинде, не погибни он от кинжала убийцы.

Значение Банде Бахадуре в сикхской истории заключается не только в его выдающихся лидерских способностях, в том, что он сумел поднять на масштабное восстание сикхов и примкнувшие к ним элементы, недовольные имперским порядком. Банда пошёл дальше Гобинда и порвал с верховной властью Могольского султаната, воплощая на практике принцип *Радж карега*

ной инициативе, отрубил голову сикху-добровольцу и бросил её в огонь [Latif, 1964, p. 262]. Рассказывая о гибели Гобинда, С.М. Латиф настаивает, что убили его из личной мести: якобы какой-то патхан доставал для гуру коней, а когда Гобинд не захотел платить за них и патхан в возмущении был несдержан на язык, гуру снёс ему саблей голову, за что сыновья патхана и отомстили [Latif, 1964, p. 268]. Описывая войны Банды, С.М. Латиф не критически становится на точку зрения могольских хронистов (будто сикхи, эти «ненасытные вампиры», резали, душили, сжигали живьём и т.п.) [Latif, 1964, p. 274–275]. Пропадает охота читать такого «историка»: веры ему нет.

хальса, который последний гуру лишь сформулировал. То был шаг вперёд по сравнению с идеей широкой автономии, выраженной Гобиндом в *Зафарнаме*. Здесь Банда опередил и всех других антимогольских лидеров повстанцев, включая маратхского чхатрапати Шиваджи и его преемников, никто из которых не видел противоречия между своей властью в регионах и сохранением верховной власти империи как общеиндийской политической структуры.

Специфика Банда Бахадура состоит и в том, что это первый **светский** лидер сикхской общины. Несмотря на принятие им титула *сага надшах* и — возможно — даже притязания на гурта, образованное им княжество в отличие от княжества сикхских гуру не носило теократического характера. Конечно, сикхов не переставали вдохновлять на борьбу принципы, заложенные гуру Гобиндом в основание хальсы, прежде всего — борьба с гнётом как религиозный долг (ставшая идейным основанием борьбы за собственную политику); существовал у них и гуру — в виде книги. Однако в глазах, пожалуй, большинства сикхов Банда остался лишь правой рукой умершего Гобинда, но не духовным преемником его как вероучителя. Гуру Гобинд Сингха правомерно назвать Моисеем сикхской истории, а Банда Бахадура — её Иисусом Навином. В первом случае — духовный (впрочем, и светский) лидер общины, законодатель; во втором случае — светский военный лидер, возглавивший борьбу общины за расширение места под солнцем после смерти выдающегося религиозного авторитета. Кстати, можно найти, пусть не совсем чёткую, параллель с Исходом из Египта: Гобинд вывел сикхов из осаждённого Анандпура.

Восстание Банды 1710–16 гг. потерпело поражение. Во-первых, империя ещё была в состоянии нанести ответный удар. Во-вторых, от сикхов, обеспокоенные размахом их движения, отвернулись некоторые социальные слои — часть городского купечества и ремесленников, часть землевладельцев.

Разгромив Банду, перебив и казнив его сторонников, могольские власти успокоились: по их мнению, теперь община сикхов уж точно обезглавлена (даже физически), страху на сикхов нагнали немало. В краткосрочной перспективе так оно и было, но в средне- и тем более долгосрочной перспективе курс репрессий вновь окажется контрпродуктивным. Массовые казни пленных сикхов в имперской столице — первые в их истории — серьёзно укрепили восприятие сикхами самих себя как общины мучеников. Если не считать сикхов, принявших смерть на поле боя, прежде мучениками почитались только три гуру, два младших сына Гобинда и несколько сикхов, казнённые вместе с Арджаном и Тег Бахадуром. Теперь ореолом мученичества были окружены сотни людей.

Войны Гобинд Сингха и Банда Бахадура были только началом долгого пути сикхов к обретению независимости, их первым порывом к свободе.

ГЛАВА IV

На пути к свободе: Борьба с Моголами, Надир-шахом и афганцами (вторая – третья четверти XVIII в.)

IV.1. Борьба с Моголами и Надир-шахом

Уже с конца XVII в. империя Моголов клонилась к упадку. Собственно, именно подъём сикхов ясно показывал: подгнило что-то в Могольском султанате. Проблема распада общеиндийской империи в одном из её регионов — Пятиречье — напрямую связана с сикхами, поэтому обойти её невозможно. Эта проблема занимает в индологии видное место. Прежде чем продолжить рассказ о сикхах, сделаем небольшое историографическое отступление.

Искать причины распада султаната стали ещё современники, видя эту проблему в религиозном и морально-этическом свете. Сторонники империи (например, могольские летописцы XVIII в.) объясняли упадок просто успешным мятежом «неверных», её противники (маратхи, сикхи) — наоборот, победой сил добра над силами гнёта. Среди апологетов империи выделяется уже упомянутый алим Шах Валиулла, который усматривал причину упадка в нарушении социального равновесия, в неумеренном потреблении общественного богатства могольской знатью.

В европейской науке первыми искать причины гибели султаната стали британцы в XIX в. — ведь свою империю они возводили на его руинах. Европейские завоеватели Индии объясняли крах своих среднеазиатских предшественников присущей восточным обществам деспотической формой правления, а в частности — нетерпимой социально-религиозной политикой Аурангзеба и усилением налогового гнёта, что вызвало повсеместные войны и финансовое истощение. Данная точка зрения стала господствующей в британской (и колониальной индийской) историографии XIX — первой половины XX в. Характерный пример — 6-томная «Кембриджская история Индии» как квинтэссенция британской индологии этого периода.

В независимой Индии центральное место в изучении могольской эпохи принадлежит научной школе Алигархского Мусульманского университета. Её крупнейший представитель Ирфан Хабиб — автор концепции «джагирного кризиса». В содержательном плане эта концепция развивает прежние представления об упадке империи как экономическом крахе. По мнению И. Хабиба, Моголы по сути подрубили сук, на котором сидели: поскольку шах каждые три-четыре года перемещал джагирдаров на новое место, они были заинтересованы только в том, чтобы успеть выжать из податного населения своего джагира как можно больше средств. Сверхэксплуатация вела к обнищанию крестьянства и восстаниям, на подавление которых Моголам приходилось изыскивать новые средства (порочный круг) [Habib, 1963].

Отечественные индологи рассматривают проблему распада империи в рамках марксистской парадигмы. В советское время дискуссии велись в контексте споров вокруг общей проблемы формационной принадлежности индийского общества XVII–XVIII вв. И.М. Рейснер, В.И. Павлов, А.И. Чичеров, К.З. Ашрафян считали этот период эпохой разложения в Индии феодального строя и зарождения капиталистических отношений (хотя степень присутствия зачатков капитализма оценивали по-разному). Соответственно, главной причиной падения Моголов они считали «разложение военно-ленной системы», «укрепление частной феодальной собственности» и появление «условий для экономической зависимости земледельцев от собственников земли» [Ашрафян, 1965, с. 295]¹. Распад султаната мыслился как отражение коренных сдвигов в социально-экономическом строе Южной Азии. Е.Ю. Ванина тоже считает крушение империи связанным с изменениями в социально-экономических отношениях, хотя к оценке степени развития феодализма подходит осторожнее [Ванина, 1993, с. 163].

Противоположного мнения придерживаются К.А. Антонова и Л.Б. Алаев. По мнению К.А. Антоновой, генезис капитализма в Индии XVII–XVIII вв. ещё не происходил, а продолжал развиваться феодализм; соответственно, «распад Могольской империи был одним из таких же циклических событий, каких было столь много в истории Индии, и не являлся показателем каких-то социально-экономических сдвигов в стране» [Антонова, 1973, с. 175]. Л.Б. Алаев разработал концепцию «тупика феодальности»: страны Востока в XVII–XVIII вв. не претерпели формационных сдвигов, потому что те были невозможны в принципе — Восток просто не нуждался в переходе к капитализму [Алаев, 1999]. Таким образом, эти индологи не считают, что у падения Моголов были социально-экономические причины, качественно отличавшие этот процесс от падения предыдущих индийских империй.

¹ См. также: Гамаюнов Л.С. Индия: исторические, культурные и социально-экономические проблемы. М.: ГРВЛ, 1972; Новая история Индии/ Под ред. К.А. Антоновой, Н.М. Гольдберга, А.М. Осипова. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

В последние лет 30 многие традиционные оценки пересмотрены в западной индологии. Революционным событием стал выход книги британского индолога Кристофера Бэйли «Правители, горожане и базары: североиндийское общество в эпоху британской экспансии, 1770–1870 гг.» [Bayly, 1983]. Автор показал, что дробление Могольского султаната вовсе не сопровождалось экономическим упадком; напротив, в XVIII в. многие регионы Индии переживали расцвет. Что касается войн, то они не были повсеместными и для них не были характерны масштабные операции, порой они даже стимулировали рост экономики благодаря выгодным для купцов и подрядчиков контрактам.

Для тематики настоящей работы особенно важна книга индийского историка Музаффара Алама «Кризис империи в Могольской Северной Индии: Авадх и Пенджаб, 1707–48 гг.» [Alam, 1986]. Детально разобрав отношения «имперский центр — провинции» и «провинциальный центр — заминдары» в первой половине XVIII в., автор пришёл к выводу, что крушение Моголов было вызвано не экономическим упадком или нехваткой джагиров для раздачи, а в первую очередь повышением благосостояния сельских элит — заминдаров. «В высокодифференцированном обществе развитие ремесленного производства и городов, а также интеграция региона в более широкую рыночную сеть в XVII в. несли очевидную выгоду высшим слоям местных сообществ. Сила, приобретённая вслед за процветанием их регионов, позволила им бросить вызов притязаниям Моголов... Теперь они были достаточно богаты, чтобы позволить себе приобрести оружие и продовольствие, необходимые для ведения длительной войны с Моголами» [Alam, 1986, p. 306]. Именно это заставило провинциальные власти требовать от центра всё большего объёма полномочий, что по сути было сепаратизмом наместников. Ну а на значительной территории Индии (прежде всего в зоне маратхских завоеваний) сельские элиты сумели подточить и обрушить власть этих наместников.

Итогом изучения султаната к концу XX в. в зарубежной науке можно считать книгу американского индолога Джона Ричардса «Могольская империя» из серии «Новая Кембриджская история Индии» [Richards, 1993]. Развивая точку зрения М. Алама, автор сформулировал объяснение упадка Моголов, альтернативное ставшему классическим объяснению И. Хабиба. Критикуя последнего, Дж.Ф. Ричардс указал, что после завоевания султанатов Декана Аурангзеб раздавал там мало джагиров, оставив многие земли в *халиса* (территория под прямым управлением налогового ведомства); поэтому тезис о «джагирном голоде» и, как следствие, разорении крестьянства нуждается в пересмотре. Учтя последние достижения специалистов по экономической истории, Дж.Ф. Ричардс настаивает на факте непрерывного подъёма индийской экономики с конца XVI в. Основой этого подъёма послужила могольская земельно-налоговая система *забт*, которую ввёл в 1580-е годы в Северной Индии *вазир* (первый министр) империи Тодар Мал и которая отличалась необы-

валой детализированностью. Введение этой системы резко подтолкнуло развитие товарно-денежных отношений (определённую роль сыграло и появление в Южной Азии европейцев, которые стали вливать в её экономику большое количество драгоценных металлов). Вместе с тем фактом, что Моголы установлением своей империи принесли в Индию длительный мир и порядок, это привело к улучшению экономического положения заминдаров (включая мелких владетелей и откупщиков податей), а также купечества.

Если для прояснения точки зрения Дж.Ф. Ричардса воспользоваться терминологией концепции «двух уровней собственности» Л.Б. Алаева, можно сказать, что в Индии XVII–XVIII вв. произошло укрепление позиций «податных собственников» (доминирующие касты деревни) по отношению к «верховным собственникам» (имперскому аппарату). Так Моголы (сами того не желая) заложили под свой султанат мину замедленного действия, которая рванула спустя 100–150 лет. *«Самый успех аграрной системы Тимуридов вызвал важные изменения в сельском обществе. Эти изменения требовали, но не получали, признания и адаптации со стороны режима... Долгосрочным результатом был рост у заминдаров ресурсов и уверенности в своих силах, а также способствование конфликту (империи. — К.Ф.) со знатью более высокого уровня и торговыми группами. Возможно, империя не была достаточно гибкой, чтобы справиться с социальными изменениями, которые вызвал её же собственный новый порядок. Тимуридам не удалось интегрировать заминдаров в политическую жизнь и культуру Могольской империи, да у них и не было ресурсов и воли, чтобы силой разоружить и демилитаризовать эти агрессивные воинские группы в сельской местности»* (это удалось лишь британцам — с большим трудом и далеко не сразу) [Richards, 1993, p. 296]. Иными словами, к концу XVII в. *Rax Mughalica* перестал приносить землевладельцам и купечеству выгоду, начав, напротив, тормозить их дальнейший подъём. Отсюда — восстания, нараставшие подобно снежному кому. Однако с интерпретацией И. Хабиба интерпретацию Дж. Ричардса роднит идея, согласно которой империя объективно сама подрубила сук, на котором сидела. Подход к распаду султаната как результату экономического подъёма (а не спада) и усиления сельских элит и посреднических групп отражён в последующих работах уже упомянутого К.А. Бэйли, а также в книге американского индолога Б. Стайна «История Индии» [Bayly, 1988; Bayly, 1989; Stein, 1998]¹. Как отмечает Л.Б. Алаев, власть Моголов держалась только на том, что заминдары Северной Индии не могли объединиться и вспышки их сопротивления были локальными (соотношение сил было 250 тыс. и 4,5 млн. воинов соответственно) [Алаев, 2003, с. 202]. Моголы просто «оседлали» Индию в благоприятный момент.

¹ Подробнее об историографии причин распада Могольского султаната см.: [Фурсов К., 2010].

Система забот была введена в конце XVI в. в шести северных субах империи, в том числе в Лахорской. В долгосрочной перспективе среди тех, кто выиграл от этой системы, оказались и мелкие и средние землевладельцы-джаты — в том числе сикхи. Именно в этом контексте следует рассматривать подъём сикхской общины как политики, складывание княжества гуру. Когда к концу XVII в. недовольство имперскими порядками стало нарастать, сикхские гуру смогли возглавить движение этого недовольства. В огромной степени им помогало то, что они успели приобрести авторитет одновременно духовных и светских лидеров пусть пока не очень многочисленной, но весьма сплочённой религиозной общины, которая уже имела опыт вооружённого противостояния империи. Если в Махараштре маратхи в борьбе с Моголами сплотились вокруг светского лидера Шиваджи, то в Панджабе «к услугам» повстанцев оказался лидер теократический, который в их интересах и провёл реформу 1699 г.

Правда, в первом серьёзном конфликте сикхов с империей (столкновения при Харгобинде и Шахе Джахане не в счёт) выяснилось: Моголы ещё достаточно сильны, чтобы навести порядок в субе по соседству со столицей. В этом смысле сикхам не повезло так, как маратхам, очаги движения которых находились далеко от сердца империи, на Декане; потому и пытался Аурангзеб задавить их восстание своим личным присутствием, перенеся ставку на юг, в Аурангабад, а долгое время вообще кочуя вместе с карательной армией: ведь в политике патримониального типа столица находится там, где правитель, и перемещается вместе с ним. Восстание Гобинд Сингха и Банда Бахадура было задушено, точнее — придушено на время.

После расправы над Бандой и его войском настал худший период в сикхской истории (он и хуже всего изучен). Фаррухсийяр-шах поставил задачу искоренить сикхизм физически. По изданному им фарману, каждого сикха надлежало ставить перед выбором «ислам или смерть» и убивать на месте. Составили преискуронт: голова сикха — 25 рупий, сикх-пленник — 100 рупий. Сикхских женщин обращали в наложниц или служанок. Стремясь снискать расположение шаха, наместники Сирхинда, Лахора, Джамму состязались в проведении его приказа в жизнь: устраивали облавы, брали с деревенских старост письменные обязательства не позволять сикхам селиться у них. Члены *татва хальсы* очень скоро оставили имперскую службу — и подверглись тем же гонениям.

Иные сикхи затаились: вернулись к земледелию, постриглись и отрицали принадлежность к сикхизму. Однако непримиримая часть хальсы нашла убежища: многие бежали в горы Шивалика, в пустыню (скорее, засушливую степную местность) Мальвы и лес Лакхи, когда-то приютивший гуру Гобинда. В Мальве Гобинд (как и Харгобинд до переезда в Киратпур) какое-то время тоже надёжно укрывался: на юге она смыкалась с раджпутским княже-

ством Биканер, а там уж начинается крупнейшая пустыня Южной Азии — Тхар. Населяли эту местность джаты, причём частью их были сикхи, сочувствовавшие единоверцам.

Свирепо размахивая кнутом, империя тем не менее пыталась действовать и пряником. Часть сикхов получила прощение, сохранив свои земли. Чтобы обеспечить лояльность некоторых (по-видимому, не из простого народа), империя не поспешила на джагиры.

И всё же, обезглавив общину, Моголы не добились покорности. Часть сикхов (около 2 тыс. воинов) не сложила оружия и продолжила сопротивление. В течение четырёх лет после гибели Банды сикхи из числа непримиримых не совершали крупных акций против султаната, но их небольшие отряды, одетые в синие одеяния нихангов и вооружённые чем попало, поддерживали тлеющий огонёк сопротивления Моголам. Они вели партизанскую борьбу, жили грабежом имперских чиновников и их сторонников (надо признать, не только их), доходами с гурдвар или благодаря тайной помощи от мирного сикхского населения (как правило, сахадждхари). По-прежнему были верны слова Гобинд Сингха: «Цела та змея, что свернулась кольцом».

Тем временем в 1719 г. в Дели произошло сразу три дворцовых переворота. Всесильные временщики братья-сайиды сначала свергли Фаррухсийяра, посадив шахом 20-летнего внука Бахадура. Через три месяца он стал им негоден и был свергнут в пользу его младшего брата. Наконец в октябре 1719 г. сайиды сделали шахом другого внука Бахадур-шаха под именем Мухаммад-шаха (правил в 1719–48). Новый император не стал терпеть контроля братьев: одного убил, другого разбил и пленил. Однако власть Дели над провинциями рушилась. В самой столице борьбу за влияние на шаха вели друг с другом две основные группировки мусульманской военной знати — иранская и туранская (соответственно персидского и тюркского происхождения).

Властная чехарда на самом верху была сикхам на руку: она означала, что Дели не до каких-то повстанцев в Панджабе. Партизаны-сикхи быстро смелели. Способствовало этому и то, что победитель Банды назим Лахора Абдус-Самад-хан (в должности 1713–26) был втянут в интриги при дворе и мало занимался вверенной ему провинцией.

Если бросить взгляд на Индию в целом, то процесс распада Могольского султаната в это время набирал скорость. Имперские наместники Бенгалии, Авадха, Хайдарабада, Карнатика по сути выкраивали княжества для самих себя и всё меньше считались с центром. В Западной Индии уже главенствовали маратхи, которые совершали всё более смелые грабительские походы на юг, на восток, на север, постепенно подминая под себя всё большие территории. Фактически ими правила уже не династия монархов-чхатрапати, основанная Шиваджи; её отодвинули на второй план её первые министры — *пешвы*, которые основали собственную династию. Правда, рядом с пешвами до-

вольно быстро возвысились несколько семей *сардаров* (военачальников), которые во второй половине XVIII в. создадут себе обширные княжества за пределами Махараштры.

После гибели Банда Бахадура в 1716 г. сикхская община не только какое-то время оставалась без сильного лидера, но и была по-прежнему расколота на противников и сторонников Банды — *татва хальса* и *бандаи сикхи*. Члены *татва хальсы* объясняли гибель Банды тем, будто он сошёл с истинного пути гуру Гобинда (пытался занять его место). В 1720 г. во время празднования дивали в Амритсаре рядом с Хари Мандиром даже произошли столкновения между членами *татва хальсы* во главе с Кахан Сингхом и *бандаи сикхами* во главе с Махант Сингхом и Лахора Сингхом Калалом. Однако наиболее уважаемые члены общины вмешались и погасили конфликт необычным способом: постановили решить дело единоборством между Мири Сингхом (сыном Кахан Сингха) и Сангат Сингхом (сыном Лахора Сингха). Мири положил Сангата на лопатки, но партия побеждённого не признала поражения. Тогда бросили жребий, чтобы увидеть, кому отдаст предпочтение гуру как незримая сила, постоянно пребывающая с сикхами. В воды священного бассейна бросили два клочка бумаги: на одном написали введённое Гобиндом приветствие (и боевой клич) *Вахегуруджи ди фатех*, на другом — клич Банды *Фатех дарас*. Чей клочок утонет, тот и прав. Сначала казалось, что утонут оба клочка, но внезапно второй поднялся на поверхность, и *татва хальса* победила. Часть приверженцев Банды во главе с Лахора Сингхом признала это решением гуру, но остальные ввязались в бой, в котором Махант Сингх погиб, а остальные бежали.

В 1721 г. наладили нормальное функционирование Хари Мандира. Вдова Гобинда Мата Сундари, по-прежнему жившая в Дели, прислала в Амритсар авторитетного члена общины Бхай Мани Сингха, и он сделался грантхи главного храма (это он записывал Гуру Грантх под диктовку Гобинда). При Хари Мандире по-прежнему существовал лангар, где бесплатно кормили престарелых, больных и нищих.

В 1726 г. Мухаммад-шах назначил назимом Лахора сына Абд-ус-Самада — ещё более энергичного Закария-хана (отца шах перевёл южнее, в Мултанскую субу). Это была выдающаяся личность: способный администратор (в должности 1726–45), любитель классика персидской поэзии Саади; позднее возглавил туранскую группировку при имперском дворе. Сикхам Закария-хан запомнился главным образом как жестокий угнетатель. Новый назим активизировал решение сикхской проблемы, объявил против сикхов джихад и развернул на партизан облавы. Половину 20-тысячной армии в своей субе он поделил на мобильные отряды по тысяче человек и снабдил их быстроходными конями и лёгкими пушками с остроумным персидским названием *замбурак* — «пчёлка» (перевозили эти орудия благодаря их небольшим размерам

на спинах верблюдов). Личный состав этих отрядов был по большей части узбекским по этнической принадлежности, а узбеки были известны как искусные и жестокие воины. Закария расквартировал эти силы быстрого реагирования в разных частях Лахорской субы, и скоро они загнали сикхов обратно в их убежища. Против «пчёлки» сикхи были бессильны.

Пойманных сикхов привозили на лошадиный рынок Лахора, где казнили. Вспомнив «славное» прошлое своей династии («подвиги» Тимура-завоевателя), Моголы стали сооружать из отрубленных голов сикхов пирамиды, чтобы внушить ужас их потенциальным сторонникам. Сикхи называли такие пирамиды *шахид гандж* — «сокровищницы мучеников».

Однако Закария перестарался. Рыская по провинции в ходе облав на сикхов, его мобильные отряды чинили притеснения населению независимо от вероисповедания, многократно проходя по сельской местности, топтали поля и т.д. В Пенджабе зрело недовольство. Ради устрашения власти сжигали целые деревни, подозреваемые в укрывательстве сикхов; хватали и пытали родственников сикхов (которые могли быть и индуистами и мусульманами). Неудивительно, что сельские жители начали сотнями бежать в леса и вступать в ряды сикхов [Malik, 1975, p. 38]. Своими действиями администрация назима добилась обратного: многие заминдары Маджхи стали укрывать у себя сикхов. На сикхов всё больше смотрели как на защитников от угнетательской власти Лахора.

Находить общий язык с населением сикхам помогали такие случаи. В 1727 г. сикхский отряд ограбил караван богатого купца-индуиста Пратап Чанда из г. Сялкот, присвоив шалей и ковров на несколько лакхов рупий; товары предназначались для шахской семьи. Однако выяснилось, что покупатель ещё не заплатил за них, — и сикхи вернули всё награбленное вместе с несколькими вьючными животными, которых угнали заодно [Chhabra, 1968, p. 354].

Ведя жизнь партизан в глуши (в горах Шивалика, в лесу Лакхи), сикхи не забывали о своей религии, продолжали читать и слушать киртаны. Это помогало им поддерживать моральный дух на высоком уровне.

Наконец правительство опять решило использовать пряник. В марте 1733 г. Закария-хан прислал своих представителей в убежища сикхов в предгорьях Шивалика. Назим Лахора предлагал им... джагир с доходом в 1 лакх рупий и титул наваба. Сикхи собрались обсудить предложение. Первым их импульсом было наотрез отказаться от вражеской подачи. Однако поразмыслив, они решили принять предложение, чтобы проверить, насколько искренне стремление империи к миру.

Тут неизбежно возникла проблема лидерства: поскольку навабом может быть только конкретный человек, кто именно примет на себя предлагаемый титул? Предводитель сикхов Дарбара Сингх отказался принять его, заявив:

«Гуру обещал нам независимость. Нас не может удовлетворить простое навабство». (Так оно и произойдёт, но позднее.) Другие сикхи говорили, что Моголы пытаются расколоть общину (ведь такое уже случилось при Банде) и спровоцировать междоусобную борьбу за власть, покончив с равенством. Наконец, в соответствии с принятой практикой, раскрыли наудачу Гуру Грантх и прочитали первую попавшую фразу: «*Вождём достоин быть тот, кто служит больше других*». Данному критерию отвечал воин Капур Сингх (1697–1753), который, по легенде, единственный в этом собрании не принимал участия в обсуждении, а обмахивал товарищей опахалом. Сначала он отказался, заявив: «*Что есть навабство по сравнению с погётным занятием, которым я занят в настоящее время?*». Однако в конце концов Капур Сингха уговорили — при условии, что пять сикхов потопчут немного шахский фарман, чтобы презрительно отвергнуть его, но тем самым и освятить своим прикосновением. Принимая высокий пост, новый наваб оговорил ещё одно условие: он по-прежнему будет обслуживать единоверцев в лангаре. Вряд ли Капур Сингха выбрали навабом за функцию опахалоносца. Есть сведения, что он к тому времени уже доказал лидерские качества в нападениях на могольских чиновников, перевозивших казну.

Подчеркну, что сикхи своего наваба **выбрали**: обычно могольские навабы **назначались** сверху — шахом или его назимами, практика их выборов снизу какой-то общностью людей была немыслима; другое дело, что навабами нередко становились люди, обладавшие в данной местности традиционной легитимностью. Для Дели это было всего лишь назначением чиновника, но важно то, как решили между собой вопрос сами сикхи. Здесь мы в который раз сталкиваемся с демократизмом как неотъемлемой чертой сикхской общины.

Приняв навабство и джагир, члены хальсы получили возможность вернуться в свои дома и заняться брошенными занятиями — земледелием, ремеслом, торговлей. Это была вторая со времени Харгобинда при Джахангире попытка Моголов инкорпорировать сикхов в империю. Пожалование джагира можно рассматривать как перемирие между султанатом и сикхами.

Оно оказалось недолгим.

Сикхи не собирались расходиться по домам на постоянной основе и сохранили свои отряды. Однако молодёжь была недовольна системой распределения продовольствия и корма лошадям. В том же 1733 г. наваб Капур Сингх, идя навстречу пожеланиям воинов, разделил их на две крупные боевые части. Ветераны образовали войско под названием Буддха Дал («Армия старых/ветеранов»), молодые сикхи — Таруна Дал («Армия молодых/новобранцев»). Каждое из двух войск было, в свою очередь, поделено на пять отрядов (*джатха*). Каждый отряд состоял из 2 тыс. человек и имел собственные барабан и знамя. Любой сикх имел право перейти из одного отряда в

другой. Воины не получали жалованья, питались в лангаре. Дисциплина была суровой. Несмотря на то что многие члены сикхских отрядов ещё не были профессиональными воинами, никто не смел уйти домой без разрешения (в отличие, скажем, от солдат Континентальной армии во время американской войны за независимость 1776–83 гг., которые были набраны среди фермеров и часто спешили домой на уборку урожая). Всё, что приносили для войска, поступало в общую казну.

Буддха Дал был расквартирован в Амритсаре. Воины Таруна Дал, будучи «более мобильной и более запальчивой частью хальсы» [Успенская, Котин, 2007, с. 206], были распущены по домам, но нашли их разорёнными. Тогда они стали собирать налоги — в свою пользу — в Бари доабе и прилегающих районах, о чём с назимом не договаривались. Закария-хан пытался положить этому конец: заставить Капур Сингха включить сикхов в состав имперской армии или осесть в деревнях на освобождённых от налогов землях. Во время праздника дивали 1735 г. общее собрание сикхов отвергло оба предложения. В ответ администрация назима аннулировала их джагир. Для могольских сил быстрого реагирования опять начались трудовые будни.

Диван Лахорской субы индуист Лакхпат Раи (из касты кхатри) с войском вытеснил Буддха Дал из Бари доаба, и сикхи перебрались на восток, в Мальву, но скоро вернулись в Маджху. Правда, близ Амритсара Лакхпат Раи атаковал и разбил отряды Буддха Дал. Тогда в дело вступила молодёжь — Таруна Дал. Сикхи бросились вдогонку могольской войска, настигли его уже под Лахором и навязали сражение. Моголы понесли большой урон, погибли два военачальника и племянник Лакхпата Раи.

Закария-хан был встревожен рецидивом сикхского восстания. Власти оккупировали Амритсар и не позволяли сикхам даже приближаться к Хари Мандиру. Чтобы следить за соблюдением приказа, они не поленились возвести в Амритсаре четыре смотровые башни. Многих сикхов бросили в тюрьму. Было объявлено, чтоб никто не смел укрывать мятежников или помогать им.

В связи с этими событиями погиб авторитетный грантхи Хари Мандира Мани Сингх (которому Гобинд в 1706 г. диктовал Ади Грантх). В 1738 г. он всё же выхлопотал у могольских властей разрешение отпраздновать в Амритсаре дивали, обязавшись уплатить 5 тыс. рупий пошлины. К храму начали стягиваться сикхи, но Закария-хан, видя их число, передумал. Из Лахора был прислан крупный отряд. Это отпугнуло многих паломников, на праздник мало кто попал, и Мани Сингх не смог собрать достаточно денег с верующих, чтобы заплатить пошлину. (По другой версии, Мани Сингх, узнав о приближении могольского отряда, сам предупредил собиравшихся в город сикхов, что это ловушка.) Его арестовали, поставили перед выбором «ислам или смерть», а когда он отказался, разрубили на части. Мани Сингх почитается как один из мучеников сикхизма. Ему, кстати, приписывают авторство одной

из джанам сакхи. Товарища его, Диван Сингха, колесовали. Сикхскую общину сотряс взрыв возмущения. Моголы как будто нарочно испытывали её терпение на прочность. Империя мнила себя достаточно безнаказанной, чтобы расправиться с грантхи главного сикхского храма. Однако на самом деле сама она стояла на краю пропасти.

В январе следующего, 1739 года в Северную Индию вторгся правитель Ирана Надир-шах Афшар (в этническом отношении, кстати, большинство его войска составляли не персы, а тюрки и курды, да и сам он был тюрком). Надир-шах прошёлся огнём и мечом по Панджабу до Лахора. Закария вышел из города дать отпор, но был разбит и просил пощады. Надир помиловал город за выкуп в 20 лакхов рупий и большое количество слонов. Более того, Закария признал власть Ирана; он сохранил должность назима Лахорской субы, только уже не могольского, а персидского. Вхождение Панджаба в состав владений Надир-шаха было отмечено чеканкой в Лахоре золотой монеты от его имени. Победитель продолжил путь к Дели, разоряя всё на своём пути. Вышедшая ему навстречу армия могольского Мухаммад-шаха потерпела полное поражение под Карналом. Надир-шах взял верх над эпигоном Бабура по тому же сценарию, по какому сам Бабур в 1526 г. взял верх над султаном Ибрахимом Лоди: со Среднего Востока в Северную Индию приходит армия и благодаря превосходству в огнестрельном оружии разбивает местного правителя. В Дели Надир взял огромный выкуп. В частности, он присвоил Павлиний трон — главный символ власти Могольского султаната, построенный ещё при Шахе Джахане. Затем, когда жители Дели попытались дать отпор грабившим город персам, Надир учинил избиение горожан (вырезал до 150 тыс. человек). Когда шах вернулся в Иран, награбленных в Дели сокровищ оказалось столько, что он на три года освободил страну от налогов.

Сикхи не могли не радоваться, видя страшное поражение своих угнетателей. Пока Надир-шах занимался Моголами, сикхи под шумок выстроили глиняную крепость в Далевале, в глухом лесу к северо-западу от Амритсара на берегу Рави. Воспользовавшись крушением имперской власти в Панджабе, сикхи вновь обложили данью верховья Бари доаба.

Досталось от них и захватчику. Когда в мае 1739 г. Надир возвращался из Дели к Хайберскому проходу, сикхи стали совершать набеги на отягощённую колоссальной добычей персидскую колонну и грабить. Кроме того, они отбили и отправили домой много женщин и ремесленников, которых персы гнали в плен. Помогала сикхам жара (не случайно из Сирхинда Надир повернул на север, чтобы продолжать путь домой вдоль подножия Шивалика, ближе к прохладе гор). Даже когда начался сезон дождей, сикхи не успокоились: атаковали арьергард персидской колонны при её переправе через Ченаб. Надир разгневался и спросил сопровождавшего его Закария-хана, откуда эти варвары, которые осмеливаются бросить ему вызов. Назим отвечал, что это груп-

па факиров, основанная Нанаком, которые дважды в год приходят к священному водоёму в Амритсаре, а затем исчезают в никуда. На вопрос своего нового господина «Где они живут?» Закария отвечал: «В сёдлах своих коней». Надир предостерёг: «Будь нагеку: похоже, они собираются основать собственное царство. Вскоре может стать, что они захватят твои земли». То были пророческие слова. Согласно хронике сикхского летописца Ратана Сингха Бхангу *Прагин пантх пракаш* («Свет древнего пути»), Закария отвечал Надиру, что даже не знает, где ловить сикхов: ведь они едят на бегу и спят на полном скаку, похоже, не нуждаются в питье летом и тепле зимой, а каждый воин стоит сотни.

Тем не менее Закария стал бороться с сикхами активнее. Он разослал приказы старостам деревень не давать им убежища ни под каким предлогом. Войска наместника вновь прочёсывали районы и устраивали облавы. Сикхов уничтожали без разбора пола и возраста, назначали награды за их головы. За предоставление достоверных сведений об их местонахождении платили 10 рупий (сумма немалая). Если человек приводил пленного сикха к кази (или привозил его труп), то получал 50 рупий. Многие деревенские старосты, стремясь выслужиться перед властями, сами организовывали охоту на сикхов. Иные привозили Закарии целые повозки, заполненные головами сикхов. Многих пленных вели в цепях в Лахор, где казнили близ мечети у Делийских ворот. Позднее сикхи воздвигнут на этом месте гурдвару Шахид Гандж («Сокровищница мучеников»). Всего там приняли смерть до 10 тыс. сикхов [Gupta, II, p. 56].

Сикхи гибли, но продолжали сопротивление.

Повстанческое движение сикхов первой половины XVIII в. набирало силу на фоне ухудшения экономической ситуации в Пенджабе. Связано это было во многом с негативными тенденциями во внешней торговле Индии с западными землями — Средним Востоком и Средней Азией. К XVIII в. стал заливаться Инд, что отрицательно сказалось на речной торговле Пенджаба. Восстания пуштунского племенного объединения гильзаев начала века грозили путям караванной торговли с Ираном. Затем распалась империя Сефевидов — западная соседка и почти ровесница империи Моголов (которая сама шагала по тому же пути к гибели). Всё это ударило по торговле Пенджаба на дальние расстояния, приводя к неуклонному сокращению налоговых поступлений Лахорской субы. Если в XVII в. они превышали 2 крора рупий, то к правлению Мухаммад-шаха (1719–48) снизились до 1,25 крора [Alam, 1986, p. 183]. Для борьбы с сепаратизмом, прежде всего сикхским, властям провинции (в лице Закария-хана), как никогда, нужны были средства, а их приток, напротив, сужался. На подавление сикхов просто не хватало денег. Высокая степень автономии провинциального наместника и его опора лишь на собственные силы были оборотными сторонами одной и той же политической ситу-

ации, чем объясняются одновременно сила и слабость режима [Grewal, 1999, p. 87]¹. Так было не только в Пенджабе, но и по всей распадавшейся империи.

Продолжая сопротивление, сикхи сражались не только за себя, но и за свои святыни. Чтобы лишить их места общих собраний, подорвать их коллективную идентичность, Закария-хан назначил некоего Массу из мусульманской раджпутской касты *рангхар* следить, чтобы сикхи не смели собираться в Амритсаре на праздники байсакхи и дивали и совершать омовения в священном бассейне Хари Мандира. Саму главную гурдвару Массу превратил в зал для представлений танцовщиц, курил, харкал там, а здание рядом сделал конюшней. Это не прошло ему даром. Два сикха из Джайпура, Мехтаб Сингх и Сукха Сингх, решили положить конец святотатству. В августе 1740 г. они набили мешки горшками (будто это деньги) и под видом могольских налоговых чиновников вошли на территорию храма. Проникнув к Массе, Мехтаб Сингх снёс ему саблей голову. Пока стража выходила из ступора, мстителем удалось скрыться. Для могольских властей они были террористами, для хальсы — героями. Позднее Мехтаб Сингха изловили и колесовали.

Этот период отмечен и другими дерзкими выступлениями сикхов-одиночек. Так, Бота Сингх и Гарджа Сингх обосновались на Большой северо-индийской дороге и принялись собирать пошлину с провозимых грузов. Они даже послали наместнику издевательское письмо об этом. Тот прислал сотню всадников арестовать их, и два сикха погибли, сражаясь. Конечно, их можно считать обычными рэкетирами, но с их стороны то была форма активного сопротивления Моголам.

В 1745 г. Закария-хан умер. Его зависимость от Ирана оказалась краткой, ко времени его смерти Пенджаб опять формально подчинился Моголам. Однако власть наместников в субах Могольской империи по сути стала наследственной, и Дели ничего не оставалось, кроме как подтверждать переход поста назима от отца к сыну. Закарии наследовал его сын Яхья-хан (в должности 1745–47). Как всегда, смена власти и относительная непрочность власти нового назима принесли сикхам некоторую передышку.

---

¹ Ухудшение общеэкономического положения в Пенджабе было одной из причин, по которым сикхи больше и слышать не хотели о какой-то автономии в рамках империи. Проведя сравнение Пенджаба с соседним Авадхом (суба в средней части долины Ганги), М. Алам показал: там более здоровое состояние экономики позволило могольским назимам замирить мятежных землевладельцев и интегрировать их в администрацию и армию провинции [Alam, 1986, p. 312–317]. (Правда, замиряли и интегрировали они уже не для имперского центра, а для самих себя.) Иными словами, в Авадхе «верховные собственники» могли себе позволить поделиться с «податными собственниками», тогда как в Пенджабе объём изымаемого продукта оказался слишком мал, чтобы сыты были все — и шахская администрация, и джаты-землевладельцы.

Они стали покидать свои убежища и группами по 10–20 человек наведываться в Амритсар. Во-первых, посещение Хари Мандира поднимало моральный дух сикхов; во-вторых, в Амритсаре можно было восстановить связи с единоверцами. На дивали 1745 г. сикхи совсем осмелели, массово собрались в Амритсаре и вынесли коллективное решение — гурмата, которое санкционировало существование уже 25 отрядов (*джатха*) примерно по 100 человек. Среди воинов царило полное равенство, а возглавлял каждый отряд *сардар* — военачальник (что характерно, выборный). Он не платил жалованья, а распределял награбленное (строго поровну). Заложенные ещё в учении Нанака и усиленные реформой Гобинда принципы равенства благоприятствовали развитию меритократии: в ходе вооружённого противостояния властям у сикхов быстро выдвигались люди, отличавшиеся храбростью и лидерскими способностями. Они выходили из своих отрядов и набирали собственные, становясь их сардарами.

Как отметил М. Алам, успехи сикхов (и поддерживавших их заминдаров Панджаба) в сопротивлении Моголам внесли немалый вклад в то, чтобы развеять миф о непобедимости могольского оружия [Alam, 1986, p. 185]. Как известно, любая империя в конечном счёте держится на военной силе. Однако после периода строительства и консолидации империи для того, чтобы держать покорённые народы, племена и т.д. в повиновении, власти, как правило, хватает самого ореола победителя, которым она успела окружить себя в процессе завоеваний. Когда с упадком империи хватка центра слабеет, идею непобедимости приходится доказывать на деле — причём чем дальше, тем чаще, а главное, со всё меньшей степенью успеха. (Классический случай — Римская империя.) Воочию видя поражения имперских войск, сепаратисты поднимают голову и всё больше смеются. Сикхи в Панджабе — яркий тому пример. Процесс распада империи нарастал со скоростью снежного кома.

Сикхи расширяли географическую сферу своих набегов, грабя и убивая *гаудхари* и *мукаддамов*, которые активно помогали властям в облавах. Однажды вечером, в январе 1746 г. группа сикхов переделась могольскими воинами и проникла в сам Лахор, пограбив лавки и перебив кази и муфтиев, ответственных за смертные приговоры пленным сикхам.

Новый назим Яхья-хан разгневался и послал фаудждара города Эминабад (того, где застало Нанака нашествие Бабура) Джаспата Раи в карательную экспедицию. Она провалилась: в ходе сражения сикхский воин Нирбхау Сингх ухватился за хвост слона, на котором ехал фаудждар, ловко вскарабкался наверх и отсёк тому голову. Видя гибель предводителя, могольские воины побежали, а сикхи разграбили Эминабад.

Могольские власти не нашли лучшего ответа, чем репрессии против мирного населения. Погибший Джаспат Раи был братом лахорского дивана Лакхпата Раи, и последний поклялся, что не наденет тюрбана, пока не истребит сикхов до единого. Для начала он арестовал всех сикхов Лахора и 10 марта

1746 г. казнил их, несмотря на заступничество уважаемых членов индуистской общины города. Кроме того, глашатай под бой барабанов объявил, чтобы никто не смел читать Гуру Грантх, а если кто произнесёт слово *гуру*, ему вспорют живот. Власти дошли до того, что запретили употреблять слово *гур* (так в Индии называют неочищенный сахар коричневого цвета), поскольку по звучанию оно напоминает слово *гуру*! Началось уничтожение книг: администрация назима собрала много экземпляров Гуру Грантх и утопила их в реках и колодцах. Не удовлетворившись этим, Лакхпат Раи приказал засыпать землёй священный водоём Амритсар. Как увидим, эта варварская мера вскоре прочно войдёт в «арсенал» злейших врагов сикхов — но те всякий раз будут откапывать водоём заново. Восстановление бассейна вокруг Хари Мандира можно считать символом сопротивления сикхов: они упорно поднимались снова и снова, несмотря ни на какое давление.

На этот раз в Лахоре посчитали сикхскую угрозу слишком серьёзной. Яхья-хан и Лакхпат Раи лично возглавили крупную карательную экспедицию по провинции. Понимая, что в регулярном сражении с могольскими войсками не совладать, основная часть сикхов-повстанцев — около 15 тыс. человек — укрылась в лесистых болотах Кахнувана в верховьях Рави. К досаде Яхьи привезённые им лёгкие пушки не доставали до их убежищ, но его войска стали методично «вгрызаться» в болота: прорубать тростники, выжигать высокую траву, пролагать тропы. Однако главным фактором, который выгнал сикхов из болот, стал голод. Сикхи начали пробиваться к берегам Рави. По пути ряды их редели: одни обрезали волосы и возвращались в лоно индуизма, получив амнистию; другие, кто примкнул как мародёры, бежали, видя, что поживиться нечем — а можно и головы не сносить.

В конце концов Яхья-хан прижал сикхов к предгорьям Шивалика. Эта местность служила им надёжным укрытием и при Гобинде, и при Банде, и позднее. Сейчас же, когда сикхи попытались пробраться в холмы, сверху на них вдруг обрушился град пуль, стрел и камней: раджи княжеств не пустили их к себе, опасаясь репрессий со стороны назима. Сикхи очутились меж двух огней. Основная их часть под предводительством Сукха Сингха повернула коней и пыталась прорубить себе путь сквозь наступавшие силы неприятеля. Тысяча сикхов всё же пробилась в предгорья. От 3 до 5 тыс. нашли убежища по лесам и деревьям Панджаба. Ещё 2 тыс. совершили переправу через вздувшуюся от тающих снегов Рави (в ходе переправы многих унесло мощным течением). На восточном берегу реки жара стояла уже такая, что сикхи пекли *роти* (пресные лепёшки) на своих щитах на горячем песке — без всякого огня [Singh T., Singh G., 1950, p. 133]. Здесь на них напал отряд патханов. Остатки сикхов пробились дальше на восток к Беасу. Переправа через разлившуюся реку тоже была тяжелейшей. А впереди был ещё Сатледж. Сикхи пересекли и его и укрылись в пустыне Мальвы.

Во время этих событий апреля — начала мая 1746 г. погибли 7–8 тыс. сикхов. Ещё 3 тыс. были взяты в плен, привезены на верблюдах в Лахор в шутовских бумажных шапках и — после обычных в таких случаях пыток — обезглавлены. Из их голов опять сложили пирамиды, а трупы зарыли под стенами мечети. Никогда прежде сикхи не несли столь тяжёлых потерь. Мрачные события 1746 г. вошли в сикхскую историю под названием *гхаллугхара* («резня», «кровавая бойня»; в англоязычных работах чаще всего переводят словом *holocaust*). Когда в 1762 г. сикхи понесут ещё более страшные потери от захватчиков-афганцев, события 1746 г. ретроспективно назовут *Чхота гхаллугхара* («Малая резня»), чтобы отличать от тех ужасов — *Вадда гхаллугхара* («Великой резни»).

Однако сикхи не были сломлены.

Несколько десятилетий после казни в 1716 г. Банда Бахадура и его приверженцев были самым мрачным периодом в сикхской истории. Власти Могольского султаната травили сикхов как диких зверей, пытаясь истребить их под корень. В начале 1730-х годов, отчаявшись добиться этого, Моголы вновь (как в XVII в. при Джахангире) пытались инкорпорировать сикхов в свою империю, назначив из их числа наваба и выделив ему джагир. Тактический союз быстро рухнул, поскольку сикхи не собирались делиться с имперским правящим слоем доходами местностей, которые они уже контролировали. Укрепление военных и экономических позиций «податных собственников» по отношению к «верховным» продолжалось.

Соответственно, сикхи уже не были готовы довольствоваться широкой автономией, какой добивался Гобинд Сингх, писавший о равном почитании преемников Нанака и Бабура. В этой эволюции политических позиций сикхской общины (прежде всего, естественно, её лидеров) отражался процесс дальнейшего ослабления Могольского султаната, предоставлявший покорённым империей общностям возможности рассчитывать на всё большую самостоятельность от центра. И наоборот: радикализация настроений таких региональных сил, как сикхи, их всё более активные действия способствовали дальнейшему ослаблению султаната.

Новый виток могольских репрессий оказался ещё более контрпродуктивным. Нанося удары направо и налево, администрация назима лишь плодила врагов. Значительная часть населения начала видеть в сикхах защитников и мстителей за угнетение, оказывая им поддержку. Сикхи как Антей из мифа о Геракле черпали неиссякаемую силу из родной земли — в массе джатского населения Пятиречья, выходцами из которого были они сами, в котором они при необходимости растворялись, спасаясь от преследователей, которое помогало им материально и поставляло из своей среды всё новых адептов воинственной религии. Сикхизм всё явственнее становился знаменем борьбы

земле(вла)дельческого населения провинции с имперской администрацией. Замкнутый круг: сикхи сопротивлялись, избрав знаменем сопротивления религию; их жестоко преследовали как адептов этой религии — что лишь усиливало, освящало дело сопротивления.

Общее ослабление Могольского султаната сделало его лёгкой добычей для внешних врагов. Нашествие в 1739 г. персидского Надир-шаха пошатнуло власть Моголов в Панджабе, отчего выиграли главным образом сикхи как основное повстанческое движение в этой провинции. Пытаясь спасти ситуацию, могольский назим в 1746 г. предпринял против сикхов масштабную военную экспедицию, которая печально известна в их истории как Чхота гхал-лугхара, «Малая резня».

И всё же сопротивление продолжалось.

IV.2. Борьба с афганцами

В 1747 г. младший брат Яхья-хана назим Мултанской субы Шах Наваз-хан напал на Лахор, сверг старшего брата и изгнал его и Лакхпат Раи из провинции. Яхья, который был зятем могольского вазира, просил помощи в Дели у тестя. Опасаясь потерять Лахор, Шах Наваз предпочёл обратиться за рубеж: пригласил вторгнуться в Индию Ахмад-шаха Дуррани (как Даулатхан Лоди, желая отложиться от султана Ибрахима, сам пригласил в своё время Бабура).

Ахмад-шах (правил 1747–72) из племенного союза абдали был первым в истории Афганистана объединителем страны под властью крупнейшего из её коренных народов — пуштунов, основателем Дурранийской империи со столицей в Кандагаре. Начал он военачальником у персидского Надир-шаха; когда того в 1747 г. убили, он ушёл со своими отрядами в Афганистан. На собрании пуштунских племенных ханов был избран шахом и принял титул *дурр-и-дурран*, «жемчужина жемчужин», по которому объединение племён абдали, а также основанная Ахмад-шахом династия стали называться дуррани (сейчас это крупнейшая субэтническая группа пуштунов). Ахмад-шаха подчас называют самым выдающимся полководцем Азии своей эпохи. Дурранийской державе предстояло сделаться злейшим врагом сикхов, едва ли не более лютым, чем даже Моголы и их наместники.

Пригласив Ахмад-шаха, лахорский назим Шах Наваз обещал покориться ему, иными словами — сделать Панджаб афганской провинцией. Ахмад-шах выступил из Афганистана с 10-тысячным войском. Это был его первый поход в Индию. Однако могольский двор успел перекупить Шах Наваза: ему обещали подтвердить наместничество при условии, что он остановит новых захватчиков.

Прибыв к Хайберскому проходу, Ахмад-шах отправил в Лахор посланца, но Шах Наваз — неожиданно для афганца, ожидавшего совсем другого приёма, — выгнал его взащей. Дуррани, однако, назад не повернул. Достигнув Джелама, он опять отправил к назиму посланца. Этого уже казнили, влив в горло расплавленный свинец. Шах Наваз напрасно раздражал афганского завоевателя. Оскорбление посланца — это оскорбление пославшего. Вскоре афганцы подошли к Лахору и довольно легко заняли город. Шах Наваз бежал в Дели, а новым назимом Дуррани назначил прежнего дивана Лакхпата Раи.

И всё же на этот раз Моголам хватило сил отразить афганцев. 11 марта 1748 г. под Манупуром состоялась битва между Ахмад-шахом (18 тыс. воинов) и имперской армией под началом вазира Камар-уд-дина (60 тыс.). Камар-уд-дин погиб, но его сын Муин-уль-мульк нанёс Ахмад-шаху поражение, и тот вернулся в Кабул. Афганцев во многом сгубило незнание современного вооружения. В Лахоре они нашли склад ракет и при Манупуре пытались запустить их по противнику, но перебили немало своих [Sinha, 1946, p. 16]. Ракетой (индийское название — *бан*) британцы называли весьма распространённое в Индии вплоть до XIX в. огнестрельное оружие в виде железной трубки с порохом, которую насаживали на бамбуковую палку длиной 1–3,5 м, поджигали и выпускали по противнику; дальность полёта могла превышать 900 м. В полёте эти снаряды издавали такой жуткий свист, что пугались даже самые опытные боевые слоны [Носов, 2011, с. 308].

Превращение Панджаба опять в поле боя между двумя империями — на сей раз Моголами и Дуррани — дало сикхам новый шанс. Они вновь вышли на равнины собственной страны и развернули партизанскую борьбу, причём не только против Моголов. Как и во время ухода из Индии Надира, сикхи нападали на отступавших афганцев, успешно отбивая у них награбленное добро. Сардар Чархат Сингх преследовал Ахмад-шаха до самого Инда. Сикхи опять установили контроль над Амритсаром и на байсакхи (30 марта) 1747 г. вынесли там решение-гурмата: построить вблизи города крепость. Сказано — сделано. Под Амритсаром построили крепость Рам Рауни («Крепость Рам Даса» в честь основателя города), которая стала небольшим, но надёжным опорным пунктом. Сикхские воины строили крепость собственными руками, так как по роду занятий многие были ремесленниками — каменщиками, плотниками и т.д.

Во время празднования байсакхи в следующем, 1748, году в Амритсаре произошло важное событие. К этому времени наиболее дальновидные сардары сикхских отрядов поняли, что нужно объединиться. Количество отрядов (*джатха*) достигло уже 65, все они действовали независимо друг от друга, развивалась тенденция к дальнейшему дроблению отрядов. Сикхи рисковали потерять силу. Собравшиеся в Акал Тахте сикхи вынесли гурмата: создать (а вернее, возродить) единую армию, которая получила название Дал Халь-

са («Армия хальсы»). Так община сделала шаг назад к единству времён гуру Гобинда.

В целях более эффективной борьбы с врагом Капур Сингх (которого сикхи продолжали величать навабом — мало ли что там считают могольские власти) укрупнил сикхские отряды, сведя их в 11. Каждый новый отряд получил название *мисал* (от арабского «равный», «подобный», т.е. сикхи подчёркивали равенство внутри хальсы). У каждого мисала были свой (выборный) сардар, своё название и знамя. Сардар не обладал абсолютной властью над своими воинами, а должен был считаться с ними, так как они всегда имели право перейти в другой мисал.

У сикхов термин «мисал» впервые употребил Гобинд, когда в сражении при Бхангани 1688 г. разделил своё войско на почти равные по численности 11 отрядов, а их командиров объявил равными друг другу. Пять мисалов гуру поставил на правом крыле войска, пять — на левом, а один возглавил сам. Такой же порядок войска позднее практиковал Банда.

Дух эгалитаризма в хальсе означал, помимо прочего, что каждый сикхский воин — это самостоятельная боевая единица, «армия в одном лице», способная действовать независимо от других сикхов. Поэтому теоретически в армии хальсы было столько же боевых частей, сколько воинов [Malik, 1975, р. 89]. С одной стороны, принцип равенства и тот факт, что его ревниво оберегали, затрудняли организацию сикхов в боевые части с эффективным командованием, печально сказывались на дисциплине, поскольку каждый член хальсы имел право высказать свою точку зрения. С другой стороны, такая «атомизированность» была плюсом: пока оставались непокорённые сикхи, пусть совсем немного, сопротивление врагу продолжалось.

Однако постепенно ядром мисалов стали кланы, т.е. основой отрядов делались родственные связи. В дальнейшем мисалы превратятся в территориальные княжества Панджаба, которые во второй половине XVIII в. поделят между собой всю страну.

Возникла и необходимость в верховном командовании. Среди сардаров к этому времени выдвинулся Джасса Сингх Ахлувалиа (1718–83). Он был сыном и племянником сикхов, сражавшихся под началом Банды; в четыре года осиротел. Мальчик рос в Дели под присмотром вдовы Гобинда Сундари. В десять лет его забрал в сикхский лагерь под Картарпуром дядя — командир одной из сикхских джатх. По преданию, отпуская мальчика, Сундари вручила ему саблю, щит, лук и стрелы десятого гуру. Вскоре дядя умер, и Джасса Сингх сменил его во главе этой джатхи. Он быстро выдвинулся как храбрый и предприимчивый командир, отличился в набегах на арьергард уходившего из Индии Надир-шаха. Джасса Сингх служил под началом наваба Капур Сингха и стал его приёмным сыном. Теперь же, в 1748 г., Капур Сингх назначил его в Акал Тахте верховным главнокомандующим Дал Хальсы. Чуть позднее,

в 1753 г. Капур Сингх, умирая, передаст Джасса Сингху стальную булаву гуру Гобинда (по легенде, он получил её от Сундари и хранил для него же).

Так через 30 с лишним лет после раскола при Банда Бахадуре сикхи вновь организовались на уровне всей общины. Подчеркну, что они **самоорганизовались**: сказались демократические традиции сикхизма, помноженные на демократизм крестьян-джатов.

Шесть мисалов выделились на основе армии Буддха Дал, другие пять — на основе Таруна Дал. В Буддха Дал входили мисалы: Ахлувалиа (сардар-основатель — Джасса Сингх родом из деревни Ахлу), Далевалиа (Гулаб Сингх из деревни Далевал), Фаизуллапуриа (наваб Капур Сингх из деревни Фаизуллапур), Карорасингхиа (Карора Сингх), Нишанвала (Дасаундха Сингх, носивший *нишан* — знамя) и Шахид (араб. «мученик»). Таруна Дал составляли мисалы: Бханги (Чхаджджа Сингх, пивший наркотический напиток *бханг*), Канхийя (Джай Сингх из деревни Канха Качха), Накаи (Хира Сингх из области Нака), Рамгархиа (Джасса Сингх Тхока, отстроивший крепость Рамгарх под Амритсаром) и Сукарчакиа (Нодх Сингх из селения Сукар Чак). Каждый мисал назывался по имени или прозвищу своего лидера или его деревни — кроме мисала Шахид, имя которому дал почитаемый мучеником ниханг Дип Сингх, погибший в бою с афганцами в 1757 г. (см. IV.2).

Постановили, что Дал Хальса должна собираться в Амритсаре перед Акал Тахтом не менее двух раз в год (на байсакхи и дивали). Такие собрания получили название *сарбат хальса* («вся чистая [община]»). Этот орган, представлявший собой, по удачному выражению И.Ю. Котина, «*своеобразное веце сикхов*» [Котин, 2008, с. 9], имел право принимать решения-*гурмата*. После обсуждения, в котором могли участвовать все сикхи без исключения, сарбат хальса выбирала пять уважаемых сикхов. Те совещались между собой в присутствии Гуру Грантх и выносили решение. Преимущественно гурмата касались военных вопросов: где и как дать сражение врагу, как делить трофеи, где строить крепости, а также гурдвары. Добычу, как правило, распределяли прямо пропорционально численности мисалов, а воины получали одинаковую долю. Председательствовали на сарбат хальсе ниханги, которые ревностно следили за тем, чтобы каждый сикх независимо от социального положения реализовал своё право высказаться. Вообще ниханги считаются блюстителями чистоты религии и демократических традиций хальсы, поэтому на кастовые различия смотрят очень косо.

История сикхов в следующие 20 лет неразрывно связана с афганскими вторжениями. Ахмад-шах Дуррани вторгался в Индию одиннадцать раз (1748–70). В Лахоре за это время сменились 13 назимов. Как подчёркивают историки, к этому времени сикхи уже вышли из стадии интеграции в империю и не были готовы удовлетвориться ничем, кроме полной независимости.

После неудачного первого похода Ахмад-шаха назимом Лахорской субы был назначен победивший его военачальник — амир Муин-уль-мульк, более известный как Мир Манну (в должности 1748–53). Это был умный и энергичный наместник, который возобновил борьбу Могольской империи с сикхами. Данный вопрос к середине XVIII в. уже прочно вошёл в список приоритетов для властей Панджаба. Мир Манну по примеру Закария-хана разместил гарнизоны во всех районах, где действовали сикхи. Были разосланы приказы брить сикхам головы и бороды. Раджам Шивалика отправили инструкции хватать сикхов и отсылать в кандалах в Лахор. В столицу субы начали ежедневно привозить сикхов, которых казнили всё на том же лошадином рынке близ Делийских ворот — их убивали большими деревянными молотами.

Мир Манну ввёл важное новшество: если его воин в ходе операций против сикхов терял коня, он получал замену за казённый счёт. Дело в том, что в армии Могольского султаната и политических-преемников войны должны были покупать коней сами. Более того, жалование всадника нередко зависело от качества коня, которого он приводил с собой, ведь основную роль в войнах играла конница. Хороший конь мог принести хозяину 30–40 рупий жалования в месяц. Цена коня в Индии была вчетверо выше, чем в Европе, а его потеря несла хозяину разорение. Неудивительно, что в боевых действиях могольские воины предпочитали не рисковать своим самым ценным имуществом. Для жителей Европы, где уже завершилась военная революция 1560–1660 гг., такая ситуация была удивительна. Как писал примерно в то же время (середина XVIII в.) чиновник британской Ост-Индской Компании Роберт Орм: *«Странно, что установлено такое правило: оно ознагает, что в интересах воина — сражаться как можно меньше»* [Орме, 1974, р. 268–269]. Своей «конной реформой» Мир Манну в Панджабе предвосхитил правителя южноиндийского княжества Майсур Типу Султана, который в конце XVIII в., в ходе войн с британской Ост-Индской Компанией, займётся радикальной модернизацией армии.

Понимая стратегическое значение только что отстроенной сикхами крепости Рам Рауни, Мир Манну, что называется, взял быка за рога: в октябре 1748 г. (после сезона дождей, во время которого не то что война — простое передвижение в Индии почти невозможно) подступил к крепости и осадил её. Моголы стояли под стенами Рам Рауни четыре месяца. В феврале 1749 г. (когда из 500 защитников крепости голод выкосил уже 200) диван Лахора Каура Мал посоветовал назиму оставить сикхов в покое и даже пожаловать им какую-нибудь территорию в знак примирения. Мир Манну так и сделал: снял осаду и выделил сикхам джагир (четверть доходов парганы Патти), а Каура Мал взял часть сикхов к себе на службу. По-видимому, Мир Манну изрядно устал стоять под стенами Рам Рауни. Правда, крепость он потом всё же разрушил, но сикхи её восстановят. Что до странного на первый взгляд по-

ведения дивана, то Каура Мал был сикхом-сахадждхари (хотя, похоже, не афишировал этого в Лахоре). Он даже стал ежедневно платить сикхской общине 5 рупий добровольного штрафа за курение. Империя вновь отложила кнут и протянула сикхам пряник. Прекращение репрессий позволило многим вернуться к исконному труду — земледелию.

В имперском аппарате Моголов у сикхов неожиданно появился ещё один союзник. Назиму Лахора стал тайком противодействовать его подчинённый — фаудждар Джаландхарского доаба панджабец-мусульманин Адина-бегхан. Закария передал ему в командование внушительное войско, но он не проявлял рвения в репрессиях против сикхов, а, напротив, саботировал приказы назима, рассудив так: как только он справится с задачей, его лишат предоставленных чрезвычайных полномочий, а его должность перекупит кто-то другой. Адина-бег предпочёл договориться с сикхами. Те обещали не расходиться по части грабежей, а фаудждар — не трогать их. Каждая из сторон использовала другую в своих интересах.

Однако заключённое сикхами с Миром Манну перемирие длилось немногим больше года. Стороны не доверяли друг другу. Назим использовал передышку только чтобы собрать силы для расправы с сикхами: наращивал артиллерию, велел изготовить тысячу *джазаилей* (длинноствольных мушкетов) и лично присутствовал на стрельбищах [Sinha, 1946, p. 20]. Сикхи, со своей стороны, уже свыклись с воинской жизнью и постигли на опыте, что с помощью силы могут вырвать у империи намного больше. Ускорил возобновление войны внешний фактор: в декабре 1749 г. в Индию во второй раз вторгся Ахмад-шах Дуррани.

Мир Манну обратился за помощью в Дели, но тщетно: там шла очередная свара при дворе. К тому же новый имперский вазир Сафдар Джанг — глава иранской группировки знати — не торопился сознательно: ему было важнее свалить лахорского назима, так как Мир Манну был главой туранской группировки. Так борьба за власть внутри могольского правящего слоя способствовала распаду империи.

Мир Манну вышел навстречу захватчикам с собственными силами, и последовало стояние на реке Ченаб: ни та, ни другая сторона не решалась нападать первой. Наконец, не дождавшись помощи из Дели, Мир Манну предпочёл договориться с захватчиком: запросил мира и признал за Афганистаном территории западнее Инда и доходы с четырёх округов Панджаба. Повторилась ситуация десятилетней давности: могольский наместник Лахора сохраняет свой пост, но превращается в наместника империи — западного соседа Индии. Правда, когда Ахмад-шах вернулся в свой Кандагар, Мир Манну сразу отказался платить дань.

Видя шаткость могольской власти, сикхи экстренно собрались в Амритсаре и решили воспользоваться ослаблением империи. В начале 1750 г. они

напали на Лахор и разграбили предместья. Более того: Капур Сингх вступил в сам город и воссел на возвышении, где обычно сидел котвал, — с целью собрать налоги. Но тут подошли войска Мира Манну, и сикхам пришлось из Лахора убраться. Начались карательные походы, опять вышел приказ убивать сикхов на месте. Им было не привыкать: они отвечали набегами и скрывались в прежних убежищах — лесах Центрального и Восточного Панджаба и в пустыне Мальвы.

Политика Лахора вновь стала контрпродуктивной. Чтобы отбить у крестьян охоту давать убежище сикхам, карательные отряды разоряли деревни; крестьяне отвечали на это уходом к тем же сикхам, и возникал замкнутый круг¹.

Сикхов выручали их естественная крестьянская неприхотливость, привычка обходиться малым, мастерское обращение с лошадьми: они любили животных, были искусными наездниками и редко прибегали к плети и шпорам.

В декабре 1751 г. Северо-Западная Индия подверглась третьему нашествию полчищ Ахмад-шаха — он вторгся под предлогом невыплаты дани. Замечу, что афганцы не случайно всякий раз приходили (спускались) в Индию именно зимой: в сезон муссона (июль — сентябрь) военные действия здесь невозможны из-за ливней, а в остальные месяцы царит зной. Дуррани разорил Рачна доаб, затем осадил Лахор. Повторилась ситуация 1748 г.: из Дели помощи не было, и спустя четыре месяца Мир Манну вышел из города дать афганцам бой. Однако на этот раз Ахмад-шах наголову разбил своего бывшего победителя. Миру Манну не помогло и присутствие в его войске сикхов — до 20 тыс. всадников, которых призвал на помощь диван Лахора Каура Мал. Похоже, что они не проявляли рвения в защите империи, а ограничились стычками с афганцами.

Ахмад-шах вновь проявил великодушие к поверженному Миру Манну и подтвердил его в должности назима в Лахоре, только не Могольской, а Дурранийской империи. Впрочем, едва ли у него был выбор: афганцы приходили в Индию только пограбить, и им нужен был кто-то, кто в их отсутствие будет собирать для них же дань. Из Панджаба Ахмад-шах совершил поход на север, в Кашмир. Оттуда он могольского наместника выгнал, посадив своего.

После ухода Ахмад-шаха сикхи опять воспользовались ослаблением власти, совершая набеги на земли вокруг своих убежищ. Фаудждар Джаландхарского доаба Адина-бег по-прежнему саботировал приказы центра, пытался

¹ В замечательном британском телесериале «Робин из Шервуда» 1980-х годов сэр Гай Гисборн предлагает шерифу Ноттингэма выгнать жителей одной из деревень в лес, а саму деревню сжечь для острастки — чтоб отбить у них охоту помогать Робин Гуду. Шериф в гневе отвечает: «Нигде глупее не мог придумать? Тогда они просто присоединятся к этому разбойнику!» Так и администрации Мира Манну, похоже, не хватало идей.

замирить сикхов и даже пригласил Джасса Сингха Ахлувалиа на личную встречу. Адина-бег рассчитывал союзом с сикхами расширить свою автономию от Лахора и предложил им выбор: либо добьётся для них от шаха отдельного княжества, либо они могут править Джаландхарским доабом вместе с ним. Однако Джасса Сингх обескуражил его: «*Наш гуру обещал нам независимость. Ни на что меньшее мы не согласны. Мы встретимся с тобой не на переговорах, а на поле боя*». Несколько представителей сикхской знати всё же присоединились к Адина-бегу. Среди отщепенцев был глава мисала Рамгархиа, которого община изгнала за убийство малолетней дочери, что запретили ещё сикхские гуру. Правда, скоро он одумался и вернулся на сторону хальсы.

Не сумев договориться с сикхами, Адина-бег обратил оружие против них, причём по-подлому. Когда в 1753 г. тысячи безоружных сикхов собрались на байсакхи в селении Матховал, воины фаудждара напали на них и многих перебили. Набеги сикхов на Джаландхарский и Бари доабы участились. Администрация назима отвечала пытками и резнёй мирного населения. Головами сикхов заполняли колодцы. Сикхские женщины нередко сами брались за оружие, защищая свои дома.

Сикхов репрессии не сломили, и они даже сложили четверостишие, вошедшее в панджабский фольклор:

*Мир Манну как серп нас жнёт,
Но с каждым взмахом стали
Мы, преодолая гнёт,
Раз в двести вырастали¹.*

В самом деле, действия Мира Манну были контрпродуктивны. Недовольное притеснениями налоговых чиновников и воинов, панджабское крестьянство в массовом порядке шло в сикхизм и помогало сикхам-партизанам. Так, сикхами стали многие джаты Мальвы вокруг Сирхинда.

В ноябре 1753 г. Мир Манну погиб нелепой смертью. Его лошадь при виде сокола понесла и выбросила всадника из седла, но нога зацепилась за стремя и лошадь протащила хозяина по земле. Через два дня Мир Манну в мучениях скончался. (Вспомним смерть — ещё при гуру Арджане — другого врага сикхов Сулахи-хана: он тоже принял смерть от коня своего.) В Англии в то время политическая группировка якобитов (сторонников свергнутого в ходе «Славной революции» 1688 г. короля Якова II и его потомков) благодарно называла крота «маленьким джентльменом в чёрном бархате»: в 1702 г. лошадь ненавидимого ими короля Вильгельма III споткнулась о кротовину и сбросила седока, отчего тот умер. У сикхов есть основания с такой же благо-

¹ Перевод с панджаби мой. — К.Ф.

дарностью говорить о соколе. Впрочем, по другой версии Мира Манну отравили¹.

После гибели Мира Манну в Лахоре вспыхнула борьба за власть, в которой одержала верх его вдова, внучка прежнего назима Абд-ус-Самада Муглани-бегам. Интересно, что её власть подтвердили центры обеих империй — и Дели, и Кандагар. Это была властная женщина с характером, страшная в гневе. Однако сама она пост назима по понятной причине занять не могла, и в следующие три года власть в Панджабе была слабой, сменились девять назимов. В Лахоре непрерывно шла острая борьба за власть, причём многие военачальники стремились выкроить полунезависимые княжества для самих себя. Этот период стал перерывом во вторжениях Дуррани: Ахмад-шах был занят в своём Афганистане.

Всё это было на руку сикхам.

Сардар Джасса Сингх Тхока отстроил разрушенную Миром Манну крепость Рам Рауни, переименовав её в Рамгарх. Отсюда сикхи начали совершать набеги на контролируемые назимом территории, доходя до самого Лахора. Фаудждара парганы Патти Касим-хана сикхи разбили и заставили принять на службу 8 тыс. человек из своего числа. Те получили от нового работодателя мушкетеры, луки и подарки... и тут же дезертировали [Gupta, II, p. 125].

Одно из главных событий истории сикхов на пути к власти в родном Пятиречье — распространение ими в 1750-е годы системы *ракхи*. Эта система входила в категорию явлений, для которых американский социолог Фредерик Лэйн ввёл термин «рента за защиту» (*protection rent*). Собственно, на языке панджаби *ракхи* и означает «защита». В условиях фактически царившего в Панджабе властного хаоса сардары мисалов (одного или сразу нескольких) заключали соглашения с заминдарами (как индуистами, так и мусульманами), с отдельными деревнями или группами деревень: обязывались не только не грабить их, но и защищать от внешних врагов, включая администрацию провинции. Деревни, со своей стороны, обещали платить сикхам пятую часть от суммы земельного налога, который обычно собирала могольская администрация, — в мае и октябре, после сбора урожая в конце сельскохозяйственных сезонов *раби* и *хариф* (в Южной Азии урожай убирают дважды в год).

¹ О тяжком периоде преследований сикхов со стороны Мира Манну существует телевизионный фильм 2000 г. на панджаби «Бессмертная хальса» (*Amar Khalsa*). Фильм поставлен неплохо, только, к сожалению, могольский назим окарикатурен; мне его образ там несколько напомнил Гитлера, каким он выставлен в советском фильме «Падение Берлина». Ещё больше Гитлера напомнил персонаж другого панджабского фильма (о другом сикхском герое — см. ниже) «Невиданный бессмертный мученик — Баба Дип Сингхджи» (2006 г.) — сын афганского завоевателя Ахмад-шаха принц Тимур. Его играет Винду Дара Сингх, сын известного борца Дара Сингха. Правда, актёру на тот момент было 42 года, тогда как Тимуру во время изображаемых в фильме событий — всего 14.

Конечно, система ракхи была настоящим рэкетом, но многие панджабские деревни охотно включались в неё, так как сикхи обеспечивали эффективную защиту. Термин *ракхи* применяли для обложения податью заминдаров и купцов; для аналогичных взносов от ремесленников использовали термин *камбали* (буквально «стоимость одеяла»). Система ракхи охватила крупные территории в четырёх доабах страны. Так начиналось превращение сикхских мисалов из военных отрядов в территориальные княжества Панджаба.

Как сказано выше, мисалов было одиннадцать. Часто двенадцатым неверно называют клан сикхских сардаров Пхулкиа в Мальве на левобережье Сатледжа, которые выкроили здесь себе несколько княжеств — Патиалу, Набху, Джхинд. На самом деле мисалом они не считались, но пользовались поддержкой единоверцев из мисалов для расширения своих территорий. Прежде всего речь идёт о сардаре Алха Сингхе (1691–1765) — основателе княжества Патиала (в Британской Индии махараджа Патиалы будет важнейшим среди автономных сикхских князей). Алха Сингха отличало то, что — в противоположность сардарам мисалов — он предпочитал не конфронтацию с Ахмад-шахом, а покорность ему; хотя он больше говорил, чем делал: как мог, уклонялся от выплаты обещанной дани. Одновременно Алха Сингх мало-помалу раздвигал границы своих владений.

В конце 1756 г. Ахмад-шах вторгся в Индию в четвёртый раз. Могольская администрация Панджаба была весьма ослаблена борьбой группировок за власть и предыдущими нашествиями, так что защищать страну было некому. Афганцы без боя заняли Лахор, а затем проследовали в Дели. В феврале 1757 г. Ахмад-шах повторил «подвиг» Надира: вступил в могольскую столицу, объявил себя гостем шаха, а сам подверг город грабежам. Ахмад добирал то, чего не унёс Надир в 1739 г. Захватчики пытались представить знати и рылись в их домах в поисках припрятанных сокровищ. Помогала им Муглани-бегам, которая приехала с афганцами из Лахора и услужливо сообщала, кто из могольской знати насколько богат и кого надо трясти. Правда, сама она получила не обещанный джагир, а побои хлыстом (за помощь в побеге одному приближённому Адина-бега). Кроме того, афганцы обобрали и её.

Заодно Ахмад-шах отправил отряды в Матхуру и Вриндаван — священные города индуистов, где, по их верованиям, прошла юность бога Кришны. Афганцы устроили резню аскетов и паломников, собравшихся там на праздник холи. Желая унижить «неверных», афганцы привязывали к лицам убитых индуистов отрубленные головы коров.

Однако вскоре в афганском лагере под Дели вспыхнула эпидемия холеры, и Ахмад-шах засобирался домой. Покидая Индию, он женился на дочери предыдущего могольского шаха — Мухаммада, а своего сына Тимура женил на дочери шаха Аламгира II. Этим шах Афганистана резко повышал свой формальный статус среди исламских правителей: какой-то безродный пуштун-

абдали — и вдруг породнился с Тимуридами. Надир-шах, покидая Дели, тоже женил сына на могольской принцессе — правнучке Аурангзеба. Престиж Моголов как потомков Железного Хромца был ещё очень высок.

Афганцы увозили награбленное добро на 28 тыс. вьючных животных [Sinha, 1946, p. 29]¹. Кроме того, на этот раз Панджаб относительно прочно вошёл в состав Дурранийской державы: назимом Лахора (а также суб Мултан, Тхатта и Кашмир) Ахмад-шах оставил собственного сына Тимура.

Сикхи вновь организовали нападения на покидавшую Индию афганскую колонну. Они даже перебили часть арьергарда, угоняемых в плен женщин отбивали и отправляли по домам. Дуррани недосчитался значительной части трофеев, разгневался и, остановившись в Лахоре, послал карательную экспедицию в Амритсар. Афганцы не только разграбили город, но и подвергли поруганию главную святыню сикхизма: священный водоём забросали землёй, а Хари Мандир попросту... снесли.

Это святотатство вызвало огромное возмущение среди сикхов. Их выступление возглавил ниханг Дип Сингх (1682–1757). Это о нём в 2006 г. поставлен упомянутый выше фильм «Невиданный бессмертный мученик — Баба Дип Сингхджи» (*Anokhe Amar Shaheed — Baba Deep Singh Ji*). Сначала Дип Сингх занимался мирной деятельностью: служил грантхи гурдвары в селении Дамдама Сахиб (где отдыхал в своё время Гобинд), делал копии Гуру Грантх, даже выучил священное писание наизусть. После разрушения афганцами Хари Мандира Дип Сингх объявил, что намерен отстроить поруганный храм и непременно отпраздновать дивали в этом году в Амритсаре. В Тарн Таране он собрал под своё начало до 5 тыс. сикхов и индуистов. Они поклялись не возвращаться домой живыми, не отпраздновав дивали в священном городе сикхов, и приготовились к мученичеству, посыпав тюрбаны друг друга шафраном. Узнав, что сикхи идут к Амритсару, туда выехал с войском афганский военачальник Джахан-хан.

По одной версии, сикхи успели войти в город и совершить полагающиеся обряды, после чего афганцы напали на них, перебили, а когда подступили к руинам Хари Мандира, увидели, что их защищают всего пять сикхов (опять священная пятерница), в том числе Дип Сингх. Все пятеро пали в неравной схватке. По другой версии, афганцы успели перехватить толпу сикхов под Амритсаром, и те попытались прорваться в город силой. В этом бою Дип

¹ Иногда в научной литературе можно прочитать о 28 тыс. **слонов!** Авторы просто не дают себе труда представить такое количество. Это напоминает разговоры некоторых историков о том, что испанская Армада 1588 г. состояла из 120 **галеонов**. Она действительно состояла из более ста судов (называют от 120 до 151), но галеонов среди них было всего 20. Несмотря на серебряные рудники Потоси и прочие источники богатства, на снаряжение 120 галеонов, пожалуй, не хватило бы всей казны Испанской империи. Так и здесь.

Сингх и погиб, причём ему отсекли голову, но он, прежде чем упасть с седла, проскакал ещё какое-то время и сразил нескольких врагов¹, а мёртвым упал уже на территории храма, осуществив своё желание. Произошло это в ноябре 1757 г. Дип Сингх получил прозвище *шахид* (араб. «мученик»), отсюда название мисала Шахид². Его 30-килограммовая кханда хранится в тахте Шри Хазур Сахиб в Нандерхе.

Сикхи весьма чтут своих мучеников, свято храня о них память. Вообще, как отмечает Е.Н. Успенская, ни одна другая религиозная группа в Индии не соотносит своё происхождение и развитие своего учения с историческими событиями так тесно, как это делают сикхи, — с полным на то основанием. Жизнь гуру и героев, события сикхской истории не просто не забыты: на вечной памяти и уроках истории строится вся идеологическая работа в сикхской общине [Успенская, Котин, 2007, с. 9]. Слишком неблагоприятной была обстановка, в которой сикхам пришлось утверждать своё право на существование.

Оставленный в Лахоре назимом шахзада Тимур продолжил дело отца. Подверглись поруганию и другие святыни сикхизма. Так, когда близ Картарпура были убиты два афганских воина, афганцы в отместку разграбили и сожгли гурдвару в этом городе, а её грантхи Вадбхаг Сингха из гота содхи (клана, к которому принадлежали гуру Рам Дас и его преемники) забили до полусмерти. Сикхи возмутились новым святотатством, и борьба усилилась. Вскоре мисалы собирали ракхи по всему Панджабу. Многие заминдары в обстановке хаоса и повсеместного грабежа с готовностью переходили под защиту сикхов. Как верно отметил известный индийский историк Н.К. Синха, Тимур был неспособен справиться с восстанием сикхов так же, как брат Наполеона Жозеф Бонапарт, которого в 1808 г. тот посадит королём в Испании, — с восстанием испанцев [Sinha, 1946, p. 65].

Пытаясь замирить страну, Тимур вновь назначил фаудждаром Джаландхарского доаба Адина-бега. Тот согласился при условии, что Тимур не будет

¹ Это обстоятельство — скорее всего легенда, но не так уж неправдоподобно, как может показаться. Известны случаи, когда на войне тело человека продолжало короткое время выполнять осмысленные действия после потери головы.

² В индийском фильме о Дип Сингхе исход сражения представлен, напротив, победой сикхов. Видя, как Дип Сингх, держа в левой руке собственную отрубленную голову, правой продолжает без промаха разить врагов саблей, возглавляющий афганское войско шахзада Тимур (в реальности его там не было) в ужасе бежит с поля боя, и афганцы следуют его примеру, в панике крича «Спасайся, кто может!», *Arni arni jaan bachao!* (мусульмане в фильме говорят на урду). Любопытно, что актёрской роли Дип Сингха в фильме нет, его показывают только нарисованным — как в упомянутом фильме «Хальса» нет актёра, который играл бы главного героя — Гобинд Сингха; гуру присутствует в кадре только на картинах, и в случае его беседы с кем-то показывают актёра, который обращается к Гобинду, а затем портрет гуру. Так в Российской империи было запрещено выводить на театральной сцене членов царствующего дома Романовых.

требовать от него являться в Лахор ко двору (Адина-бег боялся за себя). Однако Тимур вскоре нарушил это условие, Адина-бег отказался приехать, и шахзада отправил карательную экспедицию. Адина обратился за помощью к сикхам, обещав погасить их военные расходы. В декабре 1757 г. объединённая армия Адина-бега и сикхов нанесла войску Тимура тяжёлое поражение. Все афганские военачальники были перебиты, их лагерь был разграблен, причём были захвачены все пушки, оставленные в Индии Ахмад-шахом.

Удача окрылила сикхов. Осмелев, они стали доходить в своих набегах до самого Лахора, грабя его пригороды и сея страх у оккупантов. Адина-бег бежал в Шивалик, опасаясь ответных действий афганцев. Новым фаудждаром Джаландхарского доаба Тимур назначил Сарфараз-хана. Тот попытался разгромить сикхов, но был отбит с большим для себя уроном. В боях с сикхами, да ещё под самим Лахором, был серьёзно ранен Джахан-хан. Наконец дошло до того, что Тимуру пришлось убрать свою ставку из Лахора. Он столь поспешно бежал на запад, что в руки сикхов попала его семья. Те не причинили ей вреда и вскоре отпустили, а вот за Тимуром гнались до самого Инда.

Между тем до Северной Индии наконец докатилась волна экспансии маратхов. Близ Дели появилось их войско под командованием Рагхунатха Рао. В них как в союзниках против афганцев оказались заинтересованы и шах Аламгир II, обещавший им половину доходов Пенджаба, и Адина-бег, обещавший им на период антиафганской кампании лакх рупий в день. В объединённую армию вошли и сикхи. В марте 1758 г. маратхи, сикхи и Адина-бег напали на Сирхинд. Афганский наместник Абд-ус-Самад-хан пытался спастись бегством, но его настигли и пленили. Защищать Лахор вышел Джахан-хан, но бежал обратно. 10 апреля 1758 г. маратхи и сикхи вступили в Лахор и поубивали всех афганцев в городе. Сикхи захватили много пленных и заставили их откопать священный водоём в Амритсаре, который те же афганцы засыпали по приказу Ахмад-шаха.

Маратхи, однако, оставались в Лахоре меньше месяца: Пенджаб слишком удалён от их родной Махараштры, они не привыкли к резким перепадам температуры в этой стране, лежащей близко к Гималаям, а население отнеслось к маратхам враждебно, видя в них ещё одну волну грабителей. Кроме того, маратхи поняли, что к власти в Пенджабе рвётся мощная местная сила — сикхи, и предпочли не вступать с ней в конфликт. Покидая Лахор, Рагхунатх Рао назначил новым назимом Адина-бега, которого обязал платить дань в 75 лакхов рупий в год.

Став в 1758 г. назимом, Адина-бег решил сокрушить своих недавних союзников сикхов: сработала логика отношений сикхов с Лахором, их деятельность прямо противоречила интересам провинциальной власти. Начались военные действия. Адина послал на Амритсар войско, которые сопровождали 4 тыс. плотников со стальными тесаками и топорами — вырубить леса во-

круг города, которые обычно служили сикхам надёжными убежищами. Амритсар оказался в осаде, но всего на два месяца: в сентябре того же 1758 г. Адина-бег умер.

Адина-бег-хан был способным администратором, его называют последним из сильных могольских наместников в Панджабе [Gupta, II, p. 151]. В то же время это типичный пример наместника, который в условиях ослабления имперского центра постарался выкроить автономное княжество лично для себя. Это интересная фигура: он был низкого происхождения (по этносу — панджабец, по касте — *араин*, член мусульманской касты сельских работников) и неграмотен, но очень амбициозен. Благодаря своей целеустремлённости и упорству он сделал головокружительную карьеру от слуги до имперского назима. История сохранила сведения о крайней неразборчивости Адина-бега в средствах. Однажды, прослышав, что в горах Шивалика живёт богатый врач-*госаин*, он призвал его к себе, сказавшись больным. Врач пощупал его пульс, но не нашёл симптомов болезни, и тогда Адина заявил: болезнь, от которой он страдает, — это нехватка денег. Из лагеря Адина-бега врача отпустили только после уплаты выкупа — двух чашек, наполненных золотыми монетами [Chhabra, 1968, p. 427]. Со смертью Адина-бега эффективно противодействовать подъёму сикхов стало некому. Не случайно его диван, который собрал против сикхов крупное войско с целью довершить дело умершего господина, потерпел полное поражение и погиб сам.

Сикхские мисалы стали реальными хозяевами большей части Джаландхарского доаба и северной части Бари доаба. Прочно ставя под контроль те или иные земли, мисалы начинали превращаться в территориальные княжества. Несмотря на крепкие демократические традиции хальсы, в них начался процесс социально-имущественного расслоения: стала формироваться знать нескольких уровней. Сардар мисала раздавал территорию своим военачальникам, а те, в свою очередь, — своим.

В октябре 1759 г. Ахмад-шах наведалься в Индию в пятый раз. Данный поход имел целью покарать маратхов: незадолго до этого те оскорбили и выгнали из Дели его союзника, вождя рохилов Наджиба-уд-даула. Любопытно, что о вмешательстве афганцев просили некоторые князья Раджпутаны, страдавшие от набегов маратхов, и даже сам могольский шах Аламгир II, который хотел избавиться от засилья своего вазира Имад-уль-мулька.

Наджиб-уд-даула (ум. 1770) — одна из ключевых фигур в истории Могольского султаната в XVIII в. Рохилы (из области Рох к югу от княжества Читрал в Гиндукуше) были пуштунами из племени юсуфзаев. К началу XVIII в. они мигрировали в область севернее Дели, которая стала зваться Рохилкханд. В условиях распада Могольской империи вожди рохилов выкроили себе полунезависимое княжество, где к середине столетия и выдвинулся Наджиб-уд-даула. Его помощи просила одна из сторон в борьбе группировок

в Дели, а с началом нашествий своего соотечественника Ахмад-шаха Наджиб стал его (младшим) союзником в Индии и благодаря этому в 1760-е годы сделался реальным хозяином могольской столицы. В историографии есть мнение, что Наджиб-уд-даула был величайшим мусульманским лидером в Индии XVIII в. после Дуррани и первого *низам* (правителя) Хайдарабада Асаф Джаха [Gupta, III, p. 324].

Как сказано выше, Панджаб находился очень далеко от основной территории маратхов — Махараштры. Поэтому они предпочли не вступать в конфликт с надвигающимися сюда афганцами, а уйти. Другое дело — сикхи, которым деваться из родного Панджаба было некуда. Между захватчиками и сикхами начались упорные бои, в одном из которых погибли до 2 тыс. афганцев. Тем не менее Ахмад-шах вновь занял Лахор, где вновь посадил Тимура назимом.

Однако власть афганских наместников в Панджабе была непрочной, распространялась только на крупные города и их окрестности. Мозаикой между ними располагались территории под контролем сикхских мисалов; они включали значительную часть сельской местности. К 1760-м годам сардары возвели в Панджабе много средних и мелких глиняных крепостей, особенно в Маджхе (зоне расселения самих сикхов) и, продолжая традицию гуру, на севере — вдоль подножия Шивалика от Ямуны до Рави (на случай карательных операций).

Во время празднования дивали в 1760 г. представители нескольких мисалов вынесли в Амритсаре гурмата: идти на Лахор. В ноябре 10-тысячное войско под командованием Джасса Сингха Ахлувалиа, Чет Сингха Канхийя и других сардаров подступило к городу, разграбило предместья и прощупывало оборону. В Лахоре началась паника, и состоятельные горожане убедили афганского *наиб-назима* Мир Мухаммада уплатить сикхам 30 тыс. рупий в качестве отступного, после чего те ушли [Gupta, II, p. 168].

14 января 1761 г. состоялась одна из крупнейших битв в истории Южной Азии — знаменитая третья битва при Панипате, в которой Ахмад-шах нанёс страшное поражение маратхскому войску под началом Садашива Рао Бхау. Погибшие в той битве имелись едва не в каждой маратхской семье; пешва Баладжи Баджи Рао (правил в 1740–61) умер в том же году от пережитого потрясения. Этот разгром на 20 лет затормозил экспансию маратхов и объективно дал возможность британской Ост-Индской Компании укрепить свою политическую власть в Бенгалии.

Здесь настало время упомянуть о зарождении Британской империи в Индии, которая сыграет решающую роль в судьбах сикхского Панджаба в следующем, XIX, веке. Ост-Индская Компания, основанная в 1600 г., первые полтора века своего существования выступала по преимуществу торговой организацией. Однако в 1740–50-е годы война Компании со своей француз-

ской «коллегой» (в рамках англо-французской войны за австрийское наследство, затем Семилетней войны), а также распад Могольского султаната создали для неё благоприятные условия для рывка во власть в Южной Азии, для превращения Компании из купца в державу-купца. Выковав в войнах с французами крупную сухопутную армию, состоящую преимущественно из *сипаев* (обученных и вооружённых по европейскому образцу солдат-индийцев), Компания использовала её для захвата власти в прибрежных странах Индии — Карнатике на юго-востоке и Бенгалии на северо-востоке. Господству британцев в Бенгалии положила начало победа подполковника Р. Клайва в сражении при Палаши в 1757 г. над местным навабом. Постепенно Ост-Индская Компания оттеснила навабов Бенгалии от управления и стала одной из политий Индии — наряду с союзом маратхских княжеств, Майсуром на юго-западе и обломками Могольского султаната, такими как ставшие фактически независимыми навабства Авадх и Хайдарабад. На протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. Компания вела с ними борьбу за преобладание (она включала четыре англо-майсурских и три англо-маратхских войны). Главным инструментом контроля Компании над покоряемыми княжествами служили субсидиарные договоры — соглашения о размещении в них оплачиваемого правителем англо-сипайского контингента¹.

Правда, в 1760-е годы Ост-Индская Компания была лишь в начале своего имперского пути.

После полной победы при Панипате вся Индия, казалось, лежала у ног Ахмад-шаха Дуррани. Однако он не выказал желания занять трон Могольского султаната.

На сардаров мисалов победа афганцев над маратхами, похоже, не произвела особого впечатления. Одним из исключений был сардар Патиалы Алха Сингх, который устрасился и подтвердил свою лояльность афганцам. Этим он вызвал гнев хальсы, возмущённой таким отщепенцем, но ему удалось отделаться штрафом. Когда в марте 1761 г. Ахмад-шах начал триумфальное шествие домой, то, перейдя на западный берег Сатледжа, вновь столкнулся с сикхами. *«Каждую ночь Абдали приходилось возводить глиняные укрепления и ограждать свой лагерь цепями гасовых. Каждую ночь отряды сикхов прорывались внутрь и превращали сны афганцев в кошмары»* [Singh Kh., I, p. 151]. Сикхи вновь отбили немало награбленного и освободили более 2 тыс. индуистских женщин, которых афганцы гнали в свои гаремы.

С уходом Дуррани афганская администрация Панджаба оказалась парализована. Сикхи укрепляли свои позиции по всему Панджабу: строили глиняные крепости, занимали новые районы. Те афганские наместники, кто пытал-

---

¹ Подробнее о превращении британской Ост-Индской Компании в территориальную державу в Южной Азии см.: [Фурсов К., 2006, с. 118–145, 184–233].

ся положить конец восстанию, жестоко поплатились. Так, в бою с сикхами polegло тысячное войско во главе с навабом Мирзой-ханом.

Сикхи легко повыгоняли афганских фаудждаров из Джаландхарского доаба, вновь атаковали Сирхинд и Малеркотлу. Ахмад-шах встревожился и прислал из Афганистана 12-тысячное конное войско во главе с Нур-уд-дином Бамзаем. Ему быстро подготовили встречу: переправившись через Ченаб, Бамзай в августе 1761 г. наткнулся на многочисленное войско сардара мисала Сукарчакиа — Чархат Сингха и был разгромлен. Афганцы в беспорядке бежали и заперлись в крепости г. Сиалкота. Бамзай вскоре бежал оттуда в лохмотьях нищего, бросив своих людей и немалое имущество. Афганцы тут же сдались и были отпущены с миром.

Чархат Сингх с триумфом вернулся в свою ставку в Гуджранвале (в Рачна доабе); именно здесь, как отмечено в начале книги, в XIII в. проповедовал бхакт Саин Дас, один из предтеч гуру Нанака. Тогда против Чархат Сингха выступил из Лахора афганский наместник Убайд-хан. В сентябре 1761 г. он окружил Гуджранвалу, но тут на помощь Чархат Сингху пришли сардары других мисалов. Внезапно появившись под Гуджранвалой, они сами окружили войска Убайд-хана. Тот в панике бежал ночью в Лахор, бросив войска. Утром сикхи обрушились на афганцев со всех сторон, и те разбежались, побросав оружие, припасы и даже коней. Эта победа вместе с предыдущей резко подняла престиж Чархат Сингха — деда будущего объединителя Пятиречья Ранджит Сингха.

Характер военных действий сикхов против афганцев показал, что с сикхами справиться невозможно. Как отмечает Н.К. Синха, Ахмад-шаху следовало уяснить себе, что борьба с сикхами — это дело не стратегии или тактики, не эффективных военных перегруппировок или вычислений. Нанесённое сикхам поражение было бесполезным, подобно удару меча по воде. Чем больше неистовствовали афганцы, тем упорнее сопротивлялись сикхи [Sinha, 1946, p. 31–32].

Сикхи в совершенстве овладели партизанской тактикой: весьма эффективно беспокоили фланги противника, мешали переправляться через реки, перерезали пути снабжения, перехватывали гонцов и т.д.

Сикхи были мастерами мобильной войны и передвигались налегке, что было большим преимуществом. Как пишет авторитетный военный историк сикхов с подходящим именем Фауджа Сингх Баджва (*фаудж* по-арабски «армия»), подвижностью на войне сикхи превосходили всех индийцев [Vajwa, 1964, p. 9]. В поход брали только оружие (сабли, копыя, кирпаны, мушкеты, луки со стрелами), пороховницы, патронташи, два одеяла, мешок с зерном. Эгалитаризм хальсы проявлялся и в мелочах. Сардары отличались от своих воинов только качеством коней и оружия, да ещё тяжёлыми золотыми браслетами и иногда — золотой цепью, обмотанной вокруг тюрбана. В отличие от

рядовых воинов они порой носили стальные доспехи — шлем, панцирь, налокотники. Шатров сикхи с собой не возили. Сардары спали под небольшим балдахином из грубой хлопчатобумажной ткани на четырёх копьях, воткнутых в землю; простые воины — под навесом из одеяла на двух копьях. Подушкой служило седло. В еде сикхи были по-крестьянски (по-джатски) неприхотливы. На марше довольствовались поджаренным горохом, в лагере — блюдом *дал роти* (горох с лепёшками).

Вообще условия жизни сикхов в военное время были простые и даже суровые, женщин в их лагерях не было, и напасть на сикхов врасплох было трудно. Этим сикхские военные лагеря выгодно отличались от могольских, а с какого-то времени и маратхских — когда маратхи перешли от мобильной войны легкими конными отрядами (что в XVII в. составляло их силу) к громоздким армиям могольского типа. Неудивительно, что во время войн в Индии часто были успешны ночные нападения горстки людей на лагерь большой армии. Причина проста: и воины, и командиры поздно вечером наедались до отвала и проваливались в глубокий сон. Так навели страху на врагов и маратхи во главе с Шиваджи в 1663 г. в рейде на лагерь дяди Аурангзеба Шаиста-хана, и сикхи в 1761 г. в рейде на лагерь Ахмад-шаха.

Вся теория войны у сикхов укладывалась в выражение *дхаи пхат* — «две с половиной раны». Первой раной считалось скрытное приближение к противнику, половиной раны — внезапное нападение врасплох, второй раной — столь же внезапное отступление, прежде чем враг опомнится и будет в состоянии дать отпор [Malik, 1975, p. 81]. Излюбленной тактикой сикхов было поскифски заманивать врага в ловушку: изображать бегство, а когда преследователи оторвутся от главных сил, разворачиваться и уничтожать. Практиковали засады, атаки на рассвете и в сумерках.

Нападения сикхов на противника происходили так. Группа конных сикхов — человек 40 — приближалась галопом к противнику. Лошади были так хорошо обучены, что мгновенно останавливались на всём скаку от удара рукой. Сикхи давали залп из мушкетов (как правило, промахов не было), после чего отъезжали шагов на 100, перезаряжали мушкеты и нападали вновь.

Отгнав Убайд-хана от Гуджранвалы, сикхи перехватили инициативу. К этому времени их объединённое войско насчитывало до 40 тыс. всадников [Malik, 1975, p. 55]. Победы над гарнизонами Ахмад-шаха открыли сикхам путь к Лахору. В ноябре 1761 г. горожане при условии гарантий им их безопасности сами открыли им ворота. Сикхи во главе с Джасса Сингхом Ахлувалиа торжественно вступили в город, который полвека служил штаб-квартирой их недругов. Назим Убайд-хан заперся в Лахорской крепости, но погиб при взятии её штурмом. Джасса Сингха сикхи провозгласили «правителем народа» — *султан-и-каум*. Сикхи вновь стали чеканить собственную монету. На ней было выбито: «*Пищи (дег) и победы (фатех) с помощью сабли (тег)*

добились мы милостью гуру Нанак и Гобинд Сингха». Так демократические принципы хальсы прослеживаются даже в нумизматике. Все прочие правители Индии, кто чеканил свою монету, делали это от своего имени; на деньгах сикхов упоминается вся община.

Занятие сикхами Лахора ускорило падение афганской власти по всему Пятиречью от Инда до Сатледжа.

Ахмад-шах не мог оставить всё это безнаказанным. В начале 1762 г. он вторгся в шестой раз — на этот раз специально с целью покарать сикхов. Допекли.

Оборонять от афганцев Лахор сил у сикхов ещё не было, и они спешно оставили город. Дуррани занял его, созвал со всего Панджаба своих джагирдаров и внезапно объявился под Малеркотлой, которую осаждало большое сикхское войско. Ахмад-шах застал его врасплох: лёгкая конница афганцев преодолела 240 км всего за 36 часов и обрушилась на сикхов с тыла. Сначала афганцы отсекали обоз сикхов, а затем разгромили их главные силы у деревни Куп Рахира.

Сикхи сражались отчаянно, но имели дело с лучшим полководцем Азии того времени. Другие причины афганской победы — артиллерия и внезапность нападения. Кроме того, руки сикхов в значительной степени были связаны присутствием на этот раз — редкий случай — в их лагере тысяч женщин и детей. Сикхские воины образовали вокруг своих семей живой щит и, отбиваясь из последних сил, вышли из окружения. Произошло это 5 февраля 1762 г. Главные силы вёл сардар Джасса Сингх Ахлувалиа, получивший в той битве 22 раны. Несколько раз афганцы прорывали живой щит, врывались внутрь и успевали вырезать немало женщин, детей, стариков. Уже к полудню обе стороны — и сикхи и преследователи — изнемогали от жажды настолько, что, когда на пути попался большой пруд, сражение спонтанно прекратилось и все бросились к этому пруду пить (вспомним «водное перемирие» после «великой суши» в «Книге джунглей» Р. Киплинга).

Всего сикхов погибло в те дни 25–30 тыс. человек. Историки сомневаются, что численность всей общины превышала тогда 100 тыс. человек, а это значит, что афганцы выкосили до трети всех сикхов. Страшная бойня февраля 1762 г. вошла в сикхскую историю как *Вадда гхаллугхара*, Великая резня. Ахмад-шах вернулся в Лахор триумфатором, с 50 телегами, груженными сикхскими головами. У ворот и даже на городских стенах из них (в традициях Железного Хромца) соорудили пирамиды.

Вырезать людей Ахмад-шаху показалось мало: он вновь обрушился на религиозные святыни. Афганцы опять заявили в Амритсар. Сперва снесли дома отдыха паломников вокруг Хари Мандира. Священный водоём осквернили тушами и кровью убитых коров и вновь засыпали. Сам храм взорвали с помощью пороха. Дуррани лично приехал полюбоваться на это — на свою

беду. Когда раздался взрыв и полетели обломки, один осколок кирпича отлетев, ударил шаха по носу и поранил его. Позднее в носу из-за этого разовьётся раковая опухоль, от которой Ахмад-шах в 1772 г. и умрёт. Символично, что — косвенно — смерть он примет от сикхов¹.

Дуррани оставался в Лахоре до конца 1762 г., занимаясь усмирением взбунтовавшегося назима Кашмира. Сикхи, однако, не были сломлены. Уже в мае 1762 г. они вновь атаковали свою излюбленную цель — Сирхинд, разбили афганского фаудждара Зайн-хана и вынудили его платить дань. Дошло до того, что Ахмад-шах не осмелился выйти из Лахора ему на помощь. Затем, пользуясь летней жарой и разливом рек в сезон муссона, сикхи стали беспрепятственно проникать в свой Амритсар и грабить территории под афганским управлением.

Афганский шах встревожился не на шутку и впервые попытался договориться с сикхами. Те не стали слушать его посланца, а ограбили и выгнали. Бóльшая часть афганского войска в это время в Панджабе отсутствовала: была послана на север, в Кашмир — опять приводить к покорности мятежного афганского наместника. Дуррани тем не менее всё равно решил преподать сикхам урок. За день до осеннего праздника дивали он лично возглавил карательный поход на Амритсар. Однако сикхи отбивались так упорно, что шах был вынужден отступить и под покровом ночи вернулся в Лахор. Впервые сикхи отстояли от афганцев свою религиозную столицу, причём отогнали самого Ахмад-шаха.

На дивали 17 октября 1762 г. в Амритсар собралось до 60 тыс. сикхов. Они вынесли гурмата: отомстить за причинённые как религии, так и народу обиды. Ахмад-шах оказался в Лахоре едва ли не в осаде. Сикхи стали нападать на окрестности провинциального центра и грабили страну от Сирхинда до Сиалкота. В декабре шах покинул Индию, прослышав о смутах в Кандагаре. При переходе через Рави сикхи опять доставили ему немало хлопот, изумляя своей храбростью.

Очередной уход Дуррани вновь развязал сикхам руки. В мае 1763 г. сардар мисала Бханги Хари Сингх и сардары четырёх других мисалов вырвали из рук афганцев город Касур, захватив там очень много золота, серебра, драгоценных камней и жемчуга. В частности, на долю сардара Джасса Сингха Рамгархиа досталось столько ценностей, что их несли на кровати четыре рослых сикха. Джасса Сингх зарыл это сокровище в лесу под Амритсаром, да столь надёжно, что потом так и не нашёл этого места [Gupta, II, p. 197]. За-

---

¹ В фильме о мученике Дип Сингхе Ахмад-шах, шахзада Тимур и афганские военачальники любят на артобстрел Хари Мандира с сёдел своих коней, хохоча от радости. (В фильме это макет, подозрительно похожий на современный **Золотой** храм, каким Хари Мандир стал лишь в начале XIX в.)

тем сардары разграбили Малеркотлу, наваб которой был известен гонениями на сикхов.

Буддха Дал под командованием Джасса Сингха Ахлувалиа продолжал бороться с оккупантами и размещать по стране гарнизоны. Афганского фаудждара погнали из Джаландхарского доаба. Это настолько обеспокоило Ахмадшаха, что в ноябре 1763 г. через Инд переправился с карательной экспедицией его главный военачальник Джахан-хан. Однако Чархат Сингх Сукарчакиа наголову разбил его под Сиалкотом. Джахан бежал туда, откуда пришёл, бросив даже семью. Сикхи захватили женщин, но отправили к афганцам в Джамму целыми и невредимыми. В Сиалкот сикхи вступили 14 января 1764 г., ровно через три года после Панипата. Получалось, что великая победа афганцев над маратхами была бесплодной. В том же месяце армия Таруна Дал под командованием Чархат Сингха Сукарчакиа вошла в Амритсар, очистила священный водоём и отстроила храм.

В декабре 1763 г. сикхи (войска сразу восьми мисалов) в который раз захватили Сирхинд, убили афганского фаудждара Зайн-хана и срыли городские стены, чтобы дать сбыться пророчеству гуру Гобинда. На месте, где нашли смерть два его младших сына, воздвигли гурдвару Фатехгарх Сахиб («Господин Крепость победы»).

В феврале 1764 г. сикхи подступили к Лахору и потребовали от афганского наместника Кабули Мала (индуиста) выдать всех мясников города и запретить убой коров. Тому пришлось не только отрезать носы и уши нескольким мясникам, но и заплатить сардарам крупную сумму в виде *назрана*. Таким образом, сикхи уже принимали официальные подношения в качестве владык Панджаба. Более того, наместник был вынужден назначить своим советником ставленника сардара Хари Сингха Бханги — Тек Чанда. Именно он сделался реальным правителем Лахора. А представителю сардара мисала Канхийя Собха Сингха Кабули Мал был вынужден позволить собирать пошлины на товары, ввозимые в город со стороны Мултана.

Сикхи продолжали систематически очищать Страну пяти рек от афганских оккупантов. Пал Мултан, Чархат Сингх занял Рачна и Чадж доабы, сикхи впервые перешли на правый (западный) берег Инда — в область, известную как Дераджат; там расположены три города, названия которых начинаются с элемента «Дера» (пандж. «лагерь»): Дера-Гази-хан, Дера-Фатех-хан и Дера-Исмаил-хан (*дераджат* — *дера* в множественном числе). В феврале 1764 г. сикхи (Буддха Дал под началом Джасса Сингха Ахлувалиа) впервые со времени Банды Бахадура пересекли Ямуну, углубившись в Гангский доаб. В частности, они разграбили г. Сахаранпур. Вождь рохилов и союзник Ахмадшаха Наджиб-уд-даула был не в состоянии отбить сикхов, и откупился 11 лакхами рупий. После этого сикхи стали наведываться в Гангский доаб каждые два года.

Ахмад-шаху надо было как-то реагировать. В декабре 1764 г. он вторгся в Индию в седьмой раз, опять главным образом из-за сикхов. Его армия насчитывала 18 тыс. афганцев, отряд данника — правителя белуджского ханства Калат Насир-хана плюс афганский гарнизон Лахора. Сикхи укрылись в лесу Лакхи, а часть отправилась на помощь радже **джатского** княжества Бхаратпур, который воевал с Наджибом-уд-даула (кастовая солидарность).

В 1764 г. афганский шах не придумал ничего лучшего, как вновь сделать мишенью религиозный центр сикхизма. И тут стало ясно: сикхи настолько поднаторели в партизанской борьбе с афганцами, что на короткий путь от Лахора до Амритсара (всего 50 км) Ахмад-шаху потребовались целых четыре дня. Когда остановить захватчика не удалось, сикхи вновь схоронились в лесах. Как многие полководцы перед лицом партизанского сопротивления, Дуррани рассчитывал найти в Амритсаре главные силы сикхов и уничтожить их разом. Однако сикхи понимали, в чём их сила, — в стремительных набегах, после которых их отряды растворялись без следа. В Амритсаре афганцы обнаружили только 30 воинов, которые несли стражу у Акал Тахта. Все они погибли, защищая символ сикхского суверенитета. Дуррани в третий раз разрушил Хари Мандир и вернулся в Лахор.

Отсюда он провёл акцию устрашения в Джаландхарском доабе: разорял селения, где давали убежище сикхским воинам, резал панджабцев, не делая различия между сикхами и индуистами. Со стороны афганцев то уже был акт отчаяния. К этому времени восходит панджабская пословица, родившаяся в условиях постоянных афганских грабежей и отражавшая чувство неопределённости и неуверенности в завтрашнем дне: *«То, что мы едим и пьём, — это наше, остальное — Ахмад-шаха»*.

Регулярные нашествия Дуррани привели к появлению в панджабском фольклоре ещё одной пословицы: *«Рождённые в Кабуле — наши постоянные гости»* (хотя столицей Ахмад-шаха был Кандагар, приходил он через Хайберский проход, т.е. со стороны Кабула).

Дуррани двинулся было на восток (хотел опять пограбить Дели), но когда пересёк Сатледж, натолкнулся на столь упорное противодействие сикхов, что отказался от этой идеи.

Успехи за последние два года добавили сикхам уверенности, которой им и без того было не занимать. В марте 1765 г. на Сатледже они впервые дали врагу настоящее регулярное сражение, выстроившись, как и он, в боевом порядке. Со стороны афганцев в центре стоял сам Ахмад-шах, на правом фланге — Джахан-хан и его другие военачальники, на левом фланге — Насир-хан со своими белуджами (всего 24 тыс. человек). Им противостояли силы многих мисалов: центром командовал Джасса Сингх Ахлувалиа, правым флангом — Чархат Сингх Сукарчакиа, Джханда Сингх Бханги и Джай Сингх Канхийя, левым — другие сардары мисала Бханги. Зная военные хитрости сик-

хов, Дуррани наказал не преследовать их, если те побегут, но Насир-хан поддался на уловку Чархат Сингха и бросился в погоню. Сикхи внезапно развернулись и обрушились на преследователей; Насир-хан едва пробился назад к своим. Всё же битва окончилась ничьей. Однако «в мобильном виде» она продолжалась ещё шесть дней: афганцы двигались на запад, а сикхи без конца изводили их набегами (параллельное преследование) — аналогичным образом во время Великой гхаллугхары афганцы наносили сикхам удары на марше. Ахмад-шах даже не стал задерживаться в Лахоре — столице своей индийской провинции. В какой степени данная провинция была «его» — это уже был большой вопрос. Переправа через Беас и Ченаб стоила больших потерь. В конце марта 1765 г. Дуррани убрался из Индии.

В этом походе Ахмад-шаха сопровождал кази Нур Мухаммад, имевший от Насир-хана задание описать поход. В своей хронике *Джангнама* («Сказание о войне») он сообщает, что после ухода афганцев сикхи овладели значительной частью Панджаба. Об установлении сикхской власти в Панджабе мусульманский летописец с раздражением повествует: *«Джагиры Аугхар Сингха и Санвал Сингха простираются до деревни сайидов... Обе собаки стали здесь богатыми... среди этих собак есть многие другие, кто известен и держит другие территории»* (цит. по: [Gupta, II, p. 225]). Правда, в другом месте кази, противореча себе, призывает, наоборот, не называть сикхов собаками, *«ибо они львы и храбры на поле боя подобно львам... Если хотите научиться воинскому искусству, станьте с ними лицом к лицу на поле боя. Они покажут его вам так, что снищут всеобщую похвалу... Если не знаете языка хиндустани, слово «сингх» означает «лев». Это правда, в битве они подобны львам...»* (цит. по: [Duggal, 2001, p. 43]). Здесь уже нет речи о том, что сикхи — сброд, не умеющий держать сабли!

Ещё на байсакхи 1765 г. сикхи вынесли в Амритсаре гурмата: отвоевать Лахор окончательно. Воспользовавшись тем, что назим Кабули Мал уехал на север в Джамму, сардары мисала Бханги — Лехна Сингх и Гуджджар Сингх — напали на Лахор, пробили брешь в стене и 16 апреля вступили в город. Племянник назима был взят в плен. На следующий день подошёл сардар мисала Канхийя Собха Сингх, и Лахор с окрестностями был поделен между двумя мисалами. Сардары тут же стали чеканить в городе рупии *гобиндшахи* с той же надписью, что при Банда Бахадуре за полвека до того.

Это событие вошло в историю сикхов как провозглашение их суверенитета над Панджабом.

Вскоре к городу подошёл Чархат Сингх Сукарчакиа и потребовал своей доли. Три сардара предложили ему отбитую у афганцев пушку Зам-зама, рассчитывая, что за неимением волов он не сможет её увезти. Однако Чархат позвал 2 тыс. своих воинов и перевёз орудие к себе в Гуджранвалу на человеческой тяге.

Пушка Зам-зама — индийский эквивалент русской Царь-пушки. Её отлили в 1757 г. афганцы в Лахоре. Длина орудия превышала 4 м, а калибр — 36 кг. На изготовление Зам-зама пошла вся собранная афганцами в Лахоре в домах индуистов латунная и медная посуда. Орудие было настолько громоздким, что Ахмад-шах не смог увезти его с собой в Кабул. В начале XIX в. Зам-зама достанется внуку Чархат Сингха объединителю Панджаба Ранджит Сингху. При штурме им Мултана в 1818 г. будет повреждён ствол, и сикхскую Царь-пушку поставят у Делийских ворот Лахора как украшение. Во время первой англо-сикхской войны, в 1845 г., сикхи потеряют Зам-заму в сражении при Фирозшахре. Когда Панджаб станет британским, пушку установят в Лахоре перед Центральным музеем. С событий у этой пушки начинается известный роман Р. Киплинга «Ким» о мальчике-шпионе, участвующем в Большой Игре.

Узнав о падении Лахора, Ахмад-шах возвращаться уже не стал. Чтобы спасти лицо, он прислал в дар Лехна Сингху большие корзины отборных фруктов, будто санкционируя захват города. В ответ сардар вежливо отослал их назад, заявив: этот деликатес достоин одного шаха, а лучшая пища для такого смиренного крестьянина, как он сам, — зерно.

Сикхи брали верх над афганцами благодаря не только партизанской тактике и поддержке населения, но и выдающимся лидерам, таким как Джасса Сингх Ахлувалиа, Хари Сингх Бханги, Чархат Сингх Сукарчакиа. Сын и военачальники Ахмад-шаха, напротив, были посредственными полководцами [Singh Kh., I, p. 168].

Один раз, правда, Дуррани в Лахоре ещё довелось побывать. Когда он вторгся в декабре 1766 г. в восьмой раз, сардары Бханги не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы держать оборону города. Как и в 1762 г., сикхи предпочли оставить его сами, но именитые горожане заявили вступившему в Лахор Ахмад-шаху, что Лехна Сингх — милостивый правитель. Ахмаду ничего не оставалось, как написать Лехне письмо с предложением вернуться владеть Лахором, только признать при этом верховную власть Афганистана. Лехна отклонил предложение.

Возобновилась изматывающая война. Из-за сикхов Ахмад-шаху вновь не удалось добраться до Дели. Выступив из Лахора на восток, дальше Сатледжа он идти не осмелился, так как Чархат, Лехна и другие сардары разграбили его обоз и собирались осадить Лахор. Дуррани стал метаться за сикхскими отрядами по Панджабу, но те неизменно уклонялись от сражения, а афганцы контролировали только главные дороги. В январе 1767 г. сикхи нанесли крупное поражение Джахан-хану под Амритсаром (полегло 5–6 тыс. афганцев).

В 1767 г. сикхи числом до 40 тыс. под началом Джасса Сингха Ахлувалиа кружили тремя конными отрядами вокруг лагеря Ахмад-шаха на расстоянии 10–15 *косов*. Дуррани тщетно пытался навязать им бой. Со стороны сикхов

это было весьма успешное применение психологической войны. Сикхи довели Ахмад-шаха до того, что тот наконец написал Джасса Сингху и другим сардарам письмо, что готов взять их на службу. Афганцы с трудом отгоняли сикхов, которые нападали на их мелкие отряды. В частности, Ахмад-шах недо считался свежих фруктов, посланных ему из Кабула: сикхи перехватили караван из тысячи верблюдов [Sinha, 1946, p. 62]. Секрет их успешных действий, как и прежде, во многом крылся в помощи со стороны заминдаров. Те помогали сикхам продовольствием — отчасти из вражды к афганцам, отчасти понимая, что афганцы пришли и уйдут, а с сикхами жить бок о бок.

И Дели, и даже Амритсар стали для афганцев тем близким локтем, который не укусишь. Кстати, именно к 1767 г. относится первое упоминание о сикхах как о политической силе в документах Ост-Индской Компании: британцы из своей далёкой Бенгалии следили за афганскими вторжениями, опасаясь, не захлестнут ли они всю Северную Индию. В сикхах они видели силу, объективно способную защитить субконтинент от вторжения. Так, губернатор Бенгалии лорд Клайв с удовлетворением писал своему союзнику навабу Авадха: *«Был очень рад узнать, что продвижение шаха остановлено сикхами»*. Правда, министру Ахмад-шаха — Шаху Вали-хану — лицемерный Клайв писал совсем другое: *«Хвала богу, что благодаря удачливости его величества и мудрым мерам адресата вероломные сикхи понесли достойное наказание за свои злодеяния»* [Gupta, II, p. 241–242].

Как только к лету 1767 г. Дуррани, по обыкновению, ушёл из Индии, сикхи вернули себе все территории. Оставленный шахом в Лахоре наместник Дадан-хан предпочёл сдать город (нищим не остался: получил от сикхов пенсию в 20 рупий в день).

Ахмад-шах приходил в Индию ещё дважды: в декабре — январе 1768–69 и 1769–70 гг. Империя Дуррани начала рушиться уже в самом Афганистане, пуштунские племена выходили из повиновения Кандагару, и шаху как никогда нужны были средства. Вообще Дурранийская держава отличалась большой нестабильностью именно по причине своей гибридности: она была чем-то средним между кочевой и оседлой империей. В такой державе функционировала «двойная экономика», сочетавшая нерегулярный сбор дани с постоянным сбором налогов. Равновесие между двумя элементами всегда оставалось хрупким, отсюда и нестабильность [Gommans, 1995, p. 177].

Во время девятого вторжения Ахмад дошёл только до Джелама (на обратном пути, в Восточном Афганистане, его пограбили свои же — племена гильзаев). В десятый поход шах уже не продвинулся дальше Пешавара. Великий полководец никак не предполагал, что какие-то сикхи, которые кроме партизанской тактики ничего и не знают, в конце концов перекроют ему путь в Индию. Объективно сикхи стали стражем ворот в Индию, принимая на себя всю тяжесть афганского удара и защищая от нашествий остальную часть суб-

континента. Ахмад-шах разгромил общеиндийскую силу — маратхов, а на региональной — сикхах — «сломался». Они стали для него тем же, чем русские и в ещё большей степени испанцы окажутся для Наполеона.

В июне 1770 г. Ахмад-шах вторгся в одиннадцатый раз, но опять дошёл только до Пешавара. Упрямо отказываясь смириться, он планировал двенадцатый поход, но 23 октября 1772 г. умер в своей столице Кандагаре от рака носа (надо ли напомнить причину болезни?). Едва ли не в тот же день сикхи переправились на западный берег Инда и пограбили Пешавар. Сын и преемник Ахмада Тимур-шах Дуррани урок усвоил. Когда его придворные заводили речь о новом походе в Индию, он напоминал им: *«Какую пользу извлёк отец из своих индийских походов? Они привели лишь к процветанию сикхов»*.

В самом деле, ко времени смерти Ахмад-шаха территория под контролем мисалов простиралась от реки Атток на западе до Сахаранпура на востоке и от Кангры и Джамму на севере до окрестностей Мултана на юге. Таким образом, сикхи освободили от афганцев весь Панджаб, да ещё прихватили соседней территории.

Если сикхи справились в Индии с самим Ахмад-шахом, неудивительно, что такая же участь постигла и его младшего союзника — вождя рохилов Наджиба-уд-даула, который более десяти лет заправлял в Дели. Всё это время сикхи ежегодно (сразу после уборки урожая, а значит, дважды в год) тревожили столичную область своими набегами, и Наджиб отражал их с трудом. Во многом из-за этого он за семь лет выплатил Ахмад-шаху дани всего 2 лаखा рупий вместо полагавшихся 2 кроров 80 лакхов [Gupta, II, p. 250]. Наконец в 1768 г. Наджиб уяснил, что если не вышло у Дуррани, то ему сикхов и подавно не одолеть. Сообщив об этом могольскому шаху, он навсегда покинул Дели и в 1770 г. умер.

Период нашествий в Индию Ахмад-шаха Дуррани был исключительно тяжёлым в истории сикхов. С одной стороны, как и вторжение Надир-шаха, вторжения афганцев доламывали и без того расшатанную могольскую структуру власти в Панджабе. С другой стороны, афганцы верно разглядели в сикхах врагов, которые способны помешать им овладеть Панджабом, и обрушились на них сами.

В 1748 г. сикхи, чтобы повысить свою военную эффективность, воссоздали единую военно-политическую организацию времён Гобинд Сингха и Банда Бахадура: самоорганизовались в единое войско Дал Хальса под командованием сардара Джасса Сингха Ахлувалиа. Правда, его единоначалие было во многом номинальным, и реальными боевыми единицами стали 11 крупных отрядов — мисалов. Эти отряды строились на принципе равенства и возглавлялись выборными предводителями — сардарами. Система мисалов на полвека стала основной политической структурой сикхов.

В конце 1740-х – начале 1750-х годов главным противником сикхов был могольский, а затем афганский наместник Лахора Мир Манну. Несмотря на немалые усилия, с сикхами он ничего не смог поделать. После его смерти имперская структура управления в Пятиречье по сути рухнула. Сикхские мисалы стали распространять по стране ракхи – систему защиты (преимущественно) сельского населения в обмен на пятую часть налогов.

В то же время интересы сикхов приходили во всё большее противоречие с интересами афганцев, которые стали наведываться в Панджаб регулярно. В провинции возникла афганская администрация. В 1762 г. Ахмад-шах Дуррани нанёс сикхам крупное военное поражение, перебив при этом и большое количество мирного населения (Великая гхаллугхара). Однако сикхи оправились очень быстро и продолжали привычную по противостоянию с Моголами партизанскую войну. Контролируемая афганскими наместниками территория всё больше сжималась, ограничиваясь только городами и связывавшими их дорогами; сельскую местность они контролировали с каждым годом всё меньше. Соответственно, здесь возникала параллельная афганской сикхская администрация – сардары мисалов и их военачальники, собиравшие налоги в свою пользу.

К середине 1760-х годов сикхи переломили ситуацию, заставив Ахмад-шаха Дуррани перейти к обороне. Хотя маратхи были силой общеиндийского масштаба, Ахмад-шах с помощью победы при Панипате 1761 г. сумел, пусть временно, вывести их из игры. Сикхи были всего лишь региональной силой, но нейтрализовать их так же, как маратхов, ему не удалось; Великая гхаллугхара 1762 г. не стала для афганцев вторым Панипатом. Когда Ахмад-шах приходил в Индию, они изводили его войско своими набегами, так и не дав повторить поход на Дели; когда он уходил к себе в Афганистан, они методично очищали Панджаб от его наместников. 1765 г. вошёл в историю как год провозглашения сикхами полной независимости: они заняли Лахор и стали чеканить там собственную рупию. К концу 1760-х годов сикхи эффективно блокировали афганцам путь в Индию, прекратив их вторжения.

Могольская империя лежала в руинах, афганский захватчик был изгнан. Единственной реальной и организованной силой в Панджабе остались сикхи как лидеры сопротивления и могольским и афганским угнетателям. Из партизанских отрядов мисалы окончательно превратились в территориальные княжества, поделив между собой всю страну. Хозяевами Пятиречья стали его львы – сингхи.

Сикхи свой суверенитет поистине выстрадали. Упорно не желая больше подчиняться имперской власти, они почти без перерывов более полувека отстаивали свою независимость с оружием в руках. Наместники Панджаба, стремясь как укрепить свою власть в провинции, так и заслужить милость имперского центра (Дели, затем Кандагара), соревновались друг с другом в

масштабе репрессий. За период, охваченный в настоящей главе, сикхов погибло около 200 тыс. человек. При этом численность жертв шла по нарастающей. Если при Гобинд Сингхе в войнах погибли всего 5 тыс. сикхов, то при Банда Бахадуре — уже 25 тыс.; могольские назимы Абд-ус-Самад-хан (1713–26) и Закария-хан (1726–45) перебили по 20 тыс. сикхов каждый; Яхья-хан (1746–47) вырезал около 10 тыс. человек; Мир Манну (1748–53) — более 30 тыс.; Адина-бег в 1758 г. — не менее 5 тыс.; Ахмад-шах Дуррани и его наместники — 60 тыс., его союзник Наджиб-уд-даула — 20 тыс. [Gupta, II, p. 255–256]. В мировой истории немного примеров столь многочисленных жертв ради независимости страны и ещё менее — столь упорной борьбы за неё.

Историк Нахар Сингх метко назвал свою небольшую книгу о периоде сикхской истории от смерти Гобинда до середины XVIII в. «Борьба за дыхание», т.е. выживание общины [Singh N., n.d.]. По мнению Гопал Сингха, в этот период само существование сикхов было под вопросом [Singh, Gopal, 1988, p. 381]. Если это и выглядит преувеличением, то лишь отчасти: вспомним, что в Великую гхаллугхару погибла треть всех сикхов.

За период афганских нашествий сикхи пережили не только масштабное истребление членов своей общины, но и три разрушения своей главной гурдвары. И хотя они не делят историю Хари Мандира и своей общины на эпохи Первого и т.д. Храма, в сикхской истории Ахмад-шах Дуррани сыграл примерно ту же роль, что вавилонский военачальник Навузардан и сын римского принцепса Тит Флавий Веспасиан — в еврейской.

К последней трети XVIII в. сикхи «сняли» в Панджабе пласт могольской и афганской администрации и надстроились над податным населением сами в качестве «верховного собственника». Персонификаторами этой собственности выступали в первую очередь сардары мисалов. Любопытно, однако, что в ряде районов страны (прежде всего, в Маджхе, Мальве и Джаландхарском доабе) сикхи вместе с тем были и «податными собственниками» — в силу принадлежности к касте джатов-земле(вла)дельцев. Так сикхи заняли в Панджабе оба уровня собственности одновременно.

ГЛАВА V

На пути к империи: Период мисалов (вторая половина XVIII в.)

V.1. Мисалы Маджхи и Мальвы и их усобицы

Эпоха 1765–99 гг. вошла в историю Пятиречья как период мисалов. В этот период сикхи наконец обрели полную независимость. Более того, их власть простиралась не только на исконные сикхские территории (Джаландхарский доаб, Маджха, Мальва), но и почти на весь Панджаб от Инда до Ямуны и от Джамму до Мултана. Страна пяти рек оказалась поделена между одиннадцатью мисалами и княжествами сикхского клана Пхулкиа.

К началу рассматриваемого периода мисалы в целом превратились из военных отрядов в территориальные княжества — абсолютно независимые друг от друга. В каждом мисале уже далеко зашёл процесс социального и имущественного расслоения, сформировалось несколько уровней знати. Главы мисалов — сардары — из выборных военных вождей сделались наследственными правителями. Так с превращением сикхской общины в политику произвольное назначение гуру своего преемника сменилось переходом власти по наследству. Сардар мисала раздавал территории своим военачальникам; те, в свою очередь, — своим. У сикхов было несколько категорий территориальных держаний, с которых они собирали в свою пользу земельный налог и другие подати.

Основная категория называлась *паттидари*: сикхи того или иного мисала делили подконтрольную им территорию на доли (*патти*); крупная отходила сардару, остальное — подчинённым ему вождям и так до рядовых воинов. Получая свою патти, сикхский воин не имел права передать её чужаку; в крайнем случае мог лишь заложить её. Однако у него было право передать патти по завещанию одному из родственников мужского пола¹.

---

¹ В более узком смысле термин *паттидари* обозначает один из типов землевладения внутри сельской общины в Панджабе и Хиндустане, а именно доленое владение [Алаев, 1981, с. 23].

Другой категорией земельного держания была *мисалдари* — свободный дар сардара мелкому военачальнику или небольшой группе воинов, которые присоединились к мисалу при условии сохранения своей независимости. В случае недовольства своим сардаром мисалдар имел право перейти к другому, причём, что любопытно, вместе с пожалованной территорией. Мисалдаров по всему Панджабу насчитывалось 400–500 человек.

Сохранялась и классическая могольская категория *джагирдари* — условное держание с обязательством содержать оговорённое число всадников. Территории на таких условиях сардары часто жаловали своим родственникам; как и при Моголах, джагиры имели тенденцию становиться наследственными.

Наконец существовала *табари* — держание, жалуемое зависимому человеку; могло быть отобрано за нелояльность или просто по воле сардара. Конечно, были и пожалования гурдварам и другим религиозным учреждениям, не только сикхским. С каждой деревней сардар или его джагирдар имел дела напрямую, чтобы не давать усилиться главам местных землевладельческих кланов и племён. Правда, если в недавно завоёванном районе сикхский сардар был не в состоянии полностью подчинить население, он договаривался с такими лидерами, уступая им половину налога с определённых деревень.

Не следует думать, будто экономической основой системы мисалов служили исключительно грабёж и взимание дани (ракхи, камбали), ведь сикхи, большинство которых составляли джаты, исходно были землевладельцами, пусть и не крупными. Поэтому существовало разделение труда: часть членов семьи работала в родной сельской общине на собственных полях, а другая часть отправлялась в походы под началом своего сардара [Pettigrew, 1975, p. 28].

Военную силу мисалов оценивают по-разному. По свидетельствам европейских путешественников и чиновников британской Ост-Индской Компании, в конце XVIII в. все мисалы вместе могли выставить от 65 тыс. до 250 тыс. воинов. К началу периода сильнейшим мисалом был Бханги (мог выставить до 20 тыс. воинов), к концу периода его сменил Сукарчакиа (22–25 тыс.) [Cunningham, 1903, p. 138; Gupta, IV, p. 313]. Именно сардар мисала Сукарчакиа Ранджит Сингх станет объединителем Панджаба.

Характерной особенностью периода мисалов стали их постоянные войны друг с другом.

В первой половине — середине XVIII в. сикхи сообща отстояли свою независимость от Моголов, сообща победили и изгнали грозного врага извне Индии — афганцев. Казалось бы, выкованное в кровопролитиях гхаллугхар единство будет лишь укрепляться. Вовсе нет. Как только исчез внешний враг, возобладало стремление захватить как можно больше власти и ресурсов. При этом конфигурации союзов и, соответственно, военных действий между мисалами менялись калейдоскопически.

Какой же была власть сикхов над населением Панджаба, большинство которого составляли иноверцы — мусульмане и индуисты? Продолжая писать в том же духе, что и могольские хронисты начала XVIII в., мусульманские летописцы того времени клеймят эту власть как гнёт. Другие (в том числе непредвзятые) авторы этого не подтверждают. Большинство оставивших свидетельства современников второй половины XVIII — начала XIX в. (как индийцы, так и европейцы) сходятся во мнении, что население мисалов в целом было довольно властью сикхских сардаров и порядком, который они навели [Gupta, IV, p. 354]. Это — не говоря о полном отсутствии каких-либо религиозных притеснений мусульман или индуистов со стороны новой, сикхской, власти¹. Законы были мягкие, смертная казнь не предусматривалась даже за убийство (в Великобритании в то время смертью карали до 200 преступлений, а в Австралию ссылали за кражу буханки хлеба). В случае убийства у сикхов полагалась компенсация — выдача дочери замуж в семью убитого, крупная сумма денег или 125 *бигхов* земли.

В последнее время во многих работах по Индии подчёркивается, что в историографии XIX — первой половины XX в. сильно преувеличивали пагубные последствия войн XVIII в. для индийского земледелия, ремесла и торговли. Эти историки некритически следовали могольским летописцам, которые оплакивали распад империи. На самом деле боевые действия того времени были, как правило, операциями мелкого масштаба; опустошения от войн затронули далеко не всю Индию, хотя Панджаб, безусловно, входил в число пострадавших территорий; экономика таких территорий восстанавливалась быстро, причём правители — региональные преемники Моголов — прилагали к этому усилия (см., например: [Bayly, 1983]). Так, сардары мисалов налоговыми льготами привлекали мигрантов из области Дели, Гангского дооба, старались переманить к себе жителей соседних мисалов. Кстати, население Панджаба в это время насчитывало, по разным оценкам, от 1,5 млн. до 5 млн. человек [Gupta, IV, p. 349].

В связи с этим торговля в Панджабе процветала — несмотря на междоусобные войны сардаров. Крупнейшим торговым центром всего Панджаба во второй половине XVIII в. стал именно Амритсар, обогнавший Лахор и по численности населения. Причинами этого были общий упадок Могольского сул-

¹ Уже упоминавшийся мной С.М. Латиф, потеряв чувство меры, пишет, будто в период мисалов сикхи превратили мечети в свинарники, а мусульман — в стада свиней; будто сикхи притесняли мусульман по религиозным соображениям, поэтому большинство (!) зажиточных мусульман перебрались на территорию Ост-Индской Компании — якобы только там *муаззин* мог без страха созывать на молитву правоверных, «которые так долго пребывали в рабстве и которым их неверные господа-идолопоклонники (это сикхи-то — идолопоклонники! — К.Ф.) мешали выполнять свои религиозные обязанности» [Latif, 1964, p. 291]. Чудовищное искажение истории.

таната и оберегание сикхами своего священного города. Купеческие караваны нередко ходили из Амритсара в Маччхивару и Патиалу, а оттуда на юг в города Раджпутаны, в Гангский доаб или Дели. И всё же об уровне развития товарно-денежных отношений многое говорит тот факт, что налог в мисалах чаще взимали натурой — от четверти до половины урожая, в зависимости от качества почвы. Деньги сардары чеканили по-прежнему от имени гуру — Нанака и Гобинд Сингха.

Один из первых британских историков сикхов Джозеф Каннингэм в середине XIX в. назвал систему мисалов второй половины XVIII в. «теократическим конфедеративным феодализмом» [Cunningham, 1903, p. 132]. За Каннингэмом эти термины в том или ином сочетании повторяли многие исследователи — западные, индийские, советские. Это глубоко европоцентричный подход.

Мисалы действительно можно считать продолжением властной традиции политики гуру от Арджана до Гобинда, которая, как я отмечал, действительно носила теократический характер. Однако главы мисалов не имели духовной власти над своими воинами, не говоря уж о подвластных индуистах и мусульманах. Мало ли в мировой истории примеров того, как прослойка знати и воинов подчиняла какую-то территорию и облагала данью иноверное население? По такой логике в категорию «теократия» попадёт и режим нидерландской Ост-Индской Компании на Яве, и режим Золотой Орды в русских княжествах.

Что касается термина «конфедерация», то союзы мисалов возникали и распадались как стёклышки в калейдоскопе. С внешними врагами сикхи уже управались, поэтому они как сплачивающий сикхов фактор не работали. Это — не говоря о строгом юридическом содержании европейского термина «конфедерация».

Неправомерно применять к мисалам и термин «феодальный». Сардаров и их военачальников связывала вовсе не лояльность вассала сюзерену, а (чаще всего) родственные, клановые отношения. О феодальных отношениях в мисалах пишут и англоязычные, и советские историки (например: [Gupta, IV, p. 350; Семёнова, 1958, с. 18–19]). (Советские индологи имели в виду прежде всего социально-экономический строй, а не отношения внутри господствующего класса.) Не вдаваясь здесь в теоретическую дискуссию о существовании на доколониальном Востоке феодализма, отмечу: феодальными отношения сардаров, как со своими военачальниками и воинами, так и с подвластным населением, не могли быть хотя бы потому, что право на рахки имел **весь** мисал (совокупность сикхских воинов) в целом, **коллективно** эксплуатируя массы индуистского и мусульманского населения на подконтрольной территории. Феодализм же есть индивидуализированная форма отчуждения воли (личности) и экономического продукта.

Даже в процессе грабежей сикхи выгодно отличались от других современных им разбойников. Как выразился ещё один британский историк сикхов XIX в., автор классической работы сэр Лепел Гриффин: *«Одно следует сказать в их пользу — это высоко поднимает их над пиндхари Центральной Индии или дакойтами Бенгалии: они воевали и грабили как люди, а не как демоны. В сикхской истории мало примеров насилий над женщинами и пыток мужчин, которые запятнали жестокостью и кровью страницы истории Южной Индии... И всё же, хотя сикхи, несомненно, были грабителями, а грабёж скота даже считался у них погётным занятием, как на границе Шотландии несколько сот лет назад, их горячая вера, их ненависть к мусульманам, которые так долго топтали их, убивали их пророков и разрушали их алтари, придавали им некое достоинство, а их целям и походам — почти национальный интерес»* [Griffin, 1892, p. 85]. Сделаю важную оговорку: сикхи воевали не с исламом как с религией, а с угнетательской властью, которая принадлежала тогда мусульманам.

Даже упомянутый выше автор хроники *Джангнама* Нур Мухаммад признавал, что сикхи щадили трусов и бегущих врагов и не грабили женщин. Восхищение сикхами прорывается у летописца даже сквозь презрение к ним как к немусульманам: *«Среди этих собак совсем нет воров; среди этих неверных не рождаются те, кто врывается с грабежом в гужие дома»* (цит. по: [Singh, Ganda, 1956, p. 64]).

В период мисалов начался обратный процесс сближения сикхизма с индуизмом [Семёнова, 1963, с. 13]. Это было связано с социальным и имущественным расслоением в общине, прежде всего с формированием сардарства. Знатные сикхи начали подражать стилю жизни знатных индуистов: принялись носить знаки кастовых отличий, совершать обряды жизненного цикла по образцу индуистов, брать в жёны раджпуток. Даже возродился обряд сати: на погребальный костёр сардара всходила его жена (часто не одна). Всё-таки, как и при гуру Гобинде, который ввёл военную атрибутику и имя «Сингх», господа-раджпуты по-прежнему были для сикхов референтной группой.

А теперь кратко пройдемся по отдельным мисалам: посмотрим на их основателей, на тех, кто им наследовал, и на то, какая судьба постигла тот или иной мисал в эпоху объединения Панджаба Ранджит Сингхом.

Напомню, что шесть мисалов составляли армию Буддха Дал, а пять — армию Таруна Дал. Они различались и географически. Мисалы Буддха Дал занимали территорию от Беаса до Ганги: Ахлувалиа, Далевалиа, Фаизуллапуриа (Сингхпуриа), Карорасингхиа, Нишанвала и Шахид. Мисалы Таруна Дал находились на территории между Беасом и Индом: Бханги, Канхийя, Накаи, Рамгархиа и Сукарчакиа.

Одним из сильнейших был **мисал Ахлувалиа**. Название происходит от деревни Ахлу под Лахором, откуда был родом основатель мисала — извест-

ный нам Джасса Сингх (1718–83). Происходил он из касты винокуров. Территория мисала занимала низовья Джаландхарского дооба и часть левобережья Сатледжа. Свою ставку Джасса Сингх Ахлувалиа поместил в Фатахабаде (араб. «Город победы») на правом берегу Беаса. Он был одарённым полководцем и могучим воином, съедал на завтрак килограмм муки, полкилограмма масла, 250 г сахара и целое ведро *ласси* (индийский йогурт); козу уминал всего за два приёма пищи [Gupta, IV, p. 43]. Джасса Сингх был широк в плечах, у него были высокий лоб, очень длинные руки и мощный голос, он гордился 32 шрамами от сабельных и пулевых ран на теле спереди — ни одной сзади.

Именно Джасса Сингх Ахлувалиа в период борьбы с Моголами и афганцами стал командующим всей Дал Хальсы и армии Буддха Дал (1748 г.). Именно ему сикхи, заняв в 1761 г. Лахор, дали титул *султан-и-каум*. Стало быть, Джасса Сингх больше других сардаров мог претендовать на верховную власть над хальсой.

Когда внешний враг исчез и мисалы принялись воевать друг с другом, главным врагом Ахлувалиа стал другой Джасса Сингх — сардар мисала Рамгархиа. Во второй половине 1770-х годов тѣзки выясняли отношения с помощью вооружённой силы, причём Ахлувалиа заключил союз с мисалами Канхийя и Сукарчакиа. В 1778 г. союзники разбили Рамгархиа и выгнали его из Панджаба.

Последний яркий эпизод в жизни Джасса Сингха Ахлувалиа — успешный поход на Дели в 1783 г. Могольский султанат к этому времени окончательно съёжился до области Дели — Агра. На троне (уж тридцать лет как не Павлиньем, а просто серебряном) сидел Шах Алам II (правил в 1759–1806), за влияние на которого боролись группировки мусульманской военной знати. В марте 1783 г. сардары нескольких мисалов, включая Ахлувалиа, воспользовались тем, что военачальники шаха ушли на юг, к Агре, — подавлять мятеж другого военачальника, и объявились под стенами Дели. Защищать имперскую столицу было некому. Сикхи вошли в город и вступили в Красный форт. Шах Алам с придворными укрылись во внутренних покоях. Сикхи вошли в зал общих аудиенций — *диван-и-ам*. Джасса Сингха Ахлувалиа усадили на трон и принялись обмахивать пучками павлиньих перьев. Сикхский сардар воссел на трон Могольского султаната!

И тут в Дели прибыл Джасса Сингх Рамгархиа — заклятый соперник своего более могущественного тѣзки. Он и ещё несколько сардаров заявили протест, не желая столь явного возвышения вождя из своих рядов. Одно дело, если Ахлувалиа продолжит быть среди сикхских сардаров *primus inter pares*; совсем другое — если он вознесётся на могольский престол, на трон общеиндийской империи, которая юридически по-прежнему существовала и для которой Панджаб с его сикхами всегда был лишь одной из многих провинций.

У Джасса Сингха Рамгархиа было вдвое меньше воинов (10 тыс. против 20 тыс.), но он не собирался уступать без боя. Сторонники Рамгархиа и Ахлувалиа обнажили мечи прямо перед тронем. Однако Джасса Сингх Ахлувалиа не захотел кровопролития, отклонил воздаваемые ему шахские почести и добровольно сошёл с трона. Правда, пережитое им психологическое потрясение оказалось слишком сильным: трон Могольского султаната по-прежнему пользовался огромным престижем, и выше него в Индии не было ничего. Едва сел на трон — и сразу фактически согнали. В октябре 1783 г. Джасса Сингх Ахлувалиа скончался.

Выдающемуся основателю мисала наследовал его троюродный брат Бхаг Сингх (1747–1801), человек умеренный и отличавшийся, по отзывам современников, хорошими манерами. Он перехватил у Джасса Сингха эстафету войны с мисалом Рамгархиа. Конец его правления пришёлся на начало объединения Панджаба под властью сардара мисала Сукарчакиа Ранджит Сингха, который в 1799 г. захватил Лахор. После гибели Бхаг Сингха в 1801 г. сардаром Ахлувалиа стал его сын Фатех Сингх (1784–1837). Он отличался мирным нравом и уступчивостью, что облегчило Ранджит Сингху подчинение мисала. И всё же мисал Ахлувалиа имел слишком большой вес — с ним нельзя было разделаться как с каким-нибудь мелким княжеством. Ранджит Сингху пришлось до известной степени считаться с Фатех Сингхом. Проявив изворотливость, Ранджит в 1802 г. побратался с ним, обменявшись тюрбанами. После этого Фатех Сингх выступал союзником, а точнее (в реальности), военачальником правителя Панджаба. В 1825 г. Ранджит, сочтя, что достаточно силён, конфисковал часть его территорий. После смерти Фатех Сингха от его владений осталось лишь княжество Капуртхала — анклав на территории Британской Индии.

Мисал Далевалиа основал Гулаб Сингх из деревни Далевал на левом берегу Рави к северо-западу от Амритсара. Сикхом он исходно не был, исповедовал индуизм. Торговал бакалейными изделиями, но однажды в начале 1730-х годов все товары украли. Гулаб остался без средств, пришёл в Амритсар к Капур Сингху и попросился в хальсу. Наваб сикхов (которому были нужны воины, а не просто адепты религии) поставил условие: отрастить длинные волосы и за год освоить боевое искусство. Гулаб вернулся домой, собрал вокруг себя шайку и принялся грабить. Люди пожаловались на него грантхи ближайшей гурдвары, и тот дал наказ: *«Не грабь по соседству. Грабь отдалённые районы»*. Через год Гулаб вновь объявился в Амритсаре, уже во главе сотни воинов, и был принят в хальсу. Участвовал в войнах с Моголами, Надиром и Дуррани, в 1759 г. погиб в бою.

Гулаб Сингха во главе мисала сменил Тара Сингх Гаиба (1710–1807). Он тоже начинал мирным работником — пас коз, но был ограблен, после чего сам подался в разбойники. Участвовал в большинстве сикхских набегов на

Гангский доаб, Дели и область Рохилкханд к северо-западу от могольской столицы, поддерживал хорошие отношения с Патиалой. Тара Сингх Гаиба покорила Ранджит Сингху и в возрасте 97 лет сражался за него в бою при Нараингархе в 1807 г. Был ранен и умер по пути домой. Перед смертью Тара Сингх разделил свои земли, занимавшие правобережье верховьев Сатледжа, между четырьмя сыновьями. Такое распыление сил мисала Далевалиа облегчило Ранджиту задачу присвоить его владения: он сделал это сразу после смерти сардара, проигнорировав верную службу покойного. Ранджит присоединил территории мисала Далевалиа, включая ставку Тара Сингха в г. Рахон, который насчитывал 600 лавок и был центром хлопчатобумажного ремесла.

Мисал Фаизуллапуриа (Сингхпуриа) основал наваб Капур Сингх (1697–1753), джат из деревни Фаизуллапур под Амритсаром. О нём рассказано выше. Капур Сингх оставил по себе добрую память: был проникателен, щедр, силен как лидер, в то же время отличался смирением (мы видели это в истории с опахалом). В боях получил 43 раны. Капур Сингх следил за сплочённостью общины: если кто-то из сикхов говорил плохо о другом сикхе, посылал его на тяжёлые работы. Он стал первым сикхским сардаром, который — пусть несколько дней — контролировал Лахор (1750 г.).

Капур Сингху наследовал его сын Хушхал Сингх (ум. 1795 г.). Территории мисала Сингхпуриа находились в Бари и Джаландхарском доабах, а также в области Сирхинд. Своей ставкой (столицей мисала) Хушхал Сингх сделал Джаландхар. Ему, в свою очередь, наследовал его сын Будх Сингх (ум. 1816 г.). В 1804 г. Ранджит Сингх захватил владения Будх Сингха в Бари доабе, и ему пришлось устроиться к Ранджиту на службу. Будх Сингх не служил Ранджиту всей душой, чего тот не мог не чувствовать. Поэтому в 1811 г. Ранджит нашёл предлог отнять у него остальное. Придравшись к тому, что Будх Сингх имел обыкновение красить бороду, Ранджит задал в своём дарбаре вопрос: какому наказанию подлежит сикх за такое дело? Уважаемые члены общины отвечали, что заключению в тюрьму. Будх Сингх бежал из Лахора на территорию Ост-Индской Компании, где у него было мелкое владение, а Ранджит упразднил мисал Сингхпуриа.

Мисал Карорасингхиа основал Карора Сингх, джат из деревни Барки близ Лахора. В конце 1720-х годов чиновники Закария-хана силой обратили его в ислам, но через полгода он вернулся в лоно сикхизма — и стал заклятым врагом имперских властей. Так Моголы сами плодили себе врагов. Карора Сингх возглавил один из мисалов Дал хальсы, участвовал во многих боях и погиб в 1761 г. Власть в мисале перешла к его приёмному сыну Багхел Сингху Дхаливале (1730–1802), который сделался самым могущественным сикхским сардаром левобережья Сатледжа. Он был храбр, высок, хорошо сложен, с зорким взглядом; считается лучшим дипломатом среди всех сардаров эпохи мисалов. У него было целых три ставки (в гг. Хариана, Чхалонди

и Калавар), где административными делами занимались (и вполне успешно) три его жены; сам сардар чаще находился в походах.

Багхел Сингх известен, пожалуй, более всего тем, что в 1783 г. построил в Дели семь гурдвар. Это стало возможно благодаря установлению контроля над городом сикхами во главе с Ахлувалиа, о чём сказано выше. Не поделив могольскую столицу, сардары предпочли уйти, но продиктовали мусульманской знати своё желание видеть в городе символы присутствия хальсы в виде сикхских храмов. Моголы были вынуждены подчиниться. Возведением гурдвар и занялся сардар мисала Карорасингхиа. Восемь месяцев Багхел Сингх оставался в городе с 4-тысячным отрядом и строил святыни в местах, связанных с жизнью или смертью ряда сикхских гуру и членов их семей: на месте, где в начале XVIII в. жила вдова гуру Гобинда; на месте дворца раджи Джай Сингха, где в 1664 г. остановился гуру-ребёнок Хар Кришан (район Дели Джайсингхпура); на месте кремации Хар Кришана и вдовы Гобинда на берегу Ямуны; на месте казни девятого гуру Тег Бахадура (район Котвали) и его кремации (район Ракабгандж) в 1675 г.; на месте, где останавливались Нанак с Марданой, гуру Харгобинд и Рам Раи (район Маджнун ка Тила); на месте, где жил гуру Гобинд (район Моти Багх). Багхел Сингх умер около 1802 г. После его смерти Ранджит Сингх быстро отнял у его вдов почти все владения.

Мисал Нишанвала основал Дасаундха Сингх, джат из деревни Сингханвала под Фирозпуром. *Нишанвала* по-панджабски «знаменосец»: когда в 1733 г. сикхи приняли условия Закария-хана (навабство в обмен на мир), было решено, что у хальсы будет пять знамён шафранового цвета, и одно из них нёс Дасаундха Сингх. Владения мисала находились на территории современных округов Амбала, Лудхиана и Фирозпур; ставкой сардара была Амбала. Дасаундха Сингх погиб в 1767 г. в бою с отрядом рохилов. Ему наследовали младший брат Сангат Сингх (ум. 1774 г.), затем двоюродный племянник Мохар Сингх. Последний отличался жестокостью и высокомерием, за что и поплатился: в 1785 г. его двоюродный дядя Гурбахш Сингх напал на Мохара и, поддержанный недовольным населением, разбил его (Мохар погиб). Гурбахш, правда, в следующем году умер, но его вдова Дайя Канвар долго правила мисалом, да так успешно, что почти искоренила не только убийства и разбой, но даже воровство. В 1808 г. Ранджит Сингх отнял у неё мисал, разделив земли между своим дядей и его другом. Однако после Амритсарского договора Ранджита с Ост-Индской Компанией 1809 г. (см. ниже) эти земли оказались в сфере влияния Компании, и британский полковник Д. Октерлони по просьбе Дайя Канвар вернул ей владения. После её смерти в 1823 г. они отошли Компании.

Мисал Шахид основал ниханг Дип Сингх (1682–1757) из деревни Похувинд под Джаландхаром. Как мы видели, он погиб у Амритсара в бою с афганцами и почитается как выдающийся мученик сикхизма (см. IV.2). После

его гибели лидерство в мисале перешло к Судх Сингху из Дукохевалы, который погиб в Великой гхаллугхаре 1762 г. Его сменил Карам Сингх из деревни Махрака близ Лахора, который и правил мисалом до своей смерти в 1794 г. Мисал Шахид занимал южный берег Сатледжа в Мальве, а его центром был Шахзадпур. После Карам мисал возглавил его сын Гулаб Сингх, у которого способности к управлению были ниже средних. В начале XIX в. он покорился Ранджит Сингху вместе с братом.

Перейдём к мисалам Таруна Дал.

Мисал Бханги основал Чхаджджа Сингх, джат из деревни Панджвар под Тарн Тараном. Он командовал одним из отрядов, после чего его сменил Бхума Сингх, который погиб в Малой гхаллугхаре 1746 г. Он-то и дал мисалу название, потому что пил *бханг* — наркотический напиток зелёного цвета из конопли. Бхума Сингху наследовал его племянник Хари Сингх Дхиллон, сын заминдара. Хари Сингх возглавил не только мисал Бханги, но и всё войско Таруна Дал. Его ставка находилась в Амритсаре, что говорит о немалом влиянии Бханги среди мисалов. Хари Сингх отличался храбростью, поэтому водил походы в Западный Панджаб, где население было сплошь мусульманским: не боялся отдаляться от своих баз в сикхской части страны. Так, в 1764 г. он пограбил навабство Бахавалпур и окрестности Мултана, после чего даже переправился на правобережье Инда и собрал дань с вождей белуджских племён. Хари Сингх Дхиллон погиб в том же году, когда повёл Таруна Дал покарать Алха Сингха за очередное низкопоклонство перед Ахмад-шахом.

Хари Сингху наследовал сын — Джханда Сингх (правил в 1764–74). При нём могущество мисала Бханги достигло зенита. Владения мисала находились во всех дообах, кроме Джаландхарского, а также в Мальве. Джханда Сингх сделал своим данником северное княжество Джамму, через которое проходили торговые караванные пути. Однако его крупнейший успех — захват в 1772 г. Мултана и изгнание оттуда афганской администрации. Это в самом деле достижение: ведь Мултан был одним из крупнейших городов Панджаба, при Моголах выступал центром отдельной субы.

Таким образом, сардары мисалов воевали не только друг с другом: не забывали поглядывать по сторонам. Правда, в 1779 г. сын Ахмада Тимур-шах Дуррани отвоевал город, когда его военачальник Занги-хан разгромил войско Бханги под Рохтасом. Как и во время Великой гхаллугхары, афганцы вновь продемонстрировали умение подбираться к противнику незаметно: Занги-хан не только прошёл малоиспользуемыми тропами, но и наказал соблюдать полную тишину, поэтому даже воды воины на марше просили жёстами. 3 тыс. сикхов погибло в сражении, ещё 500 утонули при бегстве через Джелам. Победа позволила Тимуру подступить к Мултану, сикхский гарнизон сдал городскую крепость и получил разрешение убраться восвояси. Мултан вновь стал

афганским, там вновь сел афганский наместник — племянник Тимура Музаффар-хан (правда, вскоре он добился немалой автономии от Кабула).

Тимур ещё приходил в Индию, но, что характерно, Панджаб обходил по периметру: побывал к югу от него — вернуть к покорности навабство Бахавалпур — и к северу — в Кашмире. Афганскому шаху очень хотелось в Дели, но для него, как и для его отца могольская столица оставалась тем близким локтем, который не укусишь: для этого пришлось бы пройти по территории сикхов. К тому же Тимур в отличие от отца не был великим воином, любил удовольствия. Он занимался больше внутренними делами Афганистана, где оставил по себе память как о милостивом правителе.

Джханда Сингх Бханги был убит в 1774 г. ночью выстрелом в спину наёмным убийцей Джай Сингха Канхийя во время кампании в Джамму против мисалов Канхийя и Сукарчакиа. Ему наследовал младший брат — Ганда Сингх. Он правил недолго: заболел и умер (а возможно, погиб от стрелы) во время очередной войны мисалов — Бханги и Рамгархиа бились против Канхийя, Сукарчакиа и Ахлувалиа. После смерти Ганда Сингха мисал возглавил его трусоватый и слабоумный сын Десу Сингх, который не мог держать военачальников в повиновении. Мисал Бханги стал разваливаться. Десу погиб в 1782 г., власть перешла к его сыну Гулаб Сингху, при котором распад мисала продолжался. Гулаб умер в 1800 г. от алкоголизма, оставив малолетнего сына Гурдит Сингха. В 1802 г. мисалу Бханги пришёл конец: Ранджит Сингх взял штурмом крепость в Амритсаре, а Гурдит Сингх с горя пошёл по стопам отца (по части пьянства).

Мисал Канхийя основал Джай Сингх, джат, сын торговца сеном и древесиной из деревни Канха Качха под Лахором. Как и практически все другие основатели мисалов, высокого положения добился сам (был *self-made sardar*). Подчинил территории по обоим берегам Беаса и Рави, пытался завладеть Джамму. Ставка мисала находилась в Батале. В 1785 г. Джай Сингх потерпел поражение в битве при Наушахре и потерял много земель, которые поделили между собой победители — Джасса Сингх Рамгархиа, Махан Сингх Сукарчакиа и раджа Кангры Сансар Чанд. Джай Сингх умер в 1793 г. Половина мисала отошла к его вдове Сада Каур, другую половину поделили сыновья — Нидхан Сингх и Бхаг Сингх. В 1811 г. Ранджит Сингх вызвал Нидхана в Лахор и бросил в тюрьму, а земли обоих сардаров конфисковал.

Мисал Накаи основал Хира Сингх (1706–67), джат из деревни Бахарвал близ Лахора. Название мисала происходит от слова *нака*, «ворота»: так обозначали район в Бари доабе южнее Лахора. Ставка сардара находилась в Чунниане. Хира Сингх погиб в сражении с мусульманами. Во главе мисала встал его двоюродный брат Нахар Сингх, а вскоре младший брат последнего Рам Сингх (ум. 1781), который воевал с другими сардарами того же мисала. Затем власть перешла к его сыну Бхагван Сингху, который был слабым прави-

телем. При нём мисал Накаи настолько ослаб, что уже платил дань сардару мисала Сукарчакиа Махан Сингху. Свою сестру Радж Каур Бхагван Сингх предложил в жёны Ранджит Сингху; свадьба состоялась в 1798 г. В 1802 г. Радж Каур родила первенца Ранджита — Кхарак Сингха. Однако уже в следующем году мисалу Накаи пришёл конец: Ранджит захватил все его территории (не посмотрел, что его жена — из правящей семьи этого княжества).

Мисал Рамгархиа называется по имени Джасса Сингха Рамгархиа (1723–1803) из деревни Ичогил под Лахором. Сначала его знали под кастовым именем Тхока, что на панджаби значит «плотник»; прозвище Рамгархиа он получил за то, что отстроил заново крепость Рам Рауни (Рамгарх) в Амритсаре. Строго говоря, основателем мисала Джасса Сингх не был: до него отряд, который стал ядром мисала, уже сформировался, и им командовали джаты Хушхал Сингх (служил ещё при Банде) и Нанд Сингх Сангхания. Дед Джасса Сингха служил при Гобинде; отец сопровождал десятого гуру в Нандерх и вернулся в Панджаб с Бандой, во время раскола общины пошёл на службу к Абд-ус-Самаду, погиб во время вторжения Надир-шаха. Сам Джасса Сингх служил Закария-хану, затем Адина-бегу. В 1747 г. он пришёл на помощь сикхам в осаждённой крепости Рам Рауни. Когда после смерти Мира Манну сикхи решили отстроить эту крепость заново, руководство работой и поручили Джасса Сингху.

Джасса Сингх Рамгархиа был могущественным сардаром. Именно он после гибели Хари Сингха Бханги в 1764 г. возглавил Таруна Дал. Его ставка находилась в Шри Харгобиндпуре. К 1770-м годам Рамгархиа подчинил верховья Бари и Джаландхарского доабов и обложил данью раджу горного княжества Кангра. Здесь было чем поживиться: из-за постоянных войн в Панджабе через Кангру стал проходить караванный торговый путь из долины Ганги в Кашмир, Афганистан и Среднюю Азию. Главным соперником Джасса Сингха Рамгархиа был его более успешный тёзка — Джасса Сингх Ахлувалиа. В 1774 г. состоялась крупная битва при Динанагаре, в которой мисалы Рамгархиа и Бханги противостояли объединённым силам мисалов Канхийя, Сукарчакиа и Ахлувалиа. Сражение длилось десять дней и закончилось ничьей. Однако в 1778 г. фортуна отвернулась от Рамгархиа: Канхийя и Ахлувалиа отняли у него все территории, и ему со своими воинами пришлось самому искать господина: поступил на службу к радже Патиалы Амар Сингху.

И тут Джасса Сингха выручила любопытная находка в колодце. В местечке Сирса его люди набирали воду, и два ведра улетели вниз. За ними спустили на верёвке несколько крюков, но один крюк застрял. Тогда в колодец пришлось спустить человека, и тот обнаружил четыре сундука с золотыми монетами на общую сумму 3–4 лакха рупий! [Gupta, IV, p. 283].

В начале 1780-х годов Джасса Сингх поправил дела настолько, что возобновил соперничество с Ахлувалиа. В 1783 г. он прибыл в Дели и, несмотря на

неравенство сил (20 тыс. против 10 тыс.), бросил вызов могущественному тѣзке. Смерть Джасса Сингха Ахлувалиа облегчила Рамгархиа задачу отвоевать у Канхийя территорию своего мисала, что было сделано в 1785 г., когда в сражении погиб Гурбахш Сингх. Баталу он после этого укрепил стеной высотой 10 м и шириной 7 м, благодаря чему крепость вскоре успешно выдержала осаду Джай Сингха Канхийя и его союзников. В 1796 г. энергичная вдова Джай Сингха Сада Каур, мстя за гибель мужа, осадила Джасса Сингха в его крепости Миани. Осада длилась четыре месяца, и Рамгархиа пришлось туго, но помогла стихия. Лагерь осаждающих был разбит в русле высохшей реки. Однажды ночью в горах пошёл ливень, по руслу хлынул бурный поток, и лагерь смыло полностью.

Джасса Сингх Рамгархиа был храбр, на своём веку убил саблей несколько тигров. Он оставил мисал Рамгархиа весьма сильным княжеством: земли располагались в Бари и Джаландхарском дообах. Джасса Сингху наследовал сын Джодх Сингх, с которым Ранджит Сингху пришлось считаться. После смерти Джодх Сингха в 1815 г. три его сына не поделили территорию и имущество, и Ранджит этим воспользовался: вызвался быть арбитром, но прихватил всё сам. По его приказу 150 крепостей мисала Рамгархиа были снесены.

Наконец, **мисал Сукарчакиа** основал джат Десу, который построил для своей семьи под Гуджранвалой хутор под названием Сукар Чак, «Малое селение» (сейчас на территории Пакистана). Известен тем, что воровал скот. Позднее решил загладить свои проступки, в 1692 г. пошёл в Анандпур и принял пахул от гуру Гобинда. В 1699 г. вступил в хальсу под именем Десу Сингха. Храбро сражался при Гобинде и Банде, получил в боях до 40 ран, в 1715 г. погиб. У Десу Сингха остались два сына — Нодх Сингх и Чанда Сингх. Нодх Сингха выгодно женили, он построил в Сукар Чаке целую усадьбу. Чанда Сингх поселился в местечке Сандханвалиа под Сиалкотом и положил начало семье Сандханвалиа (они выйдут на первый план уже в 1840-е годы, когда будут бороться за власть в Лахоре после смерти Ранджит Сингха). Нодх Сингх и Чанда Сингх известны тем, что всегда активно защищали единоверцев. Так, когда в конце 1740-х годов патханский владетель Расулнагара захватил шесть сикхов и насильно обратил их в ислам, заставив есть говядину, братья отбили их и вернули в лоно сикхизма. Повторю, что сикхи никогда никого не загоняли в свою религию силой — в отличие от иных мусульман. Нодх Сингх служил под началом Капур Сингха, в 1745 г. был командиром одного из 25 отрядов, а в 1748 г., с образованием Дал Хальсы, стал сардаром отдельного мисала.

Нодх Сингх погиб в 1752 г. в бою с афганцами. Ему наследовал старший сын Чархат Сингх (1729–74) — дед великого Ранджита. В молодости он тоже служил под началом Капур Сингха. Женился на дочери сардара мисала Фа-

изуллапуриа — Амир Сингха, что укрепило позиции мисала Сукарчакиа. В 1758 г. Чархат Сингх построил в своей ставке в Гуджранвале кирпичную крепость, став одним из самых могущественных сикхских сардаров. Об активной борьбе Чархат Сингха с афганскими оккупантами и участии в занятии Лахора рассказано выше. Во время Великой гхаллугхары Чархат Сингх получил 19 ран. Он погиб при взрыве своей же пушки в войне с мисалом Бханги за Джамму.

Чархат Сингху наследовал его десятилетний сын Махан Сингх (1764–92). Он был сильной и амбициозной личностью, уже в 15 лет взял управление мисалом в собственные руки. Махан Сингх успешно продолжал войну своего мисала с Бханги, дважды грабил Джамму. Однако он умер всего 27 лет от роду от лихорадки при осаде одной из крепостей Бханги — Содхры. К концу правления Махан Сингха владения мисала Сукарчакиа находились уже в трёх доабах — Рачна, Чадж и Синд Сагаре (как и мисал Бханги, в основном территории, где проживала мусульманская часть народа панджабцев); его войско насчитывало 22–25 тыс. человек. Историк Х.Р. Гупта уверен, что, не умри Махан Сингх, через десять лет он благодаря своей энергии объединил бы под своей властью весь Панджаб, да ещё взял бы под своё покровительство Шаха Алама II в Дели [Gupta, IV, p. 313].

Почти всё это осуществит его не менее энергичный сын — Ранджит Сингх.

Когда в третьей четверти XVIII в. у сикхов исчез внешний враг (Моголы, затем афганцы), единство хальсы разрушилось. Период мисалов стал в сикхской истории эпохой усобиц. В то же время ретроспективно это был промежуточный, переходный период между продолжительной и тяжелейшей борьбой за независимость и собиранием Пятиречья под властью одного мисала. Поэтому данный параграф и назван «На пути к империи».

Из краткого обзора истории отдельных мисалов становится понятно, что, как чаще всего бывает в истории, основателями этих княжеств были сильные, харизматические лидеры, тогда как их потомки, как правило, всё больше мельчали, теряя власть (вспомним концепцию циклов знаменитого арабского историка XIV в. ибн Хальдуна). Неудивительно, что эпигоны сардаров-основателей один за другим уступили (одни — сопротивляясь, другие — более или менее мирно) намного более сильной фигуре, которая появилась в стране на рубеже XVIII–XIX вв.

Непрерывно воюя друг с другом, сикхские мисалы, как греческие полисы перед лицом персов, в целом всё же сохраняли представление об принадлежности к особой общности. Пример — их общий продолжающийся конфликт с «огрызком» Могольского султаната. В том, что Моголы оказались загнаны в пределы этого «огрызка», была немалая заслуга и сикхов. Стороны поменялись ролями: если на рубеже XVII–XVIII вв. Моголы были наступающей

стороной, осаждали сикхов в их оплоте — Анандпуре, то теперь сикхи совершали набеги под самые стены имперской столицы. В 1780-е годы они, взяв исторический реванш, даже ненадолго заняли Дели и его Красный форт. Материальным воплощением этого реванша стали семь гурдвар, построенных Багхел Сингхом в могольской столице.

Период мисалов в истории Панджаба — яркий пример функционирования традиционных восточных политий патримониального типа. Проследившая историю того или иного мисала, можно на конкретном материале увидеть, как строились, достигали зенита и рушились властные структуры, краеугольным камнем которых являлся правитель как конкретная личность. Харизма, тем более в условиях постоянных военных действий между мисалами, обеспечивала возвышение сардара; её отсутствие у его наследников часто приводило к распаду княжества (эта участь постигла ряд мисалов) или захвату более сильным соседом (в конце концов этот жребий выпал им всем).

Конфликты сикхов с Моголами и афганцами второй — третьей четверти XVIII в. показывают, что освободительные войны сикхов плавно переходили в завоевательные. Однако из всех возможных на тот момент вариантов установление в Панджабе власти сикхов, пожалуй, было оптимальным вариантом.

V.2. Княжества клана Пхулкиа и их войны с соседями

Часть левого (восточного) берега Сатледжа занимали владения мисалов. Однако видной силой здесь был и сикхский клан Пхулкиа, сардары которого основали несколько княжеств. Крупнейшими были Патиала, Набха и Джхинд.

Основателем клана Пхулкиа был Пхул (1627–89), джат из деревни Махарадж. По преданию, его в 1634 г. благословил сам гуру Харгобинд, предсказав, что он утолит голод многих и его лошади будут пить воду Сатледжа и Ямуны. Пхул действительно сделался крупным землевладельцем и основал династию. Его внуком был не раз упоминавшийся Алха Сингх (1691–1765) — основатель династии махараджей **Патиалы**. Он начинал как мелкий владелец, при навабе Капур Сингхе из сикха-сахадждхари сделался кешдхари (вступил в хальсу). В 1753 г. захватил глиняную крепость, которую стали называть Патти Алха («доля Алхи»), что со временем приняло искажённую форму «Патиала». Алха Сингх успешно расширял свою территорию, в частности, воевал с кастой раджпутов-мусульман *бхатти*. Как сказано выше, Алха Сингх среди сикхов был наособицу: в годы нашествий Ахмад-шаха не выступал против захватчика с оружием в руках, а, напротив, выражал ему

свою покорность, за что афганцы его княжество почти не трогали (хотя, разумеется, вымогали дань).

Алха Сингх помогал лидеру рохилов Наджибу-уд-даула в войне с дружественным сикхам Бхаратпуром, а Ахмад-шаху не забывал подносить богатые подарки, за что в 1765 г. тот пожаловал его титулом раджи и постом фаудж-дара Сирхинда — крупнейшего города Мальвы. Неудивительно, что несколько раз Алха Сингх вызывал подобными действиями гнев хальсы, но всякий раз откупался (как в 1761 г., когда наказать его двинулась вся Дал Хальса). У него вообще была манера — откупаться. Когда во время Великой гхаллугхары Алха Сингх выжидал, чья возьмёт, и медлил с выражением Ахмад-шаху верноподданнических чувств, тот пограбил его земли, а когда он всё же приехал в афганский лагерь и шах, прогневавшись, велел ему сбрить волосы и бороду, Алха Сингх отвёл от себя такой позор, уплатив более лакха рупий.

Вместе с тем изворотливый сардар пользовался поддержкой мисалов, коль скоро речь заходила о расширении его владений — сардары смотрели на это как на общесикхское дело, видели в экспансии Патиалы расширение территории под властью сикхов вообще.

Короче говоря, Алха Сингх пытался усидеть на двух стульях, и, надо сказать, довольно успешно. Как удачно отметил Х.Р. Гупта, «Алха Сингха по праву можно назвать сикхским Бисмарком» [Gupta, IV, p. 154]. У него даже было две печати. Одна предназначалась для документов, посылаемых мусульманским правителям (Ахмад-шаху, Наджибу-уд-даула и др.), и содержала надпись: *Султан сахае Алха*, «Султан да спасёт Алху» (скорее всего, имеется в виду Аллах)¹. Для писем к сикхским сардарам печать была другой: *Акал сахае Алха Сингх*, «Вечный [бог] да спасёт Алха Сингха». В последнем случае не забыл упомянуть свою принадлежность к хальсе («львиное» имя).

Алха Сингху наследовал его внук Амар Сингх (правил в 1765–81). Он продолжал курс деда: расширял княжество, пресмыкался перед Дуррани и даже помогал могольским военачальникам из Дели в их военных операциях против других сикхов Мальвы! После смерти Амар Сингха от водянки раджой Патиалы стал его слабоумный сын Сахиб Сингх (правил в 1781–1813), при котором, что неудивительно, возникла угроза распада княжества. Однако Патиалу сохранили усилиями вазира княжества (индуиста по религии) и трёх родственниц раджи. Во время третьего и четвертого вторжений Заман-шаха Сахиб Сингх выразил ему покорность, хотя не поехал в Лахор лично, опасаясь

¹ Термин *султан* в значении «власть Аллаха» иногда употребляется в *хадисах* (рассказах об изречениях или деяниях пророка Мухаммада). Впрочем, есть некоторая вероятность того, что под султаном Алха Сингх имел в виду человека — Ахмад-шаха, т.е. этой печатью признавал верховную власть империи Дуррани.

ясь карательных действий со стороны мисалов. Недавно, в 2002–07 гг., его потомок, нынешний махараджа Патиалы Амариндер Сингх (титулы, пусть без княжеств, в Индии сохраняются) был главным министром штата Панджаб: электорат, помимо прочего, привлекла его традиционная легитимность как представителя княжеского рода.

Другим княжеством, где правили потомки Пхула, была **Набха**. Её основателем стал двоюродный брат Алха Сингха Гурдит Сингх (ум. 1754 г.). Если Патиала чеканила деньги от имени Моголов и династии Дуррани (т.е. формально признавала их верховную власть), то правители Набхи были, так сказать, патриотичнее: монеты выпускали от имени Нанака и Гобинд Сингха, т.е., как и остальные сикхи, не признавали над собой ничьего главенства, кроме собственных гуру. Ещё одним сикхским княжеством Мальвы был **Джхинд**, который основал Сухчайн Сингх (ум. 1758 г.).

Основным направлением экспансии сардаров Пхулкиа было восточное. В 1770-е годы они постепенно распространяли свои владения на восток, по территории современного индийского штата Хариана. Это было посягательство на «огрызок» Могольского султаната.

В Дели в это время шла очередная борьба за власть. С 1773 г. главными антагонистами при дворе были военачальник перс-шиит Наджаф-хан (1722–82), сильный и дальновидный лидер, способный полководец, и наиб-вазир кашмирец-суннит Абд-уль-Ахад-хан — искусный интриган, но некомпетентный военачальник и дипломат. Их борьба была очень на руку сикхам Мальвы. Когда в 1774 г. сикхи начали грабить предместья Дели, Наджаф-хан хотел организовать карательный поход, но Абд-уль-Ахад принялся ставить ему палки в колёса: ненависть к придворному оппоненту отодвигала на задний план долгосрочные соображения безопасности столицы. Вообще, если Наджаф собирался вооружённой силой восстановить имперскую власть хотя бы до Лахора, то Абд-уль-Ахад таких смелых планов не вынашивал и считал, что с сикхами нужно просто договориться.

К северу от Дели, в Рохилкханде, сикхи контактировали ещё с одним правителем — вождём рохилов Забита-ханом, сыном покойного Наджиба-уд-даула. Отношения с ним были непростые. Часто сикхские отряды нанимались к нему в войско, но были не прочь пограбить его же территорию. Сам Забита-хан имел главной (хотя и недостижимой) целью восстановить утраченный отцом контроль над Дели и пытался использовать для этого сикхов. Так, в 1776 г. сикхский отряд находился в его войске, когда он подступил к столице и добился от двора подтверждения себя в официальной могольской должности — наваба г. Сахаранпур. Афганцу хотелось большего, но в 1777 г. Наджаф наголову разбил его. Единственной надеждой Забита-хана остались как раз сикхи. Ради сохранения союза с ними он даже принял тогда сикхизм под именем Дхарам Сингха. По этому поводу в фольклоре Панджаба о нём

сохранилась издевательская поговорка: «Два ученика одного гуру — полусикх, полурокил» (*Ик гуру да до гела — адха сикх, адха рохела*).

Как и правители мисалов, сикхские сардары Пхулкия соперничали и подчас воевали друг с другом. Так, сардар Патиалы Амар Сингх предложил могольскому наиб-вазиру Абд-уль-Ахаду совместно покорить других сардаров Мальвы. Помня о непримиримой вражде сикхов с Моголами, удивляться такому союзу всё же не стоит: каждый правитель прежде всего решал задачу укрепления и расширения собственной власти. Даже сикхский герой Джасса Сингх Ахлувалиа в 1758 г. пытался использовать авторитет могольского шаха (Аламгира II) в борьбе с противником-единоверцем (Хари Сингхом Бханги) и получил шахский фарман на освобождённое от налогов владение семью парганами и на дань с ряда джагирдаров.

Осенью 1779 г. из Дели на соединение с Амар Сингхом выступило крупное войско, но вскоре союзники не поладили, и Абд-уль-Ахад напал на Амар Сингха, окружив Патиалу. Тот сразу вспомнил, что другие сикхские сардары — его единоверцы, и обратился за помощью к правителям мисалов Маджхи. Те пришли на выручку, и в Мальву двинулось большое войско под началом самого Джасса Сингха Ахлувалиа. Весть о его приближении вызвала в могольском лагере панику. Воины Абд-уль-Ахада бежали, бросая обоз и массово дезертируя. Наджаф-хан в то время находился с армией к югу от Дели и нуждался в средствах, поэтому защитить столицу не смог бы. Историки сходятся во мнении, что если бы среди сардаров Мальвы нашёлся смелый предводитель, который решительно бросился бы вслед за бегущими Моголами, ему удалось бы занять Дели и взять «под защиту» Шаха Алама. Тем самым сикхи взяли бы исторический реванш у султаната своих двухвековых угнетателей.

Однако бичом сикхов было хроническое отсутствие единства.

В конце 1779 г. борьба Наджафа и Абд-уль-Ахада завершилась победой первого. Энергичный Наджаф-хан стал в Дели всесильным временщиком (как в 1760-е годы Наджиб-уд-даула). Он «*был последним представителем могольской знати, которому в какой-то мере удалось вдохнуть немного жизни в разлагающийся труп Могольской империи*» [Gupta, III, p. 158]. За сикхов Наджаф взялся сам: отправил карательную экспедицию под командованием своего внучатого племянника Мирзы Шафи. Однако успеха тот не добился из-за хронической нехватки средств в казне — да и репутации противника. Как отметил живший тогда в Дели швейцарский майор А. Полье, даже 500 всадников Наджаф-хана не осмеливались ввязаться в бой с 50 сикхами [Gupta, III, p. 18].

В 1781 г. Моголы пошли на мировую. Шаху Аламу II (фактически — Наджафу) пришлось официально признать мисалы и их право собирать ракхи в размере 1/8 земельного налога (2 анны с каждой рупии) на территории от

Панипата до Дели и в верховьях Гангского дооба¹. Империя наконец сделала сикхам ту же уступку, что и маратхам в 1719 г. на Декане. Правда, уже в следующем году сикхи нарушили соглашение и возобновили набеги на область Дели, да так активно, что в столице начались перебои в поставках фруктов из Кабула (традиционно процветавшая отрасль индо-афганской торговли).

В 1782 г. Наджаф-хан умер. Столицу бывшей империи захлестнула очередная волна борьбы за власть — на сей раз между его военачальниками Мирзой Шафи и Афрасияб-ханом. Это не могло не способствовать активизации сикхов, которые «под шумок» сделали своими данниками горных раджей шиваликских княжеств — Гархвала и других.

В 1784 г. у сикхов Мальвы на востоке появились новые сильные соседи — маратхи, экспансия которых докатилась наконец до области Дели. Её завоевал выдающийся маратхский сардар Мадходжи Шинде (1730–94), который поставил под контроль могольский двор и самого Шаха Алама. Столкнувшись на западе с проблемой беспокойных сикхов, Шинде попытался решить дело миром — взять часть их к себе на службу (от имени шаха). В 1785 г. несколько сикхских сардаров согласились на предложенный им договор: Мадходжи принял на службу 5 тыс. сикхов и обещал жалованье и джагир (один на всех) с доходом в 10 лакхов рупий; сардары обязались не взимать ракхи в окрестностях Дели и не нападать на друзей Шинде — Ост-Индскую Компанию и Авадх.

Но привыкнув грабить, сикхи вскоре нарушили договор. Так Шинде — новый хозяин Дели — унаследовал от Моголов сикхскую проблему. Вскоре он временно утратил Дели. В 1787 г. Мадходжи потерпел неудачу в войне с махараджей Дхундхара в Раджпутане и спешно отступил на юг. Его слабостью воспользовался новый вождь рохилов сын Забита-хана (умершего в 1785 г.) Гулам Кадир-хан, который занял Дели при поддержке сикхов; позднее, однако, они пограбили его же земли. В июле — октябре 1788 г. Гулам Кадир чинил в могольской столице полный беспредел: 72-летнего Шаха Алама собственноручно ослепил кинжалом, принцев заставил петь и плясать, Красный форт перерыл в поисках сокровищ, купцов и население обобрал. За всю историю Могольского султаната это был, возможно, худший, самый страшный период для династии, хотя очень короткий. Сикхи, как повелось, воспользовались дальнейшим ослаблением султаната, чтобы грабить окрестности столицы. Шинде всё же удалось собрать силы и отвоевать у рохилов Дели. Гулам Кадир бежал, но был предан и казнён — его разрезали на части.

¹ Сикхи довольствовались здесь ракхи всего в восьмую часть налога потому, что в отличие от своего Панджаба не находились здесь постоянно и эти земли подвергались набегам и других грабителей (гуджаров, маратхов), от которых сикхи не гарантировали населению защиту.

Вновь обосновавшись в Дели, Мадходжи Шинде опять попытался договориться с соседями-сикхами. В 1789 г. он заключил с несколькими сардарами новый договор, согласно которому опять пожаловал им джагиры, причём уже в самом Гангском доабе (т.е. восточнее той территории, где выделил им земли прежде, что отражало расширение зоны сикхских набегов); сардары обязались не грабить эти земли и оборонять от своих же единоверцев с запада. В Доабе появилась целая тысяча сикхских сборщиков ракхи, которым помогали чиновники-маратхи. Однако слово своё сардары держали плохо.

Набеги сикхов на — теперь уже маратхскую — область Дели возобновились. Маратхам приходилось отбивать их, причём именно здесь сикхи впервые столкнулись с противником, обученным военному делу по европейскому образцу. Мадходжи Шинде был самым успешным среди тех маратхских сардаров, которые перенимали военные достижения европейцев: закупали вооружение, нанимали оказавшихся в Индии авантюристов-европейцев обучать своих воинов. Именно благодаря «полкам нового строя» Шинде завоевал область Дели и покорял князей Раджпутаны. Обученная по-европейски армия семьи Шинде (Мадходжи, а после его смерти в 1794 г. его племянника Даулата Рао) в целом сдерживала амбиции сикхов Мальвы. Однако те своих позиций тоже не сдавали. Так, в 1794 г. маратхи несколько раз пытались взять штурмом крепость Патиалы — Бахадургарх, да безуспешно. Это была (и есть) огромная концентрическая крепость, окружённая широким рвом; дорога в неё лежала через островок посреди этого рва и через внешние укрепления [Носов, 2008, с. 317].

Неудивительно, что, получив сильного соседа в лице маратхов, сикхи стали искать союзника. При этом они руководствовались широко распространённым в любой борьбе принципом, который у китайцев известен как 23-я стратагема: «Дружить с дальним и воевать с ближним». Часть сардаров увидела подходящего союзника в британской Ост-Индской Компании, которая была соседом Шинде с другой стороны — с востока, через Авадх. По правде говоря, Авадх тоже не избежал грабительских набегов сикхов: например, в 1778 г. они вторглись туда, и их с трудом выдворил англо-сипайский субсидиарный отряд. Теперь же сикхи присматривались к Компании и как к возможному союзнику.

Начало прямых дипломатических контактов сикхов с Ост-Индской Компанией относится к 1783 г., когда в дружественную переписку с несколькими сардарами вступил британский посланник в Дели майор Джеймс Браун. В 1785 г. сардары предложили Компании военный союз против Мадходжи Шинде. Британцы были не прочь завязать с западными соседями дружественные отношения, но предложение воевать отклонили [English Records..., 1936, р. 23–24]. Сосед-маратх Компанию вполне устраивал, и ссориться с ним она не собиралась. Согласно донесениям британских резидентов при его дворе,

Мадходжи дорожил дружбой с Компанией и считал её необходимым средством укрепить свою самостоятельность по отношению к Пуне как центру маратхского союза княжеств [English Records..., 1936, p. 80, 307]¹.

В самом конце XVIII в. сикхи Мальвы столкнулись с ещё одним достаточно серьёзным противником в лице раджи княжества Ханси — ирландца Джорджа Томаса (1756–1802). Это очень интересная фигура. Он служил матросом на флоте британской Ост-Индской Компании, в 1781 г. дезертировал в Мадрасе, служил воином у *палайккаров* (крупных землевладельцев), низама Хайдарабада, затем перебрался в Северную Индию, где служил у мелкой владельницы бегам Самру², а потом Шинде под Дели. В 1798 г. Томас выкроил себе самостоятельное княжество вокруг городка Ханси к юго-западу от Дели. Так он предвосхитил более известного в истории Азии «белого раджу» — авантюриста Джеймса Брука в Саравак на севере острова Калимантан (это будут уже 1840-е годы). Томас чеканил свою монету, наладил изготовление пушек, мушкетов и пороха, ходил в завоевательные походы, в том числе против сикхских Патиалы и Джхинда. Однако, не зная меры, он в конце концов замахнулся на маратхов, вступив в конфликт с военачальником Даулата Рао Шинде — одним из его наёмников-французов П.К. Перроном, который служил наместником Дели. Это и погубило Томаса. Наличие общего врага объединило Перрона с сикхами Мальвы, и в 1801 г. они разбили Тома-

¹ В конце XVIII в. европейцы знали о сикхах ещё очень мало. Интересный пример — французский автор «Мемуаров Типу Сахиба», который упорно называет сикхами рохилов [Туроо-Заев, 1796, p. 215–216]. Этот двухтомник — вообще любопытный исторический источник. Он был издан во Франции с претензией, будто автор — шах Майсура Типу Султан, с которым французы поддерживали контакты как с противником британцев. На самом деле написаны эти «мемуары» там же, где изданы. В них рассказывается не только об истории Индии XVIII в., но и приводятся цифровые данные о финансах французской Компании Индий, упоминаются «интриган Некер», «деятельный, трудолюбивый, умный» герцог Шуазель, «красивая и глупая» г-жа Дюбарри и даже финансовая авантюра Лоу [Туроо-Заев, 1796, p. 44–51, 93–94, 202]. Обо всех этих французских реалиях Типу Султан знать не мог. После первых полутора сотен страниц автор, видимо, спохватился, что Хайдара Али Типу Султан должен называть не только по имени, но и «мой отец». Главной целью этого сочинения было показать, что у Франции на Востоке остаётся союзник в борьбе с мировыми притязаниями Британии. Не случайно автор называет и маратхов, и рохилов республиканцами — чтобы выставить их естественными союзниками Франции эпохи Директории. Правда, борьбу за Азию (и Америку) Франция бесповоротно проиграла ещё в Семилетнюю войну 1756–63 гг.

² Бегам Самру (госпожа Самру, ок. 1753–1836) — мусульманка, жена, а затем вдова другого европейского авантюриста в Индии, швейцарца Вальтера Райнхардта (ок. 1725–78), которого французы в Индии прозвали *Sombre* («мрачный»), а индийцы переделали в Самру. Поступив на могольскую службу к Наджаф-хану, Райнхард в 1770-е годы был заместителем фаудждара Сирхинда. Оставил жене «в наследство» обученные по-европейски военные отряды наёмников.

са. Ирландец сдался и получил разрешение уехать во владения Ост-Индской Компании.

Правители сикхских политий Мальвы из рода Пхулкия во второй половине XVIII в. воевали между собой и с соседями так же, как сардары мисалов. Важным компонентом их военной истории были набеги на область Дели по обоим берегам Ямуны, которая представляла собой «огрызок» Могольского султаната. В 1780-е годы этот регион завоевали маратхи, и сикхско-маратхские отношения приняли тот же характер, что до этого — сикхско-могольские и маратхско-могольские: сардар Мадходжи Шинде оказался в Дели в том же положении, в каком в XVII — первой половине XVIII в. находились Моголы перед лицом опустошительных маратхских набегов. В это же время сикхи впервые вступили в контакт с британской Ост-Индской Компанией, хотя склонить её к союзу против маратхов им не удалось.

V.3. Ранние годы правления Ранджит Сингха и отпор Заман-шаху

Сын сардара Сукарчакиа Махан Сингха Ранджит Сингх родился 13 ноября 1780 г. (2 маггхара 1837 г. эры Бикрами) в столице мисала Сукарчакиа Гуджранвале. Имя его означало «Победитель» — в честь одного из ратных успехов отца. Он рос живым ребёнком и несколько раз сопровождал отца в его походах. Образованием его занимались мало, прилежанием в учёбе Ранджит не отличался и поэтому остался неграмотным (как могольский шах Акбар, который, правда, страдал дислексией). С детства питал вкус к верховой езде и воинским упражнениям. Ещё в 6-летнем возрасте переболел оспой, чудом остался жив, но ослеп на левый глаз. Когда внезапно умер Махан Сингх, Ранджиту было всего 12 лет — столько же, сколько другому завоевателю Индии, основателю Могольского султаната Бабуру, когда тот, осиротев, тоже вдруг оказался в 1494 г. наследником владений своего отца (Ферганы). В период малолетства Ранджита мисалом Сукарчакиа управляли его мать Радж Каур и диван Лакхпат Раи (из касты кхатри).

В 1796 г. Ранджита женили на Мехтаб Каур — дочери сардара мисала Канхийя Гурбахш Сингха. Напомню, что у последнего осталась властная и энергичная вдова — сардарни Сада Каур (1762–1832), которая была умелым администратором и сама водила войска мисала в походы. Она-то и прибрала к рукам управление мисалом Сукарчакиа. Именно ей некоторые историки приписывают случившееся вскоре отравление матери Ранджита: Сада Каур очень хотела заполучить под свою власть оба мисала — собственный и зятя. А чтобы зять не стал тяготиться её контролем, когда повзрослеет, властная

тёща поощряла в нём тягу к спиртному и распущенность. Ранджит предавался излишествам с охотой — только вот цели своей Сада Каур не добились. Командовать Ранджитом не вышло. Зато тёща сыграла для него роль дальновидного советника в хитросплетениях отношений между мисалами. Вообще началом возвышения своего мисала Ранджит объективно во многом обязан тёще.

Ещё до 18 лет Ранджита женили вторично — на Радж Каур (ум. 1838), дочери Рам Сингха, сардара другого мисала, Накаи. Таким образом, мисал Сукарчакиа оказался связан матримониальными союзами сразу с двумя другими мисалами. Два династических брака были удачным началом для человека, который вошёл в историю как собиратель земли панджабской.

С ранних лет Ранджит Сингх демонстрировал хитрость, дипломатичность и умение принимать верные решения в нужный момент. Повзрослев, он, как когда-то могольский шах Акбар, избавился от влияния придворных и стал сам себе хозяином. Всю полноту власти Ранджит Сингх взял в возрасте 17 лет.

Центральное событие в истории Панджаба последнего десятилетия XVIII в. — рецидив афганских нашествий. Ранджит Сингх и выдвинулся в ходе сопротивления захватчикам.

В 1793 г. на трон Дурранийской державы вступил 23-летний внук Ахмад-шаха Заман (правил в 1793–1800). Несмотря на то, что к концу XVIII в. эта империя трещала по швам, Заман-шах решил потряхнуть стариной — и пошёл по стопам деда в Индию. Его первый поход пришёлся уже на декабрь 1793 г. Заман схватил демонстрировавшего излишнюю самостоятельность афганского наместника Мултана, выколотил задолженность по дани из амиров Синда. Однако сикхов он ещё побаивался, поэтому двигаться дальше вглубь Индии не осмелился.

Однако вскоре его попросили об этом не кто иной как Могол Шах Алам II и рохилы. В Дели хотели с помощью единоверцев-афганцев избавиться от контроля маратхов. В ноябре 1795 г. Заман-шах вторгся опять. Двигаясь к Дели, он рассчитывал на междоусобицы сикхских мисалов и разобщённость их сил. Единственным, кто пытался оказать афганцам сопротивление, как раз и стал 15-летний сардар мисала Сукарчакиа. Однако, пользуясь отсутствием шаха в Афганистане, в Герате поднял мятеж его брат Махмуд, и Заман быстро повернул домой. Он не оставил идеи завоевать Индию, но начал переговоры с сикхами, чтобы те в будущем беспрепятственно пропустили его в Дели. Многие сардары склонялись к тому, чтобы пропустить афганцев — при условии, что те поделятся частью добычи из Дели. Однако когда заинтересовались мнением Ранджита и попросили его отправить шаху подарки, тот, по легенде, сказал: *«Дары шаху я поднесу лизно — на поле боя»*.

В третий раз Заман-шах пересёк Инд с 30-тысячным войском в декабре 1796 г. и был настроен решительнее. Население Панджаба разбежалось, ища

спасения на севере, в горах Шивалика. Лахор и Амритсар опустели. По иронии судьбы больше всех от полчищ Заман-шаха пострадали панджабские мусульмане, которые по простоте душевной считали, что афганцы не станут грабить единоверцев [Singh Kh., I, p. 193–194].

Сардары мисалов собрались в Амритсаре на совещание, и большинство высказалось за прежнюю тактику — укрыться в горах, а потом совершать набег на врага, когда он уже будет отягощён награбленным добром. Юный Ранджит Сингх тоже держал речь, в которой пристыдил сардаров: негоже бросать на произвол афганцев мирное население, с которого сикхи много лет взимают ракхи — плату за защиту. Речь сардара Сукарчакиа переломила настроения.

Двигаясь на восток к Лахору, Заман-шах обнаружил, что сикхи не дремлют, а заходят ему в тыл и тут же изгоняют оставленных им *тханадаров* (комендантов крепостей), как бы смыкаясь за афганской колонной. Заман поостерёгся повторить зверства деда и наказал не грабить, а сено и топливо реквизировать только на нужды войска, без излишеств, и даже велел щадить безоружных сикхов.

Лахор, напомню, много лет находился под контролем мисала Бханги. Наступая, Заман прислал правителю города сардару Лехна Сингху письмо, где заверял в своих добрых намерениях. Лехна отвечал, что его товарищи не одобряют предложения шаха не чинить ему препятствий, но сам отступил из Лахора. Ранджит, кстати, на такое же письмо Заман-шаха воинственно отвечал, что не будет избегать случая скрестить с шахом сабли, так как милостью гуру каждому сикху обеспечена победа.

Вступив в Лахор, Заман-шах получил верноподданническое письмо от раджи Патиалы Сахиб Сингха (эта династия продолжала свою традицию лавировать между мисалами и афганцами). Сначала Заман приказал не трогать горожан Лахора, но когда лавочники не устроили ему фейерверк, обиделся и велел обложить всех налогом. Народу от этого случились большие притеснения.

Сикхи меж тем собирали в Амритсаре силы. Шах прервал празднества в Лахоре и двинулся к священному городу, но сикхи — как не раз бывало прежде — оперативно разбились на мелкие отряды и отошли в убежища. Афганский конный отряд напал на Амритсар, но был отбит уступавшим ему по численности отрядом сикхов. Шах не захотел терять лицо и атаковал Амритсар лично. Тогда сикхи вновь стянулись к городу и 12 января 1797 г. дали захватчику сражение.

Амритсар не мог взять даже Ахмад Дуррани в свои последние походы в Индию; куда там его внуку! Сражение было очень ожесточённым. Афганцы поливали сикхов огнём замбураков, а те могли противопоставить им только мушкеты с фитильным замком. Видя, что ситуацию это не переломит, сикхи сорвали с голов тюрбаны и, закусив бороды, бросились в рукопашный бой с

развевающимися волосами и саблями в руках. Сеча длилась четыре часа. Наконец афганцы дрогнули и побежали, теряя людей и коней, преследуемые — как уже повелось — до самых ворот Лахора. Афганцы потеряли до 20 тыс. воинов, сикхи — до 15 тыс. В битве отличился Ранджит Сингх. Именно ему с 9-тысячным отрядом его мисала поручили после этого охранять священный город.

Сикхи продолжали беспокоить Заман-шаха, перерезая его пути снабжения и перехватывая *харкар* (гонцов). Афганские воины в Лахоре начали испытывать голод, но — неслыханное дело! — против обыкновения не грабили горожан: Дуррани понимал, что если оттолкнуть от себя ещё и жителей Лахора, то это конец. Шах Алам по-прежнему взывал к афганцам прибыть в Дели, но в Герате вновь зашевелился мятежный Махмуд. Дуррани спешно собрал с лахорцев (обычными методами) 22 лакха рупий и устремился назад в Кабул. Уходя из Панджаба, он оставил наместника в Синд Сагар доабе — Ахмад-хана Шаханчи-баши. Показательно, что шах не назначил наместника к востоку от Джелама: понимал, что реальной власти тот не имел бы.

Впрочем, не имел её и Ахмад-хан. Некий Рам Сингх поднял против него восстание: ездил по деревням с Гуру Грантх на голове и призывал молодёжь выступить в священной войне (*джарам юдх*). На помощь подоспели сардары мисалов, и афганскому гарнизону дали трёхдневный бой. Шаханчи-баши и 3 тыс. афганцев были перебиты у г. Гуджрат (под которым в 1849 г. состоится решающая битва второй англо-сикхской войны). Голову Ахмад-хана отослали Ранджит Сингху. У Заман-шаха между тем были связаны руки в Афганистане, и на карательный поход сил не было.

Однако в октябре 1798 г. Заман начал четвёртый поход в Индию. На сей раз его обнадёжил единоведец — шах империи Майсур в Южной Индии Типу Султан (тот рассчитывал с помощью афганцев зажать в клещи своих врагов маратхов). При приближении афганцев Ранджит Сингх разослал письма с просьбой о помощи Гулаб Сингху Бханги и другим сардарам. Те собрались в Амритсаре, но проявляли нерешительность. Тогда перед ними появилась суровая Сада Каур и крикнула: «Если вы сикхи, идите на помощь Ранджит Сингху, если нет — давайте поменяемся одеждой и против врагов выступлю я!». Узнав, что в Амритсаре вновь находится сильное войско сикхов, Заман-шах направил туда 10-тысячный отряд. Отряды мисалов под руководством Ранджита, Сахиба, Гулаба и других сардаров встретили афганцев на подступах к городу. Сикхские силы составляли едва ли четверть афганских, но приняли бой. С каждой стороны пало до 500 человек, но афганцы предпочли отступить обратно к Лахору. В Амритсар же продолжали стекаться подкрепления.

Особенностью четвёртого похода Заман-шаха была острая вражда между двумя его военачальниками — вазиром Шер Мухаммад-ханом и главноко-

манующим Вафадар-ханом. Вазир обиделся на шаха, что командующим в походе тот назначил не его, и писал письма сикхским сардарам, предупреждая о наступлении и даже поощряя их активнее нападать на афганское войско. Перед нами яркий пример патримониальной политики, где знать лояльна правителю только до тех пор, пока он щедро одаривает её чинами, джагирами и т.д.

Тогда, как в своё время его дед, Заман-шах попытался договориться с сардарами, предлагая им формально признать его верховную власть. Несколько сардаров из личного соперничества тайно склонялись принять эти условия, но это вскрылось. Все сардары дали клятву не заключать сепаратных договоров и не покоряться врагу ни при каких обстоятельствах. Перед афганцами, как прежде, склонились только несколько мелких князей Мальвы.

Сикхи перехватили инициативу, и Заман-шах опять заперся в Лахоре. Отряды мисалов подступили к столице Панджаба со всех сторон. Шах до того опасался сикхов, что держал все городские ворота, кроме одних, запертыми даже днём. Заман опять велел не притеснять горожан — под угрозой вспарывать ослушникам живот (нескольким афганцам вспороли). Вообще афганский шах оказался меж двух огней: если бы позволил своим грабить, это подстегнуло бы сопротивление панджабцев; не позволяя же этого, он рисковал утратить легитимность. В самом деле, войска стали роптать. Афганские воины настолько нуждались, что начали продавать собственную одежду. По легенде, Ранджит выезжал под самые стены Лахорской крепости, к знаменитой восьмиугольной башне Самман Бурдж («Жасминная башня»), где разместился Заман, и кричал: *«Выходи, внук Ахмад-шаха, внук Чархат Сингха пришёл поприветствовать тебя оружием!»*. Однако шах только слал хилаты, пытаясь задобрить сикхов.

Между тем пришла весть, что в Афганистан вторглись персы, а упрямый Махмуд вновь поднял мятеж. Афганцы оставили Лахор — в последний раз. При этом из-за непрерывных дождей отступать им пришлось по бездорожью (досидели до муссона). Реки вздулись, и при переправе через Джелам утонула большая часть шахского обоза, включая 12 пушек. Многие воины от голода и лишений умерли в пути или дезертировали. В довершение всего арьергард Замана пограбили соотечественники — пуштунские племена северо-западной границы Индии.

Так закончилось последнее в истории вторжение афганцев в Индию — если не считать третьей англо-афганской войны 1919 г., которую начнёт афганский амир Аманулла-хан. Главной целью индийских походов Заман-шаха был Дели, но он опять оказался для афганцев недостижим и опять из-за сикхов. Это в XI–XII вв. мусульманские завоеватели-тюрки (Махмуд Газневи, Мухаммад Гури) безнаказанно совершали вторжения из Афганистана в Индию, грабя и угоняя в плен. Теперь на границе Индии жил суровый народ

воинов, само существование которого защищало субконтинент с северо-запада. В некоторых отечественных работах по русской истории до сих пор можно прочесть, что во время монгольского нашествия княжества Руси выступили щитом для остальной Европы, объективно заслонили её собой, благодаря чему на покорение Западной Европы сил у монголов уже не осталось. По аналогии то же можно сказать о сикхах в Индии; у конца монгольской экспансии в XIII в. были и намного более веские причины, но речь сейчас не об этом. С середины XVIII в. сикхи действительно служили для остальной Индии надёжным щитом.

Что касается Заман-шаха, то уже через два года его сверг и ослепил тот самый брат Махмуд, который и правил в Афганистане (с перерывом) до 1818 г. В 1811 г. Заман даже найдёт убежище у Ранджита в Лахоре — хотя потом отправится в Среднюю Азию.

Борьба с Заман-шахом закалила юного Ранджита — и в военном, и в организационном отношении: проявивший упорство в борьбе с захватчиками сардар Сукарчакиа выдвинулся в лидеры сопротивления. В мировой истории именно лидер успешной борьбы с иноземными захватчиками нередко становился объединителем страны под своей властью: лидер антимикийского восстания середины VI в. до н.э. Кир II, основавший персидскую империю Ахеменидов; лидер антимонгольского восстания середины XIV в. Чжу Юаньчжан, ставший первым *хуанди* империи Мин в Китае; лидер антияпонского, затем антифранцузского, а позже и антиамериканского сопротивления во Вьетнаме Хо Ши Мин, ставший первым президентом ДРВ — и многие другие.

Выступая за войну до победного конца, Ранджит в то же время проявлял прагматизм и убедил других сардаров не чинить афганцам препятствий, когда они в последний раз уходили из Индии. По просьбе Замана он даже поднял со дна Джелама 8 афганских пушек и переправил их шаху в Пешавар, на что тот ответил хилатом.

К концу XVIII в. сложились предпосылки объединения Панджаба. К этому времени погибли или умерли все выдающиеся сикхские сардары, которые были достойными противниками друг другу, а потому ни один из них не мог взять верха. Многие сикхи, да и не только они, устали от междоусобиц мисалов.

И всё же задача объединить Пятиречье была не из лёгких. С юга и востока по-прежнему угрожали маратхи, за ними маячила британская Ост-Индская Компания. В горах Шивалика расширял свои владения раджа Кангры Сансар Чанд. Гуркхи Непала двинулись на запад и завоевали Кумаон. К тому же ещё была свежа память о нашествиях афганцев.

После окончательного ухода Замана в 1799 г. Лахором владели сообща три сардара мисала Бханги — Сахиб Сингх (сын Гуджар Сингха), Чет Сингх (сын Лехна Сингха) и Мохар Сингх (сын Собха Сингха). С мусульманской знатью города им приходилось до известной степени считаться, но простой

народ они притесняли, да ещё враждовали между собой. Вскоре многие уважаемые горожане (индуисты, мусульмане, сикхи) направили Ранджит Сингху прошение взять Лахор под свою власть. Авторитет Ранджита был уже высок благодаря сопротивлению Заман-шаху, в ходе которого он заработал репутацию смелого и талантливого полководца. Упрашивать Ранджита не пришлось: он собрал войско и выступил, только не к Лахору, а — для отвода глаз — к Амритсару, якобы с целью совершить омовение в священном водоёме. Оттуда Ранджит внезапно совершил бросок на Лахор, покрыв 32 мили за один переход. Сардары Бханги заперли ворота, но два главных городских чаудхри тайно пробили в стене брешь для воинов Ранджита. Правда, Ранджит опасался провокации и отказался ею воспользоваться — под тем предлогом, что негоже проникать в город подобно вору. Кроме того, хотел войти в Лахор открыто, как гордый победитель. Тогда утром 6 июля стража Лахорских ворот города сообщила командовавшему обороной Чет Сингху, что Ранджит атакует другие, Делийские, ворота; сардар бросился туда, а стража отворила Лахорские ворота, и Ранджит вступил в город во главе отряда в 500 человек. Показательно, что одновременно через другие ворота вошла во главе собственного отряда мисала Канхийя Сада Каур — поддержать зятя и одновременно подчеркнуть свою самостоятельность.

Гарнизон Бханги оказал незначительное сопротивление, погибло всего пять защитников. Чет Сингх заперся в цитадели города — Лахорской крепости, а двое других сардаров бежали сразу. Воины Ранджита почти сутки вели перестрелку с защитниками крепости, а на следующее утро Чет Сингх сдался. Ранджит позволил ему беспрепятственно покинуть город со всеми восемью жёнами и даже пожаловал крупной деревней в виде джагира. Занятие Лахора Ранджитом (1799 г.) произошло ровно через 100 лет после создания хальсы гуру Гобиндом (1699 г.).

Восхождение Ранджит Сингха к вершинам власти в Панджабе было обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, это военные успехи его отца, который оставил мисал Сукарчакиа уже наиболее сильным среди панджабских мисалов. Во-вторых, внутреннее ослабление к этому времени ряда мисалов, которые прежде, в середине XVIII в., играли первые роли. В-третьих, выгодный матримониальный союз с мисалами Накаи и особенно Канхийя, вдова сардара которого, Сада Каур, немало содействовала укреплению позиций зятя (мнила, правда, что работает лишь на себя). В-четвёртых, выдвижение Ранджита на первый план в ходе сопротивления вторжениям афганского Заманшаха. Всё это способствовало росту могущества и престижа Ранджит Сингха как наиболее подходящей фигуры для объединения Страны пяти рек под властью одного-единственного сикхского монарха.

ГЛАВА VI

Лев Панджаба: Саркар Ранджит Сингх (1799–1839)

VI.1. Объединение страны и создание империи

Заняв в июле 1799 г. Лахор, Ранджит Сингх строго наказал войскам не грабить жителей, и город быстро вернулся к нормальной жизни. Новый завоеватель созвал в Лахорской крепости дарбар: наградил своих сторонников, заверил городскую знать в неприкосновенности её положения и имущества, а также щедро угостил присутствующих плодами манго. Уже в августе, прослышав о смене власти в Лахоре, Заман-шах прислал Ранджиту из Кабула хилат, официально санкционировав совершённый переворот — чтоб сохранить лицо.

Обладание крупнейшим городом Панджаба стало для Ранджита краеугольным камнем в процессе объединения страны. Конечно, оно возбудило (или увеличило) зависть других сардаров. Те не собирались мириться с резким усилением какого-то одного мисала. Гулаб Сингх Бханги, Сахиб Сингх Бханги и Джасса Сингх Рамгархия объединились с патханским навабом города Касур Низам-уд-дином и подошли к Лахору с войском. Ранджит встретил их у деревни Бхасин, и два месяца войска стояли друг против друга. До битвы дело не дошло: Гулаб Сингх в конце концов умер от пьянства, а его союзники предпочли разойтись по домам. Тем самым мисалы по сути признали Ранджита новым хозяином главного города Панджаба. Ставку свою он в 1802 г. перенёс из Гуджранвалы в Лахор.

Взяв инициативу в свои руки, в 1800 г. Ранджит покорил богатую область Джамму, за которую бился ещё его отец. Затем был разбит Сахиб Сингх Бханги, который решился-таки выступить против него в одиночку.

Тут на Ранджита впервые обратила внимание Ост-Индская Компания. Британцы опасались афганцев, боялись, что Заман-шах вторгнется опять, причём не остановится на Панджабе, а пойдёт дальше на восток, в уже подконтрольное им навабство Авадх. Как часто в своей истории, Компания преувеличивала угрозу — зато это показывает, насколько дальновидной была её

политика. Для англосаксов вообще характерно преувеличивать грозящие им опасности — но как раз благодаря этому их меры против реальных угроз оказываются удивительно своевременными.

Захват Ранджитом Лахора означал появление на политической арене Северной Индии нового мощного игрока. Ост-Индской Компании было необходимо не допустить его союза с Заман-шахом: ведь тогда угроза Авадху возросла бы вдвое. Пугающую идею возможного афгано-сикхского союза высказал британский резидент при Даулате Рао Шинде, и уже в 1800 г., на следующий же год после вступления Ранджита в Лахор, из Калькутты к нему приехал первый посланец — *муниши* (писарь) Юсуф Али-хан с письмом и подарками от генерал-губернатора лорда Уэлсли. Юсуф Али прибыл разъяснить новому хозяину Лахора опасность союза с афганцами. Ранджит заверил Компанию в своей дружбе и заявил, что Заман-шах — их общий враг [Hasrat, 1968, p. 33–37]. Посланец был пожалован хилатом и повёз ответные подарки лорду Уэлсли.

Символично, что Ранджит Сингх занял Лахор в том же году, когда на юге Индии Ост-Индская Компания окончательно разделалась со своим главным врагом — шахом Майсура Типу Султаном. В 1799 г. состоялась четвёртая и последняя англо-майсурская война, в ходе которой Типу Султан погиб при штурме британцами его столицы, а Майсур сделался субсидиарным клиентом Компании. Ретроспективно можно сказать, что на смену одному врагу британцев шёл другой — единый Панджаб, хотя сам Ранджит никогда и не будет воевать с британцами.

В историографии распространено мнение, будто вскоре после занятия Лахора Ранджит Сингх был провозглашён махараджей, церемония предполагала нанесение на лоб особого *тилака*. Однако, скорее всего, такой церемонии никогда не было [Gurta, V, p. 31]. На байсакхи, 12 апреля, 1801 г. Ранджит собрал в Лахоре пышный дарбар, на котором действительно официально принял титул, но другой — *саркар* (перс. «господин»; сейчас в панджаби и других индийских языках это слово значит «правительство»). Все съехавшиеся сардары, чаудхри и данники Ранджита почтительно поднесли ему названа.

Титул саркар стал наиболее употребительным названием сикхского монарха. Титулом «махараджа» Ранджита тоже называли, но гораздо реже и, так сказать, неофициально; неофициально же употреблялся и могольский титул *бадшах* (падишах). «Махараджей» Ранджит Сингха обычно называли современники-британцы — больше потому, что этот титул был наиболее привычен в Индии для них самих. Прежде всего благодаря этому титул «махараджа» и закрепился за Ранджитом в историографии — как за династией индийских Тимуридов/чагатайских шахов с лёгкой руки португальцев закрепилось название Великие Моголы.

Непринятие Ранджитом формального монаршего титула неслучайно: и тогда, и позднее он подчёркивал, что является слугой хальсы и именно она правит страной — как завещал гуру Гобинд (*радж карега хальса*). Лукавил, конечно: «не я — воля народа». Действительно, в отличие от могольских шахов и гуру Гобинда Ранджит не носил на тюрбане монаршего знака — калгхи, не сидел на троне, даже не чеканил (как и Банда Бахадур) своего имени на монетах (вспомним, что на Востоке это один из ключевых атрибутов независимого правителя). Обращались к Ранджиту чаще всего просто *Саркар* или *Сингх Сахиб*, «Господин Сингх». В официальных документах часто стояло *Сардар Ранджит Сингх Бахадур*.

К слову, в 1801 г. в Лахоре учредили новый монетный двор. Чеканившиеся там серебряные и медные деньги назывались, по сикхской традиции, *нанакшахи*. На одной стороне монеты было изображение Нанак и его спутника Марданы, на обороте — слова «*Гуру Нанак джи сахае*» («*Да защитит [нас] господин гуру Нанак*»). Надпись была на двух языках — фарси (арабским письмом) и панджаби (письмом гурмукхи). На некоторых других монетах надпись чеканили ту же, что на деньгах Банды, когда сикхи впервые заняли Лахор. Все монеты, выпущенные в первый день, были розданы бедным.

Возвышение Ранджита и постепенное осознание в Пенджабе необходимости централизованной сильной власти позволяет провести известную параллель между этими процессами и событиями во Франции тех же лет, когда режим Директории сменился консульством, а затем империей. В обоих случаях мы видим постепенный подъём к власти харизматического лидера, который опирался на армию нового типа. Причём если Наполеон Бонапарт воспользовался результатами мероприятий республиканского военного министра Л. Карно, то Ранджит Сингх, создавая обученную по-европейски армию, начал практически с нуля (см. VI.2).

В 1802 г. у Ранджита и его любимой жены Радж Каур (дочери сардара Рам Сингха Накаи) родился первенец — Кхарак Сингх.

Сразу проясню ситуацию с потомством Ранджита. По данным разных историков, у Ранджита было от 18 до 46 жён. Однако интересовали его не столько женщины, сколько... мальчики. Поэтому Кхарак Сингх был и остался единственным настоящим сыном Ранджита. Все прочие, скорее всего, лишь считались таковыми или были приёмными [Чорга В., 1969, р. 5]. Считается, что всего у Ранджита было семь сыновей: кроме Кхарак Сингха — близнецы Шер Сингх (1807–43) и Тара Сингх (1807–59), якобы от Мехтаб Каур; Пешавара Сингх (1819–45) и Кашмира Сингх (1819–46), приёмные сыновья жены Ранджита Дайя Каур («географические» имена им дали в честь завоевания Ранджитом этих областей — см. ниже); Мултана Сингх (1819–46), приёмный сын Раттан Каур, тоже «географическое» имя; Далип Сингх (1838–93), якобы от Джхинд Каур. Ранджит был готов признавать сыновей своих жён

как собственных, но при рождении каждого ребёнка восклицал, обращаясь к богу: «*Vahegurudji, откуда этот таинственный подарок судьбы?*».

В 1802 г. Ранджит совершил ещё один важный шаг на пути к господству в Пенджабе: установил контроль над религиозной столицей сикхов. Саркар отнял Амритсар у Бханги, воспользовавшись тем, что мисал возглавил мало-летний Гурдит Сингх. Предлогом к захвату Амритсара стало требование Ранджита вернуть гигантскую пушку Зам-зама.

Напомню, что пушку эту сардары мисала Бханги отбили у афганцев в Лахоре и в виде компенсации отдали деду Ранджита Чархат Сингху. Однако позднее они под каким-то предлогом забрали орудие назад, да так и не вернули. Семья Бханги не хотела расставаться с Зам-замой, так как это был вопрос престижа. Ранджит двинулся на Амритсар и после двухчасового боя 10-летний глава мисала и его мать-регентша Май Сукхан бежали. Ранджит вступил в священный город сикхов, который стал к этому времени и крупнейшим торговым центром Пенджаба. Мальчику-сардару он выделил джагир – территорию с пятью колодцами.

Даже заняв Лахор и Амритсар, по отношению к сардарам других мисалов Ранджит оставался пока *primus inter pares*. Собираение Пенджаба обещало быть делом нелёгким и долгим. Будучи прагматиком, Ранджит стал проводить в отношении мисалов тройственный курс, смотря по их силе: слабых сводил к нулю сразу; с теми, кто посильнее, заключал матримониальные союзы, требовал земли в приданое и сводил к нулю постепенно; с сардарами сильных брался, меняясь тюрбанами и принося клятву на Гуру Грантх, после чего использовал их ресурсы для целей собственной экспансии [Gupta, V, p. 38].

Первый путь — давить не церемонясь — Ранджит выбрал, к примеру, в отношении мисалов Бханги (в 1802 г. привёл к покорности Сахиб Сингха в Гуджрате и выгнал из Амритсара Гурдит Сингха) и Карорасингхиа (после 1805 г. отнял владения у вдов Багхел Сингха).

Второй путь — династические браки — он предпочёл в отношении мисала Накаи, а ретроспективно и Канхийя: ведь не предполагала Сада Каур, что не совладеет с зятем (см. ниже). Кстати, уже на следующий год (1803) после рождения его женой Радж Каур первенца Ранджит отнял земли у её брата — сардара Бхагван Сингха (в 1811 г. лишил территорий и остальных сардаров мисала Накаи). К этой же категории (к этому пути) я бы отнёс принятие сардаров к Ранджиту на службу. Так он поступил, например, с мисалом Сингхпуриа — взял к себе сардара Будх Сингха, а затем придрался, как мы помним, к его крашеной бороде. Вообще Ранджит избавлялся от неудобных сардаров как только мог. Так, в 1807 г. в ходе военной кампании против княжества Нараингарх он дразнил своего союзника Фатех Сингха Калианвалу трусом. Тот бросился на передовую и был застрелен. Ранджиту только того и надо было [Gupta, IV, p. 59].

Наконец по третьему пути Ранджит был вынужден пойти с наиболее сильными мисалами, которые ещё не утратили всего бывшего могущества второй половины XVIII в. С ними пришлось до поры (но лишь до поры) считаться. Это — что неудивительно — мисалы Ахлувалиа и Рамгархиа.

С Фатех Сингхом Ахлувалиа, как сказано выше (см. V.1), Ранджит ещё в 1802 г. обменялся тюрбанами и заключил формально равноправный союз — чтобы использовать в своих целях немалые ресурсы сардара-побратима и его престиж как потомка самого Джасса Сингха. Союз двух «Победителей» (по-арабски *фатих* «победитель», «завоеватель», как *ранджит* на панджаби) оказался плодотворным — для Ранджит Сингха. Кстати, Фатех пошёл на союз с ним из-за давней вражды с мисалом Рамгархиа. В 1825 г. Ранджит попросту отнял у Фатех Сингха территории западнее Беаса: не нужен стал. Фатех даже временно бежал на территорию Компании, и та гарантировала ему неприкосновенность его владений в Мальве. После смерти Фатех Сингха в 1837 г. его сыну придётся заплатить Ранджиту немалую назрану, чтобы сохранить остатки мисала.

Побратался Ранджит с сыном и другого Джасса Сингха — авторитетным Джодх Сингхом Рамгархиа: обменялся тюрбанами и «подписал» (приложил к бумаге правую руку, окрашенную шафраном) договор о дружбе. Это оттянуло поглощение мисала Рамгархиа — но только до смерти Джодх Сингха в 1815 г., сразу после которой Ранджит земли мисала присвоил, а 150 крепостей срыл. Трёх сыновей Джодх Сингха он оделил джагирами, но в следующем году передумал и отнял.

Таким образом, как любой «собиратель земли», Ранджит Сингх в процессе движения к поставленной цели сталкивался с разными типами противников: одни (сильные) оказывали бескомпромиссное сопротивление, другие (слабее) пытались выжидать и лавировать, третьи (слабые) предпочитали не искушать судьбу и сами отдавались под его эгиду. Параллелей из мировой истории можно привести много: процесс объединения Франции, в ходе которого королям пришлось иметь дело не только с мелкими графами, но и с таким «крепким орешком», как герцог Бургундии Карл Смелый; процесс объединения Руси под властью Москвы, где наряду с незначительными князьями Можайска или Углича были князья Рязани и особенно Твери — практически равные соперники Ивана Калиты и его потомков. Изобилует такими примерами и история Индии (см., например: [Фурсов К., 2006, с. 184–266]).

Ранджит был мастер выбирать время для своих ходов. Так, если сопротивление оказывалось упорным, он чаще предпочитал не преодолевать его тут же, а выжидать. Территории своих противников он нередко присоединял лишь тогда, когда созревала ситуация. Во многих случаях Ранджит непрерывно увеличивал свои податные требования с подчинённых сардаров — пока те не переставали хотеть платить или попросту оказывались не в состоянии это-

го делать. Так создавалась ситуация, в которой аннексия их владений казалась желаемым, а то и оправданным выходом [Grewal, 1999, p. 104–105]. Это тоже роднит экспансию Ранджита с экспансией его более могущественного соседа Ост-Индской Компании.

Конечно, говоря о процессе объединения Панджаба, надо помнить, что главная причина успеха Ранджита заключалась в позиции панджабского, прежде всего сикхского, крестьянства, да и городского населения страны. Как справедливо отметила Н.И. Семёнова, крестьянство охотно шло в его армию, ибо ликвидация мисалов означала избавление от внутренних войн между сардарами [Семёнова, 1958, с. 22]. Кроме внутренних факторов, способствовавших объединению страны Ранджитом, называют внешний — захватническую политику Ост-Индской Компании [Кочнев, 1968, с. 28], но, как представляется, в советской индологии значение этого фактора несколько преувеличивали. Конечно, сикхи видели, что британцы собирают Индию восточнее Сатледжа так же, как Ранджит Сингх собирает Панджаб, и определённые опасения это им внушало. (Впрочем, иным сикхским князьям это внушало, напротив, надежду — см. ниже.) Однако британцы были достаточно далеко и к собственно Панджабу интереса не проявляли. Главными факторами объединения страны были более близкие — стремление покончить с усобицами, исключительная тяга к власти самого Ранджита, ослабление афганцев на территориях, когда-то завоеванных Ахмад-шахом (Мултан, Кашмир, правобережье Инда).

Итак, Ранджит Сингх старался заполучить территории других мисалов всеми правдами и неправдами (больше неправдами). Те сардары, которым он оставил «огрызки» их прежних владений, сделались просто крупными джигирдарами и политического веса уже не имели (так в Германской империи после 1871 г. формально сохранялись короли Саксонии, Баварии, Вюртемберга, но вся полнота власти принадлежала кайзеру и его правительству в Берлине). Кстати, подъём из междоусобного хаоса мисалов одного вождя, который подчинит остальных, предсказал ещё в 1783 г. проницательный путешественник и разведчик Ост-Индской Компании Джордж Форстер, который, предварительно позагорав несколько месяцев для изменения цвета кожи, проехал по Северному Панджабу под видом мусульманина-тюрка — торговца лошадьми. Параллельно с подчинением мисалов Ранджит начал прихватывать и соседние, несикхские, территории — приводил к покорности мелких индуистских и мусульманских князьков Панджаба и Шивалика. Так, покорив Сахиб Сингха Бханги, он вступил в конфликт с его северным соседом — раджей горного княжества Кангра Сансар Чандом. Предлогом Ранджиту послужила защита интересов тёщи: раджа опрометчиво занял ряд территорий Сада Каур. Сансар Чанд был разбит и стал данником Ранджита.

Ранджит при этом радел вовсе не о тёще, а о себе. Сада Каур продолжала возглавлять мисал Канхийя, и до поры зять её не трогал. Однако его от-

ношения с тещей дали трещину уже тогда, когда родился Кхарак Сингх: ей не понравилось, что старший сын зятя рождён не от её дочери. В 1807 г. Ранджит силой отнял у тещи несколько городков, а в 1811 г. лишил земель обоих её сыновей. Ещё в 1810 г., видя, что зять «распоясался», Сада Каур не остановилась перед тем, чтобы тайно обратиться к Ост-Индской Компании. Она назвала Ранджита узурпатором её прав и пыталась уверить британцев в его агрессивных намерениях по отношению к Компании. Однако из этого ничего не вышло. Когда у дочери Сада Каур — Мехтаб Каур — родились мальчики-близнецы (Шер Сингх и Тара Сингх), отношения с зятем ухудшились ещё больше, так как сардарни мисала Канхийя хотела обеспечить престолонаследие одному из собственных внуков. Она стала требовать, чтобы зять выделил им такие же джагиры, как и Кхарак Сингху. Тот долго игнорировал её требование, но в конце концов согласился и в 1820 г. выделил для этого половину собственных территорий Сада Каур. Войско Ранджита заняло их без боя, кроме крепости Аталгарх, которую несколько недель обороняла верная служанка Сада Каур во главе небольшого отряда.

Сада Каур умерла в 1828 г., получая жалкую пенсию в 10 рупий в день. Её называют одной из самых выдающихся женщин в сикхской истории. Дочь её, Мехтаб Каур, умерла ещё в 1813 г. в ссылке.

Очень рано, уже в 1802 г., Ранджит инициировал и натиск на юг, на Мултан. В этом крупном городе правил афганец наваб Музаффар-хан — формально наместник Дурранийской державы, но фактически самостоятельный правитель. Напомню, что в 1770-е годы Мултан успел побывать сикхским (принадлежал мисалу Бханги), но афганцы взяли реванш. Ранджит умел выбирать время: в Кабуле как раз началась «шахская чехарда» (как сказано выше, Заман-шах был свергнут своим братом Махмудом, которого, в свою очередь, сверг другой брат, Шах Шуджа). Афганцам стало не до отдалённых земель в Индии. Когда Ранджит подступил к Мултану, Музаффар-хан быстро понял, что сопротивление бесполезно, и выехал навстречу с богатыми подарками. Заодно Ранджит привёл к покорности правителя городка Джханг Ахмад-хана.

Между тем в Пятиречье пришла война с востока. В 1803–05 гг. произошла вторая англо-маратхская война. Это был решающий конфликт Ост-Индской Компании с маратхским союзом княжеств, в ходе которого она переломила ему хребет и стала, по моей периодизации, доминирующей державой Индии [Фурсов К., 2006, с. 233–240]. Генерал лорд Лэйк преследовал последнего из сопротивлявшихся маратхских правителей — сардара княжества Индаур Джасвант Рао Холкара (правил в 1799–1811). Тот отступал всё дальше на северо-запад и наконец оказался в Панджабе. Сикхские княжества Мальвы Холкар попутно обложил данью, а Ранджита хотел склонить к союзу. Тому визит маратхского войска был совершенно ни к чему, но он провёл встречу с незванным гостем в Амритсаре. Между тем Лэйк подошёл уже к Беасу. Од-

нако Ранджит понимал, что это не его война, и не собирался вступать в конфликт с самой могущественной державой Индии.

Пытаясь склонить Ранджита к совместному отпору Ост-Индской Компании, Холкар даже выразил намерение принять сикхизм (как недавно вождь рохилов Забита-хан). Правда, сразу предупредил, что если сикхи не помогут, то вынудят его принять ислам и искать защиты у амира Афганистана. А полагая, что Ранджит отказывается помочь из-за нехватки денег, Холкар решил проверить его финансовое состояние, предложив продать ему золотую статую слона массой 50 кг. Ранджит, чтобы не разубеждать маратха в стеснённости своих средств, переадресовал его к одному купцу из Амритсара, с которым и состоялась сделка. Чуть ранее Холкару удалось привлечь к антибританскому союзу одного Ранджит Сингха — раджу джатского княжества Бхаратпур; его панджабский тезка оказался осмотрительнее.

Замечу, что Ранджит был исключительно суверен. Своё решение в пользу мира с Компанией он подкрепил жребием: между страницами Гуру Грантх сунули два листка бумаги с именами «Лэйк» и «Холкар», привели ребёнка, и тот вытянул один из листов наугад. Там оказалось имя Лэйка.

В 1806 г. Ранджит Сингх и Ост-Индская Компания заключили первый договор о дружбе и согласии: саркар обязался заставить Холкара отойти со своим войском на 30 косов от Амритсара, никогда не иметь с ним сношений и не помогать ему никоим образом; Компания обязалась не нападать в этом случае на Панджаб [Aitchison, 1931, p. 33]. С сикхской стороны под договором вместе с именем Ранджита политкорректно присутствует имя Фатех Сингха Ахлувалиа как формально равного союзника.

В советской и индийской научной литературе часто можно встретить такие высказывания: как жаль, что во время экспансии Ост-Индской Компании правители разных княжеств не помогали друг другу в борьбе с ней, не понимали, что ради Матери-Индии надо объединиться! Подобные высказывания наивны. Понятия единой Индии и общеиндийской идентичности не существовало, это уже продукт британского колониализма, который принёс в Индию вместе с капитализмом идею нации. Британцев в Индии XVIII в. не воспринимали как силу, резко противопоставленную местным силам. Они были для индийцев ещё одной волной завоевателей, каких уже было много в истории.

Избежав конфликта с Ост-Индской Компанией и выпроводив незваного гостя, который к нему подталкивал, Ранджит продолжал экспансию. В 1806 г. он воспользовался борьбой за власть в Патиале и округлил свои владения за её счёт. В 1807 г. возникла угроза со стороны мусульманских правителей. Патханский наваб Касура Кутуб-уд-дин объединился с навабом Мултана Музаффар-ханом и собирал силы, чтобы напасть на Лахор. Ранджит упредил удар: лично выступил на Касур, осадил город, довёл его до голода, после чего пушки сикхов стёрли укрепления с лица земли. Сикхи ворвались в Касур, патха-

ны были перебиты, а дрожащий от страха наваб попал в плен, но был отпущен и даже пожалован джагиром.

Затем наступил черёд Мултана — уже третий поход сикхов на этот крупнейший город Южного Панджаба (второй состоялся в 1805 г.). Сикхи взяли город, и запершийся в крепости наваб предпочёл покориться, вновь обещав платить немалую дань. После этого Ранджит занялся мусульманским княжеством Бахавалпур на границе пустыни Тхар: запугал его наваба, и тот стал платить дань. 1807 г. отмечен тем, что раджи Джхинда, Набхи и Патиалы обратились к Ранджиту за арбитражем в своём конфликте. Это был уже не первый раз, что показывает возросший авторитет правителя Лахора в стране. Ранджит продолжал ездить по Панджабу, приводя к покорности мелких сикхских князьков. Те платили дань и получали хилаты.

В 1808 г. Ранджит опять вступил в контакт с Ост-Индской Компанией, исход которого определил характер их дальнейших отношений до самой смерти Ранджита в 1839 г. Новый контакт был обусловлен событиями в далёкой Европе. В 1807 г. Наполеон заставил русского царя Александра I заключить Тильзитский мир. Это означало сближение двух крупнейших континентальных держав — Франции и России, что весьма встревожило Великобританию. Помимо прочего, Тильзит мог привести к возобновлению наполеоновского проекта совместного франко-русского похода на Индию. Такой проект уже имел место в 1801 г. — и даже начал воплощаться в жизнь, когда царь Павел отправил в Индию атамана В.П. Орлова с 22 тыс. донских казаков. Британцы тогда отвратили опасность: в Петербурге при участии недавнего посла Ч. Уитворта состоялся заговор и Павла задушили, а его преемник Александр I вернул корпус, дошедший уже до Саратовской губернии.

Тильзит сопровождался конкретными действиями Франции по соседству с Индией: в том же 1807 г. Наполеон перетянул на свою сторону шаха Каджарского султаната (т.е. Ирана) Фатха Али, который прежде склонялся к союзу с Ост-Индской Компанией. Шах обещал французам в случае необходимости пропустить их войска по своей территории в Индию и принял в Тегеране многочисленную дипломатическую и военную миссию во главе с генералом Ш.-М. Гарданном, которая должна была помочь модернизировать персидскую армию.

С этих пор идея вторжения в Индию европейской державы по суше не давала британцам покоя практически до конца истории Британской Индии в 1947 г. После Тильзита Ост-Индская Компания развернула небывалую дипломатическую активность в сопредельных с Индией странах. Эмиссары Калькутты поехали в Синд, Афганистан, Иран, чтобы заключить с их правителями оборонительные союзы на случай французского похода в Индию по суше. Не обошли вниманием британцы и Страну пяти рек.

В сентябре 1808 г. в Лахор на переговоры с Ранджитом приехал один из лучших чиновников Ост-Индской Компании Чарлз Меткаф. Его называют в составе «золотой четвёрки» выдающихся администраторов Британской Индии начала XIX в. (вместе с губернатором Мадраса Т. Манро и губернаторами Бомбея М. Элфинстоном и Дж. Малколмом; сам Меткаф позднее станет и.о. генерал-губернатора). Меткаф прибыл с подарками для Ранджита и с задачей склонить его к союзу с Компанией. Ей в любом случае уже пора было установить прочные дружественные отношения с правителем Лахора как с сильным западным соседом.

Задачу осложняла проблема сикхских политий Мальвы и области Сирхинда (Патиалы, Набхи, Джхинда и др.), которых британцы называли «цис-сатледжскими княжествами» (т.е. по эту сторону Сатледжа). После того как в 1803 г. Ост-Индская Компания отняла у маратхов область Дели и стала соседом сикхов, раджи Мальвы увидели в ней потенциального покровителя, который мог бы оградить их от набирающего силу Ранджита. Они рассудили так: если британское покровительство будет подобно поглощению, которое принесёт смерть не очень скоро, то приход Ранджита будет подобен удару паралича, который уничтожит их за несколько часов [Singh Kh., I, p. 221–222]. Решив отдаться под покровительство Компании, раджи послали делегацию в Дели к британскому резиденту при шахском дворе А. Сетону (который и был реальным хозяином могольской столицы). Сначала Ост-Индская Компания отнеслась к их просьбе благосклонно, но после Тильзита рассудила, что отношения с Ранджитом — как потенциальным союзником перед лицом возможного вторжения Франции и/или России в Индию — важнее отношений с мелкими князьями левобережья Сатледжа.

Ранджит понимал обстановку на Среднем Востоке лучше британцев и знал, что вторжение французской или русской армии через Иран и Афганистан нереально. Речи Меткафа о нависшей и над Панджабом, и над Британской Индией угрозе не произвели на него впечатления. Впрочем, от союза Ранджит не отказывался — только требовал в обмен признать его владыкой всех сикхов, а значит, и княжеств Мальвы. Поэтому, приняв Меткафа с почётом, Ранджит некоторое время уклонялся от переговоров. Один раз он даже уехал в поход — демонстративно как раз в Мальву: показать, что считает эту область сферой исключительно своих интересов. Во время этого похода саркар захватил Фаридкот и Амбалу, а также заставил обменяться тюрбанами раджу Патиалы. Меткаф протестовал, но Ранджит уже дважды облагал эти территории данью, не встречая прежде нареканий со стороны Компании.

К концу 1808 г. положение в мире стало меняться в пользу Британии. Она заключила военный союз с шахом Ирана, после чего миссии Гарданна пришлось покинуть эту страну. Наполеон увяз в борьбе с повстанцами (а вскоре и с британским десантом) в Испании. А в январе 1809 г. Великобритания

заключила Дарданелльский мир с Османским султанатом, обещав защищать его от возможных поползновений французов. Потенциальная угроза Индии значительно ослабла. Соответственно, идея союза с Ранджитом потеряла для Ост-Индской Компании актуальность, и она вернулась к мысли взять циссатледжские княжества под своё крыло. Если в Ранджете Компания видела буфер от потенциально профранцузского Ирана, то в княжествах Мальвы — буфер от самого Ранджита. Меткаф продолжал переговоры, даже пытался завязать связи с родственниками и военачальниками саркара. Вопрос, как всегда, решила военная сила. В январе 1809 г. Компания прислала к Сатледжу отряд под командованием полковника сэра Дэйвида Октерлони. Сардары Мальвы возликовали. Ранджит отправил британцу протест, который тот, сознавая своё превосходство, проигнорировал. В феврале Октерлони издал прокламацию, обращённую к сикхским сардарам Мальвы и области Сирхинда, объявив, что Компания официально берёт их под своё покровительство. Другая прокламация была адресована Ранджиту: Компания поставила его в известность о случившемся и предостерегла от действий *«вопреки дружбе с британцами»*.

Как ни был уже могуществен Ранджит Сингх, меряться силами с самой Ост-Индской Компанией он не решился. К тому же как раз в конце февраля 1809 г. произошёл, казалось бы, малозначительный эпизод, который поставил для него в этом вопросе точку.

В ходе визита Меткафа в Панджаб его охрану составляли 200 сипаев армии Ост-Индской Компании, в том числе индийские мусульмане-шииты. В праздник мухаррам они стали носить вокруг своего лагеря под Амритсаром традиционные шиитские *тазии* — макеты гробов внуков пророка Мухаммада мучеников Хасана и Хусейна. Ниханги, как ревнители чистоты религии, усмотрели в отмечании мусульманского праздника в священном сикхском городе святотатство. Из Хари Мандира к лагерю Меткафа прибыла толпа нихангов в 4–5 тыс. человек и открыла огонь по сипаям-шиитам. Меткаф велел командовавшему его эскортом капитану дать отпор. Сипаи залпами обратили нихангов в беспорядочное бегство, чему стал очевидцем сам Ранджит. Он подоспел усмирить своих фанатиков, но Меткаф справился без него. Благодаря этому инциденту саркар Панджаба наглядно убедился в превосходстве европейской военной дисциплины. Ранджит понял: если дело дойдёт до войны с Компанией, на успех рассчитывать нечего. Ему хватило войны в миниатюре. Ранджит стал намного сговорчивее и к началу апреля вывел гарнизоны со всего левобережья Сатледжа.

Ранджит не стал рисковать войной с Компанией ещё и потому, что не успел консолидировать свою власть даже к западу от Сатледжа, на основной территории Панджаба: обоснованно опасался, что в случае его войны с британцами их поддержат сардары недавно покорённых мисалов и прочие заво-

ёванные князьки (и окажется он опять — в лучшем случае — в пределах своего мисала Сукарчакиа). Саркар предпочёл уступить, зато наладить дружественные отношения с мощным соседом.

25 апреля 1809 г. Ранджит Сингх и Чарлз Меткаф подписали Амритсарский договор «о вечной дружбе». В нём империя Ранджита объявлялась «на положении наиболее благоприятствуемой державы, и британскому правительству не будет дела до территорий и подданных раджи к северу от реки Сатледж» [A Collection..., 1812, p. 306]. Ранджит сохранял на южном (левом) берегу Сатледжа узкую полосу владений, но, согласно договору: «Раджа никогда не будет держать на территории, занятой им и зависимыми от него лицами на левом берегу реки Сатледж больше войск, чем необходимо для внутренних нужд этой территории» [A Collection..., 1812, p. 306].

Отмечу, что британцы — за недостатком информации — иногда упорно титуловали правителей разных политий Индии не так, как они титуловались на самом деле. Поэтому Ранджит Сингх в тексте договора и назван раджой. Позднее, с ростом значения Панджаба, британцы «повысят» его статус до махараджи. Однако подчеркну ещё раз, что в собственной стране Ранджита величали так реже, чем титулом «саркар».

По вопросу о значении Амритсарского договора в историографии существуют противоположные точки зрения. По одной из них, договор был дипломатическим поражением Лахора, вызвавшим резкое падение престижа Ранджита [Bakshi, 1971, p. 34]. Согласно другой точке зрения, договор 1809 г. принёс больше выгод как раз Ранджиту: установление дружественных отношений с могущественным соседом позволило ему упрочить свою власть на уже покорённых территориях и беспрепятственно продолжать экспансию к северу от Сатледжа [Hasrat, 1968, p. 95–96]. Более справедливой представляется вторая точка зрения. Ранджиту, безусловно, пришлось уступить Компании: договор означал, что за пределами его империи навсегда останется четверть всех сикхов. Однако самое важное то, что с помощью договора саркар обезопасил свои восточные рубежи. Теперь у него были развязаны руки для экспансии на запад, северо-запад и север. Кроме того, британцам не удалось вырвать у Ранджита согласие в случае необходимости пропускать их войска через его владения.

Как отметили ещё в XIX в. британские историки Ч. Гоф и А. Иннс, проницательный Ранджит Сингх был едва ли не единственным азиатским правителем своей эпохи, который понял, что британцы — пусть и более сильный сосед — действительно не собираются завоёвывать его страну и даже предпочитают видеть в Панджабе сильного, а не слабого соседа (поэтому спокойно занялся экспансией в других направлениях, не опасаясь удара в спину). Ведь для всех восточных монархов было аксиомой, что цель любой державы — расширение, если только у неё есть для этого возможности [Gough, Innes,

1986, p. 32]. Вообще британцы, имея дело с правителями Азии и Африки, гордились своей сдержанностью в этом отношении, противопоставляя её захватническому духу местных политий. Так, агент генерал-губернатора в Центральной Индии сэра Джон Малколм писал в начале XIX в., что индийские князья принимают умеренность Ост-Индской Компании за страх и слабость [Malcolm, 1970, p. 25]. Это Малколм подметил верно, но не будем забывать, что в долгосрочной перспективе деятельность западных держав (в частности, меры британской Ост-Индской Компании в Индии) приводила к тем же результатам: сильные неизбежно подчиняли слабым.

Однако в начале XIX в. Компания в самом деле ещё не собиралась расширять свои владения за Сатледж. Она только что «заглотала» огромный ломоть индийской территории в результате второй войны с маратхами, и ей предстояло его переварить. С востока угрозы Ранджиту действительно не было. Столкновение британцев с сикхами исторически было неизбежно, но его надолго отложила география. Панджаб находится на Дальнем Западе Индии, а экспансия Ост-Индской Компании по субконтиненту шла с востока и юго-востока (кстати, в противоположность всем прежним завоеваниям в истории Индии — они шли с северо-запада). Панджаб для британцев просто оказался последним в очереди. Его черёд настанет в 1840-е годы.

Что касается роли Ост-Индской Компании в циссатледжских княжествах, то, приняв их под защиту, она стала здесь наследником маратхской династии Шинде: контролируя Дели, маратхи вмешивались в конфликты между сардарами Мальвы, утверждая своё право верховного арбитра. Ввиду невысоких доходов этих княжеств британцы освободили их от уплаты дани, но обязали по первому требованию пускать на свою территорию войска Компании, снабжая их зерном и другими припасами, и оказывать военную помощь в случае вторжения извне. Компания же обязалась пресекать конфликты между княжествами, гарантировав целостность их границ [Hasrat, 1968, p. 101–102]. Правда, вскоре британцам пришлось повозиться с новыми подопечными, между которыми вспыхивали постоянные территориальные склоки.

Между тем на горное княжество Кангра стали напирать непальские гуркхи. В августе 1809 г., вняв отчаянному призыву раджи Сансар Чанда, Ранджит привёл войска ему на помощь, разбил гуркхского военачальника Амар Сингха Тхапу и занял крепость Кангры. Но, защитив её, сикхи уже не ушли. Покорил Ранджит постепенно и другие княжества Шивалика, которые доставили столько хлопот сикхам ещё при Гобинде (впрочем, сикхи им тоже): Манди, Кахлур, Кулу, Чамбу и т.д. Горные раджи платили новому верховному правителю дань, посылали по его требованию отряды ему в помощь, не имели права контактировать друг с другом, а тем более с политиями вне своего региона; утверждению из Лахора подлежало наследование престола в княжествах. Гарантией примерного поведения раджей служила обычная в патри-

мониальной политике система заложничества — кто-то из родственников раджей постоянно находился при дворе Ранджита. Впрочем, взимаемая Лахором дань была необременительна: всего 5% дохода.

В самом Панджабе Ранджит продолжал методично покорять другие мисалы. В том же 1809 г. он отвоевал у Сахиб Сингха Бханги г. Гуджрат в Чадж доабе. Это был конец мисала Бханги — исходно крупнейшего из всех. В 1810 г. Ранджит в четвёртый раз ходил на Мултан, так как наваб Музаффархан опять заупрямился с данью. Его сосед наваб Бахавалпура с перепугу предложил Ранджиту военную помощь в 500 всадников, чтобы отвести угрозу от себя самого. Сам город Мултан сикхи опять взяли легко, а вот с крепостью, где заперся Музаффархан, вышла заминка. Подрыв стен цитадели заложенными под них снарядами был проведён неудачно: при взрыве под камнями погибли несколько именитых сикхских воинов. Осаждённые бросали со стен факелы. Всё же сикхи ворвались в проделанную брешь, и завязался яростный рукопашный бой. Музаффархан сдался и поклялся своей длинной белой бородой платить дань вовремя и не контактировать с врагами сикхов. В конфликтах с сикхами ему никак не удавалось оправдать своё имя (*музаффар* по-арабски «победоносный»). Ранджит же, как это ни удивительно на первый взгляд, опять восстановил наваба у власти.

Поступок Ранджита логичен, и так действовали в Индии (и не только в Индии) многие завоеватели, если не большинство. Покорив какого-то правителя, более сильному правителю было выгоднее просто сделать его данником, чем сместить и назначить чиновника от себя: побеждённый обладал в своей местности тем, что известный социолог М. Вебер назвал традиционной легитимностью. У него уже была сеть устоявшихся связей с местной земельной знатью, а значит — каналы выплаты налогов, которые можно было просто использовать. Это тот же принцип патримонии-матрёшки. Ввиду своей укоренённости он получил широкое признание даже в империях европейских колониальных держав, которые наследовали традиционным восточным политиям, — в виде системы косвенного управления (в противоположность прямому).

Таким образом, уже к началу 1810-х годов Ранджит в целом объединил собственно Панджаб между реками Сатледж на востоке и Атток на западе. За впечатляющие завоевания он получил в стране прозвище Лев Пятиречья, *Шер-и-Панджаб* (перс.).

Между тем сикхи опять вошли в контакт с афганцами. То были уже эпигоны великого Ахмад-шаха. В 1809 г. в Кабуле произошёл очередной переворот: Махмуд, свергнутый за шесть лет до этого Шахом Шуджей, вернул себе трон. Шах Шуджа бежал в Панджаб и просил у Ранджита помощи. Внуку Ахмада-завоевателя пришлось, скрепя сердце, обратиться с просьбой к «неверным», которых его дед считал своими подданными. Однако встреча двух

монархов не дала результатов: как и в случае с маратхом Холкаром, Ранджит был достаточно умён, чтобы не ввязываться в войну, не сулившую видимых выгод. Тем более горный Афганистан с его 400 фактически независимыми племенами — это не Индия с её покорным и раздробленным на касты населением. Саркар понимал весь масштаб опасности похода в эту страну — намного лучше британцев, которые полезут в Афганистан и в 1839, и в 1878 г.

Воспользовавшись борьбой за власть в столице, от Афганистана «под шумок» отложился наместник Кашмира Ата Мухаммад-хан. Помочь привести его к покорности обратился к Ранджиту фактический правитель Кабула вазир Фатех-хан, представитель племени баракзаев, которое шло к власти в Афганистане на место садозаев — правящего племени, откуда происходила династия Ахмад-шаха. За помощь он обещал отдать треть доходов Кашмира и военных трофеев, а также отказаться от верховной власти Дурранийской империи над Мултаном. Саркар согласился помочь Кабулу восстановить контроль над Кашмиром. В то же время жена Шаха Шуджи просила Ранджита вызволить своего мужа, который успел попасть в Кашмире в плен к мятежному наместнику. В помощь афганскому вазиру Ранджит выделил 12 тыс. сикхов. С помощью сикхов афганцы привели Кашмир обратно к покорности, а слова не сдержали. Однако кашмирский поход позволил сикхам познакомиться с местностью, что принесёт выгоду позднее.

С Шахом Шуджей история отдельная. Сикхи освободили его и привезли к себе в Лахор. У бывшего афганского шаха была с собой исключительно ценная реликвия — бриллиант «Кох-и-нор». Напомню, что эта драгоценность исходно была индийской: принадлежала Моголам, была вделана в их Павлиний трон, который Надир-шах в 1739 г. вывез в Иран, затем перешла к династии Дуррани. Ранджит не собирался упускать такую ценность и заставил Шаха Шуджу отдать «Кох-и-нор» за избавление из кашмирского плена. Афганец просил компенсировать бриллиант хотя бы джагиром с доходом в лакх рупий. Ранджит счёл, что хватит с него и 50 тыс., но и это куцее пожалование осталось на бумаге (1813 г.). У Шуджи и кроме бриллианта добра хватало (одно усыпанное драгоценностями седло стоило 28 лакхов рупий), и Ранджит, приютив его, не собирался ограничиваться «Кох-и-нором». Однако сардары убедили его, что он и так сильно обидел Шаха Шуджу. Всё же через полгода Ранджит вернулся к этой идее и обобрал гостя дочиста. Даже в *занану* (гарем) Шаха Шуджи послали служанок обчистить её обитательниц. Служанки вынесли оттуда всё, что нашли ценного, — дорогие украшения, ковры, роскошные платья. Шах Шуджа плакал и два дня ничего не ел, а в 1815 г. тайно бежал от «освободителя» на британскую территорию, в Лудхиану. Британцы выделили ему пенсию. Он им ещё пригодится.

Вмешательство сикхов в один межафганский конфликт (в Кашмире) затянуло их в следующий. Брат мятежного наместника Кашмира, комендант

стратегически важной крепости Атток Джахандад-хан встревожился из-за свержения брата. Опасаясь, что кабульский вазир сместит и его (на всякий случай), он рассудил так: чем потерять власть (пусть при этом город и сохранился бы в руках афганцев), лучше перейти под эгиду сикхов. Он пригласил Ранджита занять Атток и в марте 1813 г. сдал крепость военачальнику Дайя Сингху. К сикхам попали 70 пушек, крупные запасы зерна и боеприпасов.

Атток имел для афганцев значение как путь через Инд в Кашмир, и вазир Фатех-хан в Кабуле не мог оставить это безнаказанным. Он снарядил карательную экспедицию под началом своего брата Дост Мухаммад-хана (будущий амир Афганистана), который осадил ставший сикхским Атток. Ранджит, со своей стороны, тоже прислал войско — под началом Мохкам Чанда. 16 июня 1813 г. при Хайдру состоялась битва, в которой афганцы были разгромлены. Решающую роль в победе сикхов сыграла артиллерия (плод военных реформ Ранджита); помогла им и жара, к которой не привыкли горцы-пуштуны. То была первая победа сикхов над афганцами на поле сражения. Потеряв более 2 тыс. человек, афганцы бежали, многие утонули при переправе через реку. Так сикхи воздвигли надёжный заслон от Афганистана и могли перенести внимание на север. Выбрав неверную очерёдность действий (сначала неудачная попытка отнять силой, потом угрозы), кабульский вазир вскоре прислал письмо со словами: *«Ещё ничего не потеряно. Верните Атток, и дружба между нами укрепится»*. Ему ответили: *«Атток не вернём, а скоро и Кашмир отберём»*.

В самом деле, в том же году Ранджит начал экспансию на север. В горы углубились три сикхские колонны, одной из которых он командовал лично. Здесь первый блин вышел комом. Уже начался сезон муссонных дождей, и сикхи не смогли воспользоваться пушками. К тому же один из горных раджей умышленно показал отряду Ранджита неверный путь. Тот попал в бурю, и все три колонны были вынуждены быстро спуститься с гор обратно в Панджаб.

На юге сикхов продолжал беспокоить наваб Мултана Музаффар-хан, который (несмотря на клятву бородой) упорно возобновлял перебои с выплатой дани. Против него были пятый (1816 г.) и шестой (1817 г.) походы. Каждый раз наваб покорялся, подносил Ранджиту назрана, торжественно обещал платить дань, но не платил. Терпению саркара пришёл конец. В январе 1818 г. сикхи снарядили седьмой, последний, поход на Мултан, чтобы на этот раз аннексировать его. Ранджит опять умело выбрал время для геополитического хода: в 1818 г. окончательно распалась Дурранийская империя. В Кабуле был свергнут Махмуд-шах (тот, что ослепил своего брата, горе-завоевателя Панджаба Заман-шаха), и Афганистан вновь превратился в мозаику княжеств. В Кандагаре, Пешаваре и других местах стали править братья вазира Фатех-хана; один из них, Дост Мухаммад-хан, в 1826 г. сделался амиром в Кабуле (правил с перерывом до 1863 г.). На смену династии Дуррани пришла динас-

тия Баракзаев (опять же по названию пуштунского племени). Лишь в Герате у власти остался Дуррани — Камран-хан (сын Махмуд-шаха).

Седьмым походом на Мултан командовал главнокомандующий империи диван Мисар Чанд. Мултан, надо сказать, был укреплен прекрасно: стены города имели длину 5 км, высоту — до 16 м, а стены цитадели на холме были высотой до 13 м и толщиной 5 м [Gupta, V, p. 105]. Сикхи предприняли несколько попыток штурма — неудачно. Наконец по цитадели сделали четыре выстрела из Зам-замы, пробив две бреши (на этом ствол пушки и вышел из строя). Штурм Мултана известен таким эпизодом. В ходе обстрела стен у одной из пушек отлетело колесо. На починку времени не было, и командир артиллеристов призвал своих людей подставить под ствол собственные плечи и сам подал пример. Добровольцы нашлись, и ценой жизней нескольких из них пушка заговорила вновь. Наваб Музаффар-хан сам доблестно защищал пробитую сикхами брешь и погиб в бою с саблей в руке. С ним полегли пять из восьми его сыновей. Крепость Мултана пала только 1 июня 1818 г., сикхи простояли под ней почти полгода. К выжившим сыновьям наваба Ранджит проявил великодушие и пожаловал каждого джагиром. Присоединение Мултана означало, что владения Ранджита охватили территорию уже двух суб-былого Могольского султаната — Лахорской и Мултанской. Сам город Мултан выделялся в Панджабе как крупный центр шелкоткачества — второй после Амритсара.

Первые три наместника Ранджита в Мултане оказались никчемными (одного он после смещения понизил до хранителя склада с жалованьем 1 рупия в день). Однако в 1820 г. наместником был назначен Саван Мал из касты кхатри, уже заработавший репутацию справедливого и способного администратора. Он навёл в провинции порядок, организовал ирригационное строительство и щедрые казённые займы заминдарам на поднятие земледелия. Саван Мал был до того справедлив, что однажды заключил в тюрьму собственного сына за то, что тот потоптал конями урожай крестьянина, не возместив ущерба.

В том же 1818 г. Ранджит (опять же, воспользовавшись ослаблением Афганистана) впервые занял Пешавар. Из-за обилия садов этот город прозвали Шахр-и-сабз, «Зеленоград» (перс.). Сейчас Пешавар является административным центром пакистанской провинции Хайбер-Пахтунхва (бывшая Северо-Западная пограничная провинция). Он расположен недалеко от входа в Хайберский проход и по-прежнему имеет стратегическое значение. Именно через Пешавар в 1980-е годы в Афганистан просачивались арабские и прочие наёмники-моджахеды; именно там находился рассадник исламизма, там начал свою «карьеру» Усама бин Ладин. Для сикхов занятие Пешавара было неслыханным успехом, означая их вторжение на исконную территорию бывшей Дурранийской империи. Однако Пешавар находился на дальнем западе

сикхской империи, сикхи контролировали эту зону ещё слабо, и Ранджит предпочёл оставить здесь у власти пуштунского хана из племени баракзаев Яр Мухаммад-хана, сделав его своим данником (как долгое время сохранял Мултан за Музаффар-ханом).

Крушение Дурранийской державы открыло сикхам дорогу и на север. В апреле 1819 г. Ранджит во второй раз лично выступил на Кашмир во главе 30-тысячного войска. На сей раз сикхи подготовились как следует: создали поближе к горам склады продовольствия и боеприпасов (так Иван Грозный при завоевании Казани сперва построил базу Свяжск). Твердыни горных раджей и афганских наместников падали одна за другой. Сикхи перевалили через хребет Пир-Панджал. Наконец в тяжёлом сражении был разбит и с трудом бежал афганский назим Джаббар-хан. Победе сикхов способствовало то, что назим остался от режима садозаев, а в Кабуле теперь правили баракзаи, на помощь которых ему рассчитывать не приходилось. В июле 1819 г. сикхи вступили в Шринагар (сейчас летняя столица индийского штата Джамму и Кашмир). Жителей поразило, что сикхский глашатай при громе барабанов объявил: воины не будут покушаться на честь и имущество горожан независимо от их веры. Для населения Кашмира, привыкшего к афганским грабёжам, то была очень приятная неожиданность.

Обрадованный успехами Ранджит отбыл в Амритсар. Именно тогда в ознаменование завоевания Кашмира было завершено озолочение Хари Мандира, благодаря чему он широко известен поныне как Золотой храм. Ранджит, не поскупившись, сделал главной гурдваре поистине царский подарок — выделил на покрытие её стен и крыши 400 кг золота. Кстати, культовых сооружений, которых называют Золотыми храмами, в мире несколько. Достаточно вспомнить дзэн-буддийскую святыню Кинкаку-дзи в Киото или шиваитский храм Вишванатха в Варанаси, на озолочение которого, к слову, металл пожертвовал тот же Ранджит Сингх.

Как сказано выше, в ознаменование завоеваний Ранджита двух приёмных сыновей его жены Дайя Каур назвали Мултана Сингх и Кашмира Сингх. А вскоре, в том же 1819 г., сикхи отвоевали у афганцев г. Музаффарабад — столицу нынешнего пакистанского Кашмира.

Своим первым наместником Кашмира Ранджит назначил дивана Моти Рама. Тот управлял слишком мягко, поэтому начались восстания и перебои с поступлениями налогов, выросла преступность. Тогда в 1820 г. наместником в Кашмир был отправлен сардар Хари Сингх Налва (1791–1837) — один из самых блестящих сикхских полководцев, которого историк сэр Лепел Гриффин назвал «Мюратом хальсы». Его дед и его отец служили деду и отцу Ранджита. Сам Хари Сингх отличился в 1804 г. на охоте Ранджита, когда, вооружённый одной короткой саблей и щитом, в одиночку убил тигра — как некогда гуру Харгобинд и Джасса Сингх Рамгархиа. По другой версии, он убил

льва: в XIX в. львов в Индии ещё водилось много. Саркар очень ценил личную храбрость и пожаловал Хари Сингху титул сардара и командование отрядом в 800 человек.

Хари Сингх правил в Кашмире твёрдой рукой, жёстко пресекал малейшие проявления сепаратизма, но заслужил уважение населения. Он навёл в стране порядок, резко снизил земельный налог. Если при афганцах общая сумма собираемого в Кашмире налога составляла 60 лакхов рупий, то Налва сократил его до 13 лакхов [Singh, Gopal, 1988, p. 475]. Хотя к британцам он относился достаточно враждебно, политический агент Ост-Индской Компании в Лудхиане Уэйд назвал его «одним из самых способных и популярных сикхских наместников, которые когда-либо были у сикхов» [Sandhu, 1935, p. 20]. Хари Сингх отменил также повинность *бегар* (бесплатные общественные работы), существовавшую в Кашмире тысячу лет. При сикхах стало возрождаться хозяйство Кашмира, особенно ремёсла. Налва поощрял производство знаменитых кашмирских шалей¹, бумаги. Он лично разбирал дела, связанные с серьёзными преступлениями, унифицировал систему мер и весов, отменил ограничения, наложенные афганцами на пандитов касательно одежды и отправления обрядов, разрешил жителям, обращённым в ислам силой, вернуться в лоно индуизма.

В империи Ранджита Хари Сингх Налва был единственным сардаром, кому (на посту наместника Кашмира) было позволено чеканить монету от собственного имени. После двух лет в Кашмире Ранджит перевёл его в горную область Хазара, населённую пуштунами из племени юсуфзаев. Для управления этим недавно присоединённым районом сикхам требовался жёсткий администратор. Налва оставался наместником Хазары с 1822 г. до самой своей гибели в 1837 г. и правил пуштунами железной рукой. Его именем здесь пугали детей.

Область Дераджат (правобережье Инда) Ранджит завоевал в 1821–23 гг. Равнинные районы Дераджата он замирил быстро благодаря гибким мерам — не скупился на джагиры и денежные выплаты местным ханам. Однако в горных районах (Банну, Кохат) сикхи столкнулись с пуштунскими племенами, которые были головной болью ещё для Моголов. Начались постоянные стычки на границе. Ни одна центральная власть в Индии — ни Моголы, ни сикхи, ни сменившие их британцы — так и не смогла до конца покорить свободолюбивых пуштунов северо-западной границы Индии. Продолжением этих пограничных кампаний в настоящее время являются операции армии Пакистана против пуштунов автономного района Вазиристан.

¹ Кашмирские шали были столь тонкой работы, что мастерская (обычно 2–4 работника) могла быть занята производством одной шали больше года; другие производили за год 6–8 шалей. Соответственно, стоила такая работа недёшево: при трудном узоре за один рисунок платили до 50 рупий.

Таким образом, сикхи впервые с середины XVII в. (когда Могольский султанат лишился Кандагара в пользу Сефевидов) развернули направление завоеваний на границе Индии вспять: вектор походов вновь указывал на запад, а не на восток. Наблюдая, как сикхи перешли в стратегическое контрнаступление, афганцы забеспокоились. Один из вождей пуштунов-баракзаев Мухаммад Азим-хан, брат правившего в Пешаваре Яр Мухаммада, занял этот город, затем подступил к Аттоку и объявил против сикхов джихад. Угроза была столь серьёзна, что Ранджит вывел против него войска сам. В марте 1823 г. под Наушахрой состоялось крупное и ожесточённое сражение. С сикхской стороны участвовали 24 тыс. человек, с афганской — 30 тыс. Исход сражения решили пушки и доблесть сикхов (они потеряли 2 тыс. человек, афганцы — более 3 тыс.). Ранджит лично участвовал в битве и во главе отряда своих телохранителей-гуркхов захватил холм. Азим-хан бежал и умер по пути в Кабул. Яр Мухаммад-хан в Пешаваре вновь сделался данником Лахора, пусть и уклонялся от выплат как мог. Сикхская империя укрепила свои позиции на правобережье Инда.

Коль скоро речь зашла о северо-западных рубежах империи Ранджита, не обойти вниманием восстание ваххабитов под руководством Сайида Ахмада Барелви (1786–1831; из г. Барейли в долине Ганги). В 1810-е годы он состоял в крупной банде грабителей-*пиндхари* во главе с Амир-ханом; в 1822 г. хадж совершил, вернулся ваххабитом. В 1826 г. Сайид Ахмад поднял на западной границе сикхской империи восстание пуштунов-юсуфзаев под лозунгом джихада. Восстание полыхало пять лет и охватило значительную территорию. Так, в 1827 г. тысячи *гази* окружили сикхскую крепость в Хайрабаде. На выручку поспешил Хари Сингх Налва с 8-тысячным войском. Несмотря на 20-кратное превосходство мусульман, сикхи одолели их благодаря выучке и дисциплине, и конница долго преследовала бегущего противника.

В 1830 г. Сайид Ахмад ненадолго овладел самим Пешаваром. Однако вскоре он зарвался и оттолкнул от себя многих сторонников масштабными мероприятиями в фанатичном ваххабитском духе: собирал с афганцев *ушир* (исламская десятина), запретил освящённые обычаем калым и паломничество к гробницам мусульманских святых, а также шиитскую тазию и фейерверки по праздникам. Так в ходе войны СССР в Афганистане вербуемые Абдуллой Азамом (наставник бин Ладина) арабские моджахеды, приехавшие, по идее, помогать афганцам, будут разрушать их могилы с украшениями: не положено, *ширк* (идолопоклонство). Афганцы иногда будут отвечать таким «соратникам» вооружённым отпором. Так и здесь: однажды юсуфзаи по сигналу поднялись и перебили несколько тысяч последователей Сайида Ахмада. (Чуть позднее так же терял социальную опору имам Шамиль на Кавказе.) Сам он едва унёс ноги, а в мае 1831 г. погиб в бою с отрядом сикхов.

Вскоре после победы над ваххабитами Ранджит достиг крупнейшего успеха за всю историю своих войн с афганцами — присоединил Пешавар (с 1818 г. город лишь платил сикхам дань). Помимо выгодного географического положения Пешавар имел стратегическое значение иного рода: под городом добывали железо, которое ремесленники-оружейники особо ценили за чистоту и ковкость.

Под захват Пешавара Ранджит подвёл, так сказать, юридическую основу. Как сказано выше, в Лудхиане проживал обобранный им бывший амир Афганистана Шах Шуджа. В 1833 г. генерал-губернатор Бенгалии граф Бентинк позволил ему набрать войско, чтобы попытаться вернуть трон (британцы рассчитывали получить в Кабуле послушную марионетку). Шах Шуджа, конечно, не мог простить Ранджиту потерю в его пользу «Кох-и-нора», но понимал, что без помощи сикхов в намечаемом мероприятии не обойтись. Поэтому он заключил с Ранджитом договор: в обмен на помощь сикхов обещал официально уступить им Пешавар, Аттук, Мултан и Кашмир. Кроме первого у Ранджита всё это и без того уже было. Теперь он получил предлог и для захвата Пешавара (неважно, что добро на захват города он получил от представителя уже свергнутой в Афганистане династии Дуррани, тогда как в городе давно правили ханы-баракзай: лишь бы предлог был).

Захват Пешавара осуществило войско Хари Сингха Налвы (под номинальным командованием внука Ранджита и сына Кхарака — Наунихал Сингха). Назначать малолетних принцев командовать войском — придав им, конечно, компетентных советников, которые и решали дела, — было распространённой практикой ещё у Моголов: так принцы едва не с пелёнок усваивали, что занятие монарха — завоевания. Пешавар пал очень быстро, 6 мая 1834 г. Для афганцев он был форпостом в Южной Азии, базой, откуда они всегда совершали грабительские походы в Панджаб и далее. Поэтому амир Кабула Дост Мухаммад-хан живо собрал огромное войско отбить город: до 50 тыс. воинов, к которым присоединились до 80 тыс. добровольцев-гази. Поход был обставлен как джихад, главный мулла Кабула наделил Дост Мухаммада титулом *амир-уль-муминин*, «повелитель правоверных». Такой же титул в 1990-е годы будет носить другой пуштунский лидер — глава движения «Талибан» мулла Умар.

Однако, выйдя из Хайберского прохода, афганцы оказались почти окружены мощной сикхской армией численностью до 100 тыс. человек, включая регулярные части, созданные Ранджитом по европейскому образцу (см. VI.2). Одним из преимуществ сикхов был также парк тяжёлых орудий. Перед намечавшейся битвой Ранджит, чтобы повысить у воинов боевой дух, велел погасить всю задолженность перед ними по жалованью и выплатить его за месяц вперёд. 11 мая 1834 г. в 4 часа утра сикхи пошли в наступление по всему фронту. Не прошли они и километра, как в их рядах раздалась

крики: «Бежали, бежали!». Оказалось, что Дост Мухаммад не решился сражаться в столь невыгодных условиях и афганская армия спешно втянулась обратно в Хайберский проход. Говорят, что последней каплей для амира стал такой эпизод перед (несостоявшейся) битвой: садясь верхом, он встал в стремя не ту ногу, так что на коне оказался бы лицом к хвосту. Суеверный амир счёл это дурным предзнаменованием и решил не рисковать [Gupta, V, p. 177]. Боя он не принял ещё и по причине искусной дипломатии панджабского министра иностранных дел Факира Азиз-уд-дина, который успел поссорить амира с его братьями и подкупить часть ханов — те просто ушли назад в Афганистан.

Одумавшись, Дост Мухаммад прислал вакила на переговоры. К этому времени Ранджит прибыл в Пешавар лично и согласился, со своей стороны, отправить в Кабул Факира Азиз-уд-дина и американца Дж. Харлана из числа своих иностранных наёмников (см. VI.2). Однако амир вероломно захватил послов в заложники. Афганцы рассчитывали поугубить Ранджита, да не на того напали. Саркар Панджаба разгневался и велел выступать на Джалалабад — первый афганский город за Хайберским проходом, от которого уже и до Кабула недалеко. Амир такой язык понимал без перевода, освободил посланцев и с почётом отправил назад. Переговоры, однако, не состоялись. На том и кончилось.

Первым наместником Пешавара, как легко догадаться, был назначен ветеран Хари Сингх Налва, его всегда бросали на самые трудные военные и административные направления. Ранджит не позабыл замирить присоединённую территорию, оделив мусульманскую знать щедрыми джагирами.

Таким образом, контроль над Пешаваром Ранджит устанавливал этапами: в начале 1820-х годов удовлетворился обложением данью правящих баракзаев, а теперь, чувствуя свою силу, прямо присоединил город и его область.

В 1835 г., правда, отбить Пешавар попытались толпы пуштунов-гази с зелёными флагами, но безуспешно. Они прекратили попытки, увидев, как сикхи сжигают кучи вражеских трупов. Храбрости афганцам было не занимать, и они готовы были стать мучениками за веру — но (продемонстрировав неожиданный с их стороны материализм) опасались, что если их трупы сожгут, то их души попадут в ад [Gupta, V, p. 178]¹.

¹ Во время Второй мировой войны Северо-Восточную Индию от японского наступления обороняли, наряду с другими бойцами Британской империи, чернокожие солдаты Королевских западноафриканских пограничных войск; наличие колоний по всему миру позволяло британцам перебрасывать войска из одной части света в другую. Именно они в январе 1944 г. обеспечили в Бирме захват одной из первых партий японских военнопленных. Причина, по которой эти японцы сдались африканцам, была следующей: они считали, что негры поедают убитых врагов — но не пленников, и опасались, что если будут съедены, то их не примут их предки в потустороннем мире [Jeffery, 1999, p. 320].

А что же Шах Шуджа, договор с которым послужил предлогом для захвата Пешавара? Собрав войско, он вступил в Афганистан и под Кандагаром дал Дост Мухаммаду сражение. Однако Шах Шуджа был трусом, что и погубило дело: в критический момент крикнул войскам «В атаку!», а собственного слона тут же развернул и обратился в бегство. Баракзай одержали полную победу. Шах Шуджа вернулся в Лудхиану. Правда, амиром в Кабуле он ещё сядет.

В октябре 1836 г. Хари Сингх Налва закрепил успех, захватив городок Джамруд прямо у входа в Хайберский проход. Собираясь остаться в Пешаваре надолго и действуя с обычной для панджабцев основательностью, сикхи возвели в крепости Джамруда новые укрепления и увековечили свой триумф, дав ей имя Фатехгарх — «Крепость победы». С захватом Пешавара, а затем Джамруда сикхи дошли до естественных северо-западных рубежей Южной Азии (которые британцы называли её «научной границей»).

Афганцы не смирились (как и сикхи, это вообще народ не смиряющийся). Когда весной 1837 г. в Панджабе проходили торжества по случаю свадьбы принца Наунихал Сингха, Дост Мухаммад посчитал, что бдительность сикхов притупилась, и отправил своего сына Мирзу Сами-хана отвоевать Джамруд. Его крепость оборонял небольшой гарнизон в 600 сикхов. Комендант Махан Сингх отбивался как мог, а ночью послал к Хари Сингху в Пешавар за помощью сикхскую женщину Харсаран Каур, которая пробралась к своим в одежде пуштунки из племени афридиев. 30 апреля 1837 г. Налва получил письмо, поспешил к Джамруду и обратил афганцев в бегство, хотя числом они превосходили сикхов по меньшей мере в пять раз. Но уже поворачивая назад к крепости, Хари Сингх получил два пулевых ранения — в ногу и в живот. Он понял, что ранен смертельно, но опасался вызвать панику у своих людей, поэтому спокойно доехал на коне до своей палатки. Через полчаса выдающийся сикхский полководец скончался. Весть о его гибели и кремации сохраняли в тайне, чтобы афганцы не воодушевились и не вернулись. Ранджит в Лахоре, получив весть, был ошеломлён и при всех плакал. Популярная в XIX в. британская газета «Tit-Bits» писала, что военный гений Хари Сингха Налвы превосходил таковые Чингис-хана, Ричарда Львиное Сердце, Наполеона, Веллингтона, генерала Китченера и других видных полководцев в мировой истории.

Через девять дней после гибели Хари Сингха саркар примчался в Пешавар сам, покрыв 102 мили от Лахора до берегов Джелама за день. Афганцев, правда, уже отогнали. Историк Гопал Сингх считает, что перед сикхами теперь открывался путь на Кабул и они рвались завоевать Афганистан из мести тем, кто многократно опустошал их собственную страну. Не вторглись они во многом потому, что это шло вразрез с интересами Ост-Индской Компании [Singh, Gopal, 1988, p. 495]. Однако представляется, что Ранджит, будучи

очень умным политиком, понимал всю сложность завоевания горной свободлюбивой страны — в отличие от своего британского «коллеги» генерал-губернатора графа Окленда, который вскоре развяжет первую англо-афганскую войну 1839–42 гг.

После сражения под Джамрудом Дост Мухаммад понял, что в одиночку Пешавар не вернуть. Поэтому он обратился в Калькутту, чтобы генерал-губернатор надавил на Ранджита. Однако британцы не собирались ссориться с сикхами из-за афганцев — для Компании хорошие отношения с близким соседом Панджабом были важнее отношений с дальним соседом Афганистаном. Тогда Дост Мухаммад обратился... в Петербург. Результатом стали приезд в Кабул русского поручика Я. Виткевича и недальновидное вторжение британцев в Афганистан (см. ниже).

Ост-Индская Компания в целом положительно воспринимала экспансию Ранджита на запад за счёт территорий бывшей державы Дуррани. В советской индологии причину такой позиции видели в том, что *«в недалёком будущем английские колонизаторы намеревались захватить»* и сам Панджаб [Семёнова, 1958, с. 101]. Иными словами, британцы хотели, чтобы Ранджит прибрал к рукам как можно больше территорий — чтобы потом не самим воевать с пуштунами. Подход логичный (и объективно Ранджит действительно поработал на британцев), но представляется, что автор смотрит ретроспективно, переносит планы Компании 1840-х годов на 1830-е или даже на более ранний период. Скорее британцы поощряли движение сикхов на запад из стремления сделать их прочным буфером от Центральной Азии и Среднего Востока.

В том же 1834 г., когда сикхи взяли Пешавар, империя Ранджита расширилась и на север. Севернее Кашмира (уже сикхского) лежал Ладакх. Эта область входит сейчас в состав индийского штата Джамму и Кашмир; её называют Малым Тибетом. Завоевать Ладакх пробовали ещё Моголы при Шахе Джахане в 1646 г., да не удержали. Панджабу, вернее, радже Джамму Гулаб Сингху, это удалось. Ладакх покорил его выдающийся военачальник-догр Зоравар Сингх Кахлурия (уроженец княжества Кахлур). (Догры — индоарийский этнос, живущий в области Джамму и прилегающих горных районах; в кастовом плане в целом относят себя к раджпутам и отличаются воинскими традициями.) Правда, и подчиняться Ладакх стал прежде всего Гулаб Сингху, а не саркару: пользуясь тем, что за ним стояла сикхская империя, Гулаб потихоньку прихватывал горные территории лично для себя. Однако Ранджит запретил Зоравар Сингху двигаться дальше Ладакха, опасаясь столкновения с могущественным северным соседом — Цинской империей. Саркар знал, где остановиться.

Наконец, ещё одним направлением сикхской экспансии в 1830-е годы стал Синд. Здесь безуспешно.

В эпоху Могольского султаната Синд был его субой (в центром в Тхатте). В середине XVIII в. страну подчинил Ахмад-шах Дуррани, а в 1783 г. власть здесь захватила династия Талпуров, в этническом отношении белуджи. Талпуры образовали три эмирата — Хайдарабад, Хайрпур и Мирпур, во главе каждого из которых находились ветви династии. Формально амиры Синда признавали верховную власть Дурранийской империи, но к началу XIX в. стали фактически независимыми, а порой принимались воевать друг с другом.

Контакты Ранджита с синдскими амирами начались после его первого же похода на Мултан 1802 г.: амиры поняли, что с могущественным северным соседом лучше дружить, и установили связи. При этом довольно успешно лавировали между Кабулом и Лахором, шантажировали афганцев: если те будут настаивать на регулярной выплате дани, амиры отдадутся под покровительство сикхов. После аннексии Мултана в 1818 г. амиры регулярно присылали в Лахор вакилов с выражением почтения. Серьёзный интерес к Синду Ранджит впервые проявил только в середине 1820-х годов, когда, замилив Кашмир, вновь перевёл взор на юг: а что там дальше Мултана? В 1826 г. он потребовал от амиров дани на основании того, что он теперь — преемник династии Дуррани в Индии. Однако внимание сикхов тут же отвлекло восстание Сайида Ахмада. Покончив с фундаменталистами, саркар возобновил интерес к Синду — но было поздно. К этому времени на страну положил глаз хищник покрупнее — британская Ост-Индская Компания.

Последнее связано с началом знаменитой Большой Игры (*Great Game*) между Великобританией и Россией в Центральной Азии. Когда в конце 1820-х годов Россия победоносно завершила войны с обоими южными соседями — Османским и Каджарским (Иран) султанатами, в Лондоне и Калькутте всерьёз забеспокоились. Движение Российской империи на юг в перспективе сулило русским выход к границам Британской Индии. Ост-Индская Компания активизировала разведывательную деятельность в регионах к западу и северо-западу от Индии. Одним из средств сдержать натиск русских считали торговое проникновение в Среднюю Азию, её превращение в британский рынок сбыта: геополитические интересы тесно сплетались с экономическими, которые были ценны и сами по себе.

Замысел, родившийся при участии известного русофоба председателя Контрольного совета по делам Индии графа Элленборо, был таков: сделать Инд торговой артерией, доставлять вверх по реке британские товары, перевозить их через Гиндукуш караванами и сбывать в ханствах Средней Азии — Бухаре, Коканде, Хиве. Для этого предстояло выяснить, до какого места Инд судоходен. С этой целью в 1831 г. из устья по реке поднялся корабль Ост-Индской Компании. Формально то была миссия к Ранджит Сингху: лейтенант Александр Бёрнс вёз панджабскому саркару ответный подарок британского короля Вильгельма IV — коня и четырёх кобыл огромного роста и огромный

(под стать) экипаж. Истинная цель миссии заключалась в том, чтобы скрытно замерить глубины по всему течению реки. Амиры Синда понимали, что это начало конца их самостоятельности, поэтому миссию пропустили только под нажимом Компании. Что до Ранджита, то он удивился, почему посольство избрало кружной путь из Аравийского моря по протяжённому Инду с его негостеприимными пустынными берегами, ведь в Лахор можно легко добраться из Дели. Конечно, знание — сила. Бёрнс выяснил, что Инд судоходен по меньшей мере до Лахора.

В 1832 г. Ост-Индская Компания неприятно удивила Ранджита, заключив с амирами Хайдарабада и Хайрпура договоры об открытии по Инду британского (и индийского) торгового судоходства. Из недавней истории Индии саркар Панджаба знал, что за британскими купцами обычно приходят британские войска. Британцы знали, что он это знает. Как писал ещё в 1830 г. майор Дж. Стюарт, *«самый искусный логик никогда не сможет убедить»* ни Ранджита, ни синдских амиров, что, *«требуя свободного плавания по Инду, мы имеем в виду лишь коммерческие цели»* [Cavendish Bentinck, 1977, p. 488].

Ранджит не ошибся.

Правда, радужные надежды британских правящих кругов на экономическое освоение Средней Азии по Инду не оправдались. Когда в следующем году вверх по реке отправили экспериментальный груз, а группа купцов, наоборот, спустилась из Лудхианы в г. Шикарпур, результаты разочаровали: Инд оказался всё же малосудоходным, а торговля в его долине была развита слабо. Однако британцы приписали неудачу эксперимента недостаточности своего контроля над рекой [Huttenback, 1962, p. 26]. Ост-Индская Компания решила исправить ситуацию.

Это означало курс на эффективный контроль Компании над амирами Синда по образцу большинства князей Индии — и на отпугивание от этой страны сикхов. В поданной в 1833 г. в Лондон записке о пароходном сообщении генерал-губернатор граф Бентинк отметил *«то превосходство в знаниях, которому большинство правителей Индии, особенно Ранджит Сингх, приписывают наши успех и владычество»*, из чего заключил, что на Инде надо сразу внедрить паровое судоходство [Cavendish Bentinck, 1977, p. 1081–1082].

Несмотря на усиление интереса к Синду Компании, Ранджит надеялся захватить хотя бы часть страны — тем более что Амритсарский договор двигаться в эту сторону ему не запрещал. Кульминация синдского вопроса наступила в 1836 г.

Для Ранджита ключом к Синду служил город Шикарпур в северной части страны, недалеко от границы с сикхской империей. Это был богатый торговый центр с населением более 40 тыс. человек, находившийся под властью *раисов* (глав правящих кланов) одновременно всех трёх эмиратов. Своего развитого ремесла здесь не было, но город выгодно стоял на пересечении тор-

говых путей. Расцвет Шикарпура пришёлся на XVIII в. и с упадком Дурранийской державы закончился, но в первой половине XIX в. город ещё оставался важным торговым центром Азии. Его купцы содержали агентов на огромной территории от Астрахани до Калькутты [Агеев, 1979, с. 18]. Почти половину населения Шикарпура составляли сикхи, главным образом сахадждхари. Это должно было облегчить Ранджиту присоединение города.

Захватить Шикарпур Ранджит собирался ещё в 1831 г. Покончив с восстанием Сайида Ахмада, саркар отправил на юг, к границе с Синдом, десяти тысячную армию под началом Вентуры. Это не на шутку встревожило британцев. В письме генерал-губернатору лорду Бентинку губернатор Бомбея лорд Клэр выразил опасение, что сикхи *«захватят эту страну быстрее, чем мы, бедняги в Бомбее, успеем произнести “Джек Робинсон”»* [Cavendish Bentinck, 1977, p. 667]. Однако Ранджита отрезвило тогда присутствие в Синде полковника сэра Генри Поттинджера, который вёл с амирами переговоры об открытии судоходства по Инду.

Летом 1836 г. белуджское племя мазари совершило из Синда набеги на панджабскую территорию. Ранджит счёл это удобным предлогом для захвата Шикарпура, и сикхские войска на этот раз перешли южную границу. Секретарь правительства Индии Уильям Макнатен инструктировал политического агента в Лудхиане капитана Уэйда выразить Ранджиту «дружеский протест», а если не поможет — средства посерьёзнее, исключая угрозы [Sethi, 1950, p. 354]. Уэйд тут же приехал в Лахор и объяснил саркару, что войска надо отвести — иначе он будет иметь дело с британцами. Ранджит резонно напомнил, что Амритсарский договор 1809 г. не запретил ему расширять владения к северу от Сатледжа, т.е. на его правобережье — а Шикарпур расположен западнее не только Сатледжа, но и самого Инда. Однако Уэйд казуистически возразил, что речь тогда шла о разделе только сикхских территорий и договор не определил, до какого места к югу от Сатледжа простираются владения Компании. Как и в случае с Мальвой в 1809 г., Ранджит предпочёл уступить и сохранить дружественные отношения. Кстати, в письме в Лондон председателю Контрольного совета по делам Индии сэру Джону Хобхаусу генерал-губернатор граф Окленд признал, что, проникнув в Синд, Компания действительно нарушила договор с Ранджитом, но, будучи осторожным, он «проглотит» это — а если не проглотит, надо захватить Панджаб, а затем и Синд *«за какое-нибудь нарушение наших распоряжений относительно судоходства по Инду»* [The Punjab Papers, 1970, p. 15–16].

Между тем в Хайдарабад к амирам вновь прибыл Поттинджер, который потребовал от них контролировать племя мазари, чтобы у сикхов не было поводов для нападения на Синд. (Так британцы в ходе Большой Игры понимали, что существование в ханствах Средней Азии сотен русских рабов служит поводом для экспансии России, поэтому в 1840 г. лейтенант Р. Шекспир

убедил хивинского хана освободить 416 рабов.) Ранджиту так и не удалось сделать город **своим** Шикарпуром¹.

Часть придворных Ранджита была настроена воинственно и советовала ему брать Шикарпур и не бояться вооружённого конфликта с Компанией. Однако Ранджит напомнил им: «*Что стало с 200 тысячами маратхских копий?*» [Archbold, 1929, p. 544]. Разгром британцами маратхов — целое столетие владевших Северной Индией — во вторую (1803–05) и третью (1817–18) англо-маратхские войны, оказал на Ранджита неизгладимое впечатление. Столкновением с Ост-Индской Компанией он не рисковал никогда.

Сикхская империя была недостаточно сильна, чтобы мериться силами с британцами (во всяком случае, так считал Ранджит) — но достаточно сильна, чтобы британцы использовали её как пугало. Поэтапно затягивая синдских Талпуров в зависимость от Компании, британцы постоянно запугивали их сикхами: не будут уступать — британцы не станут мешать Ранджиту покорить Синд. Как в случае со многими другими княжествами Индии, такой механизм шантажа работал почти безотказно, потому что индийский сосед слабого княжества (в данном случае Панджаб), как правило, был нацелен на его немедленное поглощение, тогда как Ост-Индская Компания сохраняла видимость независимости правителя, хотя и ставила его в полное подчинение. Так было легче подчинить, а затем управлять. Это характерная более всего именно для Британской империи система косвенного управления (*indirect rule*), которая охватила значительную часть Южной Азии, а позднее Малайю, Нигерию, Кению и другие территории. Попав между двумя сильными соседями, амиры Синда были вынуждены выбрать меньшее из двух зол. Собственно, так и выразился в одном из писем генерал-губернатор Бентинк [Cavendish Bentinck, 1977, p. 706].

Компания ясно дала Ранджиту понять: руки прочь от Синда. Он не осмелился идти на конфликт с мощным соседом, хотя это означало распрощаться с мечтами о Шикарпуре, а в перспективе — и о выходе к морю. Однако британцы, отдавая должное военной силе Панджаба, до самой смерти Ранджита внимательно следили за его намерениями в отношении Синда: вдруг передумает? Так, в 1838 г. генерал-губернатор Окленд несколько свысока отметил, что Ранджит «*остаётся спокойным и всё время вёл себя хорошо*» [The Punjab Papers, 1970, p. 20].

Окончательно оттеснив Ранджита от Синда, Компания стала навязывать амирам один неравноправный договор за другим, а в 1843 г. в результате короткой войны присоединила большую часть страны к своим владениям.

К концу правления Ранджит Сингха его империя достигла территориального максимума в сложившихся обстоятельствах. С востока — а теперь вы-

¹ Игра слов: *Шикарпур* означает «Город (охотничьей) добычи» (перс. + хиндустани).

яснилось, и с юга — заслон на пути экспансии воздвигла Ост-Индская Компания; с севера и запада предел расширению поставила естественная география — горы.

Ранджит Сингх превратил Страну пяти рек из калейдоскопа мисалов в сильную и централизованную империю, с которой считались соседи. Престиж сикхского Панджаба был высок. В 1826 г. в Лахор прибыли с дарами вакилы низама Хайдарабада и правителя Герата, в 1829 г. — правителя Белуджистана. В 1836 г. богатые подарки и письмо с заверениями в дружбе прислал саркару король Франции Луи-Филипп, а в 1837 г. в Лахоре получило тёплый приём посольство Непала.

Проявила к Ранджиту внимание и далёкая империя севера. В 1808 г. в Кашмире побывал российский купец и по совместительству разведчик — кабульский еврей Мехти Рафаилов. Собирая сведения о регионе, он не мог не учесть подъёма Панджаба. При этом Рафаилов писал начальнику Сибирской пограничной линии генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу, что *«владелец индийской провинции и города Лагора Раджицын Бадша ищет покровительства, но не знает, где его найти»* [Русско-индийские отношения в XIX в., 1997, с. 41]. Здесь разведчик, похоже, выдавал желаемое за действительное: саркар Панджаба отдавал себе отчёт в превосходящей мощи британцев, но защиты от них ни у кого из других соседей не искал. В 1820 г. Рафаилова (уже в чине надворного советника) отправили непосредственно к Ранджиту с дипломатической миссией. Он вёз от министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде письмо *«преизряднейшему Радже над Раджами Раджет Дсингу»* с предложением завязать торговлю между Россией и Панджабом [Шаститко, 1957, с. 130]. Рафаилов добирался до Индии по Кашгарии — через г. Яркенд, но по месту назначения не прибыл: заболел и умер за три дня пути до Кашмира.

Обзор истории панджабской экспансии при Ранджит Сингхе был бы неполным, если не остановиться подробнее на его отношениях с Ост-Индской Компанией.

Несмотря на Амритсарский договор 1809 г., обе стороны сперва продолжали не доверять друг другу — где-то до 1812 г. Однако постепенно недоверие исчезло. Саркар убедился, что планы сикхской экспансии не задевают и не интересуют Компанию; британцы убедились, что Ранджит — спокойный сосед. Разумеется, решающую роль в этом спокойствии играл страх. Как заметил однажды Ранджит, в случае войны с Компанией, он, возможно, и продвинулся бы до Алигарха (город между Дели и Агрой) — но затем был бы отброшен не только за Сатледж, но и вообще из Панджаба [Sethi, 1960, p. 239].

В советской индологии бытовало мнение, будто одним из факторов объединения Панджаба под властью Ранджита (ещё до Амритсарского договора) послужила именно военная угроза со стороны Ост-Индской Компании [Семенова, 1958, с. 22–23]. Представляется, что роль этого фактора в историко-

графии преувеличена. Конечно, сикхи уже были свидетелями широкой экспансии британцев по субконтиненту, в 1805 г. закончилась вторая англо-маратхская война, в ходе которой лорд Лэйк заглянул в сам Панджаб. И всё же в первое десятилетие XIX в. Ост-Индская Компания была для сикхов ещё довольно далёким соседом: «переваривала» другие территории. Скорее британцы повлияли на сикхов, подав им пример успешного покорения территорий с помощью современных приёмов ведения войны, нежели грозя покорить их самих из-за их раздробленности.

В советской (и индийской) историографии вообще были склонны завышать степень могущества «колонизаторов», степень их проникновения в страны Азии и контроля над ними. Похоже, это проявление ориенталистского подхода, о котором писал известный востоковед Э. Саид. Так, в советской науке сильно преувеличивали возможности британской разведки в Центральной Азии. По мнению Н.А. Халфина, Герат в конце 1830-х годов служил центром широкой сети британских военно-политических источников разведывательной информации. Ведущий британский специалист по Большой Игре П. Хопкирк уверен, что британцы были бы немало озадачены, если не польщены, таким мнением об их всеведении [Hopkirk, 1990, p. 227]. (Речь шла о том, что в 1839 г. в Герате объявился представитель Ост-Индской Компании майор Э. Тодд, в подчинении которого был небольшой штат разведчиков.)

Обе стороны Амритсарского договора соблюдали его и не вступали в сношения с врагами друг друга. Престиж Ранджит Сингха как правителя растущей империи рос по всей Индии, и к нему чуть ли не отовсюду поступали предложения совместно ударить по Компании. Однако, как в случае с маратхом Холкаром в 1806 г., Ранджит вёл себя осмотрительно. В 1815 г., в ходе англо-непальской войны 1814–16 гг., он отказался от предложения гуркхов ударить британцам в спину (хотя война для них была тяжёлой). В 1820 г. помощи Ранджита тщетно домогался маратхский правитель Нагпура Рагхуджи Бхосле, тяготившийся контролем Компании; в 1822 г. — бывший маратхский пешва Баджи Рао II, переведённый британцами на пенсию, но не оставивший идеи реванша; в 1825 г. — джатский махараджа Бхаратпура, потомок Джавахир Сингха, которому в середине XVIII в. мисалы помогали воевать с рохилом Наджибом-уд-даула. Случай Бхаратпура важен, поскольку для британцев это был крепкий орешек с начала XIX в.: лорд Лэйк не смог тогда взять этой крепости, и на престиже Компании с тех пор лежало пятно. В 1825 г. махараджа выказал неповиновение, а видя, что для Компании он не по зубам, против неё могли подняться многие недовольные её властью — тем более что шла неудачная на первых порах для Компании первая англо-бирманская война (1824–26). Однако британцы собрались с силами и показали, кто в Индии хозяин: взяли-таки крепость Бхаратпура и сровняли её с землёй. Ранджит предпочёл остаться вне конфликта. А в 1838 г. не пустил в Панджаб агентов России.

Ост-Индская Компания, со своей стороны, отвергла просьбы о военной помощи против Ранджита, в разное время поступившие от раджи Кангры Сансар Чанда, афганского правителя Мултана Музаффар-хана, вазира Кабула Фатех-хана, тещи Ранджита Сада Каур, знати Кашмира. Отвергли британцы и предложение совместно завладеть Панджабом, поступившее от гуркхского военачальника Амар Сингха Тхапы (того самого, кого сикхи выбрали из Кангры). Британцы даже заверили Ранджита, что в случае гуркхского вторжения готовы помочь.

Англо-панджабская дружба была выгодна обеим сторонам. Сардары и независимые вожди пограничных с Панджабом областей знали, что в случае их конфликта с Ранджитом он может получить поддержку от британцев. Последние ценили существование сильной дружественной державы, защищавшей их северо-западную границу без каких-либо расходов с их стороны. Стороны часто обменивались подарками и поздравлениями.

Ранджит старался не давать мощному соседу причин и поводов для беспокойства. Так, когда в 1819 г. сардар Деса Сингх Маджитхиа пересёк Сатледж, чтобы пограбить княжество Кахлур (то самое, у раджи которого сикхи когда-то купили землю для Анандпура), Ранджит отозвал его и велел лично извиниться перед британским политическим агентом в Шивалике. О тесноте двухсторонних связей свидетельствует такой факт: когда в 1826 г. Ранджит заболел малярией, по его просьбе в Лахор приехал британский военный врач Маррей, который пробыл при дворе восемь месяцев. Правда, ему с трудом давалось убедить саркара лечиться: Ранджит не особо доверял европейской медицине.

Чиновником Ост-Индской Компании, с которым чаще всего имел дело Ранджит, был политический агент в пограничном с Панджабом городке Лудхиана — главной военной базе британцев в этих местах. Данный пост очень длительное время (тем более для британца в Индии — 1823–40 гг.) занимал капитан (позднее полковник) сэр Клод Мартин Уэйд. С Ранджитом и его сардарами он наладил прекрасные отношения. Так, в 1832 г. он снабдил Ранджита редкими рецептами изготовления вина (знал, откуда подойти), а, приезжая в Лахор, посещал религиозные святыни и даже жертвовал средства гурдварам [Sethi, 1960, p. 231]. Конечно, Уэйд — по долгу службы — сплёл в Панджабе паутину шпионов, руководя ими из Лудхианы.

Саркар Панджаба установил контакты с Великобританией и на высшем уровне. Так, в 1827 г. он послал королю Георгу IV в подарок шатёр из тончайших кашмирских шалей. С ответным подарком (уже от нового короля Вильгельма IV) и приплыл в 1831 г. по Инду Александр Бёрнс.

Возможность для активизации контактов возникла, когда в 1827 г. столица Британской Индии неожиданно появилась у границ Пятиречья. В Шимле, в горах Шивалика к западу от Непала, Компания учредила летнюю столицу.

Шимла сделалась крупнейшей из индийских *hill stations* — поселений в холмах или горах, которые британцы специально обустроили для себя на субконтиненте, спасаясь летом от почти невыносимой для европейцев жары равнин. Неподалёку от Шимлы находилась другая *hill station* — Касаули, летняя резиденция агента генерал-губернатора по циссатледжским княжествам. Посетив эти места, могу сказать: у британцев действительно была губа не дура выбирать в Индии места для резиденций. Касаули (почти 2000 м над уровнем моря, в современном штате Химачал-Прадеш) — весьма подходящее место для отдыха европейцев, с прохладой, серпантинном и живописными видами на поросшие соснами горы, над которыми нередко парят орлы.

Каждое лето генерал-губернатор Британской Индии со всеми своими ведомствами стал перебираться из Калькутты в прохладу гималайских предгорий. Пользуясь этим, уже в 1827 г. в Шимлу, к лорду Эмхерсту, отправилась панджабская делегация — министр иностранных дел Факир Азиз-уд-дин и финансовый чиновник Моти Рам. Посланцы Ранджита отвезли генерал-губернатору редких тканей, дорогих лошадей и великолепного слона. С ответной миссией от Эмхерста приехал Уэйд, который привёз английских жеребцов, слона с серебряной *хаудой* (паланкином на спине), усыпанный дорогами камнями меч, два жемчужных ожерелья и другие ценные дары. Ранджит принял британскую делегацию в Амритсаре. В апреле 1831 г. в Шимлу (уже к лорду Бентинку) ездила вторая делегация. Главной целью обеих делегаций было получить добро на захват Синда. Оба раза Ранджита оставляли без ответа, но такие визиты, безусловно, укрепляли двусторонние отношения.

Однако больше всего укрепить взаимопонимание между Панджабом и Компанией помогли встречи в верхах. Их Ранджит за свою жизнь провёл две — в 1831 г. в Ропаре с генерал-губернатором Бентинком и в 1838 г. в Фирозпуре с генерал-губернатором Оклендом.

Встреча в Ропаре состоялась в конце октября — начале ноября 1831 г. Инициатором встречи был Бентинк. То была реакция на Туркманчайский мирный договор 1828 г. после очередной победы России в войне с Ираном. Компания считала нелишним активизировать связи с соседом, который прикрывал всю Индию от возможного удара русской армии вторжения (оно уже мерещилось русофобам), да и показать Ирану, что в Индии у британцев есть сильный союзник.

Ранджит, согласившись встретиться, поставил целью укрепить легитимность своей власти как внутри Панджаба, так и за его пределами: своим подданным показать, что могущественный сосед именно его признаёт неоспоримым владыкой страны, а британцам показать, что в Панджабе его признают полным хозяином. Была у саркара ещё одна задача — получить-таки добро на захват вожделенного Синда. Заодно он не упустил возможности продемонстрировать британцам великолепие своего двора и выучку вы-

кованной им армии. Прирождённому завоевателю тут было чем гордиться (см. VI.2).

Многие сардары (включая, например, Хари Сингха Налву) считали, что Ранджиту не подобает встречаться с Бентинком на равных: ведь генерал-губернатор Ост-Индской Компании — всего лишь чиновник, *наваб сахиб* (араб. «господин наместник»; так его называли в Панджабе — [Suri, 1961, p. 527]). Придворные настаивали, что с британской стороны фигурой, равной монарху Панджаба, может быть только сам король. Логика здесь, безусловно, была. Однако Ранджит не стал проявлять излишнюю принципиальность и заявил, что генерал-губернатор — полновластный правитель Британской Индии и все его действия автоматически одобряются королём [Sethi, 1950, p. 86, n. 52]. Это тоже была правда. Центр принятия британцами решений по индийской имперской политике всегда находился в самой Индии.

Помеху встрече Ранджит усмотрел совсем в другом. Он вдруг засомневался, безопасно ли ехать встречаться на чужой территории (Ропар — городок на левом берегу Сатледжа у подножия Шивалика). Призванные саркаром астрологи успокоили его, что британцы — искренние друзья, но посоветовали взять на встречу по яблоку в каждую руку и одно протянуть Бентинку. Если генерал-губернатор примет яблоко без колебаний, бояться точно нечего. Ранджит был исключительно суеверен и так и сделал. Когда лидеры приблизились друг к другу, Бентинк принял яблоко сразу. Ранджит без страха пересел в *хауду* генерал-губернатора, и они поехали к приготовленным шатрам.

Многие британские очевидцы описывали пышную встречу в Ропаре как «поле золотых шатров» (*Field of Cloth of Gold*), проводя параллель со знаменитой встречей королей Англии и Франции Генриха VIII и Франциска I в 1520 г. под Кале. Ранджит обменялся с Бентинком визитами, состоялись парад сопровождавших обоих лидеров воинских частей и показательная стрельба. Для торжеств соорудили триумфальные ворота, украшенные красным сукном и золотом, причём не одни [Биорнштиерна, 1847, с. 256]. Стороны сделали друг другу богатейшие подарки. Бентинк поднёс гостю дары на 51 блюде (дорогие бенгальские ткани, драгоценные камни, ожерелья и т.п.), слона из Бирмы и пару отборных коней. Саркар не остался в долгу: ответил дарами на 101 блюде.

Ранджит представил Бентинку своего старшего сына Кхарак Сингха как наследника престола. Программой-максимум встречи саркар наметил не только укрепить в глазах Компании собственную легитимность, но и добиться признания лахорского престола за его потомками. Проблема была реальной. Кхарак Сингх был полной противоположностью отцу: слабоволен и даже отчасти слабоумен. Против наследования им власти негласно выступали многие сардары, а один, Хари Сингх Налва, делал это открыто — что неудивительно; как мы знаем, этот человек вообще никого не боялся. Не случайно за

год до Ропара наследный принц вступил в самостоятельную переписку с губернатором Бомбея, пытаясь укрепить этим свои позиции внутри собственной страны, а позднее регулярно обменивался письмами с Уэйдом. Однако британцы понимали, что на Кхарак Сингхе природа отдохнула.

Сикхские историки сокрушаются, что великий объединитель Панджаба пал жертвой любви к слабоумному сыну и собственными руками разрушал выстроенное им же здание: апеллирование к британцам объективно ослабляло его позиции и давало Компании предлоги для будущего вмешательства во внутренние дела страны. Однако Ранджит очень хотел оставить после себя жизнеспособную династию.

Описывая свои впечатления о встрече в Ропаре, генерал-губернатор с удовлетворением отметил *«крайнюю осторожность»* поведения Ранджита и его *«глубокую убеждённость в нашем превосходстве»* [Cavendish Bentinck, 1977, p. 706]. Вместе с тем, когда саркару показали англо-сипайские войска, он произвёл на британцев впечатление знанием военного дела. По отзыву известного кавалерийского командира полушотландца-полураджпута Джеймса Скиннера (1778–1841), Ранджит, *«казалось, был одарён умом английского фельдмаршала и перемещался среди войск так, как если бы командовал ими сам»* [Singh Kh., 1985, p. 174].

Встреча в Ропаре укрепила англо-панджабские отношения, но в вопросе Синда Ранджита, как легко догадаться, вновь ждало разочарование: он получил только письменное заверение генерал-губернатора в вечной дружбе. Как раз во время встречи в верхах полковник Поттинджер в Синде успешно продавливал идею договора о судоходстве по Инду. Кстати, вследствие этого договора Компания в 1832 и 1834 гг. заключила с Ранджитом договоры, упорядочивавшие взимание таможенных пошлин на Инде [Aitchison, 1931, p. 36–40].

В марте – апреле 1837 г., как отмечено выше, в Панджабе состоялась свадьба внука Ранджита принца Наунихал Сингха с дочерью сардара Шам Сингха Атаривала. Она стала самым пышным празднеством, какое когда-либо провёл Ранджит. Церемония наречения жениха состоялась в самом Хари Мандире, после чего свадебный кортеж из нескольких десятков слонов и сотен коней и верблюдов торжественно проследовал из Амритсара в Лахор. Ранджит ехал по Амритсару на слоне и бросал беднякам серебряные монеты. Впечатляло и приданое невесты: 101 корова, 101 буйволица, 10 верблюдов, 11 слонов, золотые и серебряные украшения и изделия, драгоценные камни, шелка, 500 пар кашмирских шалей. Это мероприятие также стало предлогом для развития контактов саркара с высокопоставленными чиновниками Ост-Индской Компании. Последнюю на торжествах представлял главнокомандующий её вооружёнными силами – генерал сэра Генри Фэйн (он поднёс жениху дары на 11 тыс. рупий).

Вторая встреча в верхах произошла в ноябре — декабре 1838 г. в Фирозпуре (тоже на британской территории) с генерал-губернатором графом Оклендом. Встречу опять подготовила предварительная поездка в Шимлу делегации во главе с Факиром Азиз-уд-дином. Генерал-губернатору отвезли в подарок лошадь. Окленд, правда, тут же упал с неё, но заверил Азиз-уд-дина, что упал специально — чтоб позабавить его [Gupta, V, p. 286].

Встреча в Фирозпуре состоялась всего за полгода до смерти Ранджита. Пышностью она не уступала первой, поэтому её тоже называют «полем золотых шатров». Целью Ранджита было добиться от Компании дальнейшей поддержки его семье, целью Компании — обеспечить содействие Панджаба в надвигающейся войне с Афганистаном. Обмениваясь подарками, Ранджит преподнёс Окленду и его сестре мисс Эмили Иден по роскошной кровати с золотыми ножками, усыпанными рубинами и изумрудами. Затем генерал-губернатор посетил Амритсар и Лахор. Укрепляя двусторонние отношения, Ранджит не скупился на восточную лесть, называя Окленда братом, а Панджаб и Ост-Индскую Компанию (а также их армии) — единым целым [The Punjab Papers, 1970, p. 25]. 27 марта 1836 г. Ранджит в своём дарбаре заметил, что его дом и дом «славных господ» един [Suri, 1961, p. 283]. «Славными/ высокопоставленными господами» (*sāhibān-i ‘alīshān*) в Индии XVIII–XIX вв. часто называли чиновников Ост-Индской Компании [Persian Documents, 1966, p. 108, 403 перс.]. В виду при этом имелась прежде всего сама Компания как единая сила, как корпоративный орган, коллегиальная политика (в которую она превратилась с середины XVIII в.).

Однако в конце жизни Ранджита его добрые отношения с Компанией вновь были испытаны на прочность. Причина — первая англо-афганская война.

Появление в Кабуле в 1837 г. посланца России Виткевича (см. выше) очень не понравилось Британии, тем более что в том же году персидский шах осадил Герат, а за походом стоял русский посланник в Иране граф И.О. Симонич. Под нажимом министра иностранных дел виконта Пальмерстона и Иран и Россия отступили. Однако британцы потеряли чувство меры, решили перейти в контрнаступление и поставить Афганистан под прямой военный контроль. Замысел главного «ястреба» в правительстве Индии Уильяма Макнатена состоял в том, чтобы свергнуть Дост Мухаммада, который посмел заигрывать с русскими. Замена ему имелась — Шах Шуджа, сидевший в Лудхиане на британской пенсии. А поскольку между Британской Индией и Афганистаном лежал Панджаб, было ясно, что без его сотрудничества британцам не обойтись.

Ранджит Сингху поход в Афганистан был абсолютно не нужен, и он не собирался таскать для британцев каштаны из огня. Однако, как в случае с Мальвой в 1809 г. и Синдом в 1836 г., открыто выступить против них саркар

не решился. Крепя сердце, ему пришлось присоединиться к авантюре генерал-губернатора Окленда.

По трёхстороннему договору от 26 июня 1838 г. между Ранджитом, Шахом Шуджей и Ост-Индской Компанией (которая двум первым его и продиктовала) претендент на кабульский трон отказался от претензий на завоёванные сикхами Кашмир, Хазару, область Пешавара (включая Хайберский проход), Мултан и ряд других территорий, а также на Синд: амиры должны были выкупить независимость от Шаха Шуджи за 20 лакхов рупий, 15 из которых он обязался передать Ранджиту за оказанную помощь. Из Афганистана становилось нельзя проникнуть в Панджаб без разрешения сикхов. Панджаб и Афганистан связало обязательство взаимной военной помощи, друзья и враги объявлялись общими. В Пешаваре размещался отряд в 5 тыс. мусульманских всадников, который мог быть использован для поддержания власти Шаха Шуджи в Афганистане — по его просьбе и с разрешения Компании. Новый амир обязался выделять на содержание этого отряда 2 лакха в год и не вступать в переговоры с иностранными государствами *«без ведома и согласия британского и сикхского правительств, а также всеми силами противодействовать любой державе, намеревающейся осуществить вооружённое вторжение на британскую или сикхскую территорию»* [Aitchison, 1931, p. 41–44]. Под «любой державой» имелась в виду главным образом Россия.

Будучи вынужден участвовать в войне Ост-Индской Компании с Афганистаном, Ранджит, однако, свёл это участие к минимуму. Кратчайшим и естественным маршрутом англо-сипайской армии вторжения в Афганистан был бы путь через Панджаб к Хайберскому проходу, от которого сравнительно недалеко до Кабула. Ранджит не собирался пускать чужие крупные силы на свою территорию ни под каким предлогом и против такого проекта встал насмерть. Он опасался, что если только пустить британцев, они уж найдут способ не уйти из страны — верно судил по их прошлым действиям, да и сам так поступал. Едва ли правитель Панджаба был знаком с 36 стратагемами древнего Китая, но его опасения точно соответствовали одной из них. Стратагема 24 гласит: *«Потребовать прохода через Го, чтобы напасть на него»*. Британцы тоже были не всемогущи и уступили союзнику. Поэтому корпусу вторжения, который гордо называли Армией Инда, пришлось добираться до Афганистана длинным кружным путём в обход Панджаба с юга через Синд и Боланский проход, который выводит на Кандагар (с амирами Синда можно было не считаться — Компания их самих скоро присоединит в 1843 г.).

Через Пешавар на Кабул во главе сикхской (!) армии должен был выступить афганец — сын Шаха Шуджи Тимур. Однако Ранджит только подтянул армию к Хайберскому проходу, но в Афганистан её мудро не отправил: пусть воюют те, кому это надо.

Вообще, хотя Ост-Индская Компания и была с 1818 г. верховной державой Индии, имела, пожалуй, сильнейшую армию во всей Азии и нависала над Панджабом непосредственно, тем не менее рычаги давления на него у британцев всё-таки были ограниченными. В остальных крупных политиях субконтинента, которые уцелели в ходе британской экспансии, Компания выработала целый набор эффективных инструментов контроля, среди которых я выделяю: обязательство князей не брать на службу европейцев без согласия Компании и передать под её контроль свои отношения с другими правителями, наличие в княжестве резидента и субсидиарного отряда, контроль над налоговыми округами, которые выделены для выплаты субсидии, фактический контроль над престолонаследием и назначением высших чиновников, а также наличие британской клиентуры в княжестве в виде определённых лиц и социальных групп, которые фактически сменили лояльность своему правителю на лояльность Компании¹.

Ничего этого в Панджабе не было. Ранджит Сингх был вполне независимым правителем. Хотя во внешней политике ему приходилось уступать давлению Компании, внутри своей империи он её влияние упорно не пускал. Вместе с другим Львом — Майсура (Типу Султаном) — Лев Панджаба остался единственным крупным правителем в истории Индии второй половины XVIII — первой половины XIX в., который так никогда и не принял в своей столице постоянного резидента Ост-Индской Компании. Оба проницательных монарха понимали, что британский резидент — ступенька к потере независимости: видели вокруг немало печальных примеров того, как принявшие резидента княжества превращаются в сателлиты Компании. Поэтому Х.Р. Гупта, на мой взгляд, преувеличивает степень зависимости Ранджита от Компании, говоря, что в дипломатии он потерпел полный провал и вообще «на протяжении всего правления вёл себя так, как если бы был вассалом британского правительства (Ост-Индской Компании. — К.Ф.)» [Gupta, V, p. 262]. Будь это так, британцам, начиная афганскую войну, не пришлось бы идти на Кабул неудобным кружным путём через Боланский проход. Кстати, когда Армия Инда в 1838 г. тронулась в путь на Афганистан, Ранджит на всякий случай выдвинул к границе, к Сатледжу, собственную армию — и Окленд заволновался.

Англо-афганская война началась для британцев успешно: в 1839 г. они легко разбили Дост Мухаммада (сам он сдался и был выслан в ту же Лудхиану) и возвели на трон в Кабуле Шаха Шуджу. Однако в конце 1841 — начале 1842 г. из-за ряда вопиющих военных и дипломатических ошибок британцев постиг неожиданный страшный разгром, и слово «Кабул» стало синонимом настоящей военной катастрофы. Одной из первых жертв афганского

¹ Подробнее см.: [Фурсов К., 2006, с. 190–197, 234–237, 244–246].

восстания пал Александр Бёрнс. Его, жившего не в военном лагере англо-сипайского гарнизона, а в особняке в самом Кабуле, постигла такая же смерть, как Грибоедова в Тегеране в 1829 г., — от рук разъярённой толпы, штурмовавшей его дом. Вторжение лорда Окленда в Афганистан назвали «азиатской копией вторжения Наполеона в Испанию». Тема интереснейшая, но выходит за рамки нашего предмета. В Панджабе вести о разгроме Армии Инда, надо сказать, встретили с удовлетворением.

Однако Ранджит этих вестей уже не застал. В июне 1839 г. в возрасте 58 лет основатель Панджабской империи скончался.

Саркар Панджаба отличался прекрасным здоровьем, но подорвал его сам — пьянством и курением опиума. Прямым результатом этого стал паралич правой стороны. Первый удар настиг Ранджита в 1835 г., в сезон дождей. Он затруднил его речь. Но саркар с недоверием относился к западной медицине, поэтому лечился только индийскими средствами и не следовал предписаниям европейского врача. Ранджит вообще не принимал своего паралича всерьёз и никак не менял распорядка дня: по-прежнему каждое утро выезжал на верховую прогулку, собирал дарбар (хотя присутствующие почти не понимали, что он говорил). И конечно, не перестал пить и курить.

Через полтора года Ранджита хватил второй удар. Саркар продолжал ездить верхом, но в седло его уже приходилось сажать. Однако, по свидетельству военного секретаря генерал-губернатора, У. Осборна, в 1838 г., Ранджит был ещё крепок и, когда садился на коня, вся слабость исчезала. Наконец грянул третий удар — как раз в ходе встречи с лордом Оклендом. На приёмах в Фирозпуре Ранджит глушил свой новый любимый напиток — смесь настойки апельсина, бренди и... стёртых в пыль изумрудов — считалось, что драгоценные камни придают напитку царственность, делают его достойным для употребления монархом. Паралич разбил Ранджита на второй или третий день. После этого саркар был почти не в состоянии двигаться и объяснялся лишь знаками, а вскоре простудился.

В июне 1839 г. Ранджит умирал, но до конца сохранял ясность ума и его жестам повиновались беспрекословно. Многие панджабцы — сикхи, мусульмане, индуисты — молились в своих храмах за выздоровление саркара. Чувствуя приближение конца, Ранджит велел раздать значительную милостыню беднякам, подношения гурдварам, индуистским храмам и мечетям на огромную сумму в 2 крора рупий. 21 июня он официально объявил своим преемником принца Кхарак Сингха, а вазиром при нём — действующего вазира Дхиан Сингха.

Наконец в четверг 27 июня 1839 г. перед заходом солнца саркар Панджаба Ранджит Сингх скончался. В стране он пользовался огромной популярностью, поэтому его широко оплакивали, вспоминая как справедливого монарха. (Горячую и повсеместную любовь народа к своему саркару отметила в

дневнике ещё мисс Эмили Иден.) Тело Ранджита кремировали на территории дворцового комплекса в Лахоре, куда отнесли в золотом паланкине завернутым в дорогие шелка и шали. Во время кремации был совершён обряд сати: четыре жены Ранджита добровольно взошли на его погребальный костёр. С ними сгорели семь наложниц, иным из которых было 14–15 лет (в британском донесении о мероприятии не говорится, также добровольно ли). Не смогли сикхские гуру пробить всей толщи индуистских обычаев.

Смерть самого выдающегося правителя в сикхской истории произошла ровно через сто лет после другого постигнутого Пятиречье крупного бедствия — нашествия Надир-шаха (39-й год века по христианскому летосчислению оказывался для сикхов несчастливым: за 300 лет до Ранджита, в 1539 г., умер гуру Нанак). На месте кремации Ранджита в Лахоре близ городской крепости и Падишахской мечети до сих пор стоит его мавзолей (*самадхи*) с красными стенами и белыми куполами. Строительство мавзолея было завершено в 1848 г., уже после первой англо-сикхской войны.

Правление Ранджит Сингха — это эпоха наивысшего военно-политического могущества сикхов. Она стала логическим завершением нелёгкого пути по восходящей, который прошла сикхская община с XVI в. Из немногочисленной общины последователей учившего смирению Нанака сикхи превратились в теократическую политику, при гуру с оружием в руках ожесточённо сражались за автономию, а начиная с Банда Бахадура — за независимость. В 1760-е годы они этой цели наконец достигли, но тут же погрязли в междоусобицах. Период мисалов был переходным периодом между достижением сикхами полной независимости и возникновением у них единой независимой политики.

Эту политику основал сардар одного из мисалов Ранджит Сингх, который не только удержал доставшиеся по наследству земли, но и весьма приумножил их. Благодаря своему умению стратегически мыслить и выкованной по европейскому образцу армии он постепенно подчинил все другие мисалы, а также вкрапленные между ними мелкие княжества Панджаба. Политика Ранджита по сути была воссозданием княжества сикхских гуру как единой политики сикхской общины — пусть не всех сикхов, а $\frac{3}{4}$ их численности (четверть, как мы помним, осталась в Мальве под эгидой Ост-Индской Компании). Однако на новом витке истории воссоздание сикхской политики обернулось империей. После объединения Страны пяти рек, а отчасти и параллельно с этим процессом Ранджит вынес военную экспансию за её пределы, присоединив (афганские) Мултан, Кашмир, правобережье Инда. Если утверждение своей власти в родном Панджабе и набеги на Дели стали для сикхов историческим реваншем у Моголов и отчасти афганцев, то походы Ранджита были (в первую очередь) дальнейшим реваншем у афганцев, развитием военно-стратегического успеха.

Однако ещё в начале строительства империи интересы Ранджит Сингха столкнулись с интересами британской Ост-Индской Компании как преемника Могольской державы. В 1809 г. Компания очертила восточный, а в 1830-е годы и южный предел военным устремлениям Ранджита, за который он, сознавая её превосходство, никогда не заходил. Вместе с тем соседство Панджаба и Компании во многом носило черты симбиоза: Панджаб пользовался дипломатической и даже некоторой военно-технической поддержкой британцев, а те нуждались в нём как в буфере на исторически наиболее уязвимой границе Южной Азии.

VI.2. Армия и управление при Ранджит Сингхе

Главным фактором успеха Ранджита в строительстве его империи, конечно, была армия европейского образца, которую создал он сам.

Вооружённые силы панджабского саркара состояли из двух частей. Первой была регулярная армия (по-персидски *фаудж-и-аин*), которая была обучена и вооружена по-европейски, разделена на боевые единицы (батальоны, полки, позднее и бригады), получала жалованье и постоянно жила в казармах. Второй частью была иррегулярная армия (*фаудж-и-бекаид*), которая, в свою очередь, делилась на конницу (*фаудж-и-савари*, или *гхоргарха*) и гарнизонные войска (*фаудж-и-киладжат*). Иррегулярная конница делилась на отряды (*дера*), называвшиеся по имени своего сардара, отряды — на группы по 50–70 всадников из одной касты и местности. Этой категории войск часто платили не наличными, а участком земли с доходом 300–400 рупий в год.

Частью иррегулярной армии считались и ниханги, которых Ранджит организовал в четыре полка (общей численностью 3–4 тыс.). Ниханги в своих синих или сине-оранжевых одеяниях сражались как конными, так и пешими. Их отряды называли *гангари*, «пылающие угольки». В битвах с афганцами религиозная ярость *гази* наталкивалась на меньшую ярость нихангов. Эти фанатики часто составляли штурмовые группы, которые первыми врываются в города; так, они отличились при штурмах Мултана. Перед боем ниханги часто пили бханг, чтобы привести себя в состояние бесшабашной удали. Будучи хранителями традиций хальсы, ниханги находились (и находятся) в общине на особом положении, по сути не признавали над собой никакой светской власти и не боялись никого, не делая исключения для Ранджита. Однажды группа нихангов собралась устроить антибританские беспорядки в циссатледжских княжествах. Когда Ранджит призвал к себе их лидера Пхула Сингха (1761–1822) и стал мягко увещевать, тот заорал: «Ты, слепой негодяй, если скажешь ещё хоть слово, я пойду, сожгу несколько принадлежащих Англии деревень и скажу, что прислал меня ты!» [Gupta, V, p. 442]. Нихангов Ранд-

жит избегал задевать. Кстати, поэтому он так и не поднял руку на мисал Шахид. Ниханги и сейчас несут стражу с копьями у Хари Мандира, в чём автор этих строк убедился лично.

Кроме армии самого саркара существовали, согласно традиционной могольской и постмогольской структуре, отряды джагирдаров (*фаудж-и-джагирдари*), которые усиливали его армию во время войны. Общая численность этих отрядов к 1820-м годам составила 15–20 тыс. человек [Vajwa, 1964, p. 54]. Часть пехоты у джагирдаров тоже была регулярной, обученной по-европейски, а вот иметь артиллерию Ранджит им долго не доверял, позволил только к концу правления.

Сосредоточимся на регулярной армии — ударной силе империи Ранджита.

Первые воинские части, обученные по европейскому образцу, появились в армии Ранджита уже в 1802 г. Первыми солдатами его «полков нового строя» стали дезертиры из армий Ост-Индской Компании, маратхов и бегам Самру. Этнически это были по большей части хиндустанцы (по религии как индуисты, так и мусульмане, говорили на хинди и урду); поскольку Хиндустан расположен к востоку от Панджаба, этнические панджабцы называли их *пурбия* («восточные»). Усваивая европейское военное искусство, Ранджит следовал примеру других правителей Индии, прежде всего маратхов; те, в свою очередь, учились у британцев. Ещё Холкар в 1805 г. убеждал Ранджита создать регулярное войско. По оценке Меткафа, к 1808 г. регулярная пехота саркара насчитывала 1500 человек, поделённые на пять батальонов.

Темпы модернизации армии ускорились после 1809 г., когда Ост-Индская Компания стала непосредственным соседом Панджаба и Ранджит воочию увидел многократное превосходство её сипаев в инциденте эскорта Меткафа с нихангами. Саркар поспешил обзавестись собственными сипаями. В 1808–21 гг. численность его войск «иноземного ратного строя» выросла с 1,5 тыс. до 10 тыс. человек; армия в целом за тот же период выросла с 26 тыс. до 50 тыс. человек [Vajwa, 1964, p. 51, 55]. К 1831 г. регулярная пехота насчитывала уже более 20 тыс. человек [Bruce, 1969, p. 50]. Перенимая европейское военное искусство, Ранджит полагал (как окажется после его смерти — ошибочно), что с британцами сикхам всё равно не тягаться, но в конфликтах с азиатскими державами они будут непобедимы.

Сикхи и вообще панджабцы долгое время шли в новый тип армии очень неохотно. Во-первых, главным родом войск здесь была не конница, как вообще в традиционных восточных армиях, а пехота. У сикхов успел устояться стереотип: единственное достойное занятие воина — служба в коннице. В период мисалов, да и раньше, пехоту сикхи использовали только как гарнизоны и стражу (единственным видом пехоты, на который смотрели с уважением, были ниханги). Во-вторых, сикхи не хотели, чтобы их «дрессировали», заставляли подчиняться общим для всех командам. Европейскую воен-

ную подготовку они презрительно сравнивали с обучением танцовщиц, марширование на плацу обзывали «танцем дураков». Сикх привык сражаться пусть в отряде, но проявляя инициативу и стремясь выделиться личным мужеством. У сикхов идея личной доблести усиливалась демократическими традициями хальсы. Не случайно первыми пехотинцами новых полков Ранджита были кто угодно, только не сикхи: пурбия, панджабцы-мусульмане, гуркхи, даже пуштуны. Два батальона, укомплектованных одними сикхами, появились только к 1812 г. Чтобы поощрить сикхов учиться строевому делу, Ранджит иногда сам стоял вместе с рядовыми на плацу в форме пехотинца и наравне с ними выполнял все команды. Однако окончательно он сломил нежелание своих сикхских подданных вербоваться в полки нового строя лишь в 1820-е годы. К этому времени те показали свою эффективность на практике, в ходе военной экспансии. В 1845 г., накануне первой войны с Ост-Индской Компанией, сикхи будут составлять в армии подавляющее большинство: 52 из 62 батальонов регулярной пехоты, такую же долю в регулярной кавалерии и 90% гхорчарха [History of Anglo-Sikh Wars, 2004, p. 116]. Когда исчезли предрассудки, дело было за малым: многие британские современники отмечали прекрасную обучаемость сикхов (недаром они были *сикхи*, «ученики»).

Кроме того, сикхи выделяются великолепными физическими данными. Так, служивший в армии Ранджита выходец из Пруссии полковник Генрих Штайнбах, оставивший описание Панджаба, отметил «*исключительную длину нижних конечностей*» сикхов [Steinbach, 1976, p. 99]. Отметил он и их поразительную выносливость и неприхотливость: сикхский воин способен довольствоваться малым количеством пищи, переносить большие трудности и двигаться с такой скоростью, на какую способны лишь «туркменские татары» [Steinbach, 1976, p. 103]. Сикхский полк мог находиться на марше много дней подряд, покрывая 30 миль в сутки [Griffin, 1892, p. 134]. В Индии даже ходила поговорка «*У панджабцев железные ноги*». Секрет поразительной выносливости сикхских солдат крылся (и кроется) не только в физических данных этнических панджабцев, но и в том, что это потомственные крестьяне — джаты, привыкшие к тяжёлому физическому труду. Недаром Ранджит в беседе с Бёрнсом похвастался, что его солдаты могут носить на себе провизии на восемь дней, рыть колодцы и строить крепости. Британцам они это докажут на деле.

Гуркхов Ранджит стал принимать на службу со времени англо-непальской войны 1814–16 гг., оценив их как выносливых воинов — даже раньше, чем это сделали британцы, в армии которых гуркхские наёмники занимают особое место до сих пор. В частности, в сикхскую армию завербовался даже сын непальского военачальника Амар Сингха Тхапы, который получил звание капитана.

Ещё в 1804 г. Ранджит учредил ведомства тяжёлой и лёгкой артиллерии, а в ходе покорения Панджаба собирал пушки из крепостей всех мисалов. В 1807 г. он основал пушечные мастерские в Лахоре и других местах. Первый блин вышел комом: сначала у отливаемых пушек часто был не в порядке канал ствола, да и порох выходил неважный. Наконец в 1810 г. в панджабской армии появилась артиллерийская часть нового типа — *топхана-и-хас* (перс. «особая артиллерия»). Её создателем и командующим был мусульманин Миан Гаус-хан, и укомплектована она была почти полностью мусульманами. Это не случайно: сикхи (как раджпуты, египетские мамлюки, европейские рыцари) считали пушки оружием трусов, которое не даёт возможности воинам показать свою удачу в ближнем бою¹. В 1814 г. вторую такую часть создал другой военачальник-мусульманин, Илахи Бахш. Существовали батареи, передвигавшиеся на разной тяге — слоновьей, лошадиной (такая обычно состояла из 8 пушек), верблюжьей (обычно 60 замбураков), бычьей.

Одну пушку обслуживали 11 человек. В 1821 г. модель пушки и немало практических советов по военному делу Ранджит получил от управляющего конными заводами Ост-Индской Компании Уильяма Муркрофта. Это был один из первых участников Большой Игры; он ездил с миссией в Бухару — разузнать о местном рынке туркменских скакунов и позициях России. Муркрофт был первым в Британской Индии русофобом, ему мерещились русские гарнизоны чуть ли не на Каракоруме, поэтому он и считал нужным укреплять Ранджита. Не исключено, что он поспособствовал смерти посланника России Мехти Рафаилова, который чуть-чуть не доехал до Панджаба.

В 1810-е годы в панджабской армии появилась и регулярная кавалерия, которая к 1820 г. насчитывала 837 человек (три полка). Правда, её формирование шло ещё более туго, чем создание пехоты, да и зачисляли в кавалерию не то что кого попало, но мало обращали внимание на физические и боевые качества. Часто это были воины покорённых мисалов. Сам по себе каждый всадник был весьма искусен: на полном скаку мог поразить копьём шест. Однако конные индийские воины упорно сопротивлялись попыткам превратить их в дисциплинированную боевую силу, где все как один подчиняются приказу («танец дураков»). Да и лошади в кавалерии Ранджита оставляли желать лучшего, были мелкими и неказистыми. Для армии саркар почти не ввозил

¹ На Цейлоне, по свидетельству португальского иезуита Фернана ди Кейруша (XVII в.), воины доходили до того, что считали позорным использовать любые доспехи (понятно, что в климате Южной Азии это могут быть только отдельные пластины на грудь, спину и т.д.): думали, будто, надевая их, демонстрируют свою слабость и страх перед противником [Робинсон, 2006, с. 153]. Упор делали на мастерство владения **наступательным** оружием. Вообще Индия славится своими боевыми искусствами. Ведь большинство боевых искусств Азии, включая самурайское, прямо или косвенно восходит к боевому искусству Кералы (Юго-Западная Индия) *каларипаятту*.

лошадей из-за рубежа: сосредоточение на одном роде войск (регулярной пехоте) отнимало львиную долю забот, и конницей занимались по остаточному принципу. Расплачиваться придётся во время войн с британцами.

Пехотный батальон насчитывал примерно 800 человек под началом *кумедана* (от фр. *commandant*); ему помогали адъютант, майор, *муниши* (хранитель списков личного состава) и *мутасадди* (счетовод); в каждом батальоне имелся грантхи (отдалённо напоминал полкового священника в европейских армиях, но подчеркну ещё раз, что сикхские грантхи — не священники). Батальон составляли восемь рот примерно по 100 человек под началом *субадара* (в армии Британской Индии такое офицерское звание тоже имелось и соответствовало лейтенанту). Роту составляли четыре взвода примерно по 25 человек, каждый под началом *хавалдара* (сержанта) и замещавшего его *наука* (капрала). В 1835 г. Ранджит, быстро последовав примеру Ост-Индской Компании, разделил регулярную армию на бригады. Каждая бригада состояла из 3–4 батальонов пехоты, артиллерийской батареи (8–10 пушек на лошадиной тяге), отряда кавалерии в 200–600 человек и роты сапёров (*бельдаров*). Командовал бригадой офицер в чине полковника или генерала.

Части сапёров появились опять же по образцу Ост-Индской Компании. Ранджит наладил и снабжение армии. Уже в 1810-е годы он покончил с обычной для Моголов и их преемников практикой существования войск на марше за счёт грабежа населения. Кстати, когда после взятия в 1818 г. Мултанской крепости войска основательно разграбили её, Ранджит посчитал, что если этому потакать, упадёт дисциплина, и по возвращении солдат в Лахор заставил сдать награбленное добро (на общую сумму 5 лакхов рупий) в казну.

Если в 1811 г. регулярная армия Ранджита в целом насчитывала всего 4 тыс. человек (2800 пехотинцев и 1200 артиллеристов), то накануне его смерти, в 1838 г., она превысила 38 тыс.: почти 30 тыс. пехотинцев, 4 тыс. кавалеристов и 4,5 тыс. артиллеристов. У сикхов было 384 тяжёлых орудий и 400 «пчёлков». К концу правления Ранджита все вооружённые силы Панджабской империи составили 123 800 человек, что почти равнялось численности армии Британской Индии накануне Второй мировой войны сто лет спустя [Singh, Gopal, 1988, p. 478–479]. Численность всадников гхорчарха к этому же времени достигли 11 тыс. человек, войска джагирдари — 11 800 человек (это — конные, не считая пехоты и артиллерии) [Vajwa, 1964, p. 82].

Трудно переоценить роль, которую сыграли в создании армии Ранджита европейские военные специалисты. Многие в прошлом были офицерами Наполеона или участвовали в наполеоновских войнах.

Одни из первых появились в Пятиречье в поисках работы в марте 1822 г. Это были итальянец, бывший полковник наполеоновской пехоты Джованни Баттиста Вентура (1792–1856), и француз, бывший капитан наполеоновских гусар Жан-Франсуа Аллар (1785–1839). Прибыли они не непосредственно из

Европы, а сначала попытались счастья в каджарском Иране: напомню, что Фатх-Али-шах тоже проводил модернизацию своей армии по европейскому образцу.

Ранджит был рад получить военных специалистов и назначил их военачальниками своей армии. На службу к Ранджиту Вентура и Аллар поступили на следующих условиях: в случае войны между Панджабом и любой европейской державой хранить верность Панджабу, не вступать в переписку с европейскими державами, жениться на индианках, не есть говядины, не курить табак прилюдно, не брить бороды и усов. Они дали письменное обязательство и поклялись на Библии. Вентура стал генералом сикхской пехоты, Аллар — конницы. Ему саркар поручил создать отряд драгун; к началу 1830-х годов численность этого отряда составила 4 тыс. человек. Иностранцам офицерам положили щедрое жалованье (2500 рупий в месяц). Аллар выстроил себе в Лахоре дворец — Версаль в миниатюре. Вентура тоже зажил на широкую ногу: поселился (правда, не сразу) в здании бывшей усыпальницы танцовщицы Анаркали — возлюбленной могольского принца Салима, который стал шахом Джахангиром¹.

В качестве учебника Вентура и Аллар привезли в Панджаб персидский перевод французского пособия по военному обучению. Он назывался так же, как известное послание Гобинда Аурангзебу, — *Зафарнама* («Сказание о победе»). Именно эти два офицера создали для Ранджита специальный корпус, который так и назывался — *фаудж-и-хас* (перс. «особая армия»). Его эмблемой стал орёл, а флагом — французский триколор с... вышитым именем гуру Гобинд Сингха и словами *Дег, тег, фатех* («Пища, сабля, победа»). В корпусе использовали французские слова команды [Chorha G., 1960, p. 57]. Командующим *фаудж-и-хас* был назначен Вентура. Батальоны *фаудж-и-хас* в основном были сикхскими, но две роты состояли из пурбия. Как однажды объяснил Ранджит политическому агенту Уэйду, целью смещения было предотвратить мятеж в случае недовольства либо тех, либо других [Sethi, 1950, p. 287]. *Фаудж-и-хас* сыграл решающую роль в кампаниях Ранджита против афганцев. В 1845 г., накануне первой англо-сикхской войны, корпус насчитывал

¹ Эта любовная история лежит в основе сюжета одного из самых известных болливудских фильмов «Великий Могол» (1960 г.) с П. Капуром, Д. Кумаром и Мадхубалой в роли Анаркали.

Читателя может удивить, что усыпальницу сделали (пусть через два столетия) жилым особняком. Между тем в империи Ранджита то был не единичный случай. Сикхи сняли мраморную облицовку и архитектурные украшения со многих могольских зданий и изменили их предназначение. До Вентуры гробница Анаркали служила дворцом наследника престола Кхарак Сингха. Мавзолей Джахангира стал виллой наёмника из Франции генерала Эмиса. Такое «перепрофилирование» зданий позднее привело в Британской Индии к появлению странноватого термина «жилая гробница» (*residential tomb*) [Суворова, 2009, с. 143].

3176 пехотинцев, 1667 кавалеристов и 855 артиллеристов с 34 пушками [Griffin, 1892, p. 141].

В последующие годы, видя, как хорошо принимают в Панджабе военных специалистов, туда потянулись другие европейские авантюристы. В 1827 г. (тоже из Ирана) прибыли итальянец, бывший артиллерийский лейтенант при короле Неаполя Мюрате Паоло Бартоломео Авитабиле (1791–1850) и француз, бывший наполеоновский офицер Клод-Огюст Корт (ум. 1880). Авитабиле дослужился в Иране до звания полковника и титула хана. Корт стал командовать у Ранджита двумя полками гуркхов. Всего Ранджит принял к себе на службу более 100 офицеров-европейцев или евроазиатов-полукровок. Авитабиле, Корт и американец Александр Гарднер наладили Ранджиту современную артиллерию. Всего звание генерала получили у Ранджита шесть европейцев, звание полковника — восемь. Западных специалистов в Панджабе (как вообще европейцев в Южной Азии) называли *феринги* (искажённое от «франки»). Это тем более верно, что многие из них были французами. Однако саркар сознательно принимал на службу европейцев разных национальностей, чтобы в случае чего им было трудно составить против него заговор. *Divide et impera*.

Ранджит ценил европейских специалистов и доверял им. Авитабиле после гибели Хари Сингха Налвы он даже поручил наместничество в Пешаваре, на беспокойной афганской границе. Наместниками территорий одно время были и Вентура и Корт. Вместе с тем Ранджит показывал военным специалистам их место, держал дистанцию. Так, на встрече с Бентинком в Ропаре с панджабской стороны присутствовали 16 сардаров, но ни одного европейского офицера [Cavendish Bentinck, 1977, p. 703].

Принятие европейских офицеров на службу дало мощный импульс превращению армии Ранджита в грозную военную машину, модернизация его армии ускорила. Как подметил Н.К. Синха, Аллар, Вентура и Корт сыграли при Ранджете ту же роль, что Гордон и Лефорт — при Петре I [Sinha, 1946, p. 161]. У постоянных вакилов Ранджита в Лудхиане даже было тайное задание переманивать военнслужащих из армии Ост-Индской Компании, особенно артиллеристов. Из европейцев к Ранджиту ехали не только военные специалисты, но и некоторые гражданские лица, например доктор Мартин Хонигбергер из Венгрии. Он стал личным врачом саркара и впервые в Индии использовал гомеопатические методы.

Во второй половине XVIII в., когда Ост-Индская Компания только завоёвывала/покоряла Индию, она внимательно следила за присутствием в армиях местных правителей европейских военных специалистов в качестве офицеров, советников. При заключении субсидиарного договора с тем или иным княжеством Компания неизменно включала в него пункт: правитель должен уволить со своей службы всех европейцев и не принимать их без её ведома и со-

гласия. Однако против присутствия французских офицеров на службе Ранджита Ост-Индская Компания не возражала: Наполеон разгромлен, угроза Британской Индии со стороны Франции отпала бесповоротно, а Компания стала в Индии верховной державой.

Представляется неверным мнение советского индолога В.И. Кочнева, будто иностранцы на службе в Панджабе сыграли в целом отрицательную роль, поскольку либо были агентами Ост-Индской Компании, либо участвовали в распрях сардаров, либо «совершили косвенное предательство, как, например, Вентура и Авитабиле, которые, скопив огромные состояния, бежали в 1843 г. из Панджаба» [Кочнев, 1968, с. 70]. Если кого из европейских офицеров и можно считать агентами Компании, таких были единицы. Что касается участия в распрях, то в условиях борьбы за власть после смерти Ранджита европейцам придётся принимать чью-то сторону и начинать обвинения надо не с них. Наконец, уехать из страны многие будут вынуждены на волне подъёма ненависти к нависшей над Панджабом Ост-Индской Компании (попадут сикхам под горячую руку). Роль европейских военных специалистов в Панджабе была скорее положительной: они внесли огромный вклад в укрепление обороноспособности страны.

Стимулом к дальнейшей модернизации армии служили встречи Ранджита с генерал-губернаторами Компании. Они неизменно сопровождались парадом армий обеих сторон, во время которых саркар внимательно наблюдал за выучкой и вооружением англо-сипайских войск, дотошно расспрашивал о деталях (что всегда приводило в изумление британских очевидцев). Впрочем, состояние его собственной армии неизменно оказывало сильное впечатление и на противоположную сторону. Так, сестра лорда Окленда мисс Эмили Иден назвала парад сикхских войск в Фирозпуре «страшным ударом по нашему тщеславию». Сам Окленд по пути в Амритсар наблюдал парад 8–9 тыс. панджабских солдат и заметил, что они ни в коем случае не уступают армии Ост-Индской Компании.

На вооружении всей армии Ранджита долго стояли мушкет и фитильное ружьё. В 1820-е годы регулярную пехоту перевооружили кремнёвым ружьём, а кавалерию — карабином и пистолетом (фитильный замок требовал обеих рук как при перезарядке, так и при стрельбе). На вооружении остальной армии продолжало стоять прежнее стрелковое оружие, хотя и лучшего качества. Ост-Индская Компания не видела в модернизации армии Ранджита угрозы для себя: ведь сильный Панджаб служил ей надёжным буфером от Среднего Востока и Центральной Азии. Поэтому британцы разрешили саркару ввозить оружие через свою территорию, а иногда снабжали его сами. Так, в 1812 г. Ранджит закупил у них 500 мушкетов со штыками и шомполами (за 14,5 тыс. рупий) [Vajwa, 1964, p. 57]. Позднее он закупил у Компании несколько тысяч ружей *Brown Bess*, после чего наладил собственное их производство в прави-

тельственных *карханах* (мастерских) в Лахоре. В 1835 г. Компания позволила ему купить в Дели 1100 мушкетов и 500 пистолетов, а в 1838 г. подарила несколько гаубиц [Vajwa, 1964, p. 87]. Некоторые мушкеты (*торадары*) работы панджабских оружейников были настоящими произведениями искусства: стволы по всей длине украшались серебряной насечкой, а то и золотой инкрустацией; приклады покрывались слоновой костью [Эгертон, 2007, с. 238–239].

Пушки (например, 24-фунтовые гаубицы) отливали опять же по британским образцам, причём весьма в этом преуспели. В 1837 г. главнокомандующий армией Компании генерал сэр Генри Фэйн, приехавший на свадьбу Наунихала, подарил Ранджиту большую пушку. Когда через полтора года он вновь посетил Лахор (в свите Окленда), то удивился, застав в городской крепости уже много таких пушек. Ранджит спросил: «Свой подарок среди них узнаете?». Генерал узнал пушку только по английской надписи [Gupta, V, p. 382]. Если в XVIII — начале XIX в. лучшая артиллерия среди индийских княжеств была у маратхов (а среди них — у династии Шинде), то сикхи их, безусловно, «переплюнули», хотя и не сразу.

Регулярная армия была одета в форму. Пехотинцы зимой носили красную куртку с перекрещенными на груди чёрными ремнями (на одном патронташе, на другом штык; по примеру солдат Ост-Индской Компании, только у тех ремни были белыми) и штаны тёмно-синего или белого цвета. Тюрбаны были разных цветов, чаще синего. Летом носили всё белое (по сезону, чтоб отражать солнечные лучи); тюрбаны опять же разные. Ранджит пытался заставить пехотинцев сменить тюрбаны на унифицированный армейский головной убор, но ни сикхов, ни гуркхов так и не заставил. Особый вид тюрбана — один из признаков принадлежности к той или иной касте, и солдаты просто опасались потерять касту. Ведь именно из-за попытки унифицировать головные уборы сипаев вспыхнул в 1809 г. мятеж в гарнизоне Ост-Индской Компании в Веллуру на юге Индии.

В регулярной кавалерии (драгуны Аллара) мундиры были такие же, но ремни — белого цвета, синие штаны имели красную полосу, а на голове носили обмотанный малиновым шёлковым шарфом шлем, в центре которого был прикреплён медный полумесяц с блестящей шпилькой длиной 5 см (повидимому, стилизованный символ кханда). Кавалерийские офицеры были с ног до головы одеты в малиновую форму и вооружены саблями. На севере, в холмах, где зима холодная, солдаты носили кожаную одежду. В артиллерии в ходу были чёрная куртка, белые штаны и высокие сапоги. В армии присутствовала военная музыка (инструменты — барабан, дудка, горн).

Если в период мисалов выплата жалованья в войсках проводилась раз в полгода (как и раздача земель или части трофеев), то в армии Ранджита — ежемесячно. Жалованью сикхские воины на первых порах тоже упрямо сопротивлялись. Слово *танхах* («жалованье») даже приобрело презрительный оттенок

(среди сикхов это и теперь синоним «штрафа»). Однако, как и в случае с дисциплиной европейского образца, нововведение постепенно прижилось. Рядовой пехотинец-панджабец получал 7–8,5 рупий в месяц, *хавалдар* (сержант) – 13–15, *субадар* (лейтенант) – 20–30, майор – 21–25, адъютант – 30–60, кумедан – 60–150. *Савар* (рядовой кавалерист) получал 20–26 рупий, *рисалдар* (кавалерийский офицер) – 40–48 [Gupta, V, p. 383].

Жалованье рядового на целую рупию превышало жалованье сипая Ост-Индской Компании. Ранджит делал это намеренно, чтобы переманивать сипаев у британцев. Жалованье непанджабцев было ниже; так, пехотинцы-догры получали не более 6 рупий в месяц. Что касается кавалеристов, то их реальное жалованье не было существенно выше, чем в пехоте: савары должны были сами покупать и содержать коней и снаряжение¹. Хотя казну Ранджита (в пересчёте на фунты стерлингов) исчисляли несколькими миллионами, он из принципа поддерживал хроническую задолженность по жалованью (на 4–6 месяцев, а то и на год – два) – чтобы исключить возможность дезертирства в войска других правителей Индии [Gruse, 1969, p. 51]. До него так делали и Моголы и маратхи. Впрочем, средств часто действительно не хватало, особенно в 1830-е годы, когда возможности экспансии были исчерпаны. Однажды самому Ранджиту пришлось укрыться в крепости под Амритсаром от разъярённых гуркхов, которым долго не платили жалованья.

Саркар часто устраивал военные учения и смотры, по сути возродив могольскую практику XVI–XVII вв. (надо, правда, помнить, что у Моголов, в отличие от сикхов, регулярной армии не было). На учениях он присутствовал лично, награждал отличившихся солдат золотыми ожерельями; нерадивых штрафовал или даже заключал под стражу. В 1834 г. Ранджит возродил древнюю практику клеймения коней и верблюдов, уходившую корнями в XIII в., в ранний период истории Делийского султаната. Целью этой практики был строгий учёт количества всадников, чтобы джагирдары не одалживали друг другу коней только на время смотров.

Чиновников и военачальников Ранджит награждал в привычном могольском стиле – драгоценностями, богато отделанным оружием, джагирами, пышными персидскими титулами и, конечно, хилатами. Хилат, как уже упоминалось, – это почётная дорогая одежда, жалуемая правителем. Основными компонентами хилата были *дастар* (тюрбан), *джама* (халат) и *патка* (пояс), к которым «прилагались» другие – *дупатта* (шарф), *румал* (платок) и т.д. У Ранджита высшей наградой, как правило, служил хилат из 11 компонентов, но встречались и из 15, и из 22. В виде исключительной милости саркар жаловал *палки* (паланкины) и *нагара* (барабаны).

¹ Сейчас, что любопытно, *саварами* (*соварами*) в Индии называются рядовые танковых войск.

Почётные персидские титулы представляли собой хорошо разработанную систему. Военный мог получить такой красочный титул, как Зафар Джанг («Победоносный в войне») или Тахаввур Панах («Прибежище храбрости»), гражданский чиновник — Дайянат Панах («Прибежище честности») или Фирасат Дастгах («Изобилие проницательности»). Особо отличившиеся чиновники получали титулы «диван» и «раджа». Помимо наследственного сардарства в империи Ранджита было и сардарство служилое: «сардар» входил в числе жалуемых титулов, причём почти всегда давался сикхам (например, Хари Сингху Налве).

Кроме традиционных азиатских наград в Панджабе существовала награда, учреждённая Ранджитом под европейским влиянием. То был орден «Звезда процветания Панджаба» (*Каукаб-и-икбал-и-Панджаб*) трёх степеней, введённый в 1837 г. по случаю свадьбы принца Наунихала. Он имел вид золотой медали, на одной стороне которой было выбито изображение Ранджита, на другой — его имя. Орден 1-й степени был украшен бриллиантом и предназначался для членов семьи Ранджита и сардаров, показавших ему особую лояльность. Орден 2-й степени был украшен бриллиантом и изумрудом, им награждали придворных, наместников, военачальников. Орден 3-й степени был украшен только изумрудом; предназначался для прочих лиц. Награду носили на шее на красно-жёлтой ленте. По виду она напоминала орден Почётного легиона и, вероятно, была введена по совету французских офицеров. Первым награждённым был виновник торжества Наунихал Сингх.

Причиной столь пышного празднества по случаю женитьбы внука было всё то же стремление Ранджита обрести для своей династии легитимность. И этими торжествами, и многими другими мерами он методично вдалбливал в умы подданных идею, согласно которой только его сын и внук — естественные и неоспоримые наследники престола, продолжатели его дела. Не случайно когда родился Наунихал Сингх (22 февраля 1822 г.), Ранджит так обрадовался, что принимал пришедших поздравить его сардаров в шатре с золотыми шестами: у становящейся династии появилось третье поколение. Знал бы он судьбу этой династии...

Вооружённые силы Ранджита комплектовались на добровольной основе (как армии Индии и Пакистана по сей день). Сначала набором солдат ведали подчинённые Ранджиту сардары, но со временем он стал заниматься этим важным делом сам, не передоверяя никому. Зачислял в армию добровольцев не ниже 173 см. Зато ограничений в возрасте ни для поступления на службу, ни для ухода в отставку не было; нередко в рядах армии можно было видеть 65-летних ветеранов и старше. Для набора в армию не существовало и социальных ограничений: Ранджит принимал и джатов, и представителей низших каст, включая сикхов-*мазхаби* — членов «неприкасаемых» каст сикхского общества. В отличие от армии Ост-Индской Компании

пенсионной системы у Ранджита не было, но он — по примеру британцев — ввёл пособия калекам и (иногда) членам семей погибших солдат (в размере трети жалованья). В случае отставки или смерти военного (а также гражданского чиновника) его должность имел право занять его сын или другой родственник; так заполнялась треть мест в армии. В армии существовал отпуск — три месяца в году, как раз на полевые работы в родной деревне. Для многих бедных крестьянских семей вербовка члена семьи в армию была реальным выходом из положения и считалась престижным делом (как в странах Южной Азии и поныне).

За проступки Ранджит солдат, естественно, карал, но без жестокости. Казнь не предусматривалась вообще, даже за мятеж (хотя наказания подчас назначались по прихоти монарха). В полках «нового строя» случилось несколько мятежей: солдаты были недовольны строгой дисциплиной, которую насаждали европейские командиры. Вообще на первых порах сикхи и гуркхи не хотели служить под началом *ферингов*, негодуя на то, что эти последние получают столь высокое жалованье и щедрые джагиры. Потому-то Ранджит и настоял, чтобы европейские офицеры осели в Панджабе, обзавелись семьями и не хотели возвращаться на родину. Правда, после его смерти военные специалисты попадут под подозрение в тайном пособничестве Ост-Индской Компании. Вентура и Корт едва избегают смерти; полковники Фолкс и Форд окажутся менее удачливыми. Поэтому в 1840-е годы военные специалисты из Панджаба уедут.

Атмосфера в армии Ранджита царила здоровая. Дорогого стоит следующий отзыв одного из наёмников Ранджита майора Г.М. Лоуренса: *«Могу сказать, что пока я состоял на службе, я по крайней мере нашёл в ней меньше рабства, чем, возможно, в любой европейской армии, и было менее вероятно, что я буду поступать против своей совести, чем если бы служил в армиях более цивилизованных держав»* (цит. по: [Maharaja Ranjit Singh, 1939, p. 235]).

Рассказ о вооружённых силах Ранджита был бы неполным, если не упомянуть женский полк. Эта воинская часть (лёгкая конница) появилась не позднее 1831 г. Её численность составляла сначала 150 девушек, позднее выросла до 700–750 [Демичев, 2008, с. 141]. Иногда полк пополнялся за счёт наложниц, которых Ранджит удалял из гарема. Воительницы получали жалованье и деревни в джагиры. Задачи полка не включали участие в боевых действиях; полк сопровождал саркара в поездках и развлекал его и высоких гостей учебными боями на палках. Наличие женских воинских частей было характерно не только для Панджаба при Ранджит Сингхе. Так, у могольского шаха Фаррухсийяра (который казнил Банда Бахадура) занану охраняла женская вооружённая стража, а на службе низама Хайдарабада до середины XIX в. состояли два батальона женщин-сипаев (по тысяче человек); они тоже сопровождали перемещение зананы и несли службу во дворце.

К концу правления Ранджита численность всей его армии превышала 80 тыс. человек, а на её содержание уходило 1,28 крона рупий (43% дохода империи) [Vajwa, 1964, p. 83]. Это, кстати, меньше, чем у Ост-Индской Компании, которая тратила на армию 60% доходов со своих территорий.

Ранджит Сингх остался в истории не только как великий завоеватель, но и как выдающийся администратор. Объединив весь северо-запад Южной Азии, управлял он своей империей весьма эффективно. Все нити управления сходились в руках самого саркара, который жёстко контролировал все дела и вникал в мельчайшие вопросы управления. Его министры по сути были его секретарями.

Центральный административный аппарат составляли вазир (первый министр) и несколько *дафтаров* (министерств, канцелярий); к концу правления Ранджита их стало 12. Система управления Панджабской империей в значительной степени воспроизводила таковую Могольской: настолько мощную административную традицию заложили Моголы. Не случайно языком делопроизводства в сикхской империи служил фарси (язык администрации в Северной Индии ещё с XIII в.), все должности и ведомства назывались по-персидски.

Ключевой пост вазира занимал сначала Мохкам Чанд, а с 1828 г. Дхиан Сингх (о них — чуть ниже).

Среди министерств одним из важнейших было министерство финансов (*дафтар-и-малият*), которое ведало всеми доходами и расходами империи — сбором налогов, пожалованием джагиров и т.д. Оно разделялось на несколько департаментов, причём указания от саркара их главы получали непосредственно, а не через вазира или своего министра. Этим Ранджит обеспечивал максимальную подконтрольность министерства себе лично. (Так чхатрапати маратхской империи Шиваджи в XVII в. сам назначал не только восемь министров своего «кабинета», но и их заместителей — чтобы они зависели не от своего начальника, а от монарха лично.) Министерство финансов в империи Ранджита возникло далеко не сразу. В начале его правления такого ведомства по сути не было, потому что почти вся информация о доходах и расходах казны хранилась в голове самого саркара благодаря его поистине феноменальной памяти. Финансовые приказы он тоже давал только устно, а все счета вёл банкир Рамананд из Амритсара. С XVIII в. в Индии это была распространённая практика — когда крупный купец/банкир/ростовщик брал на себя функции министра финансов того или иного князя, вступая с ним во властно-финансовый симбиоз. Так, для навабов Бенгалии эту роль играл известный торгово-ростовщический дом Джагат Сетхов. Деятельность такого рода была возможна в рамках широкого процесса «коммерциализации власти» (термин британского индолога К. Бэйли), который позволил индийскому купечеству проникать в сферу управления. В новейшей историографии этот процесс счи-

тается одной из главных причин распада Могольского султаната (см.: [Bayly, 1983; Bayly, 1988]).

Однако с расширением владений Ранджиту понадобилось полноценное министерство финансов. В 1808 г. во главе его был поставлен богатый купец Бхавани Дас, который успел побывать главой налогового ведомства в Кабуле у Шаха Шуджи. Ранджит, стало быть, вновь заимствовал мусульманский опыт. Министром финансов Панджаба Бхавани Дас прослужил до 1834 г., когда его сменил кашмирский брахман Дина Натх, который с 1826 г. был к тому же хранителем печати.

Специальное военное министерство (*дафтар-и-фаудж*) учредили в 1809 г. Существовала должность главнокомандующего вооружёнными силами. Сначала (1806–14) её занимал Мохкам Чанд из касты кхатри (по совместительству был вазиром), затем (1814–25) брахман Диван Чанд. Именно он руководил завоеванием Мултана и Кашмира.

Огромную роль при Ранджете играл министр иностранных дел (*дабир-уль-мамликат*) — бессменный Факир Азиз-уд-дин (1780–1845). (*Факир* по-арабски «бедняк», «странствующий дервиш»; в данном случае — почётное прозвище.) Он происходил из уважаемой мусульманской семьи выходцев из Бухары, был сыном глазного врача, лечившего Ранджита. Понравившись саркару хорошими манерами и изысканностью речи, он сам стал его личным врачом и был пожалован джагиром в несколько деревень, а со временем сделался главным советником и министром иностранных дел панджабского монарха. Факир Азиз-уд-дин был весьма искусным и красноречивым дипломатом, в совершенстве владел фарси. Ранджит настолько доверял ему, что, уезжая в военные экспедиции, именно его оставлял в Лахоре за себя. Азиз-уд-дин покровительствовал знаниям, содержал на личные средства школу фарси и арабского языка, писал стихи на суфийские темы. Символично, что умер он в декабре 1845 г., незадолго до поражения Панджаба в первой англо-сикхской войне: как и его господин, не дожил до унижения империи. В ближайшем окружении Ранджита были и два младших брата министра — Факир Нур-уд-дин и Факир Имам-уд-дин. Первый тоже служил врачом, а также заведовал общественными работами, был хранителем ключей казначейства; второй был комендантом крепости Гобиндгарх под Амритсаром, где находились казённые оружейные мастерские.

Другой влиятельной фигурой был гофмейстер двора (*дарога-и-деорхи*, или *деорхидар*). Через него к Ранджиту шли прошения; он организовывал личные аудиенции. Сначала эту должность занимал Джамадар Хушхал Сингх (1790–1844), сделавший головокружительную карьеру. Это был брахман из Мератха (близ Дели), сын лавочника, исходно его звали Хушхал Чанд. В Панджабе он начал рядовым солдатом, затем стал членом личной стражи Ранджита, где вскоре дослужился до *джамадара*; это офицерское звание закрепилось за

ним, став по сути частью имени¹. Вскоре после назначения деорхидаром перешёл в сикхизм, приняв в имя «львиный элемент». В 1832 г. сделался наместником Кашмира, но сильно притеснял народ, и Ранджит заменил его.

После Джамадара Хушхал Сингха деорхидаром в 1818 г. был назначен Дхиан Сингх (1796–1843), по этнической принадлежности догр. Через десять лет он стал и вазиром, на посту которого оставался до смерти Ранджита (и позднее). В истории Панджаба первой половины XIX в. Дхиан Сингх — одна из ключевых фигур, глава догрской группировки при дворе. У него, как и у Факира Азиз-уд-дина, было два брата — старший Гулаб Сингх (1792–1857) и младший Сучет Сингх (1801–44), которых он, поднимаясь по службе, тоже тянул за собой. Начинали карьеру все они в иррегулярной коннице Ранджита. Братья не были лишены достоинств: Дхиан Сингх выделялся обходительностью, Гулаб Сингх — красноречием, а Сучет Сингх — хорошими манерами (и был хорош собой, что Ранджит тоже ценил). Ранджит пожаловал всем трем титул раджи (соответственно городов Бхимпур, Джамму и Рамнагар). Гулаб, став раджей Джамму, в основном и проводил там время, тогда как двое других пребывали в столице. В 1820–30-е годы благодаря своему единству, слаженности действий «могучая кучка» догров выдвинулась при дворе на первые роли. Дхиан Сингх был хороший лицедей. Так, во время кремации Ранджита он «с горя» четыре раза «пытался» прыгнуть в погребальный костёр саркара, но его всякий раз удерживали.

Подъёму Дхиан Сингха способствовала большая привязанность Ранджита к его сыну Хира Сингху (1816–44). Ранджит приблизил мальчика, вероятно, потому, что тот выгодно отличался от его собственного слабоумного и некрасивого Кхарак Сингха [Sood, 1968, p. 41]. Саркар относился к Хира Сингху как к родному сыну, пожаловал его почётным прозвищем *фарзанд-и-хас* («особый ребёнок») и непрерывно осыпал милостями. Уже в возрасте десяти лет Хира Сингх получил титул раджи, джагир и командование батальоном (номинальное, конечно). Он был единственным, кто осмеливался заговорить с Ранджитом первым и даже прерывал его и возражал ему. Он был одним всего из трёх человек (наряду с двумя святыми людьми, Бхаи Рам Сингхом и Бхаи Гобинд Рамом), которые пользовались правом сидеть в присутствии Ранджита; такого права не имел даже его отец Дхиан Сингх.

Возвращаясь к структуре правительства, упомяну ещё ведомство контролёра финансовой отчётности и ведомство религиозных пожалований.

Порядок управления был такой. Ранджит отдавал распоряжение на панджаби, мунши тут же записывал его на фарси. Документ оформляли по всей

---

¹ Как в имени президента Индии (1982–87) Гиани Заил Сингха первый элемент — это почётное прозвище знатока Гуру Грантх (*гьяни*). Сейчас в Индии названия профессий (чаще английские) иногда делаются фамилией; так, есть люди с фамилией «Инженер».

форме, после чего читали Ранджиту, который либо одобрял, либо вносил какие-то изменения. Фарси он владел прилично и даже правил черновики, подготовленные таким знатоком языка, как Факир Азиз-уд-дин. По одобрении окончательного текста его переписывали набело и прикладывали две печати — с панджабской фразой *Акал сахае Ранджит Сингх* («Боже, Ранджит Сингха храни») письмом гурмукхи и персидской фразой *Мулахиза шуд* («Рассмотрено») арабским письмом. Документ отправляли в канцелярию саркара для регистрации, где ставили ещё две печати, затем снимали копию и посылали по назначению. Если, к примеру, это был финансовый документ, он шёл к *тошахана* (казначей), который производил выплату. На грамотах с пожалованием чинов, джагиров, хилатов обязательно стояла подпись дивана.

Отбор кандидатов на гражданские и военные должности производил сам Ранджит; обычно то были молодые люди, не достигшие и 20 лет. После краткого испытательного срока их назначали на высокие посты. Так, Бели Рам сделался тошахана в 19 лет, а Диван Чанд главнокомандующим — в 20 с небольшим. Выслуги лет не было, продвижение по службе и отставка всецело зависели от прихоти саркара.

Административное устройство Панджабской империи в значительной степени воспроизводило устройство могольского времени — настолько мощную имперскую традицию заложили Моголы. Страна была поделена на четыре субы: Лахорскую, Мултанскую, Кашмирскую и Пешаварскую. Львиную долю налогов давала Лахорская суба. Во главе субы стоял назим, который в своей ипостаси налогового чиновника выступал как откупщик. Суба делилась на парганы, паргана — на *талуки*, талука — на *маузы* (деревни; их в одной талуке насчитывалось 50–100). Ключевой фигурой администратора в империи был *кардар* — наместник среднего уровня, т.е. парганы (аналог *амила* могольской эпохи); он назначался назимом с одобрения саркара. Всего в империи был 51 кардар. Интересно, что на должности наместников назначались и европейцы: Вентура какое-то время служил наместником г. Дера-Гази-хан, Авитабиле — Гуджрата, затем даже назимом Пешавара (после гибели Хари Сингха Налвы). Ранджит продолжил могольскую традицию отсутствия разделения властей: назимы и кардары обладали всей полнотой власти — ведали гражданскими, финансовыми, судебными и военными делами (правда, при Моголах на уровне субы было двоевластие: наряду с назимом как военным наместником существовал диван как сборщик налогов).

Тем не менее Ранджит до конца не доверял своим наместникам, исключая возможность сепаратизма или переворота. Так, имевшиеся в их распоряжении войска были, как правило, иррегулярными и немногочисленными. *Тханадары* — коменданты крепостей (Лахора, Амритсара, Мултана, Джамруда и других) подчинялись не назиму субы, в которой стояла крепость, а всегда саркару лично. Так поступали и Моголы: коменданты образовывавших четырёх-

хугольник главных цитаделей империи — городских крепостей в Лахоре, Агре, Аллахабаде и Аджмере — подчинялись не назимам своих суб, а самому шаху.

Также в соответствии с могольской практикой Ранджит не проводил среди своих чиновников специализации. Условность деления на военных и гражданских чиновников (а также условность деления функций среди гражданских чиновников) — одна из отличительных особенностей политики патримониального типа. Такие политики, как Могольский султанат (одним из преемников которого и был Панджаб при Ранджите), представляли собой военный аппарат (прототип — империя Чингисидов), и каждый представитель знати имел определённый военный чин независимо от выполняемых функций. Ранджит, правда, не сохранил сложную систему мансабдари с её рангами, но перемещение чиновников между совершенно разными отраслями деятельности было у него нормой. Так, генералы Авитабиле и Вентура побывали наместниками территорий, а врач Хонигбергер — начальником мастерской по производству пороха. Частое перебрасывание чиновников из одной сферы деятельности в другую существовало и из-за отсутствия на Востоке «профессионального общества» (термин британского специалиста по социальной истории Х. Паркина¹), возможного только при зрелом капитализме².

Основной формой награждения за службу, как и в Могольском султанате, были джагиры — служебные, личные и по праву завоевания. Служебный джагир был условным пожалованием за обязательство нести военную службу, содержать на доходы с него отряд войск. Личный джагир был пожалованием безусловным и наследственным, жаловался вдовам и детям покойных сардаров, религиозным деятелям, чиновникам за особые заслуги. Джагирами по праву завоевания считались исконные земли мисалов — в том урезанном виде, в каком они пришли ко времени объединения Ранджитом Панджаба. Эта категория сочетала черты двух предыдущих: джагирдар нес военную службу, но территория переходила по наследству [Семёнова, 1958, с. 42].

Правление Ранджита было относительно мягким. Он следил, чтобы чиновники не притесняли жителей, и известны случаи штрафов и выговоров кардарам после жалоб населения. Хотя назимы и кардары обладали на вверенных территориях всей полнотой власти, центр осуществлял над ними эффективный контроль. Ранджит возродил могольскую службу тайных прави-

¹ Perkin H. *The Rise of Professional Society: England since 1880*. L.; N.Y.: Routledge, 1989.

² Как отмечает В.М. Большакова, Ранджит не пошёл на создание самостоятельного гражданского ведомства по той причине, что считал распределение властных полномочий между гражданским и военным ведомствами не эффективным в условиях централизации страны [Большакова, 2010, с. 14]. Представляется, однако, что в патримониальной политике такое распределение вообще не имеет смысла.

тельствующих осведомителей — *ахбарнависов*, которые следили за поведением чиновников и ежедневно или еженедельно слали об этом донесения. Кроме того, всякий недовольный мог подать саркару прошение против наместника; у дворца Ранджита в Лахоре имелся ящик, куда любой мог опустить просьбу ему лично. Наконец, саркар часто ездил по стране с внезапными инспекциями или отправлял с этой целью доверенных лиц. Конечно, казнокрадство и лихоимство властей существовали. Ранджит и боролся с этими явлениями указанными способами, причём иногда конфисковывал незаконно нажитые средства. Так, его обвиняют в том, что после гибели Хари Сингха Налвы он, неблагодарный, конфисковал у его сыновей 80 лакхов рупий — но Хари Сингх, при всех своих заслугах, на посту назима Кашмира и себя не забывал: сколотил немалое состояние с помощью административного ресурса.

Вертикаль судебной системы (над обычными для Индии деревенскими и кастовыми *пангаятами*) составляли суды кардара и назима, Верховный суд (*адалат-и-ала*) в Лахоре и суд самого саркара. Существовали ещё суды джигирдаров, а для мусульман — шариатские суды. Ранджит навёл в стране порядок, и уровень преступности был невысоким. В начале его правления воров и разбойников просто отстреливали, но вообще смертной казни при Ранджите, как при Елизавете Петровне в России, практически не было. По свидетельству многих британцев, Ранджит был правителем мягким и милостивым. Преступников карали чаще всего штрафом; иногда — отрезанием кистей рук, носа, ушей или тюремным заключением. По отзыву в 1805 г. одного сикха, который торговал в Бенгалии и поэтому мог сравнить, судебная система Ранджита намного превосходила качеством систему во владениях Ост-Индской Компании с её волокитой и коррумпированностью. Того же мнения придерживался видный чиновник Компании сэр Джон Малколм.

Была налажена в Панджабе почтовая служба. *Харкары* (гонцы) были конные (свежие лошади для них были готовы каждые 15 км) и пешие, бегавшие с жезлом с колокольчиками, извещавшими об их приближении; пробегали до 100 км в день [Gupta, V, p. 343]. Дороги сделались безопасными. По отзыву американского путешественника Ч. Мэссона, на Востоке было мало стран, где одинокий странник находился в большей безопасности, чем в Панджабе [Gupta, V, p. 594]. Так, на Великом колёсном пути (тракт, который пересекает всю Северную Индию от Калькутты до Пешавара; в Панджабе он проходит через Лудхиану, Джаландхар, Амритсар, Лахор, Гуджранвалу, Гуджрат, Равалпинди) Ранджит сделал ответственными за безопасность путешественников местных заминдаров — каждый отвечал за свой участок пути. Заминдарам позволили за это взимать с проезжающих небольшую пошлину.

В своём законченном виде империя Ранджита занимала площадь 50 тыс. кв. миль, а годовой доход казны составлял 3 крора рупий [Gupta, V, p. 515]. Географически империя, грубо говоря, имела вид треугольника, сторонами

которого были линии Пешавар — Синд на западе, Пешавар — Сатледж на севере и Сатледж — Синд на юго-востоке. Численность населения к концу правления Ранджита составила 3 млн. человек. Сикхов среди них насчитывалось 500 тыс. (всего шестая часть жителей империи), мусульман — 2 млн., индуистов и буддистов — 2,5 млн. [Gupta, V, p. 334]. Подавляющее большинство сикхов жили в сельской местности (в городах менее 8%), причём $\frac{2}{3}$ сикхского населения по касте были джатами [Gupta, V, p. 516]. Крупнейшими городами страны были Лахор (95 тыс. жителей), Амритсар (90 тыс.) и Мултан (80 тыс.) [Кочнев, 1968, с. 43–44]. Империя Ранджита была не только поликонфессиональной, но и полиэтничной: её населяли панджабцы, хиндустанцы, гуджары, пахари, догры, кашмирцы, пуштуны, непальцы, белуджи, балти, ладакхи и другие народы.

Как и при Моголах, $\frac{2}{3}$ дохода казны поступали за счёт земельного налога. До 1823 г. правительство практиковало традиционную могольскую систему сбора налога в виде изъятия части урожая. Изымали обычно половину, хотя крестьяне настаивали на $\frac{2}{5}$ или даже $\frac{1}{3}$ и подчас обманывали сборщиков (впрочем, ставки налога различались — зависели от качества почвы). Однако затем перешли к сбору налога наличными, чтобы казна не страдала от колебаний цен на рынке (где чиновникам приходилось самим продавать собранное зерно). В 1834 г. эту систему, в свою очередь, сменили откупа: крупные орошаемые территории продавались с аукциона на 3–6 лет. Ранджит правил гибко: на окраинах империи из соображений безопасности налоги были существенно ниже (на пуштунских территориях правобережья Инда и в области Мултана могли составлять всего 12–25%). В неурожайные или голодные годы правительство снижало подати и организовывало помощь населению. Кстати, если население начинало активно сопротивляться откупщикам налогов, Ранджит, проявляя мудрость, чаще смещал их, чем давал им в помощь солдат [Cunningham, 1903, p. 208]. Власти эффективно организовывали общественные работы — строительство каналов и колодцев (в мелких масштабах это всегда забота деревенской общины, но речь идёт о крупных объектах). Отмечу, что Панджаб — одна из наиболее засушливых стран Индии.

Казна поощряла расширение обрабатываемой территории и возделывание товарных сельскохозяйственных культур, сбыт которых производителями приносил ей налоговые поступления звонкой монетой. Например, на юго-западе страны держатели земли, если строили новые колодцы, были обязаны сеять не только зерновые, но и технические культуры — индиго, табак, шафран, налог с которых взимался деньгами. Типичная административная мера по развитию товарно-денежных отношений при экономике с натуральным характером. Так в конце XIX в. в Тедженском и Мургабском государевых имениях в Закаспийской области Российской империи обязательным условием

наделения участками оседавших на землю кочевников-туркмен будет возделывание хлопчатника.

Кроме земельного налога источниками дохода панджабской казны были монополия на добычу и продажу соли, таможенные пошлины, судебный сбор (*мохарана*), налог с ремесленников и торговцев, а также *назрана* — ценные подношения саркару по различным поводам. Денежными единицами в Панджабе служили золотой *мохар* (ходил мало), серебряная рупия *нанакшахи* и пайсы *мансури*.

Хотя пагубного воздействия междоусобиц мисалов на панджабскую экономику преувеличивать не следует, объединение страны, безусловно, способствовало её подъёму. Крупный голод в империи Ранджита случился только раз — в Кашмире в 1833 г.

Панджаб вёл обширную внутреннюю и внешнюю (включая транзитную) торговлю — как продукцией сельского хозяйства, так и ремесленными изделиями. Лахор и Мултан были крупнейшими центрами хлопчаточества (Лахор также — оружейного производства), в Султанпуре производили шёлк грубых сортов, в Гуджрате — вышитую одежду и оружие, в Сиалкоте — шёлковую бумагу, в Дера-Гази-хане — ножевые изделия и ткани и т.д. В Дера-Гази-хане (по отзыву Бёрнса) из привозного среднеазиатского шёлка изготавливали ткани, считавшиеся лучшими по качеству в Индии. Вообще в империи Ранджита было до ста крупных городов, и все они выступали центрами торговли, а многие — и производства. Важнейшим был Амритсар: благодаря сикхам он затмил и Лахор и Мултан.

Из-за относительной слабости связей сельской общины с рынком внешняя торговля Пятиречья была значительнее внутренней. На запад и северо-запад, в страны Среднего Востока и Средней Азии, Панджаб вывозил хлопок-сырец, индиго, хлопчатобумажные и суконные ткани, знаменитые кашмирские шали, оружие (луки со стрелами, сабли, мушкеты), шкуры, пшеницу, рис, масло, сухофрукты, сахар; на восток и юг, т.е. в другие страны Южной Азии, — то же самое плюс верблюдов и лошадей транзитом с запада; на север, в Ладакх и Тибет, — мушкеты и лошадей. Масштабный вывоз тканей из Панджаба неудивителен: до XIX в., пока эстафету не перехватила промышленная Великобритания, именно Индия была «мастерской мира» по производству хлопчатобумажных тканей. И хотя основными центрами хлопчаточества здесь выступали прибрежные страны — Гуджарат, Тамилнаду, район Маччхлипаттана и Бенгалия, один из второстепенных «сгустков» ремесленного производства находился как раз в Панджабе. Экспорт оружия из Индии тоже был традиционным: ещё Фирдоуси в *Шахнаме* постоянно упоминает индийские клинки, индийский булат (кстати, есть версия, что истинной целью «хождения» Афанасия Никитина в Индию в XV в. было выведать технологию изготовления такой стали).

Ввозил Панджаб британские хлопчатобумажные ткани, металлы, европейские металлические изделия, пряности, фрукты, серу, краски из Европы и Хорасана, чай из Китая (через Тибет и Яркенд) и лошадей из Ирана и Средней Азии. Как известно, лошади в индийском климате не размножаются, поэтому их ввоз всегда был очень актуален и контроль над этой статьёй импорта приносил доход и военную силу.

Оживление экономики страны благотворно влияло на сопредельные регионы Индии. Городам Гангской долины (во владениях Ост-Индской Компании) оно помогло преодолеть негативные последствия третьей англо-маратхской войны 1817–18 гг. и начинавшееся падение потребления знати в княжестве Авадх, а также способствовало возрождению сельского хозяйства Западного Хиндустана [Bauḷy, 1983, p. 204–205].

Ранджит содействовал развитию торговли с помощью того, что мы назвали бы элементами протекционизма: например, пошлины с британских купцов были выше, чем с панджабских; с помощью умеренных пошлин поощрялся экспорт мултанских шелков в Хорасан. Как все империи в мировой истории, единый Панджаб (установленный в нём порядок назовём *Pax Ranjítica*) обеспечил безопасность передвижения, что само по себе способствовало развитию торговли. Если в период мисалов каждый владетель считал своим долгом создать собственные таможи (плата была невысока, но взималась через каждые 10–20 миль), то Ранджит такие барьеры отменил (хотя таможи в его империи существовали на границе каждой субы и даже города).

Долгая эпоха правления Ранджит Сингха отмечена и некоторым расцветом культуры. Как почти всякий видный правитель, как гуру Гобинд в ранней сикхской истории, Ранджит покровительствовал наукам, литературе и искусствам своей страны.

Именно при Ранджите у сикхов возникла своя живопись — сикхская миниатюра. Через могольскую и раджпутскую школы миниатюры она восходит корнями к знаменитой персидской миниатюре. Непосредственной же предшественницей сикхской миниатюры была пахарская миниатюра — живопись горных районов Панджаба и Джамму XVIII в. На миниатюрах часто изображали самого саркара, членов его семьи, придворных, любовные сцены. Ранджита, как сикхских гуру и могольских шахов, изображали с нимбом вокруг головы (см., например: [Singh Kh., 1985, илл. после р. 48]). О панджабском искусстве можно судить и по фрескам во дворце Ранджита Шишмахал («Шесть дворцов») в Лахоре, дворце в Рамбаге, Амритсаре, особнякам знати. Саркар, его сыновья и придворные своими заказами давали средства к существованию художникам, которые больше не могли найти работы при обедневшем могольском дворе в Дели. Ранджит отреставрировал многие здания и сады могольской эпохи и построил новые. Покровительствовали искусству и сардары.

В Лахоре жил и работал официальный придворный летописец — Лала Сохан Лал Сури, автор исторической хроники *Умдат-ут-таварих*, «Суть истории» [Suri, 1961]. Эта летопись — единственное фарсиязычное сочинение первой половины XIX в. о событиях в Панджабе. Были и другие историки. Так, Рам Сукх Рао по заказу Фатех Сингха Ахлувалиа написал на панджаби сочинения о прославленном основателе семьи Джасса Сингхе, его преемнике Бхаг Сингхе и самом Фатех Сингхе. При захвате Пешавара саркар дал специальное указание Хари Сингху Налве спасти библиотеку в местечке Чимкини. Узнав, что печатная версия Гуру Грантх стоила бы всего 20 рупий (рукописные копии ходили по цене 100–200 рупий), Ранджит в 1835 г. дал добро на печатание священного писания (шрифтом гурмукхи, естественно) в типографии американской пресвитерианской миссии в Лудхиане. Там же были составлены и опубликованы первые словарь и грамматика панджаби.

При дворе Ранджита творил известный мусульманский поэт Саид Мухаммад Хашим, стихи которого отличаются лаконичностью и образностью. Например, его перу принадлежит баллада об отце саркара Махан Сингхе (на панджаби). Другой видный поэт Панджаба той эпохи — Ахмад Яр (1768–1848), который по заказу Гулаб Сингха написал исторические сочинения на фарси *Фатухат-и-хальса* («Победы хальсы») и *Шаханги-нама* («Книга о правителе»), прославлявшие Ранджита. Ещё один поэт, Кадир Яр (1802–92), сочинил балладу о Хари Сингхе Налве. Существование единой и независимой Панджабской империи подняло престиж панджаби, дало дальнейший импульс его развитию как литературного языка. Одним из заметных жанров, в котором творили поэты, был *бир-кавья* — жанр героической поэмы; в панджабскую литературу проникли жанры из фарси- и урдуязычной поэзии — *газель*, *маснави*, *рубайи*. По заказу саркара на панджаби были переведены классические санскритские и персидские сочинения и ряд работ с английского и французского.

Ранджит поощрял и распространение грамотности и образования. Так, он основал ряд учреждений и материально помог уже существующим — включая мусульманские *мадраса* и индуистские *патхшалы*. Саркар даже создал центр каллиграфии урду. Для собственных сыновей он пригласил христианского миссионера — обучать английскому (хотя не позволил ему учить их основам христианства). Несколько сардаров по указанию Ранджита обучались у европейских специалистов хирургии, инженерному делу, оружейному производству и т.д. Ещё нескольких он отправил на британскую территорию, в Лудхиану, выучить английский и французский; туда же послали некоего Рам Сингха учиться печатному делу.

Создание Ранджит Сингхом мощной армии европейского образца — один из самых ярких примеров модернизации политий афро-азиатского мира под

впечатлением достижений Европы, когда эта модернизация была инициирована не колонизаторами, а собственным правителем политики. В истории Южной Азии в одном ряду с Ранджитом стоят раджа южноиндийского княжества Траванкур Мартханда Варма (правил в 1729–58), наваб Бенгалии Мир Касим (правил в 1760–64), Мадходжи Шинде и некоторые другие маратхские сардары второй половины XVIII в. и особенно правители Майсура периода узурпации (1761–99) — Хайдар Али и Типу Султан. Собственно, все эти правители — предшественники Ранджита на пути военной модернизации независимых индийских политий, он шёл по их стопам (и стоит последним в ряду). Все они (с разным успехом) создали армию европейского образца, массово закупали европейское вооружение, принимали на службу европейских офицеров-авантюристов для обучения солдат «иноземного строя». Если исходить из силы выкованной армии, то Ранджит Сингх среди них продвинулся, пожалуй, дальше всех.

Это не относится к политике централизации управления: в ней из всех индийских политий XVIII–XIX вв. лидировал Майсур. Хайдар Али и Типу Султан создали мощный административный аппарат, который впервые в истории Индии доходил до каждого крестьянина [Алаев, 1964, с. 280–281]. Если Моголы благодаря своей системе забт «взломали» уровень парганы, то майсурские правители сломали сопротивление землевладельческих групп уже на низшем, деревенском, уровне. К тому же Типу Султан ликвидировал крупное землевладение, отобрав в казну большую часть земель палаяккаров, а пожалования налоговых территорий заменил денежным жалованьем; даже пытался централизовать, замкнуть на самого себя торговлю, особенно внешнюю. Хотя Ранджит в Пенджабе и правил позднее Хайдара и Типу в Майсуре, управлял он в целом «по старинке», могольскими методами; доля джагиров в сикхской империи была высокой, достигая 40% налоговых поступлений [Grewal, 1999, p. 107].

Если Гобинд Сингх выковал из сикхов демократическую милитаризованную общину, то Ранджит Сингх спустя сто лет обучил их современному ведению войны. По ударной мощи держава Ранджита была сильнее, чем многие территориально более крупные политии Азии того времени, и не случайно он подчинил больше горных княжеств, чем все могольские шахи вместе взятые [Grewal, 1999, p. 104–105]. Регулярную армию Ранджита, которую к тому же тренировали наполеоновские офицеры, можно назвать вершиной имитации индийцами военных достижений Европы. Если же в поисках аналогий его военным реформам выйти за пределы Южной Азии, то на ум приходят и усилия в том же направлении османских шахов эпохи танзимата и каджарских шахов Ирана, и «политика самоусиления» в Цинском Китае (уже второй половины XIX в.), и военная составляющая реформ эпохи Мэйдзи в Японии (не говоря уж о преобразованиях Петра I в России). Однако анало-

гия Ранджиту, которая напрашивается сразу, — это паша Египта Мухаммад Али, его современник (правил в 1805–49) — известный реформатор, фактически независимый от Османского султаната правитель, основатель династии, правившей страной до 1952 г.

Держава Ранджит Сингха была одной из политий, которые британский индолог К. Бэйли назвал «параколониальными государствами». Этим термином он обозначил региональные политии, которые образовались при распаде неевропейских империй, уцелели в ходе мирового кризиса рубежа XVIII–XIX вв.¹ и консолидировались в первые десятилетия XIX в. благодаря возрождению мировой торговли и временной стабилизации границ колониальных империй. С колониальными политиями этого типа сближало установление контроля над кочевыми племенами и «пиратами»², создание торговых монополий для финансирования армий нового образца, устранение в некоторых из них прежних землевладельческих групп для обретения большего контроля правительства над сельскохозяйственным производством. Другими параколониальными государствами, по классификации К. Бэйли, были в Индии эмираты Синда, а за пределами Индии — Сиам, прибрежные провинции позднецинской империи, позднетокугавский режим в Японии, Каджарский Иран, Египет, Тунисский бейлик [Bauly, 1989, p. 228–229].

Возможность появления в XVIII–XIX вв. таких параколониальных политий, одной из главных характеристик которых было наличие современной армии европейского образца, хорошо объясняет концепция А.И. Фурсова о несовпадении субстанции и функции при капитализме. Поскольку функцию (организационные формы — бюрократия, армия, наука и т.д.) заимствовать значительно легче, чем субстанцию (производство капиталистического типа), в процессе географического расширения капиталистической мир-системы, а с середины XIX в. — мировой системы, функциональная капитализация мира значительно обгоняла субстанциональную; функцию довольно легко «оторвать» от субстанции и вынести за пределы капиталистической системы (см.: [Фурсов А., 1996, с. 24–32]). Панджаб был одной из стран, до которых волна субстанциональной капитализации мира ещё практически не докатилась (к середине XIX в. только в прибрежных районах Индии, которые британцы освоили в первую очередь, появились первые предприятия капиталистиче-

¹ Под мировым кризисом той эпохи К.А. Бэйли понимает революции и войны в Европе и Америке и беспокойное состояние Азии после распада империй Сефевидов и Моголов. Именно в это время достижения европейской военной революции получили широкое внедрение на Востоке. Это резко повысило военные расходы политий, вызвав небывалое давление на их финансы и особенно ударив по исламским и Цинской империям [Bauly, 2004, p. 89–91].

² Так европейцы называли правителей мелких политий, сочетавших торговлю с претензиями на монополию на насилие в определённой морской зоне.

ского типа), зато функциональная капитализация стала возможна — благодаря реформам Ранджит Сингха, прежде всего военной.

Возвращаясь к административной системе, подчеркну, что сикхский Панджаб при Ранджит Сингхе стал одной из политий-преемников Могольского султаната: структура и методы управления, характер отношений правителя со знатью, категории пожалований во многом копировали таковые общеиндийской империи, в которую когда-то входила Страна пяти рек в виде нескольких провинций. По иронии истории, в административном плане империя сикхов унаследовала и восприняла от их былых угнетателей очень многое, вплоть до языка делопроизводства. Всё же поторопился Гобинд Сингх, написав в *Фатехнаме*: «На густой земле нашей эта вода // От царства того не оставит следа». От гнёта Могольской державы сикхи освободились — но многое у неё заимствовали. Кстати, наследуя власть Моголов, Ранджит наследовал и пространство их власти в Лахоре: свою резиденцию Качери он возвёл в могольской крепости Шахи Кила, а дарбары созывал в мраморном павильоне Хазури Баг¹, на месте которого при Аурангзебе находилась площадь Абдар-хана, предварявшая вход в Падишахскую мечеть (Бадшахи Масджид) [Суворова, 2009, с. 247]. По сути сикхская империя первой половины XIX в. была последним из индийских преемников Моголов — и в том смысле, что возникла на обломках их державы позднее остальных политий, и в том смысле, что почти все прочие политии Индии с начала XIX в. уже находились в той или иной степени зависимости от Ост-Индской Компании (преемником Моголов правомерно называть её саму — но преемником уже европейским и уже на общеиндийском уровне, так как именно британцы вновь «собрали» распавшуюся империю).

VI.3. Личность Ранджит Сингха и его роль в сикхской истории

Саркар Панджаба был невысокого роста — 160–170 см, хорошо сложен, с длинными руками (что облегчало ему владение саблей), непропорционально большой головой и высоким лбом, носил усы и длинную бороду. Его лицо портили следы перенесённой в детстве оспы, а левый глаз из-за неё был почти закрыт (таким его и рисуют). Однако взгляд правого глаза, по отзывам видевших его европейцев, был пронизателен. А Факир Азиз-уд-дин на вопрос генерал-губернатора Окленда, который глаз у Ранджита слепой, сравнил

---

¹ Павильон Хазури Баг был построен при Ранджите, но по могольским образцам. Это здание относится к типу *барадари* — «двенадцать дверей» (для создания в помещении сквозняка, что в индийском климате очень актуально).

саркара с солнцем, уклончиво ответил: «У солнца же только один глаз. Величие и яркость его единственного глаза таковы, что я никогда не осмеливаюсь смотреть ему в другой глаз». Конечно, сделаем поправку на восточную лесть, но в этом ответе просматривается искреннее почитание своего повелителя. (Окленд за такой ответ подарил Азиз-уд-дину свои часы.)

Подробное описание внешности Ранджита оставил французский геолог и натуралист Виктор Жакмон, который в 1829–32 гг. проехал по Индии и в марте 1831 г. был очень тепло принят саркаром в Лахоре: «*Это человек небольшого роста, лицо его красиво, даже потеря левого глаза и следы перенесённой в детстве оспы не уродуют махараджу. Единственный его правый глаз удивляет своими большими размерами, нос правильной формы, слегка сгорблен. Очень красивый рот, великолепные зубы, небольшие усы, которые он имеет обыкновение постоянно крутить кончиками пальцев, длинная густая белая борода... На лице постоянно отражается подвижность мысли, тонкость ума и умение быстро и глубоко проникать в смысл слов собеседника*» (цит. по: [Каплан, 1979, с. 253–254]).

Объединить страну под своей властью Ранджиту помогли многие качества. Он, безусловно, отличался личной храбростью и был талантливым полководцем. Кроме того, был искусным дипломатом, умел ставить чёткие цели и методично их добивался. Никогда не признавал усталости, в седле мог находиться часами. При огромной амбициозности Ранджит обладал чувством реальности, практически безошибочно улавливал, какие цели достижимы, а какие — пока нет. Ранджит был «*пробным камнем и мерой для дел всякого рода*» [Suri, 1961, p. 515]. Это не просто льстивое замечание официального летописца, автора хроники *Умдат-ут-таварих* Лалы Сохан Лала Сури, но и искреннее восхищение исключительной проницательностью саркара.

Вместе с тем современники и историки отмечают корыстолюбие, алчность, недюжинную хитрость и даже коварство Ранджита. Как писал Жакмон отцу в феврале 1831 г.: «*Ранджит Сингх — старая лиса, по сравнению с ним самые ловкие наши дипломаты — невинные младенцы*» [Jasquemont, 1833, p. 362–363]. Прийти к власти ему, безусловно, помогла беспринципность: как мы видели из его отношений с сардарами многих мисалов, он был вероломен, нарушал союзы и без зазрения совести отнимал владения у правителей, чуть только те слабели. Достаточно вспомнить, как он обошёлся с Фатех Сингхом Ахлувалиа.

И всё же, стремясь к власти любой ценой, Ранджит не был ни кровожаден, ни злопамятен. По отзыву Жакмона, Ранджит был верен слову и справедлив только тогда, когда это ему выгодно, — но не жесток [Jasquemont, 1833, p. 376]. По отношению к поверженным врагам он обычно демонстрировал великодушие и жаловал их джагирами. Современники вообще отмечали щедрость Ранджита — а также мягкий характер его правления. Посетив-

ший его в 1831 г. Александр Бёрнс писал: «Я никогда не покидал азиата, находясь под таким впечатлением. Не имея образования и наставника, он ведёт все дела королевства исключительно энергично, но при этом использует свою власть так умеренно, как никто среди восточных правителей» (цит. по: [Gupta, V, p. 594]).

Распорядок дня у панджабского владыки был такой. Зимой вставал в 6 утра, простирался перед Гуру Грантх и выезжал на конную прогулку галопом. Утренние физические упражнения Ранджита обычно включали то, что мы бы назвали поднятием гири. В 8 часов делал смотр войскам или наблюдал за артиллерийской стрельбой (в седле или из хауды), после чего завтракал (рис, карри, сласти, молоко). В 9 утра созывал дарбар, часто в башне Лахорской крепости Самман Бурдж (где когда-то отсиживался Заман-шах), но нередко и на открытом воздухе. На дарбаре Ранджит слушал донесения, отдавал приказы и изучал финансовые отчёты (на слух). В 12 часов ел и час отдыхал. Затем слушал рецитацию Гуру Грантх, после чего совершал краткую прогулку по дворцу или Лахорской крепости. С 2.30 до 5.00 (или 5.30) полудни вновь собирал дарбар. Вечером его развлекали танцовщицы, в 7.30 обедал, в 9 вечера ложился спать.

Летней столицей (май – июнь) Ранджиту служил Динанагар (искажённое от «Адинанагар»: город основал в середине XVIII в. знакомый нам Адинабег). Ранджит имел обыкновение спать на свежем воздухе — в парке с каналом посередине, в открытой с одной стороны палатке из шалей. Летом вставал в 4.30 и смотр войскам производил уже в 6.00. Одевался просто — летом в белый муслин, зимой в шафранового цвета кашмирскую ткань.

На аппетит Ранджит не жаловался, но держал форму — благодаря ежедневным прогулкам верхом. Пищу для саркара готовили под надзором особого чиновника. Специальные служители пробовали эту пищу в присутствии Факира Нур-уд-дина. После этого за их состоянием наблюдали два часа (!), и если всё было в порядке, пищу клали в ёмкости с замками за печатью Нур-уд-дина и отправляли на стол Ранджиту. Так же с лекарствами: когда в 1826 г. британский врач приготовил ему лекарства, их сначала дали попробовать нескольким сардарам.

Ранджит, как сказано выше, очень любил выпить. Ему готовили весьма крепкие вина. По отзыву мисс Эмили Иден, европейцы на приёмах у саркара не могли проглотить такого вина более одной капли, а хозяин пил его как воду. Однако редко напивался вдрызг и всегда был вполне работоспособен уже на следующее утро после попойки. Конечно, так было до поры.

Саркар искусно владел саблей: мог на полном скаку разрубить лимон, который держал в руке воин, без всякого вреда для последнего. С юности Ранджит очень любил охоту (на кабанов, тигров), для чего существовало несколько заповедников, в том числе Кахнуван (те самые болота, где скрываются

лись сикхи перед Малой гхаллугхарой). Одной из страстей Ранджита были лошади: знал в них толк и тратил на их покупку до 25 тыс. рупий в год. В его личной конюшне стояло около тысячи лошадей [Maharaja Ranjit Singh, 1939, p. 229]. Многие из них были чистокровными арабскими скакунами. Ездил саркар обычно на очень крупных конях, поэтому его туда поднимали: он садился на спину склонившего колени человека слева от коня, тот вставал, Ранджит хватал гриву и перебрасывал через спину коня правую ногу, которую другой слуга вдевал в стремя. Также он очень любил ручных голубей и обезьян, кормил их из собственных рук. Нередко можно было видеть, как голуби сидят у него на голове и плечах. Любил прогулки на крытых лодках по Рави.

Ранджит отличался очень острым умом и великолепной памятью. Выше отмечено, что он долго держал в памяти все статьи дохода и расхода своей империи. Помнил он по именам всех важных чиновников своей империи, всех своих лошадей, слонов, охотничьих собак, названия всех пушек (у каждой было своё имя, как бывает у судов или — в начале истории авиации — у самолётов). Многие европейские гости Ранджита отмечали, что он был исключительно любопытен и обрушивал на них буквально ливень вопросов самого разного характера. Сэру Чарлзу Меткафу генерал-губернатор Бентинк писал о Ранджите из Ропара: «Он хитрец, задаёт множество неудобных вопросов, не пропускает ни единой мелочи и, очевидно, полностью контролирует свои дела» [Cavendish Bentinck, 1977, p. 703]. Виктор Жакмон отметил, что разговор с Ранджитом — кошмар, пояснив, что саркар сикхов очень выгодно выделяется на фоне вообще нелюбознательных индийцев. Ранджит засыпал Жакмона вопросами о международном положении в Европе, о жизни Наполеона, о христианских представлениях о рае и аде, о боге и душе.

Вместе с тем Ранджит, как мы видели, был исключительно суеверен, перед важными начинаниями непременно советовался с астрологами. Такие жребии, как по поводу Холкара в 1806 г. (две бумажки, засунутые в Гуру Грантх), тянули часто.

Выше упомянуто о нетрадиционной половой ориентации панджабского монарха. Вместе с тем у него насчитывалось до 46 жён и много наложниц. Внутренний гарем Ранджита «состоял главным образом из политический жён» [Gupta, V, p. 561]: ядро зананы формировали родственницы знатнейших сардаров Панджаба, на которых он женился ради укрепления монаршей власти. Так, Ранджит взял в жёны вдову Сахиб Сингха — разбитого им главы мисала Бханги. Наложниц Ранджит выбирал, когда им было 11–12 лет, а по достижении уже 18–20 лет им давали джагир и отсылали от двора. Занану свою Ранджит оберегал ревниво. Так, однажды какой-то человек вздумал заглянуть внутрь женских покоев дворца, вскарабкавшись на дерево манго. Его схватили, отрезали нос и уши, и через несколько часов он скончался. Содержал Ран-

джит и много танцовщиц, которые развлекали его, придворных и гостей на приёмах. Их насчитывалось 150 человек.

Двор Ранджита поражал современников роскошью. По свидетельству помощника А. Бёрнса — кашмирца Моханлала, который в 1831 г. побывал при дворе персидского шаха, двор панджабского саркара значительно превосходил его пышностью и величием. Зал монарших приёмов в Лахоре был не менее роскошным, чем диван-и-ам в Красном форте Дели при Шахе Джахане и Аурангзебе (если не считать большие размеры могольского двора и наличие Павлиньего трона) [Gupta, V, p. 543]. Пол в дарбаре устилали дорогими коврами из шали. В Туркестане жители многих районов даже считали, будто Ранджит Сингх — единственный монарх Индии: такая громкая о нём шла слава.

Несмотря на роскошь двора, сам Ранджит одевался скромно, а из драгоценностей носил только жемчужное ожерелье. Иногда, правда, не отказывал себе в удовольствии похвастаться, что владеет «Кох-и-нором», и надевал бриллиант на запястье правой руки (например, на встречу с Бентинком в Ропаре). Однако от придворных Ранджит неизменно требовал являться на дарбар в богатых одеяниях, благодаря чему иностранные гости и уезжали под большим впечатлением. Когда сардар Шам Сингх Атаривала приехал ко двору без жемчужного ожерелья, которое было на нём за день до того, Ранджит спросил о причине. Сардар отвечал, что ювелир запросил 70 тыс. рупий, а у него есть только половина денег. Ранджит тут же приказал выдать сардару полную сумму, чтобы на следующий день тот явился ко двору как подобает. Любимым цветом Ранджита был (в противоположность Шекспиру) жёлтый, и придворные часто носили одежду этого цвета. Психолог сказал бы: тяга к жёлтому выдаёт жизнерадостность саркара. Сидел он на приёмах (скрестив ноги) в золотом кресле.

Выше сказано, что трон Ранджит не пользовался принципиально; однако в 1820-е годы золотых дел мастер Хафиз Мухаммад Мултани изготовил для него роскошное кресло из дерева, покрытое золотыми пластинами с искусной резьбой. Сиденье представляло собой два слоя (искусственных) лепестков лотоса: согласно индуистским верованиям, этот цветок обычно служит сиденьем или ложем богам. Вместе с тем кресло было восьмиугольным — в подражание могольским образцам. Впрочем, чаще Ранджит демократично сидел на полу на покрытом подушками ковре.

Ранджит Сингх был полновластным монархом своей империи, которую сам и построил. Однако, делая поправку на демократические традиции единовременцев, он мудро не выпячивал собственную личность. Ранджит был владыкой сикхов скорее по сути, чем по форме, и всё время подчёркивал, что правит от имени хальсы. Его правительство называли *саркар хальсаджи*, а двор — *дарбар хальсаджи*. Обыгрывая своё имя, Ранджит любил говорить,

что он — всего лишь военный барабан (*Ранджит Нагара*) Гобинд Сингха, а одерживаемые сикхами победы принадлежат не ему, а сикхскому народу или гуру.

Ранджит подчёркивал свою внешнюю покорность хальсе. Так, когда ниханги возмутились, что он сделал своей любовницей танцовщицу-мусульманку Моран, вызвали его в Амритсар и обвинили в нарушении правил поведения сикха, Ранджит приехал и смиренно просил прощения у всего собрания. Лидер нихангов Пхула Сингх (тот, что как-то обозвал Ранджита слепым негодяем) заявил, что он достоин наказания — сотни ударов плетью. Ранджит с готовностью обнажил торс, и его привязали к стволу тамаринда. Собравшиеся прослезились, а Пхула Сингх сказал: «*Ранджит Сингх согласен понести наказание. Но вместе с тем он наш правитель. Поэтому предлагаю нанести лишь один удар в знак его покорности обыгаям*». Так и сделали, после чего саркара отвязали и он низко поклонился собранию.

Таким образом, Ранджит был правителем весьма гибким, что проявлялось прежде всего в отношении опоры его власти, правящей религиозной общины страны — сикхов хальсы. Кстати, при нём содержание термина хальса по сути изменилось. Хальсой продолжали (и продолжают поныне) называть общину последователей гуру Гобинда, но под этим термином всё чаще понимали империю Ранджита, а в более узком смысле — её армию. Последнее неудивительно, учитывая, что хальса Гобинд Сингха сама была общиной воинов. Что касается полновластия Ранджита, достаточно сказать, что уже после 1805 г. он прекратил в Амритсаре вековую практику гурмата (вспомним, что началась она с решения пяти соратников Гобинда в 1704 г. в Чамкаура). Вернее, гурмата при Ранджете сохранилась, но обсуждаемые на сарбат хальса вопросы носили чисто религиозный характер.

Многие историки подчёркивают секулярный характер власти в империи Ранджита. Несмотря на то что монарх и более половины солдат и офицеров его армии были сикхами, а теоретически верховная власть принадлежала хальсе, политией теократического типа Панджаб при Ранджете не был (в отличие от политики сикхских гуру конца XVI — начала XVIII в.). Саркар не претендовал на духовную власть даже над своими единоверцами (а они, как мы видели, составляли меньшинство населения). Многие представители правящего слоя (министры, знать) были для сикхов иноверцами. Так, Факир Азизуддин и его братья были мусульманами, Дхиан Сингх и его братья, диван Дина Натх — индуистами. Выступая в своей ипостаси верховного судьи, Ранджит был совершенно беспристрастен к сикхам и адептам других религий. Он покровительствовал всем религиям своей империи: посещал и гурдвары, и индуистские храмы, и мечети, места паломничества сикхов, индуистов и мусульман, участвовал в их праздниках, почитал святых людей всех трёх религий — до того, что иногда сметал собственной бородой пыль с их ног (как

собирался сделать гуру Рам Дас в отношении сына Нанака Шри Чанда)¹. Не случайно Ранджит выбрал своей столицей не религиозный центр сикхов Амритсар, а традиционную административную столицу Панджаба Лахор, пользовавшийся престижем как центр провинции ещё с домогольского времени.

Неудивительно, что все три религиозные общины смотрели на Ранджита как на покровителя. Когда он несколько раз тяжело болел, за него молились в храмах всех трёх религий. Сикхские историки подчёркивают, что Ранджиту никогда не изменил ни один мусульманский военачальник или придворный. Показательно и то, что автором поэмы о первой англо-сикхской войне, где Ранджит вспоминается с любовью, был поэт-мусульманин Шах Мухаммад.

Коли речь зашла о святых людях, следует сказать, что Ранджит с большим уважением относился к потомкам сикхских гуру — членам касты кхатри из готов беди (потомки Нанака, точнее, его младшего сына Лакхми Даса), трехан (потомки Ангада), бхалла (потомки Амар Даса) и содхи (потомки Рам Даса и остальных гуру). Все вместе они уже составляли внушительное потомство гуру, гордились своим происхождением, были окружены почётом и занимали видные позиции в обществе, подобно тем, какие в исламском мире занимали *сайиды* — потомки пророка Мухаммада. Многие из них были хранителями святынь, постоянно принимали дары, которые им как потомкам самих гуру с почтением подносили благочестивые единоверцы. Одним из таких единоверцев был и Ранджит Сингх, даровавший им немало джагиров. Потомков Нанака он, кроме того, пожаловал монопольным правом торговать в Маджхе. Потомство сикхских гуру пользуется в общине огромным уважением и поныне. Материальными милостями саркар осыпал и представителей течений сикхизма, которые держатся особняком, — нихангов, удаси, нирмала.

---

¹ Зная почтение Ранджита к садху, один из них по имени Харидас продемонстрировал ему своё феноменальное умение впадать в длительный транс под землёй и по истечении установленного срока приходить в себя живым и невредимым. В присутствии саркара и двора Харидас наполнил уши и ноздри воском, завернул язык глубоко в рот и впал в нечто вроде глубокого сна. Его завернули в ткань, запечатав печатью саркара, поместили в ящик, который заперли и тоже запечатали. Ящик зарыли в саду на десять месяцев, посадили на этом месте ячмень и поставили часовых. До истечения срока Ранджит дважды приказывал раскопать ящик — убедиться, что садху на месте. Наконец в присутствии саркара, сардаров и британского политического агента Уэйда ящик вырыли. Ранджит сам сломал печати. Тело Харидаса было холодным, пульс не прощупывался, волосы и ногти не росли. Ему полили на голову тёплой воды, растёрли тело и вынули воск из ушей и ноздрей. Харидас задышал, губы ему смазали *гхи* (сливочным маслом), сердце слабо забилося. В течение двух часов садху полностью пришёл в себя. Ранджит щедро наградил его [Singh H., 1980, p. 71–72].

Ранджит добросовестно исполнял предписания своей религии, в походы всегда брал по экземпляру Гуру Грантх и Дасам Грантх, для которых выделил особый военный эскорт со знамёнами. По экземпляру обеих священных книг было в каждом полку. Даже министры Ранджита возили с собой копии. Сады Амритсара он назвал Рамбаг в честь гуру Рам Даса, а крепость Амритсара — Гобиндгарх («Крепость Гобинда»). Ранджит постоянно подносил богатые подарки Хари Мандиру и другим гурдварам, тратил на их содержание до 20 лакхов рупий в год. Умирая, он послал великолепных коней в дар гурдваре в Нандерхе (на месте гибели Гобинд Сингха) и даже «Кох-и-нор» порывался пожертвовать Хари Мандиру (или индуистскому храму Джаганнатха в Пури, который тоже весьма чтит). Однако казначей отклонил идею, потому что этот бриллиант был тем, что в европейских государствах называют драгоценностями короны; кроме того, саркару объяснили, что подарок бессмыслен, ибо никто не будет в состоянии его у храма купить — для этого не хватит доходов всей Индии.

Вместе с тем Ранджит щедро жертвовал и в пользу индуистских и мусульманских святынь: на их долю приходилось не менее 40% всех жалуемых религиозным учреждениям средств [Grewal, 1999, p. 115]. Так, за счёт казны была отремонтирована гробница мусульманского святого Хазрат Дата Гандж Бахш; джагир с годовым доходом в 2,5 тыс. рупий был пожалован гробнице суфийского пира Бахавал Хака в Мултане [Data, 1986, p. 177]. А однажды Ранджит купил у мусульманского каллиграфа экземпляр Корана за огромную сумму в 10 тыс. рупий, после чего попросил Факира Азиз-уд-дина прочесть оттуда несколько строчек и перевести их на панджаби. Выслушав, саркар заметил, что Коран и Гуру Грантх мало расходятся по данному предмету.

Поддерживая репутацию щедрого правителя, который заботится о своих подданных-бедняках, занимался Ранджит и благотворительностью: имел обыкновение каждый вечер класть под подушку 100 рупий, которые наутро распределяли среди бедных — независимо от вероисповедания. Милостыню от имени саркара раздавали по многим случаям (религиозные праздники, семейные торжества и др.). Рассказы о щедрости Ранджита вошли в панджабский фольклор, где он занимает такое же место, какое в фольклоре Северной Индии занимает наваб Авадха Асаф-уд-даула (правил в 1775–97).

Индийские историки любят проводить параллель между веротерпимой политикой Ранджит Сингха и могольского шаха Акбара в XVI в. В самом деле, в религиозной политике у них было много общего, а целью этой политики было максимально прочное объединение страны. В отличие от периода мисалов, когда сикхские сардары брали в свою армию только единоверцев, Ранджит зачислял всех желающих независимо от религии, этноса и касты.

С секулярным характером политики Ранджита тесно связан принцип меритократии, которым он руководствовался при комплектовании своего чинов-

ничьего аппарата и армии. Исходно благоприятные возможности, конечно, имело родовитое сикхское сардарство, но меритократия тоже играла большую роль. При этом у Ранджита был исключительно ценный для правителя (тем более строителя империи) дар хорошо разбираться в людях, благодаря чему он и окружил себя компетентными военачальниками и эффективными администраторами. Продвижение по службе у Ранджита сравнительно мало зависело от социальных (включая кастовые) и религиозных различий. Талант сикхского владыки отбирать и приближать способных людей независимо от религии отмечали в своей переписке чиновники Ост-Индской Компании, например сэр Чарлз Меткаф в 1831 г. [Cavendish Bentinck, 1977, p. 630]. Пото-му-то и смог простолюдин Михан Сингх дослужиться до полковника, мусульманин Факир Азиз-уд-дин — стать министром иностранных дел сикхской империи, а индуисты Бхавани Дас и Дина Натх — её казначеями (как индуист Тодар Мал в 1580-е годы был вазиром Акбара). В полиции, судах и ведомстве снабжения насчитывалось 92 высокопоставленных чиновника-мусульманина [Sood, 1968, p. 85].

Понимая важность меритократии для эффективности функционирования империи, Ранджит преследовал и другую цель: во многом поощрял продвижение несикхов по службе для того, чтобы иметь противовес сикхскому сардарству. Не случайно во главе армии стоял индуист — Мохкам Чанд, затем Диван Чанд. Ранджит верно рассудил, что если главнокомандующим сикхской армии сделать тоже сикха, этот пост может ввести его в соблазн совершить переворот (тем более что назначить пришлось бы кого-то из знатных сардаров, а родовитостью многие из них как минимум не уступали династии мисала Сукарчакиа).

Бросается в глаза, что сикхи в империи Ранджита преобладали в армии (офицерство и рядовой состав), а мусульмане и индуисты — в административном аппарате. Причина заключалась не только в сознательном курсе саркара на *divide et impera*, но и в том, с чем пришла к началу XIX в. та или иная конфессиональная община Панджаба. Несколько упрощая ситуацию (и оставив за рамками опыт земледелия — в аграрном обществе он был у всех), можно сказать, что исторический опыт сикхов был по преимуществу военным, а опыт мусульман и индуистов — по преимуществу управленческим, торговым и ремесленным (мусульмане тоже обладали значительным военным опытом, но с падением Моголов и афганцев мусульманская **военная** знать отошла на второй план). Не случайно финансами сикхской империи ведали индуисты-купцы Рамананд и Бхавани Дас. Не случайно во главе её дипломатической службы стоял мусульманин — тонкий знаток фарси. Не случайно мусульманским ремесленникам, предки которых строили ещё для Моголов, саркар поручил возведение в Амритсаре крепости Гобиндгарх и стены вокруг города.

В историографии Ранджит Сингха подчас называют одним из лучших правителей в истории Индии, и, похоже, это верно. Правда, иногда индийских историков «заносит». Так, поскольку Ранджит руководствовался идеями секуляризма и предоставления равных возможностей, его биограф Д.Р. Суд строго назвал его *«истинным строителем нации в зародыше»* [Sood, 1968, p. 105]. Конечно, это большое преувеличение. Нация возникает при ином способе производства и совсем в иных исторических условиях; сикхская империя была типичной патримониальной политией Востока. К тому же, как отметил В.И. Кочнев, предпосылки консолидации народов Панджаба при Ранджете только намечались: ведь была недостаточно развита социально-экономическая основа для объединения [Кочнев, 1968, с. 56]. Тем не менее деятельность Ранджита (прежде всего строительство крупной армии, но также, например, некоторые экономические меры в духе протекционизма) в самом деле способствовала сплочению панджабского этноса в целом и его сикхской части в особенности, осознанию их членами особой общности. Не будем забывать и того простого факта, что за много веков в лице Ранджита *«Панджабом впервые правил настоящий правитель-панджабец»* [Duggal, 2001, p. 119].

Х.Р. Гупта идёт ещё дальше: *«Грубо говоря, королевство Ранджит Сингха было своего рода республикой с популярным пожизненным президентом»* [Gupta, V, p. 596]. Саркар действительно правил, прислушиваясь к мнению подданных, сикхская хальса с её демократическими традициями сохранялась, но единоличного характера его власти и патримониального характера политики это не меняет. Несколько ближе к истине другое высказывание Х.Р. Гупты — о том, что режим Ранджита был просвещённым деспотизмом [Gupta, V, p. 400]. Помня, что этот исторический феномен был этапом развития совершенно иной формы политики — западноевропейского государства в XVIII в., применительно к империи Ранджита этот термин в целом использовать можно, но только как метафору, учитывая мягкий характер его правления и покровительство наукам и искусствам.

Сжатую и точную характеристику империи Ранджита дал известный британский индолог Винсент Смит: *«Панджабское государство не было ни традиционным индийским территориальным государством и монархией, ни диктатурой одного сообщества над другим. Существовал элемент партнёрства с другими сообществами. Ранджит не притязал на деспотическую власть традиционного монарха над собственными сикхами. В известной мере он был выборным вождём и, подобно Августу Цезарю, всегда остерегался заходить в своих притязаниях слишком далеко»* [Smith, 1964, p. 613]. Практику гурмата Ранджит прекратил не только ради укрепления личной власти, но и понимая, что всему населению Панджаба волю сикхского меньшинства навязывать опасно.

И всё же, хотя сикхская полития вскоре погибнет от внешнего вмешательства, в ней исходно были заложены мощные факторы саморазрушения: суще-

ствование враждующих группировок знати (в том числе разных по этнической принадлежности), резкие различия в социально-экономическом развитии составных территорий, но прежде всего — сугубо личный характер власти саркара.

«Дым с его погребального костра был сигналом к анархии» [Bruce, 1969, p. 14].

Индийский историк Х.Р. Гупта высказал интересное предположение: Ранджит мог предусмотреть спасение Панджаба после своей смерти (т.е. исключить возможность англо-сикхских войн и поглощения страны британцами), разделив свою империю на несколько частей и связав их с Ост-Индской Компанией договорами о протекторате. По этому сценарию Панджаб оказался бы поделён на уделы между сыновьями Ранджита, его внуком Наунихал Сингхом, раджами-дограми и (отдельно) сыном Дхиан Сингха — Хира Сингхом, к которому Ранджит благоволил особо. Половину армии разделили бы между этими княжествами, а половину убедили бы войти в состав армии Бенгальского президентства Ост-Индской Компании (привлекая солдат регулярным месячным жалованьем, перспективами продвижения по службе и пенсиями). По мнению Х.Р. Гупты, при таком развитии событий сикхские княжества Лахор, Мултан, Пешавар и другие сохранились бы до XX в. (как Патиала, Набха, Джхинд), причём этот план не мог бы не понравиться британцам, так как он расширял Британскую империю до Хайберского прохода одним росчерком пера. Предположение любопытное, но Х.Р. Гупта сам убедительно показал, что такой план был нежизнеспособен. Препятствиями были вражда внутри семьи Ранджита (неприязнь Наунихал Сингха к своему отцу Кхарак Сингху, а другого сына саркара, Шер Сингха, — к ним обоим), разногласия в правительстве (Факир Азиз-уд-дин, Дина Натх и Джамадар Хушхал Сингх боролись с Дхиан Сингхом), повиновение армии лично Ранджиту (его сыновья не имели среди солдат большого влияния, да и сама идея раздела Панджаба не нашла бы в армии поддержки — как и у сыновей и министров), ухудшающееся здоровье саркара и наличие мощного внешнего врага [Gupta, V, p. 598–599]. Однако дело даже не в этом. Едва ли величайший собиратель земли панджабской мог помыслить о том, чтобы собственными руками разрушить цель своей жизни.

Ранджит Сингх — одна из центральных фигур сикхской истории, сопоставимая, пожалуй, лишь с гуру Нанак, Арджаном, Харгобиндом и Гобинд Сингхом, да ещё Банда Бахадуром и Джасса Сингхом Ахлувалиа. В XX в. он по значимости для жизни общины сравним разве что с тремя-четырьмя политическими деятелями (см. Заключение) и выдающимся поэтом, писателем и просветителем Бхаи Вир Сингхом. Период правления Ранджита (1799–1839) остался в истории сикхской общины «золотым веком», эпохой её наивысшей военно-политической мощи и временем подъёма сикхской культуры.

Ранджит был личностью поистине незаурядной. Выковать империю ему помог целый комплекс качеств: личная храбрость, полководческий талант, дар отбирать таланты, упорство в достижении поставленных целей, щедрость к друзьям и великодушие к павшим врагам, некоторое пренебрежение к внешним атрибутам власти и известный демократизм — хотя в то же время коварство, вероломство и беспринципность.

Роль Ранджит Сингха в сикхской истории заключается в том, что он сумел не только собрать под своей властью (в конечном счёте — под властью сикхской общины) весь Панджаб, но и превратить его в обширную империю, выковать боеспособную армию европейского образца и восстановить в стране могольскую административную систему, которую в XVIII в. изрядно расшатали усобицы имперской знати, вторжения афганцев и партизанская война самих сикхов. Установление в Северо-Западной Индии *Pax Ranjitica* прекратило бесконечные войны мисалов и способствовало дальнейшему подъёму экономики. Ранджит вовсе не был единственным индийским правителем, который в управлении страной и отборе кадров придерживался принципов секуляризма и меритократии; так поступали большинство правителей индийских княжеств XVIII–XIX вв. Однако в его империи эти принципы проявились, пожалуй, наиболее отчётливо — настолько, что в XX в. политики сикхской партии Акали Дал будут считать империю Ранджита идеалом светского государства.

Выше (см. VI.1) я наметил параллель между Ранджит Сингхом и его современником Наполеоном Бонапартом. Однако намного ближе Ранджиту другая фигура — из истории Китая: Цинь Ши-хуанди, первый император первой общекитайской империи Цинь (правил в 221–210 гг. до н.э.). В обоих случаях одно из воюющих друг с другом княжеств постепенно поглощает все прочие, образуя империю. Период мисалов в панджабской истории уместно сравнить с периодом Чжаньго («Сражающиеся царства», 469–221 гг. до н.э.) в китайской истории, когда друг с другом боролись семь царств-гегемонов. И как китайская империя Цинь быстро пришла в упадок при слабых преемниках Ши-хуанди и погибла (восстание Лю Бана), так и панджабская империя Ранджита придёт в упадок после его кончины — хотя смертельный удар нанесёт враг извне.

В истории самой Индии напрашивается параллель между Ранджит Сингхом и лидером маратхского движения Шиваджи Бхосле в XVII в. Тот тоже был **одним** из многих вождей — глав землевладельческих кланов (*дешимухов*), которых подчинял одновременно с сопротивлением Моголам, сделавшись в конце концов (1674 г.) чхатрапати всех маратхов.

Французский путешественник Виктор Жакмон метко назвал Ранджита «Бонапартом в миниатюре». Ещё вернее назвать его Акбаром в миниатюре. Саркар сикхов во многом шёл по стопам этого выдающегося могольского

шаха — в организации управления, в религиозной терпимости, в проведении в жизнь принципа меритократии (не говоря уже о многочисленных завоевательных походах, на которых в случае Акбара те историки, кто подчёркивает его положительные стороны, останавливаться не очень любят).

Ранджит Сингх — не только собиратель земли панджабской, но и модернизатор армии: Иван Калита и Пётр Великий сикхской истории в одном лице. С Петром его в историографии сравнили ещё при его жизни, найдя сходство в любознательности, внимании к деталям и упорстве в достижении целей [Prinsep, 1836, p. 310]. Проводя параллель с ещё одним деятелем русской истории, можно сказать: Ранджит принял Панджаб в виде набора ослабленных усобицами княжеств, а оставил единой империей с одной из самых сильных армий в Азии (да и в мире).

Однако даже в период наивысшего могущества этой империи в ней дремали ждавшие своего часа центробежные тенденции. К тому же к востоку, за Сатледжем, находился мощный и хищный сосед.

Империя Ранджит Сингха пережила его всего на десять лет.

ГЛАВА VII

Схватка двух львов: Сикхи против британцев (1839–49)

VII.1. Усобицы и цареубийства (1839–45)

Преемником Ранджит Сингха стал его слабовольный и избалованный старший сын Кхарак Сингх. Церемония его восшествия на престол (чтобы не говорить «коронация» — в Индии этого европейского понятия не было, как и корон у правителей) состоялась 1 сентября 1839 г., через два месяца после смерти великого саркара. Кхарак дважды в день курил опиум, отличался ленью, а «в политике был нулём» [Видьявачаспати, 1956, с. 225]. Как отозвался о Кхараке ещё в 1837 г. британский генерал сэр Генри Фэйн, принц выглядел так, «как если бы курил день и ночь и вместе с дымом выкурил (*smoked away*) весь свой ум» (цит. по: [Chopra B., 1969, p. 15]). Правда, в то же время он питал склонность к молитвам и обществу святых людей. Однако главное в том, что в отличие от отца новый саркар Панджаба почти не интересовался своей прямой обязанностью — управлением страной. По убийственной характеристике Х.Р. Гупты, Кхарак Сингх «был посредственностью и окружал себя людьми, уступавшими ему по казествам, — чтобы те удовлетворяли его эго» [Gupta, V, p. 261].

Вазир Дхиан Сингх и другие сардары поспешили получить гарантии сохранения своего положения. По их настоянию новый саркар поклялся на Гуру Грантх, что оставит их джагиры в неприкосновенности. Дхиан начал заирать власть при безвольном правителе. Однако не обошлось без борьбы.

Вскоре главным советником Кхарак Сингха стал родственник его любимой жены 20-летний Чет Сингх Баджва. Дхиан Сингху, конечно, не понравилась возвышение Баджвы, тем более что тот не делал тайны из намерения отнять у догра пост вазира. Тогда Кхарак запретил вазиру входить в свою занану (этой привилегией Дхиан пользовался при Ранджите). Гулаб Сингха саркар вскоре обвинил в казнокрадстве.

Тогда Дхиан Сингх избрал окольный метод борьбы. Зная, что в Панджабе зреет недовольство против Ост-Индской Компании, он стал распускать в

Лахоре и армии нелепые слухи, будто Кхарак тайно признал верховную власть британцев и даже согласился платить им 6 анна с каждой рупии доходов (в одной рупии 16 анна). Дхиан заручился поддержкой жены Кхарака махарани Чанд Каур, пригласил в Лахор 18-летнего принца Наунихала, который был назимом в Пешаваре. Дхиан организовал тайную встречу с участием Чанд Каур, Наунихала, сардаров влиятельной сикхской семьи Сандханвалиа и, конечно, двух своих братьев. Он показал сфабрикованные им письма с печатью саркара, уверяя, будто это те самые послания британцам. Сардары единогласно решили лишить Кхарака власти, убить Чет Сингха и привести к власти Наунихала.

Переворот совершился уже через три месяца после воцарения Кхарака. Вечером накануне 9 октября 1839 г. дворцовой страже велели: какой бы шум ни слышался у ворот, притворяться спящими. В 3 часа ночи 15 заговорщиков во главе с дограми проникли во дворец. Перед ними как будто сами собой открывались все двери. Однако у входа в покои самого саркара привратник очнулся от сна, крикнул «*На помощь!*» и побежал. Сучет Сингх уложил его выстрелом, чем вызвал большое неудовольствие своего брата Дхиана из-за произведённого шума. Сбежалась стража, но возглавлявший её субадар узнал Дхиана и спокойно увёл своих людей. Заговорщики ворвались в *хабгах* (спальню) Кхарака: Чет Сингх обычно ночевал в покоях саркара. Кхарак готовился читать утреннюю молитву. Кровать Чет Сингха была пуста, но видно было, что покинули её в спешке совсем недавно. Кхарак умолял пощадить Чет Сингха, но его оттолкнули к кровати. Заговорщики разделились на две группы и принялись искать беглеца с факелами в примыкающих к спальне комнатах и коридорах. Казалось, Чет Сингх в самом деле скрылся. Поиски собирались прекратить, но вдруг заметили отблеск факела на полированном предмете в конце тёмного узкого коридора: то была сабля в ножнах, которую держал дрожащими руками спрятавшийся там Чет Сингх. Пустить оружие в ход ему не хватило духу. Чет Сингха выволокли из укрытия, и Дхиан несколько раз всадил ему кинжал в сердце. Кхарака взяли под стражу в собственном дворце. Саркаром он остался лишь по титулу. Реальная власть перешла к его сыну Наунихал Сингху. Описанный эпизод ночного переворота сильно напоминает обстоятельства убийства царя Павла в Михайловском замке 12 марта 1801 г.

Сын был противоположностью отца. Наунихал резко отличался от Кхарака силой характера, смелостью и дальновидностью. Он был любимым внуком Ранджита и даже внешне походил на него (в том числе изрытым оспой лицом), что добавляло ему популярности в армии. Хотя и порывистый, особыми пороками не отличался, а к вину хоть и имел пристрастие, но гораздо меньшее, чем дед. Как и Ранджит, Наунихал подробно вникал в дела управления, но в отличие от последних лет правления великого саркара правил

жёстко, соблюдал режим экономии, поэтому у сардарства популярности не снискал. Сепаратизм новый правитель пресекал твёрдо: подавил восстание пуштунов, привёл к покорности нескольких раджей, вызвал в Лахор назимов Кашмира и Мултана и учинил им выговор за задержку налоговых поступлений, организовал общественные работы (в частности, насадил деревья вдоль дороги Лахор — Амритсар). Дхиан Сингху, скрепя сердце, пришлось разделить власть с шестью другими министрами: Наунихал шёл по стопам деда, который составлял своё правительство так, чтобы ни одна группировка знати не преобладала над прочими.

Наунихал Сингх был достойным преемником деда. Не случайно последний, имея в виду участие в одном из походов, однажды сравнил его с Александром Македонским. Европейские наблюдатели и многие историки считали, что если бы Наунихал наследовал Ранджиту непосредственно, сикхская империя не развалилась бы [Singh, Gopal, 1988, p. 526]. Конечно, в политических патримониального типа от фигуры правителя зависит очень многое. И всё же время было другое: **внутри** страны весьма усилились враждующие группировки знати, а **над** страной навис мощный сосед, в интересах которого было покончить с последней независимой политией Индии. К тому же история дала Наунихалу шанс: по сути он наследовал деду как раз напрямую, трёхмесячное правление Кхарака (до октября 1839 г.) не в счёт.

Кхарак Сингх между тем угасал в фактическом заточении. Подозревали, что по указанию Дхиана и с ведома Наунихала саркару давали в небольших порциях яд, но это скорее домыслы [Chopra B., 1969, p. 72]¹. Однако Дхиан всячески очернял Кхарака перед сыном. Тот посещал отца редко, а когда приходил, они ссорились. В индийской истории фактическое заточение Кхарак Сингха собственным сыном имеет заметную параллель: заточение Аурангзебом собственного отца Шаха Джохана в Красном форте Агры в 1658–66 гг.

5 ноября 1840 г. Кхарак Сингх скончался в возрасте 38 лет. Его сын стал саркаром уже официально.

Однако царствовал Наунихал Сингх всего один день.

6 ноября Кхарака кремировали (при этом совершили сати две его жены и одиннадцать наложниц). После обряда Наунихал со свитой возвращался во дворец пешком с ритуального омовения. Рядом с Наунихалом шёл сын Гулаба Удхам Сингх, чуть поодаль — Дхиан Сингх. Когда они вошли под своды ла-

¹ Это не умаляет коварства Дхиан Сингха. Автор новейшей биографии Хари Сингха Налвы его потомок в седьмом поколении Ванит Налва привела достаточно убедительную версию, по которой Дхиан поспособствовал гибели выдающегося сикхского полководца. Когда в 1837 г. афганцы стали напирать на Джамруд, Хари Сингх срочно просил помощи из Лахора, но Дхиан намеренно не дал ходу этой просьбе под предлогом того, что Ранджит устал во время бракосочетания внука. Целью Дхиана могло быть устранение возможного претендента на трон после кончины Ранджита [Nalwa, 2009, p. 207].

хорских ворот Рошнаи Дарваза («Ворота Света») близ построенной Аурангзебом знаменитой Падишахской мечети, арка внезапно рухнула. Удхам Сингх погиб сразу, Наунихал был ранен. Дхиан тут же организовал перенос раненого на паланкине в Лахорскую крепость и остался с ним вместе с несколькими другими придворными, затворив двери (не пустили даже жён саркара). Через какое-то время двери открыли, объявили, что Наунихал скончался, и показали его мёртвое тело.

Внезапная гибель нового саркара, естественно, породила вопросы. Многие современники, а впоследствии историки подозревали, что обвал ворот был подстроен нарочно, причём не кем иным, как самим Дхиан Сингхом — чтобы устранить слишком самостоятельного правителя. В качестве аргументов приводили такие. Подозрительно, что арка ворот рухнула именно в тот момент, когда под ней из всей процессии оказался именно Наунихал. Когда он вступил под арку, сидевший напротив ворот сын Дхиана Хира Сингх якобы подал кому-то некий условный знак. Находят странным и то, что паланкин для переноса раненого нашёлся тут же, как если бы его держали наготове [Gill, 1978, p. 351]. По свидетельству полковника А. Гарднера, сразу после инцидента рана выше правого уха Наунихала была небольшой и кровоточила мало, а позднее в комнате, куда его перенесли и оставили вместе с Дхианом, рядом с уже мёртвым телом увидели целые лужи крови (т.е. якобы умереть Наунихалу «помогли»).

И всё же версия убийства представляется маловероятной. Ворота, скорее всего, рухнули сами: как многие постройки в Лахоре, они были старыми. «Спровоцировало» их падение то, что стоявшие неподалёку пушки уже более пяти часов давали залпы (по случаю обряда похорон); кроме того, на ворота забралось много зрителей — посмотреть на мероприятие (подобные катастрофы из-за огромного количества народа происходят в Индии и поныне). О ветхости многих зданий даже в главных городах Панджаба того времени свидетельствует русский путешественник князь А.Д. Салтыков (1806–59), который в начале 1840-х годов объехал всю Южную Азию. Будучи удивительно наблюдательным человеком, он оставил очень живые и любопытные путевые заметки, а также точные рисунки карандашом (князь прекрасно рисовал). В Панджабе Салтыков побывал в марте 1842 г. в свите британского политического агента в Лудхиане Кларка (преемника Уэйда). Вспоминая о гибели Наунихала в Лахоре, князь писал: *«Я понимаю возможность этого слугая и всякий раз, въезжая на слоне в одни из амритсарских ворот, дрожу за свою жизнь»* [Салтыков, 1985, с. 98]. О самом Лахоре он писал: *«Вскарабкавшись на слона, с трудом протесняешься по узким улицам, поджидая каждую минуту, что вот-вот обрушится на тебя одно из пятиэтажных шатких зданий, с балконами и обитателями. Триумфальные ворота, которыми отделены гости города, находятся тоже в полуразрушенном состоянии»* [Салтыков, 1985, с. 103].

К тому же едва ли Дхиан ради устранения Наунихала пожертвовал бы жизнью своего племянника (Удхам Сингха) и рисковал бы собственной: сам он тоже оказался ранен — кирпичами в руку [Singh Kh., 1971, p. 23]. Что до обвинения, будто Дхиан прикончил раненого уже в крепости, то большинство очевидцев всё-таки сходятся на том, что смертельную рану тот получил ещё под аркой. Кроме того, когда раненого принесли в крепость, Дхиан Сингх остался с ним не один, а вместе с Факиром Азиз-уд-дином, Дина Натхом и рядом других придворных. По мнению индийского историка Б.Р. Чопры, тайна и детективная история возникла только потому, что Дхиан скрывал факт смерти Наунихала до прибытия в Лахор его дяди Шер Сингха, брата Кхаракка [Chopra V., 1969, p. 90–91]. Это обычная для патримониальных политий практика — держать смерть правителя в тайне, пока преемник не займёт его место физически.

С гибелью саркара на день Наунихал Сингха Панджаб потерял последнюю надежду на закрепление успехов Ранджита.

Одно дело — подстроили ли догры гибель Наунихал Сингха на самом деле. Едва ли. Другое дело, что выгодна она была, действительно, им: Наунихал правил, по их мнению, слишком независимо. Однако после его смерти события пошли не так, как хотелось бы Дхиан Сингху.

Гладкого перехода власти не произошло. Дхиан поддержал Шер Сингха, но могущественная семья сикхских сардаров Сандханвалиа выдвинула в преемники Наунихала женщину — вдову Кхарак Сингха амбициозную махарани Чанд Каур (1802–42). Последняя объявила, что вдова Наунихала рани Гилвалан беременна и если родится мальчик, то именно он, а не Шер Сингх должен стать саркаром. Пока же Чанд Каур сделалась регентшей во главе совета четырёх и была объявлена *малика мукаддас* (араб. «священная царица»). Вазиром при ней стал Атар Сингх Сандханвалиа. Обделённый и обозлённый Шер Сингх уехал из столицы на территорию своего джагира; Дхиан Сингха сардары Сандханвалиа оттёрли от власти. Затаив раздражение, он тоже покинул столицу, отбыв на север, в Джамму. Выждав, Дхиан задумал переворот и пригласил Шер Сингха обратно в Лахор.

Именно в это время произошёл качественный сдвиг в отношениях панджабского дарбара с армией. Собираясь решить вопрос престолонаследия силой, и Шер Сингх и Чанд Каур стали осыпать армию милостями, щедро обещать повысить жалованье и даровать освобождённые от налогов территории. Чтобы вести переговоры с обеими группировками, солдаты избрали собственные органы власти — панчаяты (традиционные для Индии органы самоуправления, обычно кастового). Как следует из названия, такие советы должны состоять из пяти человек, но на практике принцип часто не соблюдается; здесь избирались по два делегата от роты. В условиях неопределённого состояния власти эти советы солдатских депутатов почувствовали своё ключевое

значение. Это было началом перехода реальной власти в стране к выборным представителям армии.

Таким образом, после смерти Ранджит Сингха власть монарха в Панджабе стала слабеть. Причины заключались и в личном характере власти Ранджита как патримониального правителя, и в острой борьбе за власть между его преемниками; но была ещё одна причина. Уже к концу 1830-х годов расширяться Панджабу стало некуда, произошло стратегическое окружение страны Ост-Индской Компанией (см. ниже). В результате прекращения завоеваний знать стала «недополучать» джагиров, и преемникам Ранджита пришлось выделять их ей уже в центральной части страны, черпать из казённого земельного фонда, так сказать, из неприкосновенного запаса.

Наконец Шер Сингх перетянул на свою сторону большинство армии. Армии импонировала его щедрость, к тому же он был (считался) сыном великого Ранджита (так при свержении правительницы Анны Леопольдовны сыграла роль харизма Елизаветы как дочери Петра). Вечером 14 января 1841 г. он напал на Лахор с 70-тысячным войском и 200 пушками и до наступления утра овладел столицей. Власть Шер Сингха быстро признали генерал Вентура, полковник Дхаункал Сингх и другие военачальники. Главной фигурой, стоявшей за переворотом, был Дхиан Сингх.

Чанд Каур заперлась в Лахорской крепости. Интересно, что её сторону взял Гулаб Сингх, который, таким образом, выступил против своего родного брата Дхиана, поддержавшего Шер Сингха! Пытаясь усилить рвение защитников цитадели материальной заинтересованностью, Гулаб роздал гарнизону 2 лакха рупий. Те действительно преисполнились решимости и, когда 16 января пушки Шер Сингха начали обстрел крепости, оттуда отвечали тем же, причём вели огонь по городу без разбора. Однако у осаждающих было не только численное, но и тактическое преимущество: на минареты Падишахской мечети, которые давали обзор двора в крепости, поднялись стрелки и держали его под обстрелом. За двое суток битвы погибло 5 тыс. человек и была повреждена почти половина домов столицы [Singh Kh., II, p. 32]. После почти полувека безмятежной жизни горожан Лахора при Ранджит Сингхе это было погружение в какой-то кошмар.

Наконец осаждающие пробили в стенах цитадели бреши и с кличем *Шер Сингх бадшах!* ворвались внутрь. Видя, что дело проиграно, Чанд Каур просила мира и согласилась покинуть крепость вместе с уцелевшими приверженцами. Шер Сингх дал добро и даже выделил ей джагир с доходом в 9 лакхов рупий. Гулаб Сингху сопротивление сошло с рук, и он отбыл в свой Дхамму, прихватив из казны наличных, золота и драгоценностей на 80 лакхов рупий (под предлогом, будто это личное имущество махарани, которое он охраняет) [Singh, Gopal, 1988, p. 533]. Сардар Атар Сингх Сандханвалиа и его племянник Аджит Сингх бежали на территорию Компании, а брат и сын Атара —

Лехна Сингх и Кехар Сингх Сандханвалиа попали в плен. Все их джагиры были конфискованы.

27 января 1841 г. Шер Сингх взошёл на престол. Он отличался красивым мужественным лицом, доказал свою смелость в военных кампаниях и был популярен в армии. В то же время новый саркар был мягок и вежлив в обращении, любознателен, интересовался европейскими знаниями, но способности имел средние и любил удовольствия. Несмотря на двойное львиное имя (*шер* значит «лев» на фарси, *сингх* — на панджаби), новый монарх был человеком добродушным. Как и Ранджит, Шер Сингх был большой любитель выпить, причём продолжал его традицию пить напитки буквально на вес золота: в вино к столу саркара толкли разные драгоценные камни и жемчуг. Как пишет побывавший при его дворе князь Салтыков: «Придворные сикхи на мои вопросы о пригине примеси в вино драгоценных камней говорили: «Что крепче алмаза? Стало быть, он крепит желудок и всё тело человека» [Салтыков, 1985, с. 106]. Логика железная¹.

Вазиром при Шер Сингхе остался бессменный Дхиан Сингх.

Понимая необходимость удержать лояльность армии, новый саркар повысил жалованье офицерам на 5 рупий, а солдатам — на 2 рупии. Для дальнейшей истории страны очень важна его позиция в отношении власти армейских панчаятов. Когда после его победы солдаты просили сместить офицеров, которыми они были недовольны, Шер Сингх, не желая самому вступать в конфронтацию с офицерами (он взошёл на трон и при их поддержке), уклончиво ответил членам панчаятов: «Хорошо ли, плохо ли, но устраивайте свои дела сами». Умыв руки, саркар по сути «сдал» солдатам офицеров, санкционировав в армии полное самоуправление. В панджабской истории ответ Шер Сингха выглядит как аналог приказа № 1 Петросовета от 1 марта 1917 г. В результате солдаты арестовали и казнили много офицеров и полковых мунши. Погибли и несколько европейских наёмников.

После неожиданно бурных событий смены власти в Панджабе наступила некоторая стабилизация. В то же время правление Шер Сингха отмечено конфликтом на севере империи. Рассчитывая, что междоусобицы в Лахоре ослабили мощь Панджаба, мусульманский правитель горной области Балтистан в 1840 г. напал на Ладакх, поддержанный мятежной знатью этой страны. Раджа Джамму Гулаб Сингх, которому фактически и принадлежал Ладакх, отправил карательную экспедицию под началом упомянутого военачальника-дог-ра Зоравар Сингха. Тот не только подавил мятеж, разбил захватчика и покорил его собственную территорию, но и, войдя во вкус, в июне 1841 г. вторгся

¹ В Индии в алмазах видели и достойное средство для самоубийства знатного лица. В 1815 г., не видя возможности спасти раджпутское княжество Дхундхар от грабежей маратхов и пиндхари, первый министр этого княжества Шив Нараин покончил с собой, проглотив не что-нибудь, а раскрошённый алмаз [Panikkar, 1968, p. 53].

уже в Тибет — владения Цинской империи. Догрское войско легко продвинулось на 450 миль, достигло священных для индуистов озера Манасаровар (откуда, по их поверьям, берёт начало река Ганга) и горы Кайлаш (в которой индуисты видят обиталище бога Шивы). Однако с приходом зимы все перевалы завалило снегом, сообщение с Ладакхом прервалось, и догры очутились в ловушке. Догры — народ горцев, но в высокогорный Тибет сунулись зря. Их войско стало редеть от обморожений и голода. Иные пускали на топливо деревянные приклады своих мушкетов. Ситуация, в которую попали догры, напоминает одну из версий этимологии названия Гиндукуш — «погибель индийцев» (от персидского глагола *коштан* «убивать»). Когда мусульманские грабители Индии XI–XII вв. (Махмуд Газневи, Мухаммад Гури) возвращались к себе в Афганистан, они гнали с собой пленников и в заснеженных горах многие индийцы, не привычные к холодам, мёрзли и умирали.

Тибетцы и китайцы дали дограм сражение, в ходе которого Зоравар Сингх погиб. В истории он остался как умеренный завоеватель, который никогда не грабил попадавшие по пути богатые буддийские монастыри. Отряд, который возглавлял сам Зоравар Сингх, согласился сложить оружие, получив от китайцев заверение, что дограм позволят беспрепятственно уйти; однако едва они сложили мушкеты, как были перебиты. Остальная часть догрского войска отступила к себе в Ладакх, но преследователи ворвались туда вслед за ним. Один из авторов «Кембриджской истории Индии» У. Арчболд называет эту кампанию в снегах при лютom морозе «возможно, одной из самых ужасных в истории войн» [Archbold, 1929, p. 546]. Однако в августе 1842 г. догры разгромили тибето-китайское войско при Чушуде, после чего представители Гулаба и лахорского дарбара подписали в Лхасе мир с представителями цинского хуанди. Сикхский назим Кашмира смотрел на экспансию раджи Джамму косо, понимая, что выгодна она одному ему, а не Панджабской империи в целом. В истории вооружённых конфликтов на границе Индии и Тибета вторжение Зоравар Сингха имеет продолжение в виде экспедиции британского полковника Ф. Янгхазбенда в Лхасу 1904 г. (в рамках Большой Игры) и войны Индии с КНР 1962 г.

Бои в горах в правление Шер Сингха шли не только к северо-востоку, но и к северо-западу от империи сикхов — в Афганистане.

В январе 1842 г. оккупационные силы Ост-Индской Компании в этой стране были полностью истреблены при отступлении из Кабула. Генерал-губернатор граф Элленборо (который успел сменить заварившего «афганскую кашу» Окленда) организовал карательную экспедицию, чтобы поднять резко пошатнувшийся престиж Британской империи в Азии. Генерал Дж. Поллок ворвался в Афганистан, быстро разбил ополчение племён, вступил в Кабул и в целях устрашения взорвал его знаменитый крытый базар. В отличие от отца Шер Сингх не сумел саботировать выполнение трёхстороннего дого-

вора 1838 г. и пошёл на поводу у британцев, послав 15-тысячное войско в подкрепление их гарнизону в афганском городе Джалалабад на пути между Хайберским проходом и Кабулом.

Отомстив, британцы, понимая, что в Афганистане уже не закрепиться, начали эвакуацию из страны всех своих гарнизонов, в том числе из Джалалабада (именно туда добрался единственный уцелевший в кабульской катастрофе британец — врач У. Брайдон, что запечатлено на известной картине художника-баталиста леди Элизабет Батлер «Остатки армии»). У Элленборо возникла идея: чем бросать Джалалабад на произвол судьбы (т.е. позволить вернуться афганцам), лучше передать контроль над ним соседям-сикхам — ведь их части уже находятся там. Так он Шер Сингху и предложил. Генерал-губернатор хотел использовать сикхов как буфер от Афганистана в самом Афганистане. По сути это была попытка частично выполнить начатое Оклендом, только сикхскими руками. У британцев держать в стране оккупационное войско не вышло — пусть это сделают сикхи хотя бы в провинции Нангархар (центром которой является Джалалабад).

Ранджит Сингх раскусил бы британцев сразу, но Шер Сингх, не обладая его проницательностью, рассматривал это предложение всерьёз, хотя и долго колебался. К счастью, для спасения ситуации этого оказалось достаточно. Когда генерал Поллок выводил войска из Джалалабада, Элленборо всё же послал ему инструкцию передать городскую цитадель находившимся с ним сикхам — но инструкция запоздала: генерал успел взорвать крепость, а без неё Джалалабада было не удержать. Индийский историк Б.Дж. Хасрат сетует, что частично по вине Шер Сингха, частично по случайности сикхи упустили прекрасную возможность закрепиться в Восточном Афганистане [Hasrat, 1968, p. 217]. Да, это была прекрасная возможность — поражения. Ведь итогом постоянного пребывания сикхского гарнизона в Джалалабаде стал бы такой же подъём ненависти пуштунов-гильзаев Нангархара к новым оккупантам, как жителей Кабула и других районов страны — к англо-сипайскому корпусу. Сикхи оказались бы в Джалалабаде в такой же ловушке, как британцы — в Кабуле (будучи давними врагами афганцев, да ещё приняв город из рук прежних оккупантов).

Вернёмся к внутренней ситуации в Панджабе. Чанд Каур оставалась крупной фигурой, вокруг которой могла сплотиться недовольная Шер Сингхом часть знати. Решив нейтрализовать недовольных, саркар вдруг предложил жениться на Чанд Каур. Это никак не входило в планы Гулаб Сингха, который опасался, что у него отнимут управление её джагиром и заставят расстаться с вывезенными из Лахора богатствами. Гулаб убедил брата махарани — Чанд Сингха, будто реальная цель Шера — устранить её физически. По совету брата Чанд Каур отклонила предложение о замужестве и даже перебралась из Лахорской крепости в отдельный особняк в городе. Там её и убили.

Гулаб Сингх убедил Чанд Каур, что её слуги-мужчины ненадёжны. Их заменили четырьмя служанками, преданными лично Гулабу (среди них выделялась некая Хиро по прозвищу Лысая). Дхиан (догры снова действовали вместе) подкупил служанок, чтобы те умертвили Чанд Каур. 11 июня 1842 г. та пожаловалась на головную боль, и служанки дали ей отравленного шербета. Махарани почувствовала себя плохо и легла в постель. Когда она заснула, служанки разбили ей череп точильным камнем. Чтобы служанки не выдали заказчиков убийства, им по приказу Дхиана тут же отрезали языки, а позднее убили¹.

Между тем политический агент Компании в Лудхиане Кларк убедил Шер Сингха освободить из заточения сардаров Лехна Сингха и Кехар Сингха Сандханвалиа, а также позволить вернуться в Панджаб их родственникам Атар Сингху и Аджит Сингху (после свержения Чанд Каур их приютила Компания). Саркар согласился и вернул семье Сандханвалиа все джагиры и имущество. Прибыв ко двору, Аджит Сингх положил у ног Шер Сингха свою саблю и заявил: не будет носить её, если саркар не вернёт ему её собственноручно. Тот был тронут такой преданностью, возложил руки на голову Аджита и сказал: *«Ты наш кровный родственник. Мы ничего не имеем против тебя»*. Шер Сингх нуждался в сардарах Сандханвалиа как в противовесе догрской группировке.

Монарх вернул братьев на свою беду. Ему бы им *«как двум гадюкам верить»* (как выразился Гамлет о Розенкранце и Гилденстерне).

Внешне власть Шер Сингха выглядела прочной, а двор саркара блистал великолепием, как при Ранджите: *«Перед нашими глазами раскинулось баснословное зрелище: меня ослепили блеск алмазов, драгоценных камней и соцветия самых ярких цветов. В густой зелени сада пестрела толпа сикхов — жёлтых, красных, розовых, белых, золотых, серебряных, зелёных, лиловых, голубых. На иных были одежды необычайного покроя, сияющие бриллиантами, на других — кольчуги»* [Салтыков, 1985, с. 99]. Между тем сгущались новые тучи.

После возвращения сардаров Сандханвалиа опять началось их возвышение. Дхиан, естественно, не собирался терять влияние на Шер Сингха. Чтобы внести разлад, он стал нащёптывать сардарам Сандханвалиа, будто саркар замышляет погубить их. Сардары, со своей стороны, нащёптывали Шер Сингху, что вазир хочет погубить его самого. В это было легко поверить, так как причастность Дхиана к смерти Чанд Каур (а многие полагали, что и Кхаракка, и Наунихала) была едва ли не очевидной. Улучив момент, когда Шер Сингх был в стельку пьян (это случалось нередко, а Аджит часто был его со-

---

¹ Есть версия, что умертвили Чанд Каур по приказу самого Шер Сингха, который продолжал опасаться её как потенциального лидера мятежа. Две версии не противоречат друг другу: Шер Сингху её смерть тоже была выгодна.

бутыльником), Сандханвалиа добились у него приказа умертвить Дхиана — и тут же показали приказ самому Дхиану. Так они заручились его поддержкой в заговоре против саркара. Дхиан, правда, не предполагал, чем успех заговора обернётся для него самого.

15 сентября 1843 г. Шер Сингх приехал из Лахора в местечко Шах Балавал на смотр военного отряда, который набрал Аджит Сингх. Тот поднёс саркару в подарок двуствольное ружьё, только что выписанное из Калькутты за огромную сумму в 1400 рупий. Внезапно раздался выстрел, и Шер Сингх упал мёртвый, сражённый из обоих стволов прямо в грудь. Перед смертью он успел произнести: «*Какое предательство!*». По одной версии на курок внезапно нажал сам Аджит. По другой это сделал один из его людей, которому Шер Сингх передал двустволку, чтобы посмотреть, как тот опробует её; тот по кивку своего господина действительно опробовал — на самом саркаре. Затем Аджит Сингх для верности отсёк убитому голову. Оруженосец саркара Будх Сингх выхватил саблю и зарубил двух воинов Аджита, пытался сразить и самого убийцу, но сабля сломалась. Он бросился за другой, но споткнулся, упал, и его прикончили. Воины Сандханвалиа дали залп, перебив охрану саркара.

Расчищая себе путь к власти, заговорщики расправились и с 12-летним сыном Шер Сингха принцем Партап Сингхом. Он бросился к ногам Лехна Сингха, крича: «*Дядя, пощади, я буду твоим рабом!*» (напомню, что Сандханвалиа были ближайшими родственниками династии; Лехна Сингх и Атар Сингх приходились Ранджиту четвероюродными братьями; Аджит Сингха он даже усыновил). Однако «дядя» изрубил мальчика в куски.

В начале сентября возможность убийства Шер Сингха при участии Дхиана предсказал постоянно анализировавший ситуацию в Лахоре агент Ост-Индской Компании в Лудхиане полковник Ричмонд. Элленборо тоже ожидал, что саркар вскоре умрёт — но от пьянства. Недаром отметил Салтыков: «*Королевское вино очень сильно, как крепкая водка: я взял в рот каплю и обжёг себе язык*» [Салтыков, 1985, с. 99].

Подводя итог правлению Шер Сингха, многие современники, а затем британские историки писали о нём как об очень ограниченном и некомпетентном правителе. Однако следует помнить, что в возникшей сложной обстановке он пытался продолжать политику отца — прежде всего сохранять независимость страны и покончить с распрями сардарства. И всё же Шер Сингх допустил ряд серьёзных промахов, главный из которых — недостаточная последовательность в проведении своего курса [Кочнев, 1968, с. 99–100]. Это очевидно и по его отношениям с Компанией, и по его отношениям со знатью. С одной стороны, Шер Сингх вёл тайные переговоры с одним из амиров Синда — правителем Хайрпура Рустам-ханом о совместных действиях против британцев, с другой — разрешил Поллоку пройти через Панджаб. С одной

стороны, он вернул в страну опальных Сандханвалиа, с другой — передал в джагир Гулаб Сингху и Сучет Сингху Вазирабад, даже назначил Гулаба наместником Пешавара. Шер Сингх постоянно метался из стороны в сторону. Это его и сгубило.

После цареубийства Аджит Сингх и Лехна Сингх с 3-тысячным отрядом направились в Лахорскую крепость, чтобы взять власть в свои руки и провозгласить новым саркаром младшего сына Ранджита — малолетнего Далип Сингха. По дороге они встретили Дхиана и показали ему насаженные на копья головы Шер Сингха и его сына. Как ни интриговал вазир против своего монарха, убийство мальчика его заметно потрясло. Убийцы сообщили Дхиану, что намерены провозгласить саркаром Далипа, и пригласили его сопровождать их. С Дхианом была немногочисленная охрана (25 человек), и выбора у него не было. А вот участь вазира уже была решена. Миновав первые ворота крепости, Лехна, чтобы отвлечь внимание Дхиана, указал ему вверх на стены, тот повернулся, а сардар всадил ему пулю в спину. Охрану Дхиана изрубили. Аджит провозгласил саркаром Далип Сингха, а вазиром — самого себя.

Весть о тройном убийстве быстро распространилась по столице. Многие ужаснулись вероломству сардаров Сандханвалиа. Отомстить взялся сын Дхиана 25-летний Хира Сингх. Он заручился поддержкой генералов Авитабиле, Корта и Вентуры и выступил перед сардарами и армейскими панчаятами с пламенной речью, обвинив Атар Сингха Сандханвалиа в сговоре с британцами (знал, что такое политическое обвинение подействует). Не забыл Хира Сингх пообещать увеличить солдатское жалованье на 3 рупии. Как за два с половиной года до этого, армия вновь пошла на штурм Лахорской крепости. Два дня пушки громили её стены. Сардары Сандханвалиа переоценили возможность контролировать ситуацию. Лехна Сингх был убит, Аджит Сингх пытался бежать, но был схвачен и застрелен. Были перебиты до тысячи их сторонников. Атар Сингх во второй раз бежал на территорию Британской Индии.

В сентябре 1843 г. новым саркаром Панджаба провозгласили 5-летнего Далип Сингха. До его совершеннолетия регентшей при нём стала его мать махарани Джхинд Каур (1817–63), более известная как Джхиндан. (То, что Далип не был сыном Ранджита, это точно; но и в том, что Джхинд Каур была его матерью, есть сомнения; отцовство же приписывают одному водоносу.) Новым вазиром стал Хира Сингх (*вазарат* перешёл по наследству).

Хира Сингх получил хорошее образование (даже немного владел английским), но был безволен, изнежен и инфантилен, не держал слова; видимо, Ранджит избаловал в детстве. Внешностью Хира в отца не пошёл. Если у Дхиана было суровое мужественное лицо, то его сын имел женственный вид, любил украшения и от шеи до пояса ходил покрытый жемчугом, бриллиантами и другими драгоценными камнями (оправдывал своё имя: на панджаби *хира*

значит «алмаз»). Зато Хира Сингх пошёл в отца коварством. Однако если Дхиан был сам себе хозяин, то Хира попал под неограниченное влияние брахмана-индуиста пандита Джаллы, который был его наставником с ранних лет. Он-то скоро и забрал реальную власть в Лахоре, сделавшись при Хира Сингхе «серым кардиналом».

На первых порах Хира Сингх — благодаря своей щедрости — пользовался популярностью в армии. Он погасил долги казны перед солдатами и прибавил им 2,5 рупии жалованья. Среди знати, однако, он скоро нашёл себе врагов, так как, создавая опору своей власти, отодвинул ряд влиятельных сардаров, выдвинув новых людей. В борьбе за укрепление своего положения Хира не брезговал оскорблениями, вымогательствами и даже убийствами. Так, тесть покойного саркара Наунихала сардар Шам Сингх Атаривала потерял всякое влияние и опасался за свою жизнь, а командир артиллерии при Ранджита сардар Лехна Сингх Маджитхиа был вынужден отправиться в паломничество. (В Индии если представитель знати отправлялся в паломничество, это нередко было вынужденным шагом после потери политического веса; так, могольские шахи, налагая на придворного опалу, милостиво «разрешали» ему отправиться в хадж в Мекку — или он сам просил отпустить его туда, признавая этим своё поражение в борьбе с конкурентами при дворе.)

Догры усиливали своё влияние в Панджабе. По приказу Хира Сингха из Лахора в Джамму переправили часть имперской казны, а из Джамму в Лахор — догрские отряды, которые «разбавили» собой сикхский гарнизон столицы. Им поручили охранять городскую крепость и склад боеприпасов. Дядя Хиры Гулаб Сингх даже советовал ему совершить переворот — объявить саркаром самого себя (покончив с династией Ранджита), а вазиром назначить своего дядю Сучет Сингха. Хира, правда, не решился.

Итак, Хира Сингх стал вазиром во втором поколении. При преемниках Ранджита вроде бы начинала вырисовываться династия всемогущих первых министров, каких в мировой истории существовало немало: мажордомы при последних франкских королях из династии Меровингов, сёгуны при японских *тэнно*, пешвы при маратхских чхатрапати. Однако, как сказано выше, Хире не доставало качеств отца. Неудивительно, что власти он не удержал.

У Гулаб Сингха и Сучет Сингха объявился при дворе лютей враг — не кто иной, как пандит Джалла. Помимо того что он опасался потерять влияние на своего ученика, с его дядями у него имелись личные счёты. Чуть ранее Гулаб в Джамму бросил в тюрьму и морил голодом родню пандита, затем изгнал, а по пути к новому пристанищу на них напали и 30 человек перебили. Неудивительно, что Джалла настраивал племянника против дядей. Погубить Сучет Сингха ему удалось. Особо и стараться не пришлось. Когда Хира стал вазиром, Сучет посчитал себя обделённым (сам метил на этот пост) и стал вредить племяннику, даже подстрекал против него армию. Наконец он поднял мятеж

догров и раджпутов, надеясь произвести переворот в пользу принца Пешавара Сингха. Закончилось это сражением между армейским отрядом и войском Сучет Сингха в марте 1844 г., в котором раджа-догр погиб.

Власть Джаллы держалась только благодаря тому, что его ученик был вазиром империи и смотрел ему в рот. Сардарство, напротив, ненавидело Джаллу. Помимо того что пандит для знати был временщиком-высочкой, их сильно раздражал его режим экономии. Джалла занялся строгим сбором недоимок с джагирдаров и на четверть повысил налог с них, конфисковывал джагиры, урезал суммы, отпускаемые казной на содержание самого саркара, его матери и дяди, проводил сокращения мунши в дафтах. (Добиваясь согласия Хиры, пандит подкреплял свои проекты удобными астрологическими выкладками.) В таких обстоятельствах ему бы вести себя осмотрительнее, но он, наоборот, отличался грубостью и высокомерием, на придворное сардарство плевать хотел и презрительно обращался даже с братом махарани — Джавахир Сингхом. Сардары стали настраивать армию против Джаллы, умело разыграв религиозную карту: ведь и он, и догр Хира были индуистами, а не сикхами. Противники распространяли слухи (не столь уж нелепые), что пандит вообще намерен оттеснить сикхов от власти.

Наконец Джалла потерял чувство меры вовсе и стал поносить саму махарани. Правда, обвинения были справедливы: вдова Ранджита отличалась вопиющей распущенностью. Она обратилась к армейским панчаятам, прося защитить её честь. Джавахир Сингх потребовал выдать пандита на расправу. Хира отказался и запросил военной помощи из Джамму у дяди Гулаба. Последний прислал в Лахор 700 воинов-догров.

Сильная привязанность Хиры Сингха к своему наставнику погубила обоих.

Терпению армии пришёл конец. Солдаты решили взять инициативу в свои руки и схватить Джаллу. Стало ясно, что власть Хиры хиреет: его авторитета уже не хватало, чтобы защищать пандита, а без него Хира Сингха себя у власти не видел. Утром 21 декабря 1844 г. он навьючил своё ценное имущество на слонов и с Джаллой и отрядом в 300–400 всадников пустился на север, в сторону Джамму. Армия тут же объявила о смещении Хиры с поста вазира и назначении новым вазиром Джавахир Сингха. А за Хирой снарядили погоню. По пути тот дважды рассыпал на дороге золотые *ашрафы*, чтобы преследователи бросались собирать монеты и беглецы получили возможность оторваться. Помогло мало. Погоня сопровождалась стычками, отряд Хиры редел. Наконец Джалла от изнеможения свалился с коня и был тут же зарублен преследователями. Хира добрался до одной деревушки, где его настиг сам Джавахир Сингх с драгунами Вентуры. Хира и почти все оставшиеся с ним люди были порублены. Ниханги несколько дней таскали голову ненавистного Джаллы по домам и лавкам Лахора и за небольшую плату демонстрировали её желающим.

С убийством Хира Сингха и его «серого кардинала» пандита Джаллы крупных политических фигур в Пятиречье не осталось физически. Продолжительная мясорубка, в которой погибли несколько членов монаршей семьи и цвет сардарства, завершилась: рубиться стало почти некому. Власть саркара была слаба как никогда; тем более, что на престоле сидел мальчик. Конец Хиры ознаменовал собой окончательный переход контроля над страной от сардарства к армии. Как доносил начальству в январе 1845 г. новый британский агент в Лудхиане майор Джордж Броудфут, *«правительство превратилось в карикатуру»*: в регентский совет в Лахоре вошли лидеры мятежных войск и некоторые прежние администраторы, которые препираются с регентшей по любому вопросу [The Punjab Papers, 1970, p. 80]. Солдатские панчаяты успешно требовали от дарбара дальнейших уступок.

В то же время потеря контроля дарбара над армией не означала разложения этой армии и хаоса в управлении. Панчаяты поддерживали солдатскую дисциплину не хуже покойного Ранджита. В условиях ослабления власти двора именно армия стала цементирующим империю средством. В который раз хальса и её ударная сила — армия — продемонстрировали свои блестящие возможности к самоорганизации. Как отметил в 1845 г. генерал-губернатор Компании сэра Генри Хардинг, система армейских панчаятов *«благодаря своей хорошо организованной власти, основанной на обычаях деревенских жителей, продержится дольше, чем правительство»* (цит. по: [Hasrat, 1968, p. 231]). Панчаяты сами взяли в свои руки командование вооружёнными силами и поддержание порядка. Под их же контролем оказался дарбар во главе с махарани Джхиндан. Все распоряжения дарбара и номинального командования подлежали утверждению солдатскими панчаятами. Вновь заставив наместников пересылать в Лахор налоги, армия пресекла сепаратизм окраинных областей. Это ярко показали события в Джамму.

Воспользовавшись борьбой за власть в центре империи (да и опасаясь участи племянника), Гулаб Сингх попытался провозгласить у себя на севере независимость. Но армия не дремала, и в Джамму тут же прибыли войска. Гулаб пошёл на попятный, выплатил 4 лакха рупий. Правда, когда армия повернула назад в Лахор, Гулаб неосмотрительно отнял у сикхских сборщиков эти деньги. Войска не поленились вернуться. Гулаб обещал заплатить уже 35 лакхов, унижался, но как выяснилось, недостаточно: в апреле 1845 г. его заставили приехать вместе с армией в Лахор, а здесь бросили в тюрьму по подозрению в покушении на убийство фаворита правительницы — брахмана-догра Лал Сингха. Джхиндан и её брат Джавахир Сингх хотели устранить Гулаба физически, и вазир потребовал от армии выдать его дарбару. Однако Гулаб мастерски сыграл на противоречиях армии и дарбара, заявив, что он — слуга первой, но не второго. Панчаяты тут же отвергли требование вазира. К тому же хитрый догр посулил армии и дарбару уже 68 лакхов рупий, и его отпустили восвояси.

Регентша, сардарство, да и соседи-британцы придерживались мнения, будто рядовые солдаты сикхской армии и их выборные офицеры узурпировали власть в стране. Те так вовсе не считали. По их достаточно логичным представлениям, они только вернули хальсу к эгалитаристскому идеалу времён гуру Гобинда, пытаясь (в условиях угрозы империи изнутри и извне) устранить скопившиеся за полтора века «наросты» в виде сикхской знати. Отношение простых сикхов в 1840-е годы ко многим сардарам стало напоминать отношение к концу XVII в. к масандам. «Наросты», однако, упорно не хотели устраниваться. Сардарство очень тяготилось засильем армии. Будучи не в силах избавиться от сикхского варианта преторианской гвардии сам, лахорский двор обратил взоры за рубеж, надеясь на помощь извне.

Выбор был небольшим.

Просить о помощи западного соседа — афганского амира Дост Мухаммада — было бессмысленно: во-первых, вспомним, что сикхам он был лютей враг, к тому же одним из преемников Ахмад-шаха Дуррани, оставившего по себе в Панджабе столь недобрую память. Во-вторых, после англо-афганской войны Дост Мухаммад был целиком поглощён восстановлением собственной власти, и без того хрупкой. Кабульский амир отпадал.

Оставался могущественный восточный (а после захвата Синда и южный) сосед — британская Ост-Индская Компания. С ней сикхи пока не ссорились. Если в начале XIX в. сикхам от британцев требовалось только невмешательство, то сейчас дарбар нуждался в противоположном.

Джхиндан и её окружение решили спровоцировать вооружённый конфликт Панджаба с Компанией и толкнуть собственную армию под тяжёлые колёса огромной военной машины — самой мощной, какую когда-либо видела к тому времени Азия.

С британцами лахорский двор нашёл общий язык относительно легко.

Вернёмся чуть назад, к моменту смерти Ранджит Сингха, и посмотрим, какую эволюцию за это время (1839–45) претерпели англо-панджабские отношения.

Кхарак Сингх, как сказано выше, чувствовал, что его положение на престоле непрочное и ещё в 1830-е годы вступил в переписку с чиновниками Компании, стремясь заручиться их поддержкой. Став саркаром, он пытался продолжать курс отца, поддерживая дружественные контакты с британцами. Однако его вазир Дхиан Сингх относился к Компании весьма подозрительно, да и было за что: ведь ещё при жизни Ранджита она начала нарушать договорённости с ним (захват Синда). К чести Дхиана — виртуозного интригана — надо сказать, что независимость Панджаба он оберегал очень ревниво. Проницательный Дхиан опасался, что со смертью Ранджита британцы вовсе перестанут считаться с Панджабом и начнут ущемлять его суверенитет, чувствуя свою силу. Поэтому вазир дважды не дал Кхараку встретиться с представителями

Компании, а Шер Сингха разубедил провести встречу в верхах с генерал-губернатором Элленборо в декабре 1842 г. в Лудхиане [Chopra B., 1969, p. 35, 40, 215].

В своих опасениях Дхиан Сингх был далеко не одинок. Уже к концу 1830-х годов в стране нарастало недовольство соседством агрессивной державы. Сикхи с досадой понимали, что именно британцы перекрыли им наиболее удобные направления экспансии: восточное блокировали Амритсарским договором 1809 г., южное — окриком насчёт Шикарпура в 1836 г. На западном и северном направлениях сикхи уже упёрлись в негостеприимные горы. Как доносил в 1840 г. Окленду политический агент в Лудхиане Кларк: «Среди богатых воображением сикхов распространился *jeai de mot*¹: они настолько окружены, что не могут отправиться ни в Шикарпур, ни в шикаргах (место для охоты), имея в виду Афганистан» [The Punjab Papers, 1970, p. 37]. Аннексия Компанией Синда в 1843 г. окончательно открыла сикхам глаза на то, что заверения британцев в торговом характере их экспансии — всего лишь маска для экспансии военно-политической.

Более того, Панджабу не только расширяться стало некуда — он сам оказывался под угрозой. Сикхи ощущали, что происходит стратегическое окружение Панджаба. Ост-Индская Компания пока и не нападала на него, но всё же неуютно «нависала» над ним с востока и юга. В результате вторжения в 1839 г. в Афганистан нависла и с запада. Страна пяти рек оказалась зажата в клещи. Многие панджабцы начинали видеть в британцах уже не просто сильных соседей, какими их воспринимали с начала XIX в., но врагов, которые ждут своего часа, чтобы поработить Панджаб. Тот же Кларк отмечал «подъём национального духа» среди солдат-сикхов [The Punjab Papers, 1970, p. 37]. Сикхи знали историю неспешного, поэтапного покорения британцами Южной Азии, знали, что Панджаб — единственная полития субконтинента, сохраняющая независимость. Порой, правда, враждебное отношение к британцам доходило до абсурда. Так, циркулировали нелепые, но очень упорные слухи, будто это они виноваты в смерти Ранджит Сингха — отравили его в ходе визита Окленда в Лахор в декабре 1838 г. [The Panjab in 1839–40, 1952, p. 13]. Впрочем, общую тенденцию сикхи уловили.

Каковы же были на деле намерения Ост-Индской Компании в отношении Панджаба? В британской историографии XIX — первой половины XX в. (пока существовала Британская империя) агрессивность Компании отрицали вовсе. Вообще превращение Ост-Индской Компании из мирного купца в военную державу в Индии в XVIII — XIX вв. имперские историки объясняли схемой «вызов — ответ»: Компания была вынуждена покорять индийцев — против своей воли, чтобы защищать собственные интересы, которым всё вре-

¹ Игра слов (фр.).

мя кто-то угрожал (в том числе сами эти индийцы). В индийской и советской историографии агрессором, напротив, единодушно называли Компанию: этот колонизатор неумолимо надвигался на индийцев, безжалостно сминая сопротивлявшихся поработению.

После смерти Ранджита интерес британцев к Панджабу резко вырос. Если в течение долгого правления великого саркара их отношения с Панджабом устоялись и были дружественными, то когда на престол сел слабый правитель, а при дворе активизировалась борьба за власть, отношения стали намного менее предсказуемыми. Это притом, что Панджаб обладал мощной армией, а часть высшей знати (начиная с вазира) была известна своими антибританскими настроениями.

Недоверие Панджаба к Компании и недоверие Компании к Панджабу нарастали параллельно, усиливая друг друга. Это в конце концов и привело к войне.

В долгосрочной перспективе вся Южная Азия была обречена на поглощение Ост-Индской Компанией, выступавшей здесь как агент мировой Британской империи. Процесс поглощения шёл постепенно, но, как верно подчёркивают многие историки, не по какому-то заранее продуманному плану: такого плана просто не было. Однако логика приобретения Ост-Индской Компанией всё большего количества некоммерческих источников доходов, а с начала XIX в. — и логика превращения Азии в рынок сбыта и источник сырья для британской промышленности объективно заставляла британцев всё дальше «вгрызаться» в индийский субконтинент. К 1840-м годам «догрызлись» до Панджаба.

Тем не менее не следует примитивно полагать, что после смерти сильного правителя алчные колонизаторы только и думали над тем, как бы завладеть Страной пяти рек. К сожалению, даже у Х.Р. Гупты можно прочитать такое мнение: «Каждый англичанин ожидал, что сразу после смерти Ранджит Сингха сикхское государство свалится к ним в руки как спелый плод» [Gupta, V, p. 281]. На самом деле британцы в течение достаточно долгого времени предпочитали не только сохранить Панджаб как империю, но и не вмешиваться в борьбу за власть в Лахоре.

А такие предложения поступали — с панджабской же стороны. Отойдя от курса Ранджит Сингха, его эпигоны сделали Ост-Индскую Компанию фактором **внутренней** борьбы за власть, рассчитывая утвердиться с помощью могущественной внешней силы. Так, махарани Чанд Каур в 1841 г., видя, как чаша весов склоняется на противоположную сторону, в отчаянии решила «вынести сор из избы» и написала политическому агенту в Лудхиане сэру Джорджу Кларку письмо, в котором просила вмешаться в борьбу с Шер Сингхом на её стороне и обещала взамен... половину территории Панджаба. Кларк отклонил предложение [The Punjab Papers, 1970, p. 56]. Шер Сингх в

том же году склонялся к идее позвать британцев на помощь, чтобы вернуть под контроль дарбара сикхскую армию. Однако вазир Дхиан Сингх убедил его не делать такой глупости [Chopra B., 1969, p. 158].

В условиях острой борьбы за власть в Лахоре первой половины 1840-х годов сам факт соседства Панджаба с мощной державой вводил противоборствующие при дворе стороны в соблазн действовать с оглядкой на неё. Так, накануне узурпации власти у Кхарака в сентябре 1839 г. Наунихал прозондировал Уэйда и получил заверение, что Компания вмешиваться не станет. Шер Сингх в январе 1841 г. счёл нужным обратиться к преемнику Уэйда Кларку, чтобы выяснить отношение Компании к готовящемуся им перевороту (агент заверил, что Компания не против) [Singh Kh., 1971, p. 10, 30]. Для будущего панджабской независимости то были нехорошие признаки.

Ост-Индская Компания до поры проявляла сдержанность: ей по-прежнему было выгодно существование Панджаба как буфера на самой уязвимой границе Индии. Так, в 1840 г. Окленд, получая из Панджаба донесения о тенденции к анархии, выразил намерение поддерживать его правительство — пока оно *«выполняет условия нашего союза»* [The Punjab Papers, 1970, p. 41–42]. Генерал-губернатор Хардинг выражал надежду, что в Панджабе восстановится центральная власть, хотя надежда эта слабела [Muir, 1969, p. 333]. Бывший премьер-министр Великобритании (1828–30) герцог Веллингтон в Лондоне заявил в 1842 г., что предпочёл бы *«оставить сикхов владеть своим Панджабом»* [Private Correspondence, 1955, p. 455]. Калькутта стремилась по возможности не раздражать Лахор, о чём свидетельствует, например, смена в апреле 1840 г. политического агента в Лудхиане. Уэйд прожужжал генерал-губернатору все уши об антибританских настроениях Дхиана и Наунихала, открыто обвинял принца в убийстве Чет Сингха и узурпации власти, и, видимо, переусердствовал. Когда Наунихал потребовал заменить Уэйда более дружественно настроенным агентом, в Калькутте предпочли уступить; новым агентом и был назначен сэр Джордж Расселл Кларк (1840–43). Впрочем, когда престол занял Шер Сингх, новый агент в Лудхиане, по свидетельству очевидца князя Салтыкова, вёл себя с ним довольно высокомерно: *«Особливо с Кларком, который обходится с ним очень гордо, бедный король приходит беспрерывно в смущение»* [Салтыков, 1985, с. 107]. С Ранджитом британцы себе такого не позволяли¹. Здесь вспоминаются слова Сталина, сказанные им его

¹ Замена Уэйда Кларком по требованию лахорского дарбара — пример гибкости политики Ост-Индской Компании в отношении княжеств Индии. Если индийские правители, при дворе которых находились резиденты (в данном случае агент сидел на границе), активно выражали недовольство их поведением (слишком сильным давлением, недружественными действиями, угрозами, высокомерием или злым нарушением этикета), генерал-губернатор иногда шёл им навстречу и отзывал резидентов. Так, по настоянию маратхского сардара Мадходжи Шинде в 1780-е годы из его ставки были ото-

окружению незадолго до смерти: когда его не станет, империалисты легко обведут их вокруг пальца.

Уступая в каких-то вопросах, Ост-Индская Компания с уходом в Панджабе харизматической фигуры не преминула воспользоваться ослаблением высшей власти в стране. Уже в 1840 г. её политические агенты без лишнего шума объявились в нескольких городах страны — Пешаваре, Равалпинди, Дера-Исмаил-хане (на стратегически важной западной границе). Компания даже начала вмешиваться в назначение отдельных чиновников: поскольку догры были известны своими антибританскими настроениями, в 1841 г. Шер Сингх по настоянию Кларка отказался от идеи назначить Гулаб Сингха назимом Пешавара.

Преемники Ранджита дали слабину в важном вопросе прохода британских войск через Панджаб. Отступив от принципа Ранджита — никогда не делать из страны «проходной двор» для чужих войск, — Наунихал в октябре 1840 г. впервые пропустил через Панджаб англо-сипайскую армию. Это был корпус генерала сэра Джона Кина, который возвращался из Афганистана, оставив там гарнизоны (Кин спустился в Индию Хайберским проходом). Правда, сикхи настояли на том, чтобы британцы обогнули по широкой дуге столицу, и тем пришлось пообещать, что это — первый и последний раз, когда они пересекают сикхские владения. Однако британцы нарушили это обещание уже при Шер Сингхе, который, войдя в их положение в Афганистане, позволил карательному корпусу генерала Дж. Поллока вторгнуться в эту страну опять же через Хайберский проход. По панджабской земле второй раз прошли сапоги её будущих завоевателей.

званы резиденты Дж. Эндерсон и У. Киркпэтрик. Показательно, однако, что отозвание резидента чаще имело место в том случае, если князь был ещё независим от Компании, — как Шинде, как Наунихал Сингх в Панджабе. Если на резидента жаловался уже зависимый от британцев правитель, генерал-губернатор чаще ограничивался выражением резиденту своего неодобрения — как в случае с резидентом в Авадхе подполковником Дж. Бэйли (1807–16), который слишком напористо вёл себя с навабом Саадат Али-ханом.

Примеры того, как посол сознающей свою силу державы порой обращается с лидером другого государства как резидент Ост-Индской Компании, есть и в недавней истории Южной Азии. В 1996 г. посол США Том Саймонс на встрече с премьер-министром Пакистана Беназир Бхутто пытался заставить её разорвать контракт с аргентинской энергетической корпорацией *Bridas* в пользу американской корпорации *Unocal* (речь шла о нефте- и газопроводе из Средней Азии через подконтрольный талибам Афганистан) и прямо назвал поведение пакистанской стороны вымогательством (требование взятки в обмен на разрыв контракта). Саймонс прозрачно намекал на мужа Бхутто — Асифа Али Зардари (нынешний президент Пакистана). Бхутто буквально выгнала Саймонса со встречи и пожаловалась в Вашингтон, настаивая, что посол США не имеет права обращаться с премьер-министром Пакистана таким образом. (Справедливо ли выдвинутое американцем обвинение — вопрос отдельный.) Саймонсу пришлось извиниться.

Следуя привычным курсом на ползучее подчинение княжеств Индии, Компания выжидала момента, чтобы поставить Страну пяти рек в зависимость по примеру Хайдарабада, Майсура и других политий (набила руку за столетие). Следя за борьбой в среде лахорской знати, генерал-губернатор Элленборо писал в 1842 г. герцогу Веллингтону: *«Увидите, в какое ложное положение заведёт их властолюбие... государство Панджаба — под моей пятой. Однако я хожу лишь, чтобы оно выполняло свои обязательства и было безвредным. Конфликт группировок в Панджабе с каждым годом будет делать его всё более зависимым... Я намерен вести себя самым угловатым и великодушным образом по отношению к обеим партиям и ждать, пока меня не позовут»* [The Punjab Papers, 1970, p. 63]. Элленборо считал, что беспорядок в сикхской державе может привести к установлению контроля Компании над Панджабом *«без всякого усилия с нашей стороны»* [Muir, 1969, p. 332]. Так же высказался сменивший его в июле 1844 г. его зять Хардинг: *«Сдержанность не повредит нам, если тем временем холмы и равнины ослабят друг друга»* [The Punjab Papers, 1970, p. 83].

Одним из выделенных мной инструментов контроля Ост-Индской Компании над уже зависимыми от неё княжествами Индии была поддержка некоторых влиятельных лиц или семей в целях создать из них британскую клиентуру внутри княжества¹. Попытались это сделать британцы и в Панджабе. Напомню, что именно политический агент Кларк (как раз в ходе визита весной 1842 г., когда с ним приехал Салтыков) убедил Шер Сингха принять назад братьев Сандханвалиа — его будущих убийц. Целью британцев было получить в лахорском дарбаре группировку, обязанную своим новым возвышением им, и «разбавить» могущество Дхиан Сингха — пожалуй, самого последовательного недруга британцев.

Среди стратегов Британской Индии были и такие, кто хотел просто расчленить Панджабскую империю. Уже после гибели Наунихала главный вдохновитель первой англо-афганской войны секретарь Окленда сэр Уильям Макнатен предложил объявить Амритсарский договор 1809 г. потерявшим силу, разделить Панджаб между дограми и семьёй Сандханвалиа, а Пешавар вернуть афганцам. Однако генерал-губернатор ожидал, что империя вскоре распадётся сама [Singh Kh., 1971, p. 29]. Подозреваю, что, сидя в это время в Кабуле в качестве посла Компании при Шахе Шудже, Макнатен смотрел на Панджаб афганскими глазами (конечно, учитывая, что сам Шах Шуджа подконтролен британцам).

В Лахоре по вопросу о дальнейшем курсе в отношении грозного соседа единства не было. Правящую династию водило из стороны в сторону: Кхарак Сингх склонялся к дружбе с Компанией, Наунихал Сингх смотрел на неё

¹ См.: [Фурсов К., 2006, с. 193–194, 235–236, 245–246].

враждебно, Шер Сингх вновь склонялся к дружбе. Как следует из донесений тайных британских агентов, единодушия не было и среди министров. Одни (например, министр финансов Дина Натх) считали, что британцам можно верить [Punjab on the Eve..., 1956, p. 82]. Другие (такие, как вазир Хира Сингх) настаивали, что на её заверения в дружбе полагаться нечего. Проницательный пандит Джалла в июне 1844 г. обратил внимание дарбара на закономерность: Окленд вторгся в Афганистан, сменивший его Элленборо захватил Синд и маратхское княжество Гвалияр; логично, что следующий генерал-губернатор займётся Панджабом [Punjab on the Eve..., 1956, p. 225]. Так оно и выйдет.

Обострение отношений с Ост-Индской Компанией привело к отъезду из Панджаба европейских специалистов Ранджита. На них всё больше смотрели как на её потенциальную «пятую колонну». Ещё в декабре 1843 г. в отставку подал Вентура — он вернулся в Париж и зажил там весьма безбедно. В том же году из Панджаба, пока не поздно, уехали Авитабиле и Корт (что до Аллара, то он умер в 1839 г. в Пешаваре). По инициативе пандита Джаллы Хира Сингх указал на дверь другим европейцам, ещё остававшимся в сикхской армии.

Вести дело к войне британцы начали ещё при генерал-губернаторе Элленборо. После окончания бездарной афганской войны выведенные оттуда войска были расквартированы в Фирозпуре, как раз на границе с Панджабом. Британцы успокоили лахорский дарбар, что уведут эти части с границы, но не торопились. Более того, Компания стала прибавлять к ним новые, да ещё строить в Фирозпуре форт.

Военные приготовления, какими бы неспешными они ни были, означали, что Ост-Индская Компания коренным образом пересматривает курс в отношении Панджаба. Причин было несколько.

Во-первых, британцы опасались, что неподконтрольный им северо-запад Индии послужит плацдармом для вторжения России. Говоря о деятельности британцев в этом углу южноазиатского региона, следует постоянно помнить контекст Большой Игры — геополитического противостояния Британской и Российской империй в Центральной Азии. Ещё после взятия русскими Эрзерума в ходе русско-персидской войны конца 1820-х годов граф Элленборо, тогда председатель Контрольного совета по делам Индии в Лондоне, писал: *«У меня сердце кровью обливается от каждого их успеха там. Я воспринимаю это как победу над самим собой, потому что Азия — моя»* [Imlah, 1939, p. 38]. Хотя у Элленборо была репутация лучшего администратора в консервативной партии после сэра Роберта Пиля (премьер-министр Великобритании в 1834–35 и 1841–46 гг.), вообще он имел неудовлетворённые амбиции, а его заветной мечтой было... возглавить экспедицию по захвату Египта; за несдержанность в речах его прозвали Слоном. Об Индии этот министр с наполео-

новскими замашками тогда же писал, что «вторжение (России. — К.Ф.) в Индию на практике не просто осуществимо, а легко осуществимо, если мы не намерены действовать в качестве азиатской державы. Нам следует захватить Лахор и Кабул» [Cavendish Bentinck, 1977, p. 381–382, n. 1]. С Кабулом в 1841–42 гг. вышел конфуз. Лахор же находился в самой Индии, а здесь, на субконтиненте, британцы чувствовали себя полными хозяевами. Неподконтрольность Панджаба они воспринимали уже как некую аномалию, анахронизм, который пора устранить. Ведь всего за два года до этого, в 1843 г., Компания с лёгкостью захватила южных соседей Панджаба — эмираты Синда. К тому же потеря контроля над Кабулом отбросила британцев из Центральной Азии на берега Ямуны — Ганги, а в условиях набиравшей обороты Большой Игры британцы испытывали потребность в аванпосте если не в самой Центральной Азии, то хотя бы на её рубеже — в Северо-Западной Индии. Независимый Панджаб уже мешал этому.

Во-вторых, британцы ещё не до конца излечились от афганской травмы и рвались компенсировать страшное поражение. Получив в Афганистане по рукам, Ост-Индская Компания стремилась развязать маленькую победоносную войну где-нибудь поближе, в самой Индии, чтобы поправить сильно пошатнувшийся престиж британского оружия в Азии. Любая колониальная империя в Азии просто не могла позволить себе такую роскошь, как военное поражение: иначе начнутся волнения среди уже покорённых народов. Именно это соображение было одной из причин силовой аннексии Синда. Не одобрявший этой аннексии чиновник Компании сэр Маунтстюарт Элфинстон остроумно сравнил её с хулиганом, который получил взбучку на улице и, придя домой, избил в отместку жену. Однако выяснилось, что Синд — это не совсем то. Генералу сэру Чарлзу Нэпиру не составило особого труда разогнать плохо вооружённые толпы белуджей. Хотелось чего-то посущественнее. Военный зуд Компании вполне мог утолить Панджаб.

В-третьих, британцев серьёзно обеспокоил успех армейского мятежа по соседству: они опасались, что сикхи подадут плохой пример их собственным сипаям. Действительно, зимой 1843–44 гг. в Фирозпуре вспыхнул мятеж: сипаи были недовольны большой разницей между своим жалованьем и жалованьем солдат-сикхов (соответственно 8,5 и 12,5 рупий в месяц). Отдельные сипаи начали перебегать границу и поступать на панджабскую службу. В марте 1844 г. генерал-губернатор Элленборо с тревогой отметил: «Пример мятежной армии в Лахоре, угрозами вымогающей прибавку к жалованью у своего номинального правительства, опаснее для нас, чем та же армия на поле боя» [The Punjab Papers, 1970, p. 71].

В-четвёртых (может быть, это главная причина), наблюдения за кровавой и продолжительной борьбой за власть в Лахоре всё больше утверждали британцев в мысли о грядущем властном хаосе в Панджабе, распаде империи и

сикхском варианте полчищ пиндхари, которые могут хлынуть через границу на территорию Компании. (Пиндхари были иррегулярной конницей маратхов, которая в начале XIX в. совершала грабительские набеги из их княжеств на соседние районы, в том числе на территории Ост-Индской Компании; масштабная операция британцев по искоренению банд пиндхари вылилась в третью и последнюю англо-маратхскую войну 1817–18 гг.) О таком варианте развития событий писал, например, тот же Элленборо [The Punjab Papers, 1970, p. 69]. Британцы сильно недооценили степень самоорганизации хальсы, считали, будто в отсутствие контроля дарбара панджабская армия не удержит единства страны, а сама вырождается в орды грабителей и мародёров. Соответственно, была выдвинута задача не допустить их набегов. Ещё в 1830 г., когда Ранджит чем-то приболел, генерал-губернатор Бентинк писал Элленборо (тогда председателю Контрольного совета в Лондоне), что его кончина *«была бы крупной потерей: он достаточно разумен, чтобы не помышлять о нападении на британскую державу»* [Cavendish Bentinck, 1977, p. 484–485]. Британцы, стало быть, давно опасались, что преемники Ранджита могут оказаться не столь благоразумны.

Таким образом, интересы Британской империи требовали ликвидировать последнюю независимую политику Индии. В глазах британцев Панджаб после всего, что произошло со смерти Ранджита, был слабой политией, с мятежной армией, да ещё раздираемой центробежными тенденциями.

В ноябре 1844 г. новый политический агент в Лудхиане майор Джордж Броудфут (1844–45) писал Элленборо о *«всеобщем желании войны»* среди британских военных и о недопустимости половинчатых мер. *«Мы должны либо взобраться на вершины Гималаев, либо остановиться в ложном положении»*, воинственно писал агент [The Punjab Papers, 1970, p. 78]¹.

Сначала британцы попробовали стратегию не прямых действий.

В 1844 г. уцелевший участник убийства Шер Сингха сардар Атар Сингх Сандханвалиа, которого вновь приютили британцы, задумал переворот в пользу принца Кашмира Сингха. Рассчитывая получить в Лахоре подконтрольного саркара, тогдашний агент в Лудхиане полковник Ричмонд помог Атар Сингху деньгами и оружием (хотя позднее генерал-губернатор и не

¹ Интересно, что Броудфут писал дальше: *«Пройдя Панджаб, мы вступаем в ту огромную массу гистого магометанства, которая простирается от Инда до Средиземного моря. К нему мы должны рано или поздно прийти; однако мы не можем останавливаться и продвижение в таких странах менее губительно, чем остановка»* [The Punjab Papers, 1970, p. 78]. Ну, здесь майор переоценил возможности Британской империи. Броудфут слишком широко шагал (игра слов: англ. *broad foot* — «широкая нога»). Установить контроль над **частью** упомянутой им исламской зоны британцам удастся только в ходе Первой мировой войны, когда они захватят Месопотамию, Палестину и Трансиорданию, а также оккупируют юг Ирана с его нефтью.

одобрил его действий). Сардар набрал отряд, заручился поддержкой сикхского религиозного деятеля Бхай Бир Сингха, в мае 1844 г. пересёк Сатледж и двинулся к Лахору. Армейские панчаяты отреагировали быстро: ещё недалеко от границы отряд Атар Сингха перехватили и истребили. Погибли и он сам, и Бхай Бир Сингх, и незадачливый принц-претендент. Вторжение Атар Сингха резко обострило подозрительность армии к британцам — было за что. Не случайно ещё в письме от 11 февраля 1844 г., за 10 месяцев до войны, Элленборо в письме Секретному комитету директоров Компании охарактеризовал англо-панджабские отношения как «вооружённое перемирие»¹ [Private Correspondence, 1955, p. 465]. Ещё Салтыков сравнил отношения сикхов и британцев с «дружкой волков и ловчих» [Салтыков, 1985, с. 100].

Описанная авантюра отчасти напоминает рейд доктора Л.С. Джеймсона в бурскую республику Трансвааль в декабре 1895 – январе 1896 г. Британские официальные власти (премьер-министр Капской колонии Сесил Родс с ведома министра колоний Великобритании Джозефа Чемберлена) тогда тоже попытались совершить в сопредельной стране переворот, не прибегая к масштабному вторжению — с помощью нескольких сот экипированных ими наёмников, которые действовали якобы всецело по собственной инициативе. Целью рейда было поднять на восстание против президента П. Крюгера англосаксонскую часть населения Трансвааля, захватить власть и присоединить республику к британской Южной Африке. Рейд Джеймсона кончился таким же провалом, как рейд Атар Сингха; Джеймсон и его люди попали в окружение, сдались бурам и были с позором выданы британской стороне для суда как преступники. Поэтому вскоре, в 1899 г., британцам «придётся» пустить в ход регулярные войска; итогом станет тяжелейшая для них вторая англо-бурская война 1899–1902 гг. Своей цели британцы достигнут, но лишь путём полноценного военного вмешательства. Так будет и в Панджабе.

Захват страны сикхов казался лёгким — тем более что британцы обнаружили встречное движение со стороны лахорского дарбара. Как я сказал, выяснилось, что в задаче разгромить армию Панджаба у британцев есть единомышленники — правительство страны и командование её армии.

За военной помощью против собственной армии дарбар недвусмысленно обратился к Компании уже в январе 1845 г. Катализатором таких настроений стала расправа солдат над Хира Сингхом, после которой сардарство окончательно охватило чувство физической небезопасности. Однако в начале 1845 г. британцы ещё не стянули к границе достаточно сил, поэтому проигнорирова-

¹ Индийский историк В. Кумар воспользовался этим выражением, чтобы обозначить третий этап в своей схеме истории англо-сикхских отношений до первой войны. Первым этапом он считает 1809–35 гг., когда стороны поддерживали искренне дружеские отношения; вторым этапом — период с 1835 г. по сентябрь 1843 г., когда нарастало взаимное недоверие [Kumar, 1978, p. 168–169].

ли обращение. Тогда 24 февраля регентша с сыном и братом (вазиром Джавахир Сингхом) в отчаянии попыталась бежать на британскую территорию. Здесь напрашивается аналогия с попыткой побега другой августейшей фамилии из собственной страны — тайным отъездом семьи Людовика XVI из революционного Парижа в июне 1791 г. Правда, если Бурбоны доехали хотя бы до Варенна, то семье сикхского саркара не удалось выбраться даже из столицы. С несколькими слугами она отбыла в сад Шалимар — якобы погулять. На этом побег и закончился. Армейские панчаяты не дремали и немедленно разослали патрули, перекрыв все выходы из города. Монаршей семье пришлось вернуться и даже заявить, что слухи о побеге лживы и будут пресекаться.

Аналогия с французскими событиями усиливается тем, что через несколько месяцев после неудачного побега армия впервые в истории Панджаба казнила члена монаршей семьи.

В июле 1845 г. возникло беспокойство на западе страны: поднял мятеж принц Пешавара Сингх. Во главе всего семи воинов он проник в Аттокскую крепость и с помощью искусного блефа принудил весь гарнизон к сдаче. (За это потом о нём одобрительно говорили: «*Настоящий сын Ранджит Сингха!*») Против принца были направлены сикхский сардар Чатар Сингх Атаривала и местный мусульманский князёк Фатех-хан Тивана. Солдаты не хотели поднимать оружие на принца, а их командиры убедили его оставить крепость и поехать в Лахор, гарантировав безопасность. Видя расположенность к нему войск, Пешавара Сингх уверился, что возьмёт власть без боя — благодаря популярности, — и согласился. В 20 милях от Аттока он отстал поохотиться на кабанов. Во время отдыха после охоты его по приказу Фатех-хана схватили, доставили обратно в Атток и 31 августа тайно удавили. По иронии судьбы, случилось это недалеко от Пешавара, в честь которого и назвали принца. Фатех-хан выполнял инструкции вазира Джавахир Сингха. Дядя саркара опасался претендента на престол — ведь Пешавара Сингх был старше его племянника Далипа.

Узнав об убийстве Пешавара Сингха, армия пришла в ярость. Во-первых, вазир, по её мнению, превысил свои полномочия. Во-вторых (это, пожалуй, главное), Пешавара Сингх служил армии удобным орудием шантажа, посредством которого она регулярно вырывала у регентши уступки. Как отметил генерал-губернатор Ост-Индской Компании граф Хардинг, принца использовали «*как насос, с помощью которого солдатня выкачивает средства из казны. Она объявляет его сувереном всякий раз, как рани отвегает ей отказом. Когда она уступает, солдаты убирают его в сторону до следующего слугая*» [The Punjab Papers, 1970, p. 81]. Тут Джавахир Сингху припомнили переписку с британцами, попытку бежать, недоверие к армии, нарушение обещания в очередной раз повысить ей жалованье, а также отличавшие его мстительность и высокомерие.

21 сентября 1845 г. вазира вызвали на собрание армейских панчаятов — ответить на обвинения. Джавахир Сингх понимал, чем это может кончиться, поэтому в хауду слона, на котором ехал, поднял 7-летнего саркара: надеялся, что присутствие царственного племянника умиротворит гнев солдат. К тому же вазира сопровождали два слона, груженные рупиями: он рассчитывал задобрить армию. Однако Джавахир Сингху велели спустить Далипа на землю, и вместе с матерью его увели в приготовленную палатку. Солдат-сикх поднялся по лестнице в хауду Джавахир Сингха, проткнул его штыком и сбросил со слона на землю, где вазира тут же добились штыками другие солдаты. Конечно, эта расправа многократно усилила ненависть Джхиндан к армии. Говорили, что она поклялась отомстить. А четыре жены Джавахир Сингха, всходя на его погребальный костёр, прокляли сикхскую армию и предсказали ей скорую гибель.

После расправы с вазиrom охотников занять этот пост долго не находилось, и на собраниях министров Джхиндан председательствовала сама. Наконец 8 ноября махарани назначила вазиrom своего фаворита Лал Сингха (ум. 1867). Вместе с главнокомандующим сикхской армией Тедж Сингхом (1799–1862) он станет могильщиком панджабской независимости.

Со смертью Ранджит Сингха в 1839 г. в Панджабской империи вырвались на свободу центробежные силы, что объясняется сугубо личным характером власти её основателя. Как отмечает индийский историк Г.Л. Чопра, Ранджит больше, чем другие известные истории деспоты, являлся «государством в одном лице», поэтому его смерть быстро привела к параличу центральной власти, тем более что только его фигура примиряла враждующие придворные группировки [Chopra G., 1960, p. 140]. Панджабская империя была порождением Ранджита и «подогнана» под него одного. Выше я цитировал фразу из хроники *Умдат-ут-таварих*: Ранджит был «пробным камнем и мерой для дел всякого рода» [Suri, 1961, p. 515]. Её можно истолковать и в том смысле, что Ранджит находился в самом центре основанной им империи и прочно держал в руках все её нити. Система управления была слишком завязана на саркара-основателя лично. Политика Ранджит Сингха — яркий пример патримонической империи, которая почти не пережила своего создателя. В этом смысле она, пусть и значительно уступая им размерами, стоит в одном ряду с империями Александра Македонского, Чингис-хана, Тимура. (На первый взгляд к этой категории относится и китайская империя Цинь Ши-хуанди, но, заложив административную традицию, Первый император объективно поработал на пришедшую следом империю Хань.)

Трое из четырёх преемников Ранджита были слабыми правителями (четвёртый — Наунихал Сингх). В отличие от него никто из них был не в состоянии искусно играть на противоречиях группировок придворной знати, не

давая чрезмерно усилиться ни одной из них (как всю жизнь делал Ранджит). Не пользовались преемники Ранджита и популярностью в войсках. После него — на его фоне — заслужить популярность у созданной им армии вообще было исключительно трудно. Борьба в среде знати за власть, которая глухо шла и при жизни Ранджита, очень скоро после его смерти вылилась в потоки крови. Убийство Дхиан Сингхом Чет Сингха Баджвы в 1839 г. стало Рубиконом, перейдя который правящая элита Панджаба стала всё больше утверждаться во мнении: нет человека — нет проблемы. (То был разрыв с политикой Ранджита.) А создание Ранджитом первоклассной армии ввело его эпигонов в соблазн пускать её в ход для расправы над соперниками, и никто перед соблазном не устоял. Результат — чехарда саркаров и то, что отечественный исследователь К.А. Демичев верно назвал системным кризисом власти [Демичев, 2007, с. 14].

Однако вмешательство армии в дворцовые перевороты привело её к власти. Это проявилось уже в начале правления «солдатского императора» Шер Сингха (1841 г.), а после гибели Хира Сингха (1844 г.) армия поставила дарбар под контроль окончательно. Налицо любопытное отклонение от обычной восточной патримонии: её выдающийся основатель умер, всё стало рассыпаться, но армия (хальса в узком смысле) самоорганизовалась и собрала империю обратно в кулак. Залог этого успеха — реформа Гобинд Сингха и демократические традиции сикхов-джатов. Это были те же удивительные способности общины к самоорганизации, которые в XVIII в. позволили сикхам пережить репрессии Абд-ус-Самада, Закарии, Мира Манну. Недаром гуру Гобинд объявил носителем верховной власти в хальсе всю её целиком, весь коллектив сингхов, да и Ранджит этой формальности придерживался. Санкция последнего гуру дала сикхам религиозно-юридическое обоснование законности своего коллективного права на власть — сначала в рамках собственной общины, затем в системе ракхи (когда власть сикхов распространилась на несикхское население разных частей Панджаба), а начиная с Ранджита — в империи.

Историки (например: [Кочнев, 1968, с. 68]) правы, отмечая, что выкованная Ранджитом армия — нечто большее, чем наёмное войско, это действительно была армия сикхского народа как создатель и хранитель империи. Потому и сумела она выступить субъектом действия в условиях наступившего в Пятиречье властного хаоса, поставить под контроль знать и — попытаться — защитить независимость страны от грозного соседа. В этом отношении Панджаб среди всех политий-преемников Могольского султаната, пожалуй, уникален. У остальных князей Индии, в том числе тех, кому довелось столкнуться с британцами (наваб Бенгалии Мир Касим, Хайдар Али и Типу Султан в Майсуре, маратхские пешва и сардары), армии были только набором наёмных отрядов с довольно пёстрым этническим и кастовым составом.

Неизвестно, правда, как долго смогла бы сикхская армия поддерживать в Панджабе *status quo*, не столкнувшись она с внешней силой — британцами. Со временем из армейской среды могло выдвинуться несколько лидеров, подобных основателям мисалов середины XVIII в.; они стали бы бороться друг с другом, а тем временем от Панджабской империи отпали бы окраины (Мултан, Кашмир, Джамму, Дераджат). Потом, возможно, пришёл бы новый Ранджит Сингх, и всё могло повториться.

Однако в условиях колониальной эпохи решающим стал внешний фактор — Ост-Индская Компания. После покорения ею Синда Панджаб оставался единственной политией Индии вне зоны прямого либо косвенного управления Компании. В начале 1840-х годов британцы взяли курс на подготовку к решению панджабского вопроса военным путём. Причин было несколько: контекст Большой Игры с Россией, стремление компенсировать победоносной войной поражение в Афганистане, опасение заразительного примера мятежной сикхской армии для сипаев Компании, опасение властного хаоса в Панджабе, будто бы чреватого набегами сикхов на британские территории. Интересы британцев совпали с интересами лахорского дарбара, который хотел избавиться от контроля собственной армии, но не имел на это сил. Стороны вступили в контакт и достигли взаимопонимания: дарбар толкает армию на войну с Компанией, а та перемалывает её с помощью своей военной машины.

Однако львы Пятиречья не разучились неприятно удивлять противников.

VII.2. Первая англо-сикхская война (1845–46)

К ноябрю 1845 г. Ост-Индская Компания завершила военные приготовления. В четырёх военных базах у границ с Панджабом — в Фирозпуре, Лудхиане, Амбале и Мератхе — были собраны внушительные силы: более 40 тыс. солдат при 94 орудиях. На Сатледже был накоплен крупный понтонный парк — лодки для переброски этого корпуса вторжения. Во главе корпуса стоял сам главнокомандующий вооружёнными силами Британской Индии генерал сэр Хью Гоф (1779–1869). Этот седовласый ирландец обладал ореолом победителя. Он был ветераном войны на Иберийском полуострове с Наполеоном; сам герцог Веллингтон произвёл Гофа в подполковники на поле боя при Талавере в возрасте всего 28 лет. Во время первой «опиумной» войны с Китаем 1839–42 гг. Гоф командовал британскими силами в этом конфликте. Туда же, к границе с Панджабом, подъехал генерал-губернатор сэр Генри Хардинг. Он тоже был военным, тоже воевал в Испании с французами, потерял левую руку при Линьи, а при Ватерлоо служил офицером связи между Веллингтоном и прусским фельдмаршалом Блюхером.

Между тем в Лахоре махарани Джхиндан и её окружение изо всех сил раздували в армии и без того сильные антибританские настроения¹. Новый вазир Лал Сингх огласил в дарбаре подложные письма — якобы жалобы панджабских чиновников левобережья Сатледжа на ползучий захват этих территорий британцами. Напомню, что хотя в 1809 г. стороны поделили Северо-Западную Индию по Сатледжу, у Ранджита по договору на левом берегу осталась узкая полоса владений. Направляемые на этот раз сверху, двором, искры антибританской истерии разожгли пожар почти моментально. Дислокация англо-сипайской армии прямо за Сатледжем развеивала все сомнения: британцы намерены покончить со Страной пяти рек.

Поводами к англо-сикхской войне стали пограничные инциденты, которые происходили по инициативе агента в Лудхиане Брудфута. Так, в марте 1845 г. панджабский судья Лал Сингх, выполняя свои официальные обязанности, переправился на левый берег Сатледжа — на сикхскую же территорию. Брудфут велел сикхам убираться, но когда они уже садились в лодки, охрана агента обстреляла их и нескольких человек схватила. Такие провокационные инциденты, безусловно, накаляли ситуацию. Наконец панчаяты, подталкиваемые двором, рассудили, что лучшая защита — это нападение. Сикхи рвались в бой и 19 ноября вызвали придворного астролога — определить благоприятную дату переправы через Сатледж для начала войны. Тот заявил, что ближайший удобный день — 28 ноября. Солдаты не хотели ждать так долго, поднялась буря негодования, астролога обозвали шарлатаном. Тот перепугался и объявил благоприятным днём 23 ноября [Vrise, 1969, p. 96]. И всё же по причине разных задержек переправа состоялась лишь 11 декабря. На левый берег Сатледжа переправились основные силы сикхской армии — 60 тыс. человек при 150 орудиях под командованием Тедж Сингха и Лал Сингха.

Этого-то и добивались британцы: агрессором должен был выглядеть Панджаб. Генерал-губернатор Хардинг ухватился за переправу войск как за *casus belli* и уже 13 декабря издал прокламацию, где обвинил Панджаб в нарушении Амритсарского договора 1809 г. Он заявил, что нападение сикхской армии ничем не спровоцировано, и возложил всю ответственность на неё. Ещё генерал-губернатор в этом документе поставил себе в заслугу, что, несмотря на «многие в высшей степени недружественные поступки со стороны дарбара» продолжал стремиться к миру и «в каждом слугае демонстрировал крайнюю сдержанность из уважения к беспомощности» ребёнка-саркара Далип Сингха [Aitchison, 1931, p. 49].

¹ Ещё в 1841 г. политический агент в Лудхиане Кларк предвидел возможность того, что «демократическая революция, так успешно проведённая сикхской армией», заставит знать обратиться к Компании за помощью. Кларк предложил тогда послать к Лахору 12-тысячный корпус, чтобы разбить сикхскую армию, укрепив власть Шер Сингха, а за услуги взять с него 40 лакхов и владения в Мальве [Muir, 1969, p. 334].

Между тем сама по себе переправа через Сатледж ещё не составляла вторжения: сикхи переправились на собственную территорию — упомянутую узкую полосу, которая принадлежала Панджабу. Однако, спровоцировав сикхов, британцы воспользовались лазейкой в Амритсарском договоре. Напомню один пункт: *«Раджа никогда не будет держать на территории, занятой им и зависимыми от него лицами на левом берегу реки Сатледж, большие войска, чем необходимо для внутренних нужд этой территории»* (т.е. полицейских функций) [A Collection..., 1812, p. 306]. А вот британцы аналогичного обязательства не скапливать войск со своей стороны границы не давали. Чтобы доказать ложность утверждения Хардинга о неспровоцированности вторжения сикхов, достаточно одного аргумента: осенью 1845 г. генерал-губернатор сам подъехал (даже не из Шимлы — из далёкой Калькутты) к границе с Панджабом. Так накануне рейда Джеймсона в Трансвааль к его границе не поленился подъехать из Кейптауна верховный комиссар Южной Африки сэра Херкьюлис Робинсон — чтобы, когда бурский президент П. Крюгер будет свергнут, сразу заполнить вакуум власти в республике.

Касаясь проблемы ответственности за развязывание первой англо-сикхской войны, ранние имперские историки возлагали её всецело на сикхскую армию [Gazetteer of the Punjab..., 1888–9, p. 90; Gough, Innes, 1986, p. 58–60]. Только чиновник Ост-Индской Компании Джозеф Каннингхэм (1812–51) в вызвавшей резонанс книге «История сикхов» (1849 г.) заявил, что наращиванием военного присутствия на границе британцы спровоцировали сикхов на вторжение. *«Учитывая искреннее намерение англичан жить с Панджабом в мире, проводимая ими политика не демонстрирует того строгого следования формальным соглашениям и той высокой мудрости и верной проницательности, которые должны отличать планы разумной державы, знакомой с реальной жизнью и историческими примерами»* [Cunningham, 1903, p. 346]. Позднее имперская историография по сути приняла это мнение, подчёркивая вместе с тем, что Компания вела военные приготовления с чисто оборонительной целью [Archbold, 1929, p. 548]. Наконец, индийские и советские специалисты безоговорочно называют агрессором Компанию [Hasrat, 1968, p. 17–18; Семёнова, 1958, с. 135]. Хотя к войне привела растущая как снежный ком взаимная подозрительность и британцы отчасти действительно считали, что готовят **превентивный** удар, в целом верна именно третья точка зрения.

В самом деле, ещё в апреле 1844 г. Элленборо писал, что только к ноябрю 1845 г. Компания соберёт на границе достаточно сил, чтобы отразить возможное вторжение сикхов [Private Correspondence, 1955, p. 467]. Странное совпадение: это вторжение произошло в декабре 1845 г., когда британцы полностью подготовились к нему — вернее, **посчитали**, будто полностью готовы.

Великобритания достигла пика своей мировой гегемонии. Страна уверенно функционировала в качестве «мастерской мира» и крупнейшего морского

перевозчика, не говоря уж о неоспоримом статусе «владычицы морей», который окончательно принёс Трафальгар. Именно в 1830–40-е годы завершилась первая фаза индустриализации, основанная на текстильном производстве, и началась вторая, в основе которой лежали уголь, железо и сталь. Быстро развивалось пароходное сообщение, строились первые железные дороги. В 1837 г. на трон Соединённого Королевства вступила самая знаменитая в его истории королева — Виктория. Это ознаменовало начало долгой викторианской эпохи (1837–1901), с которой связано наивысшее могущество страны в мире.

Непрерывно расширялась Британская империя. К 1830-м годам относится (пусть и неудачный) эксперимент заселения Южной Австралии в духе идеи «систематической колонизации» Э.Г. Уэйкфилда. В 1839 г. как реакция на канадское восстание 1837 г. увидел свет знаменитый отчёт графа Дарэма, который, рекомендуя даровать белым колониям самоуправление, позволил Британии не наступить дважды на грабли американской революции. В 1840 г. в результате договора с вождями племён маори в Вайтанги была официально объявлена колонией Новая Зеландия. В 1842 г. по итогам первой «опиумной» войны с Цинской империей британцы впервые получили аванпост на подступах к Китаю — остров Гонконг. В Афганистане, правда, ничего не вышло, зато в самой Индии в 1843 г. Ост-Индская Компания в ходе короткой военной кампании присоединила два из трёх эмиратов Синда — Хайдарабад и Мирпур (Хайрпур позволили сохранить автономию). В том же году у британцев появилось второе (наряду с Капской колонией) владение в Южной Африке — Наталь.

В этом победном марше сикхский Панджаб стал тем камнем преткновения, о который Британская империя едва не сломала свои натренированные клыки.

Хотя действовавший на руку британцам лахорский дарбар сам подтолкнул армию к решительным действиям, её организованная переправа через Сатледж неприятно удивила британцев. Если они и ожидали появления сикхов на своей территории, то только в виде рыщущих банд грабителей, в которых, по их мнению, должна была превратиться сикхская армия без контроля со стороны дарбара. Противник рассчитывал разбить сикхов на их же территории и никак не ожидал, что сикхи посмеют вступить в открытое противоборство с армией Компании. В декабре 1845 г., даже когда основные силы сикхской армии уже двинулись из Лахора к границе, Хардинг не верил, что они достигнут Сатледжа и сами начнут войну [The Punjab Papers, 1970, p. 126]. Так накануне второй англо-бурской войны 1899–1902 гг. усиленно разжигавшим её британцам не придёт в голову, что военные силы республик Трансвааль и Оранжевое свободное государство нанесут величайшей империи мира превентивный удар, сами перейдя границу и осадив сразу три города.

Переход Сатледжа означал, что сикхи принимают вызов.

Однако во главе их стояли предатели. Вазир Лал Сингх и главнокомандующий Тедж Сингх имели в этой войне одну цель — добиться разгрома собственной армии. Если на то пошло, им и стараться было особо не надо: как военные руководители оба были некомпетентны. Лал Сингх никогда не воевал, а Тедж Сингх был обязан возвышением своему дяде — Джамадару Хушхал Сингху. Мы видели, что и многие сардары-сикхи были готовы поступиться независимостью страны ради сохранения собственного положения, но, пожалуй, характерно, что оба главных «героя» англо-сикхской войны сикхами не были: Лал Сингх был догр, а Тедж Сингх — пурбия (хиндустанец).

Сразу после переправы Лал Сингх установил тайный контакт с политическим агентом Компании в Фирозпуре капитаном Джоном Николсоном. Вазир заверил его в своих дружественных намерениях и просил инструкции: как лучше расположить сикхские войска, чтобы вернее погубить их? [Private Correspondence, 1955, p. 494]. Основные силы британцев, при которых находился генерал-губернатор, к этому времени покинули Фирозпур; в городе оставался немногочисленный корпус генерал-майора с подходящей фамилией Литтлер (англ. *little* «маленький»). У сикхов была хорошая возможность обрушиться на Фирозпур и без труда одолеть гарнизон. Поэтому Николсон отвечал Лал Сингху: «*Не атакуйте Фирозпур. Стойте на месте как можно дольше, а затем двигайтесь к генерал-губернатору*». Получив этот тактический «совет», Лал Сингх настоял на том, чтобы разделить сикхскую армию и не бросать против главных сил британцев всю её мощь. Позднее, уже в марте 1847 г., генерал-губернатор в одном из писем поздравит сэра Фредерика Кёрри (который станет резидентом Компании в Лахоре) с тем, что измена Лал Сингха дала Компании «*возможность счастливо отделаться*» [Private Correspondence, 1955, p. 2].

Первая битва войны произошла 18 декабря 1845 г. у селения Мудки в 20 милях от Фирозпура. Сикхи заметили неприятеля по поднимавшимся к небу струйкам дыма от походных котлов, и захватили его врасплох. Их силы насчитывали 10 тыс. человек с 22 пушками под командованием Лал Сингха; силы британцев — 11 тыс. человек с 42 пушками под командованием генерала Гофа. Уже первое сражение продемонстрировало, что Панджаб врагу так просто не взять. Особенностью сражения при Мудки стало то, что велось оно ночью — с позднего вечера до двух часов ночи. Неудивительно, что британцы были застигнуты врасплох. Так адмирал Г. Нельсон начал битву при Абукире в 1798 г., презрев принятые в тогдашней военно-морской тактике правила, по которым середина дня — неблагоприятное время для нападения на противника (результат — разгром застигнутой врасплох французской эскадры адмирала Ф.П. Брюэ).

После вступительной канонады панджабская конница попыталась зажать противника в клещи, но безуспешно. Сказалась недисциплинированность

конницы, которую даже Ранджит не сумел толком превратить в кавалерию европейского типа. Расплачиваться за предрассудки пришлось на поле боя. Британские лёгкие драгуны обратили сикхских всадников в бегство (а те составляли большинство участвовавших в сражении сикхских сил).

И всё же натиск сикхов был так силен, что в какой-то момент дрогнули не только сипаи Компании, но и солдаты-европейцы. Британская армия не привыкла сражаться и даже маневрировать ночью, поэтому некоторые сипайские части косили ружейным огнём ряды своих британских сослуживцев. Сикхская регулярная пехота по численности уступала пехоте противника вкратце (всего 2–3 тыс. человек), но дралась отчаянно — как и канониры. Тем не менее британцы отбили атаку, вынудив сикхов отступить и захватив большинство пушек. Потери сикхов были тяжёлыми, хотя точных данных нет; известно лишь, что они потеряли 17 пушек. Британцы потеряли почти 900 человек — больше, чем в большинстве сражений в Индии. Лал Сингх, чтобы помочь противнику, в разгар сражения бежал с поля боя; правда, его бегство мало повлияло на исход боя из-за трудности руководства войсками.

Сражение при Мудки было разведкой боем со стороны хальсы, приведшей к её моральной победе [Кочнев, 1968, с. 121]. Для британского руководства оно стало неприятным откровением. Понюхав пороха в первой битве, британцы начали сознавать, что война с Панджабом не будет приятной колониальной прогулкой, наподобие тех, какие они уже не раз проводили в Индии по вразумлению очередного непокорного раджи. По свидетельству Дж. Каннингэма, накануне войны они называли сикхскую армию сбродом (*rabble*) даже в официальных документах [Cunningham, 1903, p. 347]. Это сикхи уже проходили — со стороны Моголов ещё при Гобинде. Моголы тогда заплатились за чванство — мало не показалось. При Мудки не показалось мало британцам. Вопреки их ожиданиям выяснилось, что сикхская армия не только посмела вступить в сражение на равных, но и едва не взяла верх. Перед войной британцы считали, будто сикхи как воины уступают не только афганцам, но и дограм. Высокомерие обошлось дорого. История Британской империи вообще полна таких примеров. Достаточно вспомнить крах в Кабуле 1841–42 гг., истребление части подполковника Г. Пулена при Изандлване в начале англо-зулусской войны 1879 г. или декабрь 1941 – февраль 1942 г., когда под натиском японцев сложилась как карточный домик Британская империя в Юго-Восточной Азии. Во всех этих неудачах британцев трудно переоценить роль их расистской установки — воспринимать афро-азиатского противника как «варвара», «дикаря».

Кстати, в числе факторов, подтолкнувших сикхскую армию к нападению на Британскую Индию, был разгром англо-сипайского корпуса в Кабуле. Как отмечено выше, поражение в Афганистане убавило британцам престижа на Востоке в качестве непобедимой силы, их ореол завоевателей несколько по-

блек. В истории их экспансии в Южной Азии (и вокруг) то была первая серьёзная неудача. Сикхи увидели, что британцы не непобедимы, как кажутся, как стараются себя подать. Так в конце XVII в. на сопротивление Моголам сикхов (и не только их), безусловно, отчасти вдохновили вести о неудачах Аурангзеба в подавлении маратхского движения на Декане.

Следующая крупная битва произошла всего через два дня при деревне Фирозшахр. С сикхской стороны участвовали 15 тыс. человек с 90 орудиями, с британской стороны — 17 тыс. человек с 69 орудиями. Гоф напал на Лал Сингха, начав с артобстрела. Сикхи отвечали тем же, и тут выяснилось, что они превосходят британцев в артиллерии! Пушки сикхов были не только многочисленнее, но и намного тяжелее британских, к тому же стояли на укрепленных позициях. У сикхов полевые батареи состояли из 12- и 15-фунтовых орудий, тогда как у британцев — из 9- и 12-фунтовых [Cook, 1975, p. 32, 38]. К этому добавлялись хорошая подготовка и храбрость канониров. Битва была очень упорной. Сикхи стойко отбивали атаки противника с большим для него уроном. О том, насколько отчаянным стало положение британцев, говорит следующий факт: находившийся при армии генерал-губернатор Хардинг уже подумывал сжечь свой личный архив и передал на хранение адъютанту свой орден Бани и саблю — подарок герцога Веллингтона, а прежде собственность самого Наполеона. Все его адъютанты, кроме одного, были убиты или ранены. Ночь с 21 на 22 декабря 1845 г. вошла в историю британской армии как «ночь ужаса и кошмаров». Название перекликается со знаменитой «ночью печали» из истории европейской экспансии в другой части света — в ходе испанского завоевания Мексики — ночь на 1 июля 1520 г., когда Кортес отступал из атекской столицы Теночтитлана по дамбам через озеро Тешкоко, потеряв треть людей.

Собрав последние силы, Гоф и Хардинг сформировали штурмовые группы, и к рассвету им в ходе штыковой атаки удалось захватить большинство сикхских батарей. Гоф в бою имел обыкновение надевать белый мундир — чтобы, будучи заметным, воодушевлять собственных солдат и вселять страх во врагов. (В русской армии так же будет поступать Белый генерал М.Д. Скобелев, герой русско-османской войны 1877–78 гг. и завоеватель Средней Азии.) Впрочем, на сикхов это, похоже, не действовало. Однако к полудню британцы вынудили войска Лал Сингха оставить поле боя.

Британцы ликовали, как вдруг к месту сражения подошли войска Тедж Сингха — свежие части численностью 10 тыс. солдат с 40 пушками. Англосипайские войска были, напротив, измучены двухдневным боем, а боеприпасов у них почти не осталось. Когда сикхская артиллерия опять принялась громить неприятеля, отвечать ему было нечем. В довершение всего бо́льшая часть британской артиллерии и кавалерии левого фланга, бросив основные силы, вдруг стала отступать: младший офицер штаба (по некоторым данным,

получивший солнечный удар) отдал исходное распоряжение Гофа, не имея на то полномочий и невзирая на изменившиеся обстоятельства [David, 2007, p. 103–104]. Несколько офицеров всерьёз заговорили о капитуляции.

Такого в истории Британской Индии ещё не было.

Если бы сикхи решительно ввязались в бой, разгром вражеской армии был бы обеспечен. Позднее Хардинг признался, что при Фирозшахре «*висела на волоске судьба Индии*» (Британской, конечно), а чиновник Компании сэра Ричард Темпл назвал 21 декабря 1845 г. наиболее опасным днём для британцев в Индии с начала XIX в. Темпл высказал предположение: в случае победы сикхов при Фирозшахре ничто не смогло бы остановить их продвижение до Аллахабада (в центре Северной Индии), а если бы к ним присоединилась армия гуркхов из Непала, британцам пришлось бы оставить и Бихар с Северной Бенгалией. Это значит, что они сдали бы не только Дели, но и всю долину Ганги, отойдя к самой Калькутте, откуда начинали в конце XVII в. Конечно, это крайний вариант развития событий, но не будем забывать, что когда в 1857 г. против Ост-Индской Компании внезапно поднимется её собственная сипайская армия, на всём пространстве от Панджаба до Бенгалии окажутся всего два европейских батальона и британская власть почти в одночасье рухнет на огромной территории.

Однако в 1845 г. британцам повезло: их ангел-хранитель стоял во главе неприятельской армии. Увидев, как часть британской кавалерии отступает, Тедж Сингх заявил, что это попытка охватить сикхов с фланга, и барабаны забили отступление. При этих звуках изумлены были обе стороны: и наступавшие сикхи, и приготовившиеся к последнему бою британцы. Успех не был развит, что дало британцам возможность занять сам Фирозшахр.

Потери сикхов составили несколько тысяч человек и 73 пушки. Британцы потеряли 694 человека убитыми и 1721 ранеными ($\frac{2}{3}$ из них были европейцами) [History of Anglo-Sikh Wars, 2004, p. 149]. Среди убитых оказался «ястреб» майор Броудфут, который на посту политического агента в Лудхиане так много сделал для разжигания этой войны — как своими агрессивными донесениями генерал-губернатору, так и провокациями стычек на границе. Поскольку сикхи отошли, британцы заговорили о победе. Однако Хардинг почти повторил фразу эфирского царя Пирра при Аускуле: «*Ещё одна такая победа — и нам конец*».

Большое количество убитых в англо-сикхских войнах связано не только с масштабностью военных действий. Хотя выше мы видели, что даже враждебный сикхам автор хроники *Джангнама* признавал их великодушие к врагам, в войнах с британцами (а может, не только с ними) сикхи не только не просили пощады (это мы тоже хорошо знаем), но и не давали её сами. Раненых солдат противника они обычно добивали. Британцы уяснили это уже с битвы при Мудки и перестали щадить раненых сикхов сами. Кстати, сража-

лись сикхи более острыми и тяжёлыми саблями, чем британцы. Техническая деталь: сама их техника владения саблей наносила врагу больше ущерба — сикхи не только рубили, но и после этого рывком тянули саблю на себя, делая рану одновременно рубленой и резаной, стараясь задеть кость, что увеличивало у раненого противника риск гангрены. Поэтому в англо-сипайской армии так широко практиковали ампутацию конечностей [Bruce, 1969, p. 321].

Когда в Лондоне получили весть об отчаянной битве при Фирозшахре, многие обвиняли Гофа в прямолинейности и поспешности, в том, что «*взял быка за рога (took the bull by the horns)*». Однако председатель совета директоров Ост-Индской Компании сэр Арчибалд Гэллоуэй остроумно парировал: «*В таком слугае бык был весь покрыт рогами (the bull was all horns)*» [Gough, Innes, 1986, p. 253]. Это было признание сикхов достойным противником. Вообще критика Гофа многими офицерами, включая самого генерал-губернатора (у них были натянутые отношения), была просто поисками козла отпущения в неожиданно тяжёлой ситуации.

Когда объявился Тедж Сингх, Гоф какое-то время всё-таки беспокоился: вдруг сикхский командующий передумает предавать своих и обрушится на британцев? Так в сражении при Палаши в 1757 г. тревожился Клайв, когда весь правый фланг у него был уязвим для удара namного превосходящей числом конницы Мир Джафара и других заговорщиков против наваба Бенгалии: вдруг они нарушат тайную договорённость и останутся верны навабу? Оба раза для британцев обошлось.

После Фирозшахра британцы даже опасались за безопасность Дели, но сикхская армия приостановила операции почти на месяц. По предположению сикхского историка Ганда Сингха, Тедж и Лал сделали это намеренно — с целью дать британцам прийти в себя и получить подкрепления [Singh G., 1955, p. 82]. Воины хальсы начали прозревать относительно собственного командования. Лахорский панчаят решил сменить командиров и приказал возглавить армию... Гулаб Сингху. Однако, поскольку в столице войск не осталось и навязать свою волю силой панчаят не мог, раджа-интриган под разными предложениями оттягивал отъезд к армии, дожидаясь её разгрома.

С Компанией Гулаб наладил контакты давно, в начале 1840-х годов. В январе 1845 г. он, видя, как армия окончательно взяла бразды правления в Лахоре, предложил британцам северные районы Панджаба и 50 лакхов рупий, если те признают его независимым правителем Джамму. Месяц спустя он даже вызвался оказать британцам военную помощь в случае их нападения на его страну. Однако не в меру ретивому Гулабу кратко ответили, что британцы не поощряют интриги против законной власти. Просто Хардинг ещё не собирался идти на крайние меры. Услужливый Гулаб Сингх понадобится — но позже.

Тайно переписываясь с британцами, Гулаб строил из себя большого друга сикхов. Так, во время войны он нанял в Джамму всех носильщиков зерна, их нагрузили четвертью веса, который они носили обычно, повесили им на шею таблички, где говорилось, что это — помощь от Гулаба, и отправили на юг, в Лахор. Под страхом пыток им велели идти только гуськом (а не по двое в ряд, как обычно) — чтобы весь Панджаб видел и оценил гуманитарную помощь раджи Джамму [Vguse, 1969, p. 156].

Между тем 21 января 1846 г. сикхи под командованием сардара Ранджодх Сингха Маджитхиа наголову разбили небольшой британский отряд при Бадовале. Правда, неделю спустя Маджитхиа потерпел поражение при Аливале от ветерана Ватерлоо генерала сэра Гарри Смита. В этом сражении с сикхской стороны участвовали несколько батальонов, которых в своё время тренировал Авитабиле; отбиваясь от уланов 16-го полка, они построились в равносторонние треугольники — аналог каре наполеоновской армии [Holmes, 2006, p. 65]. Однако тактика императора французов не спасла сикхов, и в результате неудачи под Аливалом им пришлось оставить все пункты на левобережье Сатледжа, кроме Собраона. Это ухудшило положение армии накануне назревавшего генерального сражения.

Основные силы сикхов расположились лагерем под Собраоном. Не гнушаясь самой чёрной работы, воины (напомню — костяк составляли привычные к физическому труду крестьяне) сами оградили лагерь мощными земляными укреплениями и навели понтонный мост через реку для сообщения с основной территорией Панджаба. Тедж Сингх меж тем хлопотал над строительством для самого себя небольшой башни с тройными стенами, чтобы укрыться от артобстрела неприятеля. Когда башня была готова, какой-то брахман-астролог предсказал Теджу, что тот уцелеет при обстреле, если последует велению звёзд: внутренние стены надо сделать одинаковой толщины, равной длине 333 положенных друг за другом зёрен риса; внутреннее помещение должно быть строго круглым, диаметром 184 пядей самого Тедж Сингха. Сардар заплатил брахману 500 рупий за ценный совет и теперь ломал голову над тем, как перестроить уже готовую башню [Семёнова, 1958, с. 141].

Несмотря на энтузиазм сикхской армии, она находилась в худшем положении, чем британская. Лагерь был прижат к реке, а дарбар в Лахоре занимался прямым вредительством. Не был даже налажен подвоз продовольствия, солдаты сидели на поджаренном горохе и сырой моркови. Когда их делегация отправилась в Лахор, чтобы выразить Джхиндан протест, регентша устроила сцену: швырнула солдатам свою *дупатту* (женский шарф) и крикнула (как тёща Ранджита нерешительным сардарам мисалов во время нашествия Заман-шаха): «Наденьте это, трусы! А я надену ваши штаны и пойду воевать сама!» Сикхи впали в патриотический экстаз и заверили её, что умрут за саркара и хальсу. Именно этого она и добивалась.

Британцы тем временем не сидели сложа руки — согласно их же поговорке, «не давали траве расти под ногами» (*to let no grass grow under one's feet*). Они вызвали подкрепления, подогнали парк тяжёлых орудий из Дели, вывели от Лал Сингха (через агента-мусульманина) подробный план сикхского лагеря. Конечно, они проверили его сведения по другим каналам. Побывал у британцев посланник и от Тедж Сингха — с заверением, что тот не хочет и не будет сражаться (ответа Тедж Сингх просил только устного — чтобы не возникло компромата) [Vajwa, 1964, p. 331]. Британцы даже предприняли меру, которая в современном военном искусстве подходит под определение психологической войны. Хардинг издал ещё одну прокламацию — к служащим в сикхской армии пурбия. Генерал-губернатор призвал их дезертировать и переходить в армию Компании, прельщая наградой, пенсией и судебными льготами.

Сикхи, со своей стороны, психологической войны не вели, но их стойкость и доблесть служила им лучше всяких прокламаций. По словам замечательного британского историка сэра Пендерела Муна, сипаи Ост-Индской Компании, «обладая более верным чутьём, чем их британские офицеры, боялись сикхов, которых считали непобедимыми: ведь на памяти живущих те не потерпели ни одного поражения» [Moon, 1999, p. 598]. Не случайно при Мудки часть сипаев-пехотинцев стреляла не во врага, а поверх голов. Не случайно при Фирозшахре сипаи старались уклониться от атаки сикхских позиций, предоставив это британским частям. Именно на долю британцев пришлось решающая роль во всех сражениях с сикхами и большинство потерь в англо-сипайских войсках. Ост-Индская Компания впервые столкнулась в Индии с народом, который у её туземных солдат вызывал страх. Такого не было даже в войнах с Майсуром. Это притом что в армию Бенгальского президентства в основном вербовались известные своими воинскими традициями представители раджпутских (и брахманских) каст района среднего течения Ганги. Неудивительно, что сикхи, проверив неприятеля в бою, относились к британцам и их индийским солдатам совершенно по-разному. Британцев они за уважали за храбрость и упорство; сипаев-пурбия презирали, не видя в них достойных противников.

10 февраля 1846 г. при Собраоне произошла решающая битва первой англо-сикхской войны. Силы сикхов насчитывали 30 тыс. человек при 67 орудиях; силы Компании — 20 тыс. британских солдат и сипаев при 75 орудиях (на этот раз половина пушек были тяжёлыми осадными орудиями). На рассвете британцы под покровом тумана приблизились к сикхским позициям. Два часа они обстреливали лагерь из пушек (сикхи отвечали им тем же), но серьёзных повреждений так и не нанесли. Правда, и сикхи в этой «дуэли пушек» не преуспели: их артиллерия стреляла слишком высоко и снаряды перелетали через вражеские позиции, потому что мало осталось искусных пушечных дел — многие погибли в предыдущих сражениях.

Затем лагерь сикхов подвергся атаке двумя вражескими колоннами, причём главный удар был нацелен на правый фланг. Почва здесь была песчаной, поэтому укрепления оказались невысокими и их можно было преодолеть без помощи лестниц (информацию об этом британский штаб получил от своего лучшего разведчика — неприятельского вазира). Отряд генерал-майора сэра Роберта Дика ворвался на позиции сикхов, но был выбит, а его командир погиб.

Тогда нахлынула вторая волна нападающих — уже по всему фронту. На уязвимом правом фланге британским сапёрам удалось пробить в укреплениях брешь, и в неё устремились британская кавалерия и конная артиллерия. Тедж Сингх в разгар боя бежал: переправился на западный берег Сатледжа. Есть сведения, что при этом он разослал приказы военачальникам также бросить свои части, но подчинился лишь один [Вайва, 1964, р. 332]. Многие сикхские историки утверждают, что затем Тедж Сингх ещё и разрушил понтонный мост (по одной версии приказал выдернуть лодку из середины моста, по другой — вообще открыл по мосту артиллерийский огонь, якобы с целью пресечь попытку британцев переправиться). По мнению британских историков, мост не выдержал из-за вздувшейся реки и под тяжестью множества сикхских солдат, спешивших выйти из окружения. Как бы то ни было, отступить сикхам стало некуда. Что касается Лал Сингха, то он, по одним сведениям, бежал вместе с командующим, а по другим — находился неподалёку во главе отряда иррегулярной конницы, но участия в битве не принял, хотя был в состоянии перерезать коммуникации Гофа.

Сикхи сражались отчаянно, ожесточение с обеих сторон достигло максимума. Важным тактическим преимуществом противника было хорошее знакомство со штыковой атакой. Сикхи штыком владели намного хуже (ну не смог Ранджит в их обучении прыгнуть выше головы), поэтому, когда началась рукопашная, бросали свои мушкеты, вынимая привычные *талвары* (сабли). (В ближнем бою сикх старался левой рукой схватить вражеский штык, а саблей в правой руке — сразить врага.) Англо-сипайские войска постепенно теснили сикхов к берегу Сатледжа. Узнав о бегстве командующего, на передовую линию выдвинулся со своим отрядом ветеран кампаний Ранджита, тесть покойного саркара Наунихала белобородый сардар Шам Сингх Атаривала. «Погибнем во имя гуру и не покинем поля боя!» — призвал он своих воинов [Видьявачаспати, 1956, с. 235]. В этом он поклялся на Гуру Грантх и выехал навстречу врагам на белой лошади в белом одеянии (в Индии и на Дальнем Востоке белый — цвет траура). Шам Сингх сдержал клятву. Его жена, узнав о поражении сикхов, совершила обряд сати сразу: вестей о гибели мужа ждать не стала, зная, что он предпочтёт поражению гибель. В Панджабе его память чтут и поныне.

Гоф назвал битву при Собраоне «Ватерлоо Индии». Это высказывание тем более верно, если вспомнить, что сикхов обучали бывшие офицеры Наполео-

на. Собраон надломил мощь хальсы. Сикхи потеряли от 3 тыс. до 10 тыс. человек (многие утонули, пытаясь добраться до противоположного берега реки). Правда, и потери британцев были немалыми: 320 убитых, 2038 раненых.

Генерал сэра Гарри Смит позднее назвал Собраон самой тяжёлой битвой, в которой ему довелось участвовать, после Бадахоса, Ватерлоо и Нового Орлеана¹. Генерал Гоф позднее отдал должное противнику: «*Политические соображения помешали мне публично выразить восхищение великолепной отвагой павшего врага — мне хотелось плакать, видя страшное избиение столь славных воинов*» (цит. по: [Cook, 1975, p. 93]). Ему вторил Хардинг: «*Сикхские солдаты — лучшие люди, которых я видел в Азии, смелые и дерзкие республиканцы*» [The Punjab Papers, 1970, p. 93]. Выказанные сикхами мужество, стойкость и дисциплина были выше всяких похвал, признают даже имперские историки XIX в. [Gough, Innes, 1986, p. 130].

Как самоуверенно «предсказал» в своём подробном обзоре Индии начала 1840-х годов отставной офицер армии в Мадрасском президентстве Эдуард де Уоррен, у сикхской армии в случае конфликта с Компанией не было никаких шансов: «*Панджаб будет потерян в тот же момент, когда на него нападёт Англия; с его существованием поконжит одно-единственное сражение, которое не продлится и гаса*» [Warren, 1845, p. 146]. Сколько и каких сражений пришлось выдержать Компании в действительности, мы видели. А ещё обратим внимание на проговорку: возможной нападающей стороной здесь названы британцы.

Сипаи Компании при Собраоне сражались лучше, чем в первых двух битвах войны, потому что при Фирозшахре британцам удалось-таки переломить их настроение, своим примером разубедить их в идее непобедимости сикхов. В Индии и исламском мире (Индия отчасти сама в него входит) широко распространено фаталистическое понятие *икбал* (араб. «успех», «счастье») — счастливая судьба человека, его счастливая звезда, гарантирующая ему неизменный успех невзирая ни на какие встающие на пути препятствия. Своими, казалось, бесконечными победами британцы за столетие успели накопить в глазах индийцев, особенно простого народа, такой икбал. Афганский крах и начало англо-сикхской войны означали, что британцы этот икбал подрастеряли, судьба (как некая фатальная сила) от них отворачивается. Однако их последующие победы убедили индийцев в том, что икбал британцев по-прежнему с ними.

¹ Сражение при Бадахосе (Испания) произошло в рамках Полуостровной войны 17 марта 1812 г., когда Артур Уэлсли (ещё не ставший герцогом Веллингтоном) с трудом взял штурмом крепость, которую защищал гарнизон из французов, испанцев и гессенцев. Сражение при Новом Орлеане (США) произошло в рамках англо-американской войны в декабре 1814 – январе 1815 г., когда британскому десанту так и не удалось взять тогдашнюю столицу штата Луизиана.

Через два дня после Собраона вся армия Компании переправилась через Сатледж и остановилась всего в 30 милях от Лахора, заняв Касур (тот самый город, патханского наваба которого покорял Ранджит).

Дарбар посчитал, что его собственная армия потерпела достаточное поражение. Можно было и о мире подумать, и себя не забыть. Интриган-виртуоз Гулаб Сингх наконец выехал к границе — не для того, чтобы возглавить вверенную ему армию, а уже для переговоров с победителями. Сикхские солдаты теперь вполне отдавали себе отчёт, какую роль сыграл дарбар в их разгроме, и высказали сардарам всё, что думают: *«Мы знаем, что вы договорились с двором послать нас против англичан, погнать нас, как овец, на гибель... Вас следовало бы наказать по заслугам, но мы предоставим вам возможность ответить перед гуру и богом, а сами, покинутые и преданные, сделаем всё, что в наших силах, чтобы сохранить независимость страны»* (цит. по: [Семёнова, 1958, с. 145]). Своё слово сикхи ещё скажут.

Причинами поражения сикхов в первой войне с Компанией были: превосходство англо-сипайских (главным образом британских) войск в дисциплине и выучке; недостаточная компетентность командования, в том числе и из-за отсутствия соответствующего образования (это сказывалось, например, в пассивной тактике: и при Фирозшахре, и при Собраоне сикхи ждали, пока в атаку пойдёт противник, «дарили» ему инициативу); прямое предательство главнокомандующего и вазира, как и всего дарбара вместе с регентшей.

Среди причин поражения сикхов я недаром не назвал **техническое** преимущество Европы. Мы видели, что их орудия превосходили британские калибром, что Ранджит наладил массовый выпуск стрелкового оружия. Удивляться тут нечему: ещё во второй половине XVIII в., когда некоторые индийские правители стали активно заимствовать результаты европейской военной революции, выяснилось, что по многим показателям их армии не уступают армии Ост-Индской Компании, с которой они вскоре и схлестнулись. Так, англо-майсурские войны велись в целом на равных. Уже в первой из этих войн (1767–69) майсурская артиллерия, по отзыву генерал-майора сэра Эйра Кута, как минимум не уступала британской, а её скорострельность была выше. По мнению британского индолога П.Дж. Маршалла, Европа одолела Азию не за счёт качества, а за счёт именно количества — благодаря тому, что с конца XVIII в. в Европе стремительно набирало обороты военное производство (просто поставили на промышленную основу), падала стоимость морских перевозок, а территориальные приобретения Компании обеспечивали её всё новыми людскими и денежными ресурсами [Marshall, 1993, p. 27–28].

После разгрома Панджаба перед Ост-Индской Компанией встала проблема: что с ним делать? На протяжении столетия с начала превращения Компании в державу-купца в середине XVIII в. она либо присоединяла покорённые/завоёванные княжества Индии (прямое управление), либо — чаще — навязывала

вала им субсидиарный договор или просто делала сателлитами/данниками (косвенное управление). Аннексию Панджаба генерал-губернатор Хардинг исключил как финансово несостоятельное решение: для оккупации пришлось бы вызывать войска из Великобритании, а из-за трудностей сообщения в половодье (5–6 месяцев в году) гарнизоны пришлось бы размещать в каждом доабе и в Пешаваре; расходы на администрацию и войска превысили бы доходы страны на 1 млн. ф.ст. [The Punjab Papers, 1970, p. 111]. Противоположное решение — уйти вообще — Компания тоже не могла себе позволить, поскольку к дарбару реальная власть уже не вернулась бы: либо возродилась бы мощь враждебной британцам хальсы, либо произошёл бы распад страны, что лишало Компанию буфера от Среднего Востока и Средней Азии¹. Хардинг отверг и идею раздробить страну на княжества, потому что Компании пришлось бы часто вмешиваться в возникающие между ними распри (ей хватило возни с беспокойными княжествами Мальвы). Генерал-губернатор рассудил, что остаётся сохранить в Панджабе какое-то военное присутствие и, как он выразился, «*подрезать крылья*» сикхам [The Punjab Papers, 1970, p. 101].

Уже 20 февраля 1846 г. англо-сипайские войска заняли столицу Пятиречья. 9 марта при ключевой роли, сыгранной Гулаб Сингхом, был подписан Лахорский договор «*о вечноном мире и дружбе*» между Ост-Индской Компанией, с одной стороны, и «*Далип Сингхом, его наследниками и преемниками*» — с другой. Для империи гордых сикхов условия договора были унижительными. Панджаб уступил Компании... пограничный с ней Джаландхарский доаб — часть исконно сикхской территории! Это было ещё не всё: Компания забирала и север страны — горную область между Беасом и верховьями Инда, включая Кашмир и Хазару (это — в погашение военных расходов Компании). Заодно британцы заставили Далип Сингха отказаться от притязаний на территории к югу от Сатледжа — ту самую узкую полосу на левом берегу, кото-

---

¹ Коснувшись роли Панджаба как буфера, Хардинг «отличился» выдающимся по своему невежеству замечанием. По его мнению, сикхи — которых он относил к индуистам — могли служить для Компании «*авангардом против мусульманских племён, которые со времён Александра веками вторгались в Индию через эту страну Лахора: ведь Пор был сикхским царём*» [The Punjab Papers, 1970, p. 103]. К индуистам сикхов причисляли и мусульманские хронисты, это ошибка распространённая: для стороннего наблюдателя различия между двумя религиозными общинами были малозаметны (для многих жителей Запада сегодня малозаметны даже различия между сикхами и мусульманами: как мне рассказывали преподаватели университета Гуру Нанак Дэва в Амритсаре, после терактов 11 сентября в США били не только мусульман, но и сикхов — носят тюрбаны, значит мусульмане). Однако по Хардингу выходит, что (даже если самих македонцев он к мусульманам не причислял) в IV в. до н.э. в странах к западу от Индии уже существовал ислам, а в самой Индии — сикхизм! Генерал-губернатор хотел сказать, что, начиная с вторжения Александра, отпор завоевателям Индии давали обитатели Панджаба как крайней, пограничной страны субконтинента.

рая сохранялась за Ранджитом после 1809 г. Далее саркар обязался выплачивать контрибуцию в 50 лакхов рупий, выдать 36 пушек, которые ещё оставались у разгромленной армии, пропускать по требованию Компании её войска по территории Панджаба, а также без её согласия не принимать на службу европейцев и американцев [Aitchison, 1931, p. 51–53]. Американцев в Индии не было, но за них нередко выдавали себя дезертиры из британских частей армии Компании — чтоб замести следы.

Но и это не всё. В тексте договора прописана награда (британцев) Гулаб Сингху. «В признание заслуг раджи Джамму Гулаб Сингха перед лахорским государством в деле восстановления дружеских отношений между лахорским и британским правительствами» Далип заранее признал независимость Гулаба на тех территориях, которые тому ещё предстояло получить от британцев по отдельному с ним договору (т.е. Гулабу дали карт-бланш). В случае возникновения между Панджабом и Гулабом каких-либо споров арбитром, конечно, объявлялась Компания. Одним из важнейших пунктов договора стало сокращение сикхской армии до 20 тыс. пехоты и 12 тыс. конницы. Армия не подлежала увеличению без согласия Компании. Британцы обязались не вмешиваться во внутренние дела Панджаба — кроме как «в интересах лахорского дарбара» [Aitchison, 1931, p. 53]. Из текста документа чувствуется, что британцы с нетерпением ждали расформирования сикхской армии, которая доставила им столько неприятностей и переживаний и до сих пор внушала опасения.

Опасения окажутся обоснованными.

Лохорский договор лишил Панджаб более трети территории и прибавил Компании 30 лакхов рупий годового дохода [Hasrat, 1968, p. 287]. В Лондоне королева Виктория и правительство сэра Роберта Пиля всецело одобрили заключение договора (политическая оппозиция — виги — покритиковала за то, что Хардинг вступил в «бесчестную сделку» с Гулаб Сингхом¹). Генерал-губернатор за победу над Панджабом получил от королевы титул «виконт Хардинг Лохорский». В истории Британской империи это был один из первых «колониальных» титулов. Позднее за победы в колониальных войнах титулами по названию побеждённой страны или взятого города будут на-

¹ На примере более серьёзного вопроса индийской политики Великобритании могу сказать, что критика оппозицией курса правительства в парламенте очень часто была продиктована не принципиальной позицией, а логикой партийно-политической борьбы в Британии, самим фактом нахождения в оппозиции. Когда в 1773 г. правительство партии тори во главе с Ф. Нормом проводило в парламенте Акт о регулировании, поставивший Ост-Индскую Компанию под частичный контроль государства, находившаяся в оппозиции партия вигов обрушилась на билль с критикой, крича о посягательстве на собственность частной корпорации. Через десять лет, в 1783 г., виги (Ч.Дж. Фокс), придя к власти, попытались провести меру в том же направлении, но ещё более радикальную. См.: [Фурсов К., 2006, с. 156–183].

граждены другие деятели империи. Так, лорд Нэпир за победу в Эфиопии в 1868 г. получит официальный титул «Магдальский», лорд Робертс за победу над Айюб-ханом во второй англо-афганской войне в 1880 г. — титул «Кандагарский», лорд Маунтбэттен за отвоевание Бирмы у японцев во Вторую мировую войну — титул «Бирманский».

Чтобы заставить кого-то соблюдать договор, предпочтительно иметь в запасе силовой аргумент. Рассудив именно так, всего два дня спустя, 11 марта 1846 г., Компания навязала дарбару дополнительный договор: в Лахоре до конца года оставался её военный контингент *«для защиты махараджи и жителей города Лахора во время реорганизации сикхской армии»* [Aitchison, 1931, р. 54]. Дарбар обязался *«немедленно и добросовестно приступить к реорганизации своей армии согласно предписанным условиям»* — иначе, припугнула Компания, она *«будет вправе вывести войска из Лахора в любое время до истечения срока»* [Aitchison, 1931, р. 55]. Казалось бы, скорейший вывод оккупационных сил должен быть естественным желанием побеждённой стороны и пугать этим глупо. Однако, возможно, долгое присутствие англо-сипайского корпуса в Лахоре отвечало интересам сардаров, по-прежнему страшившихся собственной армии. Включение в договор «пугающего» пункта логично. Британцы знали, какой аргумент подействует.

Итак, в столице побеждённой Панджабской империи появились оккупационный гарнизон и официальный посланник Компании — агент генерал-губернатора по отношениям с лахорским дарбаром Генри Лоуренс (1806–57). Это один из самых выдающихся администраторов в истории Британской Индии. Он родился в самой Южной Азии — на Цейлоне, побывал налоговым чиновником округа Горакхпур в средней части долины Ганги, служил помощником Кларка в округе Фирозпур, приобрёл богатый управленческий опыт. Среди чиновников Ост-Индской Компании Генри Лоуренс выгодно отличался тем, что часто призывал начальство уделять главное внимание не скрупулёзному сбору податей с подвластного индийского населения, а его благосостоянию (чем начальство нередко раздражал).

Джаландхарский доаб был одной из житниц Панджаба и примыкал к владениям Ост-Индской Компании, поэтому, получив его по договору, она его присоединила. Доаб дал ей прибавление налоговых поступлений в 500 тыс. ф.ст. в год [Kumar, 1978, р. 269]. Управлять новым выгодным приобретением был назначен комиссар Джон Лоуренс — младший брат Генри Лоуренса, позднее вице-король Индии (1864–69). Полученный британцами по тому же договору Кашмир — дело другое: эта высокогорная малолюдная страна была им сама по себе неинтересна. Компания отторгла его, чтобы ослабить Панджаб. Теперь его можно было кому-то передать — с тем чтобы получатель зависел от Компании. Кандидат имелся — Гулаб Сингх (который в своём Джамму был его соседом). Ему Кашмир и перепал, причём не бесплатно: он выку-

пил его у Компании за 75 лакхов рупий (заплатил за собственную зависимость). Махарани Джхиндан отправила к Генри Лоуренсу посланцев протестовать против передачи Кашмира Гулабу, грозила жаловаться напрямую королеве Виктории, да всё безуспешно. Если империя Ранджита была региональной политией-преемником Могольского султаната, то Кашмир под властью Гулаб Сингха стал региональной политией-преемником её самой. Сделавшись махараджей, тот принялся выжимать из населения максимум: резко повысил налоги с крестьян и сборы с купцов. «Поживу я всласть — ведь на то и власть». Случались волнения, но наместники махараджи подавляли их, а зачинщиков жестоко карали. Так, в 1850 г. одного из них заставили идти по частично замёрзшему озеру, тонкий лёд проломился и арестованный утонул [Singh B., 1974, p. 170]. В Британской Индии Кашмир стал крупнейшим по территории княжеством. Догрская династия Гулаб Сингха будет править им сто лет, до ухода британцев из Индии в 1947 г. Тлеющий и поныне индо-пакистанский конфликт из-за Кашмира — во многом результат деятельности (а точнее, бездеятельности) последнего представителя этой династии махараджи Хари Сингха.

Британцы сами презирали Гулаб Сингха. Так, Хардинг писал о нём как о «величайшем мошеннике в Азии». «К несчастью, — добавил генерал-губернатор, — необходимо улучшить его положение, поскольку он не участвовал в войне с нами и его территория граничит с нашей... я должен забыть, что он мошенник, и обращаться с ним лучше, чем он заслуживает» [The Punjab Papers, 1970, p. 104]. В Панджабе после смерти Ранджита Гулаб Сингх не имел себе равных в дипломатическом мастерстве и по дальновидности и проницательности сравним со своими современниками Кавуром и Бисмарком [Punjab on the Eve..., 1956, p. LXXXI]. Гулаб умел устраиваться при любой власти и выжил в закрутившейся с 1839 г. мясорубке, чего не удалось даже его младшему брату Дхиан Сингху. В народе Гулаб Сингха прозвали Медведем (*ригх*). Однако, возможно, ему лучше подходит сравнение с хитрой лисой; именно так — «Лиса из Джамму» — озаглавил свою книгу его биограф Бава Сатиндер Сингх, назвавший его «не только расчётливым оппортунистом, но и мастером в искусстве политического и физического выживания» [Singh B., 1974, p. 84].

А вот Лал Сингх получил по заслугам. Он был недоволен, что Компания оценила его услуги не так высоко, как услуги Гулаб Сингха. Из зависти он стал подстрекать кашмирского назима Шейха Имам-уд-дина не отдавать Гулабу власть над субой (этот назим имел репутацию очень начитанного человека с прекрасными манерами; вместе с тем однажды сварил заживо какого-то пандита). Упрашивать Имам-уд-дина не пришлось, и он выгнал догров, которые приехали было вступить во владение Кашмиром от имени Гулаб Сингха. Тогда, чтобы обеспечить передачу власти, в Кашмир прибыл агент

Генри Лоуренс с англо-сипайской бригадой и сикхскими частями впридачу (хотя и не знал, как они себя поведут). Имам-уд-дин решил не испытывать судьбу и покорился без единого выстрела. Он был привезён в Лахор, повинился на дарбаре и выдал своего подстрекателя. Лал Сингха судили и в декабре 1846 г. выслали на территорию Компании с конфискацией всех джагиров. Остаток жизни он прожил в Дехра Дуне и Масури в предгорьях Гималаев, где и умер в 1867 г.

Признать власть завоевателей отказался ещё один наместник — комендант крепости в Кангре. Он наотрез отказался передать крепость британцам, патристично заявив, что откроет ворота только по велению Ранджит Сингха, а *парвану* (приказ) признаёт лишь в виде пуль и пороха. Лоуренсу пришлось осадить крепость объединённым англо-сикхским войском, и в мае 1846 г. комендант сдался.

Пример Гулаб Сингха оказался заразителен: независимое княжество для себя пытался выговорить и Тедж Сингх (даже предлагал за это 25 лакхов), но получил от британцев отказ. Между тем и Лал Сингх и Тедж Сингх, пожалуй, поработали на британскую победу больше всех других сардаров. Впрочем Тедж Сингх остался главнокомандующим, а в 1847 г. был пожалован раджой Сиалкота.

Захваченные в качестве трофеев около 200 пушек Хардинг велел провезти через всю Северную Индию в Калькутту — чтобы индийское население прочувствовало, осознало победу британцев над сикхами, воочию убедилось, что с Ост-Индской Компанией шутки плохи. Это был грамотный ход: продемонстрировать всей Индии зримые результаты разгрома такого серьёзного противника, как империя сикхов. Некоторые из трофейных орудий были отправлены в Лондон и установлены в королевском замке в Виндзоре. Среди них — две медные пушки, захваченные при Мудки. Их лафеты из тикового дерева украшены медной инкрустацией, изображающей охотничьи сцены, драконов, индуистского обезьяньего бога Ханумана. Передок орудия крепится к задней стороне лафета изображениями слоновьей головы и хобота [Эгертон, 2007, с. 283].

Когда подошёл декабрь 1846 г., войска Компании согласно договору должны были покинуть Пенджаб. Это не устраивало ни саму Компанию, ни дарбар. Британцы хотели обеспечить более длительный контроль над побеждённым противником, сардарство хотело получить гарантии, что собственная армия не будет трогать его и дальше. Однако, как отметил Хардинг, было очень важно, чтобы инициатива продлить оккупацию исходила от дарбара, и было необходимо выставить напоказ нежелание британцев брать на себя тяжёлую ответственность. Сардарам дали понять, что нужно обратиться к британцам с просьбой не уходить. Для этого Хардинг устроил дарбару спектакль: в декабре англо-сипайский гарнизон Лахора, выполняя условие договора, за-

собирался домой, упаковал вещи. Цель этого была одна — вынудить дарбар упросить британцев остаться [Private Correspondence, 1955, p. 12–15]. Расчёт оказался верным. Пятьдесят два сардара сами просили генерал-губернатора оставить оккупационные войска в стране до совершеннолетия (16-летия) Далип Сингха, т.е. до сентября 1854 г. Британцы сделали вид, что уступают дарбару очень неохотно.

Соответственно, 16 декабря 1846 г. Ост-Индская Компания и Панджаб заключили новый договор в местечке Бхайровал. В связи с малолетством саркара генерал-губернатор обязался ни много ни мало «*помогать в осуществлении управления*» Панджабом. Это означало отправку в Лахор резидента с «*полной властью направлять и контролировать все дела в каждом департаменте государства*» [Aitchison, 1931, p. 57]. Так Панджаб последней из политий Индии был затянут в систему резидентств Компании, т.е. был создан механизм контроля над его правительством (какой уже существовал в других крупных княжествах Индии; к концу XIX в. британцы создадут такой же механизм в султанатах Малайи).

Далее, по договору в Лахоре учреждался регентский совет в составе восьми человек, действующий под полным контролем резидента. Это означало полное отстранение от власти матери саркара — Джхиндан. Члены регентского совета были названы в тексте договора поимённо: Тедж Сингх (предатель стал его председателем), Шер Сингх Атаривала, Дина Натх, Факир Нур-уд-дин и ещё четыре сардара. Генерал-губернатор оставлял за собой право занять любую крепость или военный пост в Панджабе. На оплату оккупационных войск дарбар выделял 22 лакха рупий в год. Договор имел силу до сентября 1854 г., хотя Компания оставила за собой право расторгнуть его [Aitchison, 1931, p. 57–58]. Рычаг воздействия на сардаров — чтоб вели себя хорошо.

Среди членов совета назван Дина Натх. Напомню, что этот банкир-индустриал сделал видную карьеру ещё при Ранджит Сингхе, с 1834 г. возглавлял министерство финансов и пользовался огромным влиянием. В 1838 г. был пожалован титулом дивана и огромными джагирами. После смерти Ранджита Дина Натх неизменно входил в правительство при всех его преемниках. Это позволило авторам газеттира Лахорского округа 1916 г. назвать его Талейраном Панджаба [Panjab on the Eve..., 1956, p. 30, n. 5]. К британцам он давно относился благожелательно, потому и попал в состав совета.

Бхайровалский договор 1846 г. стал последним в истории субсидиарным договором Ост-Индской Компании с индийской политией. По сути оккупационный корпус стал в Панджабе субсидиарным отрядом, какие имелись во всех крупных княжествах — сателлитах Компании: Авадхе, Хайдарабаде, Майсуре и других (впрочем, в любом княжестве субсидиарный отряд был оккупационным войском в потенции — если правитель или какая-то часть его подданных вдруг покажет враждебность к британцам).

По справедливому мнению Б.Дж. Хасрата, Бхайровальский договор фактически превратил Панджаб в британский протекторат [Hasrat, 1968, p. 295]. Правда, строго юридически статус Панджаба был несколько иным. Дело в том, что в Британской империи среди категорий зависимых территорий существовали два разных правовых статуса — *protectorate* и *protected state*. По определению ведущего специалиста по конституционным проблемам Британской империи А.Б. Кейта, протекторат был территорией под полным суверенитетом короны, но не аннексированной. Большинство владений этой категории находилось в Африке (возникли уже к концу XIX в.): Северная Родезия, Ньясаленд, Уганда, Бечуаналенд и др. В *protected state* суверенитет сохранялся за местным правителем, а полномочия британской короны происходили из конкретных договоров с ним (могли касаться как внешних сношений политики, так и каких-то аспектов её внутренних дел). Эта категория была распространена прежде всего в Азии и Океании: княжества Индии, султанаты Малайи, Бруней, Саравак, Тонга [Keith, 1936, p. 508]. Таким образом, Панджаб после Бхайровальского договора сделался одним из *protected states* Британской империи. Конечно, грань между двумя юридическими категориями была размытой и термин «протекторат» к Панджабу применим, пусть не юридически, но по сути.

При этом, как писал Хардинг королеве Виктории в 1847 г., благодаря договору Компания фактически аннексировала Панджаб, не взваливая на себя финансового бремени, а установив субсидиарную систему «без её несправедливостей или пороков» [The Punjab Papers, 1970, p. 118]. Генерал-губернатор имел в виду, что в княжестве, связанном с британцами субсидиарным союзом, часто процветало «плохое управление» (*misgovernment*). Механизм был таков: введя в княжество субсидиарный отряд, британцы обеспечивали правителю несокрушимую опору престола, а он, чувствуя теперь свою полную безнаказанность (ибо, если его подданные вздумали бы поднять мятеж, иметь дело им пришлось бы с субсидиарным отрядом, которому сопротивляться бесполезно), выжимал из населения максимум, плодя гнёт и лихоимство; вмешиваться же во внутренние дела княжества, чтобы пресечь это, британцы считали себя не вправе, поскольку в первой половине XIX в. ещё не отказались полностью от применения к княжествам Индии норм международного права (это произойдёт после восстания 1857–59 гг.). Самым ярким примером княжества с плохим управлением называли небольшой султанат Авадх в Северной Индии. Впрочем, британцы сильно преувеличивали¹.

В Панджабе как пограничной стране Индии генерал-губернатор рассудил, что Компания не имеет права рисковать «плохим управлением» [The Punjab Papers, 1970, p. 112]. Поэтому Хардинг сделал для него исключение: по сути

¹ Подробнее см.: [Фурсов К., 2006, с. 247–249].

субсидиарный статус Панджаба не помешал британцам присвоить себе в нём обширные полномочия, чтобы контролировать все сферы управления. Вместе с тем сразу после заключения Бхайровалского договора Хардинг писал Хобхаусу, что Компания получила в Панджабе неограниченную власть, но предпочтительно всё же править им руками сардаров, что «безопаснее, жестнее и дешевле» [The Punjab Papers, 1970, p. 117].

Махарани Джхиндан, осознав, к чему идёт дело, пыталась уклониться от подписания договора, но было поздно. Победители вошли во вкус и диктовали свои условия. Вообще оказывалось, что если значительному сегменту сардарства приход Компании был действительно выгоден (в той степени, в какой может быть выгодной оккупация страны другой державой), то сама регентша (теперь уже бывшая) прогадала, позвала британцев на свою беду. Так в 1760-е годы выяснилось, что торгово-ростовщический дом банкиров Джагат Сетхов, который участвовал в заговоре против наваба Бенгалии в 1757 г., зря пригласил Клайва участвовать в дворцовом перевороте: когда после Палаша позиции британцев окрепли, Компания оттеснила этих банкиров от центра экономической жизни Бенгалии, и их бизнес захирел.

Конечно, британцам немало помог тот факт, что на престоле Панджаба в это решающее время оказался мальчик. Не будет преувеличением сказать, что они извлекли из данного факта максимальную выгоду: во-первых, империя была юридически как бы обезглавлена, маленький саркар был политически недееспособен (как гуру Хар Кришан в XVII в., чем воспользовались тогда масанды); во-вторых, его малолетство ещё и дало Компании повод закрепить успех.

Резидентом в Лахоре стал Генри Лоуренс, статус которого, таким образом, просто повысили. В помощники себе он собрал группу молодых компетентных чиновников Ост-Индской Компании. Лоуренс разослал их в разные части Панджаба в качестве советников при наместниках. По сути он установил двоевластие: как в Лахоре параллельно дарбару появился британский резидент, так на местах параллельно назимам и кардарам из Лахора появились британские советники. Так, капитан Эбботт был отправлен в Хазару, лейтенант Эдуардз — в Дераджат и Банну, капитан Николсон — в Пешавар и т.д. (многие из них были военными). Группа вокруг Лоуренса позднее получила известность как «молодёжь Генри Лоуренса». Именно ей Компания была обязана ползучим переподчинением Северо-Западной Индии от сикхов британцам ещё до официальной аннексии Панджаба в 1849 г. Название группы наминает другой, более известный, «коллектив» в истории Британской империи — «детский сад Милнера»: кадры молодых перспективных чиновников, которых соберёт вокруг себя Алфред Милнер на посту верховного комиссара Южной Африки (1897–1901). Этот «детский сад» ляжет в основу более серьёзной неформальной организации — исключительно влиятельной Груп-

пы Милнера, которая сыграет одну из ключевых ролей в истории Британской империи на финальном этапе её развития и которую американский историк К. Куигли назвал «одним из важнейших исторических фактов XX в.» [Quigley, 1981, p. IX].

Лоуренс поставил кардаров под строгий контроль центра, велел подготовить писанные гражданский и уголовный кодексы и стал высшей судебной инстанцией в стране [Khilnani, 1972, p. 100, 105]. С 1846 г. британцы снизили жалование (минимум — 6 рупий в пехоте и 25 в кавалерии), зато покончили с его задержками и вычетами, ввели пенсии.

Через несколько месяцев после заключения Бхайровалского договора Тедж Сингх наконец дождался милости за заслуги против отечества: получил титул раджи. Церемония его инвеституры в августе 1847 г. вскрыла степень недовольства Джхиндан оккупантами. Согласно заведённому порядку, 7-летний Далип Сингх в своём *тахтгахе* (тронном зале) должен был нанести на лоб Тедж Сингху соответствующий случаю шафрановый тилак. Когда все собрались, маленький саркар вдруг отказался это делать — скорее всего, по указанию матери. Мальчика пытались уговорить и Лоуренс, и член регентского совета Шер Сингх Атаривала, но безуспешно: тот упрямо скрестил руки на груди и глубже вжался в монаршее золотое кресло, удивив присутствовавших решимостью, которая не вязалась с его возрастом и мягким характером. Конечно, отказ саркара не сорвал церемонии: резидент просто поручил провести её одному из членов совета. Как раз перед церемонией Лоуренс заметил своим помощникам, что «его высочество демонстрирует больше ума, чем большинство английских детей его возраста» [Singh, Ganda, 1955, p. 100]. Доказательство не замедлило явиться.

Этот случай показал, что Джхиндан так и не смирилась с тем, что в Лахоре появились новые хозяева. Тогда Лоуренс заключил её в башню Самман Бурдж. Однако, оставаясь в Лахоре, махарани продолжала доставлять британцам неудобство своим присутствием в столице на положении отстранённой от власти правительницы. Поэтому вскоре её ложно обвинили в заговоре с целью убить Лоуренса и Тедж Сингха, вывезли из Лахора и 20 августа 1847 г. заключили в Шейхупурской крепости. Ударили и по её кошельку: пенсию королевы-матери сократили до $\frac{1}{3}$ (4 тыс. рупий в месяц). Она жаловалась непосредственно генерал-губернатору через своего вакила, но тот отослал жалобу обратно в Панджаб, Лоуренсу: махарани поставили на место, показав, что единственный канал сообщения между нею и генерал-губернатором — это резидент в Лахоре. Лоуренс жалобу проигнорировал. Джхиндан писала письма и ему лично, негодуя на его несправедливость и свою разлуку с сыном. В частности, она спрашивала: почему Лоуренс пытается овладеть страной закулисными методами, а не открыто? [Private Correspondence, 1955, p. 490]. На факсимиле одного из писем махарани видно, как её строчки шриф-

том гурмукхи загибаются вниз (см.: [Private Correspondence, 1955, p. 488]). Психологология называет это одним из признаков пессимизма. Было от чего.

Впрочем, как сказано в Коране: «*Это то, что вы призывали*» (сура «Власть», аят 27). Джиндан провела ловкую комбинацию, избавившись от контроля своей армии, — но попала под контроль британцев. Она и дарбар в 1845 г. хотели избавиться чужими руками от собственной армии, но так, чтобы потом эти руки не схватили железной хваткой их самих. Так не бывает.

В январе 1848 г. в Калькутте сменился генерал-губернатор: место Хардинга занял Джеймс Браун-Рэмзи, более известный по титулу, дарованному ему чуть позднее, — маркиз Далхузи. На посту генерал-губернатора он пробудет восемь лет (1848–56). Вместе с лордами Уэлсли (1798–1805) и Кёрзоном (1899–1905) Далхузи называют одним из трёх самых выдающихся генерал-губернаторов в истории Британской Индии. В историографии есть даже мнение, согласно которому Индия не знала такого масштабного правителя со времён Акбара [Remble, 1977, p. 92 и след.]. Далхузи отличался поразительной работоспособностью и вникал в мельчайшие вопросы управления (как в Пенджабе Ранджит Сингх).

Для самостоятельности Пенджаба (независимость была уже в прошлом) приезд Далхузи был очень плохой новостью. Генерал-губернатор намеревался провести в Индии целый комплекс реформ, направленных на модернизацию страны. Они должны были расчистить путь британскому промышленному капиталу в освоении ресурсов Индии. Это и реформа гражданской службы, и создание инфраструктуры — активное строительство железнодорожной сети, ирригационных сооружений. В отношении княжеств курс модернизации предусматривал максимально быструю их ликвидацию как островков традиционности, отсталости, которым нет места в современном мире. С именем Далхузи связывают известную «доктрину выморочных владений» (хотя выдвинул её не он, а директора Ост-Индской Компании). Согласно этой доктрине, Компания в силу своего статуса верховной державы Индии присвоила себе право аннексировать владения умершего князя при отсутствии у него естественных (не усыновлённых) наследников мужского пола. Далхузи энергично проводил эту доктрину в жизнь, успев аннексировать за годы своего генерал-губернаторства семь княжеств.

Собирался Далхузи решить и проблему Пенджаба. Он был убеждён, что в случае ухода британцев господствующее положение вновь займёт армия, которая не перестанет их ненавидеть, а твёрдой власти (имелся в виду дарбар) по-прежнему не будет. «*Наша граница не может оставаться в безопасности при таких обстоятельствах. Мы могли бы предотвратить всё это, сделав сразу то, что, как мы твёрдо уверены, необходимо сделать в конце концов*» — писал он [The Punjab Papers, 1970, p. 182]. Далхузи был убеждённым сторонником присоединения Пенджаба к Британской Индии.

Не случайно Генри Лоуренс, выступавший за минимальное вмешательство Компании во внутренние дела княжеств, скоро не поладил с новым генерал-губернатором. Уже в марте 1848 г. он взял отпуск по болезни и уехал в Британию, а резидентом в Лахоре был назначен более покладистый сэр Фредерик Кёрри. Правда, несмотря на радикальные взгляды Далхузи, ситуация пока оставалась прежней. В Панджабе сохранялось сикхско-британское двоевластие.

За прошедшие с окончания войны два с лишним года страна, казалось, успокоилась, была, как говорили в таких случаях британцы, «замирена» (*pacified*). Так, Хардинг в письме королеве заверил её, что «военная мощь сикхов уничтожена навсегда» и «возродить её нельзя будет никогда» [The Punjab Papers, 1970, p. 118]. В июле 1847 г. он отметил: «Панджаб замечательно спокоен... Я могу ответить за мир в течение шести ближайших лет» [Hardinge, 1986, p. 218]. С такими прогнозами в колониях и зависимых странах британцы ошибались довольно часто. Например, так случилось в ходе обеих англо-афганских войн. Осенью 1841 г., перед внезапным восстанием в Кабуле, сэр Уильям Макнатен в донесении Окленду заверил его получившей известность фразой: «В Афганистане тишь, как в Беершебе в дни Даниловы». 2 сентября 1879 г. навязанный Афганистану резидент в Кабуле сэр Луи Каваньяри прислал в Шимлу телеграмму со словами «Всё в порядке», а через три дня там узнали, что его резиденция взята штурмом и все, кто находился внутри, истреблены.

То, о чём писал Хардинг, на деле было затишьем перед бурей. Как образно пишет В.И. Кочнев: «Численно урезанная, отодвинутая на второй план сикхская армия глухо волновалась, вспоминая героические походы армии хальсы. Армия безусловно являлась своеобразным барометром, стрелка которого колебалась в зависимости от настроения народа. В последнее время она медленно, но неодолимо приближалась к буре» [Кочнев, 1968, с. 145]. Ненависть к британцам была велика, и по Панджабу ползли самые дикие слухи, например, будто они выжимают из трупов индийцев «человеческое масло» [Singh Kh., II, p. 65].

В апреле 1848 г. и.о. резидента Кёрри сместил назима Мултанской субы Мулраджа. Регентским советом в Мултан был назначен новый назим, на этот раз сикхский сардар — Кахн Сингх Ман, с которым поехали два британца из числа «молодёжи Генри Лоуренса» — политический советник нового назима Ванс Эгню и его помощник лейтенант Уильям Эндерсон. Им и должна была на деле принадлежать вся полнота власти в южной провинции.

Едва состоялась передача власти, как Мултан восстал и оба британца были убиты. Так началась вторая англо-сикхская война.

В декабре 1845 г. сикхская армия переправилась через Сатледж и развернула наступление на британской территории. В первом же крупном сражении

(при Мудки) выяснилось, что противник серьёзно недооценил сикхов — их выучку, вооружение (особенно артиллерию), способность вести масштабные действия в соответствии с правилами современной военной науки. Эта недооценка обошлась британцам весьма дорого. Разбить врага малой кровью на его же территории у них не вышло. Хотя характер сопротивления сикхов был совсем иным, по сути в Пенджабе Британская империя наступила на те же грабли, что в Афганистане за четыре года до этого: британцы опять понадеялись на своё расовое и техническое превосходство. Они *«по-прежнему так упорно презирали дух узеников Гобинда или не понимали его настолько, что это зуть не сорвало их триумф»* [Cunningham, 1903, p. 347]. Второе сражение (при Фирозшахре) должно было закончиться полным разгромом основных сил англо-сипайской армии, но её выручили пенджабские военачальники-вредители, действовавшие в интересах дарбара. Лишь в решающем сражении при Собраоне британцы наконец с трудом взяли верх.

Действия сикхской армии в войне с Ост-Индской Компанией 1845–46 гг. доказали состоятельность реформ Ранджит Сингха. Запущенная им военная машина исправно работала и после его смерти (набор добровольцев, оплата, оснащение вооружением), даже несмотря на охватившую сардарство борьбу за власть. Будь Ранджит жив, показанные хальсой результаты изумили бы его самого, так как превосходили бы его ожидания. Сикхи оказались в состоянии несколько раз встретиться с европейской армией на поле боя — и едва не выиграть войну.

В истории британской экспансии в Индии наибольшего успеха (пусть краткосрочного) добивались те князья, кто, как маратхский сардар Джасвант Рао Холкар и даже правитель Майсура Хайдар Али, в целом избегали масштабных сражений, предпочитая партизанскую тактику. Сикхи были единственным исключением — благодаря великолепным боевым качествам этнических пенджабцев, помноженным на развитые гуру Гобиндом традиции военного братства, а также на обучение при Ранджите бывшими офицерами Наполеона. Неудивительно, что в ходе войны поражение Ост-Индской Компании временами казалось неминуемым. И это несмотря на задержки в сикхской армии жалованья, её плохое снабжение и сговор её командования с врагом! Очень важным фактором упорного сопротивления сикхской армии стал её высокий моральный дух. Сломить львов Пятиречья британцам удалось только ценой колоссального напряжения сил.

Вторжение сикхов 1845 г. можно назвать загробным выстрелом императора французов по Великобритании. Наполеон умер побеждённым, но его офицеры натренировали на британцев азиатский народ воинов. У Бонапарта не вышло ни прорваться в Индию с помощью египетского похода 1798 г. (где он, кстати, рассчитывал соединиться с местным союзником — майсурским Типу Султаном), ни натравить на Ост-Индскую Компанию Россию при

Павле, — но ретроспективно получилось, что Британии в Индии он всё же насолил: руками сикхов уже в 1840-е годы.

Упомянув о боевых качествах панджабцев, отмечу: одна из причин, по которым британцам так тяжело далось покорить их, это то, что среди всех индийцев панджабцы — народ, наиболее близкий европейцам по физическим данным. В Южной Азии существует антропологическая закономерность: чем ближе к северо-западу, тем население более рослое и белокожее. Это результат волн миграции, которые приходили только с северо-запада, накладываясь одна на другую, поэтому здесь население «выросло» и «побелело» больше всего; Панджаб — страна на **крайнем** северо-западе субконтинента. И наоборот, чем дальше к востоку и юго-востоку Южной Азии, тем население, как правило, более шуплое, низкорослое и темнокожее (проявляется дравидийский субстрат). В ходе своей экспансии в Индии британцы имели дело преимущественно с антропологическим типом, который уступал им физически, — пока не упёрлись в Панджаб.

Одолев в начале 1846 г. сикхскую армию, Ост-Индская Компания ввела в Лахоре оккупационный режим, который в конце того же года продлила на восемь лет. Дарбар во главе с махарани добился поставленной цели — избавился от ненавистного контроля сикхской армии, но победители забрали в Лахоре намного больше власти, чем он рассчитывал. Панджаб стал британским протекторатом.

Однако сикхи ещё не сказали своё последнее слово.

VII.3. Вторая англо-сикхская война (1848–49)

Конфликт вокруг Мултана стал нарастать к концу 1847 г. Нуждаясь в деньгах, дарбар неожиданно потребовал от назима субы — дивана Мулраджа — заплатить 30 лакхов рупий в виде назрана (т.е. сверх обычной суммы) под предлогом недавнего наследования наместничества. Мулрадж был сыном упомянутого справедливого назима Саван Мала, сменив его после его гибели в 1844 г.: по сути в Мултани сидела местная династия, признававшая верховную власть Лахора и платившая дань. Мулрадж отговорился за неимением денег. Дарбар послал из столицы войска, но... их отбили. Не стоит этому удивляться: патримониальная Панджабская империя была политией-матрёшкой.

Резидент, тем не менее, утвердил Мулраджа в его должности, так как, подобно своему отцу, это был способный администратор. Однако дарбар по указанию резидента резко увеличил налоги (или дань: в патримониальной политике грань между этими двумя понятиями зыбкая) с Мултана (с 13,7 до 19,7 лакхов), да ещё передал брату Лал Сингха доходный округ Джханг, по сути

выкroив его из Мултанской субы. Тогда в декабре 1847 г. Мулраджд, ссылаясь на плохое здоровье, подал в отставку. Правда, будучи назимом Мултана уже во втором поколении, он едва ли серьёзно собирался расстаться с властью [Khilnani, 1972, p. 128].

Однако и.о. резидента (замещавший брата Джон Лоуренс) его отставку принял.

Возникла интересная ситуация, которая иллюстрирует столкновение цивилизаций на уровне представлений о власти. В патримониальных полициях Азии отставка такого полунезависимого наместника, каким был Мулраджд в Мултане, часто была и считалась тактическим ходом, сделанным лишь с целью поторговаться с имперским центром. В столице понимали, что этот — официально — наместник обладает определённым собственным весом, что он не только чиновник империи, но и наследственный владетель на своей территории. Поэтому обычно следовали длительные переговоры, препирательства и чаще всего наместник оставался на своём посту — либо выторговав себе выгодные условия, либо будучи вынужден где-то уступить центру. Британцы, появившись в Лахоре, действовали, исходя из совсем других представлений о природе власти. Они исходили из концепции европейского государства, которое функционирует по законам формальной рациональности (термин М. Вебера). Подал чиновник в отставку — вышестоящая власть имеет полное право принять её и назначить другого. Никакие намёки и недосказанности в расчёт не принимаются. В азиатской политике, да ещё не до конца «замирённой», поступивший так британский резидент выглядел как слон в посудной лавке. Показательно, что эту ошибку британцы допустили после отъезда из Панджаба Генри Лоуренса: тот наверняка действовал бы гибче. Показательно и то, что эта ошибка была допущена **очень скоро** после отъезда Лоуренса: людей с его знанием того, как реально функционирует индийская политика, в Компании оказалось не так-то много.

18 апреля 1848 г. Ванс Эгнью и лейтенант У. Эндерсон вместе с новым сикхским назимом прибыли в Мултан, чтобы обеспечить передачу власти. Как ни был Мулраджд раздосадован на этих непонятливых ферингов, он без препирательств передал им ключи от городской крепости. Но Мулраджд пользовался большой популярностью, и население открыто выражало недовольство. Ещё важнее то, что британцы провели сокращение в гарнизоне крепости. Эндерсон расставил часовыми своих гуркхов, и мусульманские воины Мулраджда лишались средств к существованию. Чтобы разжечь пожар, достаточно было искры.

Когда британцы вместе с Мулрадждем выезжали из городской крепости, лошадь Эгнью задела одного из воинов, Амир Чанда. Тот дал выход раздражению и ударил британца копьём, сбив с лошади. Долго сдерживаемое негодование прорвалось, и на британцев бросились со всех сторон. Ранили и Эн-

дерсона. Мулрадж пустил коня в галоп и скрылся обратно в крепости. Историки сходятся во мнении, что он был к нападению непричастен и произошло оно стихийно: воины любили своего назима и не потерпели его унижения. Таким образом, антибританское выступление начали не сикхи. Показательно, однако, что сопровождавший британцев сикхский отряд из Лахора быстро перешёл на сторону мятежников. К ним присоединилась часть городских ремесленников и крестьян окрестных деревень. Через три дня толпа повстанцев добила раненых британцев в комплексе мечети Идгах, где те расположились лагерем. Мултан фактически отложился от Панджаба. Во главе восстания встал Мулрадж. Повторю, что он не имел отношения к убийству британцев, — но, оказавшись в руках восставших, поддался их давлению и стал, пусть неохотно, знаменем восстания, центром притяжения всех недовольных лахорской властью. Как выразился историк Хушвант Сингх: «*Мулрадж обнаружил, что едет верхом на тигре, и знал, что не может позволить себе спешиться*» [Singh Kh., II, p. 127]. Так через девять лет, в 1857 г., во время восстания сипаев в Дели последний могольский шах 82-летний Бахадур II поневоле станет их лидером как фигура, обладающая традиционной легитимностью (да ещё общеиндийского масштаба).

Восстание в Мултани вспыхнуло в конце апреля, т.е. уже наступал зной (летом температура в этой местности достигает 40–50 °С). В области Мултана климат особенно жаркий из-за близости пустыни Тхар. Недаром в Индии ходила пословица: «*Между Мултаном и адом — только листок бумаги*». Военные кампании в Южной Азии, как правило, были сезонными: их приурочивали к периоду до жары и муссонных проливных дождей. Вспомним, что Ахмад-шах Дуррани с постоянством вторгался в Индию в ноябре – декабре, а обратно уходил к весне. Британцам было самое время поторопиться с подавлением восстания. Это было им по силам. Но генерал-губернатор Далхузи стал проявлять странную медлительность. Когда Кёрри из Лахора попросил находившегося близ Шимлы генерала Гофа двигаться к мятежному Мултану, тот отказался, сославшись на жару. Ещё Хардинг разместил в Лахоре, Джаландхаре и Фирозпуре по мобильной бригаде как раз на случай восстания в разгромленном Панджабе. Однако Далхузи не пустил их в ход. По его словам, в случае начала кампании главным врагом британцев стали бы не сикхи, а стихия — дожди и вздувшиеся реки [The Punjab Papers, 1970, p. 154–156]. В июне 1857 г., вскоре после начала восстания в Дели, сезон муссона не помешает британцам осадить могольскую столицу: слишком многое будет поставлено на карту.

Медлительность Далхузи была сознательной. Расчёт был такой: дать восстанию разгореться, расползтись по Панджабу — чтобы получить оправдание вынашиваемой генерал-губернатором идеи аннексировать страну! Расчёт оказался верен.

С британской стороны одну из главных ролей во второй англо-сикхской войне сыграл помощник политического агента в области Банну лейтенант Герберт Эдуардз из «молодёжи Генри Лоуренса» (позднее дослужился до фельдмаршала). Считая, что курс Далхузи слишком опасен, он, проявив недюжинную инициативу, принял энергичные меры к локализации мултанского восстания. Правда, сначала, имея в распоряжении небольшой отряд, Эдуардз написал резиденту Кёрри, что чувствует себя шотландским терьером, лающим на тигра. Воспользовавшись неприязнью пуштунов и белуджей к покорившим их сикхам, лейтенант быстро набрал из них войско численностью 14,5 тыс. При этом Эдуардз сделал упор на религиозный фактор: его агенты поднимали мусульманское население лозунгом антисикхского джихада. Много позднее, в 1980-е годы, другая держава (также англосаксонская) тоже воспользуется в этих местах идеей джихада, раздувая его против третьей стороны.

Это оказалось контрпродуктивно (с точки зрения Эдуардза): влиятельный религиозный лидер сикхов Бхаи Махарадж Сингх стал ездить по окрестностям Мултана и, в свою очередь, призывать сикхов к священной войне (*дхарам юдх*). Его прибытие в Мултан после убийства двух британцев побудило многих примкнуть к восстанию [Singh Kh., 1971, p. 133]. А с точки зрения Далхузи расползание восстания как раз было желательным. Генри Лоуренс сразу высказал мнение, что если быстро принять меры, восстание не разгорится. Но этого-то и добивались в Калькутте.

Оперативно набрав своих патханов и белуджей и получив подкрепление от данника Панджаба — наваба Бахавалпура, лейтенант Эдуардз разбил войско Мулраджа в бою при Канейри. Тем самым он нарушил инструкции Далхузи, который рекомендовал лейтенанту не проявлять большой активности. К середине июня Эдуардз подступил к стенам Мултана. Кёрри прислал к нему на помощь из Лахора отряд генерала Уиша и 7-тысячный отряд сикхской армии под командованием члена регентского совета раджи Шер Сингха Атаривала. Воочию увидев мощную Мултанскую крепость, Уиш был очень озадачен и начал осаду.

Между тем возник другой очаг восстания — на северо-западе страны. Назимом здесь состоял Чатар Сингх Атаривала, отец Шер Сингха и невесты маленького саркара. Его британским советником был назначен капитан Джеймс Эбботт, управлявший к тому же областью Хазара, которая, как мы помним, отошла к Компании вместе с Кашмиром. Имея целью максимально ослабить власть сикхов над этническими окраинами Панджаба и подозревая лично Чатар Сингха в антибританских замыслах, Эбботт постоянно ставил своему сикхскому начальнику палки в колёса. Он разжигал недовольство пуштунского населения сикхской властью: раздавал вождям местных племён субсидии, называл сикхов гонителями ислама. Дошло до того, что свою резиденцию Эбботт расположил в 55 км от местопребывания Чатар Сингха [Кочнев,

1968, с. 156]. Как накануне первой войны британцы спровоцировали армию на выступление, так и сейчас Эбботт в конце концов толкнул сикхов на ответные действия. Сикхская часть в подчинении Чатар Сингха восстала против британского политического офицера, и назим присоединился к восстанию (хотя Эбботт был представителем резидента, юридически это выступление можно назвать восстанием с большой натяжкой). Кстати, капитан Эбботт был одним из активных участников Большой Игры с Россией: в 1840 г., во время неудачного похода оренбургского губернатора В.А. Перовского на Хиву, он ездил туда попытаться убедить хана Аллах-кули отпустить русских рабов (то, что удалось чуть позднее лейтенанту Р. Шекспиру)¹.

Узнав о восстании отца на северо-западе, 14 сентября Шер Сингх под Мултаном неожиданно перешёл на сторону Мулраджа. Генералу Уишу пришлось тут же снять осаду с города и отступить.

И отец и сын Атаривала сначала были настроены к Ост-Индской Компании вполне лояльно. Напомню, что Шер Сингх даже вошёл в регентский совет. Кроме того, он сделался деорхидаром, т.е. занял пост, который при дворе Ранджита занимал Дхиан Сингх. Однако действия капитана Эбботта в Хазаре оттолкнули семью Атаривала от британцев. Чатар Сингх имел к ним ещё одну претензию: стремясь упрочить своё положение тестя саркара, настаивал, чтобы ему побыстрее разрешили сыграть свадьбу, — а британцы не спешили.

15 сентября 1848 г. Шер Сингх Атаривала издал прокламацию ко всем сикхам выступить на борьбу с британцами, учитывая «*гнёт, тиранию и неоправданную жестокость, с какой феринги обошлись с вдовой великого махараджи Ранджит Сингха, матерью народа, и жестокость, какую они продемонстрировали к населению страны*» (цит. по: [Singh, Gopal, 1988, p. 566]). На призыв откликнулось несколько сикхских сардаров.

О совместных действиях Шер Сингх и Мулрадж не договорились. По мнению В.И. Кочнева, причина состояла в том, что Мулрадж с самого начала тайно пытался договориться с британцами [Кочнев, 1968, с. 162]. В самом деле, Мулрадж возглавил восстание неохотно, понимал силу Компании и предпочёл бы решить дело миром при первой возможности. Представляется, что в реальности главная причина — его нежелание вновь ставить Мултан в зависимость от сикхов, от дарбара в Лахоре, намерение повернуть вспять центростремительные тенденции, заданные за полвека до этого Ранджит Сингхом. Не случайно и Шер Сингх не проявлял особой активности в попытках наладить контакты с Мулраджем. Для того ли Ранджит семь раз ходил на Мултан, чтобы теперь сикхи поощряли сепаратиста? Предположу больше: главная цель восстания Мултана состояла даже не в том, чтобы дать отпор британцам как завоевателям Панджаба, а в том, чтобы отложиться от Лахора. На непо-

¹ Имя капитана увековечено на карте: в Пакистане существует город Эбботтабад (именно там в мае 2011 г. был, как считается, убит Усама бин Ладин).

виновение Лахору мултанцев своими неумными действиями спровоцировали именно британцы, а уж кто там, в столице, заправлял — британцы ли, сикхи ли — для Мултана было не столь важно.

Вклад в то, чтобы два лидера восстания не нашли общего языка, внёс инициативный лейтенант Эдуардз. Проявив способность нестандартно мыслить, он написал письмо на имя Шер Сингха, из которого следовало, будто переход последнего на сторону восставших — мнимый и предпринят с единственной целью: чтобы Мултан открыл осаждающим ворота. Эдуардз позаботился, чтобы письмо попало к Мулраджу; естественно, оно усилило недоверие того к сикхам. Так Аурангзеб, когда в 1681 г. против него поднял мятеж его сын Акбар, искусно сорвал его намечавшийся союз с князьями Раджпутаны. Шах тогда написал сыну письмо, в котором хвалил его, что тот ведёт раджпутов в западню, — и дал раджпутам возможность перехватить это письмо. Те поддались на уловку и ночью поспешно отступили, что позволило Аурангзебу подавить мятеж шахзады.

Однако и Шер Сингх не был подходящим лидером восстания. Как полководец он оказался сверхосторожным и не использовал ряд благоприятных возможностей. Не найдя контакта с Мулраджем, он в начале октября ушёл от Мултана на север. Правильным решением было бы двигаться прямо на Лахор: Шер Сингх мог успеть занять столицу до того, как из-за границы вступит карательная армия, и имел шанс поднять сикхское население центральных районов Панджаба [Cook, 1975, p. 202]. Вместо этого он двинулся западнее.

Впрочем, резидент Кёрри исключил возможность восстания в столице: объявил комендантский час, расставил на улицах патрули, арестовал сардаров, подозреваемых в симпатиях к восставшим.

Выдавая желаемое за действительное, Далхузи 5 октября 1848 г. писал резиденту Кёрри из Калькутты: *«Нигему не наузившись на опыте и на примерах, сикхский народ захотел войны, и даю слово, сэр, они полугат её с лихвой»*. В том же письме Далхузи проговорился, что ждал этого кризиса несколько месяцев.

Особенностью второй англо-сикхской войны стало то, что (в отличие от первой войны) формально это не была война Панджаба с Ост-Индской Компанией. Формально британцы действовали от имени маленького саркара и его дарбара в Лахоре, которые и не помышляли о сопротивлении Компании. Юридически дело обстояло так, что британцы в интересах лахорского правительства подавляли мятежи части сикхской армии и сепаратистов в Мултани. На деле же это была война против британцев части сикхского народа, который ещё не смирился с оккупацией. Поэтому резидент Кёрри удивился, получив 3 октября письмо Далхузи, согласно которому генерал-губернатор *«рассматривал Лахорское государство фактически в состоянии прямой войны с британским правительством»*.

На западе страны между тем восстание ширилось. В Аттоке возник мятеж против британского командующего Герберта: восстал набранный из мусульман гарнизон, и Герберт был вынужден сдаться. Хотя британцы и играли на противоречиях сикхов и их мусульманских подданных, антибританское движение затронуло не только сикхов. В Пешаваре, где стоял сикхский гарнизон и находился британский советник — майор Джордж Лоуренс (старший брат Генри и Джона Лоуренсов) — пока было спокойно. Председатель Контрольного совета по делам Индии Хобхаус удовлетворённо отметил по этому поводу: *«Данный факт хорошо показывает, что верность недавно покорённых полувцивилизованных варваров во многом зависит от характера и контроля тех, кто непосредственно и лично осуществляет над ними власть»* [The Punjab Papers, 1970, p. 192]. В суждении о правильном обращении с варварами Хобхаус «сел в лужу»: через месяц, в конце октября, вся пешаварская часть восстала и попыталась убить Лоуренса. Ему дал приют один патханский вождь, который потом передумал и выдал майора Чатар Сингху. Таким образом, на дальнем западе Панджабской империи власть британских советников рухнула повсеместно. Сикхские солдаты расстреляли здесь Фатех-хана Тивану, который в 1845 г. организовал убийство принца Пешавара Сингха, а теперь выступал агентом британского резидента.

Востока страны восстание не затронуло. Видя, что поднять всеобщее восстание сикхов не удаётся, сардар Чатар Сингх, скрепя сердце, вступил в переговоры с амиром Афганистана Дост Мухаммадом, посулив за военную помощь против Компании главное афганское приобретение Ранджита — Пешавар и 30 тыс. рупий впридачу. Афганцы живо заинтересовались, и в Пешавар прибыл сын амира с войском. Получив афганское подкрепление, Чатар Сингх выступил на восток, к Джеламу, на соединение с сыном.

К октябрю 1848 г. Далхузи счёл, что восстание разгорелось достаточно, чтобы можно было представить его всеобщей войной Панджаба против британцев со всеми вытекающими для страны последствиями. 9 ноября на правый берег Сатледжа переправился главнокомандующий силами Компании генерал Гоф с войсками. Позднее он признался, что недоумевал — находятся ли Компания с Панджабом в войне или мире, а если в войне, то воюют ли британцы за дарбар или против него?

В конце ноября генерал Уиш начал вторую осаду Мултана. Город с его мощными укреплениями задержал британцев (хотя и не на пять месяцев, как в 1818 г. — сикхов), да и Уиш, похоже, не отличался инициативностью. Генерал имел в своём распоряжении 15 тыс. человек, но значительную часть этих сил составляли иррегулярные войска. 22 декабря подошли подкрепления — два полка британской и четыре полка сипайской пехоты плюс два полка сипайской кавалерии [Victorian Military Campaigns, 1967, p. 59]. Как ехидно заметил Далхузи в январе 1849 г., девиз на гербе Уиша должен был звучать

так: «*Завтра, завтра, завтра*» [Private Correspondence, 1955, p. 157]. (Генерал-губернатор цитировал слова Макбета из его финального монолога в одноимённой трагедии Шекспира: «*Tomorrow, and tomorrow, and tomorrow*».) Мултан представлял собой для врага «крепкий орешек», но судьба войны решалась на севере, в противостоянии сикхских частей Шер Сингха и Чатар Сингха карательной армии Гофа.

Первое сражение сикхов с британцами произошло 22 ноября 1848 г. под Рамнагаром в Рачна доабе. Гоф понёс тяжёлые потери, устроив кавалерийскую атаку по песчаному руслу высохшей реки (в 2 мили шириной) под мощным пушечным огнём. Отряд бригадного генерала Кемпбелла был разбит. Победа сикхов не была крупной, но подняла моральный дух армии. 3 декабря произошло сражение при Садуллапуре, в конце которого сикхи из-за превосходства врага в артиллерии отступили, но организованно, в боевом порядке. Британцы пустили слух, будто Шер Сингх в этом сражении погиб, что было неправдой. Он отошёл на запад, к Ченабу, и стал ждать подхода отца. Гоф, подойдя к реке, тоже приостановился: сикхи опять показали, на что способны, поубавив вражескую прыть. Однако британцам было ясно, что Шер Сингха надо разбить до подхода подкреплений. Поэтому 13 января 1849 г. Гоф дал Шер Сингху сражение под деревней Чилианвала в Чадж доабе. Это была одна из двух крупнейших и тяжелейших битв второй англо-сикхской войны.

Под началом Шер Сингха в сражении участвовало 30 тыс. человек, правда, половину составляло иррегулярное ополчение; пушек у сикхов было 60, причём в основном лёгких. Под началом Гофа было 13 тыс. человек и 62 пушки, включая 20 тяжёлых орудий и гаубиц (Thorburn в: [Кочнев, 1968, с. 165]).

Готовясь к сражению, сикхи допустили ту же тактическую ошибку, что в первую войну при Аливале и Собраоне: расположились, имея в тылу широкую реку — в данном случае Джелам. Однако они частично исправили положение, навязав врагу бой раньше, чем тот рассчитывал. Гоф собирался начать сражение только на следующее утро, 14 января, так как плохо представлял расположение противника и хотел получить разведданные. Сикхи разгадали его намерения и навязали сражение 13 января, не дав противнику стать лагерем.

В начале битвы шедшая в штыковую атаку на правый фланг сикхов бригада Пенникуика потеряла боевой порядок в зарослях кустарника, попала под огонь сикхской артиллерии, была контратакована сикхской кавалерией и отступила с тяжёлыми потерями. Позднее в аналогичную ситуацию на левом фланге сикхов попала кавалерийская бригада Поупа (сам командир был тяжело ранен). Это притом, что в первую войну британская кавалерия, наоборот, была на высоте (драгуны 3-го полка за своё бесстрашие снискали у сикхов прозвище *шайтан де базге*, «дети чёрта»). Как подметил В.И. Кочнев, британские историки пишут, что поражение этих частей было вызвано труд-

непроходимыми джунглями, но почему-то не отмечают, что эти же джунгли не мешали сикхам удачно контратаковать британцев [Кочнев, 1968, с. 166]. Так французы в 1812 г. списывали все неудачи в России на мороз.

Чилианвала была очень упорной битвой. Хотя в какой-то момент врагу сдался служивший ещё Ранджиту артиллерийский командующий Илахи Бахш, отступили в конце концов британцы. В битве отличился сын Хари Сингха Налвы Джавахир Сингх, командовавший одной из атак. Сикхи праздновали удачу, дав полагавшийся в таких случаях 21-пушечный салют. Однако победу приписывали себе обе стороны — как, к примеру, русские и французы при Бородине. Далхузи парадоксальным образом считал, что сикхи потерпели при Чилианвале «несомненное поражение», но вместе с тем называть это британской победой было бы «поэтично» [The Punjab Papers, 1970, p. 232]. Прежде чем поздравить Гофа с «блестящей победой», он десять дней молчал — не мог оправиться от неприятного удивления.

Потери британцев при Чилианвале были огромными — 2446 человек и знамёна трёх полков [History of Anglo-Sikh Wars, 2004, p. 88]. На общественное мнение в Великобритании это оказало более серьёзное впечатление, чем даже крах в Кабуле. Поднялась буря негодования. Гофа ещё больше, чем в прошлую войну, винили в некомпетентности и требовали заменить его. Далхузи в письме герцогу Веллингтону признался, что хотя на людях ведёт себя так, будто Чилианвала — великая победа, на деле больше не считает англосипайскую армию в безопасности в руках **такого** главнокомандующего. Это опять были поиски ответа на вопрос «Кто виноват?». Настоящей причиной британских неудач была не мифическая некомпетентность Гофа, а реальная доблесть сикхов. С пленными сикхи обошлись хорошо, угостили пловом и вином, а двоих отпустили обратно с приветом от Шер Сингха.

Всего через два дня на пост главнокомандующего вооружёнными силами Британской Индии был назначен генерал сэр Чарлз Нэпир, завоеватель Синда в 1843 г. Он находился тогда в Великобритании. Победитель Наполеона при Ватерлоо герцог Веллингтон сказал Нэпиру: «Если не поедете Вы, то остаётся мне» [Moop, 1999, p. 616]. Однако принять командование Нэпир не успел. Хотя к середине XIX в. путь от Лондона до Бомбея и сократили всего до двух месяцев (благодаря пароходному сообщению через Красное море — ещё до строительства Суэцкого канала), события в Индии разворачивались быстрее. Вторая англо-сикхская война успела закончиться раньше прибытия Нэпира.

После Чилианвалы британцы целый месяц не могли выбить сикхов с их позиций. Мораль англо-сипайской армии заметно упала. Чатар Сингх наконец привёл сыну подкрепления. Среди этих войск был 3-тысячный афганский отряд, которым командовал сын Дост Мухаммада Акрам-хан.

Нерешительность проявляли обе стороны. Шер Сингх и Чатар Сингх медлили с дальнейшими действиями, поскольку рассчитывали договориться

с британцами. В начале войны они действительно надеялись, что восстание охватит весь Панджаб или на их стороне выступит дарбар, но ни того ни другого не произошло. К этому времени Атаривала, похоже, считали выполнимой лишь программу-минимум: вернуть себе привилегированное положение. Что касается Гофа, то, обжѣвшись при Чилианвале, он медлил.

Между тем пришли плохие вести с юга: 22 января 1849 г. безоговорочно капитулировал осаждённый Мултан. Ещё 30 декабря при артобстреле британцами городской крепости ядро попало в пороховой склад, и он взорвался, уложив до 500 осаждённых. При взрыве погиб несостоявшийся преемник Мулраджа в чине мултанского назима — сикхский сардар Кахн Сингх Ман, которого после убийства двух британцев вместе с маленьким сыном заковали в кандалы и держали в крепости. Окончательно сломили сопротивление защитников британцы, задействовав привычную для них водную стихию: по Инду поднялись военные корабли из Бомбея, которые стали обстреливать Мултанскую крепость с реки. Падение Мултана означало, что на север на соединение с Гофом спешит генерал Уиш.

Шер Сингх, как перед Чилианвалой Гоф в отношении его самого, решил попытаться разбить противника до подхода подкреплений и двинулся к востоку, якобы на Лахор — чтобы вызвать британцев на сражение. Гоф успелтаки соединиться с Уишем и перехватил сикхскую армию у Гуджрата в Чадж доабе, на берегу Ченаба. Здесь и состоялось генеральное сражение второй англо-сикхской войны. У Шер Сингха и Чатар Сингха было 40–60 тыс. человек и 59 средних и малых орудий; у Гофа — 24 тыс. человек и 106 орудий, в том числе 40 тяжѣлых [Кочнев, 1968, с. 168]. Британцы стянули к Гуджрату столько войск и орудий, сколько, возможно, никогда прежде не участвовало в сражениях в Индии на стороне Компании. Подчеркну, что в отличие от первой войны во вторую сикхам катастрофически нехватало тяжѣлой артиллерии, которая была гордостью Ранджита.

Битва при Гуджрате состоялась солнечным днѣм 21 февраля 1849 г. Она вошла в историю как «битва пушек» [Видьявачаспати, 1956, с. 242]. Этим Гуджрат напоминает Бородино. Канонада длилась три часа. Ошибкой сикхов было то, что при наступлении британцев на их позиции они открыли огонь слишком рано и немало пороха и ядер истратили зря. Со стороны британцев, имевших двойное превосходство в артиллерии, огонь был ураганным. Собственно, эта артподготовка и решила дело. После неё британцы ринулись в атаку, сикхи оказали отчаянное сопротивление, но скоро всё же дрогнули. Отступление превратилось в беспорядочное бегство, в ходе которого сикхи бросили свой обоз, боеприпасы и почти всю артиллерию. Они потеряли в сражении 3–5 тыс. человек и 53 пушки; британцы — 96 убитыми и 700 ранеными [Nasrat, 1968, p. 346]. Чатар Сингх и Шер Сингх отступили через Джелам уже в самый западный доаб Пятиречья, Синд Сагар доаб. Преследующий про-

тивник никак не давал им возможности остановиться, чтобы организовать оборону. Как писал офицер 9-го уланского полка, в ходе беспорядочного отступления многие сикхи пытались спрятаться в кронах деревьев; преследователи внимательно осматривали деревья на своём пути, и почти на каждом находили двух-трёх сикхов. Солдаты «снимали» их оттуда выстрелами как грачей на охоте: сикхи падали с ветвей головой вниз, обливаясь кровью [David, 2007, p. 137]. Генерал сэр Уолтер Гилберт гнал сикхов до Равалпинди, где они наконец запросили мира. 13 марта 1849 г. в местечке Манкиала состоялась формальная церемония сложения оружия, на которой настоял генерал. Свои сабли к его ногам сложили 35 сардаров, включая отца и сына Атаривала. Со стороны британцев то был грамотный шаг: показать всей Индии, что хальса побеждена окончательно. Правда, как отметили наблюдатели, уставшие и голодные сикхские солдаты по-прежнему держались с достоинством.

Сложили оружие и 16 тыс. рядовых воинов. Они в слезах целовали свои сабли и клали их на землю, говоря: «*Мы возьмём их снова*». Один сикх-ветеран, положив мушкет, с горечью изрёк: *Адж Ранджит Сингх мар гайя* («Сегодня умер Ранджит Сингх»). Эта фраза стала знаменитой — ведь по сути только при Гуджрате ушла в прошлое мощь Панджаба, «кузнецом» которой был его первый саркар. А один воин, как говорили, отказался сложить знамя хальсы и бежал с ним в Кабул, заявив: «*Мы проиграли эту войну, но не склоним и не сдадим нашего флага*». Всего после второй англо-сикхской войны победители собрали 120 тыс. единиц оружия — сабель, мушкетов и т.д. [Bal, 1974, p. 6]. Чтобы побыстрее расформировать вражеское войско, британцы позволили кавалеристам сохранить коней и выдали каждому солдату по рупии на дорогу в родную деревню.

Мораль ветеранов Шер Сингха оставалась высокой, и они, как признавались сами, охотно продолжили бы войну, перейдя к традиционной партизанской тактике сикхов, какую, как мы видели, с успехом применяли их предки против могольских и афганских угнетателей. Однако сикхская армия была загнана очень далеко от родных Маджхи и Джаландхарского доаба, прижата к горам, а мусульманское население Кашмира не питало к сикхам дружбы и не стало бы им помогать, как делало население коренных сикхских территорий в XVIII в. К тому же у сикхов не осталось съестных припасов; по ним могли внезапно ударить и афганцы, и Гулаб Сингх, который теперь открыто поддерживал Компанию. Далхузи, впрочем, знал цену Гулабу, который не раз предавал своих, и признался, что «*не верит ни единому его слову*» [Private Correspondence, 1955, p. 113].

Несмотря на горечь поражения — теперь уже окончательного, своих победителей сикхи уважали ещё больше. По свидетельству британского капитана Дж. Райдера, который оставил интересный дневник, после Гуджрата

пленные сикхи допытывались у британских солдат: чем их так опоили их офицеры, что они бросались в атаку на сикхские пушки? (Вспомним, что ни-ханги перед битвой для храбрости часто пили бханг.) Сикхи называли британских солдат безбородыми юнцами; Райдер признаёт, что рядом с рослыми панджабцами британские солдаты так и выглядели, и удивляется, как, в самом деле, они одолели таких богатырей [Bruce, 1969, p. 318–319]. По личному опыту общения с сикхами скажу, что средних индийцев они выше на голову.

Созидавая свою империю, в том числе в Индии, британцы часто сравнивали её с Римом как с европейской державой древности, для которой тоже были характерны демократические принципы функционирования власти в метрополии и покорение огромных пространств Востока. Сопоставление с Римом очень льстило британцам. В то же время в Индии они видели себя преемниками Александра Македонского, ведь (если оставить за скобками ариев) это он первым из европейских правителей пытался завоевать субконтинент. Воюя в Индии, британцы постоянно помнили античный прецедент IV в. до н.э. и проводили аналогии. Так, генерал Нэпир в ходе кампании в Синде писал в дневнике: *«Завтра я достигну Сехвана, где Александр воздвиг свою башню, и буду стоять там, где стоял он...»* [Huttenback, 1962, p. 70]. Генерал Гоф после окончательного разгрома сикхов подытожил: *«То, чего пытался достичь Александр, достигла британская армия»*. Победитель сикхов имел в виду то, что европейская держава наконец покорила всю Индию, причём завершила этот процесс на том месте, откуда пытался начать его великий полководец античности. (В эпоху Александра жители Панджаба были первыми индийцами, которым пришлось столкнуться с западным агрессором, тогда как в 1840-е годы сикхи, напротив, оказались последней независимой силой на субконтиненте.)

После капитуляции сикхов их союзники афганцы быстро покинули Панджаб. Британцы преследовали их до самой крепости Джамруд у входа в Хайберское ущелье. Амир Дост Мухаммад прекратил враждебные действия и предпочёл сохранять мир с новыми могущественными соседями, гнев которых он уже испытал в собственной стране. В ноябре 1849 г. Далхузи в письме одному из своих корреспондентов удовлетворённо подытожил состояние отношений с северными соседями Ост-Индской Компании: *«Амир напуган до смерти. Гулаб Сингх до сих пор жаждет лизать пыль под моими ногами. Непал — ваш покорный слуга и только это просил у меня разрешения отправить Джанг Бахадура (их первого министра) и их главных сардаров с поздравительной миссией в Англию»* [The Punjab Papers, 1970, p. 245].

У поражения сикхов во второй войне, как и в первой, был целый комплекс причин. Во-первых, тактическое, а на этот раз и техническое превосходство Ост-Индской Компании. Если говорить о тактике, то, например, при

Чилианвале, по отзывам британских офицеров, сикхов подвела нехватка координации действий флангов. Не забудем, что теперь британцы контролировали многие укрепленные пункты внутри страны. Что касается техники, то после разгрома сикхов в первой войне британцы вывезли из Панджаба значительную часть артиллерийского парка.

Во-вторых, во второй войне восставшая часть армии уже не представляла весь Панджаб. Генри Лоуренс на посту резидента провёл ряд грамотных социально-экономических мер, которые если ещё и не успели примирить население с британской властью, безусловно, не способствовали распространению призывов Шер Сингха к оружию. Если при Ранджите земельный налог составлял до половины урожая, то британцы снизили его до $\frac{1}{6}$, часто до $\frac{1}{8}$, а кое-где и до $\frac{1}{12}$ [Griffin, 1892, p. 145]. Кроме того, они упразднили многочисленные *абваб*. Это улучшило положение джатской верхушки сельской общины и сыграло видную роль в том, что большая часть сикхской армии осталась верной дарбару. Лояльность основной части сардарства британцы обеспечили сохранением его джагиров.

В-третьих, британцев опять выручила позиция верховной власти в Лахоре: дарбар беспрекословно выполнял их волю. Причём если в первую войну между ним и Компанией существовало только взаимопонимание, то теперь дарбар находился под прямым контролем британцев. Как отмечено выше, юридически и Мулрадж, и сардары Атаривала были мятежниками против законной (своей же, панджабской) власти. Это тоже способствовало тому, что на восстание поднялась далеко не вся сикхская армия. Не случайно историк Б.Дж. Хасрат даже считает неправомерным говорить о конфликте 1848–49 гг. как о второй англо-сикхской **войне** [Hasrat, 1968, p. 21]. Строго юридически — да, но по сути всё-таки имела место война, вторая попытка сикхов отстоять независимость страны.

В-четвёртых (это вытекает из двух предыдущих причин), в отличие от первой войны немалую долю сикхской армии составили толком не обученные новобранцы, а также иррегулярные соединения.

В-пятых, сардаров Атаривала как ударную силу восстания не поддержало мусульманское население страны. А ведь восставшим сикхам пришлось биться именно в мусульманской части Панджаба. Что касается восстания в Мултане, то оно было изолированным от выступления армии на севере. Ни мусульманская часть панджабского этноса, ни кашмирцы, ни тем более пуштуну под знамёна сикхских сардаров-повстанцев не сбегались: мусульмане продолжали видеть в сикхах завоевателей. Шер Сингх не только ничего не делал, чтобы привлечь панджабских мусульман на свою сторону, но и неумно укреплял этот образ: двигаясь на восток, оставил за собой цепь сожжённых мусульманских деревень [History of Anglo-Sikh Wars, 2004, p. 228]. Несмотря на свою постепенно приобретённую популярность, переломить враж-

дебного отношения мусульман к сикхам не смог даже Ранджит Сингх; их лояльность к нему как к правителю была личной — в патримониальной политике по-другому быть не может.

Более того, многие мусульмане Панджаба смотрели на британцев как на освободителей. Почему же они были готовы променять сикхских правителей на христианских? Ведь власть над мусульманами по-прежнему принадлежала бы иноверцам, Панджаб в любом случае оставался зоной, которую в исламе именуют *дар-уль-харб*, «зона войны», где правят «неверные». И дело не в том, что мусульманам христиане (и иудеи) ближе сикхов как *ахль-уль-киتاب*, «люди книги», т.е. представители одной из авраамических религий (если уж исходить только из религиозных догматов, сикхская строго монотеистическая концепция бога к исламской ближе, чем христианская с её троицей). Дело в другом — в том, что покорившие панджабских мусульман сикхи — их соседи, которые живут всей массой, всей общиной тут же, рядом, соприкасаются с мусульманами в повседневной социальной жизни как землевладельцы, купцы и т.д. Возвышение одной из общин Индии рождало раздражение других. А британцы в Индии всегда были внешней силой, причём горсткой (их доля в населении даже вместе с гарнизонами никогда не превышала 0,03%). Они выступали почти как нейтральная сила, уравнивающая разные конфессиональные (и прочие) группы индийского общества. Так в независимой Индии многие народы «национальных окраин» (бенгальцы, телугу, каннара, а особенно тамилы) резко протестовали против использования хинди как языка официального делопроизводства и общения между штатами, настояв на употреблении нейтрального языка — английского (чтобы никому не обидно).

Несмотря на то что в 1848 г. большинство частей сикхской армии не присоединились к восстанию, в его подавлении они не участвовали: британцы им не доверяли и предпочли не рисковать. К этому же призывал их и дарбар, расписавшись в собственной неспособности подавить восстание. Кроме англо-сипайских войск против повстанцев были задействованы пуштунско-белуджское ополчение лейтенанта Эдуардза и войска наваба княжества Бахавалпур. Наваб поставил на британцев как на более сильную сторону конфликта и выставил им в помощь 9 тыс. воинов, рассчитывая на награду в виде части Мултанской субы Панджаба (может быть, вдохновился примером Гулаб Сингха). Однако британцы не собирались раздавать земли направо и налево. «*Конечно, наваба надо вознаградить, — заметил Далхузи, — он имеет виды на территорию Мултана, но не получит ни фута её*» [The Punjab Papers, 1970, p. 182]. В июне 1849 г. Хобхаус цинично добавил: «*Я скорее взял бы немного его территории, чем отдал бы ему что-то из нашей*» [The Punjab Papers, 1970, p. 239–240]. Далхузи наградил наваба пожизненной пенсией в 1 лакх рупий в год.

Отца и сына Атаривала британцы судили и сначала отпустили жить в их собственное селение — Атари, взяв с них слово, что никаких неудобств властям они чинить не будут. Население, правда, продолжало смотреть на Шер Сингха и Чатар Сингха как на героев. Британцы спохватились и решили подстраховаться. Предлог нашёлся. Однажды сардары в день солнечного затмения покормили в своём селении брахманов. Британцы объявили такую социальную активность нарушением обещания и выслали сардаров Атаривала далеко за пределы Панджаба — на восток, в Чунарский форт, где до них сидела махарани Джхиндан. Сардарам, правда, бежать из крепости не удалось; да они и не пытались. Их жёнам выделили по скромной пенсии. Поскольку сардары Атаривала всё же не представляли угрозы для британской власти, через некоторое время их перевели в Калькутту и увеличили пособие, а в 1854 г. освободили, запретив, правда, селиться в пределах Панджаба. (Для амнистированных лидеров антибританского сопротивления это было частое условие — не оставаться на территории своих бывших владений; так, после третьей англо-маратхской войны последнему пешве Баджи Рао II не позволили оставаться в Махараштре, и он поселился в Битхуре близ Канпура.) Тюремные лишения подорвали здоровье сардаров Атаривала: Чатар Сингх умер в январе 1856 г., Шер Сингх — в мае 1858 г.

Мулраджа взяли в плен, увезли в Калькутту, судили и приговорили к смертной казни. Бывшего назима Мултана всё же признали «жертвой обстоятельств» и заменили повешение пожизненным заключением на Андаманских островах, которые служили в Британской Индии надёжным местом ссылки. Далхузи, смакуя победу, писал, что велел сделать с Мулраджем то, что тот «считает в тысячу раз хуже» повешения, — сослать за море, «которое они называют «гёрной водой» и боятся намного больше смерти» [The Punjab Papers, 1970, p. 210, 239]. Генерал-губернатор имел в виду поверье индуистов, согласно которому отъезд из Индии влечёт потерю человеком касты. В Калькутте в ожидании корабля Мулрадж с горя заболел и просил отвезти его в Варанаси — умереть. Добраться до священного города индуистов бывший мултанский назим не успел: умер по пути туда в августе 1851 г. в возрасте всего 36 лет.

Казалось бы, восстание против законной власти — саркара в Лахоре — подавлено и всё вернётся на круги своя. Ведь британцы **вместе с дарбаром** защищали *status quo*, режим сикхско-британского двоевластия в стране, но тут этому режиму пришла угроза с противоположной стороны — от самих британцев.

Как сказано выше, Далхузи весной — летом 1848 г. сознательно тянул с подавлением восстания, чтобы оно переросло в масштабную войну. Генерал-губернатор искал предлог для окончательного решения панджабского вопроса. Поэтому, несмотря на то что дарбар всячески содействовал британцам и

выделил войска на подавление восстания (пусть те и перешли на сторону повстанцев), итогом войны стала ликвидация Панджаба как самостоятельной политики. Для дарбара и населения страны аннексия была как гром среди ясного неба: британцы свергли саркара, от имени которого и подавляли восстание.

После разгрома сикхской армии в Лахор «с почти неприличной поспешностью» [Кеау, 2000, р. 424] прибыл эмиссар генерал-губернатора Генри Эллиотт, который обсудил с членами регентского совета условия договора об аннексии. Показательно, что это обсуждение велось втайне не только от населения, но и от сардарства. Британцы, как всегда, решили перестраховаться. (Когда в 1817 г. Компания навязала правителю маратхского княжества Нагпур Аппа Сахибу субсидиарный договор, подписание вообще состоялось ночью. Посреди ночи же, будучи разбужен резидентом и не совсем соображая, спит он или бодрствует, обязательство заключить с Компанией любой (!) договор подписал в 1837 г. другой подконтрольный ей правитель — шах Авадха Мухаммад Али.) Эллиотт «обрабатывал» совет по частям: сперва склонил подписать договор Тедж Сингха и Дина Натха, затем Бхаи Нидхан Сингха и Факира Нур-уд-дина. Впрочем, члены совета понимали, что сопротивляться бесполезно. Собственно, так им и объявили. Вместе с тем британцы действовали и пряником: заверили, что титулы и джагиры сардаров останутся в неприкосновенности.

29 марта 1849 г. последний саркар Панджаба 11-летний Далип Сингх подписал с Ост-Индской Компанией договор об отречении от престола. Первый пункт документа гласил: «Его высочество махараджа Далип Сингх за себя, своих наследников и преемников откажется от всех прав и притязаний на суверенитет Панджаба и вообще на любую суверенную власть» [Aitchison, 1931, р. 59]. В счёт военных расходов и задолженности Компания конфисковала всю собственность саркара. Особым пунктом Далип Сингх уступил королеве Виктории главную «драгоценность короны» — бриллиант «Кох-и-нор». Британцы обещали Далипу сохранить за ним титул махараджи и платить ему и его родственникам пожизненную пенсию в размере не менее 4 лакхов и не более 5 лакхов рупий в год — если он останется лоялен по отношению к британцам и будет жить там, где они укажут. Опыт заключения таких договоров об аннексии и переводе князя на пенсию у Ост-Индской Компании имелся богатый: в 1765 г. она перевела на пенсию наваба Бенгалии, в 1801 г. — наваба Карнатика, в 1818 г. — маратхского пешву, в 1856 г. так же поступит с шахом Авадха. Большинство их, как Далип Сингх, были верными союзниками Компании, которые своей руки на неё вовсе не поднимали. «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Кстати, иные сикхи объясняли падение династии Ранджит Сингха тем, что в 1832 г. он неосмотрительно дал средства на строительство гурдвары в Нандерхе в память о принявшем здесь мученичество гуру Гобинд Сингхе. Не же-

лая вводить единоверцев в соблазн идолопоклонства, умиравший Гобинд, по легенде, предостерег: «Если кто-нибудь воздвигнет в мою гость святилище, его потомство погибнет».

Аргументация Далхузи в пользу аннексии была простой: если регентский совет и сардары не контролируют враждебную Компании сикхскую армию, то зачем они ей? В отличие от Хардинга Далхузи уже не считал, что британская провинция Панджаб будет несомокупаемой административной единицей. Он планировал отмену джагиров, полное разоружение сикхов «*вплоть до металлических зубогисток*» и упрощение на первых порах системы правосудия [The Punjab Papers, 1970, p. 180, 183]. Главным мотивом Далхузи была всё та же установка на отказ от косвенного управления подвластными территориями в пользу прямого — во имя модернизации Азии.

Чтобы оправдать аннексию перед самими панджабцами, Далхузи обвинил их в чёрной неблагодарности. Ведь Компания, утверждал он, могла уже в 1846 г. аннексировать княжество, совершившее против неё акт агрессии, а не возиться с ним, сохранив его самостоятельность, выделив для поддержки его правительства армию (содержание которой она частично оплачивала сама — 8 из 30 лакхов) и прилагая усилия к улучшению жизни населения [The Punjab Papers, 1970, p. 180–181, 190]. Далхузи настаивал, что, в то время как Компания выполняла все обязательства по договорам (охрана саркара, поддержание мира в стране и уважение её обычаев), Панджаб не выполнил ни одного: не выплачивал оговорённых 22 лакхов в год на содержание англо-сипайского гарнизона; в Мултане убиты два британских советника; дарбар признал, что сам не способен подавить мултанское восстание, так как его армия поддерживает восставших [The Punjab Papers, 1970, p. 175–177]. Прокламацию такого содержания огласил в день отречения Далипа упомянутый британский эмиссар Г. Эллиотт.

Из этого генерал-губернатор и вывел право Компании на аннексию: «*Мы не будем снисходительны к государству, значительная часть которого продемонстрировала вражду после явно продемонстрированных нами сдержанности и милосердия. Мы решили теперь силой оружия свергнуть правительство, показавшее себя так вопиюще некомпетентным или так бесстыдно нежелающим выполнять задачи, с целью выполнения которых оно было воссоздано, а именно: «контролировать свою армию, защищать своих подданных и уважать права своих соседей» и, соответственно, присоединить Панджаб к Британской империи в Индии*» [The Punjab Papers, 1970, p. 180]. «Силой оружия» уже не требовалось: никто больше не сопротивлялся.

Идея «проглотить» Панджаб, превратить его в обычную провинцию Британской Индии возникла не у Далхузи, как не он — истинный автор «доктрины выморочных владений». В одном из писем предшественнику Далхузи Хардингу премьер-министр Великобритании сэр Роберт Пиль в 1844 г. писал,

что если тому удастся сохранить мир и укрепить британскую власть в Индии путём повышения «уверенности (населения. — К.Ф.) в нашей справедливости, доброте и мудрости», приветственные возгласы по его возвращении будут «в тысячу раз громче, а приём — бесконечно сердечнее», чем если бы он мог похвастаться дюжиной побед и аннексией Панджаба [Bearse, 1961, p. 202–203]. Идея, стало быть, уже носилась в воздухе; хотя и по негативу, но высказывалась открыто — как что-то такое, чем генерал-губернатор Британской Индии был бы вправе и похвастаться.

Неверно ставя знак равенства между ослаблением дарбара и ослаблением власти над Панджабом сикхов, ещё в январе 1845 г. будущий резидент в Лахоре Кёрри писал агенту в Лудхиане майору Броудфуту, что соседом Компании в Панджабе не должна стать мусульманская держава и если сикхи не удержат власть, заменить их должны британцы (причём Далип Сингха ширмой их власти делать не следует) [The Punjab Papers, 1970, p. 81]. В августе 1845 г. то же писал Хардинг: Компания не потерпит возврата Панджаба к афганцам или другим мусульманам и он должен быть либо сикхским, либо британским, хотя первое предпочтительнее. Хардинг считал, что, упустив в Панджабе власть, сикхи «навяжут» британцам аннексию [The Punjab Papers, 1970, p. 90, 93]. В истории Британской империи вообще почему-то всё время оказывалось, что противники им что-то навязывают — вмешательство в свои внутренние дела, войну, установление протектората, аннексию. И миролюбивым британцам приходилось скрепя сердце отвечать на вызовы, не имея другого выбора.

Разрешения на аннексию Далхузи просил у премьер-министра Великобритании лорда Расселла уже в августе 1848 г., ещё до основных событий второй англо-сикхской войны. Однако либеральное правительство не было готово к такой мере, не исключая и «индийского» члена правительства — председателя Контрольного совета по делам Индии сэра Джона Хобхауса. Он, по его же словам, прислушивался к мнению авторитетных специалистов, включая Генри Лоуренса, которые настаивали на недопустимости аннексии. В октябре 1848 г. Хобхаус дал генерал-губернатору добро на любую меру по усилению контроля над Панджабом **кроме** аннексии (такую как «полная реконструкция армии» и «признание авторитета и административной власти резидента в дарбаре и во всех исполнительных ведомствах до такой степени, какая только возможна») [The Punjab Papers, 1970, p. 191–192]. В ноябре Хобхаус, председатель Ост-Индской Компании Ф. Уорден, премьер-министр лорд Расселл и бывший генерал-губернатор лорд Окленд поддержали идею постоянной военной оккупации Панджаба, но аннексию всё-таки назвали нежелательной: утверждали, что по Бхайровальскому договору Компания уже получила в Панджабе такие обширные права, что наказывать дарбар и сардаров было бы несправедливо [The Punjab Papers, 1970, p. 196–197].

Далхузи пренебрёг позицией правительства и 29 марта 1849 г. заставил Далип Сингха подписать судьбоносный документ. К тому же зимой 1848–49 гг., получая регулярные сведения о неожиданно тяжёлой войне за морем, британское общественное мнение начало склоняться в пользу аннексии. Так, Хардинг в письме Кёрри 24 марта 1849 г. заявил: «*Что касается нашего права распорядиться страной так, как того потребуют политические соображения, то после всего, что произошло, у меня нет угрызений на этот счёт*» [Private Correspondence, 1955, p. 49]. Далхузи верно рассчитал, что аннексию воспримут в Британии как акт окончательного триумфа над грозным, но всё-таки раздавленным противником. Ещё в декабре 1848 г. в одном из писем он признался: «*Нет большего противника аннексии, чем я (по опыту чтения парламентских речей и других источников могу сказать, что британские политики и судьи, выступая в пользу какой-либо меры, очень часто выражались так по контрасту — из красноречия. — К.Ф.). Я уступаю идее необходимости, а не желательности*» [The Punjab Papers, 1970, p. 201]. Далхузи искренне считал, что сложившаяся система двоевластия пагубна и британцы, если хотят быть честными перед самими собой, должны с ней покончить, назвав себя хозяевами страны уже открыто¹. Панджабцам, правда, от этого было не легче.

Одна реальная альтернатива аннексии Панджаба у Далхузи имелась — временное управление по образцу южноиндийского княжества Майсур [Smith, 1964, p. 619]. В 1831 г. Ост-Индская Компания, придравшись к злоупотреблениям в Майсуре налоговых чиновников, вызвавших крестьянские волнения, отстранила его махараджу Кришнараджу от власти и, не присоединяя этого княжества к своим владениям, ввела над ним своё временное управление (которое продлится целых 50 лет, до 1881 г., когда княжество вернут приёмному сыну отстранённого махараджи). Однако если в Майсуре, в глубине территории Компании, британцы могли себе позволить поэкспериментировать, то Панджаб находится на самом стратегически важном из рубежей Индии (вспомним Большую Игру и вообще потенциальные угрозы Индии с северо-запада). С точки зрения обороноспособности Британской империи решение Далхузи было оптимальным.

Известив Лондон о включении Панджаба в Британскую Индию, генерал-губернатор поставил его перед свершившимся фактом, да ещё дерзко заявил: «*Не нравится — отмените аннексию!*». Хобхаус в ответном письме от 7 мая 1849 г. даже недоумённо написал, что не совсем понял ту часть письма Далхузи, которая касается судьбы Панджаба: он что, распорядился, не запросив

¹ Отличаясь прямоотой, Далхузи писал Хобхаусу 7 апреля 1849 г.: «*Как гестный государственный деятель и как английский джентльмен Вы презирали бы упомянутое мной предложение называть Панджаб всё ещё независимым, но превращать его нашими действиями в фактически наш собственный. Если Вы превращаете его в собственный, скажите об этом*» [The Punjab Papers, 1970, p. 229].

инструкций из Лондона?! [Hasrat, 1968, p. 356]. Так оно и было. Однако никогда в истории Британской империи центр не отказывался от территориальных приобретений, сделанных его не в меру ретивыми проконсулами. В истории колониализма такой феномен экспансии империи всецело по инициативе наместников называют субимпериализмом. В этом смысле аннексия лордом Далхузи Панджаба стоит в одном ряду с завоеванием Э. Кортесом Мексики, Р. Клайвом — Бенгалии или М.Г. Черняевым — Ташкента. Единственное отличие в том, что Далхузи оставалось совершить формальный юридический акт; в военном отношении аннексия уже была подготовлена с ведома и одобрения метрополии (разгром сикхской армии в двух войнах).

На географических картах Панджаб начали помечать красным цветом (британцы всегда закрашивали территорию своей империи красным). Сбылось пессимистичное предсказание Ранджит Сингха. Как-то, глядя на британскую карту Индии, он сказал фразу, ставшую знаменитой: *Эк роз саб лал хо джаега* («Однажды всё станет красным»).

В истории европейской экспансии в Азии XIX в. у аннексии Панджаба позднее будет аналог. Как поступил Далхузи с Панджабом, так же поступит в 1876 г. первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман с Кокандским ханством: подавит восстание **против хана** Худояра и затем аннексирует страну, превратив её в Ферганскую область Российской империи. Кстати, в обоих случаях завоеватели приняли меры к превращению присоединённой территории в важный источник хлопка-сырца для промышленности метрополии. Британцы уже к 1855 г. начали внедрять на берегах Джеллама качественный американский хлопчатник; русские с 1884 г. делали в Фергане то же.

Итак, в результате второй англо-сикхской войны Панджаб был присоединён к Британской Индии. Британцы смогли этого достичь только ценой колоссального напряжения сил, при ожесточённом сопротивлении панджабского народа. Сильно ошибся Уильям Макнатен, который ещё в 1831 г. писал генерал-губернатору Бентинку о Ранджит Сингхе: *«Я определённо считаю, что рано или поздно после его смерти его власть перейдёт к нам с согласия народа, если мы не будем внушать людям ненависть к нам путём враждебности к нему, которого все они сейгас считают своим законным сувереном»* [Cavendish Bentinck, 1977, p. 739]. Враждебности к Ранджиту британцы не демонстрировали, но задачи овладеть Панджабом им это не облегчило. При всём своём умении мыслить стратегически Макнатен имел склонность к грубым просчётам; последний из них случился в Кабуле в 1841 г. и стоил ему жизни. Но это другая тема.

Не следует думать, будто с британской стороны никто не обращал внимание на захватнический, а следовательно несправедливый характер войн против сикхов. Самый известный пример — не раз упомянутый капитан Джозеф

Каннингхэм, автор одной из первых англоязычных книг по истории сикхов (1849 г.) [Cunningham, 1903]. Он служил в Лудхиане помощником политических агентов Уэйда, затем Ричмонда, а во время первой войны находился в главном штабе англо-сипайской армии. Будучи непосредственным участником событий, Каннингхэм имел прекрасную возможность убедиться в агрессивном характере первой англо-сикхской войны, о чём открыто и написал в своей работе. Эта книга, «История сикхов от появления народа до сражений на Сатледже», стоила Каннингхэму должности: Далхузи сместил его под предлогом «использования без разрешения вверенных ему официальных документов» [The Punjab Papers, 1970, p. 244]. (Для подкрепления своей точки зрения тот действительно воспользовался документацией Ост-Индской Компании, к которой имел доступ по службе.) Каннингхэма понизили в должности и перевели на службу в глушь — в навабство Бахавалпур в низовьях Сатледжа, на западном рубеже пустыни Тхар. На самом деле Далхузи не потерпел критики своих действий. Это тут же поняли в прессе, отметив, что использование Каннингхэмом документов без спросу — лишь предлог для увольнения. «*Всё, что говорит капитан Каннингхэм, — ехидно писали газеты, — как мы теперь знаем, основано на подлинных государственных документах, а потому должно быть верным!*» (цит. по: [Hasrat, 1968, p. 353].).

Другой вдумчивый представитель Ост-Индской Компании, майор Дж.К. Смит, написал в 1847 г. книгу «Правящая семья Лахора», в которой настаивал: вторжение сикхов в декабре 1845 г. вовсе не было неспровоцированным, а Компания вовсе не проявила в отношении Панджаба большого терпения (как утверждали её чиновники). По справедливому мнению Смита, если Компания действительно рассматривала Панджаб как независимое княжество, не надо было его провоцировать. Он обвинил Компанию и в том, что она первой нарушила Амритсарский договор 1809 г. [Private Correspondence, 1955, p. 494]. Смит отделался за книгу выговором.

Ознаменовать окончательную победу британцев над Панджабом была призвана передача королеве Виктории «Кох-и-нора» (стоимостью в 1 млн. ф.ст.). Понимая значение символической стороны дела, Далхузи писал, что с течением веков этот бриллиант стал в Индии своего рода символом завоевания и «*теперь занял подобающее ему место*» [The Punjab Papers, 1970, p. 229]. Председатель Ост-Индской Компании и его заместитель лично преподнесли «Гору света» Виктории. Бриллиант переогранили, уменьшив со 186 до 106 каратов, и поместили в брошь королевы. Сейчас он хранится в лондонском Тауэре, инкрустированный в корону покойной королевы-матери Елизаветы. О начале пребывания у британцев «Кох-и-нора» есть такая легенда. Бриллиант передали на хранение Джону Лоуренсу, а тот небрежно сунул его в карман и забыл. Той же ночью костюм отдали *дхоби* (мужчине-прачке), но о бриллианте Лоуренс вспомнил лишь спустя два дня. Спешно

вызванный дхоби ответил, что в карманах не было ничего, кроме никчемного куска стекла, но он сохранил его: вдруг сахиб хватится? Но это только легенда. На деле бриллиант стерегли как зеницу ока. До отправки в Лондон камень взял на хранение сам Далхузи, который носил его дважды зашитым в пояс, а один из концов пояса для верности был привязан к цепочке на его шее.

После превращения Пятиречья в провинцию Британской Индии органом управления в Лахоре на первых порах стал не губернатор, как в других провинциях, а чрезвычайный орган — Административный совет из трёх человек. Его задачей было полностью «замирить» страну. Членами совета были Генри Лоуренс (председатель), Джон Лоуренс (фискальные вопросы) и Чарлз Мэнсел (суд и полиция). Генри вернулся на свой пост резидента из длительного отпуска в Британии, но Далхузи не захотел давать ему единоличную власть в провинции, отсюда создание коллегиального органа — тем более что взгляды Джона Лоуренса на то, как им обустроить Панджаб, были ближе взглядам генерал-губернатора, чем взглядам старшего брата; братья постоянно спорили.

Новую провинцию разделили на семь округов во главе с комиссарами, и по разрешению генерал-губернатора братья Лоуренсы отобрали около 50 самых опытных и компетентных чиновников Ост-Индской Компании, которые и были откомандированы в Панджаб. Из всех провинций Британской Индии ни одна не была поставлена в столь благоприятное положение. Генерал-губернатор верно рассудил, что в стране, которая так упорно сопротивлялась завоеванию, ошибки в управлении могут стоить особенно дорого. Эти чиновники провели в Панджабе комплекс на удивление разумных реформ, благодаря которым страна сделалась одной из образцовых провинций Британской Индии.

Реформы, проведённые во многом в духе теоретиков утилитаризма Дж. Бентама и Дж. Милля, касались основных сфер жизнедеятельности страны. В фискальной сфере Компания отменила все внутренние таможенные барьеры и снизила большинство взимаемых пошлин. Это подтолкнуло развитие торговли в стране. Ещё в период двоевластия, как сказано выше, резидент резко снизил земельный налог. Однако поступления в казну парадоксальным образом выросли — благодаря тому, что британцы одновременно устранили фигуру налогового откупщика (им часто выступали джагирдары и другие крупные землевладельцы). В 1849–57 гг. доходы Панджаба как провинции подскочили со 134 до 205 лакхов рупий [Cook, 1975, p. 208]. Очень важно, что новая администрация ограничила продажу земли за налоговые недоимки, чтобы помешать быстрому распаду традиционной аграрной структуры, как произошло в соседней Северо-Западной провинции (учились на ошибках).

Вообще факт военной агрессии Компании против Панджаба, неоднократное нарушение ею договоров и следование праву сильного (*might goes before right*) не должны затмевать того обстоятельства, что многие представители «молодёжи Генри Лоуренса» искренне считали, что несут ответственность перед населением вверенных им индийских территорий, призваны дать ему лучшую жизнь, — и действительно сделали немало. Индией и другими колониями правили не только «полковники Блимпы» (персонаж британских карикатур 1930–40-х годов, образ упёртого империалиста), считавшие, что единственное назначение «туземца» — покорно служить белому сахибу. Среди тех, кто строил и поддерживал Британскую империю, хватало и людей противоположного склада, которые своей жизнью доказывали, что «бремя белого человека» (выражение Р. Киплинга, название его стихотворения 1899 г.) — это почётная обязанность вести к прогрессу, а не дарованное от рождения право повелевать. Один из примеров уже в XX в. — упомянутый историк сэр Пендерел Мун (1905–87), автор фундаментального двухтомника «Британское завоевание и господство в Индии» [Moon, 1999] и других работ. Он был чиновником Индийской гражданской службы, в 1943 г. подал в отставку в знак поддержки индийского национального движения, а после независимости принял приглашение правительства Индии остаться там работать (кстати, считал, что Британии следовало «отпустить» Индию уже после Первой мировой войны).

Другой из проведённых после аннексии Панджаба реформ была военная. Британцы полностью распустили армию саркара, но солдатам выплатили задержанное жалованье и денежное пособие, часть увольняемых даже наделили земельными участками. А вскоре британцы начали предоставлять многим бывшим солдатам «работу по специальности». Уже с 1851 г., всего спустя два года после второй войны, Компания начала принимать сикхов и панджабцев вообще в собственную, сипайскую, армию. В ней сформировали пять иррегулярных полков панджабской пехоты, а затем и пять полков кавалерии для охраны уязвимых западных рубежей от беспокойных соседей — пуштунов и белуджей.

По настоянию Генри Лоуренса были сохранены привилегии сикхской знати. Хотя британцы отняли у джагирдаров налоговые функции, часть джагиров конфисковали или перевели в денежные пенсии, в целом сардары остались прослойкой крупных землевладельцев. Более того, при британской власти их земельные владения и налоговые привилегии упрочились. Если при Ранджите и его преемниках владение джагиром целиком зависело от воли и прихоти саркара, то британцы по сути гарантировали джагирдарам их территории как наследственные безусловные владения. При власти Компании исходная цель существования джагиров лишилась смысла: британцам были не нужны конные отряды, содержавшиеся джагирدارами на доходы со своих

территорий, Компания целиком опиралась на собственную регулярную армию (в связи с этим двусоставную армию Ранджита с её регулярными частями и ополчениями джагирдаров можно считать переходной формой от традиционного войска могольского типа к современной колониальной армии XIX в.). Поэтому единственным условием держания джагиров при Компании осталась лояльность к верховной власти (и выплата налогов). Британцам — исходя из формальной рациональности — логично было бы аннулировать джагирное землевладение вовсе (как бесполезное для них), но возобладала прагматическая точка зрения (прежде всего, Генри Лоуренса) на сардарство как на лидеров, уже накопивших традиционную легитимность в панджабском обществе, трогать которых как целый слой опасно. Не менее половины сардарских семей сохранили своё положение и в XX в. В противоположность модернизаторам вроде Далхузи Лоуренс вообще стоял за максимальное сохранение индийских социальных и политических институтов. Не случайно он высказался против аннексии и Синда, и Панджаба, а в 1856 г. будет выступать против аннексии Авадха. Его не послушают и получат сипайское восстание (в котором он погибнет).

Начало правления Ост-Индской Компании в Панджабе — яркий в истории Британской империи пример того, как в ходе столкновения двух противоположных курсов на управление империей выработывалась колониальная политика в афро-азиатском мире. С одной стороны — курс на ускоренную модернизацию, на максимально быстрое создание условий для эксплуатации Индии британским промышленным капиталом и её включение в капиталистическую систему, в мировой рынок. С другой стороны — курс на умеренную модернизацию, осторожное движение вперёд, с постоянными поправками и оглядкой на социально-экономические и прочие реалии Индии. В Панджабе возобладал второй курс.

Другими мерами британской администрации были масштабные общественные работы — строительство дорог, ирригационных каналов, зданий государственных учреждений (что, помимо прочего, содействовало повышению уровня занятости).

Несколько слов о несостоявшемся победителе сикхов генерале сэре Чарлзе Нэпире (1782–1853), который в истории Индии известен главным образом захватом Синда в 1843 г. Он не успел принять у Гофа командование (Гуджрат уже состоялся) и принялся критиковать администрацию британского Панджаба за якобы слабость и неэффективность, сочинял, будто сикхи, готовясь к реваншу, тайком отливают в джунглях пушки! Настоящей причиной критики было стремление Нэпира самому сделаться губернатором Панджаба, но ничего у него не вышло. Вообще, генерал Нэпир постоянно скандалил с начальством и страдал манией величия: всерьёз сравнивал себя с Александром Македонским, мечтал аж на 12 лет (два обычных срока) занять пост ге-

нерал-губернатора Индии, на котором рассчитывал развернуться: ликвидировать все индийские княжества, завоевать Непал, «заставить трепетать Москву и Пекин»¹.

Ситуация вокруг аннексии Панджаба в известной степени воспроизвелась девять лет спустя, когда парламент в июле 1858 г. отменил власть в Индии Ост-Индской Компании. Произошло это в разгар восстания 1857–59 гг. Как Компания по сути сделала лахорского саркара и дарбар козлом отпущения за восстание Мултана и семьи Атаривала, так британское правительство сделало козлом отпущения саму Компанию за восстание сипаев. Между тем Ост-Индская Компания к середине XIX в. давно не играла самостоятельной роли, а служила инструментом Великобритании по управлению Индией, поэтому ошибки и просчёты, приведшие к сипайскому восстанию, лежали на совести британского правительства, а не директоров Компании. Так и в случае Панджаба. В феврале 1849 г. председатель Контрольного совета по делам Индии Хобхаус в письме Далхузи признал: «Поскольку реальная верховная власть принадлежала нашему резиденту и оккупационной армии, справедливо сказать, что британские чиновники ответственны за всякое плохое управление, которое могло привести к нынешнему восстанию, в такой же мере, как и сикхский дарбар» [The Punjab Papers, 1970, p. 211–212].

В монографии «Держава-купец» я выделил пять факторов победы Ост-Индской Компании в сфере власти в Индии, пять причин, по которым она сумела занять место индийских правителей (см.: [Фурсов К., 2006, с. 226–231]). Перечисляя и объясняя эти факторы, я имел в виду прежде всего первый, решающий этап покорения Индии (вторая половина XVIII — начало XIX в.), завершившийся второй англо-маратхской войной 1803–05 гг. Пройдёмся по этим факторам и посмотрим, все ли они работают для Панджаба, покорение которого было уже завершающим актом строительства Британской Индии.

Первым фактором я назвал торговый, учитывая природу Ост-Индской Компании как первоначально организации по преимуществу коммерческой: сотрудничество с Компанией части влиятельного купечества как деловых партнёров, переплетение их интересов с интересами Компании, в том числе политическими. Правда, к середине XIX в. торговля Компании почти сошла на нет: хлопчатобумажные изделия британской фабрики вытеснили продукцию индийского ткацкого ремесла с рынков Европы и уже начинали завое-

¹ С именем Нэпира связана остроумная история. Разбив в 1843 г. амиров Синда, генерал, чтобы известить об этом начальство, якобы послал телеграмму всего с одним словом: *Ressavi*. Игра слов: на латыни это значит «Я согрешил», по-английски *I have sinned*, что звучит так же, как фраза *I have Sind*, «Синд у меня». В действительности Нэпир такой телеграммы не отсылал, это был заголовок статьи о нём в лондонском юмористическом журнале «Punch».

вание рынков Азии (хотя его темпы не следует преувеличивать), а по акту 1833 г. парламент вообще запретил Компании торговать в Индии; Компания превратилась в по преимуществу административную структуру, причём если во второй половине XVIII в. ещё играла самостоятельную политическую роль, то к середине XIX в. была поставлена под полный контроль британского государства, служила для него удобным инструментом управления Индией. Тем не менее власти Компании были тесно связаны с ведущими свои дела в Индии британскими частными предпринимателями, а те — с индуистскими банковскими домами, в том числе Панджаба. Как и в других княжествах, сфера деловых интересов таких домов выходила за пределы Панджаба на территорию Компании [Stein, 1998, p. 210]. Сотрудничество с местным купечеством/банкирами сыграло очень важную роль в проникновении Компании во власть в других странах Индии; справедливо это и в отношении Панджаба. Многие индуистские купцы (среди сикхов торговля была менее развита) оказались заинтересованы во включении Панджаба в Британскую Индию, так как единое политическое пространство расширяло возможности их бизнеса.

Второй из выделенных мной факторов — финансовый: Компания исходно поставила под контроль самые доходные области Индии (Бенгалию, Карнатик) и могла черпать из них средства на дальнейшую экспансию; кроме того, сказывалась эффективность её налоговой системы по сравнению с таковыми в княжествах. Да, этот фактор тоже работает. С покорением всё новых территорий ресурсы Компании (несмотря на сопутствующий рост расходов на управление, армию) росли как снежный ком. К 1845 г. независимым оставался один Панджаб. Что касается эффективной фискальной системы, то на примере самого Панджаба мы видели, насколько подняли британцы его казённые доходы, выбив существовавшее между производителем и верховной властью звено — посредника-откупщика, к рукам которого «прилипала» немалая доля собираемых средств. Так, после смерти Ранджита кардары (нередко выступавшие откупщиками) сверх земельного налога взимали до 30% стоимости урожая в свою пользу [Kumar, 1978, p. 318]. Британцы такие «кормления» ликвидировали. Резкий рост налоговых поступлений неудивителен.

Третий фактор — военный: Компания обладала наиболее мощной армией на субконтиненте. Выиграть обе англо-сикхские войны ей позволило именно военное превосходство, хотя, как мы убедились, в лице сикхов она столкнулась с весьма достойным противником — самым достойным в Индии.

Весьма важен и **четвёртый фактор**, который я назвал институционально-юридическим: привлекательность для ряда ключевых групп индийского общества (части землевладельцев, купечества, мелкого чиновничества) европейского отношения к собственности и привилегиям. В основе военной победы Компании над индийскими правителями лежала её победа над ними в конкуренции за лояльность указанных групп. Они просто переходили на сто-

рону британцев, понимая, что те обеспечат им более прочные права собственности и привилегии, чем их собственные индийские князья, власть которых не ограничена никакими юридическими нормами. Так было в Бенгалии в 1757 г., в Хайдарабаде, маратхских княжествах, даже в наиболее яростно сопротивлявшемся Майсуре. В Пенджабе это тоже в целом произошло: сардарство многократно облегчило британцам разгром собственной армии.

Однако Страна пяти рек — отклонение от «общеиндийской нормы»: здесь за приход британцев ратовали на самом верху — не только значительная часть знати, но и махарани с её дарбаром. Ведь больше ни в одной политике Индии не было такой мощной армии, которая сама контролировала бы верховную власть и от которой знать стремилась бы избавиться путём вторжения извне. В Пенджабе обычная ситуация перевернулась, стороны поменялись привычными ролями: экспансии Компании тайно содействовало правительство, а те, кто должен защищать страну физически, как раз выполняли свой долг. Скажем, в Майсуре в 1790-е годы от Типу Султана отвернулась стоявшая во главе его армии военная знать: обороноспособность страны парализовали снизу. В Пенджабе в 1840-е годы независимость пыталась отстоять масса солдат-сикхов, поэтому обороноспособность была парализована сверху — дарбаром. Таким образом, в Индии наблюдалась закономерность: знать (её значительная часть) выступала за военное вмешательство Ост-Индской Компании (порой вплоть до взятия ею политической власти в княжестве), поскольку была очень недовольна тем, кому принадлежала верховная власть. В Бенгалии, Майсуре и т.д. это был правитель (наваб, шах и т.д.); в Пенджабе к 1845 г. это был «коллективный правитель» — сикхская армия с её панчаятами. Причина такой аномальной ситуации отмечена выше (см. мини-заключение к разделу VII.1): существование хальсы как коллективного носителя религиозно санкционированной власти.

В Пенджабе Компания тоже выиграла конкуренцию у правителя (учитывая специфику страны — армии) за лояльность землевладельцев и чиновников. Разумеется, часть сардарства была не прочь освободиться не только от контроля армии, но и от потенциального произвола со стороны саркара, что означает избавиться от династии Ранджит Сингха. Не прогадали. Если при Ранджита сардары *«располагали значительно менее прогными владельческими правами на землю, тем крестьяне, наследственно владевшие своими наделами с правом отгуждения»* [Семёнова, 1958, с. 69], то при британцах прочность их владельческих прав по сути приблизилась к таковой крестьян. Говоря языком концепции «двухэтажной собственности» Л.Б. Алаева, британцы укрепили в Пенджабе уровень «верховой собственности» (ту её часть, которая принадлежала не саркару, а сардарам как её коллективному носителю), более или менее «дотянули» её до степени защищённости «податной собственности» землевладельческих каст деревни (этому предшествовала защита ими «вер-

ховной собственности» нового хозяина страны — Ост-Индской Компании; это — превыше всего).

Наконец, **пятый фактор** — организационный. Как я отметил в работе по Ост-Индской Компании, если индийские патримониальные политии можно уподобить составным молекулам, которые непрерывно перетягивали друг у друга атомы, меняя конфигурацию как в калейдоскопе, то Компания представляла собой молекулу-монолит благодаря бюрократической природе своей организации и принадлежности к совершенно чуждой для Азии той эпохи общности — нации [Фурсов К., 2006, с. 230–231]. У панджабцев как представителей империи патримониального типа был слабый иммунитет против попыток британцев расколоть их ряды (в то время как пытаться расколоть ряды самих британцев было бессмысленно). Потому и пытался Ранджит Сингх заручиться поддержкой Компании для своего Кхарака против тех из сардаров, кто мог не принять его в качестве следующего саркара; потому и предлагала Чанд Каур Кларку пол-страны за военную помощь; потому и не брезговали британской помощью сардары Сандханвалиа, не говоря уже о сепаратисте Гулаб Сингхе. Даже восстание Чатар Сингха и Шер Сингха 1848 г. укладывается в отмеченный нидерландским индологом А. Винком традиционный для Востока механизм образования новых патримониальных политий, который в исламском мире обозначали арабским термином *фитна* «мятеж» (см.: [Wink, 1986, p. 22–28]). Сардары Атаривала перешли от сотрудничества с оккупационной властью к вооружённому сопротивлению потому, что она задела их собственные интересы. Отсюда и смена фокуса лояльности.

Таким образом, все пять факторов, которые способствовали британскому покорению Индии в целом, действовали и в Панджабе — стране, которая далась британцам наиболее трудно.

В завершение параграфа — несколько слов о позиции сикхов по отношению к восстанию в Индии 1857–59 гг., которое произошло всего через восемь лет после потери ими независимости и ударной силой которого стали сипайские части армии Бенгальского президентства. Казалось бы, когда против британцев поднялась их собственная «туземная» армия, панджабцам в целом и сикхам в особенности выпала отличная возможность поквитаться с недавними завоевателями. Однако Панджаб не просто остался лоялен империи. Сикхи активно пошли в набираемые британцами части для подавления восстания, сыграв в этом подавлении видную роль. Где же логика?

Логика, конечно, была. Во-первых, трудно переоценить значение упомянутых реформ, архитектором которых был Генри Лоуренс. Благодаря им британцы менее чем за десять лет эффективно «замирили» Панджаб, на удивление быстро интегрировали его в свою империю (эти реформы резко контрастировали с близорукой социально-экономической политикой Компании в аннексированном ею в 1856 г. султанате Авадх, который стал крупнейшим

очагом восстания). В истории Британской империи я бы назвал замирение Панджаба одним из наиболее видных достижений — наряду, скажем, с быстрой интеграцией завоёванных республик Оранжевое государство и Трансвааль, которые всего через восемь лет после второй англо-бурской войны, в 1910 г., образовали на равных правах с Капской колонией и Наталем жизнеспособную федерацию (Южно-Африканский Союз). Ведь во многих других владениях британцы бились над интеграцией намного дольше и так ничего и не достигли: ни в Египте, ни в Палестине, ни в Бирме, не говоря уже о старейшей колонии — Ирландии. Среди всех бывших колоний Британии в этих странах колониальный период вспоминают особенно неприязненно.

Во-вторых, восставшие сипаи армии Бенгальского президентства всего восемь лет назад участвовали в покорении Панджаба вместе с британцами, и сикхи это помнили. К моменту восстания состоявшие из солдат-хиндустанцев гарнизоны по-прежнему были рассредоточены в Панджабе, и сикхи продолжали воспринимать их как поработителей. К тому же сипаев-пурбия сикхи, как я сказал, презирали как никчёмных воинов, а для психологии ценящего силу джата — крестьянина-воина — это весьма важно. Сикхи не хотели иметь с ними ничего общего.

В-третьих, хиндустанцы были для сикхов и вообще панджабцев поработителями традиционными, потомственными, ведь в 1840-е годы они пришли в Панджаб как завоеватели не в первый раз. Пурбия входили в состав могольских армий, подавлявших региональные движения за самостоятельность. Пусть не желая того, сипаи-мятежники подчеркнули это, когда, заняв Дели, провозгласили своим правителем и формальным лидером восстания последнего могольского шаха Бахадура II, который мирно существовал на британскую пенсию в Красном форте Дели. Если конфликт сикхов с британцами был пусть и острый, но кратковременный, история угнетения сикхов Моголами насчитывала не одну сотню лет. С могольским шахом, предки которого умерщвляли их гуру и массово резали их единоверцев, сикхам было не по пути никуда. Более того: в подавлении британцами восстания сикхи увидели прекрасную возможность и посчитаться с вековыми угнетателями, и восстановить справедливость, отняв недавнюю победу у завоевавших их сипаев, которой, по мнению сикхов, те были недостойны.

Вот почему, когда сипайские гарнизоны в Панджабе оказались на грани восстания и были оперативно разоружены, британцы без опасений объявили набор среди местного населения и панджабцы, включая сикхов, охотно пошли вербоваться. Помимо прочего, это была для них возможность просто пограбить, да и поработать по специальности — найти применение своим профессиональным воинским навыкам после роспуска сикхской армии. Всего в ходе восстания британцы набрали в Панджабе 18 новых полков пехоты. При этом они сознательно напомнили сикхам о давнем пророчестве, которое

предрекало разграбление ими Дели [Сен, 1957, с. 116]. Кстати, когда в декабре 1845 г. сикхская армия переправилась на левый берег Сатледжа, конечной целью в её планах был именно Дели.

Неудивительно, что когда летом 1857 г. британцы осадили мятежный Дели, а в сентябре взяли его штурмом, сикхов среди осаждающих было немало, — как и в Лакхнау среди защитников особняка бывшего резидента в Авадхе (в начале этой осады и погиб Генри Лоуренс, которого незадолго до восстания перевели туда главным комиссаром аннексированного Авадха). Откликнулись во время восстания и сикхские князья Мальвы, «отошедшие» к Компании по договору 1809 г. Махараджа Патиалы прислал в помощь британцам 5 тыс. воинов и охранял 120 миль сообщения между Панджабом и Дели. Махараджа Набхи с 800 воинов сопровождал на марше британский артиллерийский парк тяжёлых орудий (британцы называли его *siege train*, «осадный поезд»). Раджа Джжинда лично возглавил экспедицию, которая расчистила путь к Дели одному из британских отрядов. В армию — пусть символически и уже живя в Британии — вступил и бывший саркар Далип Сингх (его краткая биография чуть ниже). Когда после взятия Дели британский капитан У. Ходсон застрелил пленённых им двух сыновей и внука Бахадуршаха, их трупы взяли сикхи и отнесли на площадь Чандни Чоук, положив перед гурдварой Сисгандж на месте казни девятого гуру Тег Бахадура. Так по их представлениям свершилась историческая справедливость.

Таким образом, по иронии истории панджабцы помогли британцам подавить восстание сипаев-хиндустанцев. Если в 1845–49 гг. британцы покоряли панджабцев при помощи хиндустанцев, то в 1857–59 гг. — наоборот.

Однако участие сикхов в подавлении восстания в Хиндустане неверно называть предательством Индии — как неверно называть предательством осуждение восстания со стороны многих бенгальцев того времени (купцов — деловых партнёров британских фирм, а также получивших образование западного типа чиновников и представителей зарождавшейся интеллигенции). Напомню, что понятия единой Индии ещё не существовало, это уже продукт британского колониализма. Панджабцы воспринимали хиндустанцев как жителей совсем другой страны, «заграницы» — да ещё враждебной.

Парадоксальным образом восстание в Хиндустане не получило поддержки ни на Дальнем Западе Индии (в Панджабе), ни на её Дальнем Востоке (в Бенгалии), но по диаметрально противоположным причинам. «Сверхпричиной» восстания была слишком быстрая ломка традиционных отношений, прежде всего в деревне, при этом подавлявшие восстание сикхи были представителями традиционного общества, до которого ещё не успела докатиться принесённая британским колониализмом модернизация. Что касается противоположного от Панджаба конца Гангской долины — Бенгалии, то многие бенгальцы в той или иной степени были представителями общества, уже из-

менённого этой модернизацией, представителями слоёв, которые выросли в результате колониализма и были на него завязаны.

Напоследок о судьбе династии Ранджит Сингха.

Мать последнего саркара Джхиндан оставалась в заключении в Шейхупурской крепости около девяти месяцев (с августа 1847 г. по май 1848 г.). Британцы подозревали её в интригах против их власти: будто подстрекала офицеров сикхской армии захватить Лахорскую крепость, рассылала по городам Панджаба тайные призывы к восстанию. В мае 1848 г. в Лахоре даже был раскрыт антибританский заговор. Несколько участников схватили, двоих казнили, некоторые бежали к Мулраджу. В руки британцев попало несколько писем, будто бы написанных рукой Джхиндан и говоривших о её причастности к заговору и даже к восстанию в Мултане. Поэтому в мае 1848 г. Кёрри выслал её от греха подальше из Панджаба, в Варанаси, заодно урезав пенсию до 1 тыс. рупий в месяц. Бывшая махарани не успокоилась и сумела прислать из нового места заключения письмо Шер Сингху, где хвалила его за доблесть и призвала поднимать на восстание всю Индию. Британцы узнали о письме и перевели узницу в крепость города Чунар, традиционно служившую им местом заточения самых опасных врагов, «политических заключённых» (как Гвалияр у Моголов). В Чунаргархе сидели свергнутый ими в 1798 г. наваб Авадха Вазир Али-хан, схваченный в 1818 г. диван последнего маратхского пешвы Тримбакджи Денгле.

Джхиндан удалось бежать из Чунара. Она начала соблюдать обычай парды, приучая тюремщиков узнавать её лишь по голосу. Однажды, 15 апреля 1849 г., она оставила в тюрьме вместо себя служанку (как Седрик-шута Вамбу в романе У. Скотта «Айвенго»), а сама бежала в её платье и пробралась в Непал. Там она просила и получила убежище. Резидент Ост-Индской Компании в Катманду не требовал экстрадиции, так как Джхиндан потеряла всякое значение. Правда, когда в марте 1850 г. *махараджадхираджа* Непала наметил для бывшей махарани Панджаба специальный приём, резидент выразил протест — и мероприятие отменили. А когда она написала письма в Аллахабад сикхским пленникам, непальские власти просили её воздержаться от антибританской деятельности (не хотели ссориться с Компанией). Энергичная Джхиндан не могла смириться с бездействием и задумала бежать теперь в Кашмир, где Гулаб Сингх вроде бы согласился принять её. Узнав об этом, британцы предупредили, чтобы она не пыталась проникнуть на подконтрольную им территорию.

Только после индийского восстания, в 1861 г., британские власти смягчились и разрешили Джхиндан уехать в Лондон к сыну. К этому времени она почти ослепла из-за болезней и превратностей судьбы. Вдове Ранджита вернули имущество и назначили пенсию в размере 250 рупий. Джхиндан поселилась в Кенсингтоне под Лондоном, где и умерла в 1863 г. Выполняя её пос-

ледную волю, сын привёз пепел обратно в Индию и развеял над рекой Годавари.

Интересна судьба последнего саркара Панджабской империи Далип Сингха.

Сразу после отречения мальчика вывезли из Панджаба в крепость Фатехгарх в Северо-Западной провинции и вверили попечению армейского хирурга Джона Лоджина. Под его влиянием Далип через два года перешёл в христианство: для британцев было важно, чтобы человек, способный стать фокусом лояльности для покорённых сикхов, перестал быть их единоверцем (*divide et impera*). В 1854 г. — в тот год, когда, согласно Бхайровалскому договору, Далипу должны были вручить бразды правления его родным Панджабом, его увезли в Великобританию. Ему выделили содержание в 40 тыс. ф.ст.; он арендовал замок в графстве Йоркшир, затем купил имение в Саффолке, где зажил как обычный лендлорд: бывал на светских приёмах, любил охоту, в 1856–57 гг. выехал на континент посмотреть мир (у английской аристократии и верхнего среднего слоя это называлось Большим путешествием, *Grand Tour*)¹. Два сына Далипа учились в Итонском колледже.

Королева Виктория обошлась с бывшим саркаром милостиво, часто приглашала на завтраки и обеды в Бакингэмский дворец, позднее даже стала крёстной матерью его старшего сына, названного в её честь Виктором (1866–1918). Иногда пишут, что королева стремилась тем самым окончательно «приручить» Далипа, действуя всецело из соображений безопасности империи. И всё же представляется более верным мнение, согласно которому Викторией в немалой степени двигало по-человечески понятное чувство вины за узурпацию власти [David, 2007, p. 143].

В 1860 г. Далип приехал в Калькутту, чтобы забрать в Лондон мать. В это время из Китая со второй «опиумной» войны возвращались сикхские сипайские части. Солдаты-сикхи собрались около гостиницы, где остановился Далип, и бурно выражали ему свою преданность. Британским властям это, естественно, не понравилось, и они попросили бывшего саркара не затягивать с возвращением в Великобританию.

В 1864 г., после смерти матери, Далип Сингх ненадолго вернулся в Индию, чтобы, выполняя её последнюю волю, развеять её пепел над одной из рек Панджаба. В Бомбее ему оказали почести как важному индийскому князю: приветствовали салютом из 21 пушки, т.е. по высшему разряду. (В Британской Индии были разработаны строгие правила: каких князей сколькими пушками приветствовать — от 21 до 9.) Однако въездом бывшего саркара в Панджаб британские власти решили не рисковать, поэтому прах ему при-

---

¹ Будучи крещён в протестантской вере, Далип был мало знаком с католическими обрядами. Проезжая в карете по Риму, он повстречал папу Пия IX. Тот на ходу благословил его, а Далип вообразил, что папа показал ему нос [Alexander, Anand, 1980, p. 67].

шлось развезть южнее, над рекой Годавари. На обратном пути в Европу Далип женился в Александрии на дочери немецкого купца и коптской христианки по имени Бамба Мюллер (1848–87), работавшей в миссионерской школе (она получила титул махарани).

Однако Далип Сингх жил не по средствам, кутил, проигрывал крупные суммы в карты и нахватал долгов. Если бы средств было достаточно, он был бы вполне доволен жизнью и дальше. Но, стремясь поправить своё материальное положение, Далип в начале 1880-х годов неожиданно обрушился на британские власти, обвиняя в свержении его с престола. Лишённый наследства (вновь аналогия с «Айвенго») саркар Панджаба был здесь не одинок. Ранее искать управы на британские власти в Индии (тогда ещё — на Ост-Индскую Компанию) в Лондон ездили представители его товарищей по несчастью — других князей, у которых отняли их владения. Об отмене аннексий хлопотали, например, эмиссары последнего чхатрапати маратхского княжества Сатара Пратап Сингха (потомка великого Шиваджи), последнего шаха Авадха Ваджида Али — да всё без толку.

Когда стало ясно, что британцы и не подумают восстановить панджабский престол, бывший саркар стал требовать вернуть хотя бы его личную земельную собственность как наследника мисала Сукарчакиа или получить за неё денежную компенсацию, а также повысить пенсию. В 1882 г. Далип писал в газете «The Times», что надеется на справедливость правительства У.Ю. Гладстона, хотя и не рассчитывает на такую же щедрость, какую проявили в отношении Кечвайо [Singh, Ganda, 195-, p. 5]. Далип имел в виду свергнутого в результате англо-зулусской войны 1879 г. *инкоси* (правителя) народа зулу на границе с колонией Наталь в Южной Африке. После разгрома зулу британцы выслали Кечвайо в Лондон и назначили ему пенсию.

Добиваясь своего, Далип пытался задобрить британские власти, доказать, что он — лояльный подданный короны. Так, во время Пандждехского инцидента 1885 г., когда Великобритания оказалась на грани войны с Россией из-за Центральной Азии, он в письме секретарю вице-короля Индии вызвался вступить в ряды англо-индийской армии. Власти отнеслись к идее холодно, и в следующем письме Далип поспешил заверить вице-королевского секретаря: «Я не намерен восстановиться на троне Панджаба». Далип унижался, даже с одобрением высказался о поражении «мятежников» при Чилианвале и Гуджрате, писал о неспровоцированном нападении сикхов в первую войну...

Видя, что унижениями привлечь внимания к своей персоне не удаётся, Далип в отчаянии решил вернуться в Индию и написал прокламацию к хальсе, в которой просил простить его за отречение от веры предков (сославшись на малолетство) и выразил желание по прибытии в Бомбей вернуться в лоно сикхизма. Прокламация вызвала большой резонанс в Панджабе, поползли слухи о волнениях в сикхских частях англо-индийской армии.

Однако сикхское сардарство давно получило от британской власти всё, что хотело (джагиры, титулы), и не собиралось рисковать этим ради своего свергнутого монарха. Сардары даже обратились к властям с письмом, где заверили, что умрут за королеву. Далип Сингха не поддержали даже участники антибританского сикхского движения *намдхари*. Как писал из ссылки в Рангуне их лидер Рам Сингх, с Далипом следует обращаться как с иностранцем — ведь он (будучи христианином) ест говядину.

Тем не менее Далип с женой и пятерыми детьми отплыл в Бомбей. Однако британцы решили не испытывать на прочность верноподданнические чувства своих сикхских подданных появлением поблизости от Панджаба лидера, обладавшего там традиционной легитимностью. Поэтому в Адене его задержали, не пустив дальше на восток. Далип отослал семью обратно в Великобританию, а сам остался в Адене и в мае 1886 г. вновь принял пахул, после чего официально отказался от британской пенсии.

Далип понял: смиренными просьбами от британских властей точно ничего не добьётся. Поэтому он пошёл ва-банк: написал из Адена резкие прокламации «К братьям-князьям Хиндустана» и «К народу Индии». В них бывший саркар призвал к вооружённому восстанию против британцев и просил каждого индийца в течение девяти месяцев жертвовать по пайсе на военный фонд, заверяя: Россия нам поможет. Далип понимал, какая из иностранных держав угрожает британской власти в Индии, и решил искать у неё помощи. Свои прокламации, а также письма к членам британского парламента (в которых по-прежнему жаловался на несправедливости) он подписывал как «законный суверен сикхского народа», «непримиримый враг британцев» и т.п. Так он сжёг мосты.

В Великобританию Далип возвращаться не стал, а отправился в Париж, откуда заочно назначил своего двоюродного брата сардара Тхакура Сингха Сандханвалиа своим «вазиром» и отправил ему в Индию свою монаршую печать (тот, правда, вскоре умер — возможно, не без помощи британцев). Из Франции Далип рассчитывал всё же уехать в Индию — во французский порт Пондишери, чтобы проникнуть на британскую территорию через него, но из этого ничего не вышло. Тогда он явился к советнику российского посольства в Париже графу Э.К. Коцебу, предлагая посильную помощь в борьбе с Британией в Азии. Так, у Далипа была идея появиться на северо-западной границе Индии с 10-тысячным русским отрядом — это, мол, взбунтует 45 тыс. сикхов в англо-индийской армии, а также народ Панджаба и князей Индии, и дело сделано.

Однако при первой же встрече проницательный Коцебу «раскусил» Далипа и в конфиденциальном письме в Петербург министру иностранных дел Н.К. Гирсу от 5 июля 1886 г. писал: *«Есть опасения, что предложения, которые делает нам этот восточный князь, продиктованы стремлением шантажи-*

ровать англичан. Он думает припугнуть англичан и заставить платить, угрожая, что его престиж сильно вырастет после перехода под наше покровительство... Каковы бы ни были шансы этого магараджи в будущем, теперь мне ясно, что он расчитывает отлизиться отнюдь не за счёт подлинной гестности» [Русско-индийские отношения в XIX в., 1997, с. 267]. Представляется, что Коцебу (хотя лишь на тот момент) был прав на 100 процентов. Россия была нужна Далипу только как рычаг давления на британские власти: не повысите мне содержание — буду источником беспокойства за границей. Советник дал Далипу понять, что Россия не собирается затевать смуту в Индии. Правда, тот не терял надежды и в сентябре пришёл ещё раз.

Между тем Далип Сингхом заинтересовался влиятельный редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков. Он логично рассудил: если Британия даёт убежище русским революционерам (Кропоткин, Степняк и др.), почему бы не делать то же в отношении её врагов? Интерес Каткова к Далипу объяснялся его общими внешнеполитическими взглядами. Он выступал за коренную переориентацию внешней политики России: за отдаление от Германии и сближение с Францией, а поскольку Британия поддерживала идею Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии, это объективно угрожало интересам России (и её потенциального союзника Франции). По этой логике России и следовало поддерживать врагов Британии. Добиваясь для Далипа официальной поддержки правительства, Катков пытался дать российской внешней политике импульс движения по тому пути, которое считал верным. Через своего единомышленника генерала Е.В. Богдановича он добился разрешения для Далипа приехать в Россию, обещав ему содействие своей газеты. По сути бывший саркар Панджаба оказался втянут в борьбу европейских держав; впрочем, затевая такие игры, он должен был быть к этому готов.

В апреле 1887 г. Далип Сингх с сожительницей-англичанкой Адой Уэтерил и слугой-сикхом приехал в Москву. Путешествие оказалось не без приключений: на полдороге, в Берлине, у Далипа украли портфель с деньгами, паспортами и рекомендательными письмами (скорее всего, дело рук немецкой разведки), и на пограничной станции Вержболово его не хотели пускать в Россию. Пограничники увидели в чемоданах Далипа роскошные восточные одежды, но сочли, что перед ними обычные фокусники, и недоумевали, как Катков и другие известные люди, на которых ссылался Далип, могли связаться с такими шарлатанами [Райков, 2004, с. 108–109]. Всё же ему удалось въехать в Россию. 10 мая Далип написал письмо царю Александру III, убеждая его в лёгкости изгнания британцев из Индии. *«Я гарантирую лёгкий захват Индии, — писал он. — Ведь кроме обещанной военной помощи индийских князей в моей власти поднять на восстание весь Панджаб и бросить его жителей атаковать тыл британских сил, посланных противостоять имперской армии (России. — К.Ф.). Мои верные подданные будут также разрушать все желез-*

ные дороги, телеграф и другие средства сообщения, взрывать мосты и перерезать пути снабжения... В таких обстоятельствах никакая британская армия не сможет успешно сопротивляться, атакованная с фронта и тыла» (цит. по: [Thapar, 1977, p. 86]). Далип повторял, что он — «признанный правитель» 20 млн. человек, из которых 8 млн. — сикхи. Правда, для захвата Индии он предполагал задействовать 200-тысячную русскую армию с 2 тыс. пушек; чтоб одолеть британцев, хватило бы и меньше, но необходимо «произвести впечатление на колеблющихся князей и народ той страны масштабами ресурсов России» (цит. по: [Thapar, 1977, p. 87]). Претендуя на право говорить от имени всех индийских князей, Далип пытался заинтересовать царя идеей дани с них в размере от 3 млн. до 9 млн. рупий в год. Сам он выразил желание перейти в российское подданство: «Я намерен посвятить остаток жизни интересам императора, верным подданным которого искренне желаю стать» (цит. по: [Thapar, 1977, p. 77]).

Царь отнёсся к инициативе Далипа прохладно, хотя на письме обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, который поддержал просьбу Каткова о Далипе, пометил: «...когда-нибудь он нам пригодится для наших дел в Индии с англичанами» [Русско-индийские отношения в XIX в., 1997, с. 271]. В отличие от своих отца и сына Александр III не испытывал страха перед западными державами.

Бывший саркар Панджаба был не единственным из князей Индии, который контактировал с Россией на предмет свержения там британской власти. Причём если лишённый власти Далип был в этом неискренен (поначалу), то многие **правлящие** князья, наоборот, действительно стремились заключить с Россией союз, а рисковали они гораздо большим — тронem; это Далипу терять было нечего. Когда в 1860-е годы Россия развернула бурную экспансию в Средней Азии и возник Туркестанский край, в его административный центр Ташкент к генерал-губернатору Кауфману потянулись тайные посланцы от многих индийских князей. Князья предлагали России помощь в случае её вторжения в Индию. Так, маратхский махараджа княжества Индаур обещал: «Когда нагнутся у вас с англичанами военные действия, я им буду сильно вредить» [Широкоград, 2003, с. 160]. Официально в Индии считалось, что князья — верные союзники Британии. Эти тайные послания показывают, насколько в реальности даже правящие князья Индии (не говоря о тех, кого перевели на пенсию, как Далипа) тяготились британской верховной властью¹.

¹ А о завоевателе туркменского Ахал-Текинского оазиса (1881 г.) генерале М.Д. Скобелеве в Индии шёл слух, будто это не кто иной, как чудом спасшийся в ходе сипайского восстания Нана Сахиб, приёмный сын последнего маратхского пешвы и один из лидеров повстанцев, который теперь, возглавив русские войска на подступах к Индии, сводит с британцами счёты (в действительности Нана погиб в 1859 г. в *тераи* — заболоченных джунглях на границе Индии с Непалом) [Шаститко, 1967, с. 6].

Не случайно в 1876 г. премьер-министр Б. Дизраэли провёл в парламенте закон об официальном провозглашении королевы Виктории императрицей Индии. Так монарх Великобритании формально, юридически занял место предыдущих всеиндийских властителей — могольских шахов. В 1877 г. вице-король лорд Литтон организовал дарбар — всеиндийский съезд князей, где они принесли Виктории клятву верности. Одна из причин принятия этого титула — Большая Игра с Россией. В глазах привыкших к пышным титулам народов Востока королева далёкого маленького острова смотрелась блекло, особенно на фоне Ак-падишаха, Белого царя огромной северной державы [Науменков, 2004, с. 103]. Титул императрицы Индии должен был в глазах азиатских народов поднять Викторию до уровня русского царя. С тех пор и до ухода британцев из Индии в 1947 г. британский монарх в этой стране (но только в этой стране) именовался королём-императором (или королевой-императрицей).

Практическим шагом России как реакцией на приезд Далип Сингха стала разведывательная поездка по Индии в том же 1887 г. офицера Н.А. Нотовича. Он был послан с заданием проверить, соответствуют ли действительно неоднократные утверждения Далипа, будто он, призывая Россию воевать с Британией за Индию, уполномочен говорить от имени многих индийских князей. Чтобы обрести политический вес перед русскими властями, завести контакты с князьями Далип в самом деле пытался, но в России выдавал желаемое за действительное. Впрочем, ещё до возвращения Нотовича в Россию Далип потерял всякие шансы на поддержку официальной власти (их и до этого почти не было). Не отдавая себе в этом отчёта, Далип всё больше отрывался от действительности, веря в достижимость задуманного; по мнению биографа, у него даже наблюдались проявления мании величия [Райков, 2004, с. 148]. Между тем британцы разгромили сеть немногочисленных сторонников Далипа в Индии. Был у них агент и в ближайшем окружении Далипа — американец Ч. Кэррол-Тэвис в Париже, которому он вполне доверял и через которого вёл свою переписку.

Далипу не удалось ни побывать на аудиенции у царя, ни получить подданства. В том же году, ещё в июле, умер его покровитель Катков. Россия и Британия переживали период разрядки после Пандждехского инцидента, и применения Далипу как обиженному британской властью индийскому князю не нашлось. Он жил в московской гостинице на 80 рупий в месяц, распродавая свои драгоценности и монаршие одежды.

В апреле 1888 г. Далип с семьёй (в Москве у него родилась дочь) переехал под Киев, подумывая купить здесь имение. Однако деньги таяли, да и министерство иностранных дел было не в восторге от присутствия в стране неудобного гостя. Официальную позицию России в отношении Далип Сингха подытожил Гирс в письме генерал-губернатору Москвы В.А. Долгорукову от 28 но-

ября 1887 г.: «Дюлип Синг совершенно неверно понимает своё положение в России и свои отношения к Императорскому правительству... Дюлип Синг не может считаться подданным России, да и зачислить его в наше подданство представляется тем менее удобным, что впоследствии он может раскаяться в своей ссоре с английским правительством и пожелать возвратиться в Англию, хотя бы для того, чтобы вновь воспользоваться ранее полузавишавшей им весьма значительною, хотя, по его мнению, и недостаточною, пенсией, за утрату которой мы не в состоянии вознаградить его... Что же касается политической цели, преследуемой Махараджей... дело это не представляется пока серьёзным... или сам он имеет совершенно ложное понятие о положении дел в Азии, или же, как хитрый азиат, он рассчитывает на недостаточное знакомство наше с Индией и надеется побудить нас предпринять враждебную против Англии демонстрацию, с тем чтобы дать почувствовать Державе этой невыгоды ссоры с ним» [Русско-индийские отношения в XIX в., 1997, с. 276–277]. Всё-таки «сикцы» (как подчас называли сикхов в русских документах) были слишком далеки от интересов России.

Отчаявшись, в ноябре 1888 г. Далип вернулся в Париж почти без средств к существованию. Его противостояние британским властям начало превращаться в фарс: Далип издал в газете прокламацию с призывом к добровольцам вступить в набираемую им армию освобождения Индии, после чего написал королеве Виктории письмо с требованием вернуть бриллиант «Кох-и-нор» либо возместить его стоимость деньгами (по сути так: дайте денег на борьбу с вами же). В 1890 г. Далипа разбил insult, и даже ему самому стало ясно, что противостояние с Британией проиграно. Он просил у Виктории прощения «за прошлое поведение», которое было даровано. Далип ненадолго съездил в Британию, а в 1891 г. состоялась его примирительная встреча с Викторией на юге Франции [Alexander, Anand, 1980, p. 288]. 22 октября 1893 г. последний саркар сикхов умер в парижской гостинице в возрасте 55 лет от второго insult. Погребён он в своём имении Элвден в Саффолке. У Далип Сингха было восемь детей — три сына и три дочери от первого брака и две дочери от второго. Все они были бездетными. Род Далипа пресёкся в 1957 г., когда умерла его дочь Бамба Сатерленд.

Мятеж Далип Сингха против положения махараджи-пенсионера начался исключительно как средство шантажа Британии с целью увеличить денежное пособие. И всё же, как убедительно показал А.В. Райков, в какой-то момент Далип в самом деле уверился, будто способен совершить то, чем поначалу лишь пугал британцев, — освободить свой родной Панджаб (и всю Индию) от их власти, вернуть себе трон саркара. Сыграв на противоречиях европейских держав, Далип, пусть на короткое время (1886–88), сумел разорвать цепи, в которые был постепенно, но верно закован британскими властями [Райков, 2004, с. 203]. Хотя его планы оказались воздушными замками и бы-

стро рухнули, Далип остался в истории человеком, который практически в одиночку бросил вызов величайшей империи.

Трагическая судьба Далип Сингха напоминает судьбу другого царственно-го ребёнка, последнего представителя династии — Пу И (1906–67), последнего хуанди Цинской империи. Тот в детстве тоже был лишён власти (1912 г., в ходе Синьхайской революции), а после образования КНР даже отсидел в «лагере перевоспитания». Однако если Пу И оказался востребован хотя бы как правитель-марионетка в созданной японцами стране-сателлите Маньчжоу-Го, то Далип Сингх не был нужен никому — в отличие, скажем, от бенгальского левого политика Шубхаша Чондро Бошу (1897–1945) у тех же японцев во Вторую мировую войну или от знакомого нам Шаха Шуджи у британцев в первую англо-афганскую войну. А обращение Далипа в христианство напоминает обращение (иезуитами) другого последнего представителя династии, тоже из истории Китая — Юн-ли, сына последнего хуанди Минской империи Чжу Юцзяня (правил в 1628–44).

Часть панджабского народа не смирилась с потерей независимости страны в марте 1846 г. Всего через два года вспыхнула вторая англо-сикхская война (1848–49). Как и первую, её спровоцировала Ост-Индская Компания, хотя на сей раз — не желая этого. Война началась как стихийное выступление против британцев в Мултане, которое, что более серьёзно, перекинулось на часть регулярной армии. Юридически вторая англо-сикхская война была всего лишь мятежом части панджабцев против малолетнего саркара, дарбара и стоявшего за тронном британского резидента. Однако генерал-губернатор Далхузи намеренно дал восстанию принять как можно больший масштаб, чтобы получить оправдание для аннексии страны.

Во вторую войну сикхи опять неприятно удивили британцев. Численность противостоящих врагу сил была меньше, чем в первой, зато во главе их не стояли командиры-предатели (хотя сардары Атаривала и не теряли надежды восстановить своё положение в рамках установившейся системы протектората). Вторая война оказалась для противника лишь ненамного легче первой. Крупное сражение при Чилианвале сикхи по сути выиграли, что оказало на британскую общественность даже более гнетущее впечатление, чем истребление оккупационного корпуса в Афганистане в 1842 г. За всю историю экспансии британцев в Индии Чилианвала была их крупнейшим поражением. В пользу британцев чаша весов определённо склонилась только в последней битве — при Гуджрате, который во вторую войну послужил аналогом Собраона.

Если в первой войне британцы только надломили сикхам хребет, то во второй переломили его. Соответственно, период 1846–49 гг. можно назвать переходным от независимого Панджаба к британскому. После капитуляции сардаров Атаривала защищать панджабскую независимость стало некому.

После победы Далхузи к изумлению панджабцев сместил с трона малолетнего Далип Сингха и превратил его страну в провинцию Британской Индии. В 1849 г. сикхи утратили свою политичность (по аналогии с «государственностью»), которую столь тяжкими жертвами приобрели в 1760-е годы.

Если в 1845–46 гг. Ост-Индская Компания формально воевала с объявившим ей войну дарбаром, но аннексировать Панджаб не собиралась, то в 1848–49 гг. положение стало противоположным: Компания юридически действовала от имени контролируемого ею саркара, зато своей целью Далхузи ещё в начале войны поставил именно аннексию. Используя титул Далип Сингха для легитимации своих действий по окончательному разгрому сикхской армии, Компания за ненадобностью перевела его на пенсию. Остальную жизнь Далип прожил в Великобритании, России и Франции, ради повышения пособия тщетно попытавшись в какой-то момент шантажировать британские власти своей традиционной легитимностью панджабского монарха.

В истории Ост-Индской Компании присоединение Панджаба означало окончание военно-политической экспансии в Южной Азии. Начав её за сто лет до того, в 1740–50-е годы, британцы дошли до естественных северо-западных рубежей индийского субконтинента, закончив англо-индийский раунд войны за могольское наследство¹ — череду войн с теми из индийских правителей, кто не пожелал подчиниться Компании добровольно.

В истории сикхского народа включение его родной страны Пятиречья в Британскую империю ознаменовало завершение самого драматического и героического периода сикхской истории, который начался, пожалуй, с казни Моголами девятого гуру Тег Бахадура (1675 г.) и создания его сыном хальсы (1699 г.). В течение всего этого периода сикхи продемонстрировали себя мужественными и самоотверженными воинами, не боящимися пострадать за веру и справедливость, как они их понимали.

---

¹ Кроме него в «войне за могольское наследство» я выделяю англо-французский раунд (три войны двух европейских торговых компаний между 1744 и 1761 гг.) и афганомаратхский (битва при Панипате 1761 г.).

Заключение

Повествование об истории сикхской общины было бы неполным, если не дать хотя бы очень краткий очерк этой истории после описанных событий — с середины XIX в. до наших дней.

В Британской Индии Страна пяти рек заняла одно из видных мест как с экономической, так и с военной точки зрения.

Во многом благодаря поразительному трудолюбию крестьянина-джата Панджаб выступал крупным производителем сельскохозяйственной продукции. При этом от экономических последствий втягивания Индии в мировой рынок к концу XIX в. сикхское крестьянство пострадало намного меньше, чем крестьянство других регионов [Grewal, 1999, p. 137].

Доказав свою пользу в ходе подавления сипайского восстания (свою доблесть они доказали и раньше), сикхи, а также панджабцы-мусульмане в англо-индийской армии «прижились»: стали массово приниматься в вооружённые силы Британской Индии. Как и при Ранджите, армейская служба была хорошим финансовым подспорьем многим крестьянским семьям. Сикхи по сути возглавили существовавший в воображении британцев список «воинственных народов» (*martial races*) Индии. Некоторые индийские народы британцы считали более склонными к военной службе, чем прочие, более храбрыми и физически развитыми, менее склонными к мыслительной работе (а значит, более благонадёжными — не будут рассуждать). Под воздействием этой теории формировались колониальные этнические стереотипы. Прототипом «воинственных народов» послужили шотландские горцы (*Highlanders*) в самой Великобритании. К «воинственным народам» Индии британцы относили также панджабцев-мусульман, раджпутов, догров, гуркхов и ряд других этносов и каст и только из них комплектовали наёмные «туземные» войска. Таким народам противопоставляли, например, бенгальцев как изнеженных, склонных к интеллектуальной деятельности, а потому неудобных подданных империи.

Если период в XVIII в. от казни Банда Бахадура до нашествий Ахмад-шаха был временем физического выживания сикхов, то, казалось бы, спокойный период второй половины XIX в. стал временем серьёзного испытания для их

религии. В этот период членам общины больше не приходилось с оружием в руках бороться за право на жизнь и собственную веру — многие из них сами выступали военной опорой новой власти. Набор сикхов в имперскую армию даже стал некоторым стимулом укрепления сикхской общины: чтобы попасть в ряды армии, многие молодые панджабцы вступали и в хальсу. И всё же именно в этот период преобладающим процессом стал противоположный — процесс размывания сикхизма и даже его растворения в окружавшем со всех сторон индуизме. Этот процесс начался ещё в период мисалов второй половины XVIII в., а потеря сикхами политической независимости в 1849 г. придала ему дополнительный импульс. Если при Ранджит Сингхе сикхов насчитывалось до 10 млн., то по переписи 1881 г. их оказалось всего 1,7 млн. [Успенская, Котин, 2007, с. 246]. Положение усугублялось тем, что британские власти рассматривали сикхов как всего лишь «индуистскую секту».

Сикхскую идентичность спасли наличие священного писания и правило «пяти к» [McLeod, 1968, р. 3]. Пятый и десятый гуру не зря снабдили общину столь явными отличительными признаками: понимали, что без этого существование общины в толще индуистского общества будет находиться под постоянной угрозой.

Первыми угрозой растворения сикхизма почувствовали сикхи, основавшие движение *намдхари* («поддерживающие имя [бога]»). Их называли также *куки* за крики, издаваемые ими в экстатическом состоянии. Намдхари выступали за очищение религии от позднейших наслоений, т.е. их можно назвать фундаменталистами, теми, кто стремится к истокам религии. Их лидер Рам Сингх (1816–85) служил в армии Ранджита, затем открыл лангар при собственном доме, выступал за равенство в общине, против социального высокомерия высококастовых сикхов (в том числе части джатов). По сути внутри сикхизма движение намдхари было таким же движением за повышение социального статуса, каким было движение сикхов в целом в рамках индуистского общества. Основную массу намдхари составили представители низких каст, главным образом касты *сутхаров* (плотников, каменщиков и торговцев), из которой происходил и сам Рам Сингх.

Угрозу своей религии намдхари почувствовали не только со стороны индуизирующихся, погрязающих в иерархичности сикхов, но и со стороны новых хозяев Индии. Именно сикхи-намдхари под руководством Рам Сингха первыми, задолго до кампаний Ганди, начали движение бойкота всего британского: официальных учреждений колониального государства, издаваемых властями указов, импортных товаров (ради возрождения отечественного производства), причём применяли те же методы ненасилия, которые в XX в. войдут в арсенал Индийского национального конгресса (ИНК).

Фундаменталистский характер движения намдхари привёл к тому, что вскоре их главной мишенью стали не британцы, а индийские мусульмане, с

которыми они контактировали в повседневной жизни. В 1870 и 1872 гг., спровоцированные забоем мясниками-мусульманами коров, сикхи-намдхари напали на мусульманские кварталы в Амритсаре, Малеркотле и Малаудхе и убили несколько мусульман (хотя сам Рам Сингх стоял за ненасилие). Британцы увидели в межконфессиональных столкновениях угрозу своей власти и пресекли их. При этом по приказу не в меру ретивого администратора — заместителя комиссара Лудхианы Л. Кауэна — 49 намдхари были подвергнуты варварской казни: их привязали к жерлам пушек и взорвали. Именно этот эпизод изображён на известной картине замечательного русского художника-баталиста В.В. Верещагина «Английская казнь в Индии». Кстати, вопреки распространённому мнению, изобретателями «пушечной казни» британцы не были. До неё додумались их предшественники Моголы, у которых британцы её и заимствовали (как и многие другие методы управления). Кауэна, правда, уволили из имперского аппарата за перегиб. Рам Сингха же сослали в Рангун, как незадолго до него — последнего могольского шаха. Там он объявил себя сикхским гуру. Так у намдхари возникло серьёзное догматическое расхождение с остальными сикхами: они не признают, что линия живых гуру прервалась в 1708 г., а проводят её через Рам Сингха до сего дня. Сейчас своим гуру они почитают известного в Индии исполнителя газелей Джагджит Сингха. Намдхари ратуют за простую жизнь и строгое вегетарианство (влияние индуизма), никогда не повышают голоса, выделяются ношением белых одеяний. Цепочку живых гуру до сего дня (но другую, свою) признают члены ещё одного фундаменталистского движения в сикхизме — *ниранкари* («почитатели не имеющего форм [бога]»), основанного Даял Дасом (1783–1855).

После жестокого подавления выступлений намдхари те больше не пытались изменить существующий порядок силой, если не считать одного из заместителей (аналог масандов у гуру) Рам Сингха — Гурбачан Сингха, который не поленился съездить в Россию просить военной помощи против британского владычества. Сильно преувеличивая, Гурбачан Сингх заверил администрацию генерал-губернатора в Ташкенте, что при вторжении русской армии в Индию её поддержат 300 тыс. вооружённых намдхари. Понятно, что ничего из этого не вышло. Кстати, намдхари верят, что Рам Сингх не умер в ссылке, а бежал в Россию.

К концу XIX в., во многом в связи с распространением образования западного типа, мыслящая часть сикхской общины стала задаваться вопросом собственной идентичности, тоже обращаясь к основам своей культуры. Однако от намдхари это движение в корне отличалось открытостью современному образованию, научным взглядам на мир, готовностью членов движения участвовать в созданных британцами муниципалитетах и парламентах. Так возникло движение Сингх Сабха («Общество сингхов»). Первая организация Сингх Сабха возникла в 1873 г. в Амритсаре, вторая — в 1879 г. в Лахоре,

после чего в течение 20 лет их появлялось в среднем по шесть в год. Члены движения развернули среди братьев по хальсе просветительскую деятельность, чтобы пробудить у них задремавшее было чувство сопричастности к одной общине. В социально-экономическом плане возрождение сикхизма как религии во многом было реакцией на засилье в Панджабе индуистов-ростовщиков и мелких чиновников. Организации Сингх Сабха вели борьбу за интересы сикхской общины, наладили образование на языке панджаби (до этого преподавание вплоть до школьного уровня велось на чужом для провинции языке — урду). Так, в 1892 г. в Амритсаре был учреждён Колледж хальсы. Появились первые сикхские газеты (на панджаби и английском). Широкую известность получила книга Кахн Сингха Набхи «Мы не индуисты» (*Хам хинду нахи*) 1899 г.: она способствовала возрождению сикхского самосознания. Организации Сингх Сабха вели и прозелитическую деятельность, с успехом привлекая в лоно своей религии индуистов и мусульман. Тенденция к растворению сикхизма в индуизме во второй половине XIX в. привела, в частности, к тому, что в некоторых гурдварах появились статуи индуистских богов. В 1905 г. ратующие за чистоту религии сикхи одержали победу, добившись выноса таких идолов из Хари Мандира. Отмежеванию сикхизма от индуизма способствовали введённые британцами переписи населения; они заставляли индийцев Панджаба решать для самих себя вопрос: кто они — сикхи или индуисты?

В начале XX в. центральным процессом в истории общины стала борьба сикхов, прежде всего средних слоёв, за восстановление коллективного контроля общины над доходами гурдвар. К этому времени гурдвары (их было несколько сотен) попали под управление особых смотрителей — *махантов*, которые умудрились сделать свои должности наследственными, а главное, свободно распоряжались доходами гурдвар (пожертвования членов сангата, налоговые поступления от принадлежащих храму деревень) как своими собственными. Кроме того, маханты были связаны со слоем ростовщиков-индуистов, в которых многие сикхи, особенно крестьяне-джаты, видели недружественную социальную фигуру. Маханты сделались таким же паразитическим наростом на теле сикхской общины, как в XVII в. — масанды, которых устранил гуру Гобинд. Движение за возвращение контроля над гурдварами всей общине получило название движение *акали* (по одному из эпитетов бога — «бессмертный», «вечный»; так же, напомним, называли нихангов).

Большой резонанс получил скандал с гурдварой Ракабгандж в Дели, которую, если помнит читатель, построил в 1780-е годы сардар Багхел Сингх на месте кремации тела девятого гуру Тег Бахадура. Когда в 1914 г. британские власти стали строить дорогу к резиденции вице-короля Индии (в 1911 г. столицу Британской Индии перенесли из Калькутты в Дели), на пути строительства оказалась территория гурдвары Ракабгандж и местный махант продал

правительству часть храмовой земли под прокладку дороги. Община возмутилась как фактом продажи, так и самоуправством маханты, и повела борьбу за отмену сделки. Пусть через несколько лет, но британским властям пришлось уступить и оставить гурдвару в покое.

После Первой мировой войны противостояние рядовых членов общины с махантами усилилось. Помимо прочего, это был кастовый конфликт, поскольку маханты принадлежали, как правило, к кхатри, причём многие даже не были членами хальсы. Видя, что британские суды на стороне сильных, многие сикхи поддержали начавшееся по всей Индии гандистское движение несотрудничества с властями и взяли инициативу в свои руки: отряды добровольцев стали занимать гурдвары, смещая махантов. В 1920 г. движение акали создало организацию *Широмани Гурдвара Прабандхак Камити* (ШГПК), Главный комитет управления гурдварами. Его президентом был избран уважаемый член общины Кхарак Сингх (1868–1963). В отличие от своего недостойного тёзки он сделал для хальсы немало, руководя Центральной сикхской лигой (1919–33) и газетой «Акали».

Власти долгое время отказывались принять закон о реформе гурдвар, обрушили на активистов движения акали репрессии. Те применяли гандистские методы ненасильственного сопротивления. Один современник назвал кампанию за контроль над гурдварами «третьей сикхской войной». Маханты, чувствуя поддержку правительства, не останавливались перед использованием оружия против единоверцев. Широко известны кровавые события в гурдваре Нанкана Сахив в родной деревне Нанака Талванди в 1921 г., когда нанятый её махантом отряд головорезов перебил 25 протестующих безоружных сикхов. Однако в конце концов борьба увенчалась победой сикхского большинства: сикхи, как мы хорошо знаем, — люди очень упорные. В борьбе за гурдвары погибли 400 и посажены в тюрьмы 30 тыс. сикхов, но в 1925 г. законодательный совет Панджаба принял-таки закон о переходе всех гурдвар провинции в ведение ШГПК (под управлением которого они остаются и поныне). В движении акали в очередной раз проявились демократические традиции сикхизма.

В борьбе за улучшение своего положения сикхи в Британской Индии применяли не только принцип ненасилия Ганди. Ещё накануне Первой мировой войны, в 1913 г., в среде сикхской диаспоры в Сан-Франциско вокруг газеты «Гхадр» (араб. «мятеж») возникла одноимённая революционная организация во главе с Хар Даялом. Целью её членов было освобождение родины от британского владычества и образование Соединённых Штатов Индии. Возникновение такой организации именно в США неудивительно, учитывая, что сама эта страна родилась в восстании против Британской империи. Члены Гхадра повели антибританскую агитацию в городах и деревнях Панджаба, но успеха не добились. Тогда они сделали ставку на вооружённое восстание, раз-

вернув агитацию в англо-индийской армии. На февраль 1915 г. было намечено восстание в гарнизонах Лахора, Равалпинди, Фирозпура, но британские власти упредили выступление, схватив и казнив десятки заговорщиков. (Мятеж индийского полка при агитации Гхадра в 1915 г. всё же случился — в Сингапуре; правда, там сикхов не было, только рангхары и патханы.) Эти события показывают, что определённое недовольство британской властью среди сикхов сохранялось. Революционеры вдохновлялись историей сопротивления сикхов гнёту, апеллируя к богатой традиции мученичества.

Однако подавляющее большинство сикхов в годы Первой мировой войны хранили верность империи, так как видели в британской власти залог сохранения своей общины. В победу Великобритании сикхи внесли немалый вклад. К концу войны в вооружённые силы империи вступили до 100 тыс. сикхов (они составили более пятой части армии Британской Индии). Они сражались на всех фронтах, где воевали британцы, — во Франции, на Галлиполийском полуострове, в Египте, Месопотамии и Палестине. На полях сражений погибли более 20 тыс. сикхов [Matringe, 2008, p. 162]. На Западном фронте в Европе сикхов бросали против элиты кайзеровской армии — прусской гвардии. Из 20 крестов Виктории (высшая военная награда Британской империи), которыми были награждены военные-индийцы, 15 удостоились сикхи.

Внеся далеко не последний вклад в победу в войне, сикхи (как индийцы в целом) рассчитывали после её окончания на уступки со стороны колониального правительства. В 1919 г. британцы провели реформу Монтегю — Челмсфорда, которая ввела режим диархии (двоевластия): в провинциях второстепенные вопросы управления уступались индийским политическим силам. Перед этой реформой сикхи требовали выделить им отдельную избирательную курию и предоставить треть мест в легислатуре Панджабской провинции, указывая, что именно на долю сикхских землевладельцев, включая крестьянджатов, приходится 40% собираемых налогов, они составляют треть избирателей (имущественный ценз был высоким), а более 80 тыс. сикхов сражались за Великобританию на фронтах [Успенская, Котин, 2007, с. 259]. Однако британцы, следуя принципу *divide et impera*, главную ставку в Панджабе сделали на мусульман; курию сикхи получили, но им пришлось довольствоваться всего 15 местами из 93 в легислатуре Панджаба и 1 местом из 145 в Центральном законодательном собрании Британской Индии.

Могольский султанат, как мы видели, применял против сикхов и пряник и кнут, но кнутом махал намного охотнее. В отличие от него Британская империя акцентировала пряник: после англо-сикхских войн сделала очень многое, чтобы замирить сикхов. Мудрым администраторам вроде Генри Лоуренса удалось завоевать доверие покорённого народа, но после Первой мировой войны империя не устояла перед соблазном взмахнуть кнутом. Речь идёт об Амритсарской бойне 1919 г.

В том же году, когда британцы ввели диархию, они приняли ещё один акт — закон Роулетта, который в условиях подъёма национального движения в связи с послевоенными трудностями подвёл юридическую основу под широкие репрессии. В знак протеста против закона Ганди объявил первую общеиндийскую кампанию гражданского неповиновения — сатьяграху. На праздник байсакхи 13 апреля 1919 г. на площадь Джаллианвала Баг недалеко от Хари Мандира в Амритсаре собралась многотысячная толпа панджабцев — индуисты, мусульмане, сикхи¹. Площадь представляла собой широкое пространство всего с одним узким входом. Собравшиеся слушали ораторов, которые критиковали британские власти за арест двух активистов национального движения. Внезапно на площади появились солдаты бригадного генерала Р. Дайера, который приказал открыть огонь по безоружной толпе; по британским данным, погибло 379 человек, по индийским — до тысячи [Райков, 1985, с. 70]. Сикхов среди погибших была треть². История сикхов как общины мучеников получила неожиданное продолжение. Целью Дайера и одобрявшего его действия губернатора Панджаба М. О'Двайера было нагнать страху на индийцев, чтоб и думать не смели о каком-то выражении недовольства властями. В сикхской истории они стоят в том же ряду, что Закария-хан, Яхья-хан, Мир Манну... Однако кровавая бойня — настоящий теракт со стороны властей — оказалась контрпродуктивной, всколыхнув по Индии волну небывалого возмущения. Британская либеральная общественность добилась расследования трагедии, и генерал Дайер был уволен из армии. Что касается О'Двайера, то его уже в Лондоне в 1940 г. застрелил один сикх (Удхам Сингх), который верно усвоил учение гуру Гобинда: око за око. Империя сама портила себе репутацию. На британско-индийские отношения вообще и британско-сикхские отношения в частности Амритсарская бойня легла поистине несмываемым пятном. Сейчас на площади Джаллианвала Баг стоит монумент из розового камня в память о погибших.

После успешного завершения в 1925 г. борьбы за собственные храмы сикхи вышли на более высокий уровень общественной жизни Индии — уровень партийно-политической борьбы. В том же году часть активистов движения акали учредила первую политическую партию сикхов — *Широмани Акали Дал* («Главная партия акали»). Она отражала интересы средних землевладельцев и предпринимателей, верхушки сельской общины. Одним из инструментов борьбы члены партии избрали сам сикхизм, т.е. по сути пошли по пути по-

¹ Название площади происходит от деревни Джалла, откуда был родом сардар Химат Сингх (ум. 1829 г.), который при Ранджите владел этим земельным участком в городе (есть ошибочное мнение, будто название — от имени пандита Джаллы).

² Амритсарская бойня красочно изображена в снятом на совесть панорамном фильме Р. Эттенборо «Ганди» (1982 г.). Правда, раза два среди мечущейся под залпами толпы в кадре мелькают весёлые лица индийских статистов.

литизации религии, взаимопроникновения религии и политики в Панджабе [Успенская, Котин, 2007, с. 273–274]. Примерно то же на общеиндийском уровне делал Ганди с индуизмом. Не случайно (при всей несхожести сикхизма и индуизма) по целям и методам Акали Дал сближалась с Индийским национальным конгрессом. Благодаря расплывчатости своей программы Акали Дал долгое время пользовалась поддержкой большинства сикхского населения. (Организацией сикхских крупных землевладельцев был Главный диван хальсы, возникший ещё в 1902 г., но с нарастанием массового движения его значение упало.)

Особняком в национальном движении сикхов стоит Бхагат Сингх (1907–31) — член Социалистической республиканской ассоциации Хиндустана, террорист, сторонник насильственных действий против британских властей. Он испытал сильное влияние марксистских идей, выступал за социалистическую революцию, стал атеистом. Бхагат Сингх участвовал в убийстве британского полицейского чиновника Дж. Сондерса и во взрыве бомбы в Центральном законодательном собрании в Дели (взрыв был символическим, целью было просто выразить протест против репрессивного Акта об обороне Индии). В 1931 г. Бхагат Сингх был повешен и почитается мучеником сикхского народа (автор этих строк проезжал его родную деревню недалеко от Джаландхара и видел созданный там музей)¹. И вновь традиция мученичества. К слову, двое сикхов из Калифорнии участвовали в работе IV конгресса Коминтерна в Москве в 1922 г.

Объективные процессы экономического подъёма Пятиречья и сознательные усилия членов сикхской общины, радевших за возрождение сикхской идентичности, привели к заметному увеличению общины и её доли в населении Панджаба. За период 1881–1931 гг. численность сикхов в провинции выросла с менее 2 млн. человек до более 4 млн., а их доля среди жителей — с 8 до 13% [Grewal, 1999, p. 137]. Внутри общины при этом по-прежнему росла доля сикхов-кешдхари. Этот процесс увенчается опубликованием в 1950 г. Кодекса поведения сикха — *Сикх рахит марьяда*, который по сути поставит знак равенства между сикхом и сингхом, т.е. членом хальсы.

В 1920-е — первой половине 1940-х годов правящей партией в Панджабе была Юнионистская партия, выражавшая интересы прежде всего землевладельцев. В её руководстве преобладали мусульмане, но защищали они кастовые интересы всех джатов независимо от конфессии. Акали Дал поддерживала правящую партию провинции. Когда после Лахорской резолюции

---

¹ Существует неплохой индийский фильм «Легенда о Бхагат Сингхе» 2002 г. К сожалению, в отличие от более или менее взвешенного «Ганди» фильм контрастный, «чёрно-белый» (как большинство индийских фильмов): индийцы показаны однозначно высоконравственными патриотами, а британцы — подлыми негодьями.

Мусульманской Лиги 1940 г. дело пошло к разделу Индии на индуистскую и мусульманскую части, юнионисты пытались воспрепятствовать этому, в чём получили широкую поддержку сикхского населения, ведь сикхи проживали в Панджабе не компактно, а вперемешку с другими конфессиями. Надеясь на британские власти, во Вторую мировую войну сикхи вновь продемонстрировали Британской империи значительную лояльность: из 2,65 млн. индийцев, сражавшихся в рядах её вооружённых сил, сикхов насчитывалось 300 тыс. [Matringe, 2008, p. 218]. Они вновь воевали на многих фронтах империи: в Восточной Африке против итальянцев, в Египте и Ливии против Роммеля, в Италии после высадки там англо-американцев, в Бирме против японцев; подавляли антибританский переворот в Ираке и входили в состав оккупационного корпуса в Южном Иране. В декабре 1941 – марте 1942 г. батальон 15-го панджабского полка, полностью отрезанный от внешнего мира, упорно оборонялся от наседавших японцев в джунглях Саравака, а затем нидерландского Борнео. (Правда, немало сикхов вступили и в ряды антибританской Индийской национальной армии, созданной под эгидой японцев в Сингапуре.)

Однако в Панджабе политические позиции Юнионистской партии слабели, а в масштабах Индии голос сикхской общины значил немного. Судьбу страны определили взаимоотношения между двумя крупнейшими конфессиональными общинами – индуистами и мусульманами. В августе 1947 г. Британская Индия была разделена по религиозному признаку на доминионы Индийский Союз и Пакистан. Пожалуй, самой пострадавшей при этом страной был именно Панджаб, разрезанный комиссией С. Рэдклиффа «по живому». Панджабцы-мусульмане остались в Пакистане, панджабцы-сикхи и индуисты – в Индии, но ввиду чересполосицы проживания миллионам пришлось сниматься с мест и переселяться. Из Пакистана мигрировали 2,5 млн. сикхов [Самыгин, Нечипуренко, 1995, с. 12]. Как известно, переселение сопровождалось взаимной массовой резнёй. Не умаляя ужасов кровопролития и грабежей, историк Гопал Сингх вместе с тем замечает, что впервые в многовековой истории сикхов им выпала возможность компактного расселения [Singh, Gopal, 1988, p. 706].

Ещё в 1944 г., смиряясь с перспективой возникновения мусульманского государства Пакистан, сикхи потребовали выделить государство по конфессиональному признаку и для них – Азад Панджаб («Свободный Панджаб») или Халистан («Страна хальсы»). Однако ни уходящие британцы, ни ИНК не были в восторге от идеи дальнейшего дробления страны по религиозному признаку, и сикхи выбрали Индию. Хотя лидер Мусульманской Лиги Мухаммад Али Джинна видел Пакистан светским государством, сикхи уже имели богатый опыт жизни под властью мусульман (XVII – третья четверть XVIII в.), и им хватило. Как многие мусульмане боялись дискриминации

со стороны индуистского большинства в единой независимой Индии, так сикхи страшились дискриминации со стороны мусульманского большинства в Пакистане.

Одним из главных итогов столетия британского господства в Пятиречье стал подъём экономики страны, прежде всего сельского хозяйства. Развивая инфраструктуру Индии, британцы вкладывали немало средств в железнодорожное, а также в ирригационное строительство: с начала XIX в. до 1938 г. общая доля орошаемой площади на субконтиненте выросла с 5–6 до 22% [Roy, 2006, p. 293]. Среди регионов активного строительства оросительных каналов лидировал именно Панджаб по причине своего засушливого климата (другими регионами были Синд, Соединённые провинции и провинция Мадрас). За период 1860–1920 гг. в зону орошения в Панджабе попали 10 млн. акров новой территории [Grewal, 1999, p. 128]. Заселённые участки отвоёванных у степных пустошей земель называют в Панджабе колониями каналов (*canal colonies*).

Индийский штат Панджаб фактически уже не является Страной пяти рек: из пяти притоков Инда здесь остались два — Сатледж и Беас; по Рави проходит государственная граница между Индией и Пакистаном (от района Лахора до района индийского г. Патханкот).

В независимой Индии штат Панджаб тоже не стал сикхским штатом: сикхи делили его с индуистами, которые говорили как на панджаби, так и на хинди. И всё же доля сикхов в новой административной единице существенно выросла: если в 1941 г. в большом Панджабе она составляла 13% (индуистов — 26%), то в 1951 г. в индийском штате Панджаб сикхи составили уже 35% (индуисты — 61%) [Бельский, Фурман, 1992, с. 60]. В 1956 г. был создан штат Панджаб в составе индийской части разделённого Панджаба, районов Шивалика и Союза Патиалы и восточнопанджабских государств (образование из восьми бывших сикхских княжеств, английская аббревиатура PEPSU). Партия Акали Дал во главе с *сантом* (религиозным лидером) Мастером Тара Сингхом (1885–1967)¹ повела борьбу за *Панджаби суба* — штат, где сикхи составляли бы большинство, а языком служил бы панджаби, пользующийся письменностью гурмукхи. Федеральное правительство ИНК во главе с премьер-министром Джавахарлалом Неру и штатовское правительство ИНК во главе с главным министром Пратап Сингхом Кайроном (в должности 1956–64) опасались сепаратизма и упорно не шли навстречу этим требованиям. Тем не менее, Кайрон сделал для штата немало и любил говорить, что он — первый джат во главе Панджаба со времени свержения династии Ранджит Син-

---

¹ Тара Сингх создал школу и был её директором, отсюда почётное прозвище «мастер», которое, по сути, стало частью имени. Выше я упоминал, что английские названия профессий подчас становятся даже фамилией.

гха. Однако после смерти Неру позиции Акали Дал окрепли, и в 1966 г. Панджаб подвергся второму разделу, уже внутри Индии. Его наконец разделили на штат Панджаб, где преобладают сикхи, и два штата, где преобладают индуисты, — Хариана и Химачал-Прадеш. Диалект *харианви*, на котором говорят жители Харианы, считался диалектом языка панджаби, но лингвистическое размежевание произошло по религиозному принципу: панджабцы-индуисты в новом штате перешли на алфавит деванагари. Сейчас оба названных штата включают в «пояс хинди». Удовлетворить требование сикхов разделить штат правительство подтолкнула вторая война с Пакистаном 1965 г., в которой сикхи вновь продемонстрировали военную доблесть, а кроме того, развеяли опасения ИНК относительно своей склонности к сепаратизму. Кстати, говоря уже об индо-пакистанской войне 1971 г., пакистанский генерал Фазал Муким-хан признавал: *«Главная причина нашего поражения — это сикхи. Мы просто не способны ничего поделаться с ними, несмотря на все усилия. Они весьма храбры и не прозь принять мугенигество. Они сражаются отважно и способны победить армию, намного превосходящую их числом»*¹. Это мы видели на протяжении всей их истории.

В середине 1960-х годов произошли изменения в руководстве партии Акали Дал. Позиции Мастера Тара Сингха ослабли: на первый план выдвинулся сант Фатех Сингх (1911–72). Помимо прочего, это было отражением кастовой борьбы внутри партии: кхатри, лидером которых был Тара Сингх, пришлось потесниться в пользу джатов, лидером которых и выступал Фатех Сингх. Напрашивается параллель с реформой гуру Гобинда, который тоже выражал интересы джатской части общины, во многом шедшие вразрез с интересами сикхов-кхатри. В 1967–71 гг. Акали Дал перехватила политическое первенство у ИНК в штате и сформировала четыре правительства подряд.

В социально-экономическом развитии Панджаба 1960-х годов главным процессом стала «зелёная революция», которая обогатила многих крупных землевладельцев и крестьян-джатов и превратила штат в главную житницу Индии. К 1970 г. доля сельской местности в потреблении электроэнергии превысила 35%. За 1960-е годы площадь посевов пшеницы в штате выросла вдвое, а урожайность — впятеро. В 1978–79 гг. на долю Панджаба пришлось более 6 млн. из 11 млн. тонн производства зерновых в Индии [Grewal, 1999, p. 209–210]. К концу 1980-х годов средняя продолжительность жизни по Индии в целом выросла до 47 лет, в штате Панджаб — до 65. Панджабский крестьянин владел каждым пятым трактором и каждым четвёртым трубчатым колодцем в стране [Singh, Gopal, 1988, p. 714; 716, n. 3]. Панджаб был одним из основных очагов «зелёной революции» в мире: внедрение новых сортов

¹ <http://sikhquotes.org/128.html>

сельскохозяйственных культур, новых методов обработки почвы и т.д. требует развитых традиций земледелия, а они именно здесь уже были накоплены столетиями упорного крестьянского труда — помноженного на сикхизм. Сейчас сикхское крестьянство Панджаба является самой зажиточной частью крестьянства Азии [Matringe, 2008, p. 27]. В признании труда этической категорией сикхизм несколько напоминает протестантизм. Не случайно у сикхов так развита деловая хватка. Не случайно они больше других индийцев открыты разным нововведениям.

Экономические успехи привели к нарастанию конфликта с федеральным центром. Дели стремился контролировать цены на зерно, что лишало сикхских землевладельцев и торговцев высоких прибылей. К тому же сикхские предприниматели рассчитывали создавать в штате крупную промышленность, а федеральное правительство постоянно черпало средства из бюджета Панджаба как богатого штата, перераспределяя их в пользу отсталых, — по сути, не давая сикхам запустить современное производство. Тогда в 1973 г. партия Акали Дал на историческом съезде в гурдваре Анандпур Сахиб вынесла резолюцию с требованием предоставить штату полную автономию.

После кончины сантов Тара Сингха и Фатех Сингха в Акали Дал усилилась фракционность. На первый план выдвинулись несколько новых лидеров, в том числе сант Джарнаил Сингх Бхиндранвале (1947–84). В конце 1970-х годов его сторонники взялись за оружие. Сначала последователи Бхиндранвале затеяли стычки с сикхами течения ниранкари (которых не считали за сикхов, видя в них фактор размывания хальсы), но вскоре обратили оружие против индуистов и представителей федеральной власти. Экстремисты развернули кампанию терактов. Премьер-министр Индира Ганди ввела в штате президентское правление. Бхиндранвале сравнивал её с Аурангзебом, а себя позиционировал как нового героя сикхского народа, сопоставимого с самим гуру Гобиндом. Сант с боевиками окопался в храмовом комплексе Хари Мандира в Амритсаре. В начале июня 1984 г. индийская армия по приказу Индиры Ганди провела операцию «Голубая звезда»: храмовый комплекс был взят штурмом, Бхиндранвале и многие боевики погибли. Однако в ходе операции погибло и много сикхских паломников (они в это время отмечали мученичество гуру Арджана), комплекс был серьезно поврежден, а Акал Тахт — почти полностью разрушен (по нему били из танков). Сикхская община была шокирована святотатством против главных символов её религии в духе Ахмадшаха Дуррани. Так, два сикха-конгрессиста в знак протеста покинули парламент, а не раз цитировавшийся мной сикхский историк Ганда Сингх демонстративно вернул правительству орден *Падма Шри*. В индийской армии — неслыханное дело — начались волнения и дезертирство солдат-сикхов. Индире Ганди штурм сикхской святыни стоил жизни. 31 октября того же года её расстреляли в упор два её собственных телохранителя-сикха Сатвант Сингх

и Беант Сингх¹. Это вызвало антисикхские погромы в Дели и других городах, в которых погибли более 5 тыс. сикхов. Дошло до того, что толпа в столице забросала камнями автомобиль президента Индии Заил Сингха — сикха по религии.

Разгром боевиков Бхиндранвале не привёл к снижению напряжённости. Часть экстремистов остались на свободе (было несколько независимых друг от друга группировок). Очень важно и то, что, подавляя терроризм, индийские силовые структуры действовали грубо, допустив много перегибов и вопиющих злоупотреблений: были случаи арестов, убийств (в том числе «ликвидаций при попытке к бегству») и пропаж без вести невиновных, пытки родственников боевиков; едва ли не на каждого сикха смотрели как на потенциального террориста, сепаратиста и т.п. А из истории сикхов мы знаем, что этот народ не даёт спуску никаким обидчикам. Неудивительно, что репрессии порождали только противодействие.

В 1985 г. умеренный сикхский лидер сант Харчанд Сингх Лонговал подписал с премьер-министром Радживом Ганди соглашение об урегулировании, но вскоре был убит экстремистами. Последовал новый виток насилия. Сикхские террористы убивали индуистов, чтобы заставить индуистское население штата покинуть его, а это усилило бы позиции сепаратистов (целью было повторить раздел 1947 г. в миниатюре). Как отмечают исследователи, подъёму сикхского сепаратизма способствовал упадок традиционных связей, который вёл к росту страха сикхов перед угрозой раствориться в общеиндийском социуме [Бельский, Фурман, 1992, с. 111]. В 1987 г. в Вашингтоне сикхские эмигранты провозгласили создание независимого сикхского государства Халистан, даже выпустили его марки и денежные купюры. В 1988 г. сепаратисты вновь заняли Хари Мандир и была проведена ещё одна армейская операция, «Чёрный гром» (правда, военные усвоили урок и на сей раз добились сдачи боевиков путём осады).

В 1990-е годы напряжённость в Панджабе сохранялась. Как отметил в 1991 г. один журналист, в штате практически не существовало нормальной власти: на местах заправляли либо боевики, либо полиция. К 1992 г. число жертв терроризма дошло до 20 тыс. человек [Matringe, 2008, p. 247]. В 1995 г.

---

¹ В англо-индийской армии (не на фронте) ещё во время второй англо-сикхской войны служили сикхи — по-видимому, из княжеств Мальвы, давно политически связанных не с Панджабом, а с Ост-Индской Компанией. В 1848 г. генерал-губернатор Далхузи, сообщая председателю Контрольного совета Хобхаусу о ходе войны, приписал: «Довольно странно добавить, что в данный момент меня охраняет сикхский полк и у моей двери стоит часовой-сикх!» [The Punjab Papers, 1970, p. 195]. Хобхаус написал в ответ, что Далхузи не должен подвергать свою жизнь ни малейшему риску: если сипай-сикхи подобны повстанцам-сикхам, «их главное и опасное качество — измена» [The Punjab Papers, 1970, p. 204]. Однако тот часовой не стал предтечей Сатвант Сингха и Беант Сингха.

террорист-смертник взорвал главного министра штата, лидера панджабского отделения ИНК(И)¹ Беант Сингха. Однако к концу 1990-х годов ситуация стала постепенно стабилизироваться. Индийские спецслужбы отстреляли лидеров нескольких группировок, сбив накал экстремизма; в то же время власти начали признавать законность многих сикхских требований. На сегодняшний день кризис, к счастью, позади.

Наиболее авторитетной организацией общины остаётся ШГПК, координирующая деятельность всех сикхских организаций, в том числе Широмаи Акали Дал, которых насчитывается сейчас шесть. Одна из них, Широмаи Акали Дал (Бадал²) с 2007 г. находится у власти в штате в коалиции с общеиндийской Бхаратия Джаната Парти.

В 2004 г. представитель сикхской общины — Манмохан Сингх, член партии ИНК(И), — впервые в истории независимой Индии стал премьер-министром страны.

О мировой сикхской диаспоре я частично сказал во введении. Она насчитывает сейчас более 4 млн. сикхов, или 17% их общего числа; доля эмигрантов у сикхов больше, чем у адептов других религий Индии. За пределами Индии сикхи проживают главным образом в бывших странах Британской империи и в США. Массово эмигрировать в поисках лучшей жизни они стали к концу XIX в.

Вместе с другими индийцами сикхи ехали в британские владения в Восточной Африке — на строительство железной дороги через Кению в Уганду, занимали мелкие административные должности, пускались в торговлю и, конечно же, вербовались в колониальные гарнизоны. В Уганде уже к 1903 г. индийцы взяли в свои руки большую часть розничной торговли [Успенская, Котин, 2007, с. 286].

Среди законтракованных работников-индийцев в заморских колониях панджабцев было очень мало, а сикхов не было вовсе. Все сикхи уезжали как свободные мигранты. В Юго-Восточной Азии и Гонконге бывшие сипаи часто находили работу полицейских и сторожей. Первая сотня полицейских-сикхов появилась в Гонконге ещё в 1867 г. В Британскую Колумбию первые панджабцы попали в 1903 г. Сикхов было много среди рабочих, строивших Восточно-африканскую железную дорогу в конце 1890-х годов. Если в другие колонии ехали преимущественно джаты, то здесь требовались люди с ремесленными навыками; поэтому сюда ехали сикхи из каст *лохары* (кузнецы), *сутхары* (плотники) и других, которые собирательно называют себя *рамгархиа* (по имени выдающегося представителя их общности в XVIII в. — сарда-

¹ Индийский национальный конгресс (Индира) — партия, возникшая в 1977 г. при очередном расколе ИНК.

² Её лидер — Паркаш Сингх Бадал (род. 1927), который и является сейчас главным министром штата (на протяжении своей политической карьеры — уже 4-й раз).

ра Джасса Сингха Рамгархиа, который, как мы помним, принадлежал к касте плотников). После изгнания индийцев из Уганды диктатором Иди Амином в 1972 г. многие из них переехали в Британию, и сейчас сикхи-рамгархиа составляют там особую общину (идентичность через касту и регион эмиграции — Восточную Африку).

Интересно, что миграция сикхов и других индийцев в Восточную Африку внесла вклад в обострение некоторого соперничества между Великобританией и Британской Индией, которые историк Р.Дж. Блит назвал полюсами-близнецами (*twin poles*) Британской империи. У колониальных властей Калькутты, а затем Дели имелись собственные экономические и политические интересы, которые иногда сталкивались с интересами правительства в Лондоне. В частности, когда в ходе Первой мировой войны британцы захватили у Османского султаната Багдадский пашалык (Междуречье), Дели попытался не только оставить эту территорию в зоне своего управления, но и переподчинить себе Кению и отнятую у немцев Танганьйку — выдвинув идею колонизации этих территорий индийцами (см.: [Blyth, 2003]). Если бы этот проект состоялся, в современном Ираке, возможно, существовала бы многочисленная индийская община.

Впрочем, в странах Персидского залива сикхская диаспора присутствует. После нефтяного кризиса 1973 г. здесь вырос спрос на рабочую силу, что привело к массовому въезду индийцев и пакистанцев.

После деколонизации Африки индийское население освободившихся Кении, Танзании и особенно Уганды подверглось дискриминации: коренные африканцы были недовольны непропорционально большой ролью индийцев в экономике этих стран. В Уганде при диктаторе Иди Амине (1971–79) все индийцы были высланы из страны. Правда, на экономическом развитии данных африканских стран это сказалось отрицательно. Поскольку у проживавших там индийцев паспорта были британские, многие уехали из Африки не на родину, а в Великобританию, став в этой стране демографическим наследием имперской эпохи.

Ехали сикхи и в страны Британской империи к востоку от Индии — в Стрейтс Сеттлментс (три британские колонии в Малаккском и Джохорском проливах — Пинанг, Малакка, Сингапур), Малайю, Гонконг, британское экстерриториальное поселение (*сеттлмент*) в Шанхае. Поскольку в Юго-Восточную Азию они неизменно приезжали через Калькутту, а военнослужащие-сикхи служили в армии Бенгальского президентства, в малайском языке для обозначения сикха устоялось название *Benggali* (хотя сикхи в Малайзии нередко обижаются). На новом месте сикхи брались за привычные занятия торговцев, ремесленников, полицейских. Так, в Гонконге в 1929 г. все полицейские (774 человека) были сикхами [Успенская, Котин, 2007, с. 303].

Сейчас более половины сикхской диаспоры живёт в Северной Америке. Первой страной, которую начали осваивать тут сикхи, была Канада. Двинувшись через Тихий океан, они стали оседать в приморской провинции Канады Британская Колумбия. Многие тоже находили здесь трудоустройство на строительстве железной дороги — Канадско-Тихоокеанской, которая связала два побережья огромной страны (канадский аналог Транссибирской магистрали). По окончании строительства многие оставались в Канаде в качестве рабочих на лесопильных фабриках Ванкувера. Однако в начале XX в. канадские профсоюзы обеспокоились экономической конкуренцией дешёвой индийской рабочей силы, и в 1908 г. правительство доминиона запретило индийскую иммиграцию. В 1914 г. случился известный эпизод с японским пароходом «Комагата-мару», который зафрахтовал предприниматель Гурджит Сингх, чтобы попытаться создать юридический прецедент въезда сикхов в Канаду из Гонконга. Попытка не удалась: судно два месяца простояло в порту Ванкувера, так как власти не разрешили 376 пассажирам ступить на берег, после чего отправилось обратно через Тихий океан в Калькутту. Негостеприимно встретила их и Индия: британские власти уже знали о деятельности активистов организации Гхадр и опасались въезда любых сикхов из Америки. Они собрались принудительно отправить пассажиров «Комагата-мару» из Бенгалии напрямик в их родной Панджаб (сразу с корабля на поезд). Столь бесчеловечное обращение привело к тому, чего власти и пытались избежать; в итоге войска стреляли по толпе протестующих сикхов, перебив 18 человек.

В результате индийцы, включая сикхов, переориентировались с Канады на США: принялись осваивать штаты западного побережья, прежде всего Калифорнию. Сикхи становились здесь сельскохозяйственными рабочими, арендаторами, железнодорожными строителями. Разбогатев, многие превращались в зажиточных фермеров. Правда, в 1917 г. американские власти последовали примеру северных соседей и запретили иммиграцию из Индии. В 1946 г. запрет сняли, да и в Канаде теперь либеральное иммиграционное законодательство. Доля сикхов в индийской общине США составляет 30–40%. Многие из них — процветающие бизнесмены, учёные, фермеры. Есть среди американских сикхов миллионеры. Так, доход Даршан Сингха Дхаливала из Чикаго превышает годовые поступления в бюджет штата Панджаб [Успенская, Котин, 2007, с. 316].

Ехали и едут сикхи ещё в одну группу англоязычных стран — Австралию и Новую Зеландию. В начале XX в. эти страны тоже ужесточали иммиграционные законы, но в середине столетия смягчили.

И конечно, многочисленная сикхская диаспора существует в бывшей метрополии Индии. Едва ли не первым её представителем в Великобритании был Далип Сингх. Наибольшая концентрация сикхов здесь — в районе Саутхолл на западе Лондона, в городах Лидс и Ковентри.

Сикхская диаспора в мире настолько разветвлённая, что, как любят шутить сикхи, их единоверцы обитают и в Антарктиде, а когда американский космонавт Нил Армстронг высадился на Луне, он встретил там пашущего поле сикха-джата [Успенская, Котин, 2007, с. 304]. Как я упомянул во введении, сикхская диаспора имеет репутацию одной из наиболее зажиточных диаспор в мире. Достаточно сказать, что за пределами штата Панджаб сикхи владеют землёй, которая по совокупной площади превышает площадь самого штата.

История сикхской общины периода XVI — первой половины XIX в. исключительно богата и насыщена событиями. Это один из самых ярких в мировой истории примеров того, как религиозная община постепенно превратилась в политику: создала княжество, затем дюжиной княжеств охватила весь Панджаб и наконец построила довольно значительную по размерам империю. Историю сикхской общины рассмотренного в книге периода можно разделить на семь периодов (им соответствуют главы монографии). Подытожим их.

Первый период — XVI в. Это эпоха становления сикхской общины. Собственно, отдельной религиозной общиной она и стала лишь к началу XVII в. На XVI в. приходится жизнь и руководство общиной первых пяти гуру сикхизма: Нанак (годы жизни — 1469–1539), Ангад (годы гурта — 1539–52), Амар Дас (1552–74), Рам Дас (1574–81) и Арджан (1581–1606). В политической истории Индии в целом и Панджаба в частности на эту эпоху пришлось основание и подъём Могольского султаната, с которым в XVIII в. у сикхов будет постоянный и острый вооружённый конфликт.

Гуру Нанак синтезировал идеи религиозных течений бхакти и суфизма и заложил основные социальные институты, которые позволили сикхской общине выжить (в отличие от большинства других, близких по духу движений, которые не породили отдельных сплочённых общин). Это институт гуру — духовного наставника сикхов («учеников»), который передаёт своё качество по наследству наиболее достойному приверженцу. Также это институт лангара — общественной столовой, где последователи гуру сидят за общей трапезой независимо от кастовой принадлежности. Лангар выполнял важную функцию на пути освобождения сикхов от пут индуистского общества (хотя, несмотря на усилия гуру, каста «проросла» и в сикхизме).

Учение Нанак получило отклик в панджабском обществе как утверждение социального равенства людей через равенство перед богом. Последователями этого учения начали становиться представители родной касты гуру — кхатри (писцов и счетоводов), а также ряда более низких каст, представители которых видели в этом учении средство повысить свой социальный статус в индуистском обществе с его жёсткой кастовой системой. Наряду с джайнизмом, буддизмом и течением бхакти сикхизм был очередной попыткой в

религиозной форме нейтрализовать или, по меньшей мере, смягчить, **размягчить** эту систему, сделать её податливой для социального подъёма определённых групп **относительно** других, которые успели занять господствующие позиции в обществе и «освятить» их религиозными установлениями.

Второй гуру сикхов Ангад содействовал развитию общины в духе Нанака. Ему приписывают изобретение новой письменности — алфавита *гурмуки* («уста гуру»), которым пользуются панджабские сикхи по сей день.

Третий гуру Амар Дас систематизировал учение и терминологию Нанака, чтобы отделить их от таковых индуизма; ввёл для членов общины новые обряды жизненного цикла и учредил общие собрания сикхов на праздники, опять же с целью сплотить общину и отделить её от индуистского социального окружения. При Амар Дасе община сикхов уже разрослась настолько, что гуру провёл административно-территориальную реформу: создал 22 отделения общины, поставив над каждым по заместителю-масанду. Первоначально функции масандов состояли только в проповеди учения Нанака и организации лангаров.

Четвёртый гуру Рам Дас занимался расширением ареала распространения учения Нанака и стал основателем династии гуру: начиная с него, гурта стала переходить по наследству от отца к сыну (или внуку) внутри семьи.

Особое место в череде сикхских гуру занимает пятый, Арджан. При нём сикхизм окончательно выделился как отдельная от индуизма религия. К этому же времени сикхская община переросла рамки чисто религиозного сообщества и стала превращаться в политику.

Гуру Арджан создал географический центр сикхизма — построил в основанном Рам Дасом Амритсаре главный храм Хари Мандир. Также он систематизировал религиозные сочинения своих предшественников и в 1604 г. составил священное писание Ади Грантх. В книгу вошли не только гимны пяти гуру, но и стихи их идейных предшественников, как индуистов-бхактов, так и мусульман-суфиев, которые призывали почитать единого бога в своём сердце, не обращая внимания на внешние формы поклонения. В сфере социально-административной Арджан сделал добровольные подношения членов общины своему гуру обязательными (в размере десятой части дохода). По сути это было возникновение налоговой системы сикхов — параллельной налоговой системе Могольского султаната. Соответственно, Арджан отступил от традиции прежних гуру жить как скромные святые люди, завёл себе подобие княжеского двора и вооружённую охрану. Последователи начали называть своего гуру *сага надшах* — «истинный царь». В первую очередь имелся в виду его духовный авторитет, но появление такого термина отражало и подъём общины как политического организма.

Если в течение XVI в. сикхизм был религией в большей степени членов касты кхатри и в меньшей — джатов и членов низких каст, то с периода гур-

та Арджана начался массовый переход в сикхизм джатского, а также низкокастового населения ряда районов Панджаба. Видя в укреплении своей общины как **политии** условие сохранения **религии**, которая помогала им претендовать на повышение своего социального статуса, сикхи, особенно джаты и низкокастовые, поддерживали тенденцию к превращению своего гуру из духовного наставника в теократического правителя. Результатом было вызревание автономного сикхского княжества внутри Могольской империи. Объективно это было покушение на политический *status quo*. Правда, при жизни падишаха Акбара (правил в 1556–1605), который стремился обеспечить мирное сосуществование своих подданных разных конфессий, империя ещё не трогала сикхов. Напротив, Акбар покровительствовал им, дважды наносил их гуру визит.

После смерти Акбара отношения сикхов с Моголами стали быстро ухудшаться. Когда на трон вступил его сын Джахангир (1605–27), а его собственный сын поднял против него мятеж, гуру Арджан имел неосторожность оказать принцу определённую помощь. Подавив выступление сына, Джахангир использовал помощь ему со стороны гуру как предлог, чтобы привести к покорности подозрительную религиозную общину с собственными налогами и гуру-князем. В 1606 г. Арджана схватили и казнили.

Второй период сикхской истории охватывает **большую часть XVII в.** Общиной в эту эпоху руководили гуру Харгобинд (гурта: 1606–44), Хар Раи (1644–61), Хар Кришан (1661–64) и Тег Бахадур (1664–75).

Шестой гуру Харгобинд продолжил линию своего отца Арджана на превращение религиозной общины сикхов в политический организм. Он открыто объявил, что сикхским гуру принадлежит теперь не только духовный авторитет (*пири*), но и светская власть над членами общины (*мири*), рядом с главной гурдварой в Амритсаре построил правительственную резиденцию Акал Тахт, поощрял развитие у сикхов физической силы и боевых навыков, набрал внушительный военный отряд. Идейные основы сикхизма претерпевали коренные изменения: от ненасилия в духе Нанака сикхи переходили к идее допустимости физического, вооружённого отпора в случае гнёта.

В правление Джахангира Харгобинд кое-как ладил с Могольским султаном. Применив метод кнута (казнь Арджана и заточение Харгобинда), Моголы опробовали и пряник: попытались интегрировать сикхов в свою империю, предоставив гуру полицейские функции на части территории Панджаба. Однако с воцарением Шаха Джахана (1628–58) отношения резко ухудшились. К концу 1620-х — началу 1630-х годов относятся первые столкновения между войском гуру и могольскими отрядами, в которых сикхи, как правило, одерживали верх. По сути сикхские гуру очертили для себя определённую территорию в качестве наследного княжества. Под боком у Дели вызревала новая региональная полития.

При следующем представителе складывающейся династии — седьмом гуру Хар Раи — стычки с Моголами спорадически продолжались. Показательно, что во время очередной войны принцев за трон гуру открыто вмешался в борьбу за власть, поддержав одну из сторон — принца Дара Шукоха. Однако победил и стал шахом другой претендент — мусульманин строгого толка Аурангзеб (1658–1707), воцарение которого не сулило сикхам ничего хорошего.

Восьмой гуру Хар Кришан был ребёнком и умер от оспы в Дели, куда шах вызвал его, рассчитывая воспользоваться конфликтом внутри семьи гуру по поводу власти.

В начале правления девятого гуру Тег Бахадура в общине возникли серьёзные разногласия, и гуру предпочёл временно уехать из Панджаба, чтобы заручиться поддержкой сангатов Восточной Индии. Вернувшись, он перенёс ставку к подножию Шивалика в Анандпур, подальше от центров могольской власти. Тег Бахадур продолжал меры, направленные на укрепление как духовной, так и политической власти гуру. В истории Могольского султаната это уже было время начала распада империи. Аурангзеб реагировал на эти процессы религиозными гонениями на индуистов и шиитов, жестоко подавляя восстания. Когда покровительства у Тег Бахадура просили брахманы из Кашмира, в Дели это расценили как вызов имперской власти. В 1675 г. девятого гуру арестовали и обезглавили, сделав вторым гуру-мучеником.

Третий период приходится на **конец XVII — начало XVIII в.** Это переломный момент в истории общины. Возглавляли её в это время два харизматических лидера: десятый гуру Гобинд Сингх (гурта: 1675–1708), а после его гибели — его сподвижник Банда Бахадур.

При сыне Тег Бахадура Гобинде сикхи вступили в вооружённое противостояние с горными раджами Шивалика, которые почувствовали в гуру конкурента за лояльность низкокастовой части населения. Скоро в этот конфликт на стороне раджей вмешались могольские власти. Реакцией Гобинда стала социально-религиозная реформа 1699 г., благодаря которой он превратил часть сикхской общины в милитаризованное сообщество — хальсу. Гуру акцентировал принцип равенства членов общины, внедрил идею коллективного принятия решения (гурмата) и ввёл внешние признаки принадлежности к хальсе (правило «пяти к»).

Реформа Гобинд Сингха закрепила преобладание в сикхской общине выходцев из касты джатов и ряда низких каст. Одновременно он провёл административную реформу: упразднил должности масандов, которые стали наследственными князьками, ограничивавшими власть гуру. При Гобинде начавшийся за сто лет до этого процесс милитаризации сикхской общины завершился. Она превратилась в мощную боевую машину. В социально-экономическом плане подъём сикхизма отражал улучшение экономического по-

ложения доминирующих сельских каст Панджаба, которые больше не хотели делиться значительной долей собираемого прибавочного продукта с имперской властью. Собственно, это и была главная причина распада Могольского султаната по всей Индии.

Подъём сикхов — один из наиболее ярких примеров того социального процесса, который привёл Моголов к гибели. Отчасти этот подъём был причиной распада султаната, но отчасти — и его следствием: разрушение ткани империи расширяло для сикхов, прежде всего для их землевладельческой верхушки, ниши в социально-экономической и политической жизни Индии, вселяло в них смелость осуществлять дальнейшее давление на империю снизу, разрушая её ещё больше.

Создавая прочное братство воинов, Гобинд по сути имитировал мусульманский опыт, ведь ключом к военно-политическим успехам исламской общины в Индии всегда была её сплочённость перед лицом огромной индуистской массы. По инициативе своего гуру сикхи выработали ещё большую сплочённость — по мусульманам их же оружием.

Сразу после реформы Гобинда сикхи вступили в острейший военный конфликт с раджами-соседями и с Аурангзебом. Гуру нанёс им ряд поражений, но в конце концов Моголы выбили сикхов из Анандпура. В ходе противостояния погибли все четверо сыновей Гобинда. В 1707 г. Аурангzeb умер. Сикхи ещё не мыслили своё княжество за рамками всеиндийской (Могольской) империи, поэтому в очередной войне принцев за трон Гобинд поддержал одного из них, а после его победы искал у него управы на могольского наместника Панджаба. В 1708 г. Гобинд Сингх был убит — скорее всего, наёмником этого наместника. Объективно его смерть была выгодна Моголам в целом, и конфликт сикхов с шахской властью возобновился. Умирая, десятый гуру — третий по счёту гуру-мученик — завещал, что впредь сикхи должны считать своим гуру не живого человека, а священную книгу Ади Грантх (Гуру Грантх). Деятельность Гобинда подготовила сикхскую общину к рывку во власть, который она совершила в первой — третьей четверти XVIII в.

Любопытно, что эпоха десяти сикхских гуру (1524–1708 гг., если отсчёт вести с возвращения Нанака из странствий) почти полностью совпадает с эпохой правления шести первых могольских шахов, от Бабура до Аурангзеба, которых можно назвать по-настоящему Великими Моголами (1526–1707). В истории сикхов это период становления общины и политики; в истории империи это период становления, расцвета и начала упадка. С начала XVIII в. «кривая» развития сикхов продолжает, хотя и медленно, ползти вверх, тогда как Могольского султаната — всё стремительнее понижается (руку к этому приложили и сикхи).

После мученичества Гобинд Сингха во главе сикхов встал Банда Бахадур. Он организовал хальсу на дальнейшее сопротивление империи, одержал ряд

крупных побед и основал к западу от Дели первую полностью независимую сикхскую политику. Основой успеха Банды Бахадура стала проведённая им аграрная реформа, отвечавшая интересам земледельцев-джатов. Для покорения сикхов могольскому шаху пришлось выступить против них лично. Тогда те развернули партизанскую борьбу, которая стала отличительной чертой сикхского сопротивления до 1760-х годов. В 1716 г. Моголы варварски казнили Банду Бахадура.

Четвёртый период истории сикхов (**1710–60-е годы**) — это борьба с уже распадающейся Могольской империей, а также с захватчиками — персидским Надир-шахом и афганским Ахмад-шахом. Это самая тяжёлая и трагическая эпоха сикхской истории, период партизанских войн сикхов и развёрнутого против них геноцида.

После гибели Банды община вновь оказалась без лидера. И тут вскрылся демократический потенциал хальсы, заложенный кастовыми принципами крестьян-джатов и усиленный гуру Гобиндом. Непримируемая часть сикхов показала удивительные способности к самоорганизации. Сикхи собирались в отряды и вели перманентную войну с могольскими чиновниками. Имперские назимы Лахора отвечали облавами и массовыми казнями. В начале 1730-х годов империя изменила тактику, попытавшись вновь интегрировать сикхов, как при гуру Харгобинде. Однако вскоре конфликт вспыхнул с новой силой. Власти подавляли повстанцев, не заботясь о социальных последствиях, и их жестокости оттолкнули значительную часть панджабского населения (сикхов, мусульман, индуистов), которая искала защиты у партизан-сикхов. Те в обмен на выплату пятой части доходов (*ракхи*) брали под своё покровительство целые деревни и местности, крестьян и крупных землевладельцев. Взяв с них «ренту за защиту», сикхи по сути создавали параллельную могольской налоговую администрацию (сходный процесс происходил на Декане, где власть Моголов рушили маратхи).

В 1739 г. Северо-Западная Индия подверглась разорительному нашествию Надир-шаха Афшара, который разграбил Дели. Могольская власть в Пятиречье пошатнулась, и сикхи воспользовались этим. Власти продолжали карательные экспедиции, не щадя даже святынь сикхизма. В 1746 г. они устроили крупное избиение сикхов, вошедшее в историю последних как Малая гхаллугхара («резня»).

В 1748–67 гг. Северо-Западную Индию регулярно грабил новый завоеватель — Ахмад-шах Дуррани. Для сикхов он стал лютым врагом, так как огнём и мечом пытался включить Панджаб в состав своей империи. 1762 год стал для сикхов годом Великой гхаллугхары, когда афганцы вырезали до 30 тыс. сикхов, среди них много мирного населения. В практику Ахмад-шаха вошли рейды на священный город Амритсар: афганцы регулярно взрывали Хари Мандир и засыпали священный водоём, а сикхи упорно восстанавливали свои святыни.

К концу 1760-х годов стало ясно, что Ахмад-шаху не сломить сикхов. Во время своих последних походов Дуррани не смог продвинуться восточнее Лахора именно из-за их сопротивления. Сикхи стали в Панджабе главной военной силой. Страна пяти рек наконец выпала и из Могольской, и из Дурранийской империй и перешла под власть сикхских сардаров. Ещё к середине XVIII в. у сикхов наметилось деление на клановые военные организации — мисалы. С установлением политического контроля над Панджабом сикхские мисалы превратились из вооружённых отрядов в территориальные княжества, которые и поделили между собой Страну пяти рек.

В истории Южной Азии XVIII в. сикхи — это единственная сила, которая (уже с восстания Банда Бахадура) бросила вызов Могольскому султанату как верховной власти. Все остальные силы, включая даже британскую Ост-Индскую Компанию (когда та начала превращаться из купца в державу-купца) были готовы существовать под эгидой империи, не оспаривая её формального верховенства. Сикхи перед Павлиньим тронем не склонились.

Период мисалов (1765–99) — пятый период сикхской истории, период раздробленности. Избавившись от внешних врагов (Моголов, афганцев), сикхи погрязли в междоусобицах. Мисалы (Ахлувалиа, Бханги, Рамгархия и др.) нередко воевали друг с другом, и их границы менялись по принципу калейдоскопа.

Воевали сикхи и с соседями — афганцами, а также «огрызком» Могольского султаната. Будучи непосредственными соседями Дели, сикхи Мальвы совершали постоянные набеги на окрестности столицы бывшей империи. Позднее, с завоеванием Дели маратхами с юга, сикхи вступили в конфликт и с ними.

Шестой период (1799–1839) — правление в Лахоре объединителя Панджаба под властью сикхов великого саркара **Ранджит Сингха**. Это был наследник сардара одного из мисалов (Сукарчакиа), отличался храбростью, дальновидностью и умением выбирать и возвышать талантливых и преданных ему людей. Ранджит выдвинулся как организатор сопротивления набегам афганского Заман-шаха в 1790-е годы. В 1799 г. он отвоевал у сардаров враждебного мисала Лахор. Объединившись династическим союзом с рядом мисалов, Ранджит постепенно подчинил другие мисалы и собрал Страну пяти рек под своей властью. В 1809 г. он заключил с крупнейшей державой Индии — британской Ост-Индской Компанией Амритсарский договор о дружбе и границе. Этот договор отдал под эгиду Компании мелкие сикхские княжества левобережья реки Сатледж, но обезопасил тыл саркара и позволил ему продолжать завоевания и вынести их за пределы Панджаба, превратив его в империю. К середине 1830-х годов сикхи владели Мултаном, Кашмиром, правобережьем Инда с Пешаваром, даже Ладакхом. Ранджит собирался развернуть экспансию и на эмираты Синда, но был вынужден уступить там позиции Ост-Индской Компании.

Ранджит Сингх был выдающимся правителем, во многом восстановил в Панджабе разрушенную в войнах XVIII в. детализированную административную систему Моголов, пользовался популярностью в народе, отличаясь щедростью и религиозной терпимостью. Своими военными успехами он обязан модернизации вооружённых сил — созданию с 1800-х годов армии, обученной и вооружённой по европейскому образцу, с преобладанием пехоты (прежде сикхи воевали в основном верхом), а также поддержанию дружеских отношений с державой Ост-Индской Компании. С 1820-х годов армию Ранджита обучали бывшие наполеоновские офицеры, привлечённые на службу саркара высоким жалованьем.

Однако созданная Ранджитом империя оставалась политией патримониального типа, где не существует отделения личности от титула или должности и все нити управления завязаны на фигуре правителя как конкретного лица. Со смертью Ранджита в 1839 г. в Панджабской империи вырвались на свободу мощные центробежные тенденции.

Седьмой период — нарастание **конфликта Панджаба с Ост-Индской Компанией** и две англо-сикхские войны, которые завершились присоединением страны к Британской Индии (1839–49).

После смерти Ранджит Сингха в Лахоре наступила длительная борьба за власть между претендентами на престол и группировками знати, на которые они опирались (семьи сикхского сардарства, раджи-догры). Среди преемников Ранджита преобладали люди слабохарактерные, служившие марионетками в руках временщиков. 1839–45 гг. отмечены дворцовыми переворотами с цареубийствами. Стороны конфликтов втянули в них армию, наперебой повышая ей жалованье. В конце концов реальная власть в стране и перешла к солдатским панчаятам.

Это способствовало стабилизации обстановки, но сардарство, дарбар очень тяготились контролем армии. Избавиться от него был только один способ — устранить армию физически с помощью внешней силы. Такой силой могла выступить только Ост-Индская Компания. Та к 1840-м годам уже консолидировала свою власть на основной территории Индии и была не прочь отойти от договора 1809 г. и поставить под контроль Страну пяти рек как последнюю независимую политику субконтинента.

Лахорский дарбар по договорённости с британцами спровоцировал переправу сикхской армии на левый берег Сатледжа. Хотя то была сикхская территория, Компания ухватилась за это как за предлог к войне. Впрочем, британцев сикхи воспринимали как потенциального противника ещё с англо-афганской войны рубежа 1830–40-х годов, предчувствуя, что Панджаб — следующий объект экспансии.

Первая англо-сикхская война (1845–46) — одна из самых тяжёлых войн в истории как сикхов, так и британцев в Индии. Выкованная Ранджит Синг-

хом военная машина дала достойный отпор британцам. К тому же в отличие от армий других индийских княжеств, которые были чисто наёмными, сикхи сражались с британцами за родную страну, с которой чувствовали неразрывную связь и власть в которой (да и само существование) выстрадали двумя столетиями гонений. Британцы серьёзно недооценили противника и едва не потерпели поражения. Спасло их во многом предательство панджабского дарбара и командования, которые вредили своей армии как только могли. По мирному договору Панджаб уступил Ост-Индской Компании ряд территорий и сократил армию. По дополнительному соглашению оккупационные силы Компании оставались в Панджабе до 1854 г. и в Лахоре появился её резидент — формально посланник, а фактически правитель страны.

Однако воля сикхов к независимости ещё не была сломлена. Это продемонстрировала вторая англо-сикхская война (1848–49). Теперь британцы формально действовали от имени малолетнего саркара Далип Сингха (которого контролировали в Лахоре), якобы подавляя мятеж. Сикхи, хотя вновь с большим трудом, были разгромлены, после чего Компания неожиданно аннексировала Панджаб, сделав его провинцией Британской Индии.

За всю историю британской экспансии в Индии именно к англо-сикхским войнам в наибольшей степени применимо выражение «нашла коса на камень». К.Н. Леонтьев заметил по поводу чехов, что они — это оружие, которое славяне отбили у немцев и против немцев же обратили. По аналогии армию Ранджита можно назвать оружием, которое сикхи заимствовали у европейцев и против них же выставили. Англо-сикхские войны — самая героическая страница сикхской истории и пожалуй, наиболее тяжёлые войны из всех, которые когда-либо вела в афро-азиатском мире Британская империя с противником, учившимся у Европы, — за исключением японцев во Вторую мировую войну (южноафриканские буры — не в счёт, это европейские переселенцы).

История сикхской общины XVI – середины XIX в. представляет собой один из самых ярких в мировой истории примеров коренной трансформации религиозной общины в милитаризованное сообщество и создания ею собственной политики. Претерпели эволюцию и идеи, скреплявшие общину: от идеи ненасилия первого гуру Нанака сикхи перешли к идее воздаяния злом за зло, которую окончательно утвердил десятый гуру Гобинд Сингх. Сикхские гуру проделали внушительный путь — от мирного проповедника до предводителя религиозной общины воинов. Соответственно, немалый путь проделали их последователи — от сикха к сингху, от смиренного ученика гуру-проповедника к воину-льву, идущему на смерть за своим гуру-полководцем. Налицо колоссальная эволюция принципов религии и характера общины.

В частности, сикхи в корне изменили значение уходящего в глубь тысячелетий индийского термина *гуру*. Если в индуизме, джайнизме, буддизме этот термин обозначал исключительно религиозного и нравственного наставника,

то в сикхизме, по причине уникальной роли в нём сообщества верующих как социального организма, он стал обозначать теократического главу этой общины; не только вероучителя, но и правителя, и полководца на поле брани. Правда, исходно, в стихах Нанака, термин *гуру* чаще обозначал бога либо символический объект-посредник, который помогает человеку достичь бога (лестница, лодка, река), либо имя бога как объект медитации — нежели человека как духовного учителя. Однако постепенно термин эволюционировал именно в эту сторону [Захарьин, Хохлова, 1995, с. 10–13]. Ну а с превращением сикхской общины в политику термин *гуру* приобрёл двойственную природу, обозначая духовного и светского главу общины (*пири* и *мири*). Впрочем, сочетание *Вахегуру*, «Слава бога», широко употребляется для обозначения сикхского бога и поныне, в том числе, естественно, при рецитации Гуру Грантх.

В отечественной индологии проведено любопытное сравнение движения сикхов с движением гуситов в Чехии XV в. и вообще с движениями ранней Реформации в Европе (лолларды, анабаптисты и др.) (см.: [Ванина, 1993, с. 138–154]). Между указанными движениями в Панджабе и Европе действительно есть немало внешнего сходства: выражение в религиозной форме интересов средних и низших социальных слоёв (джаты как становящийся слой землевладельцев — и одновременно низкие касты в Панджабе; среднее и мелкое дворянство, зажиточное крестьянство — и одновременно крестьяне-бедняки и городской плебс в Чехии); стремление избавить религию от института профессиональных посредников между богом и верующими (жрецы-брахманы в Индии, католическая церковь в Европе), приблизить религию к народу путём отказа от эзотерического языка священных текстов (санскрит, латынь), перерастание религиозного движения в социально-политическое и военное (противостояние сикхов с раджами Шивалика, Моголами и афганцами; участие лоллардов в восстании Уота Тайлера 1381 г., гуситские войны 1419–34 гг.). Правда, придерживаясь взгляда на индийское доколониальное общество как на общество феодальное, Е.Ю. Ванина считает сикхизм и гуситское движение в целом сходными явлениями в силу того, что оба идейно и социально подготавливали (пусть в отдалённой перспективе) конец феодализма. Не разделяя точку зрения на индийское общество как на феодальное, считаю, что аналогии уместны, но только поверхностные, внешние.

К тому же у движений Реформации есть с сикхизмом по меньшей мере одно принципиальное **идейное** различие. Реформаторские движения в Европе были движениями по сути фундаменталистскими, нацеленными на возвращение к истокам религии; провозглашали единственным авторитетом Библию и призывали следовать её букве. Сикхские гуру, в отличие от современника Нанака — М. Лютера, как мы видели, прохладно относились к авторитету древних Вед, упанишад, шаштр; фундаменталистским течением сикхизм на-

звать нельзя. Правда, Нанак обвинял и индуистов и мусульман в отходе от предписаний их собственной религии; однако главной в его учении была идея живого общения с божеством при почти нулевой роли священных текстов и обрядов.

С кем ещё можно отчасти сравнить сикхов, так это со средневековой христианской сектой катаров. Катары (самоназвание — «добрые люди») возникли как протест против католической церкви (хотя создали собственную), делали упор на равенство и честный труд как необходимые составляющие праведной жизни. Как и Нанак, их вероучители стояли за непотворение злу — но когда против катаров начался крестовый поход (Альбигойские войны 1209–29 гг.), они, подобно сикхам при гуру Харгобинде и позднее, взяли за оружие с целью самообороны. Как не вспомнить бейт *Зафарнамы*: «Лишь если другое не сможет помочь, // Позволено саблей врага превозмочь». Однако и в этом случае аналогии между двумя движениями правомерны только внешние.

Параллели с сикхами просматриваются и в исламской истории. Религиозная община арабов-мусульман в VII в. тоже создала империю. Однако отличие их экспансии от сикхской заключается в том, что мусульмане сделали свою религию не просто идейным средством борьбы с врагами (как сикхи позднее), а инструментом создания империи, покорения других народов и конфессиональных общин. Сикхи ни в период мисалов, ни при Ранджит Сингхе и его преемниках не превращали свою религию в господствующую и оставались конфессиональным меньшинством.

В религиозной общине сикхов, возникшей в начале XVI в., уже был заложен, хотя до поры пребывал «в спящем состоянии», потенциал превращения в политику. Он заключался в социальной направленности учения Нанака, в нацеленности на преодоление социальной несправедливости (добавим к этому фигуру лидера общины, обладающего исключительным моральным авторитетом для последователей). Когда возникли благоприятные условия, этот потенциал начал медленно раскрываться, реализовываться, и в итоге сикхи получили общину-политику: религиозное сообщество через этап военного братства (создание хальсы) взяло власть в стране. Сделаю важную оговорку: «благоприятные условия», о которых я упомянул, — это всё усиливавшееся давление на сикхов социальных и политических конкурентов (брахманства, раджей Шивалика, могольских властей). Благоприятными они были отнюдь не для конкретных людей — напротив; достаточно вспомнить мученичество трёх гуру. Благоприятными эти условия были для раскрытия потенциала сикхской общины как зародыша политики, они вынуждали сикхов всё активнее сопротивляться и превращаться в процессе сопротивления в военно-политическую силу. Выковывание гуру Гобиндом подчёркнуто военизированной общины по сути было *conditio sine qua non* выживания сикхов как адептов гонимой религии.

Этот процесс отчасти напоминает раскрытие властного потенциала другой силы — пусть не индийской, но связанной с историей Индии напрямую: британской Ост-Индской Компании. Во многом теми же словами, что употреблены выше, я пользовался, описывая в монографии «Держава-купец» феноменальную трансформацию этой Компании из торговой корпорации в территориальную империю (см.: [Фурсов К., 2006, с. 313]). Символично, что эти две силы в конце концов схлестнулись друг с другом в борьбе за власть в стратегически важной стране Южной Азии.

Исторически сложилось так, что сикхизм остался региональной и этнической религией — религией (части) панджабского народа. В то же время по интенции сикхизм — религия универсальная, мирового уровня, наряду с буддизмом, христианством и исламом, поскольку открыта для всех, не ставит препятствий для обращения. *«В развитие своего учения сикхские гуру целенаправленно создавали и организовывали эгалитаристское общество, отдельное от управлявшейся кастой социальной системы. Инерция огромного тела индийского общества не позволила сикхизму полностью оторваться от него, но сикхская община приобрела хорошо заметные отличительные особенности и сумела их сохранить. Социально активные, прогрессирующие в духовном развитии при общении со своими братьями по вере, сикхи стали огнем яркой и обладающей большими потенциями общностью»* [Успенская, Котин, 2007, с. 195].

Преодолеть все выпавшие на их долю колоссальные трудности и занять в обществе современной Индии видные позиции сикхам-панджабцам помогли многие замечательные качества, по сути вошедшие в национальный характер: упорство, трудолюбие, выносливость, неприхотливость, чувство собственного достоинства, предприимчивость, умение приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. Многие из этих черт обусловлены крестьянским — джатским — происхождением значительной части сикхов. Сикхизм эти качества лишь усилил. Так, он поощряет физический труд. Пример подавали сами гуру: Нанак работал в поле в Картарпуре, Амар Дас таскал воду для Ангада, Рам Дас носил на голове корзины с землёй при строительстве Амритсара и т.д. Проповедуемая сикхскими гуру активная жизненная позиция укрепила в их последователях и такое качество, как предприимчивость. Обычно крестьяне — люди консервативные, не склонные к резким изменениям, экспериментам; к этому располагает сам род их занятий. Однако парадоксальным образом у сикхов консерватизм не стал сверхдетерминантой; напротив, именно они среди всех индийцев, пожалуй, наиболее мобильны, легче уезжают с насиженных мест попытать счастья в другие регионы Индии и за рубеж. Там, как мы видели, сикхи, эти шотландцы Индии, добились тоже немало. С шотландцами, кстати, их роднит не только открытость внешнему миру — вспомним Квентина Дорварда, шотландскую гвардию французских королей, — но и склонность к военной службе (выше отмечено, что в восприятии

англичан стереотип «воинственных народов» начал складываться с шотландских горцев).

В повседневной жизни сикхи — люди приветливые и доброжелательные. По справедливому отзыву князя Салтыкова, они «великодушны и просты, предлагают всё, что имеют, без всяких церемоний» [Салтыков, 1985, с. 107]. Порой с виду сикхи — люди суровые (жизнь заставила), но на симпатию отвечают тем же. О своём визите в лахорский сад Шалимар тот же Салтыков писал: «По саду бродят люди подозрительного вида, вооружённые с головы до ног. Чтобы привлечь их тем-нибудь к себе, я просил позволения осмотреть их оружие, и тотчас добродушная улыбка разгладила свирепые лица» [Салтыков, 1985, с. 104]. Сикхи любят поесть (а подчас и выпить). От объёма съеданной пищи они с крестьянской прямоотой ставят в зависимость работоспособность. На сей счёт у них есть пословица: «Кто ест [в день] кило [зерна], работает как лев, а кто четверть кило — как зола» (*Кхаве сер — камаве шер, кхаве па — камаве суах*)¹.

Жители Южной Азии вообще, как правило, люди миролюбивые и спокойные. Этим веками и пользовались завоеватели. Однако любому терпению бывает предел. Доказательство тому — вся история сикхов. Их подъём во многом был реакцией на гнёт иноземной власти или угрозу её установления — сначала могольской, затем афганской, а позднее и британской. Индийцы — люди мирные, но если их допечь, то результатом могут быть, например, сикхи, «львиный» народ воинов, выросший в стране, которую много веков топтали армии чужеземцев-завоевателей. Сила обстоятельств приглушила индийский квиетизм. Так, в XVI в. Панджаб попал между могольским молотом и афганской наковальней (вторжения Бабура в султанат Лоди), через два столетия — между афганским молотом и могольской наковальней (вторжения Ахмад-шаха Дуррани в султанат Моголов).

Я перечислил у сикхов немало хороших черт. Конечно, у многих положительных качеств найдётся обратная сторона. Так, в Индии сложился стереотип сикха как человека грубоватого, подчас неотёсанного, что обыгрывают в анекдотах. Вот один из них. Два жителя г. Лакхнау (который славится утончённостью своей культуры) и два сикха пытаются сесть в поезд — но никто не успевает. Лакхнауцы — потому что каждый говорил другому: «Только после Вас»; сикхи — потому что каждый отпихивал другого, стремясь войти первым. Однако эта некоторая толстокожесть и помогла сикхам выжить. Где сейчас Моголы, Дуррани, Британская империя? *Vixerunt*¹. Сикхи же существуют и процветают, причём не только в родной Индии.

В мировой истории найдётся мало примеров религиозных или иных общностей, которые подвергались столь жестоким гонениям со стороны влас-

¹ *Сер* — мера веса, равная от 600 г до 1 кг; *па* — мера веса, равная 240 г.

² Отжили (*лат.*).

тей и столь упорно сопротивлялись этим гонениям, так и не будучи сломлены. Сикхская община неоднократно терпела страшные поражения (разгром Гобинд Сингха после исхода из Анандпура в 1704 г., разгром Банда Бахадура в 1715 г., Великая гхаллугхара 1762 г.) — но всякий раз возрождалась как феникс из пепла. В борьбе с врагами сикхи в разные периоды своей истории применяли чередующуюся тактику. Они то выдвигали на первый план харизматического лидера, который эффективно организовывал их на сопротивление внешним силам (Харгобинд, Гобинд Сингх, Банда Бахадур, Ранджит Сингх, в какой-то степени Капур Сингх и Джасса Сингх Ахлувалиа), то самоорганизовывались благодаря своей вдвойне демократической (каста джатов плюс эгалитаристская религия) основе (после смерти Банды, во время англосикхских войн). Как хальса оказалась наследником Гобинда, так сикхская армия европейского образца сделалась наследником Ранджита. Оба лидера не оставили дееспособных преемников (Гобинд — физически: все четверо погибли; большинство сыновей Ранджита оказались слабовольными или были малолетними), но в обоих случаях их дело продолжала вооружённая масса сикхов. Если привести пример из индийской же мифологии, то упомянутое чередование можно уподобить двум обликам бога Кришны, каким он предстаёт в поэме «Бхагавадгита»: с одной стороны, бог в образе человека, в данном случае колесничего одного из братьев-Пандавов — Арджуны; с другой стороны, свирепый многоликий бог с пылающими ртами, каким он открывает себя внезапно устрашённому Арджуне.

О сикхов сломали зубы и Моголы, и афганцы; чуть не сломали британцы. Сикхи вызревали вопреки враждебному окружению, которое послужило катализатором их единства. Как выразился посетивший Панджаб в 1835–36 гг. австрийский ботаник барон Карл фон Хугель, если у других народов храбрость надо подстёгивать, то сикху, наоборот, требуется узда, чтобы сдерживать его дерзкую порывистость. В историю сикхи прочно вошли как неспасаемые воины, которые перед лицом намного превосходящего врага предпочитали уйти в глубокое подполье, жить в глуши и, не падая духом в практически безнадежной ситуации, упрямо вести бескомпромиссную партизанскую войну. В этом сикхи похожи на сербов (сопротивление османскому натиску, а затем игу), литовцев (сопротивление немецким рыцарским орденам), русских (отечественные войны с Наполеоном и Гитлером), пуштунов (войны с Британской империей, СССР и США), вьетнамцев (многовековое сопротивление китайским империям, а в XIX–XX вв. — французам и американцам).

Свои «львиные имена» (Сингх) сикхи честно заработали веками сопротивления лютым врагам, окупив потоками собственной крови. Вспомнив выдающуюся роль сикхов в вооружённых силах современной Индии, можно сказать, что они остаются защитниками её независимости так же, как на протяжении XVIII–XIX вв. объективно стояли на страже индийского субконтин-

---

нента от внешних вторжений. Учение гуру Нанак в перспективе подарило Индии не только идею социальной справедливости, которой в столь практическом плане не проповедует ни одна другая индийская религия, но и целый народ доблестных воинов — Львов Пятиречья.

Глоссарий¹

Абвáb (араб. мн. ч.) — дополнительные сборы с крестьян сверх земельного налога (обычно в пользу местных чиновников, крупных землевладельцев).

Аватáра (санскр.) — ипостась, земное воплощение индуистского бога.

Адвaйтá-ведáнта (санскр.) — индуистская философская школа «недвоичности», согласно которой Абсолют абстрактен и тождествен душе, а материальный мир — иллюзия.

Азáн (араб.) — призыв мусульман к молитве; совершается *муаззином*.

Áлим (араб.) — знаток Корана и шариата в исламе.

Áмил (араб.) — могольский наместник на уровне *парганы*.

Амрít (санскр.) — божественный нектар.

Áнна (санскр.) — медная монета, равнялась 1/16 рупии.

Арáин (перс.) — мусульманская каста сельских работников в Панджабе и Синде.

Арóра (санскр.) — торговая каста в Панджабе.

Ахбáрнавís / вáкианавís (араб. + перс.) — должность осведомителя в Могольском султанате и его политиях-преемниках, который сообщал центральной власти о поведении наместников.

Ахимсá (санскр.) — принцип непричинения вреда всему живому в индуизме и других индийских религиях.

Ашрам (санскр.) — религиозная обитель у индуистов и адептов других индийских религий.

Ашрáф (араб.) — золотая монета.

Бáба (санскр.) — отец; уважительное обращение к старшему.

Баирáги (санскр.) — индуистский отшельник.

Байсáкхи (санскр.) — праздник Нового года у индуистов и сикхов.

Бáнджара (санскр.) — каста бродячих торговцев зерном.

Бани (санскр.) — сочинения сикхских гуру и других авторов, включённые в Гуру Грантх.

Баóли (санскр.) — колодец со ступенчатым спуском.

Бахшí (перс.) — могольский военный казначей, инспектор и глава разведки.

Бéгам (тюрк.) — госпожа; применялось к знатным мусульманкам.

¹ Большинство помещённых здесь слов входит в словарный запас языка панджаби. В скобках указано происхождение слова — к какому языку оно восходит.

Бегár (перс.) — трудовая повинность, бесплатные общественные работы.

Бейт (араб.) — двустишие в фарсиязычной поэзии.

Бигха (санскр.) — индийская мера площади, колеблется от 1500 до почти 7000 кв. м.

Бхаи (санскр.) — брат; распространённое обращение к члену сикхской общины.

Бхакти (санскр.) — религиозные движения в индуизме, для которых характерен акцент на приближение к богу посредством любви, эмоций.

Бханг (санскр.) — наркотический напиток из конопли.

Бхатт (санскр.) — певец, поэт.

Вазáрат (араб.) — должность первого министра.

Вазíр (араб.) — первый министр.

Вакíл (араб.) — посланник.

Ванапрáстха (санскр.) — лесной житель; третья из четырёх предписанных членам трёх верхних варн стадия жизни.

Вар (санскр.) — героическая баллада.

Гаддi (санскр.) — трон.

Гáзи (араб.) — участник исламской священной войны газавата.

Госáины (санскр.) — индуистские отшельники, нередко объединённые в организации.

Гот (от санскр. *гóтра*) — экзогамный клан как часть какой-либо касты.

Грáнтхи (санскр.) — смотритель гурдвары.

Грихáстха (санскр.) — домохозяин-семьянин; вторая из четырёх предписанных членам трёх верхних варн стадия жизни.

Гурбани́ (санскр.) — сочинения сикхских гуру, включённые в Гуру Грантх.

Гурбилáс (санскр.) — «удовольствие гуру», жанр сикхской агиографии, особенно жития гуру Харгобинда и Гобинд Сингха, где акцентируется их воинская доблесть.

Гургаддi (санскр.) — «трон гуру», положение человека во главе сикхской общины (на «троне Нанака»).

Гурдвára (санскр.) — сикхский храм.

Гурматá (санскр.) — решение сикхской общины.

Гурму́кхи (санскр.) — алфавит языка панджаби, употребляемый сикхской частью панджабцев.

Гуртá (санскр.) — статус, качество гуру («гурство»).

Гу́ру (санскр.) — духовный наставник; у сикхов — один из десяти вероучителей; одиннадцатым сикхским гуру считается священное писание Ади Грантх (Гуру Грантх).

Гхаллугháра (санскр.) — «резня, бойня»; название двух страшных разгромов в сикхской истории — 1746 и 1762 гг.

Гхи (санскр.) — животное масло.

Гьяни (санскр.) — знаток Гуру Грантх.

Дарбáр (перс.) — двор монарха; правительство.

Дасва́ндх (санскр.) — подать в десятую часть доходов, введённая в сикхской общине гуру Арджаном.

Дафтáр (араб.) — министерство, канцелярия.

Джаги́р (перс.) — право на сбор налога с определённой территории, жаловавшееся правителем чиновнику-военачальнику, который был обязан содержать на этот доход конный отряд воинов.

Джагирда́р (перс.) — держатель джагира.

Джаза́иль (араб.) — индийский и среднеазиатский длинноствольный мушкет.

Джа́нам са́кхи (санскр.) — жанр сикхской агиографии, жития первого гуру Нанака.

Джа́нджи (санскр.) — читаемая по утрам сикхская молитва; находится в начале писания Гуру Грантх.

Джат (санскр.) — представитель крестьянской касты в Северной Индии.

Джа́тха (санскр.) — военный отряд сикхов.

Джа́зья (араб.) — в исламских политах подушный налог с неверных.

Джхатка́ (санскр.) — категория дозволенной пищи в сикхизме; животное должно быть убито мгновенно путём обезглавливания.

Дивáли (санскр.) — общеконфессиональный индийский праздник осеннего равноденствия, сбора осеннего урожая и окончания муссонных дождей.

Дивáн (араб.) — могольский чиновник в субе, осуществляющий *дивáни* — сбор налогов и гражданскую юрисдикцию; почётный титул в империи Ранджит Сингха.

Дивáн-и-ам (араб.) — зал общих аудиенций могольских шахов.

Дивáн-и-хас (араб.) — зал личных аудиенций могольских шахов.

Доáб (перс.) — двуречье, междуречье.

Дха́рам юдх (санскр.) — война за восстановление дхармы, должного порядка мироздания.

Дхарамса́л (санскр.) — первоначальное название гурдвары.

Дхо́би (санскр.) — представитель касты прачек.

Забт (араб.) — могольская земельно-налоговая система в шести северных субах империи, введённая вазиром Тодар Малом (1582–89).

Зака́т (араб.) — религиозный налог в исламе, взимаемый в благотворительных целях (2,5% дохода).

Замбура́к (перс.) — «пчёлка», лёгкая пушка, перевозимая на верблюде.

Заминда́р (перс.) — землевладелец.

Занана́ (перс.) — женская часть дома, дворца; гарем.

Икба́л (араб.) — счастливая судьба человека, неизменный успех в жизни.

Ина́м (араб.) — форма пожалования земельного дохода в мусульманских политах, предполагавшая налоговый иммунитет (чаще — пожалование религиозным учреждениям).

Инко́си (зулу) — правитель у народа зулу.

Кáзи (искаж. араб.) — мусульманский судья.

Каландáр (араб.) — странствующий суфий.

Кáлгхи (санскр.) — украшение на тюрбане из перьев цапли.

Кангхá (санскр.) — одно из «пяти к» членов хальсы, гребень в причёске.

Капáлики (санскр.) — течение шиваитских йогов-аскетов.

Карá (санскр.) — одно из «пяти к» членов хальсы, стальной браслет.

Кардáр (перс.) — администратор на уровне парганы в сикхской империи.

Кархáна (перс.) — ремесленная мастерская.

Кафíр (араб.) — в исламе «неверный», немусульманин.

Катггхá (санскр.) — одно из «пяти к» членов хальсы, короткие штаны не ниже колена.

Кеш (санскр.) — одно из «пяти к» членов хальсы, предписание не стричь волос.

Кирпáн (санскр.) — одно из «пяти к» членов хальсы, стальной кинжал.

Кíртан (санскр.) — рецитация *сабада* под музыку.

Кос (санскр.) — индийская мера длины, равная 1,5–2 английским милям.

Котвáл (санскр.) — могольский глава полицейской и судебной власти в городе.

Крор (санскр.) — число 10 млн. в индийской математической системе.

Кхандá (санскр.) — короткий обоюдоострый меч; эмблема сикхской общины.

Кхáтри (санскр.) — представитель касты писцов и счетоводов.

Кхир (санскр.) — сладкая рисовая каша.

Лакх (санскр.) — число 100 тыс. в индийской математической системе.

Лангáр (санскр.) — обычай совместной трапезы у сикхов; бесплатная общественная столовая при гурдваре.

Лассí (санскр.) — индийский йогурт.

Лохáр (санскр.) — член касты кузнецов.

Мазхабí (араб.) — члены «неприкасаемых» каст сикхской общины.

Мáнджи (санскр.) — территория в ведении *масанда*.

Мансабдáри (араб. + перс.) — иерархическая административная система Могольского султаната, все чиновники которой (*мансабдáры*) считались военачальниками и имели определённый ранг (*мансáб*) по числу всадников, отряды которых были обязаны содержать (по крайней мере, в теории).

Марáтхи (санскр.) — народ в Западной Индии, сейчас основное население штата Махараштра.

Масáнд (искаж. араб.) — заместитель сикхского гуру, которому вверена определённая территория.

Маснáд (араб.) — подушка, которую индийские правители использовали как трон.

Мáта (санскр.) — мать; уважительное обращение к старшей.

Маузá (араб.) — деревня.

Махáнт (санскр.) — смотритель гурдвары.

Махарáджа (санскр.) — титул индуистского / сикхского монарха (супруга — *махарáни*).

Махарáджадхирáджа (санскр.) — императорский титул в индуистских политах («царь царей»); титул монарха Непала.

Мíри (искаж. араб.) — светская власть.

Мíсал (араб.) — каждое из 11 сикхских княжеств Панджаба второй половины XVIII в., в основе которых лежала клановая организация.

Мохáр (санскр.) — золотая монета.

Мохарáна (санскр.) — пошлина при отправлении правосудия.

Муаззín (араб.) — служитель мечети, совершающий *азан*.

Мукáддам (араб.) — глава кастовой организации в какой-либо местности, в том числе мелкий наследственный владелец.

Муниí (араб.) — писарь, секретарь.

Мури́д (араб.) — ученик суфийского пира.

Навáб (араб., форма мн. ч. от *наи́б*) — могольский наместник.

Назарáна (араб.) — ценный подарок вышестоящему лицу, в том числе правителю.

На́зим (араб.) — могольский чиновник в субе, осуществляющий «низамат» — военное наместничество, уголовную юрисдикцию и полицейские функции.

Наи́б (араб.) — заместитель.

Нам симáран (санскр.) — повторение имени бога как средство поклонения ему и сближения с ним.

Намдхáри (санскр.) — фундаменталистское течение в сикхизме, сторонники которого признают живых гуру и стоят за простую жизнь и вегетарианство.

Низáм (араб.) — титул мусульманского правителя Хайдарабада после фактического отделения от Могольского султаната.

Ниранкáри (санскр.) — фундаменталистское течение в сикхизме, сторонники которого признают живых гуру.

Ниргúн (санскр.) — в индуизме и сикхизме бог, отличительное свойство которого — отсутствие любых свойств.

Нирмáла (санскр.) — течение в сикхизме, сторонники которого выделяются знанием как Гуру Грантх, так и индуистских религиозных текстов.

Нихáнг (*акáли*) (санскр.) — член воинственного направления в сикхизме.

Нишáн (санскр.) — «знак», сикхский флаг.

Пáйса (санскр.) — мелкая медная монета, равнялась 1/4 анны и 1/64 рупии (сейчас равняется 1/100 рупии).

Палаяккáр (тамилск.) — крупный землевладелец в Южной Индии, держатель *палаяма* (аналога североиндийского *джаги́ра*).

Пáндит (санскр.) — образованный брахман.

Пантх (санскр.) — духовный путь; религиозная община.

Пангáят (санскр.) — совет из пяти человек, орган самоуправления в кастах, сельских общинах Индии, а также в армии хальсы.

Парванá (перс.) — письменный приказ.

Парганá (перс.) — могольская административно-территориальная единица низшего уровня.

Пардá (перс.) — затворничество женщин у мусульман.

Паттидáри (санскр. + перс.) — категория земельного держания у сикхов периода мисалов; доленое владение землёй внутри сельской общины.

Патхáн (санскр.) — индийское название пуштунов.

Пéшва (перс.) — первый министр чхатрапати, фактический глава маратхского союза княжеств.

Пиндхáри (санскр.) — иррегулярная конница маратхов, промышленявшая грабежом.

Пир (перс.) — духовный наставник у суфиев.

Пíри (перс.) — духовная власть.

Пóтхи (санскр.) — том, книга.

Прасáд / карá прасáд (санскр.) — священная пища в сикхизме из равных долей муки, сахара и очищенного масла, смешанных с двойной порцией воды; предлагается посетителям гурдвары.

Пурáны (санскр.) — космологические, мифологические и философские произведения послеведической эпохи древней Индии.

Пúрбия (санскр.) — «восточный» для панджабцев, житель Хиндустана.

Рабí (араб.) — зимне-весенний сельскохозяйственный сезон в Индии.

Рага (санскр.) — тональность в индийской теории музыки.

Радж (хиндуст.) — «правление»; этим местным словом британцы обозначали свою власть в Индии.

Рáкхи (санскр.) — система взимания платы за вооружённую защиту.

Рамгáрхиа (санскр.) — члены сикхских ремесленных каст.

Рáни (санскр.) — жена раджи или самостоятельная правительница сикхского/ индуистского княжества.

Рáхит (санскр.) — правило поведения у сикхов.

Рахитнáма (санскр.) — свод правил поведения у сикхов.

Рóти (санскр.) — индийская пресная лепёшка.

Рубáб (араб.) — струнный щипковый инструмент.

Рúпия (санскр.) — серебряная монета, основная денежная единица Могольского султаната, его политий-преемников и Британской Индии (весом 11,5 г).

Сабáд (санскр.) — «слово», религиозный гимн в Гуру Грантх.

Савáр (перс.) — воин-всадник.

Сагун (санскр.) — в индуизме бог, обладающий какими-то свойствами.

Сáдху (санскр.) — индуистский аскет.

Сайíд (араб.) — потомок пророка Мухаммада, а потому особо уважаемый член исламской уммы.

Салóк (санскр.) — начальный или заключительный стих *бани* (от санскр. *шлóка* — двустишие).

- Салят* (араб.) — пятикратная молитва в исламе (то же, что намаз).
- Самáдхи* (санскр.) — мавзолей у индуистов и сикхов (где хранится пепел усопшего).
- Санга́т* (санскр.) — община сикхов в какой-либо местности; собрание членов общины.
- Санга́тия* (санскр.) — глава сангата; позднее назывался *масанд*.
- Сант* (санскр.) — «постигший истину», религиозный деятель.
- Санньяси(н)* (санскр.) — странствующий отшельник в индуизме; последняя из четырёх предписанных членам трёх верхних варн стадия жизни.
- Сарводáйя* (санскр.) — общество всеобщего благоденствия в гандизме.
- Сарда́р* (перс.) — военачальник, представитель знати (супруга — *сардарни*).
- Сарка́р* (перс.) — могольская административно-территориальная единица среднего уровня (округ); титул Ранджит Сингха и его преемников.
- Са́ти* (санскр.) — обычай (само)сожжения вдов на погребальном костре мужа у части индуистов и сикхов.
- Сатьяграха* (санскр.) — гандистская кампания гражданского неповиновения и ненасильственного несотрудничества.
- Сахадждха́ри* (санскр.) — сикхи — не-члены хальсы.
- Сахи́б* (араб.) — господин.
- Сахука́р* (санскр.) — ростовщик.
- Сага́ падиша́х* (хиндуст. + перс.) — «истинный царь», как называли сикхи своих гуру начиная с Арджана.
- Сипа́й* (искаж. перс.) — солдат-индеец в армиях европейцев в Индии.
- Су́ба* (араб.) — могольская административно-территориальная единица верхнего уровня (провинция).
- Субада́р* (араб. + перс.) — неофициальное название назима.
- Сутха́р* (санскр.) — член касты плотников.
- Суфи́зм* (от араб.) — мистическое течение в исламе, в котором акцентируется личное общение человека с Аллахом посредством эмоций.
- Тазия* (араб.) — сооружение, используемое шиитами во время праздника в месяц мухаррам, макет гроба внуков пророка Мухаммада — мучеников Хасана и Хусейна.
- Талва́р* (пандж.) — сабля.
- Талу́ка* (араб.) — могольская административно-территориальная единица нижнего уровня.
- Тарика́т* (араб.) — братство у суфиев (иногда переводят термином «орден»).
- Тахт* (араб.) — трон.
- Тахтга́х* (араб. + перс.) — тронный зал.
- Терáи* (перс.) — полоса заболоченных джунглей на границе Индии и Непала.
- Ти́лак* (*ти́ка*) (санскр.) — нанесённый краской на лоб ритуальный (включая кастовый) знак у индуистов.

- Тóпчи* (перс.) — пушкарь, артиллерист.
- Тошахана* (перс.) — казначейство.
- Тошаханиа* (перс.) — казначей.
- Тханадар* (хиндуст. + перс.) — комендант крепости.
- Тэнно* (яп.) — «император» по-японски.
- Удаси* (санскр.) — путешествие, странствие; течение в сикхизме, которое основал старший сын гуру Нанака — Шри Чанд.
- Ушр* (араб.) — в исламских политах налог в виде десятины.
- Факир* (араб.) — бедняк; странствующий дервиш.
- Фарман* (перс.) — приказ шаха.
- Фаудждар* (араб. + перс.) — могольский наместник, обладающий военной и исполнительной властью на уровне саркара.
- Феринги* (искаж. «франки») — название европейцев в Индии.
- Хабгах* (перс.) — спальня.
- Хадисы* (араб.) — в исламе рассказы об изречениях или деяниях пророка Мухаммада.
- Хариф* (араб.) — летне-осенний сельскохозяйственный сезон в Индии.
- Харкара* (перс.) — гонец.
- Халиса* (араб.) — часть территории индийской политики, находившаяся в ведении центрального административного аппарата, собиравшего налоги непосредственно в казну.
- Хальса* (араб.) — религиозная община сикхов (слово то же, что предыдущее; написание терминов принято разное).
- Ханакá* (араб.) — обитель суфиев.
- Хауда* (араб.) — паланкин на спине слона для пассажиров.
- Хилат* (араб.) — почётная дорогая одежда, жалуемая правителем в знак милости.
- Хуанди* (кит.) — «император» по-китайски.
- Хукмнама* (араб. + перс.) — письменный приказ.
- Чаккар* (санскр.) — метательное кольцо.
- Чаудхри* (санскр.) — то же, что *мукаддам*.
- Чатранати* (санскр.) — титул маратхского монарха.
- Шанкарагарья* (санскр.) — глава одной из четырёх индуистских *матх* (обителей), основанных, по преданию, философом Шанкарой в VIII в.
- Шахзада* (перс.) — могольский принц.
- Шахид* (араб.) — мученик.
- Шикаргáх* (перс.) — охотничье угодье.
- Шраддха* (санскр.) — в индуизме поминальные обряды, цель которых — обеспечивать благополучие умерших предков в загробном мире.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Сопоставительная хронологическая таблица

Сикхи
1469 – рождение гуру Нанака в Талванди
1479 – рождение Амар Даса, будущего третьего гуру, в Басарке
1499 – просветление Нанака на берегу р. Бейн под Султанпуром
1500 – начало странствий Нанака
1504 – рождение Лехны, будущего второго гуру Ангада, в Мате-ди-Сараи
1524 – Нанак завершает странствия и селится в Картарпуре
1534 – рождение Джетхи, будущего четвёртого гуру Рам Даса, в Лахоре
1539 – смерть Нанака; Ангад становится вторым гуру и перебирается в Кхадур
1552 – смерть Ангада; Амар Дас становится третьим гуру и перебирается в Гоиндвал
1554 – первое собрание общины на праздник байсакхи
1563 – рождение Арджана, будущего пятого гуру, в Гоиндвале
1567 – визит могольского шаха Акбара к Амар Дасу в Гоиндвал
1574 – смерть Амар Даса; его зять Рам Дас становится четвёртым гуру
1577 – начало строительства водоёма Амритсар
1581 – смерть Рам Даса; его сын Арджан становится пятым гуру
1588 – основание Арджаном гурдвары Хари Мандир в Амритсаре
1595 – рождение Харгобинда, будущего шестого гуру, в Вадали
1598 – визит могольского шаха Акбара к Арджану в Гоиндвал
1604 – завершение составления Арджаном священного писания Ади Грантх
1606 – мученичество гуру Арджана в Лахоре; его сын Харгобинд становится шестым гуру; строительство Акал Тахта в Амритсаре
Ок. 1617–19 – заточение Харгобинда шахом Джахангиром в крепости Гвалияра
1621 – рождение Тьяг Мала, будущего девятого гуру Тег Бахадура, в Амритсаре
1627 – первая стычка сикхов с могольскими войсками: победа над Мухлис-ханом
1630 – рождение Хар Раи, будущего седьмого гуру, в Киратпуре
1634 – победа Харгобинда над Моголами под Лахрой
1635 – победа Харгобинда над Моголами (Кале-хан) под Картарпуром

«Сикхи и мир»

Южная Азия	Мир ¹
1451–89 – правление султана Бахлула Лоди в Дели	1480 – первый трибунал инквизиции в Испании; падение ордынского ига на Руси
1469–71 – пребывание в Индии тверского купца Афанасия Никитина	1492 – окончание Реконкисты в Испании; плавание Христофора Колумба
1489–1517 – правление султана Сикандара Лоди в Дели	1494 – Тордесильясский договор между Испанией и Португалией
1489 – убийство первого министра султана Бахманидов Махмуда Гавана	1498 – плавание Вашку да Гамы в Индию; казнь Джироламо Савонаролы во Флоренции
1510 – захват португальцами Гоа	1520–66 – правление османского шаха Сулеймана
1517–26 – правление султана Ибрахима Лоди в Дели	1517 – 95 тезисов Мартина Лютера; захват Османами Египта и Хиджаза
1526 – победа Бабур при Панипате и основание им Могольского султаната	1519–56 – правление Карла V Габсбурга в Священной Римской империи
1530–40 – правление шаха Хумаюна	1519–21 – завоевание Эрнаном Кортесом Мексики
1532–1623 – жизнь поэта Тулсидаса	1529 – осада Османами Вены
1540–45 – правление Шер-шаха Сура	1529–33 – завоевание Франсиско Писарро Перу
1555 – возвращение Хумаюна на трон	1533–84 – правление Ивана IV Грозного в Московии
1556–1605 – правление шаха Акбара	1534 – основание И. Лойолой ордена иезуитов
1564–1624 – жизнь Ахмада Сирхинди	1543 – Н. Коперник «Об обращении небесных сфер»
1565 – гибель империи Виджаянагар	1566 – начало восстания Нидерландов
1572 – захват Акбаром Гуджарата	1573 – конец сёгуната Асикага в Японии
1579 – отмена Акбаром <i>джизы</i>	1588 – разгром англичанами испанской Армады
1581 – введение Акбаром религии <i>дин-и-илахи</i>	1587–1629 – правление шаха Аббаса I в Сефевидском султанате (Иран)
1582–89 – <i>вазарат</i> в Могольском султанате раджи Тодар Мала, который ввёл земельно-налоговую систему <i>забт</i>	1598 – Нантский эдикт Генриха IV во Франции
1590 – Абу-л-Фазл Аллами <i>Аин-и-Акбари</i>	1600 – трагедия «Гамлет»; основание английской Ост-Индской Компании в Лондоне
1597 – установление власти португальцев над равнинным Цейлоном	1602 – основание нидерландской Ост-Индской Компании
1605–27 – правление шаха Джахангира	1603 – личная уния Англии и Шотландии; основание сёгуната Токугава в Японии
1612 – начало торговли английской Ост-Индской Компании в Гуджарате	1606–13 – Смута в Московском царстве
1628–58 – правление Шаха Джахана	1607 – начало английской колонизации Америки
1635–87 – правление Раджасингхи II в Ударате (Цейлон)	1618–48 – Тридцатилетняя война в Европе
	1624–42 – кардинал Ришелье у власти во Франции
	1620–50-е годы – кружок М. Мерсенна в Париже

¹ К большому сожалению, из-за нехватки места очень много важных мировых (да и южноазиатских) событий из этой таблицы пришлось выпустить.

Сикхи
1644 – смерть Харгобинда в Киратпуре; его внук Хар Раи становится седьмым гуру
1656 – рождение Хар Кришана, будущего восьмого гуру, в Киратпуре
1658 – участие Хар Раи в войне могольских принцев на стороне Дары Шукоха
1661 – поездка Рам Раи ко двору Аурангзеба и лишение его отцом права на <i>гурта</i> ; смерть Хар Раи; его сын Хар Кришан становится восьмым гуру
1664 – смерть Хар Кришана в Дели от оспы; его двоюродный дядя Тег Бахадур становится девятым гуру в Бакале
1665 – основание Тег Бахадуром Анандпура в горах Шивалика; начало его поездки вместе с семьёй на восток Индии
1666 – рождение Гобинд Даса, будущего десятого гуру Гобинд Сингха, в Патне
1670 – рождение Мадхо Даса, будущего Банда Бахадура, в Кашмире
1672 – возвращение Тег Бахадура с семьёй в Анандпур
1675 – арест и мученичество Тег Бахадура в Дели; его сын Гобинд становится десятым гуру в Анандпуре
1682 – первая стычка сикхов с раджами Шивалика
1686 – переезд Гобинда в Паонту; рождение его старшего сына Аджита; начало составления книги Дасам Грантх
1688 – сражение при Бхангани с раджами Шивалика
1690 – рождение Джуджхара, второго сына Гобинда; победа Гобинда и раджей над Моголами при Надауне
1694 – победа Гобинда над Моголами на Сатледже; рождение его третьего сына Зоравара
1699 – создание Гобиндом хальсы в Амритсаре; рождение его четвёртого сына Фатеха; его победы над раджами Шивалика в первой и второй битвах при Анандпуре
1700 – победа Гобинда над Моголами и раджами при Нирмохгархе и бой при Бхадсали
1702 – победа Гобинд Сингха над Моголами в третьей битве при Анандпуре
1703 – победа Гобинд Сингха над раджами Шивалика в четвёртой битве при Анандпуре; победа над Моголами в пятой битве при Анандпуре

Продолжение таблицы

Южная Азия	Мир
1636 – захват Моголами Ахмаднагара	1637 – Рене Декарт «Рассуждение о методе»
1639 – Мадрас как первая база английской Ост-Индской Компании	1639 – окончательная самоизоляция Японии; Иван Москвитин выходит к Тихому океану
1641 – завершение создания Моголами сада Шалимар в Шринагаре	1640–60 – английская революция (гражданская война, республика, протекторат)
1647 – завершение строительства Красного форта в Дели	1644 – захват маньчжурами Китая: основание Цинской империи
1648 – завершение строительства Тадж Махала в Агре	1651 – Томас Гоббс «Левиафан» (Англия); Навигационный акт (Англия)
1656 – завершение строительства мавзолея Гол Гумбаз в Биджапуре; захват голландцами португальского Коломбо	1652 – основание голландцами Капской колонии в Южной Африке
	1652–74 – три англо-голландские войны
1658–1707 – правление могольского шаха Аурангзеба	1656–83 – реформы визирей Кёпрюлю в Османском султанате
1664, 1670 – грабёж Шиваджи Сурата	1661–1714 – правление Людовика XIV во Франции
1672 – восстание сатнами	1662–1729 – правление Канси в Цинской империи
1673–1704 – правление Чикка Дева-раджи в Майсуре	1665–83 – генеральный контролёр Ж.-Б. Кольбер во Франции
1674–80 – Шиваджи Бхосле – чхатрапати маратхов	1673 – истоки компьютерной революции: механический калькулятор Г.В. Лейбница
1679 – восстановление Аурангзобом <i>джизьи</i>	1680 – открытие месторождения золота в Бразилии; захват туарегами столицы империи Сонгаи – Гао
1686 – захват Моголами Биджапура	1683 – поражение Османов под Веной
1687 – захват Моголами Голконды	1685 – отмена Нантского эдикта во Франции
1686–90 – война английской Ост-Индской Компании с Моголами	1687 – Исаак Ньютон «Математические начала натуральной философии» (Англия)
1689–97 – осада Моголами маратхской крепости Джинджи	1688–89 – Славная революция в Англии
	1689–97 – война Аугсбургской лиги
1690 – основание Калькутты Джобом Чарноком	1689–1725 – царствование Петра I в России
	1690 – Дж. Локк «Опыт о человеческом разумении»
1698 – объявление Аурангзобом джихада против маратхов	1694 – основание Английского банка
	1695 – образование союза Ашанти в Гане
1699 – начало походов маратхов на север; запрет Аурангзобом обряда сати	1699 – Карловицкий мир: конец османской угрозы Европе
1703 – первая школа для обучения индийцев западной медицине (Гоа)	1700–14 – война за испанское наследство

Сикхи
1704 – поражение Гобинда при Киратпуре; шестая битва под Анандпуром; оставление Анандпура Гобинд Сингхом; мученичество двух его старших сыновей в Чамкаури и двух младших в Сирхинде
1705 – сочинение Гобинд Сингхом поэм-посланий <i>Фатехнама</i> и <i>Зафарнама</i> ; сражение при Кхидране
1707 – приезд Гобинд Сингха к Бахадур-шаху в Агру
1708 – поездка Гобинд Сингха в свите Бахадур-шаха на Декан; отправка им Банда Бахадура в Панджаб; мученичество Гобинд Сингха в Нандерхе и переход <i>гурта</i> к Ади Грантх
1709 – начало восстания Банда Бахадура и взятие им Саманы
1710 – победа Банда Бахадура над Вазир-ханом и взятие Сирхинда; осада Бахадур-шахом Лохгарха
1714 – раскол сикхской общины на <i>татва хальса</i> и <i>бандаи сикх</i>
1715 – осада и взятие Абд-ус-Самад-ханом Гурдаспура
1716 – казнь Банда Бахадура и его приверженцев в Дели
1726 – начало репрессий против сикхов лахорского <i>назима</i> Закария-хана
1733 – пожалование сикхам навабства (Капур Сингх) и джагира; основание Будха Дал и Таруна Дал
1735 – возобновление гонений и партизанской войны
1738 – мученичество Бхай Мани Сингха
1739 – набеги сикхов на войско Надир-шаха; усиление репрессий Закария-хана
1746 – Малая гхаллугхара, устроенная лахорским <i>назимом</i> Яхья-ханом
1747 – строительство крепости Рам Рауни под Амритсаром
1748 – основание Дал Хальсы и мисалов; начало репрессий против сикхов лахорского <i>назима</i> Мир Манну
1757 – первое разрушение афганцами Хари Мандира и мученичество Дип Сингха; поражение Тимура Дуррани от сикхов и Адина-бега
1758 – взятие сикхами и маратхами Лахора; репрессии против сикхов лахорского <i>назима</i> Адина-бега
1759 – бои между сикхами и афганцами
1761 – неудачная осада Убайд-ханом Гуджранвалы; взятие сикхами Лахора
1762 – Великая гхаллугхара, устроенная афганским Ахмад-шахом; второе разрушение афганцами Хари Мандира

Продолжение таблицы

Южная Азия	Мир
1703–27 — правление наваба Муршид Кули-хана в Бенгалии	1700–21 — Северная война в Европе
1713–81 — жизнь поэта урду Сауды	1707 — парламентская уния Англии и Шотландии
1713–20 — правление маратхского пешвы Баладжи Вишванатха	1708–40 — правление завоевателя Агаджи в Дагомее
1714 — общинная рознь в Ахмадабаде	1709 — победа русских над шведами под Полтавой
1715 — Рамчандра Пант Аматыя <i>Аджна-патра</i> («Послание повелений»)	1717 — первая масонская Великая ложа (Англия)
1717 — <i>фарман</i> шаха Фаррухсийяра англичанам с дарованием льгот	1720 — крах аферы Ло в Париже и Компании Южных морей в Лондоне
1720–40 — правление маратхского пешвы Баджи Рао I	1725 — Джамбаттиста Вико «Основания новой науки об общей природе наций»
1724–48 — правление Низам-уль-мулька в Хайдарабаде	1729 — открытие месторождения алмазов в Бразилии
1725–1810 — жизнь поэта урду Мир Таки Мира	1733 — «летучий челнок» Джона Кея в Великобритании
1729–58 — правление Мартханды Вармы в Траванкуре (Керала)	1736–47 — правление Надир-шаха Афшара в Иране
1739 — разграбление Дели Надир-шахом	1740–48 — война за австрийское наследство
1740–56 — правление наваба Аливарди-хана в Бенгалии	1740–86 — правление короля Фридриха II в Пруссии
1740–61 — правление маратхского пешвы Баладжи Баджи Рао	1745 — начало объединения Аравии Саудами под знаменем ваххабизма
Начало 1740-х годов — Шах Валиулла «Совершенное доказ-во бытия Аллаха»	1747–72 — правление Ахмад-шаха Дуррани в Афганистане
1746–61 — три войны английской и французской Компаний в Карнатике	1748 — Ш.Л. де Монтескье «О духе законов»
1746 — победа французов над войском наваба Карнатика	1751 — первый том «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. д'Аламбера во Франции
1748–67 — вторжения Ахмад-шаха Дуррани	1752–60 — правление завоевателя Алаунпай в Бирме
1757 — разграбление Дели Ахмад-шахом; победа Р. Клайва над навабом Бенгалии при Палаши	1755 — основание Московского университета; захват Цинской империей Джунгарского ханства; распад султаната Матарам на Яве
1761 — разгром Ахмад-шахом Дуррани маратхов при Панипате	1756–63 — Семилетняя война
1761–72 — правление маратхского пешвы Мадхава Рао I	1758 — Ф. Кенэ «Экономическая таблица»
1761–82 — правление Хайдара Али в Майсуре	1762 — Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре»; манифест Петра III «О вольности дворянства»

Сикхи
1763 – разгром сикхами афганского Джахан-хана
1764 – третье разрушение афганцами Хари Мандира; взятие сикхами Сирхинда
1765 – семидневное сражение мисалов с Ахмад-шахом; занятие Лахора сардарами Бханги и начало чеканки рупий – утверждение сикхской независимости
1767 – разгром афганского Джахан-хана при Амритсаре
1772 – взятие Мултана сардаром Джханда Сингхом Бханги
1779 – неудачный поход могольского <i>наиб-вазира</i> Абд-уль-Ахада против Патиалы; отвоевание афганцами Мултана
1780 – рождение Ранджит Сингха в Гуджранвале
1781 – признание Шахом Аламом II мисалов и системы ракхи
1783 – занятие сикхами Дели и краткое восшествие Джасса Сингха Ахлувалиа на могольский трон; строительство Багхел Сингхом семи гурдвар; начало дипломатических контактов с британской Ост-Индской Компанией
1784 – маратхи (Мадходжи Шинде в Дели) становятся соседями сикхов
1785, 1789 – договоры ряда сардаров с Мадходжи Шинде
1792 – смерть сардара Махан Сингха Сукарчакиа
1797 – сражение сикхов с Заман-шахом при Амритсаре
1799 – взятие Ранджит Сингхом Лахора
1801 – дарбар в Лахоре и принятие Ранджит Сингхом титула <i>саркар</i> ; победа сикхов Мальвы и маратхов над раджей Ханси Дж. Томасом
1802 – рождение принца Кхарак Сингха; захват Ранджит Сингхом Амритсара; начало строительства современной армии; первый поход на Мултан
1806 – отступление в Панджаб Джасвант Рао Холкара и первый договор Ранджит Сингха с Ост-Индской Компанией
1808 – создание в Лахоре финансового ведомства; миссия Ч. Меткафа к Ранджит Сингху
1809 – Амритсарский договор Ранджит Сингха с Ост-Индской Компанией
1813 – разгром афганцев при Хайдру
1818 – последний поход на Мултан и его присоединение к империи Ранджит Сингха; занятие сикхами Пешавара; назначение Дхиан Сингха <i>деорхидаром</i>
1819 – завоевание Кашмира

Продолжение таблицы

Южная Азия	Мир
1763–64 – война Ост-Индской Компании с навабами Бенгалии и Авадха	1762–96 – царствование Екатерины II в России
1765 – получение Ост-Индской Компанией права дивани в Бенгалии	1764 – прялка «Дженни» Джеймса Харгривса 1765 – паровая машина Джеймса Уатта
1767–69 – первая англо-майсурская война	1768–79 – плавания капитана Джеймса Кука
1769 – образование политики гуркхов в Непале	1771–1802 – восстание <i>тэйшонов</i> во Вьетнаме
1774–85 – генерал-губернаторство Уоррена Хейстингса в Калькутте	1772 – англо-голландский финансовый кризис
1775–82 – первая англо-маратхская война	1776 – Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»
1780–84 – вторая англо-майсурская война	1776–83 – война североамериканских колоний Великобритании за независимость
1782–99 – правление Типу Султана в Майсуре	1781 – Иммануил Кант «Критика чистого разума»
1784 – парламентский акт британского премьер-министра Уильяма Питта-младшего о контроле над Ост-Индской Компанией	1785 – ткацкий станок Эдмунда Картрайта 1788 – начало колонизации Австралии
1790–92 – третья англо-майсурская война	1789–99 – французская революция
1793 – налоговые системы <i>заминдари</i> и <i>райтвари</i> ген.-губ. Чарлза Корнуоллиса	1789–1807 – правление Селима III в Османском султанате
1793–98 – вторжения Заман-шаха Дуррани	1792–1815 – революционные и наполеоновские войны Франции
1796 – захват британцами равнинного Цейлона	1797 – конец Венецианской республики
1797–1869 – жизнь поэта урду Мирзы Галиба	1804–14 – империя Наполеона I Бонапарта
1799–1805 – генерал-губернаторство Артура Уэлсли в Калькутте	1804–09 – образование империи фульбе 1805–49 – паша Мухаммад Али в Египте
1799 – четвёртая англо-майсурская война	1806 – конец Священной Римской империи
1803–05 – вторая англо-маратхская война	1807 – Г.В.Ф. Гегель «Феноменология духа»
1808 – Ч. Уилкинс «Грамматика санскрита»	1808 – Тильзитский мир Франции и России
1813 – отмена парламентом монополии Ост-Индской Компании на торговлю с Индией	1810 – основание банкирского дома «Майер Ансельм Ротшильд и сыновья» (Франкфурт)
1815 – захват британцами Удараты (Канди) на Цейлоне	1812–16 – Г.В.Ф. Гегель «Наука логики»
1817–18 – третья англо-маратхская война	1816 – переход Британии на золотой стандарт
1817–98 – жизнь мусульманского просветителя Сайида Ахмад-хана	1816–28 – правление <i>инкочи</i> Шаки каСензан-законы у зулу

Сикхи
1823 — победа над афганцами при Наушахре и окончание завоевания правобережья Инда (область Дераджат)
1822 — принятие Ранджит Сингхом на службу Вентуры и Аллара
1826–31 — восстание Сайида Ахмад-хана на северо-западной границе
1831 — миссия А. Бёрнса в Лахор; визит в Панджаб В. Жакмона; встреча Ранджит Сингха с генерал-губернатором лордом Бентинком в Ропаре
1834 — захват сикхами Пешавара и дограми Ладакха
1836 — неудачный поход на Шикарпур
1837 — свадьба Наунихал Сингха; сражение с афганцами при Джамруде и гибель сардара Хари Сингха Налвы
1838 — трёхсторонний договор между Ранджит Сингхом, Шахом Шуджей и Ост-Индской Компанией; встреча Ранджита с лордом Оклендом в Фирозпуре
1839 — смерть Ранджит Сингха; вступление на престол Кхарак Сингха; убийство Чет Сингха Баджвы и фактическое отстранение Кхарака от власти
1841 — смерть Кхарак Сингха и Наунихал Сингха; война Шер Сингха и Чанд Каур за престол; воцарение Шер Сингха; поход Зоравар Сингха в Тибет
1842 — визит в Панджаб князя А.Д. Салтыкова; убийство Чанд Каур
1843 — убийство Шер Сингха, его сына и вазира Дхиан Сингха сардарами Сандханвалиа; штурм Лахорского форта и гибель сардаров; воцарение малолетнего Далип Сингха
1844 — мятеж и гибель Сучет Сингха; неудачное вторжение в Панджаб Атар Сингха Сандханвалиа; гибель Хира Сингха и пандита Джаллы
1845 — британская провокация на границе; мятеж и гибель принца Пешавара Сингха; гибель вазира Джавахир Сингха; начало первой англо-сикхской войны: вторжение сикхской армии на территорию Ост-Индской Компании; сражения при Мудки и Фирозшахре
1846 — сражения при Бадовале, Аливале и Собраоне; оккупация британцами Лахора; Лахорский и Бхайровалский договоры Панджаба с Ост-Индской Компанией; образование княжества Кашмир во главе с Гулаб Сингхом
1847 — заключение махарани Джхинд Каур в крепость
1848 — начало второй англо-сикхской войны: восстание в Мултани и сардаров Атаривала; сражения при Рамнагаре и Садуллапуре
1849 — сражение при Чилианвале, падение Мултана и сражение при Гуджрате; отречение Далип Сингха и аннексия Панджаба Ост-Индской Компанией

Продолжение таблицы

	Южная Азия	Мир
	1818 – первая газета на индийском языке (бенгали)	1822 – Людвиг ван Бетховен «9-я симфония»; независимость Бразилии от Португалии
	1823 – строительство первого в Индии парохода (Калькутта)	1823 – доктрина Монро в США; революция и её подавление в Испании
	1825–1917 – жизнь общественно-политического деятеля Дадабхай Наороджи	1825 – первая железная дорога (Британия); выступление декабристов в России
	1826 – Джеймс Милль «История Британской Индии»	1825–30 – восстание Дипонегоро на Яве
	1828 – основание Раммоханом Роем общества Брахмо Самадж в Бенгалии	1826 – конец войны испанских колоний за независимость; первая фотография
	1829 – запрет британцами обряда <i>сапи</i> (самоожжения вдов у индуистов)	1830 – начало захвата Францией Алжира; революция во Франции
	1830–49 – искоренение британцами душител-лей- <i>тхагов</i>	1830–42 – Огюст Конт «Курс позитивной философии»
	1831 – временное отстранение британцами раджи Майсура от власти (на 50 лет)	1831 – открытие Майклом Фарадеем электромагнитной индукции
	1833 – реформы Колбрука – Кэмерона на Цейлоне	1833 – отмена рабства в Британской империи; Ункяр-Искелесийский договор
	1835 – переход делопроизводства с фарси на английский; чайные плантации в Ассаме	1834 – таможенный союз германских государств во главе с Пруссией
	1837–1914 – жизнь поэта и писателя урду Алтафа Хусейна Хали	1835 – начало Великого трека буров в Южной Африке
	1838–94 – жизнь бенгальского писателя и поэта Бонкимчондро Чоттопадхья	1839 – создание дагеротипии; начало эпохи <i>танзимата</i> в Османском султанате
	1839–42 – первая англо-афганская война	1839–42 – первая «опиумная» война
	1843 – аннексия Компанией Синда и военная операция в Гвалияре	1843 – Джон Стюарт Милль «Система логики»; аннексия Великобританией Наталя
	1845 – первая газета на хинди (<i>Бенарес ахбар</i>)	1844 – первая телеграмма азбукой Морзе; начало движения бабидов в Иране
	1846 – переворот Джанг Бахадура Канвара в Непале; образование правящей касты Рана	1846 – отмена «хлебных законов» в Великобритании; рождение анестезиологии
	1848 – школа <i>La Martinière</i> в Лакхнау	1846–49 – страшный голод в Ирландии
	1848–56 – генерал-губернаторство маркиза Далхузи в Калькутте	1848 – революция во Франции; К. Маркс, Ф. Энгельс «Коммунистический манифест»
	1849 – первая светская школа для девочек	1849 – открытие золота в Калифорнии
	1850–85 – жизнь писателя хинди Бхаратенду Харишчандры	1850–64 – восстание <i>тайпинов</i> в Китае
	1851 – первая железная дорога и начало применения телеграфа	1851 – Всемирная промышленная выставка в Лондоне; открытие золота в Австралии
	1854 – первая прядильная фабрика в Бомбее	1853–56 – Крымская война

Сикхи
1857–59 – поддержка сикхами британцев в ходе сипайского восстания
1870, 1872 – выступления намдхари против мусульман; ссылка их лидера Рам Сингха в Рангун
1872–1957 – жизнь поэта, писателя и просветителя Бхаи Вир Сингха
1873 – основание первой организации Сингх Сабха в Амритсаре
1879 – основание Сингх Сабха в Лахоре
1887 – приезд Далип Сингха в Россию
1892 – учреждение Колледжа хальсы в Амритсаре
1893 – смерть Далип Сингха в Париже
1899 – брошюра Кахн Сингха Набхи «Мы не индуисты»
1900–87 – жизнь известного историка Ганда Сингха
1902 – основание Главного дивана хальсы
1911 – строительство первой гурдвары в Великобритании
1913 – возникновение организации Гхадр в США; скандал с гурдварой Ракабгандж в Дели
1914 – история с судном «Комагата-мару»
1915 – раскрытие заговора в гарнизонах Панджаба; рождение романиста, историка и журналиста Хушвант Сингха
1919 – Амритсарская бойня; учреждение Центральной сикхской лиги
1920 – основание Широмаи Гурдвара Прабандхак Камити (ШГПК) и Широмаи Акали Дал
1922 – переход Хари Мандира под контроль ШГПК
1925 – принятие законодательным советом Панджаба закона о гурдварах
1930 – присоединение Широмаи Акали Дал к <i>сатьяграхе</i> Ганди
1931 – казнь социалиста-террориста Бхагат Сингха
1944 – требование Акали Дал выделить отдельное сикхское государство
1947 – раздел Панджаба на сикхско-индуистскую и мусульманскую зоны; образование штата Панджаб и PEPSU; межобщинная резня
1950 – опубликование «Кодекса поведения сикха» (<i>Сикх рахит марьяда</i>)
1956 – образование нового штата Панджаб
1956–64 – главный министр Панджаба – Пратап Сингх Кайрон (ИНК)

Продолжение таблицы

Южная Азия	Мир
1857–59 – антибританское восстание	1856–60 – вторая «опиумная» война
1858 – переход управления к короне	1859 – Чарлз Дарвин «Происхождение видов»
1861 – первые индийцы в советах; начало арендного законодательства	1861 – отмена крепостного состояния в России
1861–1941 – жизнь Рабиндранатха Тагора	1861–65 – гражданская война в США
1864 – основание Цейлонской лиги	1863 – метро в Лондоне (первое в мире)
1869–1948 – жизнь Мохандаса Карамчанда Ганди	1867–68 – реставрация Мэйдзи в Японии
1875 – основание Свами Даянандой общества Арья Самадж	1869 – открытие Суэцкого канала; Л.Н. Толстой «Война и мир»; период. закон Д.И. Менделеева
1876–1948 – жизнь М.А. Джинны	1871 – победа Пруссии над Францией и образование Германской империи
1877–1938 – жизнь поэта урду М. Икбала	1873 – мировой экономический кризис
1880–1936 – писатель хинди Премчанд	1879 – электрическая лампа (Томас Эдисон)
1885 – первая сессия ИНК	1888 – основание корпорации <i>De Beers</i>
1899 – фиксация курса рупии	1891 – зарождение Группы Милнера
1905 – раздел Бенгалии и начало движения <i>свадеши</i>	1899–1902 – вторая англо-бурская война
1909 – реформы Морли – Минто	1905 – первая русская революция; окончание русско-японской войны
1913 – Рабиндранатх Тагор – лауреат Нобелевской премии по литературе	1908 – младотурецкая революция
1915 – возвращение Ганди в Индию из Ю. Африки; образование Хинду махасабха	1913 – образование Федеральной резервной системы США
1919 – первая всеиндийская сатьяграха Ганди; реформы Монтегю – Челмсфорда	1914–18 – Первая мировая война
1929 – требование ИНК независимости	1917 – две революции в России
1930–32 – три конференции «круглого стола» в Лондоне	1922 – приход фашистов к власти в Италии; Ирландия – доминион; образование СССР
1935 – акт об управлении Индией	1929–33 – Великая депрессия
1937 – первые выборы в провинциях	1933 – приход нацистов к власти в Германии; «новый курс» Ф.Д. Рузвельта в США
1940 – Лахорская резолюция Мус. Лиги	1936–39 – гражданская война в Испании
1947 – уход британцев и образование доминионов Индийский Союз и Пакистан; межобщинная резня	1937 – нападение Японии на Китай
1947–64 – премьер-министерство Джавахарлала Неру в Индии	1939–45 – Вторая мировая война
1947–48 – первая индо-пакистанская война	1946 – начало Холодной войны; создание в США первого компьютера (ENIAC)
1950 – образование Республики Индия	1948 – образование государства Израиль
	1949 – образование Китайской Народной Республики; создание НАТО
	1950–53 – Корейская война
	1954 – образование Бильдербергского клуба

Сикхи
1960-е годы — «зелёная революция»
1965 — победа <i>санта</i> Фатех Сингха над <i>сантом</i> Мастером Тара Сингхом в руководстве ШГПК
1966 — раздел Пенджаба на штаты Пенджаб, Харьяна и Химачал-Прадеш
1967 — смерть Мастера Тара Сингха
1967–71 — четыре правительства Акали Дал в штате Пенджаб
1969 — основание Университета Гуру Нанак Дэва в Амритсаре
1974 — смерть Фатех Сингха и усиление фракционности в Акали Дал
1973 — резолюция Акали Дал в гурдваре Анандпур Сахиб
1978 — первая вооружённая стычка приверженцев <i>санта</i> Джарнаил Сингха Бхиндранвале с <i>сикхами-ниранкари</i>
1981 — арест и освобождение Бхиндранвале
1982–87 — Заил Сингх: первый сикх на посту президента Индии (ИНК(И))
1983–85 — президентское правление в штате
1984 — армейская операция «Голубая звезда»: штурм храмового комплекса Хари Мандира; убийство Индиры Ганди её телохранителями-сикхами; сикхские погромы в Дели и других городах
1985 — пакт премьер-министра Раджива Ганди с <i>сантом</i> Харчанд Сингхом Лонговалом; убийство Лонговала экстремистами
1987 — провозглашение в Вашингтоне «правительства Халистана»
1987–92 — президентское правление в штате
1988 — армейская операция «Чёрный гром»: осада Хари Мандира
1992 — бойкот Акали Дал выборов в законодательное собрание штата
1995 — убийство главного министра штата Беант Сингха (ИНК(И))
1997 — победа Акали Дал на выборах в штате: правительство Паркаш Сингха Бадала (1997–2002)
1999 — переход сикхов во главе с ШГПК на календарь <i>Нанакшахи</i>
2002–07 — правительство ИНК(И) в штате (главный министр — Амариндер Сингх)
2004 — Манмохан Сингх: первый сикх — премьер-министр Индии (ИНК(И))
2007 — победа Акали Дал на выборах в штате и её коалиционное правительство с Бхаратия Джаната Парти (главный министр — Паркаш Сингх Бадал)

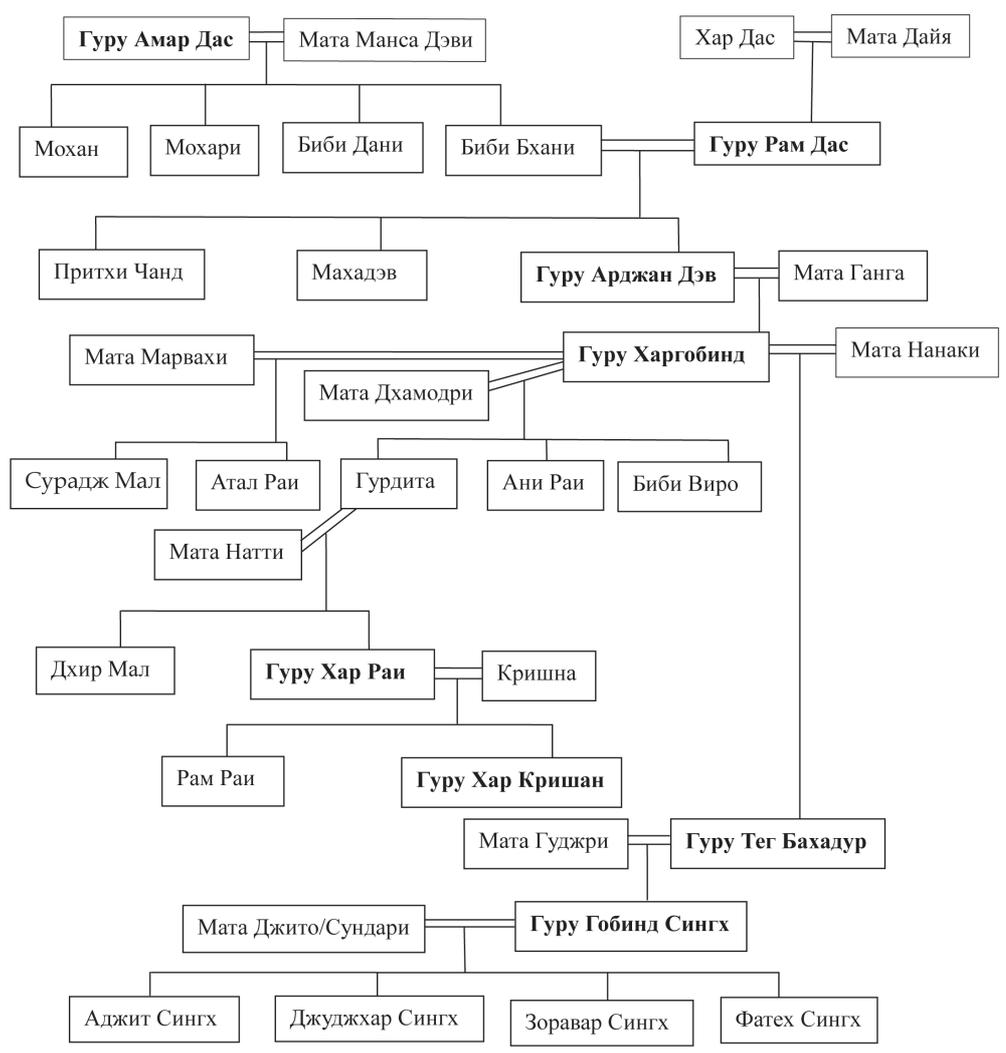
Окончание таблицы

Южная Азия	Мир
1951 – фильм «Бродяга» Раджа Капура	1954–55 – Дж.Р.Р. Толкин «Властелин колец»
1956 – образование Республики Пакистан	1956 – Суэцкий кризис; восстание в Венгрии
1960 – фильм «Великий Могол» К. Асифа	1957 – независимость первой колонии в Африке (Гана); первый искусственный спутник (СССР)
1962 – пограничная война Индии с КНР	1959–69 – президентство Ш. де Голля во Франции (начало Пятой республики)
1965 – вторая индо-пакистанская война	1961 – полёт Юрия Гагарина в космос
1966–77 – Индира Ганди у власти в Индии	1962 – свобода Алжира; Карибский кризис
1967 – начало движения наксалитов в Индии	1968 – волнения и забастовки во Франции
1971 – третья индо-пакистанская война и образование государства Бангладеш	1971 – отказ США от золотого стандарта: конец Бреттон-Вудской системы
1972 – образование Республики Шри Ланка	1973 – мировой нефтяной кризис
1974 – ядерные испытания в Индии	1975 – совещание в Хельсинки
1977–88 – военный режим генерала Мухаммада Зия-уль-Хака в Пакистане	1979 – исламская революция в Иране; вторжение СССР в Афганистан
1980–84 – премьер-министерство Индиры Ганди (ИНК(И) в Индии	1979–90 – премьер-министерство Маргарет Тэтчер в Великобритании
1983 – начало гражд. войны на Шри Ланке	1981–89 – президентство Р. Рейгана в США
1984–89 – премьер-министерство Раджива Ганди (ИНК(И) в Индии	1987 – начало реальной перестройки в СССР; основание «аль-Каиды»
1985 – образование SAARC	1989 – уход СССР из Афганистана
1991 – начало либеральных экономических реформ в Индии	1991 – первая война в Заливе; падение коммунистического порядка и распад СССР
1992 – разрушение индуистскими фанатиками мечети Бабри в Айодхье	1993 – Маастрихтский договор: оформление Европейского Союза
1998 – ядерные испытания в Индии и Пакистане	1994 – возникновение движения «Талибан» в Афганистане; начало войны в Чечне
1996 – начало маоистского восстания в Непале	1997 – начало проекта «Гарри Поттер»
1998–2004 – премьер-министерство А.Б. Ваджпай (Бхаратия Джаната Парти) в Индии	1997–98 – азиатский финансовый кризис
1998–2008 – военный режим генерала Первеза Мушаррафа в Пакистане	1998 – теракты в Кении и Танзании; конец правления М. Сухарто в Индонезии
2001 – нападение боевиков на индийский парламент	2001 – теракты 11 сентября в США; вторжение США в Афганистан
2004 – приход к власти ИНК(И) в Индии	2003 – оккупация США Ирака
2007 – падение монархии в Непале; убийство Беназир Бхутто в Пакистане	2007 – начало мирового финансового кризиса
2008 – взрывы в Мумбаи	2009 – запуск Большого адронного коллайдера
2009 – разгром тамильских сепаратистов на Шри Ланке	2010 – экологическая катастрофа в Мексиканском заливе

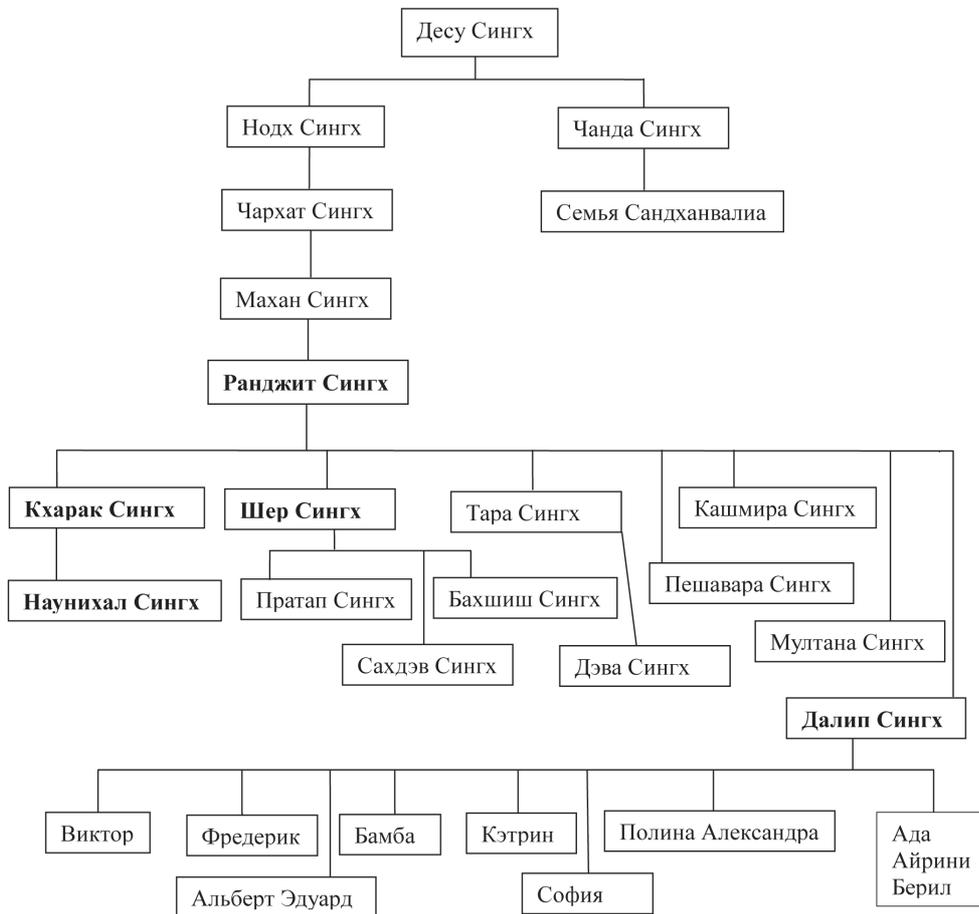
ПРИЛОЖЕНИЕ II

Генеалогические древа династий гуру Рам Даса и саркара Ранджит Сингха

1. Династия Рам Даса

2. Династия Ранджит Сингха

Список использованных источников и литературы

Источники

- Биорнштиерна М.Ф. 1847. Британская империя в Индии. М.: Университ. тип.
Послания князя Андрея Курбского Ивану Грозному. <http://old-ru.ru/07-25.html>, <http://old-ru.ru/07-27.html>, <http://old-ru.ru/07-29.html>.
- Русско-индийские отношения в XIX в.: Сборник архивных документов и материалов. 1997. М.: Вост. лит.
- Салтыков А.Д. 1985. Письма об Индии. М.: ГРВЛ.
- Aitchison C.U. 1931. Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to India and Neighbouring Countries. 10 vols. Vol. I. The Treaties etc., Relating to the Punjab, the Punjab States and Delhi. Calcutta: Govt. of India.
- Cavendish Bentinck W. 1977. The Correspondence of Lord William Cavendish Bentinck, Governor-General of India, 1828–1835 / Ed. by C.H. Philips. Oxford: Oxford University Press.
- A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan. 1812. L.: E. Cox and Son.
- English Records of Maratha History. Poona Residency Correspondence. 1936. 15 vols. Vol. I. Mahadji Sindhia and North Indian Affairs, 1785–1794/ Ed. by J. Sarkar. Bombay: Govt. Central Press.
- Hardinge H. 1986. The Letters of the First Viscount Hardinge of Lahore to Lady Hardinge and Sir Walter and Lady James, 1844–1847 / Ed. by B.S. Singh. L.: Office of the Royal Historical Society, University College.
- Jacquemont V. 1833. Correspondance de Victor Jacquemont avec sa famille et plusieurs de ses amis, pendant son voyage dans l'Inde (1828–1832). 2 t. P.: Fournier. Tome I.
- Malcolm J. 1970. The Political History of India (1784 to 1823). 2 vols. New Delhi: Associated Publ. House. Vol. II.
- Muir R. 1969. The Making of British India, 1756–1858. Described in a Series of Despatches, Treaties, Statutes, and Other Documents, selected and ed. with introd. and notes. Lahore etc.: Oxford University Press.
- Orme R. 1974. Historical Fragments of the Mogul Empire, of the Morattoes, and of the English Concerns in Indostan from the year MDCLIX. New Delhi: Associated Publ. House.
- The Panjab in 1839–40: Selections from the Panjab Akhbars, Panjab Intelligence, etc. Preserved in the National Archives of India, New Delhi / Ed. by G. Singh. 1952. Amritsar; Patiala: Sikh History Society.
- Private Correspondence Relating to the Anglo-Sikh Wars (Being Private Letters of Lords Ellenborough, Hardinge, Dalhousie and Gough and of Political Assistants Addressed to Sir Frederick Currie as British Resident at Lahore, etc.) / Ed. with an introd. by G. Singh. 1955. Amritsar; Patiala: Sikh History Society.
- Punjab on the Eve of First Sikh war: A Documentary Study of the Political, Social and Economic Conditions of the Panjab as Depicted in the Daily Letters Written Chiefly from Lahore by

- British Intelligencers During the Period 30 December 1843 to 31 October 1844 / Ed. with notes and introd. by H.R. Gupta. 1956. Hoshiarpur: Panjab University.
- The Punjab Papers: Selections from the Private Papers of Lord Auckland, Lord Ellenborough, Viscount Hardinge, and the Marquis of Dalhousie, 1836–1849 on the Sikhs / Ed. and annotated with an introd. by B.J. Hasrat. 1970. Hoshiarpur: V.V. Research Institute Press.
- Singh, Ganda. 195-. Some Correspondence of Maharaja Duleep Singh. S.I.
- Steinbach H. 1976. The Panjaub, Being a Brief Account of the Country of the Sikhs. Karachi etc.: Oxford University Press.
- Suri L.S.L. 1961. An Outstanding Original Source of Panjab History. Umdat-ut-Tawarikh. Daftar III, Parts I–V. The Chronicle of the Reign of Maharaja Ranjit Singh, 1831–1839 A.D. Delhi etc.: S. Chand.
- The Tuzuk-i-Jahangiri; or, Memoirs of Jahangir / Transl. by A. Rogers. 1909. L.: Royal Asiatic Society.
- Турпоо-Заеб. Révolutions de l'Inde pendant le dix-huitième siècle, ou Mémoires de Турпоо-Заеб, sultan de Maissour. Écrits par lui-même, et traduits de la langue indostane. 1796. 2 t. P.: Bridel. Tome II.
- Warren E. de. L'Inde anglaise en 1843–1844. 1845. 3 t. P.: Comon. Tome III.
- Гуру Гобинд Сингх. Зафарнама (на фарси). www.zafarnama.com
- Гуру Гобинд Сингх. Фатехнама (на фарси). www.zafarnama.com
- Kamwar Khan, Muhammad Hadi. Tazkirat us-Salatin Chaghta: A Mughal Chronicle of post-Aurangzeb Period, 1707–1724. 1980. Bombay etc.: Asia (на фарси).
- Khafi Khan. The Muntakhab ul-lubab. Part II. 1874. Calcutta: Urdoo Guide Press (на фарси).
- Persian Documents: Being the Letters, Newsletters and Kindred Documents Pertaining to the Several States Existing in India in the Last Quarter of the Eighteenth Century, from the Oriental Collection of the National Archives of India. 1966. Part I: Text / Ed. by P. Saran. L.: Asia (на фарси).

Исследования

- Агеев В.Ф. 1979. Английское завоевание Синда. М.: ГРВЛ.
- Алаев Л.Б. 1964. Южная Индия: социально-экономическая история XIV–XVIII веков. М.: Наука.
- Алаев Л.Б. 1981. Сельская община в Северной Индии. М.: ГРВЛ.
- Алаев Л.Б. 1999. Формационное развитие стран Востока на рубеже нового времени (Глава 1) // История Востока. Том III. Восток на рубеже средневековья и нового времени, XVI–XVIII вв. М.: Вост. лит.
- Алаев Л.Б. 2003. Средневековая Индия. СПб.: Алетейя.
- Антонова К.А. 1973. Советские индологи о причинах падения Могольской империи // Очерки экономической и социальной истории Индии. М.: ГРВЛ.
- Ашрафян К.З. 1965. Аграрный строй Северной Индии (XIII — середина XVIII в.). М.: ГРВЛ.
- Бельский А.Г., Фурман Д.Е. 1992. Сикхи и индусы: религия, политика, терроризм. М.: ГРВЛ.
- Большакова В.М. 2010. Правовое регулирование англо-сикхских отношений и эволюция государственного строя в Панджабе в XIX в. (историко-правовое исследование). Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. юрид. наук. Владимир.
- Ванина Е.Ю. 1993. Идеи и общество в Индии в XVI–XVIII вв. М.: ГРВЛ.
- Ванина Е.Ю. 1994. Сикхизм // Вопросы истории. М. № 8.
- Гуру эпохи Водолея: притчи и истории о Гуру Нанаке / Под ред. Х.К. Каур. 2006. Тула: Йога — Экс-Пресс.

- Демичев К.А. 2007. Политика Великобритании в Пенджабе в XIX в. Автореферат на соискание учёной степени канд. ист. наук. Нижний Новгород.
- Демичев К.А. 2008. Всадницы Ранджит Сингха // Восточная коллекция. М. № 3.
- Захарьин Б.А. 1996. Символика «пятерницы» в сикхизме // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. М. № 4.
- Захарьин Б.А., Хохлова Л.В. 1995. Термин «гуру» и его эволюция в некоторых направлениях индийской духовной культуры // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. М. № 3.
- Каплан А.Б. 1979. Путешествие в историю: Французы в Индии. М.: ГРВЛ.
- Клюев Б.И. 2002. Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН.
- Котин И.Ю. 2008. Основные этапы формирования транснациональной сикхской общины: учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Кочнев В.И. 1968. Государство сикхов и Англия. М.: ГРВЛ.
- Кочнев В.И. 1973. Гуру Говинд Сингх — реформатор сикхизма // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии / Под ред. Г.Г. Стратановича. М.: ГРВЛ.
- Науменков О.А. 2004. Роберт Солсбери и его время: Викторианская Англия в лицах. СПб.: Нева.
- Носов К.С. 2008. Замки и крепости Индии. СПб.: Атлант.
- Носов К.С. 2011. Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо.
- Рабинович И.С. 1972. «Изначальная книга» и «Книга десятого гуру» — памятники индийского возрождения // Гуру Нанак. К 500-летию со дня рождения поэта и гуманиста Индии / Под ред. К.З. Ашрафян, Э.Н. Комарова. М.: ГРВЛ.
- Райков А.В. 1985. Амритсарская трагедия 1919 г. и освободительное движение в Индии. М.: ГРВЛ.
- Райков А.В. 2004. Мятежный махараджа. Липецк: ЛГПУ.
- Рейснер И.М. 1961. Народные движения в Индии в XVII–XVIII вв. М.: Изд. вост. лит.
- Религия сикхов. 1997. Ростов н/Д: Феникс.
- Робинсон Р. 2006. Доспехи народов Востока: история оборонительного вооружения. М.: Центрполиграф.
- Самыгин С.И., Нечипуренко В.Н. 1995. Религия сикхов: Социально-философские аспекты. Учебное пособие. Ростов н/Д: Пегас.
- Семёнова Н.И. 1958. Государство сикхов: Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в. М.: Изд. вост. лит.
- Семёнова Н.И. 1963. История сикхского движения в Индии. М.: Изд. вост. лит.
- Суворова А.А. 2009. Любить Лахор: топофилия восточного города. М.: Вост. лит.
- Успенская Е.Н., Котин И.Ю. 2007. Сикхизм. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение.
- Фурсов А.И. 1996. Колокола Истории. М.: ИНИОН РАН.
- Фурсов К.А. 2006. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской Компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК.
- Фурсов К.А. 2010. Распад Могольского султаната: интерпретации // «В России надо жить долго...»: памяти К.А. Антоновой (1910–2007) / Сост. и отв. ред. Л.Б. Алаев, Т.Н. Загородникова. М.: Вост. лит.
- Хохлова Л.В., Захарьин Б.А. 1991. «Джанам сакхи» — памятник литературы раннего сикхизма // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. М. № 4.
- Шаститко П. 1957. Миссия Мехти Рафаилова к Ранджит Сингху // Советское востоковедение. М. № 4.
- Шаститко П.М. 1967. Нана Сахиб (Рассказ о народном восстании 1857–1859 гг. в Индии). М.: Наука.
- Ширококорд А.Б. 2003. Россия — Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ.

- Эгертон Э. 2007. Индийское и восточное оружие: от державы Маурьев до империи Великих Моголов. М.: Центрполиграф.
- Akbar M. 1948. The Punjab under the Mughals. Lahore: Ripon.
- Alam M. 1986. The Crisis of Empire in Mughal North India: Awadh and the Punjab, 1707–1748. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- Alexander M., Anand S. 1980. Queen Victoria's Maharajah: Duleep Singh, 1838–93. New Delhi etc.: Weidenfeld and Nicolson.
- Archbold W.A.J. 1929. The Conquest of Sind and the Punjab (Chapter XXIX) // The Cambridge History of India. Vol. V. British India / Ed. by H.H. Dodwell. Cambridge: At the University Press.
- Archer J.C. 1946. The Sikhs in Relation to Hindus, Moslems, Christians and Ahmadiyyas. A Study in Comparative Religion. Princeton: Princeton University Press.
- Arshi P.S. 1986. Sikh Architecture in Punjab. New Delhi: Intellectual.
- Bajwa F.S. 1964. Military System of the Sikhs during the Period 1799–1849. Delhi etc.: Motilal Banarsidass.
- Bakshi S.R. 1971. British Diplomacy and Administration in India, 1807–13. New Delhi: Munshiram Manoharlal.
- Bal S.S. 1974. A Brief History of the Modern Punjab. Ludhiana etc.: Lyall Book Depot.
- Banerjee A.Ch. 1978. Guru Nanak to Guru Gobind Singh. Allahabad; New Delhi: Rajesh.
- Bayly C.A. 1983. Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Bayly C.A. 1988. Indian Society and the Making of the British Empire/ New Cambridge History of India. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bayly C.A. 1989. Imperial Meridian: The British Empire and the World, 1780–1830. N.Y.; L.: Longman.
- Bayly C.A. 2004. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden (Mass.) etc.: Blackwell.
- Blyth R.J. 2003. The Empire of the Raj: India, Eastern Africa and the Middle East, 1858–1947. Basingstoke; N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Bruce G. 1969. Six Battles for India. The Anglo-Sikh Wars: 1845–6, 1848–9. L.: Arthur Barker.
- Chhabra G.S. 1968. Advanced History of the Punjab. Jullundur: New Acad. Publ. Co. Vol. I.
- Chopra B.R. 1969. Kingdom of the Punjab, 1839–1845. Hoshiarpur: Vishveshvaranand Institute.
- Chopra G.L. 1960. The Panjab as Sovereign State (1799–1839). Thesis approved for the degree of Doctor of Philosophy in the University of London. Hoshiarpur: Vishveshvaranand Vedic Research Institute.
- Cook H. 1975. The Sikh Wars: The British Army in the Punjab, 1845–1849. L.: Cooper.
- Cunningham J.D. 1903. A History of the Sikhs from the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej. Calcutta: Sanyal.
- Data P.C. 1986. The Sikh Empire (1708–1849 A.D.). Delhi: National Book Shop.
- David S. 2007. Victoria's Wars: The Rise of Empire. L.: Penguin Books.
- Duggal K.S. 1980. The Sikh Gurus: Their Lives and Teachings. New Delhi etc.: Vikas.
- Duggal K.S. 2001. Maharaja Ranjit Singh, the Last to Lay Arms. New Delhi: Abhinav.
- Gazetteer of the Punjab Provincial Volume. 1888–9. Calcutta: Calcutta Central Press Co., s.a.
- Gill P.S. 1978. History of the Sikh Nation: Foundation, Assassination, Resurrection. Jullundur: New Academic Publ. Co.
- Gommans J.J.L. 1995. The Rise of the Indo-Afghan Empire c. 1710–1780. Leiden: Brill.
- Gough C., Innes A.D. 1986. The Sikhs and the Sikh Wars: The Rise, Conquest and Annexation of the Punjab State. Delhi: Gian.
- Grewal J.S. 1969. Guru Nanak in History. Chandigarh: Punjab University.

- Grewal J.S. 1999. *The Sikhs of the Punjab / The New Cambridge History of India. II.3.* New Delhi: Cambridge University Press.
- Griffin L. 1892. *Ranjit Singh.* Oxford: Clarendon Press.
- Gupta H.R. 1984–91. *History of the Sikhs.* New Delhi: Munshiram Manoharlal. 5 vols.
- Gyani G.S. 197-. *Lives of Sikh Gurus and Basic Principles of Sikhism.* S.l.
- Habib I. 1963. *The Agrarian System of Mughal India.* L.: Asia.
- Hasrat B.J. 1968. *Anglo-Sikh Relations 1799–1849: A Reappraisal of the Rise and Fall of the Sikhs.* Hoshiarpur: V.V. Research Institute Press.
- History of Anglo-Sikh Wars/* Ed. by O. Prakash. 2004. New Delhi: Anmol.
- History of the Sikhs; or, Translation of the Sikhian da Raj di Vikhia /* Transl. and ed. by Major Henry Court. 1888. Lahore: Civil and Military Gazette.
- Holmes R. *Sahib: The British Soldier in India, 1750–1914.* 2006. L. etc.: Harper Perennial.
- Hopkirk P. 1990. *The Great Game: On Secret Service in High Asia.* L.: John Murray.
- Hunter W.W. 1882. *The Indian Empire: Its History, People and Products.* L.: Trübner.
- Huttenback R.A. 1962. *British Relations with Sind 1799–1843: An Anatomy of Imperialism.* Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Imlah A.H. 1939. *Lord Ellenborough: A Biography of Edward Law, Earl of Ellenborough, Governor-General of India.* Cambridge (Mass.): Harvard University Press.
- Irvine W. 1971. *Later Mughals.* New Delhi: Oriental Repr. 2 vols in one.
- Jeffery K. 1999. *The Second World War (Chapter 13) // The Oxford History of the British Empire. Vol. IV. The Twentieth Century /* Ed. by J.M. Brown and W.R. Louis. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- Johar S.S. 1967. *Guru Gobind Singh: A Biography.* Delhi; Jullundur: Sterling.
- Kaur G. 1990. *Political Ideas of Sikh Gurus.* New Delhi: Deep and Deep.
- Keay J. 2000. *India: A History.* L.; New Delhi: Harper Collins.
- Keith A.B. 1936. *The Governments of the British Empire.* L.: Macmillan.
- Khilnani N.M. 1972. *British Power in the Punjab, 1839–1858.* L.: Asia.
- Krishen I. 1952. *An Historical Interpretation of the Correspondence of Sir George Russel Clerk, Political Agent, Ambala and Ludhiana, 1831–43.* Thesis approved for the Degree of Doctor of Philosophy in the University of Punjab, Lahore. Delhi: Gulab Chand Kapur and Sons.
- Kumar V. 1978. *India under Lord Hardinge.* New Delhi; Allahabad: Rajesh.
- Latif S.M. 1964. *History of the Panjab: From the Remotest Antiquity to the Present Time.* New Delhi: Eurasia.
- Mahajan J. 1949. *Circumstances Leading to the Annexation of the Punjab, 1846–1849. (A Historical Revision).* Allahabad; Karachi: Kitabistan.
- Macauliff M.A. 1909. *The Sikh Religion: Its Gurus, Sacred Writings and Authors.* 6 vols. Oxford: Clarendon Press. Vol. I–II.
- Maharaja Ranjit Singh. *First Death Centenary Memorial.* 1939. Amritsar: Khalsa College.
- Malik A.D. 1975. *An Indian Guerilla War: The Sikh People's War, 1699–1768.* New Delhi etc.: Wyley Eastern.
- Marshall P.J. 1993. *Western Arms in Maritime Asia in the Early Phases of Expansion // Marshall P.J. Trade and Conquest: Studies on the Rise of British Dominance in India.* Aldershot; Brookfield: Variorum.
- Matringe D. 2008. *Les sikhs: histoire et tradition des "Lions du Panjab".* P.: Albin Michel.
- McLeod W.H. 1968. *Guru Nanak and the Sikh Religion.* Oxford: Clarendon Press.
- McLeod W.H. 1976. *The Evolution of the Sikh Community. Five essays.* Oxford: Clarendon Press.
- McLeod W.H. 1989. *The Sikhs: History, Religion and Society.* N.Y.: Columbia University Press.
- Moon P. 1999. *The British Conquest and Dominion in India.* New Delhi: India Research Press. Part One. 1745–1857.

- Nalwa V. 2009. Hari Singh Nalwa — Champion of the Khalsaji (1791–1837). New Delhi: Manohar Books.
- Nijjar B.S. 1974. Panjab under the British Rule (1849–1947). 3 vols. New Delhi: K.B. Publications. Vol. I. 1849–1902.
- Panikkar K.N. 1968. British Diplomacy in North India: A Study of the Delhi Residency 1803–1857. New Delhi: Associated Publ. House.
- Payne C.H. 1970. A Short History of the Sikhs. Punjab: Dep. of Languages.
- Pemble J. 1977. The Raj, the Indian Mutiny, and the Kingdom of Oudh, 1801–1859. Sussex: Harvester Press.
- Pettigrew J. 1975. Robber Noblemen: A Study of the Political System of the Sikh Jats. L.; Boston: Routledge & Kegan Paul.
- Prinsep H.T. 1836. Origine et progrès de la puissance des sikhs dans le Penjab, et histoire de maha-rajah Randjit Singh. P.: Bertrand.
- Quigley C. 1981. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. N.Y.: Books in Focus.
- Ray N. 1970. The Sikh Gurus and the Sikh Society: A Study in Social Analysis. Patiala: Punjabi University.
- Richards J.F. 1993. The Mughal Empire / The New Cambridge History of India. I.5. New Delhi: Cambridge University Press.
- Roy T. 2006. The Economic History of India, 1857–1947. Oxford etc.: Oxford University Press.
- Sandhu A.S. 1935. General Hari Singh Nalwa, 1791–1837. Lahore: Cunningham Historical Society.
- Sarkar J. 1937. Aurangzib (1658–1681) (Chapter VIII) // The Cambridge History of India. Vol. IV. The Mughul Period / Ed. by R. Burn. Cambridge: At the University Press.
- Sethi R.R. 1950. The Lahore Durbar (In the Light of the Correspondence of Sir C.M. Wade, 1823–1840). Delhi: Punjab Govt. Record Office.
- Sethi R.R. 1960. The Mighty and Shrewd Maharaja (Ranjit Singh's Relations with Other Powers). Delhi etc.: Chand.
- Sikhism and Indian Civilization / Ed. by R.K. Pruthi. 2004. New Delhi: Discovery.
- Singh B.S. 1974. The Jammu Fox: A Biography of Maharaja Gulab Singh of Kashmir, 1792–1857. Carbondale, Edwardsville: Southern Illinois University Press; L.; Amsterdam: Feffer and Simons.
- Singh D. 2004. Punjab: Socio-economic Condition, 1501–1700 A.D. New Delhi: Commonwealth.
- Singh, Ganda. 1955. The British Occupation of the Punjab. Patiala: Sikh History Society.
- Singh, Ganda. 1956. A Brief Account of the Sikh People. Patiala: Sikh History Society.
- Singh, Gopal. 1988. A History of the Sikh People (1469–1988). New Delhi etc.: Allied Publishers.
- Singh H. 1969. Guru Nanak and the Origins of the Sikh Faith. Bombay etc.: Asia.
- Singh H. 1980. Maharaja Ranjit Singh. New Delhi etc.: Sterling Publishers.
- Singh H. 1982. Guru Tegh Bahadur. New Delhi etc.: Sterling.
- Singh J. 1981. The Sikh Revolution: A Perspective View. New Delhi: Bahri Publications.
- Singh Kh. 1963–66. A History of the Sikhs. L.; Bombay: Oxford University Press. 2 vols.
- Singh Kh. 1971. The Fall of the Kingdom of the Punjab. Bombay etc.: Orient Longman.
- Singh Kh. 1985. Ranjit Singh, Maharajah of the Punjab. New Delhi: Orient Longmans.
- Singh Kh. 2006. The Illustrated History of the Sikhs. New Delhi etc.: Oxford University Press.
- Singh N. Studies in the History of the Sikhs: The Struggle for Breath, 1710–1753 A.D. Lahore, n.d.
- Singh T. 1951. Sikhism: Its Ideas and Institutions. Bombay etc.: Orient Longmans.
- Singh T., Singh G. 1950. A Short History of the Sikhs. Bombay etc.: Orient Longmans.
- Sinha N.K. 1946. Rise of the Sikh Power. Calcutta: University of Calcutta.

- Smith V.A. 1964. The Oxford History of India. Oxford: Clarendon Press.
- Social Philosophy and Social Transformation of the Sikhs / Ed. by R.N. Singh. 2003. New Delhi: Commonwealth.
- Sood D.R. 1968. Ranjit Singh. New Delhi: National Book Trust.
- Stein B. 1998. A History of India. Oxford: Blackwell.
- Thapar K.S. 1977. From the Russian Archives: Papers Relating to Maharaja Dalip Singh // Journal of Sikh Studies. Amritsar. Vol. IV, № 1.
- Toynbee A. 1954. A Study of History. 10 vols. L. etc.: Oxford University Press. Vol. VIII. Victorian Military Campaigns / Ed. by B. Bond. 1967. L.: Hutchinson.
- Wink A. 1986. Land and Sovereignty in India: Agrarian Society and Politics under the Eighteenth-century Maratha Svarājya. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Видьявачаспати И. 1956. Бхарат мен британш самраджья ка удай аур аст (Взлёт и падение Британской империи в Индии). Дели: Атмарам энд санс. Т.1. (на хинди).
- Сен С.Н. 1957. Атхарах сау саттаван (Тысяча восемьсот пятьдесят седьмой год). Дели: Пабликешан дивижн, Сучна эвам прасар мантралай (на хинди).
- Синх К. 1959. Бхарат ка итихас (История Индии). Калькутта: Хинди праچارак пуштакалай (на хинди).

Summary

K.A. Fursov's monograph *The Lions of the Five Rivers' Land: The Sikhs — Asia's Great Warriors* deals with the prominent religious community of the Punjab. The author narrates its rich history with an accent on its military and political aspects and analyses causes and the process of the Sikhs' transformation from a peaceful community into a military brotherhood and a polity. The epoch under study covers nearly four hundred years from the last third of the fifteenth to the middle of the nineteenth centuries, i.e. from the birth of Sikhism to the Anglo-Sikh wars, being probably the most heroic page of Sikh history. The author ponders on factors of the Sikh community's transformation into a war machine, as well as of the ripening of the independent Punjab power in the depths of the Mughal Sultanate, retraces the stages of the Sikhs' way towards the creation of their own empire and the causes of their dramatic clash with the British.

Today the Sikhs make up no more than 2% of the Indian population. However, they play a conspicuous role in the social, economic, military, scientific and political life of present-day India because of their active way of life and the spirit of enterprise. Since «the green revolution» (and even earlier) the Punjab has been the granary of India. Famous for their martial traditions the Sikhs are widely present in the armed forces comprising 15% of the rank and file personnel and 20% of the officers' corps. There exists a numerous Sikh diaspora outside the Punjab and outside India. They often work as businessmen, engineers, policemen and drivers. In economic terms the Sikh diaspora is one of the most successful in the world.

The Sikh history is a very stormy and eventful one, full of desperate struggle against external enemies. Few religions in the world history have been evolving in such hostile circumstances as Sikhism has been compelled to. Yet the Sikh community has managed to overcome all difficulties and has become one of the eminent members of the family of Indian communities.

The monograph is divided into seven chapters according to the seven major periods of the Sikh history singled out by the author.

The first period (late fifteenth — sixteenth centuries) was that of the making of the Sikh community. The founder of the new religion — a monotheist one by character — was Nanak Dev (1469–1539) whose followers became known as the Sikhs, “the disciples”. Sikhism emerged as the evolution of Bhakti and Sufi religious ideas; therefore it can be called to some extent an “alloy” of Hinduism and Islam. Nanak taught genuine love of the God, equality before him and non-vio-

lence. To bring his views closer to the audience, Nanak sang his hymns, founding the wonderful music tradition of Sikhism (emphasized by the Punjabi language which is quite melodious in itself). The secret of the endurance of Sikhism in comparison with some other religious movements of India was the institutionalization of Nanak's teachings in the social institutions of the *Guru* (spiritual leader whose authority was indisputable), the *sangat* (community) and the *langar* (common kitchen open to all regardless of caste and other distinctions). From the very start Sikhism was distinguished by its emphasis on social ethics and active worldly life.

Nanak's successor, the second Sikh Guru — Angad Dev (years of *Gurta*: 1539–52) strengthened the community's institutions and is attributed to the invention of the Gurmukhi script used by all Panjabi Sikhs today. In the third Guru's time, that of Amar Das (1552–74) the Sikhs developed their own festivals, rituals of the life cycle and even places of pilgrimage which began to distinguish them from the mass of the Hindu population. The fourth Guru — Ram Das (1574–81) built the sacred pool named Amritsar around which the Sikh holy city was to emerge.

The time of the fifth Guru — Arjan Dev (1581–1606) saw the beginning of the radical transformation of the evolving religious community into a theocratic patrimonial polity. The Gurus began turning from mere spiritual teachers into small potentates, princes possessing lands and collecting taxes from their disciple subjects. Guru Arjan built in Amritsar the main temple of Sikhism — Hari Mandir (later known by the Europeans as the Golden Temple) that proved to be the geographic centre of the religion, the unifying place for all Sikhs. After that he saw to the composition of a holy scripture — Adi Granth — that would yet further impart on his disciples the feeling of separateness, strengthen their common identity as Sikhs. It was in Arjan's time that Sikhism finally became a separate religion distinct from Hinduism. He also encouraged his Sikhs to engage in trade (especially in horses) enhancing the wealth of the community.

So far Sikhism remained the religion of a rather small group, predominantly of the members of the Khatri caste — that of scribes and accountants. By the late sixteenth century, however, Sikhism began to attract large numbers of Punjabi people, especially from the Jat peasant caste, dominant in the countryside, as well as from some lower castes. Their admission to the community proved to be the main factor in its transformation. Attracted by the Gurus' egalitarian teachings, by their conversion the neophytes intended to raise their social status within the Indian caste system. It could be achieved best of all if their Guru was not just a spiritual leader, but a political figure as well. That is why a large part of the evolving community supported claims of their Gurus (who began to turn into a dynasty) to some political power over them. It is no coincidence that from Arjan's days the Sikhs began to name their Guru *sacha padshah*, "the true king". Besides the reverence due to him as a religious guide it was the recognition of his emergence as a secular prince as well.

The tendency was noted by the authorities of the Mughal Sultanate. In Shah Akbar's time (reigned 1558–1605) the empire on the whole looked at the Sikhs benevolently regarding them as one of its subjects' many religious groups that were not to be molested without need. However, the next Shah Jahangir (r.1605–27) perceived them as a political threat, for Arjan rendered some support to his rebellious son. The fifth Guru was arrested and executed becoming the first Guru martyr.

The second period of the Sikh history (the greater part of the seventeenth century) was that of the community's further development into a body politic.

The sixth Guru — Hargobind (Gurta: 1606–44) formally separated the two components of Guru's power — the spiritual (*piri*) and the secular (*miri*). This very fact meant admitting that the Gurus already possessed both. Hargobind encouraged the Sikhs to wield arms and built a small army. After some time Jahangir arrested him too, but soon drastically changed attitude and tried to integrate the evolving Sikh polity into the sultanate by making the Guru an imperial police officer. Hargobind did not refuse the grant intending in the meanwhile to strengthen his own power.

After the accession of Shah Jahan (r. 1628–58) the relations between the Mughals and the Sikhs worsened. The new Shah looked askance at the nascent principality right in the heart of his empire. A number of armed clashes followed in which the Sikhs emerged victorious. These clashes demonstrated that a new regional power was maturing in the Punjab that in time would prove capable of disputing the Mughals' supreme rule in the province. However neither side saw the conflict as too serious yet and with the change of the governor-general in the provincial capital of Lahore the empire left the Sikhs alone. Hargobind went down in the Sikh history as the first Guru warrior laying the foundations of the Sikhs' future military might.

The time of the seventh Guru — Har Rai (1644–61) was marked by a sharp division in the community when two other representatives of the dynasty proclaimed themselves as Gurus. During the Mughal princes' war of succession Har Rai offered armed support to one of them, which shows how far by that time the peaceful community of Nanak's followers went along the path to a polity of their own. The defeat of that candidate by Aurangzeb who became the next Shah (r.1658–1707) did nothing to endear the Sikhs to the authorities.

The eighth Guru — Har Krishan (1661–64) was a child who died of smallpox.

The ninth Guru — Tegh Bahadur (1664–75) found his positions in the community weak and went on a several years' trip to Eastern India to get the support of local Sikh sangats. Returning to the Punjab he settled in Anandpur at the foot of the Shivalik mountain range. At that time the disintegration of the Mughal Sultanate was beginning to which Aurangzeb responded by repressions and intolerable religious policy. Making a Kashmiri brahmans' plea of intercession before the

Mughal authorities a pretext for Tegh Bahadur's arrest Aurangzeb had him beheaded.

The third period of the Sikh history (the late seventeenth – early eighteenth centuries) was the crucial one in the Sikhs' transformation from a religious community into a polity.

The tenth and last Guru – Gobind (1675–1708) activated the process of the Guru's turning into a prince. His neighbours, the rajas of Shivalik hill principalities were discontent with the Sikh religion spreading in their dominions, for its egalitarian appeal meant they were losing subjects in favour of the Guru. The rajas attacked Anandpur again and again, joined sometimes by Mughal armies. Responding to the growing external threat Guru Gobind in 1699 carried out a radical socio-religious reform creating the Khalsa – a strongly militarized brotherhood of his disciples. The membership in the new community was to be marked by external attributes: the Sikh men had to follow the “five Ks” rule – to wear long hair, a wooden comb, an iron bracelet, and short trousers and to carry a short sword. To their names Sikh men attached the element “Singh” (“Lion”) and women – “Kaur” (“Princess”) which meant one more attempt to raise the social status to that of the Rajput lords. The overall aim of the reform was to unite the Sikhs before the imminent external danger as well as to formalize the internal social tendency within the community. It strengthened Gobind Singh's own power and finally legalized the transfer of leadership in the community from higher to lower castes, from the Khattris and some Brahmans to the Jats and other castes whose members became predominant among the Sikhs by that time.

The evolution of the Sikh religion from the idea of non-violence preached by the first Guru Nanak to the idea of paying evil with evil, ultimately asserted by the tenth Guru Gobind Singh, is striking. Yet it was logical, for the possibility of that evolution had been in Nanak's idea of fearlessness and the fact of the community's transformation into a polity. In 1699 the Sikh society underwent the phenomenon which in biology is termed a useful mutation: with its very existence at stake the whole of the community turned into a war machine.

Gobind Singh's reform bore fruit immediately. In annual battles with the hill rajas and the Mughals the Sikhs proved a formidable enemy holding them at bay. Yet in 1704 the empire prevailed, the Guru had to leave Anandpur, his forces were scattered and all of his four sons were killed. However even in hiding Gobind Singh did not despair, but sent two proud messages in Persian verse named *Fatehnama* and *Zafarnama* to Aurangzeb. (The author of the monograph has translated both poems from Farsi into Russian in verse and analyzed them as historical sources.) With rebellions all over his empire the shah understood he was not able to crush the Sikhs and decided to conciliate them, but soon died. In an usual war between the princes Gobind Singh supported the candidate who emerged victorious and came to his court. However Gobind sought in vain justice against the governor-

general of Lahore and was assassinated. He died having declared that this time the Gurta transferred not to a living man, but to the holy scripture — Guru Granth. Gobind Singh is seen by the Sikhs as the great hero and the ideal man.

Guru Gobind had a charismatic successor, Banda Bahadur who was able to kindle a fierce rebellion against the Mughal Sultanate. For a brief period he ruled a vast portion of the Punjab as a totally independent ruler. The underlying reason for his success, and indeed for the Sikh movement as a whole, was the determination of many of the landowners (including peasants) in the circumstances of economic rise to free themselves from the imperial control at last. Still in 1715 the Mughals managed to crush the rebellion and the following year executed Banda and hundreds of his followers.

The fourth period (the 1710–60s) proved to be the darkest one, the most tragic in the Sikh history. It was the time of the Sikhs' desperate struggle for survival — first with the already declining Mughal Sultanate and then with the Afghan invaders.

After the execution of Banda Bahadur the Mughal administration of the Punjab hunted the Sikhs as wild beasts. It was a genuine genocide. The Khalsa was leaderless, but the democratic potential imparted on it by Guru Gobind revealed itself. Those Sikhs, who did not intend to bow before the Peacock Throne (i.e. the Mughal Sultanate), demonstrating wonderful ability for self-organization, formed small detachments and stubbornly waged a guerrilla war. The empire struck back responding by large-scale repressions, but tended to hit indiscriminately the population at large. The counterproductive measures engendered yet more stiff resistance winning popular support for the Sikhs. Sikhism was turning into a banner of opposition to the imperial oppression in much of the Punjab.

The Sikh movement was both the cause and the consequence of the disintegration of the Mughal Sultanate. On the one hand, the rise of the Sikhs was among the reasons for the crumbling of the imperial authority in the Punjab. On the other hand it was the reaction to that process: the crumbling of the empire emboldened the discontented landowners, peasants and other social groups to more and more actions contributing to further disintegration of the empire.

In 1739 the Mughal Sultanate received a devastating blow as Nadir Shah of Iran invaded India and sacked Delhi. It played into the Sikhs' hands since the imperial edifice was shaken yet more. The Mughal authorities responded by another round of repressions which in 1746 culminated in what is called in the Sikh history the Lesser Massacre (*Chhota Ghallughara*). But the Sikhs continued resistance and organized into eleven detachments (*misals*) under military commanders (*sardars*) who were taking more and more of the Punjabi territory under control offering effective protection to villages and towns (Sikh, Hindu and Muslim alike) in exchange for some payment (*rakhi*).

In 1748–67 the Punjab fell prey of nearly annual invasions by a new ferocious conqueror — Ahmad Shah Durrani of Afghanistan. He sacked Delhi in his

turn, regularly looted the North-West India and tried to annex it to his empire. But the Sikhs offered stiff resistance to the new oppressor, and twenty years of bloody confrontation ensued. More than once Ahmad Shah committed sacrilege destroying the Hari Mandir in Amritsar. The Sikhs resisted with all their might and kept showing an amazing ability for self-sacrifice in the name of their religion. In 1762 Ahmad Shah subjected the Sikhs to what they term the Great Massacre (*Vadda Ghallughara*) not only defeating their large army, but butchering thousands of women and children.

However the Sikhs did not give in. The guerrilla warfare was spreading and the territory under the Afghan control was shrinking unceasingly. Ahmad Shah had less and less ability to withstand the Sikh raids. Finally he found his way to India altogether blocked by the Sikhs in the ascendant. They proved to be a geographic shield of India virtually protecting it from the north-western incursions. By the late 1760s the sardars of the misals established their own power all over the Punjab dividing the land between them in principalities. The misals transformed from clan-based military detachments into territorial polities. The Sikhs won their independence, and the Land of the Five Rivers was theirs. In the history of South Asia the Sikhs were the only power that challenged the Mughal shah as a supreme ruler, for all others (British East India Company included) were willing to keep recognizing his authority *de jure*.

The fifth period (second half of the eighteenth century, 1765–99 to be exact) was the misal period, the epoch of political division. The defeat of all external enemies brought the end of the Sikh unity. Their patrimonies (Ahluwalia, Bhangi, Ramgarhia etc.) wallowed in intestine strife. The kaleidoscopic unions of misals fought against one another and constantly rearranged. The founders of the misals were charismatic leaders, self-made sardars, but many of their successors proved to be unworthy which led to the weakening of most of the misals (Arabic historian Ibn Khaldun's famous cycles are relevant here).

At the same time the Sikhs continued to wage war against the Afghans and the Mughals. In the west and south they were pushing the Afghans back. In the east they were making raids into the stump of the Mughal Empire around Delhi and Agra. In 1783 the Sikhs even took possession of the imperial capital and built seven gurdwaras there as tokens of historical revenge. With the conquest of Delhi by the Marathas clashes began with them too.

The 1790s were the period of some recurrence of the Durrani invasions. Ahmad's grandson Zaman Shah came four times to North-West India but because of the Sikh resistance could get no further than Lahore. The leading role in this resistance was played by young Ranjit Singh, the sardar of the Sukarchakia misal. After Zaman Shah was gone, he embarked on an ambitious plan of cumulating the Punjab under his sway liquidating all other misals. In 1799 Ranjit Singh took possession of Lahore which proved the cornerstone of his political rise.

The sixth period (1799–1839) covers the reign of *sarkar* (ruler) Ranjit Singh who united the Punjab and then created a Sikh empire. By fair means or foul he contrived to get control over or annex most of other misals (the process is similar to that of uniting China under Qin Shi Huang back in the third century B.C. or Russia under Ivan Kalita and his successors in the fourteenth – fifteenth centuries A.D.). Yet Ranjit was not a bloodthirsty tyrant and showed magnanimity towards fallen enemies. Having united the Punjab proper he carried expansion beyond its borders wresting Multan, Kashmir and the right bank of the Indus from the Afghans. The Sikh power extended into the Pushtun areas in the west and the mountainous region of Ladakh in the north. The clue to Ranjit's successes was his foresight, strategic vision, ability to pick up talented men and the forging of a strong army along the European lines.

The creation of such an army made Ranjit's Punjab one of the most salient examples of the imitation of European military achievements by Afro-Asian societies. Thus the Punjab joined the number of "para-colonial states" (C. Bayly's term) of the nineteenth century – Oriental polities that coexisted with colonial empires and borrowed much of their methods and technology (other such polities were Muhammad Ali's Egypt, the late Qing and the late Tokugawa regimes, etc.). Meanwhile in terms of the administrative system the Punjabi empire proved to be the last of the successor polities of the Mughal Sultanate. Ranjit restored much of the old imperial structure in the Punjab shattered by the struggle within the Mughal elite and the Sikh rebellion as well as the Afghan invasions of the eighteenth century. In general the peace brought by the creation of an empire – *Pax Ranjitica* we can call it – was conducive to the security and prosperity of the country.

One of the reasons for Ranjit Singh's successes was his wise friendship with the most powerful neighbour of the Punjab, i.e. the British East India Company. In the middle of the eighteenth century the latter began to turn from a commercial corporation into a territorial empire. In the early nineteenth century the expansion of that empire reached Delhi. In 1809 Ranjit signed a treaty of amity with the Company and ever since maintained good relations with it. However, in the 1830s he had to yield to the British in certain points, for instance, to give up his aspirations for Sind and to participate, though formally, in their invasion of Afghanistan.

The reign of Ranjit Singh is perceived as the "golden era" of the Sikh history when the community's military and political might was at its greatest. It was also the time of the rise of Sikh culture – the development of Punjabi poetry and the birth of Sikh miniature. Ranjit has gone down in history as a strong, moderate and benevolent ruler. Thanks to the secular character of his empire and his emphasis on meritocracy he can be called Akbar in miniature.

The seventh and last period (1839–49) of the epoch under study in the book is that of the struggle for power among Ranjit's successors, the rise of conflict

with the British East India Company and ultimately two hard-fought Anglo-Sikh wars which ended with the annexation of the Punjab by the British Empire.

After Ranjit Singh's demise in 1839 centrifugal forces were unleashed. Ranjit's empire was not a state in the strict sense of the term, but a classic patrimonial polity built around its founder and focused on him personally. Three of the four Ranjit's successors were either weak rulers or minors, not popular with the army and unable to play one group of the nobility against another as Ranjit had always done. The existence of a strong army tempted Ranjit's successors to use it in the struggle with rivals for power. A sequence of bloody palace coups ensued. But the army felt its political strength and soon took the reins of government into its own hands. It was a curious divergence from the usual patrimonial polity: though its charismatic leader was dead and the polity began to fall apart, the democratic institution of Guru Gobind's Khalsa – personified in Ranjit's army – prevailed and the latter effectively restored order not letting the empire disintegrate. It is difficult to say how long the army would have been successful in keeping things in order, had not the fatal blow to the Punjab come from without. The long shadow of an external enemy fell on the Land of the Five Rivers.

In Ranjit Singh's reign the British East India Company saw his empire as a convenient buffer between its dominions and Central Asia and Iran. After his death, however, mutual distrust grew fast. The Sikhs clearly saw the power of the Company creeping all over South Asia turning polities into its satellites and feared they would be next on the list. The Company was indeed determined to put an end to the last independent polity in India. Besides, it feared that the end of the Lahore *darbar's* (court's) control over the Sikh army would result in its predatory raids into the British territory. The *darbar* was willing to provoke its own army to invade the Company's possessions in order to have it crushed by foreign hands to get free from its control.

The first Anglo-Sikh war (1845–46) proved to be extremely hard for both sides. The British greatly underestimated both technical and moral strength of the opponent and paid dearly. Unlike purely mercenary armies of most other Indian polities the Sikhs fought for their motherland to which they felt strong attachment and political power in which they had gained through much suffering. The battle of Ferozeshahr was nearly won by the Sikhs, had it not been for the treachery of their commander-in-chief in league with the British. The Company managed to defeat the Sikhs only by a colossal effort. In a way the Anglo-Sikh war can be called Napoleon's farewell shot at the British, for many of the European officers hired in the 1820–30s by Ranjit to build his army had served the emperor of the French. After the decisive battle at Sobraon the Punjab became the Company's protectorate. The *darbar* achieved its goal to escape the army's control, but the British took more power than were expected to. This engendered resentment.

The second Anglo-Sikh war (1848–49) technically was a revolt of the Multan province and part of the army against the minor sarkar Dalip Singh and the darbar controlled by the British resident in Lahore. The Sikhs again unpleasantly surprised the enemy by the toughness of their resistance. Heavy losses sustained in the battle of Chillianwala impressed the British public opinion even stronger than the Kabul catastrophe of 1842 during the first Anglo-Afghan war. At last the Company crushed the Sikh army in the battle of Gujrat. The Anglo-Sikh wars were the hardest both for the Sikhs and the Company. The British Empire probably never faced so formidable an antagonist in the Afro-Asian world with the exception of Japan in the Second World War.

In 1849 the governor-general of British India, the Marquess of Dalhousie, made the war his pretext to put an end to the Punjabi polity. To the astonishment of many Indians and even British in London he deposed sarkar Dalip Singh (r. 1843–49) and annexed the country breaking treaties with it. However the Company carried out a complex of sound social and economic reforms in the country, so that during the Sepoy rebellion of 1857–59 the Sikhs stood by the British. In the British Empire the Sikhs came to occupy a merited place heading the list of “martial races” and constituting the best troops of the Indian army, as well as populating one of the richest parts of India.

(Though the chronology of the main part of the book is limited by the epoch of the late fifteenth – mid-nineteenth centuries, the author gives in his Conclusion a sketch of the later history of the Sikhs to this day, relating of the Namdhari and Singh Sabha movements, the Gurdwara reform movement, *Shaheed* Bhagat Singh, the operation “Blue Star”, etc.)

The Sikh history serves as one of the most conspicuous examples in world history of a religious community transforming into a militarized brotherhood and creating a polity of its own. The ideas fastening the community together experienced great evolution too: from the non-violence preached by Guru Nanak to the idea of an eye for an eye preached by Guru Gobind Singh, the idea of raising a sword in a just cause. Sikh Gurus made a long way from a peaceful teacher to the leader of a warrior community. Accordingly, their followers made a long way too – from just a Sikh to a Singh, from a humble pupil of a Guru-preacher to a lion-warrior ready to die with and for his Guru-general.

Historical parallels can be seen between the Sikhs on the one hand and the Cathar and Hussite movements in medieval Europe on the other. In both cases a religious community was subjected to severe persecutions and had to take arms as a last resort (though only the Sikhs emerged victorious). As Guru Gobind Singh wrote in his poem *Zafarnama*: *Only when all other means have proved useless, it is allowed to raise a sword.*

In the Sikh religious community the potential of transforming into a polity was already there from its birth at the beginning of the sixteenth century, though lay

dormant for a while. This potential consisted in the social orientation of Nanak's teaching and in its aiming at overcoming social injustice. The figure of the community's leader having enormous moral authority over his followers, to this should be added. When conditions turned favourable, the potential began slowly to unfold, to materialise itself. As a result the Sikhs got a community-polity: a religious community having passed the stage of a military brotherhood (the Khalsa) took political power in the land. One should make an important reservation: the said favourable conditions were the strengthening pressure on the Sikhs by the brahmins, the Shivalik rajas and the Mughal authorities. The conditions were favourable not for concrete people, of course — on the contrary; suffice it to recall the martyrdom of three Gurus — Arjan, Tegh Bahadur and Gobind Singh. They were favourable for the development of the Sikh community as a germ of a polity, they made the Sikhs resist more and more actively and turn in the process into a military and political power. The forging by Guru Gobind of an expressly militarized community was in fact a *conditio sine qua non* of the Sikhs' survival as adherents of a persecuted religion.

This process partly reminds us of the unfolding of potential of another power — not an Indian one, but closely connected with the Indian history, i.e. the East India Company as described by the same author in the monograph *Power-merchant: The Relations of the English East India Company with the English State and Indian Patrimonies* (Moscow, 2006). It is symbolic that in the end these two powers, the Sikhs and the Company, clashed with one another for control over a strategically important country of South Asia.

To overcome all colossal difficulties that fell on them and to occupy a prominent place in the contemporary Indian society, the Punjabi Sikhs were aided by many wonderful qualities that in fact became part of the national character: persistence, diligence, endurance, unpretentiousness, self-respect, spirit of enterprise, the ability to adapt themselves to changing circumstances. Many of the enumerated qualities are caused by the peasant — the Jat — origin of the large part of the Sikhs. Sikhism has just strengthened these qualities. For instance, it encourages physical labour. It were the Gurus themselves who gave the lead: Nanak worked in the field at Kartarpur, Amar Das carried water for Angad at night, Ram Das carried baskets of earth at the construction of Amritsar, etc. The active stand in life strengthened the enterprise in their followers. This has rendered the Sikhs so mobile and willing to try their luck in other regions of India and abroad where they, the Scots of India, have achieved much as well. It is not only their openness to the outer world that makes the Sikhs resemble the Scots, but the inclination to military service too.

In everyday life the Sikhs are friendly and benevolent people. They are stern sometimes in appearance, but reply sympathy with sympathy. They have no objection to eating and with peasants' wisdom consider a person's capacity for work to depend directly on the amount of consumed food. There is a Sikh proverb: "He

who eats two pounds a day works like a lion; he who eats just eight ounces works like ashes”.

The inhabitants of South Asia are generally peaceful and quiet. Conquerors took advantage of this for centuries. However every patience has its limit. The proof is the entire history of the Sikhs. Their rise to a large degree was a reaction to the oppression by a foreign power or a threat of its establishment in the Punjab — first the Mughal power, then the Afghan one and finally the British one. Indians are mild people, but if one wears them enough, the result can be, for instance, the Sikhs — a “lion” people of warriors grown in a country which for many hundreds of years was trodden by invading armies. The force of circumstances has mitigated usual Indian quietism. Thus in the sixteenth century the Punjab found itself between the Mughal hammer and the Afghan anvil (Babur’s invasions into the Lodi sultanate), two centuries later — vice versa, between the Afghan hammer and the Mughal anvil (invasions of Ahmad Shah Durrani into the Mughal Sultanate).

The Sikhs are sometimes accused of being somewhat thick-skinned; but this very fact has helped them to survive. Where are the Mughals, the Durranis, the British Empire now? *Vixerunt*. But the Sikhs live and prosper, and not only in their native India.

In world history there are few examples of religious or any other communities that were subjected to such cruel persecution by the authorities and resisted this oppression with such unyieldingness, not being crushed in the end. More than once the Sikh community suffered horrible defeats (the defeat of Gobind Singh after the exodus from Anandpur in 1704, the rout of Banda Bahadur in 1715, the Great Ghallughara of 1762). Yet each time the community was reborn as a phoenix from its ashes. In their struggle with external enemies the Sikhs used alternating tactics in different periods of their history. Sometimes they pushed forward a charismatic leader who effectively organized their resistance (Gurus Hargobind and Gobind Singh, Banda Bahadur, sarkar Ranjit Singh, partly sardars Kapur Singh and Jassa Singh Ahluwalia). Sometimes they self-organized thanks to their double democratic (the Jat caste plus the egalitarian religion) basis (it happened after Banda’s martyrdom and during the Anglo-Sikh wars). Just as the Khalsa turned out to be Gobind Singh’s heir, the European-modeled Sikh army became Ranjit Singh’s heir. Both leaders did not leave able successors (Gobind — physically: all four of his children perished; most of Ranjit’s children were weak-willed or minors). But in each case the late leader’s cause was upheld and defended by an armed mass of the Sikhs. If one takes an example from the Indian mythology, the said alternating versions can be compared to the two appearances of Lord Krishna in the poem “Bhagavadgita”: on the one hand he is the God in a human form, being a charioteer of Arjuna, one of the Pandava brothers; on the other hand he is the fierce God of many faces with flaming jaws revealing himself to the suddenly frightened Arjuna.

Both the Mughals and the Afghans broke their trained fangs on the Sikhs; the British nearly broke theirs. The resilient Sikhs matured in spite of the inimical environment — it served to catalyze their unity. They have firmly gone down in history as unbending warriors who preferred against great odds to go underground, to live in the wilderness and not losing courage in a virtually hopeless situation to wage persistent and uncompromising guerrilla warfare. In this the Sikhs remind us of the Serbs (resistance offered to the Ottoman onslaught and then yoke), the Lithuanians (resistance offered to German knight orders), the Russians (patriotic wars against Napoleon and Hitler), the Pushtuns (wars against the British Empire, the USSR and the US), the Vietnamese (centuries-old resistance offered to Chinese empires and in the nineteenth and twentieth centuries — to the French and the Americans).

The Sikhs have honestly earned their “lion” names (Singh) by centuries of resistance offered to mortal enemies, having paid in torrents of their own blood. Remembering the prominent part played by the Sikhs in the armed forces of present-day India, one can say that they remain the defenders of her independence in much the same way as in the eighteenth and nineteenth centuries objectively were on the watch of the Indian subcontinent guarding it from external aggression. The teaching of Guru Nanak eventually presented India not only with the idea of social justice which in such a practical aspect as in Sikhism is hardly preached by any other Indian religion, but also with an entire people of valiant warriors — the Lions of the Five Rivers’ Land.